

РУССКАЯ
МЫСЛЬ.

ГОДЪ ТРЕТІЙ.

ФЕВРАЛЬ.

МОСКВА.

1882.

О Г Л А В Л Е Н І Е.

	<i>Стр.</i>
I. 31-ЯНВАРЯ 1881 ГОДА. Стихотв.—А. Л. Боровиковскаго . . .	I.
II. ГОЛЬ. Романъ. Часть первая, кн. II.—А. Михайлова	1
III. МАЗЕПА. Монографія. Главы IV и V.—Н. И. Костомарова . . .	54
IV. ЗДОРОВЬЕ РУССКАГО НАРОДА ВЪ СВЯЗИ СЪ УСЛОВІЯМИ ЕГО БЫТА. I.—М. М. Покровскаго	105
V. МИХАИЛЬ ЮРЬЕВИЧЪ ЛЕРМОНТОВЪ. Юность поэта. Гл. V и VI.—П. А. Висковатова	150
<p style="margin-left: 2em;">Не изданныя юношескія стихотворенія М. Ю. Лермонтова: Сижу я въ комнатѣ старинной (стр. 167).—Дереву (стр. 170).—Все тихо. Полная луна (стр. 172).—Два стихотворенія Сабуровой (стр. 173, прим.).—Щербатовой (стр. 174, прим.).—Передо мной готическое зданье (стр. 179).—Пора уснуть мнѣ наконецъ (стр. 180).</p>	
VI. ОЧЕРКЪ ВНУТРЕННЯГО УПРАВЛЕНІЯ ВЪ РОССІИ, НАЧИНАЯ СЪ МОСКОВСКАГО ПЕРІОДА. <i>Продолженіе</i> .—Н. П. Колупанова	184
VII. ВЪ ГОРАХЪ И СТЕПЯХЪ БАШКИРИИ. I: НИКИТИНЪ ПОЧИНОКЪ.—Ф. Д. Нефедова	210
VIII. ГУСТАВЪ ФЛОБЕРЪ. Брандеса. Переводъ	233
IX. АМЕРИКА ВЪ РОССІИ. Гл. IV—VII.—В. И. Немировича-Данченко	268
X. ГОСУДАРСТВО И САМОУПРАВЛЕНІЕ. Историко-юридическіе очерки. Гл. I и II.—В. А. Гольцева	302
XI. ГОСУДАРСТВЕННАЯ РОСПИСЬ НА 1882 ГОДЪ. I.—А. А. Головачова	317
XII. ДОНЪ-ЖУАНЪ. Байрона. Пѣсня пятая. Переводъ въ стихахъ. I—LXIII.—П. А. Козлова	353
XIII. КЪ ВОПРОСУ О ВОЛЬНЫХЪ ЛЮДЯХЪ.—П. Георгіева	1
XIV. О НОВЫХЪ КНИГАХЪ:	
<p style="margin-left: 2em;">«Паденіе крѣпостнаго права въ Россіи». И. Иванюкова.—«Изъ моихъ наблюденій по крестьянскому дѣлу». Ѳ. М. Уманца. — «Женщина». А. Ф. Швейтеръ-Лерхенфельда. Перев. съ нѣмецкаго М. И. Мерцаловой.—Н. . . . .</p>	
	14
<p style="margin-left: 2em;">«Земскіе вопросы. Очерки и обзорнія». Г. Скалона.—В. Г. . . . .</p>	
	30

РУССКАЯ МЫСЛЬ.

РУССКАЯ МЫСЛЬ

ЖУРНАЛЬ

НАУЧНЫЙ, ЛИТЕРАТУРНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКИЙ.

ГОДЪ ТРЕТІЙ.

КНИГА II.

МОСКВА.

1882.

Редакція и контора журнала: Долгоруковская
улица, въ домъ Дреземейеръ.

Отдѣленіе конторы: Петровскія торговыя линіи,
кварт. № 61.

Типо-литогр. И. Н. Кушнеревъ и К°, Пименовская ул., д. Кушнеревей.

PRESERVATION
REPLACEMENT
REVIEW ordered 3/27/84

UNIV. OF CALIFORNIA
~~WITHDRAWN~~

AP50
R875
V. 3:2
MAIN

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	<i>Стр.</i>
I. 31 ЯНВАРЯ 1881 ГОДА. Стихотв.—А. Л. Боровиковскаго. . .	I.
II. ГОЛЬ. Романъ. Часть первая, кн. II.—А. Михайлова.	1
III. ЖАЗЕНА. Монографія. Главы IV и V.—Н. И. Мостемарова .	54
IV. ЗДОРОВЬЕ РУССКАГО НАРОДА ВЪ СВЯЗИ СЪ УСЛОВІЯМИ ЕГО БЫТА. I.—М. М. Покровскаго	105
V. МИХАИЛЬ ЮРЬЕВИЧЪ ЛЕРМОНТОВЪ. Юность поэта. Гл. V и VI.—П. А. Висковатова.	150
Не изданныя юношескія стихотворенія М. Ю. Лермон- това: Сижу я въ комнатъ старинной (стр. 167).—Де- реву (стр. 170).—Все тихо. Полная луна (стр. 172).— Два стихотворенія Сабуровой: (стр. 173, прим.).—Щер- батовой: (стр. 174, прим.).—Передо мной готическое зданье (стр. 179).—Пора уснуть мнѣ наконецъ (стр. 180).	
VI. ОЧЕРКЪ ВНУТРЕННЯГО УПРАВЛЕНІЯ ВЪ РОССІИ, НАЧИ- НАЯ СЪ МОСКОВСКАГО ПЕРІОДА. <i>Продолженіе</i> .—Н. П. Ко- люпанова	184
VII. ВЪ ГОРАХЪ И СТЕПЯХЪ БАШКИРИИ. I: Низитинъ по- чинокъ .—Ф. Д. Нефедова	210
VIII. ГУСТАВЪ ФЛОБЕРЪ. Брандеса. Переводъ	233
IX. АМЕРИКА ВЪ РОССІИ. Гл. IV—VII.—В. И. Немировича- Данченко	268
X. ГОСУДАРСТВО И САМОУПРАВЛЕНІЕ. Историко-юридическіе очерки. Гл. I и II.—В. А. Гольцева.	302
XI. ГОСУДАРСТВЕННАЯ РОСПИСЬ НА 1882 ГОДЪ. I.—А. А. Головачова.	317
XII. ДОНЪ-ЖУАНЪ. Байрона. Пѣсня пятая. Переводъ въ сти- хахъ. I—LXIII.—П. А. Козлова.	353
XIII. КЪ ВОПРОСУ О ВОЛЬНЫХЪ ЛЮДЯХЪ.—П. Георгіева. . .	1
XIV. О НОВЫХЪ КНИГАХЪ:	
«Паденіе крѣпостнаго права въ Россіи». И. Иванюко- ва.—«Изъ моихъ наблюденій по крестьянскому дѣлу». Ө. М. Уманца. — «Женщина». А. Ф. Швейгеръ- Дерхенфельда. Перев. съ нѣмецкаго М. И. Мерцало- вой.—К.	14
«Земскіе вопросы. Очерки и обзорнія». Г. Скалона.— В. Г.	30

852107

- С
- XV. О САРРЪ БЕРНАРЪ И ЕЯ РЕПЕРТУАРЪ НА МОСКОВСКОЙ СЦЕНЪ. — Евгений Туръ . . . . .
- XVI. ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ. — снаго . . . . .
- XVII. ЗАМѢТКИ ПО ВНѢШНИМЪ ДѢЛАМЪ. — А. А. Майнова . . . . .
- XVIII. ХРОНИКА ФРАНЦУЗСКОЙ ЖИЗНИ:

Гг. Мирибель и Вейссъ. — Вопросъ о пересмотрѣ конституціи. — Виѣшнія дѣла. — Процессъ Рошфора. — Избраніе въ сенаторы майора Лабордера. — Положеніе министерства. — Флоке префектъ Сены и Камескасъ префектъ полиціи. — Уличные безпорядки и митингъ въ Елузее Монтартре. — Перепись Парижа. — Финансовый погромъ. — Новыя книги: «Редидивиты», Жоржа Рейнатъ, и «Ламенне и его учіе», аббата Рикаръ. — Обзоръ періодическихъ изданій. — Театры. — Выставка Верещагина. — Ночлежные приюты. — Похороны Герольда. — W*** . . . . .

- XIX. ОБЪ ОСНОВАНІИ ВЪ МОСКВѢ ПРИЮТА ДЛЯ НЕИМУЩИХЪ ПРИСТАНИЩА ЛИЦЪ, ВЫХОДЯЩИХЪ ИЗЪ СТАРО-БѢТАРИНИНСКАГО ОТДѢЛЕНІЯ БОЛЬНИЦЫ ДЛЯ ЧЕРНОРАБОЧИХЪ. 1

Приложеніе: АМЕРИКАНСКІЕ ОЧЕРКИ Димменса. Переводъ съ англійскаго. Гд. III—VII . . . . .

31 января 1881 года *)

(Дѣтямъ.)

Толпа идетъ, идетъ... Ужь тѣ давно прошли,
А эти все идутъ... И тамъ идутъ, взгляни ты...
Вѣнки... Еще вѣнки... А сколько пронесли,
И каждый съ надписью, цвѣтами перевиты!...

Смотри, дитя мое, печаль и—торжество!
Хоронить въ этотъ день и—празднуетъ столица.
Ты знай: въ исторію народа твоего
Сегодня пишется хорошая страница.

А тридцать лѣтъ назадъ, въ началѣ жизни, онъ,
Чей гробъ теперь несутъ усыпанный цвѣтами,—
Онъ шелъ задуманный, и тяжкій сердца стонъ
Старался заглушить, бряцая кандалами.

Потомъ, дитя мое, поймешь ты смыслъ того,
Что говорю тебѣ пока однимъ намекомъ...
Но *цѣти* и—*цвѣты*!... Для сердца твоего
И это ужъ звучитъ внушительнымъ урокомъ.

Онъ въ «мертвомъ домѣ» жилъ. Тамъ люди заперты
Отъ жизни, отъ надеждъ,—заброшенъ ключъ отъ двери...
И тамъ, среди цѣпей, онъ отыскалъ цвѣты—
Въ сердцахъ людей, людьми отвергнутыхъ какъ звѣри.

Внимали съ трепетомъ его рассказамъ мы...
Пусть узники его привѣтствуютъ какъ брата!
Вотъ—«отъ суда» вѣнокъ... А гдѣ же отъ тюрьмы?
Гдѣ ты, вѣнокъ изъ слезъ и вздоховъ каземата?

*) Похороны Достоевскаго.

И властнымъ голосомъ твердилъ онъ вновь и вновь
 Счастливымъ—о судьбѣ униженныхъ, несчастныхъ:
 О чемъ ни говорилъ, къ нимъ призывалъ любовь
 Въ рѣчахъ, то горестныхъ, то вдохновенно-страстныхъ.

Когда же начиналъ о дѣтяхъ онъ рассказъ,
 О бѣдныхъ, сиротахъ,—какой тоской сердечной
 Звучала рѣчь его! Какою, всякій разъ,
 Онъ вдохновлялся къ нимъ любовью безконечной!

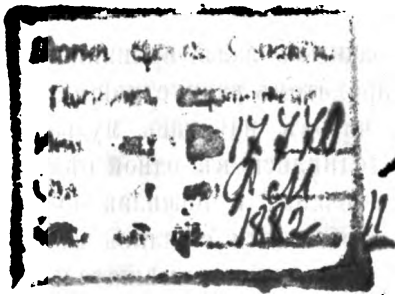
Я не могу безъ слезъ страницы тѣ читать.
 И если плакалъ я, то что же будетъ съ вами?
 Вы, чистыя сердца, вы будете рыдать,—
 Рыдать отъ всей души,—хорошими слезами!

... Судомъ исторіи свергались алтари,
 Судились гении... Ты будь правдивъ, историкъ:
 Какой найдешь въ жемъ грѣхъ, всю правду говори,
 Хотя бы твое упрекъ былъ тягостенъ и горекъ...

Но, совершая судъ, напомнимъ громко намъ
 Тѣ вдохновенныя, возвышенныя строки,
 Откуда черпали мы все и ты—ты самъ—
 Любви, прощенья великіе уроки!

А. Л. Боровиковскій

С.-Петербургъ.
 31 января 1881 года.

ГОЛЬ.

РОМАНЪ.

(Посвящается князю Д. П. Голицыну.)

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

КНИГА ВТОРАЯ*).

I.

Въ домѣ князя Александра Владиміровича Русова была устроена на второй день Рождества ёлка.

Княжеская ёлка отличалась всегда особеннымъ блескомъ и въ то же время какими-нибудь филантропическими затѣями. Хозяйка дома, княгиня Марья Львовна Русова, была большая охотница до этихъ затѣй. На этотъ разъ она хлопотала объ ёлкѣ болѣе, чѣмъ когда-нибудь, придумавъ новое развлеченіе. Весь барскій домъ въ назначенный для ёлки день къ вечеру ярко освѣтился огнями. Съ улицы могло показаться, что бельэтажъ охваченъ внутри пожаромъ. На ёлку съѣхались сотни людей. Атласъ, бархатъ, кружева дамскихъ нарядовъ перемѣшивались съ блестящими статскими и военными мундирами мужчинъ. Драгоценные каменья, золото и серебро дамскихъ украшеній, эполеты, ордена и звѣзды кавалеровъ— все это ярко блестѣло, озаренное сотнями свѣчей, все это отражалось и повторялось въ цѣломъ рядѣ зеркалъ. Среди взрослыхъ мелькали граціозныя фигурки дѣтей, дѣвочекъ въ воздушныхъ коротенькихъ платьяхъ, съ массами бантовъ и кружевъ, и мальчиковъ въ изящныхъ курточкахъ, въ мундирчикахъ пажей, правовѣдовъ и лиценстовъ. Во всѣхъ комнатахъ слышался оживленный шумъ отъ шелеста шелка, тихаго говора, сдержаннаго смѣха, легкихъ шаговъ по паркету. Въ освѣ-

*) «Русская Мысль» кн. I.

женномъ воздухѣ парадныхъ залъ, принявшихъ видъ волшебнаго сада, вѣяло тонкимъ ароматомъ распустившихся цвѣтовъ и духовъ.

Ровно въ восемь часовъ началась музыка и подъ ея звуки всѣ группы гостей столпились въ одной бѣлой залѣ, въ два свѣта, гдѣ молоденькая хозяйка и пожилая гувернантка ея дѣтей уже распоряжались, чтобы дѣти сошлись въ пары. Послѣ неизбежной путаницы и маленькихъ замѣшательствъ вереница дѣтскихъ паръ была составлена и, подъ предводительствомъ хозяйки, съ гувернанткой въ аррьергардѣ, направилась черезъ круглую залу въ длинную столовую. Къ круглой залѣ съ одной стороны примыкала бѣлая зала; съ боковъ круглой залы находились двѣ длинныя комнаты—столовая и картинная галлерей. Эти двѣ комнаты, какъ и бѣлая зала, отдѣлялись отъ круглой залы громадными арками съ массивными портьерами изъ темно-краснаго бархата. Когда дѣти подошли къ столовой залѣ, портьеры раздвинулись и передъ дѣтьми открылась длинная комната съ рядомъ столовъ, уставленныхъ небольшими ёлками и массой самыхъ разнообразныхъ вещей, шерстяныхъ косынокъ и шарфовъ, пестрыхъ ситцевъ и дѣтскихъ сапогъ. Ёлки были украшены свѣчами, фонариками, пряниками и орѣхами.

Кто-то изъ дѣтей тихо воскликнулъ:

— O, c'est charmant!

Кто-то другой также тихо замѣтилъ ему:

— Tais-toi, c'est pour les gueux!

Бнягиня уже командовала, чтобы размѣстили дѣтей по мѣстамъ.

Къ каждой ёлкѣ начали разставлять по группѣ мальчиковъ и дѣвочекъ, стараясь къ каждой группѣ поставить и кого-нибудь изъ взрослыхъ. Когда всѣ дѣти были разставлены по мѣстамъ отворилась противоположная арка дверь и въ нее хлынула толпа совсѣмъ иныхъ дѣтей. Тутъ не было ни локоновъ, ни яркихъ цвѣтныхъ лентъ, ни воздушныхъ платицевокъ, ни мундирчиковъ ни перчатокъ. Грубые сапоги и башмаки, ситцевыя платья и рубашонки, шерстяные и бумажные платочки на головахъ дѣвочекъ, какія-то неуклюжія пестрыя косынки вмѣсто галстуковъ на шеяхъ мальчиковъ—все это ясно говорило, что это-то и былъ тѣ gueux, та голь перекатная, для кого устраивалась здѣсь ёлка. Въ комнату пахло свѣжимъ воздухомъ, улицей. Сначала всѣ эта толпа бойко хлынула въ открытую дверь и въ комнатѣ раздалось даже нѣсколько громкихъ возгласовъ:

— Смотри-ка, смотри! Горить! Эва, какія ёлки!

И вдругъ разомъ все смолкло; маленькіе дикари увидели другихъ людей, баръ, и попятились пугливо назадъ, надавивъ на задніе ряды. Находившіеся сзади первыхъ ребяташки приподнялись на цыпочки и ихъ любопытные глазенки старались черезъ головы передовыхъ товарищей взглянуть, что дѣлается впереди. Въ комнатѣ послышалось тяжелое дыханіе стѣснившихся въ одну кучу ребяташекъ.

— Идите, идите, дѣти! Не бойтесь. Это для васъ. Подходите!—ободрила ихъ княгиня.

Дѣти не трогались съ мѣста и все пятились назадъ.

Княгиня, наконецъ, взяла за руку одну изъ дѣвочекъ, стоявшихъ впереди, и повела ее къ столу. Дѣвочка совсѣмъ потупилась, засунула палецъ въ ротъ и глядѣла изъ подлобья, повиdimому, готовая расплакаться. Въ ту же минуту, совершенно неожиданно, изъ этой толпы, сильно работая локтями, выбирался одинъ мальчуганъ въ шумящей ситцевой рубашкѣ, съ густо-напомаженною масломъ головой, съ вспотѣвшимъ отъ усилій лбомъ, и, бойко стуча на ходу большими сапогами, пошелъ впередъ. Въ толпѣ голи раздался удивленный шепотъ:

— Васька-то, Васька-то какъ духу набрался!

Въ толпѣ барскихъ дѣтей и гостей раздался легкій, сдержанный смѣхъ.

— Куда идти-то?—рѣзко спросилъ вдругъ Васька, останавливаясь по срединѣ комнаты и оглядывая присутствующихъ бойкимъ взглядомъ.

— Къ намъ, къ намъ!—дружно крикнули барскія дѣти, забывъ въ минуту веселаго настроенія и приличіе, и чинность.

Васька увидѣлъ нѣсколько разомъ протянувшихся къ нему съ подарками рукъ и сталъ поспѣшно забирать все, что ему предлагали.

Этотъ веселый эпизодъ сразу ободрилъ остальную мелкую голь, увидавшую, что Васька набралъ полныя руки подарковъ, и она двинулась впередъ, на приступъ, протягивая руки за подарками. Въ комнатѣ начались шумъ, топотъ, говоръ, смѣхъ. Ребяташки смѣшались вмѣстѣ, толкались, обгоняли другъ друга. Княгиня была очень довольна оживленіемъ, царствовавшимъ на этой «благотворительной ёлкѣ». Столы быстро начали пустѣть. Нѣкоторые изъ бѣдныхъ дѣтей, точно звѣрьки, схватившіе добычу, удирали изъ столовой; другія, заинтересованныя получен-

ными подарками, вертели ихъ со всѣхъ сторонъ въ рукахъ, внимательно осматривая ихъ и сравнивая съ подарками товарищей. Однимъ казалось, что «Машуткѣ лучше ситець достался»; другія утверждали, что «а лучше моего шарфа ни у кого, братцы, нѣтъ». Не обошлось безъ мелкихъ споровъ, перебранокъ и даже щипковъ среди этой уличной мелкоты.

Наконецъ, комната совершенно освободилась отъ нашествія дикарей и остался одинъ виновникъ всеобщаго оживленія, Васька. Онъ развязно обернулся къ присутствующимъ и спросилъ:

— Теперь, значить, можно идти?

— Можно,—отвѣтилъ ему кто-то.

— Значить, больше ничего не будетъ?—спросилъ онъ уже утвердительнымъ тономъ.—Ну, спасибо и на этомъ!

Онъ низко поклонился, встряхнувъ напомаженной головой, и, опять бойко стуча сапогами, пошелъ къ выходу развалистою походкой.

— Смотрите, смотрите, какіе у него сапоги!—вдругъ сдержанно воскликнулъ кто-то, обративъ, вслѣдствіе шума шаговъ, вниманіе на его ноги.

По всѣмъ лицамъ пробѣжала усмѣшка. На Васькѣ были отцовскіе сапоги, достигавшіе ему выше колѣнъ.

— C'est le chat botté!—сострилъ кто-то и по комнатѣ пронесся дружный хохотъ.

«Котъ въ сапогахъ» не удостоилъ даже повернуть головы. Затѣмъ все общество, значительно оживившееся и жужжавшее, какъ пчелиный рой, двинулось изъ столовой черезъ круглую залу въ противоположную комнату. Видъ этой комнаты былъ дѣйствительно великолѣпный. Сотни картинъ на стѣнахъ въ золоченыхъ рамахъ, озаренныя придѣланными надъ ними лампами, два ряда бѣлыхъ мраморныхъ статуй у стѣнъ, десятокъ роскошно убранныхъ ёлокъ со свѣчами и фонарями, масса блестящихъ парижскихъ игрушекъ и бездѣлушекъ изъ бронзы—все это сверкало и поражало глазъ. Здѣсь тоже началась раздача подарковъ, здѣсь тоже слышался радостный шепотъ младшихъ изъ дѣтей, еще не умѣвшихъ скрывать и подавлять свои чувства и ощущенія.

Среди этой массы выдавался только одинъ ребенокъ, выдавался уже по одному своему костюму. Это былъ единственный во всемъ обществѣ гимназистъ. Въ тѣ времена еще рѣдко отдавали въ гимназіи дѣтей знати и высокопоставленныхъ лицъ.

Когда дѣти сошлись, чтобъ идти попарно, княгиня взяла этого гимназиста подъ руку и съ милой улыбкой сказала:

— А ты будешь моимъ пажомъ!

Когда началась раздача подарковъ, она болѣе всего говорила съ нимъ, болѣе всего заботилась о немъ. Такъ заботятся только о самыхъ привилегированныхъ посѣтителяхъ, желая выразить имъ вполне свое уваженіе, или объ облагодѣтельствованныхъ бѣднякахъ, стремясь заставить ихъ забыть ихъ ложное положеніе въ блестящемъ обществѣ. Этотъ мальчикъ былъ впервые на такомъ вечерѣ, хотя въ домъ князя Русова онъ бывалъ уже сотни разъ запросто, въ будничные дни, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, и давно сдѣлался здѣсь своимъ человѣкомъ. Онъ чувствовалъ себя хорошо въ этомъ домѣ, любилъ мягкость княгини, любилъ благосклонность князя, любилъ радушіе ихъ дѣтей, любилъ просторъ и блескъ обстановки этихъ комнатъ, любилъ даже тотъ тонкій аромать фіалокъ, любимыхъ духовъ княгини, запахомъ которыхъ было пропитано все въ этомъ домѣ, — любилъ до того, что княгиня, шутливо называвшая его своимъ пажомъ, говорила, что онъ просто влюбленъ въ нее. Но сегодня... сегодня онъ впервые почувствовалъ себя такъ тяжело, такъ неловко, такъ не на своемъ мѣстѣ въ этомъ домѣ, что готовъ былъ бѣжать отсюда. При появленіи въ столовой бѣдныхъ дѣтей онъ вдругъ весь вспыхнулъ, точно испугавшись, что кто-нибудь изъ нихъ крикнетъ ему: «здравствуй, Митька!» А когда раздался стукъ сапогъ Васьки, въ головѣ мальчугана промелькнула мысль, что Васька точь-въ-точь его двоюродный братъ, сорванецъ Коля, десятки разъ сѣченный за свои проделки и уже не разъ убѣжавшій изъ пріюта. Юный гимназистикъ еще не зналъ слова «нервы», но они у него уже чувствовались, болѣли, тревожили его. Онъ уже понималъ, что какой-то лицеистъ не безъ удивленія осматриваетъ его, какъ нѣчто необычайное, какъ нѣчто невиданное въ этомъ обществѣ. Онъ уже сознавалъ, что княгиня взяла его подъ руку только потому, что она не рѣшилась выбрать ему пару среди этихъ нарядныхъ дѣвочекъ. Надо было много слышаться дома съ колыбели о презрѣннн богатыхъ къ бѣднымъ, сильныхъ къ слабымъ, господъ къ мелкотѣ, чтобы дойти до возможности уже въ годы дѣтства улавливать всѣ эти мелочи. Но стоило взглянуть на эту худенькую высокую фигурку, на это блѣдное личико, то краснѣвшее, то блѣднѣвшее какими-то пятнами, на эти пристальные и серьезные темные глаза, то какъ-то зловѣще вспыхивав-

шіе огонькомъ, то вдругъ словно заволакивавшіеся слезами, и вамъ сразу стало бы ясно, что этотъ ребенокъ много видѣлъ, много испыталъ, много перечувствовалъ.

Бнягиню между тѣмъ осадили дѣти; она не знала, какъ успѣть отвѣтить всѣмъ и каждому на реверансы и расшаркиванія, и мало-по-малу была оттерта отъ своего пажа. Онъ остался позади ея одинъ, всѣмъ чужой, смущенный. У него немного кружилась голова и темнѣло въ глазахъ. Въ минуту за нимъ послышался разговоръ.

— Сынъ генераль-адъютанта, который бываетъ у папа? — скороговоркой говорилъ одинъ голосъ.

— Нѣтъ, кажется. А впрочемъ не знаю!—отвѣтилъ другой. — Мнѣ самому только мелькомъ сказали его фамилію.

— Но онъ гимназистъ?... Зачѣмъ его отдали въ гимназію?

— Я тебѣ говорю, что я ничего не знаю о немъ.

— Странно, если это графъ Орловъ...

Гимназистъ вдругъ обернулся и увидаль за собою двухъ не очень большихъ пажей. Онъ, поблѣднѣвшій, со сверкавшими глазами, прямо взглянулъ на нихъ и отчетливо, немного грубо, сказалъ:

— Я не графъ Орловъ, я—просто Орловъ, и мой отецъ не генераль-адъютантъ, а чиновникъ.

У него перехватило вдругъ духъ. Онъ взволновался теперь гораздо сильнѣе, чѣмъ въ тотъ день, когда вся мелкота Захолустной улицы, увидѣвъ его впервые въ гимназическомъ мундирѣ, помчалась за нимъ съ гиганьемъ и криками: «Митька — красная говядина! Митька—красная говядина!» Пажи какъ будто удивились этой неожиданной и, по всей вѣроятности, совершенно непонятной для нихъ выходкѣ. По ихъ лицамъ скользнула даже улыбка,—такъ смѣшна показалась имъ эта фраза: «я—просто Орловъ». Долго потомъ при встрѣчахъ съ Митей они говорили: «а вонъ и просто Орловъ идетъ». Митя между тѣмъ уже отыскивалъ Лампадова, пробираясь, какъ тѣнь, около стѣнъ, чтобы никого не задѣть и пройти незамѣченнымъ. Старикъ въ простомъ фракѣ старой моды, въ высокомъ бѣломъ галстухѣ, бесѣдовалъ съ какой-то важной особой, когда къ нему подошелъ Митя и шепотомъ сказалъ:

— Дядя, поѣдемъ!

— А танцевать?—спросилъ старикъ.

— Я же не умѣю.

— Ну, посмотришь на другихъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, не надо!—тревожнымъ голосомъ настаивалъ Митя.

Лампадовъ пристально взглянулъ на него и удивился взволнованному выраженію его лица. Старикъ хорошо изучилъ это лицо, измѣнчивое какъ море, то вдругъ озарявшееся какимъ-то блескомъ счастья, то вдругъ темнѣвшее подъ тучами нахлынувшей невзгоды.

— Ну, если хочешь, поѣдемъ,—сказалъ онъ, взявъ его за руку. Я для тебя же пріѣхалъ.

— Да, да, поѣдемъ!—проговорилъ мальчуганъ.

Старикъ подошелъ съ нимъ къ княгинѣ.

Княгиня удивилась, что они уѣзжаютъ такъ рано. Вечеръ въ сущности еще не начинался: дѣтей ждали танцы, чай, конфекты, фрукты. Старикъ объяснилъ, что Митя не танцуетъ и, повидимому, усталъ отъ сильныхъ впечатлѣній. Вѣдь онъ впервые былъ на такомъ вечерѣ. Масса народу, движеніе, ароматы цвѣтовъ, сильныя впечатлѣнія—все это утомляетъ, кружитъ голову, опьяняетъ. Княгиня вполне понимала эти ощущенія. Она ихъ такъ любила. Она дружески протянула мальчику руку; онъ горячо поцѣловалъ ее. Княгиня улыбнулась. У ней никто не цѣловалъ такъ горячо и страстно руки, какъ Митя.

Дорогой старикъ еще разъ спросилъ у мальчугана, почему онъ такъ торопился, не чувствуетъ ли онъ себя нездоровымъ. Митя не могъ ничего отвѣтить. Все, что онъ испыталъ въ этотъ вечеръ, отозвалось болью въ его сердцѣ; но что именно испыталъ онъ, для этого у него не было выраженій, не было словъ. Онъ не зналъ разныхъ большихъ словъ: «я тамъ не на своемъ мѣстѣ», «меня тамъ презираютъ», «княгиня меня точно защищала». Онъ даже не сознавалъ всего этого вполне отчетливо и ясно,—ему было просто безотчетно тяжело, душно и неловко.

Старикъ и мальчикъ довольно долго ѣхали молча, какъ будто задремавъ среди своихъ размышленій, какъ вдругъ Митя отрывисто проговорилъ, точно подумалъ вслухъ:

— Я наступилъ одному господину на ногу и оборвалъ одной дамѣ воланъ!

Лампадовъ расхохотался.

— Такъ вотъ отчего ты бѣжалъ!

Митя быстро возразилъ ему:

— Нѣтъ, нѣтъ, это я раньше еще!

Потомъ онъ опять замолчалъ.

Его теперь мучила мысль о его неловкости. Онъ вдругъ припомнилъ, какъ холодно взглянула на него эта дама, какъ пожалъ плечами этотъ господинъ, какъ онъ, Митя, сказалъ имъ: «пардонъ-съ». Ему казалось, что они, эти мужчина и дама, теперь говорятъ именно о немъ, говорятъ какъ о неучѣ, невѣжѣ, уличномъ мальчишкѣ. Когда онъ будетъ важнымъ-важнымъ господиномъ, онъ нарочно наступитъ имъ на платье, на ноги, и даже не извинится, ни за что не извинится, а только посмотритъ на нихъ, какъ смотрѣлъ на всѣхъ Васька, не боясь никого, не стѣсняясь ничѣмъ. И они не стануть на него смотрѣть съ презрѣніемъ, а будутъ еще улыбаться ему, какъ улыбается его мать, принимая бывшую горничную жены директора. Кто богатъ и важенъ, того всѣ уважаютъ, что онъ ни дѣлай. Богатымъ и балы лучшіе ставятъ въ гимназіи...

— Э, братъ, да ты ужь и заснулъ!—послышался около него чей-то голосъ.

Онъ открылъ глаза: дядя уже рассчитывался съ извозчикомъ; они уже были въ Захолустной улицѣ, погруженной въ полнѣйшій мракъ.

Она, эта улица, со своими незатѣйливыми деревянными домами, покривившимися заборами и колеблющимися подъ ногами мостгами, была все тою же мирною улицей, гдѣ лѣтомъ пылъ слѣпить глаза, гдѣ осенью царствуетъ невылазная грязь, гдѣ зимой не выгребешься изъ снѣгу, гдѣ въ осеннія и зимнія ночи нѣтъ ни фонарей, ни свѣта въ окнахъ, ни шума экипажей, ни говора прохожихъ, гдѣ всѣ жители знаютъ одинъ другаго по имени, отчеству и фамиліи и раскланиваются другъ съ другомъ, гдѣ время не производитъ почти никакихъ переменъ, если не считать переменю то, что и здѣсь рождаются люди, подрастаютъ дѣти и умираютъ старики. И по-прежнему эта улица интересовалась и Орлихой, и самимъ Орловымъ, и Орловской незамужницею, и Орлихинскимъ Митей. Еще бы и не интересоваться ей ими.

— Слава тебѣ Господи! — говорили захолустенцы, — и замужь-то отъ насъ выходила Орлиха, и какъ Митя-то родился всѣ знаемъ, потому сама-то въ тѣ поры чуть не умерла, и погорѣли-то они на нашихъ глазахъ, и ужь чего не натерпѣлись, чего не натерпѣлись тогда!...

Еслибы слушать все, что знала въ лицѣ своихъ обывателей Захолустная улица про Орловыхъ, и въ годъ бы не переслушать

толковъ, тѣмъ болѣе, что Орловы были уже не тѣми Орловыми, какими они были года четыре тому назадъ. Никто этого не зналъ такъ хорошо, какъ Митя. Онъ былъ ребенокъ и при немъ не стѣснялись говорить все. Онъ помнилъ, что до пожара всѣ толки въ его семьѣ сводились къ одному: «сдѣлаемъ вотъ то-то и то-то, и выбьемся изъ нужды, продохнемъ свободнѣе». Теперь было не то: надеждъ не было никакихъ; озлобленіе было на всѣхъ. Купца Пахомова иначе не звали, какъ Иродомъ-кровопійцей и Иудой-хриstopродавцемъ—за то, что онъ сильно поприжалъ семью при продажѣ мѣста и при расчетѣ процентовъ за домъ, и при этомъ шли обобщенія, толки вообще «о купцахъ-живодерахъ», о «проклятыхъ барышникахъ», о «толстопузыхъ разбойникахъ и грабителяхъ». Недостаточность жалованья Орлова давала безконечный матеріалъ для брани высшихъ лицъ, начальства, правительства, всѣхъ тѣхъ, кто сытъ и потому никогда не думаетъ, «каково бѣдному человѣку жить», «каково ему сводить концы съ концами», «каково смотрѣть на убивающуюся отъ нужды и горя семью». Сближеніе съ камеръ-юнгферой «генеральши» было источникомъ раздраженія противъ «холопскаго отродья, ворочающаго дѣлами»; эту «шваль» на порогъ не пустили бы къ себѣ Орловы, еслибъ она не имѣла «руки», еслибъ она «не вертѣла генеральшей»; но мало того, что она сама лѣзетъ, она за собой и своихъ товаровъ, своихъ родныхъ, своихъ пріятелей тащить, и «всѣхъ ихъ ублажай, да угощай», зная, что «имъ слово стоитъ сказать и напакостятъ хуже, чѣмъ какой-нибудь начальнигъ», такъ какъ у насъ «царь жалуетъ, да псарь не жалуетъ». Здѣсь съ крайнею желчностью критиковали и ругали весь общественный строй нашей жизни во всѣхъ ея мелкихъ, будничныхъ проявленіяхъ, на сколько они отзывались на семью. Тутъ разбиралось вкривь и вкось все—экономическое положеніе различныхъ классовъ, общественное и правительственное бездѣйствіе, равнодушіе въ отношеніи мелкихъ работниковъ и система протекцій, пролазничества, наушничества и фаворитизма.

Марья Федоровна была возмущена до глубины души, когда ей пришлось предстать передъ «директоршей» и та фамиллярнымъ тономъ барыни-помѣщицы обратилась къ ней съ вопросомъ:

— Вы сватаете своего племянника за мою Лизу? Но хорошій ли онъ человѣкъ, моя милая?

— Онъ скромный мальчигъ, ваше превосходительство,—отвѣтила Орлова.

— Не пить?... Эти мелкіе чиновники всегда пьютъ.

— Помилуйте, ваше превосходительство, онъ и въ ротъ не беретъ вина.

— Да?... Это хорошо. Я вамъ вѣрю, моя милая, потому это было бы съ вашей стороны не честно, еслибы вы меня обманывали. Я очень дорожу счастіемъ Лизы. Она молочная сестра моего сына и я хотѣла бы, чтобъ она была счастлива.

Потомъ «директорша» небрежно замѣтила:

— Конечно, онъ бѣденъ?... Но вы, моя милая, не безпокойтесь. Мой мужъ постарается вывести его въ люди, если онъ будетъ этого достоинъ. У насъ есть связи. Мнѣ не хотѣлось бы, чтобы Лиза терпѣла нужду... Я сама имъ помогу во всякомъ случаѣ.

Орлова стала благодарить.

— Ахъ, не благодарите, не благодарите! — сказала директорша. — Я сдѣлаю все, что могу. Скажите только своему племяннику, чтобъ онъ берегетъ Лизу, — слышите?

Потомъ «директорша» протянула Орловой руку, но такъ, что эту руку пришлось поцѣловать.

— Точно съ холопкой, точно съ крѣпостной обошлась! — рассказывала дома Орлова про это свиданіе. — Въ глазахъ у меня помутилось, нутро все перевернулось... Да, впрочемъ, чего же и ждать, — сами къ крѣпостнымъ хамамъ въ родню лѣземъ! Такъ, такъ намъ и надо. Еще слава Богу, что по щекамъ не бьютъ да въ шею не выталкиваютъ... Что-жь, вѣдь съ нами и такъ обходиться можно, — не господа какіе-нибудь, а голь перекатная, разночинцы какіе-то!

И рядомъ съ этимъ озлобленіемъ шло лицемѣріе съ застенною злобой въ сердцѣ, низкопоклонство съ проклятіями въ душѣ, знакомыя только тому, кто дошелъ до горькаго убѣжденія, что никакими усилиями, никакими трудами, никакими заслугами нельзя сдѣлать того, что достигается ползаньемъ въ грязи, лизаньемъ чужихъ рукъ, пресмыканьемъ передъ нужными людьми. Купца Пахомова звали въ глаза «отцомъ роднымъ», «благодѣтелемъ»; горничную «генеральши» называли «душечкой», «милочкой», «ангелочкомъ»; нужныхъ гостей изъ лакейства кормили и угощали на убой, приговаривая: «не обидьте», «чѣмъ богаты, тѣмъ и рады», «право, не знаешь, куда васъ и посадить»... За глаза же имъ посылались тысячи чертей въ

догонку и говорилось: «какъ ихъ не разорвало, — все слопають, что ни поставь».

Не было дня, чтобы Марья Федоровна кого-нибудь не выбрала; не было дня, чтобы Андрей Ивановичъ не пожаловался на служебныя неприятности. И тутъ же подлѣ этихъ озлобленныхъ «каторжною жизнью» людей стояла фигура покорной, безропотной мученицы Анны Андреевны, этой жертвы своей привязанности къ семьѣ. Въ памяти Мити навсегда запечатлѣлась эта фигура — худая, блѣдная, похожая скорѣе на призракъ, чѣмъ на живое существо. Мало того, что она работала, не разгибая спины, на семью, — она еще плакала за семью, она еще молилась за семью. Особенно яркимъ осталось въ памяти Мити выражение взгляда Анны Андреевны. Это былъ немного тусклый, полный грусти и холодной покорности, сосредоточенный взглядъ; когда она говорила съ кѣмъ-нибудь, то казалось, что она смотритъ не на собесѣдника, а куда-то дальше, въ безконечное пространство. Этотъ взглядъ, случайно подмѣченный собесѣдникомъ, заставлялъ его вдругъ обрывать начатый разговоръ; онъ точно говорилъ, что ее вовсе не интересуютъ посторонніе разговоры, что она говорить и отвѣчаетъ машинально, безсознательно, тогда какъ думы ея носятъ далеко, далеко. Митя не могъ опредѣлить, что дѣйствовало на него болѣе подавляющимъ образомъ: жолчность матери, или покорность сестры, — крикъ матери: «да ужъ ты-то хоть не суйся подъ руки», или сочувственный вздохъ сестры: «бѣдный, бѣдный мальчикъ». Отъ того и другаго у него было только два рода спасенія: онъ или учился у Лампадова, или мечталъ то одинъ, то съ Настей за той драпировкой, гдѣ когда-то жилъ «дѣдка».

Лампадовъ училъ Митю оригинально: онъ показывалъ ему, какъ надо читать и писать, и рядомъ съ этимъ пояснялъ, какія великія заслуги принесла грамотность, какіе гени науки создались при помощи знанія, какъ легко пропасть человѣку, если у него нѣтъ знаній. Лампадовъ, невольно уклоняясь такимъ образомъ отъ первой и прямой своей задачи обучить Митю грамотѣ, шутиливо говаривалъ, что «имъ покуда торопиться некуда», и самъ не сознавалъ, повидимому, какъ сильно и поспѣшно они забѣгали впередъ, въ ту область, гдѣ иногда у Мити духъ захватывало отъ новыхъ ощущеній. Мальчикъ читалъ еще съ ошибками, но онъ уже мечталъ о Гуттенбергахъ, Фаустахъ, Уаттахъ, Ланкастерахъ, Песталоцци. Возвратившись домой отъ

Лампадова, Митя забивался въ уголь и весь отдавался мечтамъ. Онъ начинались всегда почти съ одной и той же мысли: «я сдѣлаюсь ученымъ, ученымъ и меня произведутъ въ генералы». Затѣмъ шли фантазіи о томъ, какъ онъ «всему, всему научится» и какъ будетъ «самымъ, самымъ главнымъ генераломъ», и что будетъ онъ тогда дѣлать. Онъ и теперь желалъ благодѣлать человѣчеству, только теперь у него было болѣе опредѣленное понятіе о благодѣянiяхъ: онъ хотѣлъ учить, наставлять, просвѣщать человѣчество. Когда Лампадовъ свезъ его впервые въ домъ князя Русова, у Мити сердце замерло при видѣ роскоши барскаго дома, при встрѣчѣ съ хозяйкой этого дома. Ему казалось, что онъ попалъ въ какой-то очарованный замокъ. До этой минуты онъ и вообразить не могъ той роскоши, среди которой онъ вдругъ очутился. Но болѣе всего поразила его сама хозяйка дома. Княгиня Марья Львовна Русова, одной изъ первыхъ красавицъ въ кругу петербургской знати того времени, было тогда всего двадцать шесть или двадцать семь лѣтъ. Граціозная, мягкая въ обращеніи, веселая и шаловливая, какъ молоденькая дѣвушка, она показалась девятилѣтнему мальчугану какимъ-то совершенно инымъ существомъ, чѣмъ всѣ остальные видѣнныя имъ женщины.

— Феи, дядя, вотъ про которыхъ въ сказкахъ пишутъ, такія?—наивно спросилъ онъ у Лампадова, возвращаясь съ нимъ домой послѣ перваго визита къ Русовымъ.

Лампадовъ расхохотался и потомъ передалъ это замѣчаніе княгинѣ. Она тоже много смѣялась надъ этимъ замѣчаніемъ и сказала Митѣ, что она и постарается быть всегда его доброю феей. Она полюбила его—отчасти какъ дѣти любятъ новую игрушку, отчасти какъ добрые люди любятъ нуждающихся въ ихъ помощи слабыхъ ближнихъ. Очень можетъ быть, что она отнеслась бы къ Митѣ менѣе симпатично, менѣе горячо, еслибъ онъ не поразилъ ее сразу оригинальностью своей красоты. Къ красивымъ дѣтямъ почти всегда относятся благосклоннѣе, чѣмъ къ некрасивымъ. Увидѣвъ его впервые, княгиня не могла дать себѣ сразу отчета, хорошъ онъ или дуренъ. Но она не могла оторвать отъ него глазъ,—такъ оригиналенъ былъ этотъ не по лѣтамъ высокій, худенькій мальчикъ, съ тонкими, правильными чертами лица. У него были прямые, совсѣмъ свѣтлые, мягкіе волосы, съ двумя большими вихрами надо лбомъ, выдававшимися впередъ по бокамъ пробора по срединѣ; при этихъ свѣтлыхъ

волосахъ у него были довольно темныя брови и чуть не черныя глаза; эти темно-сѣрые глаза то темнѣли, то прояснялись подѣ длинными, слегка загнутыми вверхъ, темными рѣсницами; ихъ обычное выраженіе было задумчивое и всматривающееся; смѣна блѣдности и легкаго румянца на щекахъ и движеніе тонкихъ, крайне подвижныхъ ноздрей выдавали малѣйшія волненія ребенка, слегка закусывавшего иногда нижнюю губу. Княгиня какъ-то въ путку сравнила его глаза съ моремъ, то темнымъ, то сіяющимъ, смотря по погодѣ.

— Да онъ и весь какъ море, — замѣтилъ Лампадовъ. — У него вѣчно приливы и отливы, затишье и бури. Я иногда просто боюсь за его впечатлительность.

— Но это прелестно, — сказала княгиня. — Въ его душѣ можно читать, какъ въ открытой книгѣ.

Порывистость и страстность во всѣхъ движеніяхъ этого мальчугана тоже не мало забавляли и привлекали княгиню. Ей было пріятно, когда онъ горячо цѣловалъ ея руку, какъ никогда не цѣловали ея рукъ ея дѣти. Она пришла въ восторгъ, когда Митѣ представили впервые ея восьмилѣтняго сына и Митя порывисто обнялъ и разцѣловалъ его, вмѣсто обычныхъ расшаркиваній и рукопожатій. Ее обрадовало, что и ея Саша, забывъ всякую чинность и всякую натянутость, отвѣтилъ искреннимъ поцѣлуемъ на неожиданные поцѣлуи новаго товарища. Мальчиги сошлись сразу.

Возвратившись домой послѣ перваго визита къ Русовымъ, Митя неумолкаемо рассказывалъ дома объ этомъ визитѣ.

— Сама красивая, красивая и пахнетъ духами, — говорилъ онъ, — и все, все духами пахнетъ! На ней бархатное платье, а шея переди голая и все кружева. А кругомъ золото, и стулья золотые, и столы золотые, и все золотое. Полъ такой гладкій, гладкій, лестить и себя въ немъ видишь, а въ стѣнахъ большенныя зеркала и все цвѣты, цвѣты. Теперь ужъ цвѣтутъ у нихъ цвѣты. На столѣмъ блюда серебряныя, кофейникъ серебряный, все, все серебряное. А дѣти завитыя и въ бархатѣ, и въ шелку. Игрушекъ у нихъ много, много, вотъ столько...

Митя показавъ отъ полу выше своей головы. Ему очень хотѣлось связно передать свои наблюденія, но онъ никакъ не могъ; онъ совсѣмъ не умѣлъ еще долго связно говорить, хотя въ его оображеніи такъ ярко рисовалась цѣльная картина всего видѣннаго имъ.

— А картинъ, картинъ сколько! Всѣ въ золотыхъ рамкахъ около нихъ каменные люди. Дядя сказалъ, что ихъ статуями называютъ. Большія такія, бѣлыя, бѣлыя и всѣ безъ одежды Красиво!... А лакеи во фракахъ и въ бѣлыхъ галстукахъ на о нихъ мѣстахъ стоятъ, на дежурствѣ. Княгиня руку дала поцѣловать, я поцѣловалъ, а она меня въ голову чмокнула и потомъ взяла за подбородокъ и посмотрѣла мнѣ въ глаза, а я покраснѣлъ. Князь самъ важный, важный, потрепалъ меня по щекѣ и называлъ фуфлыгой. Только онъ важный, а совсѣмъ простой. Сталъ обо мнѣ дядю выпытывать, все выспрашивалъ, а меня самъ по головѣ гладить. Я у него послѣ завтрака руку хотѣлъ и поцѣловать, а онъ не далъ руки, поднялъ меня и въ губы поцѣловалъ. Потомъ дядя говорилъ, что я ему понравился. Онъ мнѣ тоже понравился.

Марья Федоровна и Анна Андреевна улыбаются, слушая бо- товню возбужденнаго ребенка. Но онѣ слушали только на половине этотъ рассказъ, думая главнымъ образомъ о томъ, чтобы хол князя Русовы оказали какое-нибудь благодѣяніе Митѣ. Больше внимательною слушательницей была Настя. Ей было уже одинадцать лѣтъ и она очень интересовалась всѣмъ, что испытывалъ и о чемъ мечталъ Митя.

Они были закадычными друзьями. Настя одна изъ всѣхъ дѣтей тетки Дарьи осталась жить у Орловыхъ, тогда какъ другіе дѣти тетки—Николай, Алексѣй, Даша и Маша—были пристроены въ пріюты. Настя жила у Орловыхъ не безъ дѣла: ее посылали въ лавки, она, какъ и Митя, иногда приносила дрова и щепу со двора, она училась читать, писать и шить у Анны Андреевны. Она была сыта, обута, одѣта, но нельзя сказать, чтобы ей жилось сладко и весело. На ней отзывался неровный характеръ тетки; на ней отзывалось и уныніе Анны Андреевны. Дѣвочка была живая, бойкая, необузданная: съ матерью она жила въ нещетѣ, но на вольной волѣ, и сытая неволя страшно тяготила теперь. Съ Митей она сошлась быстро: Митя былъ ласковъ, нуждался въ ласкѣ; не мудрено, что онъ обласкалъ и Настю, нашелъ откликъ на эту ласку у дѣвочки, не избалованной нѣжностями. У брата и сестры быстро явились свои секреты, свои радости, свои печали. Они жаловались другъ другу на взрослыхъ: они утѣшались другъ друга, они вмѣстѣ мечтали. И Настя, и Митя спали за драпировкой: Митя на постели покойнаго дѣда, а Настя на дощечкахъ, служившихъ еще недавно постелью Митѣ. Иног-

Настя, поздно вечеромъ, подходила къ кровати Мити въ одной рубашонкѣ и садилась къ нему на постель. Она говорила шепотомъ о своихъ тайнахъ, печаляхъ и радостяхъ, или дурачилась и играла съ нимъ. Они возились, какъ маленькіе котята, тайкомъ, безъ шума, сдерживая смѣхъ. Но иногда она позволяла себѣ вольности и онъ конфузился и серьезно замѣчалъ ей:

— Нехорошо, Настя,—ты дѣвочка!

— Ахъ, голубчикъ, скука-то, скука-то мнѣ какая! Тагъ бы вотъ, кажется, все вверхъ дномъ и перевернула! — оправдывалась она, дѣлая печальную гримаску.

Ему было жаль ее.

— Ахъ, еслибъ я была мальчикомъ, вотъ-то хорошо бы было!—говорила она.—Мы вмѣстѣ стали бы въ гимназію ходить, учились бы вмѣстѣ. Вотъ я школьникомъ-головорѣзомъ была бы. Не тебѣ чета! Нѣтъ, ты точно большой, степенный такой. Это тебя дядя Лампадовъ вымуштровалъ. Нѣтъ, меня не вымуштровалъ!

И дѣйствительно, ее было трудно обуздать. Иногда Митя даже сердился на нее, когда она начинала черезъ мѣру рѣзвиться, вертѣла и щекотала его.

— Полно... перестань... нехорошо!—шепталъ онъ, отбиваясь отъ нея.

— Ну, крикни! Ну, крикни!—приставала она къ нему.

Она знала, что онъ говоритъ шепотомъ, чтобъ Анна Андреевна или Марья Федоровна не услышали ихъ возни и не прикрикнули бы на маленькую забіяку.

— Что же, ты хочешь, чтобъ опять тебя заругали?—говаривалъ онъ.

— Ну, да ужъ ты только крикни... Крикни!—задорно настаивала она.—Ты вотъ боишься, а я не боюсь. Я ничего не боюсь!

— Ну, да тебѣ ничего не значить, что тебя ругаютъ. Какъ съ гуся вода...

— Пусть ругаютъ, пусть ругаютъ, а вотъ я хочу дурачиться и дурачусь...

Митя укоризненно качалъ ей головой.

— погоди, еще сѣчь стануть!—какъ-то замѣтилъ онъ ей.

— Ну, это еще подождемъ... Зубы - то у меня тоже есть: какъ-то кусаться начну, что любо-дорого,—отвѣчала она.

Митя зналъ, что это не простая похвальба. Настя была способна отгрызаться и защищаться даже зубами.

Когда онъ приѣхалъ впервые отъ Русовыхъ и сталъ передавать свои впечатлѣнія, она впиалась въ него глазами и съ напряженнымъ, лихорадочнымъ любопытствомъ слѣдила за его рассказомъ. Вечеромъ она не утерпѣла и шепотомъ сказала Митѣ, чтобъ онъ рассказалъ ей еще разъ обо всемъ, что видѣлъ. Для нея этотъ рассказъ былъ волшебною сказкой, лучезарнымъ сномъ. Митя охотно повторилъ рассказъ и особенно распространился, между прочимъ, о красотѣ княгини.

— Это все отъ платья!— вдругъ со вздохомъ произнесла Настя.— Помнишь, наша генеральская фря говорила тетѣ, что хоть какого уroda наряди, такъ красавицей покажется.

«Генеральская фря» на языкѣ Насти обозначала Лизавету Михайловну, бывшую горничную жены директора. Настя всѣмъ давала свои клички.

— Нѣтъ, не отъ платья. Она сама хорошенькая!—горячо вступился Митя за княгиню.— Лицо-то въ платьѣ не спрячешь. Если рожа, такъ и будетъ рожа. Вонъ Кузьминишну во что ни наряди, пугаломъ будетъ.

— Ты не знаешь, онѣ тамъ что-то подкрашиваютъ на лицѣ!—сказала Настя.—Вотъ наша генеральская фря говорила про свою барыню: «тоже сурмить, сурмить себя, такъ какъ тутъ не быть авантажной, и все французскія притиранья». Вотъ-то бы посмотрѣла я на все это.

— Очень тоже нужно!

— Ну да, вѣдь я дѣвочка. Мальчику все равно, какой онъ: хоть на чорта похожъ, все же женится. А дѣвушку только хорошенькую замужь и берутъ. Дурныя-то такъ вотъ весь вѣкъ въ дѣвкахъ и ходять.

Настя опять вздохнула. Ужь очень невесело ей жилось у тетки и дяди по цѣлымъ днямъ за работой. Ее одолѣвала скука. Ей казалось даже, что, голодая съ матерью, сестрами и братьями въ углу, она жила веселѣе,—тамъ хоть народъ толгался цѣлый день, тамъ хоть свобода была. Правда, хозяинъ того угла, гдѣ они жили, отставной «ундеръ» Федоръ Гавриловичъ Рябовъ, даже билъ подъ пьяную руку ихъ, дѣтей, и особенно маленькаго Алешу, но ихъ все-таки не стѣсняли, не запрещали имъ бѣгать, не заставляли сидѣть чинно на одномъ мѣстѣ. Да, тамъ было холодно и голодно, но свободно. Скука начала томить Настю еще сильнѣе съ тѣхъ поръ, какъ Митя сталъ дѣлиться съ дѣвочкой своими впечатлѣніями и рассказами о важныхъ господахъ, при-

взжавшихъ къ дядѣ, о томъ, что дядя рассказывалъ про далекіе края, о первомъ визитѣ къ Русовымъ, о блескѣ и роскоши иныхъ домовъ и иныхъ людей. Это были какіе-то яркіе сны и каждый разъ дѣвочка пробуждалась отъ нихъ среди той же сѣренькой обстановки Орловскаго угла. Она скучала, когда ей приходилось безмолвно шить съ Анной Андреевной; она скучала, когда ей приходилось медленно обучаться грамотѣ подъ руководствомъ той же покорно-вздыхавшей Анны Андреевны. Только и счастья для нея было, когда ее стали посылать уже не въ одну мелочную лавку, а и съ заказами бѣлья. Тутъ дѣвочка оживлялась, глязѣла по магазинамъ, останавливалась передъ нарядными прохожими, засматривалась на блестящіе экипажи. Она всегда такъ долго ходила съ данными ей порученьями, что Марья Федоровна говаривала:

— Тебя только бы за смертью посылать!

Настя въ свою очередь замѣчала Митѣ:

— Да я, кажется, такъ и не ушла бы съ улицы, все на людей смотрѣла бы!

Скука Насти усилилась еще болѣе; когда Митю пристроили въ гимназію. Впрочемъ, этотъ фактъ былъ событіемъ не для одной Настя, а для всей Захолустной улицы, гдѣ Орлихинскій Митя былъ тогда единственнымъ гимназистомъ. Первые привѣтствовали его бывшіе его же пріатели, уличные мальчишки, бабочники и головорѣзы, окрестившіе его кличкой «красная говядина». Онъ вдругъ сталъ имъ точно чужой, точно недругъ. Мальчишки разнесли эту вѣсть по домамъ и Захолустная улица заволновалась; въ мелочныхъ лавкахъ, у воротъ домовъ, въ углахъ только и толковъ шло, что объ Орловыхъ.

— Наворовалъ, видно, Андрей Ивановичъ, нагрѣлъ руки, такъ и сына въ гимназію пристроилъ!—рѣшили обыватели.—Теперь до нихъ рукой скоро не достанешь. Какже, племянника поженили на генеральской горничной. Шутки ли! У генеральши-то, видишь, сыночекъ побаловался съ дѣвчонкой,—ну, такъ и надо было грѣхъ прикрыть. Тоже за такую невѣсту племянничекъ-то, поди, спасибо имъ не сказалъ. Ну, да ничего, не развѣнчается. Посажеными тоже на свадьбѣ были. Чего-жь не пыжиться? Домъ-то вотъ только въ трубу вылетѣлъ, а то совѣмъ господами бы были... Ну, да что-жь, можетъ, мальчишкѣ и въ прокъ пойдетъ ученье. Хоть въ люди выйдеть. Тоже, поди, не сладко живется. Слава тебѣ Господи, на нашихъ глазахъ бѣдовали...

Въ другомъ мѣстѣ говорили:
 — Вонъ и Пахомовъ, какъ узналъ, что Орлиха своего Митю въ гимназію отдала, тоже вспыхнулъ. «Что, молъ, они думаютъ,— говорить,— что мы тоже своихъ лоботрясовъ обучить не можемъ денегъ, что ли, не хватитъ?»— Потѣха!... Говорятъ, нарвится то же большенькаго-то парнишку упрятать въ гимназію... Что-жъ хоть болтаться меньше будетъ...

Захолустная улица и завидовала, и радовалась, глядя на Орловыхъ,— завидовала и радовалась, какъ Настя, сказавшая Митю въ день его поступленія въ гимназію:

— Вонъ тебѣ счастье, мундиръ надѣлъ!

Вечеромъ украдкой она упросила его дать ей примѣрить этотъ мундиръ. Митя резонно сталъ объяснять ей, что дѣвочки же и носятъ мундировъ. Но Настя настояла на своемъ и за дражкой примѣрила на себя этотъ мундиръ съ краснымъ воротничкомъ, съ золотыми пуговками. Ей такъ хотѣлось хоть во чтонибудь нарядиться, только бы не быть въ этомъ неуклюжемъ сѣренькомъ ситцевомъ платьѣ, изъ котораго она не выходила. Стоя передъ Митей въ мундирѣ, она съ грустью говорила, что вотъ, онъ мундиръ имѣетъ и можетъ каждый день изъ дому уходить, а она — сиди тутъ да кисни по цѣлымъ днямъ. Митя замѣтилъ ей, что и она скоро будетъ ходить изъ дому ежедневно. Настя удивилась. Она ничего не знала объ этомъ. Митя сказалъ ей, что онъ слышалъ, какъ Анна Андреевна говорила дядѣ, что Настю пора отдать въ магазинъ учиться шить платья, такъ какъ «однимъ бѣльемъ жить невыгодно».

— Да врешь ты!—воскликнула она.

— Чего мнѣ врать?—отвѣтилъ онъ.

— А побожись!

— Да что я стану тебѣ божиться...

— Нѣтъ, ты побожись, побожись, что не врешь!

— Ну, вотъ тебѣ крестъ!

Настя запрыгала по комнатѣ, хлопая въ ладоши.

— А куда отдадутъ-то?

— Не знаю,—говорили только, что скоро пристроятъ въ магазинъ.

Отдать ее на житье въ магазинъ не хотѣли, а думали пристроить такъ, чтобъ она ходила учиться. Настя обрадовалась этому еще больше. Все же между людьми будетъ, и ходить ежедневно по улицамъ будетъ, и наряды шить будетъ. Она стал

спрашивать, не знает ли Митя, къ «русской» или къ «французенкѣ» отдадутъ ее. — Онъ не зналъ.

— Хорошо бы, еслибы къ французенкѣ, — сказала она.

— Почему?

— А чтобы по-ихнему говорить научиться. Всѣ господа по-ихнему говорятъ.

Митя покровительственно объявилъ, что языкамъ и онъ ее можетъ научить.

— Да ты самъ не знаешь! — сказала Настя.

— Теперь мало знаю, но научусь скоро совсѣмъ, — отвѣтилъ онъ важно.

— Ну, да, научись!

— Да вотъ увидишь, что научусь... Я всему научусь, потому что мнѣ все знать надо... Больше всѣхъ знать надо!...

— Что такъ?

— А чтобы не высмѣивали. Теперь вонъ всѣ, всѣ на смѣшки готовы поднять, а тогда...

Онъ не докончилъ фразы и, сдѣлавъ серьезное лицо, проговорилъ:

— Да, да, мнѣ больше всѣхъ знать надо!

Онъ вдругъ вспомнилъ, какъ ему совѣстно было, когда онъ долженъ былъ сказать маленькому князю Русову, что онъ не знаетъ иностранныхъ языковъ. Въ тотъ же день онъ, во время своихъ мечтаній, далъ себѣ слово выучиться всему, всему. Въ немъ развивалось непомерное самолюбіе: передъ обитателями Захолустной улицы онъ гордился своимъ мундиромъ; передъ князькомъ Русовымъ онъ краснѣлъ за незнаніе иностранныхъ языковъ; среди нарядныхъ дѣтей на Русовской ѣлгѣ онъ какъ-то страстно и въ то же время дѣтски-наивно давалъ себѣ обѣтъ никогда не ѣздить болѣе на такіе вечера, покуда онъ не будетъ самъ генераломъ; въ гимназіи одинъ учитель замѣтилъ ему при всемъ классѣ, что онъ, вѣрно, не понялъ заданнаго урока или прогвѣтничалъ, и послѣ этого замѣчанія Митя далъ слово хоть ночи не спать, а выучивать все заданное, чтобы не вызывать замѣчаній и не краснѣть передъ товарищами.

II.

Захолустная улица не ошиблась: семья Орловыхъ дѣйствительно немного «продохнула».

Андрей Ивановичъ, женивъ своего племянника на генеральской горничной, добился, наконецъ, своей завѣтной цѣли — попалъ въ справочное отдѣленіе, куда ежедневно приходили люди за справками о своихъ дѣлахъ, принося посылныя благодарности за эти справки. Но этотъ счастливый переводъ по службѣ достался не даромъ. Мало того, что Андрей Ивановичъ устроилъ бракъ своего племянника и генеральской горничной, онъ долженъ былъ поддерживать знакомство съ этой разбитной и шустрою особей, потому что, и выйдя замужъ за чиновника, она удержала свои связи съ генеральшей, гдѣ служили ея сестра и мать, дяди и братья, такіе же дворовые, какою была она сама. Эти слуги, «вертѣвшіе» господами, не только доставили мѣсто Андрею Ивановичу, но и сильно расширили число кліентовъ, дававшихъ работу Марьѣ Федоровнѣ и Аннѣ Андреевнѣ. Заказовъ у Орловыхъ появилось столько, что иногда приходилось брать на-домъ поденныхъ работницъ-швей. Орловы начинали усматривать въ близкомъ будущемъ возможность нанимать квартиру только для себя, не впуская постороннихъ жильцовъ, и притомъ не таковую квартиру, какою былъ ихъ подвалъ, какъ называла Марья Федоровна занимаемое ими помѣщеніе. Но чѣмъ больше благодѣяній оказывали эти барскіе слуги бѣдной семьѣ, тѣмъ тѣснѣе приходилось сближаться съ ними, принимать ихъ, угощать. Въ домѣ Орловыхъ начали появляться какія-то ключницы, буфетчики, камердинеры, лакеи, и всѣ они были «нужные люди». На что они были нужны Орловымъ, этого Орловы и сами не могли себѣ объяснить. Орловы помнили только одно то, что не сойдись они съ генеральскою горничной — и никогда бы не попасть Андрею Ивановичу въ справочное отдѣленіе и, какъ выражалась Орлова, «обжегшись на молокѣ, дули и на воду». Впрочемъ, кромѣ доставленія новыхъ заказовъ, эта барская дворня доставляла Орловымъ и другія средства къ добыванію лишнихъ грошей: господа часто мѣняли платья, дѣлая новыя и продавая старыя; Орлова ухватилась за это дѣло продажи разныхъ поношенныхъ вещей и стала сбывать ихъ при помощи Кузьминишны, выгадывая себѣ кое-какіе барыши. Она не замѣчала, что среди этой новой дѣятельности, этого новаго образа жизни, ихъ квартира сдѣлалась какимъ-то базаромъ: сегодня сюда собирались вечеромъ поиграть въ картишки и попить разные цивилизованные столицей дворовые, завтра сюда одни тащили узлы съ продаваемыми нарядами, а другіе приходили торговать эти наряды; тамъ, смотришь, яв-

илась какая-нибудь щеголеватая особа и съ оговорками, со вздохами выясняла свое желаніе «выйти замужъ, какъ вотъ вышла замужъ горничная генеральши, за какого-нибудь чиновника, такъ какъ она хотя и дворовая дѣвушка, но у нея чувства благородныя и ей тяжело оставаться въ этомъ сословіи, а господа ея отпустятъ ее съ радостью на волю и мѣсто ея мужу предоставить, если только онъ ей понравится». Орлова иногда сама дивилась, что она стала и швей, и торговкой, и свахой, и прибавляла со вздохомъ: «ну, да назвался груздемъ, такъ подѣзай въ кузовъ». Ея самолюбіе страдало страшно. Она утѣшалась только тѣмъ, что у нихъ и посуды, и бѣлья, и платья прибавилось, и долговъ, слава Тебѣ, Господи, больше нѣтъ, и вотъ еще, глядишь, годика два такъ поживутъ, такъ и грошъ на черной день отложить будетъ можно. Они, быть-можетъ, и скорѣе поправили бы свои дѣлишки, еслибы не приходилось таскать гроши въ пріютъ дѣтямъ тетки Дарьи, особенно маленькому Лешѣ, надрывавшему сердце Марьи Федоровны своими слезами и жалобами.

На Аннѣ Андреевнѣ и Настѣ перемѣна въ жизни Орловыхъ отозвалась даже благотворно. Обѣ дѣвушки на время какъ будто ожили «на людяхъ»: Аннѣ Андреевнѣ не было времени задумываться и плакать, Настѣ некогда было особенно сильно скучать. Но въ домѣ было страдающее отъ этой перемѣны въ образѣ жизни лицо—это Митя. Сначала эти люди, толкавшіеся въ ихъ квартирѣ, просто мѣшали ему учиться и заставляли его иногда убѣгать съ книгами къ Лампадову. Потомъ его начало коробить отъ фамильярнаго обращенія съ нимъ этихъ людей, отъ ихъ лакейскихъ подшучиваній надъ нимъ. Онъ такъ много слышался въ своемъ домѣ, какъ тяжело кланяться кошке въ ножи, какъ эти «подлые холопы» наломаться стараются надъ человѣкомъ, какъ на порогъ бы ихъ не пустили, еслибы не нужда. Онъ чувствовалъ къ этому «хамову отродью» отвращеніе и волновался при каждомъ столкновеніи съ нимъ. Онъ очень хорошо зналъ, что и мать, и отецъ, и сестра Анна Андреевна такъ же, какъ онъ, ненавидятъ этихъ людей, но взрослые умѣли притворяться, а у него на это не хватало ни силъ, ни умѣнья. Ненависть къ этимъ людямъ должна была еще болѣе усиливаться съ каждымъ днемъ въ мѣрѣ того, какъ у мальчика расширялся кругъ товарищей въ гимназіи и въ домѣ княгини Русовой. Особенно глубоко вѣдался въ его память одинъ случай. Разъ Митя былъ у Русовыхъ и дѣтей повезли кататься. Митя былъ приглашенъ тоже на про-

гулку. Въ сопровожденіи гувернантки дѣти сходили съ лѣстницы, весело болтая и дурачась. Когда они спустились по широкой мраморной лѣстницѣ на нижнюю площадку параднаго крыльца, передъ ними поднялись съ мѣсть сидѣвшіе здѣсь лакеи. Митя совершенно случайно взглянулъ на одного изъ этихъ лакеевъ и узналъ въ немъ личность, часто бывавшую въ ихъ домѣ. Съ лица мальчугана сбѣжала краска, у него помутилось въ глазахъ. Ему вдругъ показалось, что этотъ лакей улыбается, что онъ хочетъ заговорить съ нимъ, что вотъ-вотъ сейчасъ онъ протянетъ ему руку и всѣ узнаютъ, что онъ знакомъ съ нимъ, съ Митей, что онъ говоритъ ему, Митѣ, «ты». Какъ-то трусливо, съжившись, Митя поспѣшно проскользнулъ съ дѣтьми къ коляскѣ и вздохнулъ свободнѣе только тогда, когда экипажъ тронулся съ мѣста. Прогулка была отравлена. Митя только о томъ и думалъ, что этотъ лакей расскажетъ швейцару, что онъ знакомый отца Мити, что онъ говоритъ Митѣ «ты», что онъ благодѣтельствуетъ даже его семьѣ, такъ какъ она ему не только знакома, но и сродни приходится: его троюродная сестра замужемъ за племянникомъ старика Орлова. Все это передадутъ остальной прислугѣ, потомъ расскажутъ княгинѣ и ей будетъ стыдно принимать у себя Митю. И точно, развѣ его мѣсто въ ея гостиной, а не въ лакейской, не въ людской? Эти мысли росли и развивались въ чудовищныхъ размѣрахъ въ головѣ мальчика и впервые, представляя себѣ, какъ его выгонять Русовы, онъ какъ-то болѣзненно повторялъ: «Ну, и пусть выгонять, и пусть выгонять! Пусть надругаются, пусть!» И какія-то чудовищныя картины «надруганія» стали развиваться въ его головѣ, заставляя усиленно биться и сжиматься его сердце. Но эта встрѣча осталась, повидимому, безъ всякихъ послѣдствій. О ней, можетъ быть, никто бы и не узналъ, еслибы черезъ два дня Орловыхъ не посѣтилъ этотъ лакей, такъ смутившій Митю.

— А, князекъ, мое почтеніе!—сказалъ онъ, увидавъ Митю, и обратился къ Марѣ Федоровнѣ. — Ишь, въ какія хоромы залѣзь!... Сижу я это на дняхъ въ прихожей у княгини Русовой, съ господами пріѣхалъ, гляжу—по лѣстницѣ нашъ Дмитрій Андреевичъ фертомъ такимъ идетъ и на насъ и глядѣть не желаетъ. Ну, думаю, Богъ съ тобой, что тебя конфузить!

— Онъ, Иванъ Ивановичъ, у нихъ, какъ свой, обласканъ,—сказала Марья Федоровна.—Пошли имъ Господи здоровья за то, что не гнушаются.

— Что-жь, известно, господа для развлечения и для компаніи къ своимъ дѣтямъ всегда кого-нибудь изъ бѣдныхъ, изъ сиротъ или тамъ изъ дворовыхъ берутъ, — замѣтилъ лакей. — Забава тоже! Вонъ у меня крестникъ, нашей дворовой дѣвки сынъ, тоже у нашихъ господъ при дѣтяхъ содержится, тѣшить господскихъ ребятъ. Конечно, надо только умѣть не супротивничать, а то ничего... Бываетъ, что и въ люди такіе-то выходятъ... Голенькій-то «охъ», а за голенькимъ Богъ!... Да, выходятъ иные въ люди!...

— Какъ не выйти, какъ не выйти, коли рука есть, — со вздохомъ сказала Марья Федоровна. — Я вотъ всегда Митѣ говорю, чтобъ онъ держался этихъ людей; чтобы перетерпѣлъ, коли что и не по немъ будетъ. Тоже не баринъ какой, не сахарный... За всякимъ тычкомъ не угояешься...

Митя, униженный и оскорбленный, не проронилъ ни слова. Въ эту минуту онъ болѣе чѣмъ когда-нибудь возненавидѣлъ этихъ холоповъ и впервые ему стало досадно, что онъ бываетъ у князей Русовыхъ. «Точно нищій, точно нищій!» — вертѣлось въ его головѣ.

— Не будь-ка благодѣтелей и совѣтъ погибли бы, — продолжала Марья Федоровна. — Только ими и дышемъ, ими и живемъ...

Въ другой разъ въ гимназіи учитель русскаго языка, не разъ уже подмѣчавшій, что Митя произноситъ иногда такія фразы, какъ «работалъ рукамъ и ногамъ», «колидоръ», «надсмѣшки», «очень вами благодаренъ», «теперь», «окромья», — сказалъ ему насмѣшливымъ тономъ:

— Что это вы, Орловъ, въ петербургскихъ лакейскихъ, что-ли, русскому языку учились?

Фраза эта была сказана безъ всякой задней мысли, но Митя поблѣднѣлъ и заволновался. Ему уже казалось, что и учитель знаетъ, въ какомъ кругу онъ вращается, съ кѣмъ ведетъ компанію. Болѣзненная раздражительность и мелкая обидчивость начали развиваться въ немъ не по днямъ, а по часамъ. Малѣйшая шутка или насмѣшка товарищей приводили его въ ярость и мальчуганы знали, что значить задѣть его: онъ сжималъ кулаки и съ потемнѣвшими глазами, казалось, готовъ былъ убить противника. Иногда малѣйшіе пустяки выводили его изъ себя.

Какъ-то послѣ бани мать напоядила ему голову розовой помадой; онъ явился въ гимназію, чистенькій, приглаженный; вдругъ какой-то повѣса замѣтилъ въ классѣ:

— Господа, Орловъ розовой помадой напмадился; вѣрно какая-нибудь горничная дала!

Это была школьническая шутка мальчугана, уже знавшаго, какъ пахнуть горничныя, но Митя чуть не прибилъ его и чуть не расплакался отъ злости. Дома онъ развоевался, рѣзко замѣтивъ матери, что она срамитъ его, чортъ знаетъ чѣмъ ему голову напмадила, заставила его сдѣлаться предметомъ насмѣшекъ. Марья Федоровна даже смутилась, увидавъ его волненіе, услышавъ въ его голосѣ и злобу, и слезы.

— Очень нужно помадить! Точно маленькаго какаго мажутъ,—говорилъ онъ.—И чѣмъ напмадили?—Розовой помадой!

— Помада хорошая,—замѣтила мать.

— Ну да, хорошая... Горничныя помадятся! Буда ни повернись, вездѣ на-смѣхъ поднимають. И то не такъ, и другое не такъ!

Марья Федоровна никакъ не могла понять, надъ чѣмъ могли смѣяться товарищи ея сына и почему розовая помада послужила къ такой бурѣ съ его стороны. Она только мелькомъ замѣтила Аннѣ Андреевнѣ:

— Всѣ-то мы нынче точно на чорта посаженные, прости Господи!

Въ другой разъ Митя возвратился изъ гимназіи не менѣе блѣднымъ и раздраженнымъ, но онъ уже не поднималъ бури, а прошелъ прямо къ себѣ за драпировку и залился слезами. Къ нему зачѣмъ-то зашла Настя и удивилась, увидавъ его плачущимъ. Онъ почти никогда не плакалъ.

— Митя, голубчикъ, что съ тобой?—воскликнула она.

— Опять осрамили, опять!—заговорилъ онъ, всхлипывая.— Въ грязи, точно свиньи, живемъ; осмотрѣть ничего не могутъ; не заботятся, чтобы на человѣка хоть походилъ...

— Да скажи, что случилось?—допрашивала Настя, ничего не понимая.

— А то, что клопа занесъ въ гимназію!—отрывисто отвѣтилъ онъ.

— Да что ты!

— Ну да! Клоповъ и блохъ развели, потому что чортъ знаетъ кто ходитъ, постелей опратно держать не умѣють, отпускають въ гимназію, не взглянувъ на мундиръ, не встряхнувъ одежды. Просишь, просишь, чтобы осмотрѣли, все ли чисто. «Хорошо», говорятъ. Вотъ и вышло хорошо. Товарищи говорятъ: «по тебѣ

клопы ползаютъ! Ты клоповъ заносишь!» Развѣ я виноватъ? Я съ уроками бьюсь съ утра до ночи, чтобы перегнать другихъ. У меня нѣтъ частныхъ учителей да и угла покойнаго нѣтъ, точно среди базара учусь. Гдѣ-жъ мнѣ еще за платьемъ смотрѣть, каждую вещь самому выколачивать да вычищать. Отдали бы въ пріютъ, если не умѣютъ держать гимназистомъ...

Его горе и волненіе были такъ искренни, что тронули Настю. Она обняла его и сказала:

— Да полно же, полно, голубчикъ, плагать!

— Не могу я, не могу!—шептала онъ съвозъ слезы.—Вѣдь это каждый день повторяется, всё надсмѣхаются, всё подшучиваютъ, точно сговорились! Здѣсь хамы подсмѣиваются: «ишь, совсѣмъ барчукомъ смотреть». У Русовыхъ красишь, когда при тебѣ всё по-англійски говорить, а ты глазами только хлопаешь. Въ гимназіи учителя говорятъ, что русскому языку въ лакейской учился, а школьники смѣются, что у горничной помаду берешь!

Митя вычислялъ всё свои мелкія обиды, всё свои будничныя огорченія. Настя утѣшала, какъ умѣла. Ей такъ было жаль его, потому что она сама по опыту знала, каково человѣку, когда его всё «шпыняютъ».

— Я тебѣ сама буду мундиръ чистить,—сказала она наконецъ.—Ты не бойся, я ужъ буду осматривать. Тоже знаю я, какъ не сладко, какъ всё надсмѣхаются. Вонъ намеднись мнѣ лавочникъ подъ пазуху палецъ засунулъ, потому платье-то продырилось тутъ, а самъ зубы скалить. «Отдушина у васъ, говорить, барышня, для прохладенія!» Подлецъ этакій, ему только бы поахальничать, а что меня въ краску бросило, такъ ему и дѣла нѣтъ.

— Да ужъ всё намъ проклятое житье!—замѣтилъ Митя.

— Такое проклятое, такое, что, зажмуривъ глаза, бѣжалъ бы!—съ горячностью подтвердила Настя.—Работай, работай, а ни привѣта, ни радости, и точно въ тюрьмѣ, точно въ тюрьмѣ!

— Бѣжать-то куда?—спросилъ Митя.

Настя махнула рукой.

— Тебѣ, конечно, некуда, ты мальчикъ, тебѣ учиться еще надо,—сказала она.—А я... Да захоти только я, сейчасъ найдется, куда уйти. Только сама я этого не хочу, потому, говорить, пропасть можно...

— Какъ пропасть?—спросилъ въ недоумѣніи Митя.

— Ну да, сманять дѣвушку, а потомъ и бросить, сманять и бросить,—сказала Настя.—Вонъ прошлый разъ, когда лавочникъ охальничать сталъ, Бузьминична тутъ была, стала ему выговаривать. «Дѣвчонка, говорить, уже на возрастъ, такъ ты чего ее съ пути сбиваешь? Стыда-то у тебя въ глазахъ нѣтъ, лупоглазый! Тебѣ-то смѣшки, а ей слезки. Вамъ только бы поиграть да бросить». А потомъ мнѣ все отчитывала дорогой и тетѣ пришла говорить, что за мной теперъ глазъ да глазъ нуженъ, что не увидишь, какъ время пройдетъ, черезъ два года и невѣстой буду.

Митя съ удивленіемъ посмотрѣлъ на Настю.

— Невѣстой? А развѣ у тебя есть женихъ?—спросилъ онъ.

Она засмѣялась.

— Глухой ты, глухой, Митя!—проговорила она.—Женки нѣтъ, а потому невѣстой буду, что мнѣ шестнадцать лѣтъ будетъ. Коли дѣвушкѣ шестнадцать лѣтъ, она—и невѣста. Да это мнѣ что! Здѣсь и жениховъ-то нѣтъ. Не за лавочника же идти. Въ косыночкахъ-то ходить да у печки возиться съ ухватами тоже не сладость. А не то канцеляристъ присваивается, такъ эти влады зубы на полку... Нѣтъ, я въ мастерицы пойду, въ магазинъ, такъ тамъ хоть на народъ посмотришь. Я вотъ люблю смотрѣть на господъ да на магазины и пуще всего, если гдѣ брильянты увижу. Иногда думаешь, что надѣнь-ка это все на меня, такъ и я хорошенькой буду.

Она вдругъ понизила голосъ до таинственнаго шепота:

— Ты вонъ посмотрѣлъ бы, какова я въ бальномъ платьѣ! Ахнулъ бы, ей-богу, право!

Митя разсмѣялся.

— Да гдѣ у тебя бальное платье?

— Тихе! Ты ни сестрѣ, ни матери не говори,—таинственно сказала Настя.—Тетя теперъ продаетъ бальное платье дочери генеральшиной. Такъ я его здѣсь тихонько примѣрала.

— Ну-у?—съ сомнѣніемъ сказалъ Митя.

— Ей-богу, правда! Вотъ-то хорошо оно мнѣ пристало! Хочешь, я надѣну его, когда вечеромъ всѣ лягутъ?

— Что-жь, надѣнь!—согласился Митя.

Она погрозила ему пальцемъ и прошептала:

— Ты только молчи!

Вечеромъ, когда всѣ уже легли спать, Настя пробралась въ драпировку къ Митѣ. Они спали теперъ въ одной комнатѣ одни

отдѣленные другъ отъ друга только ситцевой занавѣской. Анна Андреевна спала въ сосѣдней комнатѣ, гдѣ во дни нужды жилъ Милицъ. Марья Федоровна и ея мужъ по-прежнему спали еще въ кухнѣ. Осторожно, говоря шепотомъ и стараясь не дѣлать ни малѣйшаго шума, Настя вынула изъ комода завѣтное бальное платье «генеральшиной дочери» и, стоя въ одной рубашонкѣ и босѣ, стала при помощи Мити надѣвать дорогой нарядъ съ открытымъ лифомъ и коротенькими рукавами. Она и вертѣлась, и смѣялась, оглядывая себя, когда платье было надѣто.

— Что, не узналъ бы меня?—говорила она Митѣ.

Онъ молча, съ удивленіемъ, разсматривалъ ее. Она была, дѣйствительно, неузнаваема. Онъ точно впервые увидалъ, какъ хороша ея стройная шея, ея граціозныя полненькія руки. А лицо? Митя, казалось, никогда не замѣчалъ прежде ни этихъ вьющихся темнорусыхъ волосъ, ни этихъ черныхъ узкихъ глазъ съ темными обводами кругомъ, съ длинными густыми рѣсницами, съ тонкими, чуть-чуть закругленными бровями, ни этихъ ровныхъ блестящихъ бѣлыхъ зубовъ, выглядывавшихъ изъ-за открытыхъ улыбкою яркихъ губъ. Настя вся точно свѣтилась и блестяла теперь, раскраснѣвшись до ушей.

— Теперь такъ бы и протанцевала! — съ увлеченіемъ прошептала она, вздыхая.

— Да развѣ ты умѣешь танцевать?—спросилъ онъ.

— Въ томъ-то и бѣда, что не умѣю, — отвѣтила она печально.

— Какая же тутъ бѣда?—спросилъ онъ, недоумѣвая.

— Какъ же не бѣда? Сидишь, сидишь, гнешь горбъ, такъ хотѣ бы поплясать. Иной разъ, ну, вотъ, не сидится на мѣстѣ, бѣсала бы, плясала бы, пѣла бы. Вотъ какъ ты рассказывалъ, помнишь, давно, про елку, такъ я чуть тогда не заплакала. Ты тогда не остался танцевать. А я бы осталась, я бы осталась!

— Ну да, не умѣя-то!

— Этому выучишься сейчасъ! Чего тутъ не умѣть? Да пусти меня куда хочешь, я сейчасъ перейму...

— На смѣхъ людямъ...

— А пусть смѣются! Посмѣются да и перестанутъ... Нѣтъ, вотъ какъ теперь смѣются, такъ иной разъ злость беретъ! Чѣмъ другіе лучше, чѣмъ?

— Богаты, тѣмъ и лучше.

— Вотъ и я тоже говорю. А гдѣ его возьмешь, богатство-то? Душу бы чорту продала, кажется...

— Ну, не говори этого,—грѣхъ!

— А такъ-то лучше? Грѣхъ-то отмолить можно. За деньги вонъ людей весь вѣкъ поминають да грѣхи ихъ отмаливають, а безъ денегъ и не помолятся за тебя.

За стѣной послышалось, какъ повернулась на диванѣ Анна Андреевна и со вздохомъ проговорила:

— Господи, помилуй мя грѣшную!

— Сонъ вѣрно дурной увидѣла!—тихо прошептала со смѣхомъ Настя и вдругъ сказала:—Ну, довольно, а то еще услышать.

Она стала раздѣваться. Митя тоже вспомнилъ, что пора ложиться.

— Ну, прощай!—сказалъ онъ.

Настя обняла его и вѣрно поцѣловала.

— Ты одинъ, Митя, у насъ добрый,—сказала она.—Я вотъ только съ тобой и говорю, а имъ все лги да лги. Большой это у меня грѣхъ, а что станешь дѣлать. Скажешь правду, сейчасъ и заругаются...

Митя улегся, но заснулъ не скоро. Онъ то думалъ, какая хорошенькая Настя и какъ она, бѣдная, мучится; то размышлялъ о ея признаніи, что она все лжетъ передъ людьми. Эта фраза особенно сильно поразила его. Настя лжетъ. Но кто же въ ихъ домѣ не лжетъ? Мать, отецъ, сестра—всѣ лгутъ, принимая радушно ненавистныхъ гостей, продавая съ барышномъ поношенные платья съ увѣреніями, что дешевле не уступаютъ, скрывая все упорнѣе и упорнѣе отъ Лампадова положеніе своихъ дѣлъ изъ боязни, что онъ не станетъ помогать на воспитаніе Мити. Онъ самъ, Митя, тоже никогда не откровенничаетъ съ матерью и съ отцомъ, уходитъ къ Лампадову, говоря, что нужно попросить Лампадова помочь въ приготовленіи урока, а въ сущности спѣша только убѣжать отъ родительскихъ гостей; онъ просилъ мать не ходить въ гимназію, когда нужно было заплатить за него деньги, но онъ не сказалъ ей, что онъ проситъ ее объ этомъ, стыдясь показать ее директору или товарищамъ. Да, у нихъ всѣ лгутъ и Настя, конечно, больше всѣхъ, потому что ее бранятъ и упрекають за каждый шагъ. Неужели же и вездѣ такъ лгутъ люди? Неужели же нельзя говорить правду? А Лампадовъ? Развѣ онъ тоже лжетъ? Митя никакъ не могъ припомнить такого случая, когда можно бы было заподозрить Лампадова во лжи.

На слѣдующій день Митя по обыкновенію готовилъ уроки у Лампадова. Старикъ разбиралъ часы, тщательно складывая на

отдѣльные блюдечки разные винтики и колесики. Въ комнатѣ царствовала полнѣйшая тишина. Вдругъ Митя обратился къ старику съ неожиданнымъ вопросомъ:

— Дядя, отчего люди лгутъ?

Старикъ неторопливо вынулъ изъ глаза увеличительное стекло, повернулъ голову къ Митѣ и отвѣтилъ:

— Потому что большая часть людей трусы.

Онъ вынулъ изъ кармана шелковый платокъ и сталъ протирать стекло.

— Они или боятся своихъ ближнихъ, или боятся предстать въ своемъ настоящемъ видѣ и лгутъ, — продолжалъ старикъ. — А ты съ чего задалъ мнѣ этотъ вопросъ? Въ урокъ что-нибудь объ этомъ говорится?

Митя прямо взглянулъ на старика и отвѣтилъ:

— Нѣтъ, не въ урокъ. А я вчера говорилъ съ Настей и она сказала мнѣ, что она много лжетъ. Я сталъ думать, думать и увидалъ, что всѣ лгутъ.

— Всѣ?

— Да, всѣ. Я самъ лгу.

Старикъ усмѣхнулся и съ ласковой шутливостью сказалъ:

— Только не теперь?

— О, нѣтъ, нѣтъ, тебѣ я никогда не лгу! — торопливо воскликнулъ Митя.

— Ну да, совсѣмъ меня не боишься, отъ рукъ отбился! — опять пошутилъ старикъ.

Митя утвердительно кивнулъ головой и по его лицу пробѣжала улыбка.

— А кому же ты лжешь? — спросилъ старикъ.

— Отцу, матери, сестрѣ, всѣмъ, — отвѣтилъ мальчикъ.

— Ну, вотъ, ты и подумай, почему ты лжешь, — началъ Лампадовъ. — Боишься за правду услышать брань или упреки отъ отца и матери, боишься, чтобъ отъ правды сестра не огорчилась и не расплакалась, — ну, и лжешь имъ.

Митя задумчиво слушалъ старика и молчалъ.

— Да это такъ и всегда бываетъ, — продолжалъ старикъ. — Конечно, потомъ ложь, какъ и все, входитъ мало-по-малу въ привычку, дѣлается второй натурой, и уже тогда человѣкъ лжетъ такъ себѣ, ни съ того, ни съ сего, даже и не сознавая, что онъ говоритъ неправду. Привыкнуть вѣдь ко всему можно. Привыкнешь, тогда и краснѣть перестанешь. Оттого-то и надо оту-

чатся отъ лжи, покуда есть еще способность краснѣть за свою трусость. А трусость — подлѣе этого чувства и быть ничего не можетъ. Труса не только другіе презираютъ, но и самъ онъ себя презираетъ, не смѣя полагаться на свои силы, не смѣя ни съ кѣмъ бороться, не смѣя никому прямо взглянуть въ глаза.

Митя слушалъ, слушалъ и вдругъ воскликнулъ:

— Какой же я значить трусъ!

Лампадовъ изумился этому восклицанію и спросилъ, изъ чего сдѣлалъ мальчуганъ этотъ выводъ. Митя торопливо и не особенно связно началъ рассказывать свои мученья, какъ онъ боится, чтобы никто ни изъ учителей, ни изъ товарищей, ни у Русовыхъ не узналъ, что у нихъ бываютъ все лакеи и лакеи, что его мать стала какой-то свахой и торговкой, что они живутъ грязно и бѣдно. Старикъ до конца выслушалъ исповѣдь мальчугана и потомъ спросилъ его:

— Ты когда-нибудь боялся трубочиста?

Мальчикъ засмѣялся, кивнувъ головой.

— Ну, вотъ, ты и теперь боишься трубочиста, — сказалъ старикъ. — Это страхъ не труса, а неопытнаго человѣка. Ты еще не знаешь, что ни бѣдности, ни происхожденія не слѣдуетъ стыдиться. Правда, есть люди, которые смотрятъ съ презрѣніемъ на бѣдняковъ, на низшихъ, но эти люди или глупцы, или негодяи, а дорожить уваженіемъ глупцовъ или негодяевъ не для чего. Конечно, насмѣшки и обиды всегда неприятны, кто бы ихъ ни нанесъ. Но вѣдь отъ этого не спасешь себя ложью. Ложь рано или поздно откроется и тому же будетъ хуже, кто лгалъ. Человѣкъ долженъ стараться, чтобы его уважали такимъ, каковъ онъ есть, а не такимъ, какимъ онъ хочетъ казаться.

Старикъ долго говорилъ на эту тему, чувствуя, что мальчуганъ открылъ ему самое больное мѣсто своей души, и что его нужно ободрить, успокоить. Старикъ не ошибся. Митя долго думалъ и передумывалъ о томъ, что онъ слышалъ въ этотъ вечеръ отъ Лампадова, и сталъ спокойнѣе, началъ стараться побороть въ себѣ появленіе болѣзненнаго самолюбія, мелкой обидчивости. Онъ работалъ надъ собою съ недѣтскою серьезностью; онъ обнаруживалъ уже способность, называемую силой воли, твердостью характера. Мало того, что онъ теперь дѣлалъ надъ собой усилія, чтобы не краснѣть и не волноваться, когда у него появлялась заплата на сапогѣ, — онъ сталъ нарочно приглашать къ себѣ товарищей, чтобы они видѣли, какъ онъ живетъ. Это

было своего рода хвастовство. Показывая товарищамъ свою корзину, онъ говорилъ:

— Прежде мы хуже жили.

Когда ему жаловались приятели, что имъ трудно учиться, онъ замѣчалъ:

— Нѣтъ, а вы поучились бы, когда угла спокойнаго нѣтъ, когда надо и сапоги самому чистить, и дровъ иногда наколоть, и щепокъ принести, тогда не то бы зашѣли. Я вотъ это испыталъ.

Иногда онъ самъ себя назался героемъ: онъ шелъ первымъ въ классахъ, а сколько онъ вынесъ невзгодъ и огорченій, какъ тяжело подчасъ жилось ему дома, какихъ усилій стоили ему такія простыя вещи, какъ, на примѣръ, отвычка говорить языкомъ своей семьи, отвычка держать вилку и ножъ такъ, какъ ихъ держали у него дома, отвычка облизывать послѣ ѣды ложку, власть на скатерть грязные ножи и вилки за обѣдомъ, пить чай съ блюдечка, просить кофе или чаю «въ прикуску, а не въ наглядку». Онъ долженъ былъ не только учиться въ гимназiи, но и слѣдить за каждымъ своимъ шагомъ, за каждымъ своимъ словомъ, чтобы не конфузиться въ домѣ Русовыхъ. Онъ вращался здѣсь среди людей, говорившихъ инымъ языкомъ, имѣвшихъ инныя манеры, ѣвшихъ инныя кушанья. У этихъ людей онъ давился словомъ, произносилъ въ забывчивости какое-нибудь «намеднись» или «окромья», или стыдливо отказывался отъ ѣды, видя передъ собой артишоки, но не умѣя ихъ ѣсть. Здѣсь онъ разъ выпилъ душистую теплую воду, поданную послѣ обѣда для полосканья рта, и чуть не вызвалъ взрыва неудержимаго хохота, неожиданно сказавъ какому-то важному барину, когда тотъ чихнулъ за обѣдомъ: «будьте здоровы!» Свѣтскость доставалась ему не легко и еще слава Богу, что семья Русовыхъ относилась къ нему крайне снисходительно и благосклонно. Онъ былъ здѣсь вполне своимъ ребенкомъ и ни князь, ни княгиня ни разу не дали ему почувствовать, что онъ здѣсь чужой, что онъ здѣсь не на своемъ мѣстѣ. Дѣти были тоже очень ласковы съ нимъ: молоденькій князь Александръ и маленькая княжна Софья обращались съ нимъ какъ съ братомъ. Но все же иногда въ тяжелыя минуты Митѣ приходило въ голову, что можетъ-быть князь Александръ значительно охладѣлъ бы къ нему, еслибъ увидалъ его домашнюю обстановку. Эта мысль иногда начинала принимать чудовищныя размѣры и Митѣ уже казалось, что князь Александръ отвернется отъ него, станетъ его презирать, выгонитъ

его, когда поближе узнаеть, какъ и гдѣ живетъ онъ, Митя. Въ этихъ думахъ было что-то болѣзненное: Митя и боялся этого разрыва, и страстно желалъ скорѣе увидать, какъ князь Александръ отнесется къ нему, увидя его житье-бытье. Наконецъ Митя не выдержалъ и сказалъ однажды князю Александру:

— А вотъ ты бы посмотрѣлъ, въ какомъ подвалѣ мы живемъ.

Князь очень удивился.

— Да развѣ ты въ подвалѣ живешь?

— Да почти. Огня наши совсѣмъ на землѣ лежатъ. Когда много снѣгу, такъ отгребать его отъ оконъ приходится.

— Зачѣмъ же вы такъ низко живете?

— А потому что денегъ нѣтъ. Были бы деньги, такъ въ такихъ же хоромахъ, какъ ты, жили бы. Вотъ ты пріѣхалъ бы когда-нибудь посмотрѣть, какъ мы живемъ.

— Я пріѣду, непременно пріѣду!—сказалъ князь Александръ.

Онъ никогда не видалъ, какъ живутъ люди въ подвалахъ. Ему очень хотѣлось увидѣть это. Митѣ тоже страстно хотѣлось, чтобы князь поскорѣе увидалъ, какъ онъ живетъ. Мальчику продолжало казаться, что князь Русовъ сейчасъ же убѣжитъ изъ ихъ квартиры и перестанетъ не только говорить ему, Митѣ, «ты», но перестанетъ съ нимъ кланяться. «Ну, и пускай, и пускай, тѣмъ лучше! Очень мнѣ нужны его поклонны, если онъ свинья!»—рѣшилъ Митя. Онъ волновался и злился заранѣе и въ то же время зло смѣялся, представляя себѣ, какую кислую гримасу соорудитъ маленький князекъ, увидавъ ихъ жилище. Маленькому князю тоже очень хотѣлось взглянуть на невиданный имъ подвалъ. Наконецъ, желаніе обоихъ друзей исполнилось. Это случилось 11-го февраля, въ день именинъ Мити.

Княгиня Русова хотѣла послать Митѣ съ лакеемъ подарокъ, но сынъ упрямилъ ее отпустить его самого къ Митѣ. Согласіе было получено не вдругъ. Сначала позвали на совѣтъ Лампадова и о чемъ-то пошептались съ нимъ. Потомъ вынесли приговоръ, что князекъ поѣдетъ утромъ къ своему другу съ Лампадовымъ.

Захолустная улица такъ и ахнула, когда въ ней появились роскошныя сани съ медвѣжьей полостью, съ воронымъ рыскомъ, съ кучеромъ въ синей бархатной шапкѣ. Въ саняхъ сидѣли Лампадовъ и маленький князь Русовъ, прелестный курчавый мальчикъ, разгорѣвшійся отъ легкаго мороза и быстрой ѣзды.

Лампадовъ провель мальчика по двору, спустился съ нимъ въ темный корридоръ и дошелъ наконецъ до обитой войлокомъ и кожаной двери.

— Вотъ мы и у цѣли,—сказалъ онъ, отворяя дверь.

Князекъ немного трусилъ и шелъ близко около старика.

— А я къ вамъ съ гостемъ! — сказала Лампадовъ, здороваясь съ Марьей Федоровной и Анной Андреевной. — Вотъ князь.

— Ваше сіятельство... вотъ-то осчастливили!... Позвольте я васъ раздѣну... Митя, Митя, иди же!... Кто пріѣхалъ-то, смотри! — суетливо говорила Марья Федоровна, не зная, что дѣлать и какъ оказать вниманіе его сіятельству.

Его сіятельство былъ ужасно сконфуженъ и все за что-то благодарилъ Марью Федоровну, приговаривая:

— Не беспокойтесь, я самъ, я самъ...

Но Марья Федоровна чуть не снимала съ него калошъ. Лампадовъ стоялъ въ сторонѣ и добродушно улыбался. Онъ ждалъ выхода Мити. Наконецъ, явился и Митя. Онъ вышелъ въ кухню съ напускною бойкостью, съ веселымъ видомъ и, смѣясь, проговорилъ:

— Что, не струсилъ? Ты, я думаю, воображалъ, что тебя въ медвѣжью берлогу везутъ? Нѣтъ, братъ, это наше логовище...

Князь Русовъ засмѣялся и бросился цѣловать его.

— Вотъ я далъ слово, далъ слово, что буду у тебя на именинахъ, и настоялъ на своемъ! — быстро проговорилъ онъ. — Это шапанъ тебѣ прислала, а это я тебѣ дарю на память...

Онъ вдругъ оборвалъ рѣчь и торопливо расшаркался, обратившись къ противоположной двери. Все обернулись въ этомъ направленіи и увидали стоящую въ дверяхъ Настю. Она, широко открывъ глаза, съ изумленіемъ смотрѣла на гостя.

— Это моя двоюродная сестра, — сказалъ Митя и, взявъ за руку князя, подвелъ его къ Настѣ.

Она, вся вспыхнувъ, неловко пожала протянутую ей руку. Князекъ тоже былъ почему-то сконфуженъ. Митя засмѣялся и проговорилъ:

— Вы точно козлы другъ противъ друга стоите... Ну, пойдѣмъ ко мнѣ!...

Онъ потащилъ князю въ свою комнату.

Не прошло и пяти минутъ, какъ князекъ совсѣмъ приободрился и развеселился. Его занимало все. Онъ разглядывалъ цвѣты на окнахъ, — онъ такихъ никогда не видалъ: герани съ вырѣз-

ными листьями, золотыя деревья, простые кактусы, стручковый перец съ красными плодами.

— А это что?... Это яйцо привѣшено зачѣмъ?—спрашивалъ онъ.

— Это не яйцо, а на деревѣ плодъ такой. Впрочемъ, у насъ это растеніе такъ и зовутъ яйцами, — отвѣтилъ Митя. — Чортъ его знаетъ, какое у него настоящее названіе. Въ казармахъ его всѣ солдаты держатъ.

— А ты вотъ тутъ и спишь? Это твоя комната? — спрашивалъ князь, осматривая комнату.

— Да, я здѣсь сплю, а тамъ сестра за драпировкой, — отвѣтилъ Митя и вдругъ что-то вспомнилъ. — Да, хорошъ я хозяинъ и не угощаю тебя. Будешь у насъ ѣсть?

— Я не завтракалъ, — отвѣтилъ князь.

— Ну, и отлично. Пирогов дадутъ, пирога ты и не ѣдалъ. У меня, братъ, не поварь, а мать сама стряпаетъ.

Митя побѣжалъ въ кухню.

— Мама, мама, пирога намъ и кофе!—сказалъ онъ.

— Да развѣ ихъ сѣятельство будетъ?—начала Марья Ѳедоровна, успѣвшая принарядиться въ какой-то чепецъ съ пестрыми бантами и влѣтчатый палантинъ.

— Еще бы!—отвѣтилъ Митя и крикнулъ. — Ваше сѣятельство, мать вонъ думаетъ, что ты и не ѣшь, и не пьешь...

— Что?—отозвался громко князь.

Марья Ѳедоровна укоризненно покачала головой Митѣ и заморгала глазами.

— Какъ же такъ можно, какъ можно!—прошептала она.

Но Митя уже удралъ изъ кухни къ пріятелю.

Не прошло и десяти минутъ, какъ всѣ усѣлись за столъ въ комнатѣ Анны Андреевны, такъ какъ эта комната носила названіе гостиной, и принялись за пирогъ. Митя дурачился, какъ никогда, и увлекъ своимъ примѣромъ Русова. Настя тоже оживилась и съ разгорѣвшимся лицомъ не спускала глазъ съ князька. Онъ казался ей какимъ-то херувимомъ съ вербы. Курчавые волосы, нѣжный цвѣтъ лица, крошечныя руки, граціозная фигура, щеголеватая одежда—все въ немъ поражаемо дѣвочку. Ей ужасно хотѣлось расцѣловать его.

Наконецъ пирогъ былъ истребленъ въ значительномъ количествѣ, кофе допить и Лампадовъ напомнилъ князю, что пора ѣхать. Князь не охотно всталъ, расшаркался передъ Марьей Ѳе-

доровной и сталъ собираться домой, пожавъ руки присутствующимъ. Митя горячо обнялъ его и вдругъ совершенно измѣнившимся, взволнованнымъ голосомъ шеннулъ ему:

— Ну, спасибо, спасибо!... Я тебѣ когда-нибудь расскажу, что я прежде думалъ...

— А что?—спросилъ князь.

— Нѣтъ, это когда-нибудь послѣ... Скверный я въ сущности мальчишка.

— Да что такое?

— Послѣ, послѣ!... А теперь спасибо тебѣ... А матери своей поцѣлуй за меня всѣ, всѣ пальчики!...

— Буда же ты, куда? Сегодня холодно!—сказалъ ему князь, видя, что онъ идетъ провожать его на улицу.

— Ну да, ты думаешь, я не бѣгаю по двору въ одномъ сюртучишкѣ... Я вѣдь не ты! Ты думаешь, дрова-то со двора я въ шубѣ таскаю?—отвѣтилъ Митя.

Онъ проводилъ гостя до саней, усадилъ его и дядю въ сани и долго махалъ рукой повернувшему къ нему голову князьку.

Не прошло и получаса, какъ въ Захолустной улицѣ всѣ знали, что у Орловыхъ былъ на именинномъ пирогѣ сынъ князя Русова. Оказалось вдругъ, что захолустенцы «доподлинно знали, что князь Русовъ самый полный генералъ отъ инфантеріи, самый что ни на есть первый миллионщикъ, у котораго самъ царь бываетъ».

— Ишь ты наши-то куда лѣзутъ!—говорили обыватели, и радуясь, и завидуя счастью Орловыхъ.

III.

Бнягиня подарила Митѣ небольшіе золотые часы, а маленькій князь изящную карманную чернильницу изъ бронзы. Но Митя едва успѣлъ полюбоваться этими подарками въ день своихъ именинъ. Эти вещи въ тотъ день перешли черезъ десятки рукъ. Начиная съ Кузьминишны и кончая домовымъ дворникомъ, всѣ пересмотрѣли, что «нашему-то Митѣ» подарили князья Русовы. Всѣ со всѣхъ сторонъ перевернули эти вещи въ своихъ болѣе или менѣе грубыхъ рабочихъ рукахъ и всѣ согласились съ тѣмъ, что «отецъ-то до сѣдыхъ волосъ дожилъ, да такихъ вещей не жалилъ, такъ это цѣнить и помнить надо».

Но этотъ визитъ и этотъ день были знаменательны въ жизни Мити не ради этихъ подарковъ; они оставили въ душѣ мальчика

неизгладимый слѣдъ; мальчикъ, правда, не сознавалъ, что совершилось въ его душѣ, но въ ней произошелъ какой-то переворотъ, крупный и рѣзкій, повліявшій значительно на всю будущую жизнь ребенка. Митя былъ весь этотъ день необыкновенно веселъ и самъ не замѣчалъ, что онъ разъ десять повторялъ одну и ту же фразу: «о, онъ очень, очень добрый мальчикъ!» Вечеромъ, когда онъ ложился спать, онъ вдругъ опять вспомнилъ, какъ онъ сомнѣвался въ томъ, что его другъ придетъ къ нему, какъ онъ предполагалъ, что князекъ брезгливо отнесется къ его обстановкѣ, и ему становилось и больно, и стыдно. Ему казалось, что онъ злой и неблагодарный человекъ, что онъ не умѣетъ любить и не умѣетъ вѣрить любви. Ему хотѣлось во всемъ скорѣе признаться другу и увѣрить того, что онъ, Митя, любить его такъ крѣпко, крѣпко... ну, больше, чѣмъ отца и мать. Нервная, страстная натура ребенка сказывалась и тутъ, все преувеличивая, всемъ увлекаясь черезъ край. Митя былъ бы невообразимо счастливъ, еслибъ онъ могъ въ это время оказать какую-нибудь услугу, принести какую-нибудь жертву своему другу; чтобы на дѣлѣ засвидѣтельствовать свою преданность ему. Мальчуганъ, кажется, разрыдался бы или выцарапалъ бы глаза тому, кто рѣшился бы сказать, что ни въ этомъ визитѣ къ нему князька, ни въ дружбѣ послѣдняго съ нимъ не было ничего необыкновеннаго, что восторгаться тутъ совершенно не чѣмъ. Но Митю никто и не разувѣрялъ,—напротивъ того, кругомъ него всѣ только и говорили объ одномъ, что маленькій князь Русовъ видно въ отца и въ мать, что «отецъ его генералъ, а такъ прость, такъ прость, что такихъ простыхъ людей и со свѣчей не найдешь», что «мать его и пріюты, и школы, и богадѣльни—все на свой коштъ содержитъ», что «крестьяне ихъ какъ у Христа за пазухой живутъ». О князьяхъ Русовыхъ въ Захолустной улицѣ, имѣвшей обо всемъ свои достовѣрныя свѣдѣнія, вдругъ выплыли на свѣтъ Божій цѣлая легенда, въ родѣ легенды о Гарунѣ-аль-Рашидѣ, ходящемъ переодѣтымъ по городу, чтобы узнать правду о положеніи народа. Митя былъ въ восторгѣ отъ этихъ рассказовъ; они еще болѣе поднимали его душевное настроеніе. Онъ нетерпѣливо ждалъ первой свободной минуты, чтобы побывать у Русовыхъ, и впервые явился къ нимъ одинъ, безъ Лампадова; не дожидаясь приглашенія. Еслибы кто-нибудь попристальнѣе взглянулъ теперь на встрѣчу двухъ юныхъ друзей, тотъ сразу бы понялъ, что между ними уничтожились навсегда всякія перегородки. Такъ

встрѣчаются только любящіе братья послѣ разлуки, такъ встрѣчаются только подростки, узнавшіе впервые поэтическое чувство дружбы. У нихъ у обоихъ было такъ много чего-то такого, что они хотѣли сообщить другъ другу, но все это вдругъ забылось и осталось одно чувство радости, что они вмѣстѣ. Они говорили о пустякахъ, но имъ было такъ весело, точно объ этихъ пустякахъ они только и могли наговориться другъ съ другомъ. Бъ одному князьву привезли въ гости какихъ-то другихъ дѣтей и онъ очень разсердился, что они не во время пріѣхали, что съ ними скука страшная, что они глупыя. Митѣ было очень пріятно сравнить, какъ относился теперь Русовъ къ нему и къ этимъ гостямъ; онъ понялъ сразу, что на своемъ мѣстѣ здѣсь онъ, а не эти дѣти важныхъ особъ. Впервые онъ чувствовалъ себя здѣсь вполне дома, а не въ гостяхъ. Безсознательно онъ игралъ роль хозяина, показывалъ дѣтямъ книги князька, занималъ ихъ разговорами и ему было весело, что онъ можетъ это дѣлать. Онъ нѣсколько разъ въ этотъ день повторилъ фразу:

— Мы съ Сашей!

Она ему очень понравилась.

Черезъ нѣсколько дней Русовы прислали за Митей экипажъ, чтобы привезти его прямо изъ гимназіи къ обѣду. Вмѣстѣ съ Митей выходилъ изъ гимназіи одинъ изъ учителей. Онъ замѣтилъ мальчику.

— Ого, какія у васъ лошади!

— Это не мои, а князя Русова,—отвѣтилъ Митя.

— Вы развѣ съ нимъ знакомы?—спросилъ учитель не безъ удивленія.

— Я съ его сыномъ друженъ,—отвѣтилъ Орловъ.

Онъ былъ радъ, что и учитель, и товарищи видѣли этихъ лошадей, этотъ экипажъ и знали, что онъ, Митя, друженъ съ княземъ Русовымъ. Онъ испытывалъ то же ощущеніе, какое испытываетъ человѣкъ, долго шедшій по трясинѣ и, наконецъ, добравшійся до твердой почвы: онъ хотѣлъ не просто идти по этой почвѣ, но надавливать на нее ногами, ступать тяжелѣе, чтобъ еще болѣе убѣдиться, что земля уже не колеблется болѣе подъ нимъ. Ему хотѣлось, чтобъ его видѣли съ князьями Русовыми не одни обыватели Захолустной улицы, не одни гимназисты и учителя, а «все люди». Когда онъ впервые попалъ съ Русовыми въ театръ, ему казалось, что все смотрятъ на него. Самъ не

замѣчая того, онъ очень громко и слишкомъ часто говорилъ маленькому Русову «ты».

Этотъ періодъ продолжался, впрочемъ, не особенно долго: чистая юношеская привязанность скоро заглушила пустую суетность, мелочное тщеславіе, мѣщанское бахвальство. Юноша былъ слишкомъ самолюбивъ для роли приживалки и прихлебателя. Его каждый разъ сердили замѣчанія родныхъ и знакомыхъ о томъ, что Русовы—его благодѣтели, что онъ долженъ и сносить многое отъ Русовыхъ, только бы они его не выгнали. Онъ всеми силами протестовалъ противъ этого и старался держать себя независимо, на равной ногѣ съ Александромъ Русовымъ. Это было ему тѣмъ легче сдѣлать, что юный князь былъ гораздо слабѣе его по натурѣ, по характеру, и скорѣе подчинялся ему, чѣмъ подчинялъ его. Но, держась независимо, Митя все-таки чувствовалъ искреннюю привязанность къ князю. Онъ понималъ, какъ безгранична была эта привязанность въ его сердцѣ, когда онъ вдругъ узналъ, что молодой Русовъ заболѣлъ. Ни на одну минуту не промелькнуло въ его умѣ, какія послѣдствія можетъ повлечь смерть богатаго друга для него. Онъ просто боялся его потерять потому, что онъ любилъ его. Всѣхъ въ семьѣ Орловыхъ изумило горе Мити; никто изъ его домашнихъ людей никогда даже и не предполагалъ, что онъ можетъ такъ сильно чувствовать. Марья Федоровна замѣтила ему:

— Ну, голубчикъ, что же такъ убиваться-то! Если и умреть князекъ, княгиня тебя теперь не забудетъ, въ память его.

— Что вы мнѣ говорите!—раздражительно воскликнулъ Митя. — Развѣ я нищій, что только о деньгахъ и могу плакать? Пусть они мнѣ ничего не дадутъ, только бы онъ не умеръ! Ничего мнѣ отъ нихъ не надо, ничего! И безъ нихъ я пробью себѣ дорогу. Слава Богу, не дуракомъ родился. Я объ немъ плачу, потому что у меня никого кромѣ его нѣтъ...

Марья Федоровна даже изумилась, какъ это у Мити никого кромѣ князя нѣтъ. А она, а сестра, а отецъ?

— Ну, чужіе-то лучше своихъ не будутъ,—не то наставительно, не то обидчиво замѣтила она.—Хореводитесь, пока малы, а подрастетъ онъ, такъ и знать, можетъ-быть, тебя не захочетъ...

Митя не слушалъ, не хотѣлъ слушать ее.

Княгиню сильно тронула привязанность мальчика къ ея сыну. Онъ ежедневно приходилъ справляться о здоровьи князька, онъ

упросил княгиню со слезами на глазахъ, чтобъ она позволила ему провести ночь у постели больного, именно ту ночь, за которую такъ опасались доктора.

— Я не щевельнусь, не профрону ни слова,—говорилъ онъ ей, цѣлуя ея руки.

Эти слезы, этотъ страстный шепотъ побѣдили княгиню и Митѣ было дозволено продежурить вмѣстѣ съ сидѣлкой у постели больного. Больной перенесъ кризисъ и сталъ поправляться. Первый человѣкъ, которому онъ слабо улыбнулся, былъ Митя. Съ этой минуты уже не Митя просилъ, чтобъ его допускали къ больному, а за Митей посылали, если онъ запаздывалъ хоть на одинъ часъ. Бнязекъ и капризничалъ, и чувствовалъ себя хуже, когда около него не было его друга.

— Но ты запустишь свои уроки и совсѣмъ утомишь себя,—говорила Митѣ княгиня.

— Что мнѣ уроки, что усталось! Онъ бы только ожилъ!—говорилъ съ увлеченіемъ Митя.

Его глаза, его лицо свѣтились такимъ страстнымъ чувствомъ, что княгиня невольно засматривалась на него. Ея дѣти казались такими вялыми въ сравненіи съ нимъ.

Однажды вечеромъ онъ одинъ сидѣлъ у постели князька, страдавшаго теперь безсонницей. Больной смотрѣлъ на него съ ласковой улыбкой.

— Ты одинъ все со мной, всегда со мной!—проговорилъ онъ задумчиво.—Спасибо тебѣ!

Онъ взялъ руку Мити и поцѣловалъ ее. Митя смутился.

— Что ты, что ты!—проговорилъ онъ и нагнулся поцѣловать его.

— Что-жь, я не стыжусь... Я при всѣхъ, при всѣхъ поцѣлую тебѣ руку!—сказалъ больной.—Ты не знаешь, какъ я люблю тебя, за что я люблю тебя... Ты не знаешь, что я очень, очень несчастный!

Митя изумился этому признанію. Онъ никакъ не могъ себѣ представить, что князь можетъ быть несчастливъ.

— Ты... несчастный?—воскликнулъ онъ.

Больной вздохнулъ.

— Да,—сказалъ онъ.—Я никому, конечно, не говорю, потому что говорить о себѣ, о своихъ не слѣдуетъ,—это нехорошо, неприлично... Но тебѣ я могу все сказать, все, и о чемъ

я думаю, и что чувствую... Я уже не маленький. Мнѣ, какъ и тебѣ, четырнадцать лѣтъ...

— Мнѣ уже пятнадцать,—сказалъ Митя.

— Да, ты старше меня... Но и я не маленький... Я все понимаю, что дѣлается кругомъ... Ты вотъ видишь, что я богатъ, и думаешь, что это счастье... А ты посмотри, я все одинъ и одинъ... Рара и шатап у меня, ты знаешь, добрые, очень добрые... Это всѣ знаютъ—и знакомые, и дворовые, и крестьяне... Но я одинъ!... У рара все дѣла, цѣлый день дѣла; у шатап или гости, или комитеты. Ну, я и остаюсь одинъ... Утромъ скажешь: bonjour, шатап! bonjour, рара!—а потомъ ихъ и не видишь почти...

— Но у тебя столько знакомыхъ дѣтей, товарищей.

— Что это за товарищи!—воскликнулъ презрительно больной.—Такъ и кажется, что они все боятся курточки да мундиры измять. Ходятъ по стрункѣ, говорятъ какъ ихъ научили говорить, живаго слова не смѣютъ сказать.

Онъ вдругъ засмѣялся.

— Ты знаешь, съ какихъ поръ я тебя полюбилъ? — спросилъ онъ.—Съ того самаго дня, когда ты вдругъ такъ крѣпко, крѣпко обнялъ меня и поцѣловалъ въ губы при первой встрѣчѣ. Наши просто расшаркались бы и пожали бы мнѣ руку, а ты обнялъ и поцѣловалъ, точно роднаго... Я тебя тогда же и полюбилъ... А потомъ, когда, бывало, ты приходилъ, мнѣ всегда становилось весело: ты всѣмъ интересовался, всѣмъ восхищался, тормозилъ меня, заставляя смѣяться вмѣстѣ съ тобой... Не даромъ тебя шатап зоветъ: «нашъ маленький ураганъ»...

Митя впервые слышалъ, что княгиня дала ему такую кличку.

— Ты знаешь, я не такой, какъ ты... Мосье Жобаръ зоветъ меня «кислымъ»... Рара какъ-то замѣтилъ, что я точно «нервная барышня»... Матап говоритъ, что это потому, что у меня поэтическая натура... Можетъ-быть, я не знаю... Но что-жь дѣлать, не могу я быть веселымъ, когда мнѣ скучно... Я только при тебѣ и оживаю...

Князь тяжело вздохнулъ.

— И какъ я позавидовалъ тебѣ, когда былъ у васъ!—продолжалъ онъ.—Вы тамъ всѣ вмѣстѣ, всѣ вмѣстѣ, а тутъ точно въ очарованномъ замкѣ — картины, статуи, цвѣты и ни души близкихъ. Только мосье Жобаръ тѣню слѣдитъ по пятамъ, только лакеи замерли на вытяжку у дверей...

— Но у тебя есть сестры, — сказалъ Митя.

— Онѣ обѣ еще такъ малы и притомъ онѣ съ миссъ Пирсъ живутъ на отдѣльной половинѣ... Вѣдь у насъ не такъ, какъ у васъ; ты вонъ живешь съ сестрой въ одной комнатѣ...

Онъ вдругъ улыбнулся.

— Красавица она! — проговорилъ онъ.

— Кто это, Настя-то? — спросилъ Митя.

— Да, — сказалъ больной, кивнувъ головой. — Я маманъ рассказывалъ все, что видѣлъ у тебя, и сказалъ, какая красавица у тебя сестра... А маманъ говоритъ: «о, ты уже начинаешь влюбляться!» Зачѣмъ она это сказала?... Я и не думалъ влюбляться... Это очень скверно, что у насъ всѣ влюбляются и развратничаютъ...

— Развратничаютъ? — спросилъ Митя съ недоумѣніемъ.

— Ну, да... Отъ насъ, отъ дѣтей, хотять все это скрыть, но что мы знаемъ, что мы знаемъ!...

Онъ опять глубоко вздохнулъ.

— Я вотъ такъ возненавидѣлъ, такъ возненавидѣлъ одну женщину съ тѣхъ поръ, какъ мнѣ сказали, кто она, что видѣть ее не могу.

— Кто же она? — спросилъ Митя.

— Она танцовщица въ балетѣ, — отвѣтилъ больной. — Ее зовутъ Андроновой. Ты ее видѣлъ, когда былъ съ нами въ балетѣ. Недавно мы опять были въ балетѣ. Намъ, дѣтямъ, взяли ложу, а рара былъ въ креслахъ, у самаго прохода, у него тамъ въ первомъ ряду и кресло особое. Когда вышла Андропова, кузень Поль шепнулъ мнѣ: «Посмотри, какъ твой отецъ аплодируетъ»... Ты знаешь кузена Поля... того, что въ школѣ гвардейскихъ подпоручиковъ теперь. Ему вѣдь семнадцать лѣтъ и онъ какъ большой себя держитъ. Маманъ называетъ его повѣсой. Когда онъ сказалъ мнѣ про рара, я посмотрѣлъ въ ту сторону, и точно, рара аплодировалъ. «Она у него на содержани», — шепнулъ мнѣ кузень. Я весь вспыхнулъ. «Ты жеешь, — сказалъ я, — маманъ такъ хороша, рара ее любитъ». — «Ну, да, любитъ! — засмѣялся онъ. — А любовницу все же содержитъ. У всѣхъ у мужчинъ есть любовницы. И про это всѣ знаютъ». Мнѣ такъ стало тяжело, такъ тяжело!... Маманъ такая добрая, такая хорошенькая, а у него любовница! Маманъ должно-быть очень это обидно, что рара любитъ другую женщину. И еще кузень Поль

сказалъ: «а я думаю, она такъ-то его обманываетъ на сторонѣ». Скверная женщина!... Я ее презираю, я ее ненавижу.

Онъ былъ сильно взволнованъ. Митя тоже смотрѣлъ невесело. Онъ никакъ не думалъ, чтобъ и здѣсь, среди богатства и роскоши, были свои невзгоды, свои страданія.

— И у рара тамъ есть другія дѣти отъ нея! — продолжалъ князь. — Онъ, вѣрно, все у нихъ и проводитъ время, когда говоритъ, что уѣзжаетъ по дѣламъ, а мы одни... Къ намъ онъ почти не заглядываетъ... Правда, онъ нашу Соню любить... Но вѣдь Соню всѣ любятъ, даже чужіе... Она такая ласковая... всѣмъ свои ручонки протягиваетъ... Вонъ и къ тебѣ, какъ только увидитъ тебя, на руки идетъ... А меня такъ рара, кажется, просто презираетъ...

— Полно! — сказалъ Митя. — Твой отецъ такъ добръ!

— Да, да, добръ, но не въ отношеніи меня... Онъ тебя больше любитъ, чѣмъ меня.

— Что это тебѣ приходится въ голову?

— Да, да, ужь это такъ! Мнѣ иногда кажется, что онъ презираетъ, ненавидитъ меня... Я не знаю, почему, но я это чувствую...

Черезъ минуту онъ продолжалъ:

— Я радъ, что могу говорить съ тобой откровенно. Ты вотъ теперь знаешь, почему я несчастливъ. Другіе же... я имъ никогда, никогда не рѣшусь сказать этого! Кузень Поль вонъ смѣется и говоритъ: «Подожди годика два и у тебя будутъ любовницы. Я въ твои годы уже завелъ интрижку съ гувернанткой сестеръ, а потомъ проникъ въ дѣвичью въ деревнѣ. Правда, у васъ и гувернантки-то молодой нѣтъ, и дворовыхъ дѣвогъ не держите. Старуху какую-то трехъаршинную къ дѣвочкамъ взяли. А молоденькая сама научила бы тебя всему...» Онъ ужасно развратный, этотъ кузень Поль, и надо всѣмъ смѣется, всѣхъ чернить... Впрочемъ, у насъ почти всѣ такіе!... Мосъе Жобаръ тоже сторону кузена Поля держитъ и они вмѣстѣ секретничаютъ и надо мной смѣются... Я же это вижу!

Большой долго не умолкалъ. Ему, казалось, хотѣлось высказать все, что наболѣло у него на душѣ, что онъ долженъ былъ скрывать отъ окружающихъ подъ маской приличія и спокойствія. Онъ жадовался немного плаксиво, малодушно, какъ слабая женщина. Изнѣженный, слабый и хрупкій, онъ точно просилъ помощи и защиты, ласкъ и утѣшеній.

Этотъ вечеръ оставилъ неизгладимый слѣдъ въ душѣ Мити и юноша проникся еще большею привязанностью и благоговѣніемъ къ княгинѣ. Она представлялась ему теперь не только прелестною феей, не только безгранично доброю женщиной, но и страдальцей, безропотно выносящею свое горе. Митя удивлялся, какъ можетъ она такъ искусно скрывать свои чувства, являясь всегда съ улыбкой на лицѣ, съ словомъ привѣта на устахъ. Да она просто святая! Передъ нею нужно благоговѣть и преклоняться. Онъ такъ и сталъ смотрѣть теперь на княгиню. Его обожаніе этой женщины становилось такъ явно, такъ очевидно, что княгиня не могла этого не замѣтить; это иногда смѣшило ее, иногда смущало. Она, конечно, не знала, что Митя нашелъ и утаилъ у себя на память ея перчатку, какъ какую-нибудь святыню. Но она инстинктивно сознавала, что съ нея не спускаются глаза этого юноши, когда онъ находится въ ея присутствіи, что онъ ловитъ съ восторгомъ каждое ея слово, что онъ весь сіяетъ, когда она приласкаетъ его.

Разъ какъ-то онъ задѣлъ въ ея кабинетѣ за флаконъ и разбилъ его.

— Надо быть осторожнѣе! — проговорила княгиня, нервно вздрогнувшая отъ неожиданности.

Митя замеръ на мѣстѣ и поблѣднѣлъ, какъ полотно. Княгиня взглянула на него и испугалась. Ей показалось, что съ нимъ дѣлается дурно. Она быстро подошла къ нему и взяла его за плечи:

— Что съ тобой?—ласково спросила она.

Его душили слезы.

— Ради Бога... ради Бога... не сердитесь! — шептала онъ, задыхаясь.

— Митя, Митя! какъ тебѣ не стыдно думать, что я могу разсердиться за такіе пустяки!—сказала она.

— Но это ваша вещь... ваша, а я разбилъ!—шептала онъ въ страстномъ волненіи.

Княгиня, улыбаясь, поцѣловала его въ голову. Онъ порывисто покрылъ поцѣлуями ея руку. Ей вдругъ стало какъ будто жутко: передъ ней стоялъ пятнадцатилѣтній юноша, а въ его поцѣлуяхъ предчувствовалась уже не дѣтская любовь.

— Дитя, у тебя все крайности, все порывы, ни въ чемъ нѣтъ мѣры,—сказала она серьезно. — Надо учиться быть сдержаннѣе, болѣе владѣть собой, подавлять внезапныя вспышки

чувствъ и впечатлѣній... Такъ нельзя, это ведетъ къ неловкостямъ, можетъ стѣбонять другихъ. Ты вотъ иногда такъ пристально смотришь, такъ вливаешься глазами, что дѣлается неловко. Тебѣ еще нужно быть ребенкомъ, играть, прыгать, а не...

Она вдругъ оборвала рѣчь и, потрепавъ его по щекѣ, вышла.

А онъ, не трогаясь съ мѣста, думалъ: «нужно быть ребенкомъ, играть, прыгать, а не...» Чего она не досказала? Господи, еслибъ онъ онъ могъ догадаться! Еслибъ онъ догадался, онъ сдѣлалъ бы всѣ усилія, чтобъ исполнить ея совѣтъ. Но она не досказала, а онъ не догадывался! Это его мучило.

Сами обстоятельства, впрочемъ, сложились такъ, что съ нѣкотораго времени Митя сталъ рѣже видѣть княгиню: молодаго князя Русова отдали въ школу гвардейскихъ подпрапорщиковъ. Митѣ приходилось бывать у Русовыхъ по-неволѣ только въ праздники, а въ праздники у княгини были вѣчно гости и гости.

Эта переиѣна обстоятельствъ была скорѣе благотворна, чѣмъ вредна для Мити: онъ могъ полнѣе отдаться гимназии, менѣе развлекаясь визитами къ Русовымъ и разѣздами съ ними по театрамъ. Онъ всегда учился хорошо, какъ учится большинство дѣтей съ сильно развитымъ самолюбіемъ. Но теперь онъ сталъ заниматься съ лихорадочнымъ рвеніемъ, стараясь заглушить безотчетную скуку, томившую его въ родномъ углѣ, гдѣ послѣ богатыхъ хоромъ князей Русовыхъ ему казалось и тѣсно, и неприглядно, гдѣ досаждали ему мелочныя заботы, знакомыя только бѣднякамъ.

Съ нѣкоторыхъ поръ эти заботы начали рости очень замѣтно и главнымъ источникомъ ихъ, главною причиною ихъ была Настя. Ее уже давно пристроили въ модный магазинъ. Сначала она ходила на работу ежедневно, потомъ она начала иногда оставаться въ магазинѣ ночевать, наконецъ она стала жаловаться на то, что ей тяжело ходить такъ далеко. Марья Федоровна отчасти была бы рада отдать ее жить въ магазинъ, такъ какъ все-таки лишній ротъ убавится въ домъ, лишнихъ же ртовъ было не мало: Орловымъ приходилось не только помогать дѣтямъ тетки Дарьи, бывшимъ въ пріютъ, но и взять, наконецъ, къ себѣ въ домъ одного изъ ея дѣтей, Лешу, оказавшагося вполне идиотомъ. Тутъ по-неволѣ хотѣлось сбыть съ рукъ хоть одинъ лишній ротъ. Но, съ другой стороны, Орлова опасалась послѣдствій этой жизни у модистки.

— Избалуешься ты, дѣвка, тамъ съ товарами, — замѣтила мѣ-то Орлова племянницѣ. — Тебѣ только бы съ глазъ тетки скрыться, чтобы концы схоронить. Тоже вѣшь набая дылда выросла и все наровишь, какъ бы къ зеркалу подойти. Ишь, бантики да кружевца стала носить. Мы-то въ твои годы кромѣ ситцеваго платья никакихъ нарядовъ не знали. Моя мать благородная дама была, дворянка, своихъ крупнотныхъ дѣвонъ имѣла, барышней меня воспитала, а такъ-то бы отшлепала по загорбку, еслибъ я смѣла такія кудри распустить, какія ты распускаешь. Мы иной и прически въ наше время не носили, какъ гладенько волосы причешешь, да косу скромненько свернешь пределькомъ на затылкѣ — вотъ и все. А ты, смотри, точно мамзель какая, только и думаешь, чтобы расфуфыриться.

— Да нельзя же въ магазинѣ какъ горничной ходить, — проговорила Настя въ свое оправданіе. — Ъкъ намъ тоже господа ѣздить.

— На наряды ваши они смотрѣть ѣздить, что-ли?

— Не на наряды смотрѣть, а тоже выйдешь къ нимъ замарашкой, говорить не стануть. — Наша мадамъ всегда намъ говоритъ: «дѣвушка должна стараться быть прилично одѣтой — это главное».

— Дура ваша мадамъ, дура! — сердито сказала Марья Федоровна. — Не объ нарядахъ думать главное, а себя соблюдать — вотъ что главное.

— Да развѣ я себя не соблюдаю, тетя? — обидчиво возразила Настя. — Тоже, кажется, не маленькая, знаю, что ни за грошъ, ни за денежку, пропадать не сладко.

— Соблюдаешь, соблюдаешь! — загорячилась Марья Федоровна. — А самой пошелъ восемнадцатый годъ, а отъ жениховъ отказываешься. Видно не то уже на умѣ!

— Кто эти женихи-то? — воскликнула Настя. — Лавочникъ-то Пановъ сваху подсылалъ... Такъ я еще и думать-то не стану о такомъ сиволапомъ мужикѣ!

— Глупая, глупая, да у этого-то сиволапаго, мужика деньги! — съ упрекомъ сказала Марья Федоровна.

— Ну, и пусть сидятъ съ своими деньгами!

— И будетъ сидѣть, тебѣ же отдастъ ихъ и плакать тоже не будетъ, что носъ отъ него воротить!

— А мнѣ-то что, будетъ или не будетъ плакать?... Лавочницей-то все же не буду!

— Скажите, пожалуйста, генерала, вѣрно, ждешь! Да нынѣ только лавочникамъ и житье!... Кто народъ обдуваетъ, да обшиваетъ, кто съ живаго и мертваго деретъ, кто капиталы ссачиваетъ, да дома строить?—Все лавочники... Небойсь, эти и роны не проглядятъ, всякаго заклюютъ.

Настя расхохоталась.

— Аттестовали, аттестовали жениха-то, нечего сказать! проговорила она. — Да ужь лучше камень на шею и въ водѣ чѣмъ за такого провоніицу идти.

— Дура, дура!—разсердилась Марья Федоровна. — Ей добелаешь, а она зубы скалитъ.

— Да вы, тетя, не сердитесь, — сказала Настя, подавивъ смѣхъ. — Я подумаю, можетъ-быть и выйду за кого-нибудь и мужъ, а теперь еще рано. На шеѣ ни у кого я не сижу. Слава Богу, свой хлѣбъ заработать теперь могу. Конечно, мнѣ тяжело было, когда я знала, что у васъ кусокъ хлѣба отнимаю, стѣсняю васъ. А теперь...

— Что же, я попрекала тебя когда кускомъ-то, что-ли? — сказала Марья Федоровна, обидясь въ свою очередь.

— Не попрекали, да вѣдь сама я знаю, что вамъ не легка Вонъ и безъ меня рты у васъ на шеѣ: моимъ же сестренкамъ да братишкѣ въ пріютъ то то, то другое тащите. Навязали мы вамъ на шею. Безъ насъ-то много бы легче было вамъ, голубушка...

— Ну, полно, полно!—отрывисто сказала Марья Федоровна. — Я никому не жалуюсь, никого не попрекаю... Не чужіе-вы намъ слава Богу...

— А вотъ теперь еще Лѣна на шею сѣлъ...

— Ты Лѣну-то въ покоѣ оставь... Лѣна—Божій человекъ. На него Господь Богъ пошлетъ...

— Пошлетъ не пошлетъ, а кормить мальчишка тоже вамъ приходится.

— И накормлю, и накормлю!... У людей Христа ради кусокъ хлѣба для него не попрошу; какъ бы ни пришлось тяжело...

Орлова вздохнула.

— Только ты-то себя береги, дѣвка, пуще глаза береги! — проговорила она. — Разъ свихнешься съ пути, во вѣкъ не оправишься. Тоже сама и слышала, и видѣла, какъ наша сестра гибнетъ. Не въ барскихъ хоромахъ росла, а на улицѣ, на народѣ, такъ знаешь, какъ да что на свѣтѣ дѣлается.

Марья Фёдоровна начала подробно толковать о томъ, какъ гибнуть «наша сестра», привела нѣсколько примѣровъ этихъ погибшихъ сестеръ, «въ шелку ходившихъ и въ кабагѣхъ вѣкъ кончавшихъ».

Но Настя слушала ее разсѣянно, съ скучающимъ лицомъ; она все это сама знала, едва ли не лучше тетки, и уже давно говорила, что мужчины—всѣ «обманщики».

Довольно часто и долго повторялись эти сцены борьбы тетки и племянницы изъ-за вопроса, гдѣ жить послѣдней, дома или въ магазинѣ. Наконецъ, побѣда осталась за племянницей и въ квартирѣ Орловыхъ убавилось еще одно лицо, близкое Митѣ. Съ Настей онъ привыкъ дѣлиться и горемъ, и радостями, и ему было тяжело разставаться съ ней. Она тоже жалѣла о немъ, только о немъ изъ всей семьи.

— Ты забѣжи какъ-нибудь ко мнѣ,—говорила она ему, обнимая и цѣлуя его на прощаньи.—Я тоже по праздникамъ буду приходить...

Она ушла. Въ квартирѣ точно пусто стало. Настя была здѣсь единственнымъ человѣкомъ, рѣшавшимся громко смѣяться, беззаботно пѣть, выгидывать шаловливыя штуки въ родѣ навязыванія бумажки на хвостъ кошкѣ, въ родѣ танцевъ со стуломъ, въ родѣ передразниванья какого-нибудь солдата, кричавшаго на дворѣ: «башмаковъ, башмаковъ!»

Безъ Насти прекратились и эти шаловливыя выходки, и въ домѣ воцарилось могильное затишье. Тяжелое настроеніе не ускользнуло даже отъ вниманія идіота Лёши.

— Скучно вамъ, братецъ, безъ Насти?—спросилъ онъ какъ-то у Мити.—Лёшѣ тоже скучно... Лёша долго, долго плакалъ о Настѣ, а потомъ Фёдоръ Гавриловичъ пришелъ и погрозилъ Лёшѣ кулакомъ: «цыцъ, не смѣй плакать...» Лёша замолчалъ, замолчалъ и не плачетъ...

Митя задумчиво слушалъ безсвязную болтовню идіота.

— Вы, братецъ, не скучайте, Лёша будетъ съ вами,—пропалъ идіотъ.—Лёша васъ очень, очень любитъ... Вы Лёшѣ вотъ пряники носите, яблоки, а Лёша васъ любитъ....

Митя приласкалъ мальчика, тотъ прижался къ нему, какъ жуются котята, когда ихъ гладятъ.

— А хорошо у васъ братецъ сапоги вычищены?—таинственно спросилъ онъ.

— Хорошо. А что?

— Это я чистилъ-съ!

— Ты? Зачѣмъ же? Это дѣло кухарки...

Орловы уже держали служанку, такъ какъ Марья Ѳедоровна было трудно справляться одной съ хозяйствомъ.

— Лѣша не дастъ кухаркѣ, не дастъ кухаркѣ чистить сапоги братца... Лѣша самъ вычиститъ... Братецъ добрый, шубы носить, яблоки носить. Лѣша все ему самъ сдѣластъ...

— Добрый ты мальчикъ, — ласково сказалъ Митя.

— Добрый, добрый... А Ѳедоръ Гаврилычъ все ругаетъ бьетъ Лѣшу... Больно бьетъ!

Въ голосѣ идиота послышались слезы.

— Ну, полно, полно, я прогоню Ѳедора Гаврилыча, — сказалъ Митя.

— Прогоните Ѳедора Гаврилыча? А онъ и васъ прибьетъ? Не надо, не надо!... Пусть ужъ меня только, пусть! — проговорилъ идиотъ.

Онъ былъ жалокъ.

На видъ Лѣша казался здоровымъ мальчикомъ. Бѣлый, краснощекий, полный и высокій, онъ былъ даже красивъ. Въ немъ и ражали только безсмысленное, выраженіе глазъ и улыбка, постоянно блуждавшая на его лицѣ. Эта улыбка была какою-то неповоротливою и въ то же время плаксивою. Впрочемъ, немногаго бы и нужно, чтобы мальчикъ дернулся отъ этой улыбки къ горимымъ ездамъ. Присмотрѣвшись поближе къ нему, легко бы замѣтить, что онъ не развитъ ни въ физическомъ, ни въ умственномъ отношеніяхъ. Онъ былъ только толстъ и высокъ, формы тѣла оставались дѣтскими, непропорциональными. Онъ говорилъ довольно внятно, говорилъ обо всемъ, о чемъ говорили взрослые, но по смыслу это была болтовня ребенка. У него былъ страшный призракъ, вѣчно пугавшій его. Этотъ призракъ былъ Ѳедоръ Гавриловичъ, солдатъ, содержавшій тотъ уголъ, гдѣ жила Лѣша въ дѣтствѣ съ матерью. Вѣроятно, нинки и потасовки Ѳедора Гавриловича были настолько ужасны, что воспоминаніе ихъ навсегда осталось въ памяти идиота и при каждомъ удачномъ случаѣ страшный образъ возставалъ снова предъ его глазами. На вѣсѣхъ окружающихъ Лѣша производилъ подавляющіе впечатлѣніе скорби, пробуждалъ жалость, вызывалъ слезы, — такъ онъ былъ безпомощенъ и, сверхъ того, кротокъ и пугливъ. Марья Ѳедоровна говорила, что у нея «сердце поворачивается» когда она на него смотритъ. Не весело было смотреть на не

и Митѣ, но онъ не рѣшался ни гнать его отъ себя, ни бѣжать отъ него, когда онъ чуть не плача просилъ Митю взять его мѣстѣ погулять. Онъ привязался къ Митѣ, какъ собачонка. Онъ заглядывалъ ему въ глаза и угадывалъ его настроеніе. Онъ старался предупредить его желанія и услужить ему. Иногда онъ на цыпочкахъ выходилъ изъ комнаты Мити и махалъ присутствующимъ рукою.

— Тихе, тихе!... Братецъ книгу учить,—говорилъ онъ, унимая разговаривающихъ.

Если присутствующіе не умолкали, онъ начиналъ волноваться.

— Братцу не выучить книги... Федоръ Гаврилычъ придетъ, братца бить будетъ, — отрывисто произносилъ онъ и его улыбающееся лицо становилось все печальнѣе и тревожнѣе, а затѣмъ уже слѣдовалъ и горькій плачъ.

Ужь съ весны онъ сдѣлался неизмѣннымъ спутникомъ Мити, любившаго бродить то по Петергофскому шоссе, то по Екатерингофу, то по берегу Обводнаго канала, то около тоней близъ заводовъ Берда. Митя любилъ эти мѣста, гдѣ жила родная ему голь, гдѣ тянулись тѣ же заборы, стояли тѣ же лачуги, видѣлись въ окнахъ тѣ же бальзамины, олеандры, кактусы, золотыя деревья, гераніи, какъ у нихъ въ Захолустной улицѣ. Онъ любилъ и деревянные мостики съ канавками и травой по сторонамъ, и тишину немощеныхъ и пыльныхъ переулковъ, и играющихъ въ бабки ребятншекъ, и группы женщинъ и мужчинъ у воротъ, гдѣ идутъ толки, слышатся звуки гармоникъ, грызутся подсолнечныя сѣмячки. Все это напоминало ему его родину, его дѣтство, его мечты о благодѣянιάхъ челоуѣчеству. Можетъ-быть, еслибъ онъ самъ не жилъ этою жизнью, не видѣлъ ея такъ близко, онъ никогда бы и не дошелъ до этихъ грезъ. А эти грезы помогли ему учиться; помогли ему стать на дорогу, помогли ему настолько выработать себя, что онъ глядѣлъ теперь впередъ безъ сомнѣній и боязни, самонадѣянно и бодро. Онъ вступалъ въ жизнь, какъ смѣлый дуэлистъ, вызывающей на бой противника—общество. Можетъ-быть, онъ полюбилъ и идиота Лѣшу отчасти за то, что Лѣша былъ жертвой захолустенской жизни, что Лѣша былъ живымъ свидѣтельствомъ того, до чего легко могъ бы при другихъ условіяхъ дойти и Митя, что Лѣша въ своей болтливости все ярче и ярче рисовалъ и воскрешалъ передъ Митей картины жизни, переживаемой голью, и поднималъ въ его душѣ снова высокія мечты о борьбѣ за ближнихъ. Во время долгихъ

прогулокъ, Лёша, чинно выступая рядомъ съ Митей, обыкновенно болталъ не умолкая, — болталъ по поводу всего, что встрѣчали его глаза. Плагалъ ли на улицѣ ребенокъ, Лёша тотчасъ же начиналъ рассказывать:

— Я плачу, а Федоръ Гаврилычъ говорить: «не реви, подлець!» — и по головѣ, по головѣ долбить, все въ темя, все въ темя... А я еще пуще плачу, а онъ еще долбить... Я, братецъ, всегда буду плакать, когда меня долбить будутъ въ темя... Миѣ больно, братецъ, я потому и плачу... А не то я вотъ возьму да и уйду на чердакъ и повѣшусь, какъ отецъ... Федоръ Гаврилычъ только узнаетъ, пронюхаетъ это, вынетъ изъ петли — и опять, опять начнетъ долбить въ темя, все въ темя... Онъ и поджечь не дастъ: смотреть, какъ я подглядываю огонь, и хватъ меня за руку... «Ты, говорить, что это, подлець!» — и опять долбить, и опять долбить...

Митя зналъ, что это были не галлюцинаціи, а дѣйствительныя воспоминанія: Лёша въ дѣтствѣ пробовалъ разъ повѣситься, а потомъ хотѣлъ поджечь домъ и оба раза былъ накрытъ Федоромъ Гавриловичемъ. Иногда рассказы Лёши становились болѣе ясными и осмысленными, въ особенности когда онъ рассказывалъ о приютѣ.

— Меня тамъ, братецъ, много, много наказывали прежде, — рассказывалъ онъ. — Другимъ кисточки навѣсятъ, синеньгія и красненьгія кисточки, а миѣ ничего. «Ты, говорить, лѣнивый». Поставятъ въ уголъ на колѣнки и велятъ стоять, а другіе съ кисточками играютъ, бѣгаютъ. А я на колѣнкахъ стою и плачу, а Федоръ Гаврилычъ въ окно смотритъ и языкъ миѣ показываетъ, дразнить, значить, меня, что я безъ кисточекъ стою въ углу. А потомъ мадамъ перестала меня и въ уголъ на колѣнки ставить, когда узнала, что я глухой. «Съ тобой, говорить, и заниматься нечего, потому ты дуракъ». И со всѣми занимается, говорить, а со мной нѣтъ. «Ты, говорить, дурачокъ». И всѣ стали меня дурачкомъ звать. Ущипнуть или за волосы дернуть и кричатъ «дуракъ, дуракъ!» А я плачу, плачу. Тетя придетъ, а я плачу горько, братецъ, плачу, чтобы тетя взяла меня... А она и сама плачетъ, а меня не беретъ, не беретъ... А другіе опять щиплютъ и за волосы дерутъ... Потомъ вдругъ пришла тетя съ Θεопеиномъ Григорьевичемъ, показала ему меня; поговорилъ онъ со мной, покачалъ головой и такъ и ушелъ... А тамъ и повезъ меня далеко, далеко къ горбатымъ...

Дѣло въ томъ, что Марья Фодоровна, видя, что Лѣша не можетъ учиться, принуждена была взять его изъ пріюта. Она посоветовалась съ Лампадовымъ и тотъ, увидавъ Лѣшу, замѣтилъ, что мальчика надо пристроить въ убѣжище для вальдъ, куда и свезли Лѣшу.

— Вотъ-то, братецъ, мнѣ тамъ было страшно!—продолжалъ онъ.—Тамъ такихъ, какъ мы съ вами, братецъ, нѣтъ... Тамъ другіе человѣки... Кто объ одной ногѣ, кто совсѣмъ ползкомъ безъ ногъ ползаетъ, кто съ горбами ходить: и тутъ горбъ, и тамъ горбъ,—а кто однимъ глазомъ смотреть... Страшно!... И всѣ злые, злые!... Всѣ ругаются, всѣ дерутся, а сторожъ придетъ и кричитъ: «цыцъ, уроды прокляты!»... Сторожъ съ усами, братецъ, съ большими усами... Вотъ-то я, братецъ, тамъ боялся и плакалъ!... Ночью, братецъ, Фодоръ Гаврилычъ разбудить меня, взгляну я кругомъ, а они какъ мертвецы лежатъ, бѣлые, бѣлые, и все съ горбами, все съ горбами... Разъ, братецъ, на меня рубашку съ большими рукавами надѣли и связали...

— Ты, вѣрно, дрался?—сказалъ Митя.

— Нѣтъ, братецъ, меня били, били, а тутъ Фодоръ Гаврилычъ пришелъ, въ углу стоитъ и подуськиваетъ: «бейте, бейте!»—Ну, я и сталъ кричать, кричать, кричать... бросился на полъ и бьюсь, и бьюсь... А надзиратель пришелъ и сторожа позвалъ... Сторожъ пришелъ и надѣлъ рубашку на меня и связалъ... А сторожъ, братецъ, съ усами... Страшно!... Я тогда, какъ тетя пришла, сталъ плакать, плакать и все ей рассказывать... И надзиратель ей все рассказалъ, и сторожъ ей все рассказалъ... А тетя заплакала и говорить: «кровонійцы, злодѣи, ангельскую душу мучаете!»... Это я, братецъ, ангельская душа...

Лѣша понизилъ голосъ:

— Ахъ, братецъ, братецъ, какая тетя добрая: я заплачу—и она заплачетъ, я захочу чего-нибудь—и она дастъ... Я, братецъ, все для нея сдѣлаю, все... Вотъ я теперь тихонько учусь чулки вязать: это я для тети, братецъ... Она говоритъ: «чулокъ себѣ некогда связать», а я и свяжу... Я, братецъ, не дуракъ,—я понимаю... Вотъ и вы... вы меня ласкаете, а я все для васъ готовъ...

Лѣша начиналъ признаваться въ любви къ Митѣ, къ Аннѣ Андреевнѣ, къ Марьѣ Фодоровнѣ, ко всѣмъ, кто не обижалъ его. Митя чувствовалъ къ нему состраданіе и ему было сладко заботиться объ этомъ безпомощномъ существѣ.

Прогулки Мити съ Лёшей были продолжительны и часты. Митя въ свободные часы отъ занятій, отъ чтенія, болѣе всего любилъ эти прогулки. Иногда къ двумъ юношамъ присоединялся старикъ Лампадовъ, ходившій довольно тихо, но за то не знавшій усталости. Разъ во время одной изъ такихъ прогулокъ Митя замѣтилъ дядѣ:

— Русовы, дядя, нынѣшній годъ увѣжаютъ въ деревню.

— Знаю, — отвѣтилъ старикъ.

— Александръ меня приглашалъ ѣхать съ ними...

— Ну, и что же, поѣдешь?

— Нѣтъ, дядя, не поѣду...

— Что такъ?

— Я урокъ нашель на лѣто...

— А!... Ну да, поди, какой-нибудь грошовый?

— Восемь рублей въ мѣсяць...

— За ежедневные уроки?

— Да.

— Ну, изъ-за этого, братъ, не стоить отъазываться отъ поѣздки. У Русовыхъ чудесное имѣнїе...

Лёша вдругъ встревожился и вмѣшался въ разговоръ:

— Братецъ, вы уѣдете?... Лёша опять одинъ будетъ...

Лёша, братецъ, плакать будетъ...

Митя ласково улыбнулся въ отвѣтъ брату.

— Нѣтъ, Митя не уѣдетъ и Лёшѣ не придется плакать, — отвѣтилъ онъ. — Что-жъ грѣха таить, обратился онъ къ Лампадову, — была минута, когда хотѣлось, очень хотѣлось, дядя, ѣхать, — ну, а вотъ пришелъ домой, поговорилъ съ матерью, съ сестрой, съ Лёшей, увидалъ тебя, дядя, — нѣтъ, Богъ съ нимъ, съ весельемъ въ чужомъ дому, когда вы здѣсь не будете поселиться...

Лампадовъ шелъ молча.

— Знаешь, дядя, — продолжалъ въ раздумьи Митя, — я часто мечтаю о веселой и вольной жизни, но всегда мечты слагаются такъ, что весело и вольно живется не одному мнѣ, а всѣмъ намъ вмѣстѣ. Не могу я представить себя счастливымъ, когда буду знать, что вамъ всѣмъ здѣсь живется и не сладко, и не весело... Да и свободнѣе мнѣ здѣсь, не стѣсненъ я тутъ. Здѣсь я что хочу, то и дѣлаю: читаю, учусь, туляю, — а тамъ надо бы было дѣлать то, что другіе захотятъ. Ты бы вѣдь такъ же на моемъ мѣстѣ поступилъ?

— Да, — отвѣтилъ Лампадовъ.

Митя былъ очень доволенъ своимъ рѣшеніемъ и не могъ пожаловаться на скуку въ это лѣто: онъ много читалъ, много гулялъ, много веселился, какъ веселятся юноши въ его положеніи. Какая-нибудь поѣздка на лодкѣ на острова, рыбная ловля гдѣ-нибудь около Гутуевского острова, прогулка пѣшкомъ къ Сергію съ ночлегомъ въ крестьянской избѣ — все это доставляло неисчерпаемый источникъ дешевыхъ удовольствій. Иногда Лампадовъ спрашивалъ его:

— А, поди, ты иногда жалеешь, что не уѣхалъ къ Русовымъ въ деревню?

— Нѣтъ, дядя, тамъ я соскучился бы, а здѣсь и скучать некогда.

И онъ не лгалъ. Онъ не разъ задумывался надъ вопросомъ, гдѣ было бы ему лучше: въ деревнѣ у Русовыхъ или дома, — и всегда приходилъ къ заключенію, что здѣсь лучше, потому что здѣсь онъ самъ себѣ господинъ, потому что здѣсь онъ свободенъ, потому что здѣсь все слишкомъ близко и дорого ему. Въ немъ начало пробуждаться новое чувство — чувство гордости бѣдняка. Онъ былъ доволенъ этимъ чувствомъ. Онъ немножко носился съ нимъ, щеголялъ имъ. Подъ вліяніемъ этого чувства и чувства полной свободы и независимости онъ началъ впервые въ это лѣто писать стихи. Это были первые неузнанные опыты, но въ нихъ уже звучали нотки, въ которыхъ сказывался его характеръ, его душевный строй. Особенно долго онъ носился съ слѣдующими четырьмя строчками, вылившимися изъ-подъ его пера и выражавшими вполне его тогдашнія чувства:

Тѣсенъ ты, мой уголокъ, —
 Тѣсенъ, но все же ты мой;
 Черствъ этотъ хлѣба кусокъ,
 Но это — хлѣбъ трудовой.

А. Михайловъ.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

МАЗЕПА.

ГЛАВА IV *).

Охлажденіе между польскимъ и московскимъ дворами.—Опасеніе мира Польши съ Крымомъ.— Народныя бѣдствія въ Украинѣ.—Бѣгство народа въ Сѣчу.—Скути въ Сѣчѣ.—Петрикъ.—Его явленіе въ Сѣчѣ.—Его письма къ женѣ и Кочубаю.—Мятежныя дѣла.—Бѣгство Петрика въ Клязькермень и въ Крымъ.—Возмутительныя воззванія къ запорожцамъ.—Договоръ татаръ съ запорожцами у Каменнаго-Затона.—Возмутительный универсалъ Петрика къ малороссійскому народу.—Неудачи.—Бѣгство татаръ и Петрика.—Станъ Петрика у Перекопа.—Новыя неудачныя попытки.—Приступъ къ Полтавѣ.—Бѣгство изъ-подъ Полтавы.—Колебанія въ Запорожской Сѣчѣ.—Мѣры относительно владѣльцевъ и арендарей.—Военныя походы козацкихъ отрядовъ въ дикія поля.

Дружба и союзъ Россіи съ Польшею, состряпанные искусственно, сшитые на живую нитку, видимо, распадались. Это показывали и загадочныя подсылки къ малороссійскому гетману, и принятіе въ Варшавѣ по секрету запорожскихъ посланцевъ, и болѣе всего сношенія короля польскаго съ ханомъ, открытыя русскимъ резидентомъ и подтверждаемыя Мазепою, узнавшимъ о нихъ черезъ своихъ соглядатаевъ ¹⁾). Въ Запорожской Сѣчѣ постоянно боролись двѣ партіи: одна, всегда недовольная московскимъ правительствомъ, хотѣла примиренія и союза съ Крымомъ, находя въ такомъ союзѣ возможность получать выгоды отъ добыванія соли и рыбы въ Крымскихъ владѣніяхъ; другая—склонялась къ повиновенію царямъ московскимъ главнымъ образомъ ради того, чтобы получать ежегодно царское жалованье. Осенью 1690 года послѣдняя партія взяла верхъ. 17 сентября царскій стольникъ Чубаровъ съ двумя посланцами отъ гетмана привезъ въ Сѣчу царское жалованье и царскую милостивую грамоту, въ которой убѣждали запорожцевъ не мириться съ татарами, царскими вра-

*) *Русская Мысль*, кн. I.

¹⁾ Арх. Юст. кн. 62, л. 760.

гами, и напротивъ быть готовыми къ войнѣ противъ нихъ. Съ особымъ торжествомъ принималъ желанныхъ гостей кошевой атаманъ Гусаць, одѣтый по-праздничному, въ кармазинный кафтанъ, подбитый соболями, со знакомъ своего атаманства—оправленномъ золотомъ и камнями «камышиною» въ рукѣ, въ сопровожденіи всей съчевой атамани и товариства, также «цвѣтно и стройно» разодѣтаго. Гремѣли пушечные и ружейные выстрѣлы, били въ литавры. Во всеуслышаніе прочитана была царская грамота, розданы были всѣмъ товарищамъ по росписи присланные царскіе подарки—мѣха, сукна и ткани. Тогда запорожскіе товарищи произносили такія слова: «пора намъ, наконецъ, Бога бояться, пора перестать гнѣвить христіанскихъ государей и тѣшить бусурманъ». Мазепа, извѣщая объ этомъ Приказъ, придавалъ этимъ словамъ значеніе обращенія запорожцевъ на правый путь, совѣтовалъ посылать скорѣе къ запорожцамъ великороссійскія ратныя силы и заняться укрѣпленіемъ южныхъ городовъ Русской державы ²⁾).

Но скоро гетману пришлось не хвалить запорожцевъ, а дѣлать имъ выговоры. Запорожцамъ хотѣлось скорѣе воевать противъ татаръ, чтобы съ войны получать добычу и такимъ образомъ—въ мирѣ ли чрезъ посредство безопасныхъ промысловъ, или въ войнѣ черезъ добычу, а все-таки не оставаться безъ выгодъ на счетъ своихъ бусурманскихъ сосѣдей. Они послали спросить гетмана: когда же прикажутъ выступать имъ въ походъ. Гетманъ отвѣчалъ, что дѣлать такіе вопросы непристойно, а надобно съ терпѣніемъ ждать царскаго указа; иначе, если такія намѣренія несвоевременно разглашать, непріятель узнаетъ и станетъ принимать свои мѣры ³⁾. Все лѣто 1691 года хотя и происходило нѣсколько отдѣльныхъ стычекъ съ татарскими загонами, но онѣ были неважны и неудачны ⁴⁾, а зимою приходили угрожающія вѣсти, что крымскій ханъ выслалъ на Подоль съ ордою какого-то козака Стецика, именовавшаго себя гетманомъ козацкимъ съ бусурманской стороны, и, сверхъ того, другая орда еще въ большемъ размѣрѣ готовится идти въ малороссійскіе города ⁵⁾. Тогда въ Сѣчѣ опять пробудились и зашевелились буйныя инстинкты, враждебныя московскому правительству и

²⁾ Ibidem и далѣе.

³⁾ Арх. Ин. Дѣль 1691 г., № 68.

⁴⁾ Арх. Юст. кн. 62, л. 646.

⁵⁾ Ibidem, л. 677.

слонные въ тому, чтобы пристать къ татарамъ. Бошевой Гусакъ съ трудомъ усмирить въ Сѣчѣ междоусобіе и казнилъ зачинщиковъ, но за то навлекъ на себя ропотъ *). Тутъ въ это время въ Сѣчѣ накопился удалый сбродъ изъ Украины, распротранявшій неудовольствіе и противъ великороссійскихъ властей, и противъ гетманскаго управленія. Было въ Украинѣ разомъ нѣсколько причинъ, возбуждавшихъ волненіе въ посполствѣ.

*) Очень любопытенъ рассказъ современника и очевидца козака Доброскока, представляющій много характеристическихъ чертъ занорожскаго быта. Мы его передаемъ здѣсь, такъ какъ онъ не былъ еще извѣстенъ въ печати. „Былъ въ Деревлянковскомъ курѣнѣ козакъ Матвѣевецъ, котораго всѣ курничии слухали и поважали и на войнѣ былъ онъ удаливъ и въ подпитіи веселый товарищъ. Многажды былъ онъ ватажкомъ, языковъ татарскихъ ловилъ и въ Москву водилъ. И сталъ онъ на гулянеѣ говорить: коли онъ былъ въ Москвѣ, то люди царя имеретинскаго (имеретинскаго) наговаривали его, жебы онъ, повернувшись на Запорожѣ, прибралъ собѣ охочихъ молодцовъ, хотя бы наибольшей и постарался зъ такую купю пройти къ землѣ Милетинской (Имеретинской) на службу царю ихъ. На якой службѣ обѣцано и заледано ему и всѣмъ, которые бы зъ ними отъ Запорожа пришшли, великіи довольство и заплати и особне добычи на неприятелехъ тамъ противъ царя милетинскаго воюющихъ. И такъ тотъ Матвѣевецъ прекладаючи такую речь, уверняючи тимъ що зъ Озовскаго моря можно до земле Милитинской приблизитися, побудилъ былъ многихъ козаковъ на добычъ охочихъ до того ꙗкоходу“. (Матвѣевецъ предполагалъ идти челнами по Днѣпру, потомъ рѣкою Конкою до ея вершины, а потомъ перевезти челны на лошадахъ до другой рѣки, впадающей въ Азовское море.) И въ такомъ намѣреніи своемъ онъ Матвѣевецъ просилъ вилькокротне атамана кошевого о двѣ суденцѣ морскихъ, якии прошлон осени черезъ промислъ атамана кошевого взятни въ тую пору коли атаманъ кошовый и войско низовое розмирившись зъ неприятелями, громии ихъ на Днѣпрѣ. Теды атаманъ кошовый, любо отмовлялся дати Матвѣевцу тыхъ суденъ, однакъ тѣшилъ его же спорадывшись зъ войскомъ учинити можетъ. Що Матвѣевецъ почиталъ собѣ за обѣтницю. И когда уже по зимѣ прошлой распустилися воды, тогда тны судна взято отъ Сѣчи под калауры, якии отъ городковъ турецкихъ на рѣкѣ Днѣпрѣ ниже Сѣчи отъ войска низоваго поставляютъ; якое тыхъ суденъ отвалене Матвѣевецъ увидѣвши, былъ жалостенъ, же ему ихъ не дано, и видячи еще одинъ човенъ дубовый войсковый подъ Сѣчею стоячій, направилъ тамъ товарищовъ убогихъ харпаковъ, которыи зъ нимъ въ тую дорогу идти хотѣли, абы оный взяли и увезли отъ Сѣчи в дальніи мѣста. Якаль-то голова такъ и учинила, же тотъ човенъ взяли и увезли пречъ. А кошовый довѣдавшись же того човна взято, велѣлъ его Матвѣевца призвати передъ себе на обличеніе. Где тотъ Матвѣевецъ не идучи самъ одинъ передъ кошевого, прибралъ собѣ товарищовъ Москальца, атамана Бруховецкаго курѣня и Остапца, значного товарища Менскаго курѣня и иншихъ козаковъ десятковъ зъ два. И такъ купю передъ кошевого пришедши, пытался, для чого кошовый призвалъ его передъ себе. Кошовый зъ гнѣвомъ до ѣго говорилъ, же онъ поступаеть противъ владыгъ его кошевого и противъ волѣ войсковой мѣючи намѣреніе идти не звать куды и забираючи упорне въ утечку човныи войсковые. Теды Матвѣевецъ оттого смѣле вымовлялся, задаючи кошовому ложъ, а кошовый за такіи

Выше было указано, какое множество жалованных грамотъ на маестности исходатайствовалъ гетманъ въ Москвѣ разнымъ старшинамъ, генеральнымъ и полковымъ, и войсковымъ товарищамъ. Во всѣ эти маестности были посланы гетманскіе универсалы, возлагавшіе на посполитыхъ жителей этихъ маестностей обязанность повиноваться своимъ новымъ владѣльцамъ. Но въ Малороссіи между козачествомъ и посполитствомъ не установилась еще строгая раздѣлительная сословная черта. Бозаки пополнялись изъ посполства по распоряженію гетманскаго правительства, а во время войнъ, когда нужно было побольше военной силы, посполитые самовольно шли на войну, потомъ уже оставались козаками и признавались въ этомъ званіи. Такъ было, какъ мы знаемъ, въ послѣдніе два крымскихъ похода. Со временъ Богдана Хмельницкаго козацкіе правители старались не допускать такого okozаченія всего на-

отпорныи слова ударилъ его по щекамъ, якого удару не вытерпивши хватилъ былъ за груди кошового и взялся з нимъ бити. А когда атаманъ курѣнныѣ при кошовомъ атаманѣ будучи винулися на Матвѣвца, тогда Матвѣвцево товариство взялися бити з атаманами и за тымъ прибравшиися кошового руки доволная сила перемогла и переконала Матвѣвца и его товариство. И заразы той Матвѣвцевъ з купою товариства приспособлений приходу и спорное съ кошовымъ боронья получили ему Матвѣвцеви за бунтовную противность, будто онъ з умыслу приходилъ кошового забити. И такъ одного того Матвѣвца, а другого Москальца, а третего Остапца схопили и ланцугами желѣзными поковали, з которыхъ оковъ Москалецъ утекъ прочъ и всѣ при Матвѣвцеви будучи товарищи розно розбрелися. Що дѣялося въ четверъ второе недѣли поста. И заразы на завтрее въ день пятничныи зобралъ кошовый раду и тотъ Матвѣвцевъ поступокъ предложилъ за великую всему войску низовому противность и шкodu, где заразы и суду просилъ у всего войска ять его Матвѣвца и его помощниковъ карати. Тежъ се войско на тотъ часъ на кому будучое за атаманомъ кошовымъ и за атаманами курѣнными при кошовомъ будучими Матвѣвца съ товарищомъ Остапцомъ присудили казнити смертію, и такъ безъ жадного одѣлду велѣли ему Матвѣвцеви и товарищеви его Остапцеви шію влати, которыхъ стыналъ татарскій неволникъ. Матвѣвцеви заразы тотъ татаринъ отгалъ голову и того ддя его тѣло на томъ же мѣстѣ где стынано поховано. А Остапцови за вилька разами татаринъ не переталъ шіи и zostалъ оный недорѣзанныи еще живый: взяли его курѣнными товарищи и велѣли въ ранахъ гонти. Якому кошового скорому въ той карѣ поступку многіе дивовалися же не дждаючи войска по лугахъ на добычахъ будучого умертвилъ того Матвѣвца такого ватажного чоловѣка, которого все войско мѣло в любви. А тепера послѣ того варана всѣ козаки въ лугахъ на добычахъ будучи, а особливо на Днѣпровскихъ порогахъ, на осятринной ловли найдучиися, якихъ оного триста числомъ мовять бити великое на кошового чинять пререканіе, же того Матвѣвца многократно в промыслахъ будучого военныхъ засудилъ не по обычаю и поведенію войсковому. И тое ему кошовому причятають що онъ учинилъ такую казнь надъ Матвѣвцемъ зависти ради болячися жебы его Матвѣвца войско кошовымъ не наставио“ (Арх. Ин. Дѣль, № 6-й 1691 г.).

рода и строго хотѣли отдѣлять законно пріобрѣвшихъ козацкое званіе отъ посполитыхъ, или, какъ выражались тогда въ Малороссіи, козаковъ отъ мужиковъ. Московское правительство, на представленіямъ гетмановъ, также признавало справедливымъ соблюдать это отличие; чтобы не допускать составленія самовольныхъ козацкихъ ватагъ изъ посполства, учреждены были компанейцы. Но когда распространилось и умножилось тагъ называемое охотное войско, содержимое на счетъ войсковаго скарба особо отъ городскихъ козаковъ, то посполству открывался новый путь вступать въ козачество. Охотные набирались отовсюду и посполитые могли записываться въ число ихъ. Но то были случаи, когда поступленіе въ козаки посполитыхъ было не противно правительству. Таіе случаи представлялись не часто, а весь народъ вообще не зналъ и не хотѣлъ знать раздѣленія козаковъ отъ мужиковъ. Мужикамъ хотѣлось быть одинаково вольными козаками. Таковъ былъ народный взглядъ, который, однако, долженъ былъ склоняться передъ другимъ правительственнымъ взглядомъ. Понятно, что посполству, жившему въ маестностяхъ, жалованныхъ знатымъ лицамъ, не по сердцу было повиноваться новымъ господамъ. Тѣ, которые были поотважнѣе, убѣгали изъ этихъ маестностей въ Сѣчу.

Но къ этому присоединились разомъ народныя бѣдствія, усилившія волненія въ народѣ. Въ 1690 году свирѣпствовала моровая болѣзнь, зацѣпившая Запорожье и южную часть Полтавскаго полка и во всѣхъ остальныхъ полкахъ наводившая на народъ оторопь ожиданія. Въ тотъ же годъ лѣтомъ на малороссійскій край было нашествіе саранчи. Она появилась съ юга 9 августа и прошла всю Украину до Стародуба, опустошила весь хлѣбъ на поляхъ и произвела ужасную дороговизну: осмачка (поль-четверти) ржи и овса продавалась по три золотыхъ, что считалось въ то время очень высокою цѣной. Множество дохлой саранчи производило смрадь; скотъ поѣдалъ ее съ травой, заболѣвалъ и даже говядина пропахивала саранчею ⁶⁾). Нѣкоторымъ въ страхъ казалось, что у саранчи на одномъ крылѣ можно было разобрать начертанное слово «гнѣвъ», а на другомъ крылѣ слово «божій» ⁷⁾). Затѣмъ по многимъ мѣстамъ Украины начались пожары ⁸⁾). Неудивительно, что воображенію народа, уже болѣзненное, стало

⁶⁾ „Лѣт. Самовидца“, изд. 1847 г., стр. 81.

⁷⁾ „Лѣт. Величка“, т. III, стр. 91.

⁸⁾ „Лѣт. Самовидца“, изд. 1847 г., стр. 80.

приписывать эти пожары поджигателямъ, подсылаемымъ ляхами, заглаными врагами малороссійскаго народа. Рассказывали, что хватаемы были лавутчики, которые сознавались, что отправлены польскимъ правительствомъ производить поджоги въ малороссійскихъ городахъ ⁹⁾. Трудно опредѣлить, въ какой степени была тутъ какая-нибудь доля правды: при пыткахъ, которыя въ томъ вѣкѣ неизбѣжно употреблялись, люди легко могли наговоривать на себя все, что имъ прикажутъ, а народъ склоненъ былъ сочинять рассказы, объяснявшіе постигши ихъ бѣдствія. Отъ всѣхъ такихъ-то причинъ накапливалось въ Овчѣ много украинскаго народа, недовольнаго положеніемъ дѣлъ на своей родинѣ. Эти бѣглецы говорили, будто у москалей есть намѣреніе выселять людей изъ гетманщины на Слободы, а съ праваго берега Днѣпра перенести расселявшихся тамъ жителей на лѣвый берегъ, какъ уже дѣлалось при Самойловичѣ; они кричали, что въ гетманщинѣ завелось манство; что цари, по просьбѣ гетмана и старшинъ, отдадутъ народъ панамъ въ неволю, — жаловались на аренды, которыя стѣсняли свободные промыслы народа и давали возможность немногимъ обогащаться въ ущербъ бѣднаго люда ¹⁰⁾.

Въ такомъ безпокойномъ состояніи умовъ засталъ Запорожье 1692 годъ и тутъ наступила новая и болѣе бурная смута, надѣлавшая въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ не мало кутерьмы и на Запорожьѣ, и во всей гетманщинѣ. Послѣ праздника Крещенія привезли изъ Москвы въ Батуринь царскіе дары гетману; генеральнымъ старшинамъ и козацкимъ полковникамъ. Нѣкоторые изъ полковниковъ находились лично въ Батуринь и тамъ получили царское жалованье, приходившееся на ихъ долю, а тѣмъ, которые были тогда въ своихъ полкахъ, гетманъ отправлялъ царскіе дары съ нарочными посланцами. Въ числѣ отсутствовавшихъ былъ полтавскій полковникъ Федоръ Жученко. Къ нему на всеѣдной недѣлѣ посланъ былъ съ этою цѣлью войсковой канцеляристъ Петръ Ивановичъ, по-малороссійски Петро Иваненко, носившій кличку Петригъ; въ старой пѣснѣ ему дается прозвище Петричевскій. Сдѣлавши свое дѣло и получивши отъ полковника Жученка благодарственное письмо къ гетману, Петригъ, вмѣсто того, чтобы возвращаться въ Батуринь, объявилъ, что поѣдетъ въ Новый-Санжаровъ для посѣщенія тамъ своихъ родныхъ. Это

⁹⁾ Арх. Юст. кн. 62, л. 986.

¹⁰⁾ Арх. Ин. Дѣлъ 1692 г., май, № 6.

было уже при наступлении великаго поста. Выѣхавши изъ Полтавы, Петриць переправился черезъ Ворсклу въ степь, покинулъ свои санки подъ стогомъ сѣна, а самъ со служителями сѣлъ верхомъ на лошадей; они носкакали въ Сѣчь Запорожскую ¹¹⁾. Скоро послѣ того пришло къ гетману извѣстие черезъ перевалочинскаго «дозорду» Рутловскаго, что Петриць, пріотивившись въ Запорожьѣ, настраиваетъ на мятежническія вѣтви козакомъ и самого кошевого. Петриць увѣрялъ запорожцевъ, что если пригласить татаръ и съ ними войти въ Украину, то весь тамошній народъ поднимется, гетманъ улетитъ въ Москву, а бѣдные люди всѣ пристають къ запорожцамъ и передунать пановъ своихъ, которымъ цари надавали вольностей. Передавая гетману такія рѣчи, произносимыя возмутителемъ въ Сѣчь, сообщали, что когда кошевой трезвъ, то говоритъ ему: «полю тебѣ, Петрѣ, врать», но чуть подошьеть, такъ и самъ несетъ много нехристойнаго, а степенные и благонамѣренные люди принуждены только молчать ^{12) *)}.

День ото дня въ Сѣчь поднималось значеніе Петрика. Живя тамъ, онъ написалъ письма къ Кочубею и къ своей женѣ. Перваго извѣщалъ онъ, что убѣждалъ въ Сѣчу отъ безстыдной ярости жены своей, которая не только злословила его, но и посягала на его жизнь; онъ нацѣль пріютить себя въ Сѣчь Запорож-

¹¹⁾ „Лѣт. Величка“, т. III, стр. 65.

¹²⁾ Арх. Ин. Дѣль 1692 г., № 6.

*) „Я, пане кошовый, мовить Петриць, горло свое ставлю и велите мене на сугавы жорубати, коцъ то-жся Украина начавши отъ Полтави не покло-нится, тилько хочь шесть тысячей орды возьми, да пойдь въ городцъ, а мене пошли съ вилька сотъ коцми въ Полтавщину. Я знатиму з якого конца почати, да и дѣдусь мой не буде спати за свою зневагу, що его скинули с полволицтва, а гетманъ сей заравъ в Москву утече, бо тамъ его вся душа, а тутъ тильки тѣло его... Одца (гроши?) сестрѣ въ Польшу отвѣзь, а теперъ на Москву другіе почавъ возити, да и самъ туды жъ к чорту покрутится... Онъ присягъ цареви якъ бувъ на Москвѣ, такъ-разъ такій городъ посередъ Сѣчи поставити якъ на Самари побудовавъ! — Або мовить: пане кошовый, чи не помогуть намъ братія наши голоколювни з бѣдными людьми, которымъ сердюди, арандари, да тіе дузи що имъ царѣ волности подавкывали, мало ихъ живыхъ не вѣдять; оны почують що ты з войскомъ рушился з Сѣчи, то сами вони такъ чортивъ паниви подавать, а мы вже прійдемо на готовый ладь; да и около самого гетмана есть тамъ люди добрыи, которыи насъ лешше послу-хають, нежели его самого! Не доустать его до Москвы: и тамъ ему одного часу отъ нихъ мало не склалоса лихо! Коли кошовый тверезый, то ганить и говорить: Петре! не брыдь ледачого, да и отъ стариковъ есть ему за те в бороду; а якъ пошошьеться, то кошовый много ледачого самъ говорить и на тотъ часъ уже статечныи и змчливыи козаки мусять мовчати“.

свой, которая издавна была всё́мъ обидимымъ исконное прибѣжище и заступленіе. «Лучше мнѣ,—выражался онъ въ письмѣ своемъ,—ѣсть соломаху здѣсь съ добрыми молодцами, чѣмъ жить безпрестанно въ страхѣ внезапнаго прекращенія живота моего». Въ письмѣ къ женѣ онъ выражался такъ: «Ганно! ты какъ хотѣла, такъ и учинила. Не описываю твоихъ непристойныхъ и злоторныхъ поступковъ. Сама ты вѣдаешь, что дѣлала. Если тебѣ лучше будетъ безъ меня, то забудешь меня. Живи, богатѣй, проклятайся, а я собѣ хоть соломаху ѣстиму, да не буду опасаться за свое здоровье. Пришли мнѣ зеленый кафтанъ, котель, треногъ и путо ремешное, а хлопство мое (прислуга), что тамъ осталось, пусть будетъ въ цѣлости. Марта 2. Твой желательный мужъ»¹³⁾.

Гетманъ, узнавши, что Петрикъ волнуешь занорожцевъ, писалъ кошевому, что этотъ человѣкъ, бывши войсковымъ канцеляристомъ, укралъ изъ канцеляріи важныя бумаги и скрылся въ Сѣчи. Гетманъ просилъ выдать его какъ вора и плута. На радѣ, созванной по этому поводу, раздѣлились голоса: нашлись такіе товарищи, что хотѣли поступить въ угоду гетману, но другіе, и самъ кошевой, заступились за Петрика. Кошевой атаманъ Гусака говорилъ: «если мы Петра Ивановича выдадимъ, то къ намъ въ Сѣчу никто ходить не станетъ, а у насъ съ-поконъ вѣба такъ ведется, что всё́мъ приходъ вольный». Защитники Петрика взяли верхъ и онъ не только остался въ Сѣчи, но еще избранъ былъ кошевымъ писаремъ. Тогда успѣлъ онъ многихъ соблазнить увѣреніями, что, пришедши въ Украину, всё они станутъ ходить въ кармазинахъ, что самъ гетманъ требуетъ его выдачи только оттого, что боится москалей, которые находятся около него и наблюдаютъ за нимъ, а на самомъ дѣлѣ гетманъ склоненъ къ нему, Петрику. Еще болѣе вѣроятнымъ показалось сѣчевикамъ, что Кочубей, какъ увѣрялъ Петрикъ, ему покровительствуетъ¹⁴⁾.

Но Запорожье издавна отличалось непостоянствомъ: легко и неожиданно могла взять верхъ противная партія, которая уже на радѣ соглашалась выдать Петрика. Притомъ Петрикъ въ своихъ видахъ не могъ опираться на содѣйствіе однихъ запорожцевъ,—приходилось искать еще какой нибудь иноземной помощи. Петрикъ

¹³⁾ Арх. Юст. кн. 62, л. 800 и далѣе.

¹⁴⁾ Арх. Ин. Дѣль 1693 г., № 20.

недолго оставался въ Сѣчѣ и въ томъ же 1692 году послѣ Юрьев дня ушелъ вмѣстѣ съ запорожцемъ Василиемъ Бузскимъ въ Кизикермень ¹⁵⁾ *), ни у кого не спрашиваясь, хотя кошевой атаманъ и зналъ, куда онъ уходитъ ¹⁶⁾. За Петрикомъ послѣдовало еще чевиковъ человѣкъ шестьдесятъ, которыхъ онъ успѣлъ уже строить. Бромъ ихъ въ Сѣчѣ было довольно такъ называемыя «сиромы» (оборвышей), готовой пристать къ Петрику, какъ только онъ появится съ какимъ нибудь признакомъ успѣха, и тому что эту «сирому» очень соблазняла возможность пограбить арендарей и богатыхъ пановъ кармазинниковъ.

Въ Кизикермень Петрикъ разглашалъ, будто посланъ Коцубеємъ, генеральнымъ писаремъ, который, будучи врагъ Мазепы, хочетъ свергнуть его съ гетманства и самъ стать гетманомъ. Черезъ три дня послѣ побѣга Петрика изъ Сѣчи явился туземный козакъ съ письмомъ Петрика къ кошевому атаману и ко всей запорожской братиѣ: Петрикъ благодарилъ за хлѣбъ за соль, и вѣщалъ, что идетъ немедленно поднимать орду на Московское государство и скоро прибудетъ со вспомогательными татарскими силами за тѣмъ, чтобы начать дѣло освобожденія Украины ¹⁷⁾.

Петрикъ перешелъ въ Крымъ. Сперва Петрикъ замѣтилъ татарскихъ мурзъ мало охоты подавать помощь запорожцамъ. Только нѣсколько мурзъ показали къ его дѣлу сочувствіе. За тѣмъ при ихъ содѣйствіи Петрикъ добился ласковаго пріема у хана и объявилъ, будто Сѣчь Запорожская поручила ему вступитъ съ крымскими юртомъ въ мирный союзъ противъ Московскаго государства. Петрикъ увѣрялъ хана, будто все украинскіе города только и ожидаютъ прихода хана съ его ордынскими силами, чтобы возстать противъ ненавистныхъ москалей ¹⁸⁾. Тутъ пришло въ Крымъ къ Петрику четыре козака и Петрикъ увѣрялъ хана, что эти козаки прибыли отъ всѣхъ жителей малороссійскихъ просить крымской помощи противъ москалей.

Въ то время, когда Петрикъ явился въ Крымъ, ханъ былъ озлобленъ противъ Москвы. Недавно передъ тѣмъ ѣздилъ по порученію гетмана въ Крымъ гетманскій гонецъ, черниговецъ Пашкеймонъ Радичъ, провѣдать, есть ли со стороны татарской ж

¹⁵⁾ Арх. Юст. вк. 66, л. 107.

*) Нынѣ Бериславъ, заштатный городъ Херсонской губ.

¹⁶⁾ Арх. Ин. Дѣлъ 1692 г., № 6.

¹⁷⁾ Ibid., 1692 г., апр., № 20.

¹⁸⁾ Арх. Юст. вк. 66, л. 116.

лаше начать мирные переговоры съ Россіей. Ханъ Саадеть-Гирей по этому поводу послалъ гонца въ Москву провѣдать: какого рода были бы съ царской стороны желательныя условія примиренія. Московское правительство вслѣдъ затѣмъ отправило въ Брѣмъ подъячаго Василя Айтемирова съ проектомъ условій мирнаго договора. Но эти условія не по вкусу приходились крымцамъ. Русскіе хотѣли, чтобы при развѣнѣ плѣнныхъ соблюдено было совершенное равенство и русскіе плѣнные изъ Крыма, какъ и крымскіе изъ Россіи были бы отпущены безъ всякаго окупа. Татары отвѣчали: «вашихъ московскихъ и козацкихъ людей въ полону у насъ тысячъ сто, а нашихъ у васъ какихъ-нибудь тысячи двѣ, много три... Какъ же можно освобождать намъ вашихъ безъ окупа? Издавна велось, что при развѣнѣ плѣнныхъ присылали изъ Москвы развѣнную казну за вашу полоню. Нашъ ханъ и весь крымскій юртъ готовы съ вами мириться, но готовы и биться: за казну всѣ станемъ какъ одинъ человекъ! Татаринъ за добычу воюетъ оттого, что у него всего пожитку что два коня, а третья своя душа». Попытки къ устройству примиренія повели только къ большому озлобленію и даже московскій гонецъ, привозившій проектъ мирныхъ условій, подвергался оскорбленіямъ. Тутъ, какъ нельзя кстати, къ хану обратился Петрикъ съ предложеніемъ воевать вмѣстѣ съ татарами противъ москалей¹⁹⁾.

18 мая Петрикъ писалъ въ Сѣчу, что заключилъ съ ханомъ договоръ, которымъ, какъ онъ надѣялся, запорожцы будутъ довольны. По этому договору со стороны хана дозволялось запорожцамъ невозбранно отправлять свои рыбные и соляные промыслы по обоимъ берегамъ Днѣпровскаго низовья и по рѣкамъ, впадающимъ въ Днѣпръ, какъ это бывало при Богданѣ Хмельницкомъ. Кто захочетъ идти на такіе промыслы, тотъ долженъ испросить позволенія у кошевого атамана и тогда смѣло можетъ отправляться, не опасаясь никакихъ безпокойствъ отъ татаръ ни на сушѣ, ни на водѣ. «А кто, — прибавлялъ Петрикъ, — захочетъ идти съ нами для отобранія милой отчизны нашей отъ московской власти, тотъ пусть готовится къ походу и знаетъ, что ханъ съ чернессами и съ частію орды самъ двинется изъ Перекопа на нѣмцевъ, а намъ въ помощь оставляетъ ясновельмож-

¹⁹⁾ Полн. Собр. Зак., т. III, ст. 433. — Арх. Ин. Дѣль, Крымскія дѣла, 1692 г., связка 146.

наго салтана Балгу со всѣми ордами крымскими, черкесскими и ногайскими, которымъ дано уже повелѣніе собираться въ походъ».

Въ Сѣчѣ, между тѣмъ, произошла перемѣна. Гусака смѣнили; вмѣсто него кошевымъ атаманомъ избранъ былъ нѣкто Федько²⁰⁾. При этомъ новомъ кошевомъ Петрикъ написалъ къ запорожцамъ новое посланіе отъ 27 мая, извѣщалъ, что уже всѣ орды двинулись въ путь съ Балгою, и приглашалъ кошевого съ товариществомъ встрѣчать союзниковъ у Каменнаго-Затона, съ тѣмъ, чтобъ утвердить по своему усмотрѣнію постановленный имъ съ татарами договоръ. 22 іюня Петрикъ прислалъ третье посланіе къ запорожцамъ, и притомъ очень пространное: въ немъ излагалъ онъ цѣль своего предпріятія и надежды на его осуществленіе. Онъ вспоминалъ, что когда прибылъ изъ Батурина въ Сѣчъ, то говорилъ уже добрымъ молодцамъ, въ какомъ печальномъ состояніи находится малороссійскій край, приводимый къ упадку соседними монархами. «Не удивительно,—разсуждалъ теперь Петрикъ въ письмѣ своемъ,—что такъ поступаетъ польскій король: мы были когда-то его подданными, съ Божіею помощію при Богданѣ Хмельницкомъ отбились отъ подданства его власти и такъ много вреда ему надѣлали, что онъ до сихъ поръ не оправится. Не удивительно, если крымскій ханъ съ нами враждуетъ: мы изъ давнихъ временъ причиняли вредъ Крымскому государству и теперь всегда чинимъ. Но дивны поступки московскихъ царей: не мечомъ они насъ приобрѣли, а предки наши добровольно имъ поддались ради христіанской вѣры. Переселивши съ правой стороны Днѣпра на лѣвую нашихъ жителей, москали обсадили нашими людьми отъ всякихъ непріятелей, такъ что откуда бы непріятель ни пришелъ,—будутъ прежде жечь наши города и села, нашихъ жителей забирать въ полонъ, а Москва будетъ находиться отъ нихъ въ безопасности за нами, какъ за стѣною. Этимъ не довольствуется Москва, а старается всѣхъ насъ обратить въ своихъ невольниковъ и холоповъ. Сперва они гетмановъ нашихъ Многогрѣшнаго и поповича, которые за насъ стояли, забрали въ неволю, а потомъ и всѣхъ насъ хотѣли поворотить въ вѣчную неволю. Нынѣшнему гетману допустили они раздавать городовою войска старшинамъ маечности, а старшины, подѣлившись между собою нашею братіею, позаписывали ее себѣ и своимъ дѣтямъ

²⁰⁾ Арх. Юст. кн. 66.

на вѣки въ неволю, и только что въ плугъ не запрягають! Москва дозволяетъ нашимъ старшинамъ чинить подобное для того, чтобъ наши люди оплошали и замужичали, а москали тѣмъ временемъ завладѣли бы Днѣпромъ, Самарою и настроили бы тамъ своихъ городковъ! Я также вамъ сообщалъ, что король польскій, недовольный московскимъ царемъ за то, что не воевалъ Крыма, хотѣлъ самъ, помирившись съ ордою, идти на Москву и отобрать въ свое подданство нашу Украину. А каково было бы тогда нашей Украинѣ? Не были ли наши братья и на колыяхъ, и въ водныхъ прорубяхъ? Не принуждали ли козацкихъ женъ опаривать виномъ дѣтей своихъ, не обливали ли ляхи нашихъ водою на морозѣ, не насыпали ли имъ въ голенища горящихъ угольевъ, не отбирали ли жолнѣры у нашихъ людей ихъ достояніе? Все это вы помните, и ляхи этого не забыли и развѣ не стали бы они того же чинить надъ нами снова!... Во время моего нахождения въ Сѣчѣ я много совѣтовалъ начальнымъ товарищамъ взяться за дѣло и не допустить нашей милой отчизнѣ Украинѣ дойти до крайняго упадка. Но изъ вашихъ милостей никто не захотѣлъ постоять за своихъ людей; поэтому я, какъ уже разъ покинувши отца, мать, жену, родныхъ и не малое имущество, прибылъ къ вамъ добрымъ молодцамъ въ Запорожье, такъ и теперь, призвавши на помощь Бога и Пречистую Его Матерь, христіанъ вступившу, принялся за дѣло, которое касается цѣлости и обороны отчизны и общей свободы: я въ Кизикерменѣ договорился о мирѣ съ беємъ кизикерменскимъ Камень-мурзою, а въ Перекопѣ ханъ утвердилъ мирныя статьи, чему свидѣтелями были и ваши посланцы Левко Сысой съ товарищами. Посылаю вамъ эти статьи. Прочтите ихъ въ радѣ: надѣюсь, не найдете ничего зловреднаго отчизнѣ!... Но можетъ быть кто нибудь скажетъ: какъ намъ воевать своихъ отцовъ, матерей, братьевъ и друзей, или быть можетъ скажете: гдѣ мы сами дѣнемся, когда опустошимъ свой край, кто намъ дастъ тогда хлѣба? Не дай Богъ воевать свою отчизну; не хороша та птица, что собственное гнѣздо мараетъ, не добрый тотъ панъ, что собственную вотчину разоряетъ! Но когда захотите помогать намъ и придете въ Каменный-Затонъ*), тогда учинимъ совѣтъ, куда намъ съ ордою обращаться, такъ, чтобы не причинять никакой бѣды нашимъ городамъ и селамъ. Не затѣмъ начали мы наше дѣло, чтобы воевать своихъ людей,

*) Бывшая крѣпость на берегу Днѣпра, близъ Сѣчи.

а затѣмъ, чтобъ освободить ихъ и себя отъ хищничества москалей и пановъ нашихъ. Сами вы, умныя головы, разсудите и собразите, лучше ли быть въ неволѣ, или на волѣ, — чужимъ слугою, или самому себѣ господиномъ, — у москаля, либо у ляха мужикомъ, или вольнымъ козакомъ? Когда славной памяти Богдан Хмельницкій съ Войскомъ Запорожскимъ и съ ордою выбился изъ лядскаго подданства, развѣ дурно было тогда Украинѣ? Развѣ и было тогда у козаковъ золота, серебра и суконъ дорогихъ, и табуновъ лошадей и череды рогатаго скота?... Всего было вдоволь. А какъ мы стали московскаго царя холоцами, такъ опустѣла вѣ конецъ чигиринская сторона, а у перегнанныхъ на лѣвую сторону Днѣпра нашихъ братій не только что не стало достоянія да и лаптей негдѣ было взять! Большая часть нашихъ братій осталась въ неволѣ въ московскихъ городахъ, а другихъ татаръ каждый годъ въ полонъ вмѣсто дани забираютъ, о чемъ сами вы знаете, какъ дѣлалось прошлою зимою въ полку Переяславскомъ, а ранѣе передъ тѣмъ въ полку Харьковскомъ подъ Змиевымъ и на другихъ мѣстахъ. Пусть вамъ, господа, будетъ еще и то извѣстно, что самъ гетманъ, съ совѣта всѣхъ полковниковъ, присылалъ ко мнѣ секретно человѣка своего извѣстить, что какъ только мы съ ордами приблизимся къ Самарѣ, то всѣ они отъ Москвы отстанутъ, сойдутся съ нами и станутъ вмѣстѣ воевать Москву. Человѣкъ этотъ при мнѣ и когда, Богъ дастъ, придемъ въ Каменный-Затонъ, я вамъ покажу его. Будьте добры и вѣрчивы и ничего не опасайтесь».

Письмо это было писано въ Акмечетѣ (нынѣшнемъ Симферополѣ). На пути изъ Крыма къ Каменному-Затону, изъ урочища Черной-Долины, 12 июля Петрикъ послалъ еще четвертое письмо къ запорожцамъ, убѣждая всѣхъ пристать къ татарамъ, ради освобожденія малороссійскаго народа отъ московскаго ярма, а черезъ нѣсколько дней послѣ того Петрикъ и Балга-салтанъ со своими ордынцами были уже въ Каменномъ-Затонѣ. 23 июля гетманъ, черезъ своего «дозорцу» въ Переволочнѣ, получилъ извѣстіе, что кошевой атаманъ съ курѣнными атаманами приняли отъ Балги-салтана дары и условились: запорожцамъ вмѣстѣ съ татарами идти на малороссійскіе города, производить смитеніе и поспольствѣ, подстрекать мужиковъ къ избіенію арендарей и пановъ. Подробности этого событія мы узнаемъ въ показаніи полковника вполѣтнѣ бывшаго въ полонъ сообщника Петрикова, Кондрата Было дѣло такъ. Прибыли къ Сѣчѣ Батырча-мурза и Балга-са

танъ; съ ними былъ Петригъ и послалъ въ Сѣчь письмо, припашая кошеваго атамана и все товариство встрѣчать его съ хлѣбомъ-солью. Ему на это сперва прислали такой отвѣтъ: «пустъ встрѣчаетъ тебя тотъ, кто посылалъ тебя». Тогда Петригъ послалъ сказать сѣчевикамъ: «если вы меня съ хлѣбомъ-солью не встрѣтите, то я прикажу переловить всѣхъ вашихъ ватажныхъ людей, которые теперь промышляютъ на Молочныхъ-Водахъ и на Бердѣ *) и велю отдать ихъ въ неволю татарамъ!» Послѣ такой угрозы собралась рада и приговорила: ради спасенія ватажныхъ людей, выйти къ Петрику въ Каменный-Затонъ съ поклономъ, но во всякомъ случаѣ допроситься отъ него, кто его послалъ. Кошевымъ атаманомъ былъ тогда опять Гусакъ. Оедька недавно отставилъ. Этотъ кошевой вышелъ съ 38-ю курѣнными атаманами и съ двумя тысячами войсковыхъ товарищей. Поднесли Балгъ-салтану хлѣбъ-соль. Балга былъ доволенъ и сказалъ запорожцамъ: «Петригъ явился къ намъ въ Крымъ отъ васъ всѣхъ; хотя съ нимъ не было вашихъ писемъ, но онъ увѣрялъ насъ на словахъ, что вы его обнадежили». Тогда курѣнные атаманы обратились къ Петрику и сказали: «ты писалъ, какъ прибудешь къ намъ съ татарами, тогда узнаемъ, кто посылалъ тебя,—говори же, кто посылалъ тебя?»—«Какое дѣло вамъ до того, кто меня послалъ?»—отвѣчалъ Петригъ.—«Сами увидите, что будетъ, когда только приступимъ къ Полтавскому полку. Этотъ полкъ весь инѣ сдася, да и Миргородскій потомъ весь перейдетъ къ намъ. Гетмана, и старшинъ, и пановъ, и арендарей—всѣхъ побьютъ и настанутъ у насъ такія вольности, какія были при Богданѣ Хмельницкомъ! Если мы теперь не выбьемся изъ подъ московскаго ярма, такъ уже не выбьемся изъ-подъ него никогда».—«Я учиню раду въ Сѣчѣ,—отвѣчалъ кошевой атаманъ,—и коли рада приговорить идти, тогда и я пойду!» Дали взаимное обѣщаніе: малороссіане не будутъ чинить «пренятія» татарамъ, когда тѣ пойдутъ назадъ, а татаре не станутъ трогать запорожскихъ ватажниковъ, сновавшихъ за промыслами на Молочныхъ-Водахъ и на Бердѣ. Балга подарилъ кошевому добраго коня, а двумъ курѣннымъ атаманамъ по «чугъ» (одежда) ²¹⁾.

Гусакъ видимо сочувствовалъ мечтаніямъ Петрига, но не рѣшался открыто стать за него предъ всѣмъ товариствомъ. Оттого

*) Обѣ рѣки—въ Таврической губ., впадаютъ въ Азовское море.

²¹⁾ Ibid., т. 107.

на радѣ; собравшейся на другой день послѣ свиданія съ Петромъ, не послѣдовало ничего рѣшительнаго. Рада, находясь подъ нравственнымъ вліяніемъ Гусака, постановила, что всему низовому съчевому войску идти въ походъ на Украину не слѣдуетъ, но кто изъ товарищей захочетъ идти съ Петригомъ, тому возбранять. Тутъ пришла отъ гетмана увѣщательная грамота запорожцамъ, чтобъ они не приставали къ злымъ замысламъ Кошевой атаманъ поступилъ и здѣсь согласно своему двуплечному характеру. Онъ отвѣчалъ Мазепѣ, что у запорожцевъ въ все нѣтъ такого безумнаго намѣренія, чтобы вмѣстѣ съ бусманами идти на войну противъ православныхъ христіанъ. Но тотъ же письмъ кошевой дѣлалъ замѣчаніе, что во время гетманства Мазены совершаются дѣла не лучше такихъ, какія дѣлались при ляхахъ, противъ которыхъ поднялся Богданъ Хмельницкій. «Стали держать подданныхъ такіе паны, которымъ не какъ не слѣдуетъ позволять ихъ держать, а они заставляли бѣдныхъ людей дрова возить, конюшни чистить, печи топить. Пусть бы только генеральныя старшины держали подданныхъ, это было бы еще не такъ обидно, а то держать такіе, которыхъ отцы не держали подданныхъ никогда. Могли бы эти люди, какъ и отцы ихъ, питаться своимъ трудовымъ хлѣбомъ». Повторялись точно такія жалобы, какія заявлялъ въ своихъ писаніяхъ Петригъ, кошевой Гусака уже тѣмъ самымъ, при всѣхъ своихъ увѣреніяхъ въ непричастности къ мятежнымъ замысламъ Петра, показывалъ, что относится къ его дѣлу не безъ сочувствія.

Когда рада порѣшила, что охотники могутъ идти къ Петригу, тотчасъ набралось такихъ охотниковъ до пятисотъ. Василь Мисскій, пріятель Петрика, избранъ былъ ими полковникомъ и имъ дано было дать ему войсковыя клейноты, т. е. знаки наказнаго чальническаго достоинства, но кошевой атаманъ и старшины дали ихъ ему, чтобы не казалось, будто они отправлены отъ вѣдущаго Запорожскаго низоваго войска. Кошевой хотѣлъ, чтобы ихъ пустили только на томъ основаніи, что въ Сѣчѣ, съ давнихъ поръ, никого силою не удерживаютъ, но это не значило бы, все товариство признаетъ ихъ затѣю добрымъ дѣломъ. Охотники самовольно пошли въ Каменный-Затонъ и тамъ тотчасъ соединились въ раду и провозгласили Петрика гетманомъ, а Балгатанъ вручилъ ему войсковыя клейноты: булаву, бунчукъ и ругвь. Такимъ образомъ Петригъ копировалъ изъ себя Богдана Хмельницкаго, котораго первый разъ провозгласили гетманомъ.

Запорожцы, а также напоминалъ собою Суховѣенга и Дорошенка, которые первые знаки гетманскаго достоинства получили отъ татаръ. Петрикъ, считая себя уже гетманомъ, нарѣкъ трехъ полковниковъ (Василія Бузскаго, Кондрата и Сысоя) и шесть сотниковъ, потомъ послалъ къ ватажникамъ на Молочныя-Воды и на Берду созывать ихъ вмѣстѣ съ собою на войну противъ жоскалей для достиженія вольностей; при этомъ онъ грозилъ ихъ отдать татарамъ въ неволю, если они его не послушаютъ. Самъ Петрикъ съ Балгою-салтаномъ отступилъ отъ Сѣчи и на рѣчкѣ Татаркѣ собралъ раду; чтобъ обсудить, куда имъ сначала идти. Порѣшили прежде подчинить самарскіе городки, а между тѣмъ послать въ Полтавскій полкъ къ цариченскимъ и китай-городскимъ жителямъ воззванія, приглашающія сдаться и показать приторъ другимъ. 29 июля съ Самары Петрикъ распустилъ такой универсалъ ко всему народу малороссійскому:

«Всему товариству и посполитымъ обывателямъ добраго отъ Бога здоровья и благополучія. Зная, что Войско Запорожское пребываетъ въ угнетеніи, вѣдая о вашихъ несносныхъ страданіяхъ и желая избавить васъ отъ тиранства Москвы и немилостивыхъ вашихъ пановъ, я обратился къ Крымскому государству, для чего ѣздилъ въ Крымъ и возвратился оттуда съ ордою. У Каменнаго-Затона близъ Сѣчи все Войско Запорожское съ кошовымъ атаманомъ и курѣвными атаманами на войсковой радѣ утвердило обоюдною присягою миръ, постановленный съ Крымскимъ государствомъ, а на другой радѣ по Божіей волѣ избрало меня гетманомъ и повелѣло мнѣ съ ордами и съ Войскомъ Запорожскимъ идти на оборону вашу противъ Москвы. Нынѣ, двинувшись изъ Каменнаго-Затона и совокунившись какъ съ тѣмъ войскомъ, которое было на Молочныхъ-Водахъ, такъ и со всѣми ордами, находившимися при Балгѣ-салтанѣ, мы пришли къ Самарѣ, о чемъ васъ всѣхъ извѣщаемъ настоящимъ нашимъ листомъ. Довѣрьтесь мнѣ и, устроивъ между собою надлежащій порядокъ, высылайте къ его милости салтану и къ намъ Войску Запорожскому свою старшину и сами съ нами готовьтеесь въ этотъ военный путь противъ непріятели своего москаля, дабы съ Божіей помощью скинуть невольническое ярмо съ вольныхъ вашихъ козацкихъ хребтовъ. Вѣдайте, что эта война противъ москаля началась не ради чего иного, какъ для вашихъ вольностей и общаго народнаго блага. Сами знаете, что съ вами дѣлаютъ москали и ваши хищные паны и что вамъ вытворяется отъ арен-

дарей: объѣздили вамъ тираны шеи, поодбирали себѣ нежити ваши *). Станьте же дружно за вольности свои. Если теперь поможетъ Господь Богъ отбиться изъ подъ ярма московскаго, тогда устройте у себя такой порядокъ, какой сами захотите, и станете пользоваться такою вольностію, какою пользовались предки ваши при Богданѣ Хмельницкомъ. Войско Запорожское утвердило миръ съ Крымскимъ государствомъ на такихъ условіяхъ, чтобъ тогочасная чигиринская сторона Днѣпра была намъ возвращена въ тѣхъ предѣлахъ, въ какихъ Хмельницкій съ ордами завоевалъ ее отъ ляховъ, а другая сегочасная сторона при насъ оставалась бы со всеми полками и городами. Вольно будетъ всякому отправлять рыбные, соляные и звѣриные промыслы по Днѣпру, Бугу и другимъ рѣчкамъ безъ всякой платы. Выбившимся изъ настоящаго подданства, каждый, коли захочетъ, можетъ идти въ свою отчизну, гдѣ прежде проживалъ, и не будетъ по этому поводу никому тревоги и опасности. Государство Крымское даю намъ присягу всегда оборонять насъ отъ Москвы, отъ ляховъ и отъ всѣхъ непріятелей. Если вы теперь не приметесь за свои вольности, то знайте, что потеряете ихъ навсегда и останетесь вѣчно московскими невольниками и никто уже послѣ за васъ не заступится».

Петригъ очевидно разыгрывалъ изъ себя Богдана Хмельницкаго; но времена, когда Богданъ Хмельницкій могъ совершать свои великія дѣла, прошли невозвратно. Вездѣ и во всемъ подражаніе бываетъ хуже оригинала, и событія, искусственно повторяемыя не во-время, представляютъ собою что-то комическое. Петригъ въ малороссійской исторіи явился такимъ типомъ, какимъ былъ Донъ-Кихоть въ исторіи человѣческаго поэтическаго творчества.

Мазепѣ извѣстны были шагъ за шагомъ поступки Петрига гетманъ послалъ въ Москву просить, чтобъ указано было воеводамъ Борису Петровичу Шереметеву и князю Барятинскому соединиться съ полками гетманскаго регимента. Въ концѣ іюля Мазепа выслалъ впередъ четыре городовыхъ полка — Прилуцкій, Миргородскій, Лубенскій, Нѣжинскій и съ ними охотный конный полкъ

*) „А тое вѣдайте що ся война на москала всчалася не для того иншо але для вашихъ волностей и добра общого, посполитого. Не треба вамъ тогочасно много писати, сами знаете що вамъ дѣють москали и ваши драпезные пани и що ся вамъ чинить отъ арендарей; все тое добре знаете: объѣздили вамъ шеи тиранствомъ и худобы ваши вси поодбирали».

Шанковскаго, а самъ съ пятью охотными полками сталъ подъ Гадячемъ и ожидалъ прибытія къ себѣ съ одной стороны великорусскихъ воеводъ, а съ другой—выборныхъ отрядовъ изъ полковъ: Мѣвскаго, Черниговскаго и Стародубскаго. Стоя подъ Гадячемъ, Гетманъ распустилъ 28 іюля универсалъ ко всему малороссійскому народу, служившій какъ бы опроверженіемъ возмутительныхъ воззваній Петрика. Въ немъ гетманъ вспоминалъ о прежнихъ усобицахъ, о бѣдствіяхъ и разореніяхъ, постигшихъ отъ нихъ край, убѣждалъ пребывать въ вѣрности царямъ и въ послушаніи гетману, угрожалъ въ добавокъ карою тѣмъ, которые прельстились бы и поддались обманщику, «загибельному сыну Петрику» ²²⁾.

Гетманъ скорѣе дождался своихъ полковъ, чѣмъ великороссійскихъ вспомогательныхъ ратныхъ силъ. Шереметевъ не дошелъ еще до мѣста, гдѣ ему надлежало сойтись съ козаками, а князь Барятинскій, какъ носились слухи, былъ гдѣ-то далеко за Путивлемъ. Гетманъ не сталъ долѣе ихъ ждать и двинулся къ Полтавѣ.

Высланные впередъ полковники прислали къ гетману извѣстіе, что жители Цариченки, Китай-городка *) и другихъ Орельскихъ городковъ поддаются мятежу, повѣривши «прелестнымъ» письмамъ возмутителя. Этого было мало. До гетмана доходилъ слухъ, что огонь мятежа распространяется вдоль праваго берега Ворсклы: жители кишенскіе и сокольскіе начинаютъ «малодушествовать», готовы сдаться татарамъ и признать власть Петрика. Вездѣ по пути, по которому шелъ гетманъ, слышались отъ «легкомысленныхъ людей дерзкія рѣчи». Въ обозѣ самого гетмана стрѣльцы доносили, что навой-то пьяный возагъ, помахивая саблей, кричалъ: «станемъ рубить москалей». Можно было опасаться, что мятежникъ дѣйствительно угадалъ народное желаніе ²³⁾. Гетманъ еще разъ послалъ гонца къ Шереметеву съ просьбою спѣшить на выручку малороссійскаго края и въ то же время отправилъ къ четыремъ высланнымъ впередъ полковникамъ приказаніе идти противъ непріятеля на вспоможеніе жителямъ городковъ: Мачки **) и Нехворощи ***), которые еще не поддались мятежнику,

²²⁾ *Величко*, т. III, стр. 110.

*) Оба—мѣстечки Кобыляк. уѣзда, при р. Орели.

²³⁾ *Арх. Юст. кн. 66, л. 533.*

**) Мѣстеч. Кобыляк. уѣзда, при р. Орели.

***) Мѣстеч. Константиноградскаго уѣзда, при р. Орели.

но могли поддаться, если къ нимъ въ-пору не явится выручка. Не легкимъ казалось для этихъ полковниковъ такое порученіе, такъ какъ они не знали навѣрное татарской силы и опасались встрѣтить ее въ размѣрѣ превосходящемъ ихъ собственныя силы. Гетманъ ободрялъ ихъ скорымъ подкрѣпленіемъ послѣ прибытія Шереметева.

Августа 5-го полковники съ своими полками, которые были расположены вдоль берега Ворсклы, двинулись къ рѣкѣ Орели и приблизились къ Маячкѣ. Подъ этимъ городкомъ стоялъ уже Петригъ съ ордою ²⁴⁾.

Вотъ какъ Петригъ туда добрался. Разославши съ береговъ Самары свои возмутительные универсалы, онъ прежде всего хотѣлъ подчинить себѣ Новобогородскъ. Но его «преlestныя» письма, туда посланныя, не имѣли никакого успѣха, потому что въ этомъ, недавно еще основанномъ, городѣ большинство жителей состояло изъ великороссіянъ. Запорожцы съ Петригомъ попытались было ночью ворваться въ посадь, но пораженные пальбою изъ замка ушли, а одинъ изъ новопожалованныхъ Петригомъ полковниковъ, Бондрать, попался въ плѣнъ. Утромъ послѣ того Петригъ съ запорожцами и Балга-салтанъ съ татарами направили путь къ Украинѣ. На дорогѣ прибыли къ Петрику посланцы изъ городковъ Цариченки и Китай-городка съ хлѣбомъ - солью, изъявляли отъ имени всѣхъ жителей покорность и охоту содѣйствовать освобожденію Украины отъ московской власти. Все, казалось Петригу, шло удачно. Онъ оставилъ обозъ неподалеку отъ Китай-городка и вмѣстѣ съ Балгою-салтаномъ двинулся налегкѣ къ Маячкѣ. Туда было уже послано заранѣе «преlestное» письмо, какъ и въ другіе городки, но изъ Маячки никто не приходилъ къ Петрику съ хлѣбомъ-солью. Приближаясь къ Маячкѣ, у рѣчки, носившей то же имя, встрѣтили они ватагу украинцевъ, которые ходили на промыслы къ Молочнымъ-Водамъ и къ Бердѣ, а теперь возвращались домой. Петригъ сталъ уговаривать ихъ пристать къ нему и вмѣстѣ съ ними идти на москалей, чтобъ освободить весь народъ малороссійскій отъ московскаго ярма. Многіе ватажники сразу догадались, что передъ ними какая-то шайка бездѣльниковъ: хотя они себя и называли запорожцами, но это казалось сомнительнымъ, такъ какъ съ ними не было ни кошеваго, ни запорожскихъ старшинъ. Нѣкоторые

²⁴⁾ Архивъ Ин. Дѣлъ 1692 г. Донесен. Мазепы отъ 7 августа. Подлин.

изъ ватажниковъ, однако, наружно согласились пристать къ Петригу и тайно набралось около полторы тысячи; другіе же наотрѣзъ отказались и ушли на островъ, гдѣ грозили обороняться, если ихъ стануть принуждать. Тогда приставшіе къ мятежнику просили дозволенія взять и привезти свои оставленные возы, а когда получили позволеніе, то убѣжали тотчасъ къ товарищамъ на островъ. Нѣкоторые оставались еще при Петригѣ, но дождав- шись ночи, также всѣ отъ него убѣжали ²⁵⁾.

Такимъ образомъ не успѣвъ Петригъ увеличить своей силы ватажниками и, оставаясь съ одними татарами, да съ кружкомъ запорожцевъ, подступилъ къ городку Маячкѣ. Онъ послалъ туда еще одно «прелестное» письмо. На это письмо жители отвѣтили положительнымъ отказомъ: къ городку приближались высланные гетманомъ полковники.

Какъ только татары увидали вдаль гетманскіе поля, на нихъ сразу нашель переполохъ. До нихъ доходили вѣсти, что въ по- рубежныхъ мѣстахъ разставлены московскія силы, а сзади всѣ бѣгородскія рати готовы противъ нихъ къ походу. Татары по- сѣбно отступили къ своему табору, оставленному подъ Битай- городкомъ. Тутъ прибѣжалъ къ Петригу какой-то козакъ и го- ворилъ, что отправленъ отъ полтавскаго полковника Павла Гер- цика, стоявшаго у городка Бобылякъ. Онъ убѣждалъ Петрика слѣшить къ Полтавѣ, увѣряя, что и полтавскій полковникъ и весь Полтавскій полкъ пристануть къ Петригу, потому что всѣ ненавидятъ москалей.

Сказанное козакомъ о Полтавскомъ полкѣ была ложь. Напро- тивъ, когда возмутительный универсалъ Петрика дошелъ въ Пол- таву, тамъ былъ уже гетманъ и приказалъ послать къ мятеж- нику написанный въ гетманской канцеляріи отвѣтъ отъ имени всего Полтавскаго полка въ самомъ презрительномъ тонѣ. «Какъ смѣешь ты гетманомъ именоваться? — было сказано въ этомъ отвѣтѣ. — Всѣ мы, и старшіе и меньшіе, удивляемся твоему без- умству: кто тебя, щенка такого, поставилъ начальникомъ и опе- чуномъ надъ нами? Съ чего ты это убиваешься и заботишься о нашемъ житіи? Мы знаемъ, что твой батько былъ нищій и жилъ у насъ въ Полтавѣ въ богадѣльнѣ, а ты, будучи въ школѣ, ваялся между нищими на улицѣ, и подъ огнями нашими вы- кормился объѣдами. Ты не только не бывалъ въ рыцарскихъ

²⁵⁾ Арх. Юст. кн. 66, л. 108. Показаніе ватажника Макаренка.

упражненіяхъ, но и въ домовыхъ наукахъ, а потомъ хотъ и втерся въ войсковую канцелярію, но тамъ, обобравши товарищей и измѣнивши своему пану, убѣжалъ на Запорожьѣ! Мы тому не вѣримъ, будто къ тебѣ прибылъ Калга-салтанъ; не надѣмся, чтобъ такая важная особа послѣдовала за тобою, лгуномъ и щенкомъ! Вѣрно цыганъ какой-нибудь собралъ тысячную толпу оборвышей изъ татаръ и назвался салтаномъ!»

Письмо это показываетъ взглядъ, образовавшійся тогда у малороссійскихъ старшинъ по отношенію къ тѣмъ, которыхъ они могли унижать за ихъ простое происхожденіе ²⁶⁾. Письмо это, вѣроятно, принесъ Петрику тотъ козакъ, который выдавалъ себя посланнымъ отъ Герцика, а можетъ-быть Петригъ самъ выдумалъ и сообщилъ Калгѣ о такой присылкѣ отъ Герцика; дѣйствительно же полученнаго письма, конечно, не показалъ салтану и убѣждалъ послѣдняго идти далѣе къ Полтавѣ. Но Калга-салтанъ былъ въ такомъ расположеніи, что, вмѣсто похода далѣе въ Украину, собрался съ своею ордою отступать въ Крымъ ²⁷⁾. Къ нему пришла вѣсть, что въ Крыму готовится переворотъ: мурзы недовольны ханомъ, хотятъ избрать другаго, большинство вновь желаетъ нѣкогда бывшаго въ Крыму ханомъ Селимъ-Гирея и уже послали въ Константинополь просить падишаха о его назначеніи ²⁸⁾.

Когда Петригъ съ Калгою ходили къ Маячкѣ, оставленные въ таборѣ близъ Китай-городка татары, по своему обычаю, стали расходиться небольшими загонами и ловить плѣнниковъ, съ тѣмъ чтобы гнать ихъ въ Крымъ. Петригъ, по возвращеніи изъ-подъ Маячки, не безъ труда упросилъ Калгу отпустить на волю малороссіянъ, забранныхъ татарами. Было бы черезчуръ, еслибы послѣ всѣхъ льстивыхъ обѣщаній татарской дружбы, на которыя былъ такъ щедръ Петригъ въ своихъ универсалахъ, татары на первыхъ же порахъ показали малороссіянамъ свою дружбу такимъ способомъ.

Первый походъ Петрика до крайности уронилъ его въ глазахъ народа: безъ того можетъ быть нашлось бы болѣе готовыхъ увлечься его горячими возбужденіями. Да и татары не охотно шли съ нимъ и теперь не слушали его убѣжденій. И пришлось ему вѣрочаться вснать за своими союзниками, а когда на возвратномъ

²⁶⁾ *Величко*, т. III, стр. 114—116.

²⁷⁾ Арх. Ин. Дѣль 1693 г., № 20.

²⁸⁾ Арх. Юст. кн. 66, лл. 751 и 985.

пути достигъ онъ до рѣчки Татарки, то нѣсколько сотъ запорожцевъ, приставшихъ къ нему въ Каменномъ - Затонѣ, ушли отъ него въ Сѣчь; осталось ихъ съ нимъ человекъ восемьдесятъ самыхъ забубенныхъ. Съ ними Петригъ слѣдовалъ за Баагою-салтаномъ до Перекопа. Баага уѣхалъ въ Крымъ, а Петригъ, съ своею купою удалцовъ, простоялъ подъ Перекопомъ въ ханскихъ окопахъ около трехъ мѣсяцевъ. Изъ Перекопа выдавалось его козакамъ подневно пшено и по нѣскольку барановъ для прокормленія. Здѣсь посѣщали его малороссійскіе торговцы изъ Полтавскаго полка; онъ ихъ принималъ ласково, играя изъ себя роль гетмана, угощалъ горѣлкою и увѣрялъ, что скоро прибудетъ въ Украину съ татарскими вспомогательными силами. «Не добро вамъ съ Москвою, — говорилъ онъ. — Я къ чему намѣрился, то конче исполню. Выгону Москву, всѣхъ васъ освобожу изъ московской неволи; станутъ люди изъ московскихъ слободъ переходить опять на чигиринскую сторону на прежнее жилие». Всѣ ѣздившіе въ Крымъ за солью чумаки отдавали ему поклонъ, какъ батьку козацкому, потому что только по его ходатайству ханъ позволялъ имъ ѣздить въ свои владѣнія для соляныхъ промысловъ, тогда какъ вообще малороссіянамъ, подданнымъ царя московскаго, это не дозволялось по поводу непріязненныхъ отношеній Крымскаго курта къ Московской державѣ *).

Въ послѣднихъ числахъ сентября, или въ первыхъ октября, козаковъ, состоявшихъ около Петрика, развели изъ ханскаго окопа подъ Перекопомъ по разнымъ татарскимъ селеніямъ, а самъ Петригъ, съ шестнадцатью товарищами, поѣхалъ въ Бахчисарай свидать и встрѣчать новаго хана. Этотъ ханъ пріѣхалъ изъ Турціи въ декабрѣ послѣ Николина дня. Петригъ явился къ нему съ поклономъ и представилъ фальшивыя письма, писанныя будто бы отъ гетмана и Бочубея къ прежнему хану: въ этихъ письмахъ заключалась просьба оказать козакамъ помощь, чтобъ освободить Украину отъ московской власти и перевести поселенныхъ въ слободскихъ полкахъ малороссіянъ на прежнія мѣста ихъ жительства, въ Чигиринщину. Ханъ Селимъ-Гирей и прежде былъ неумо-

*) Рассказываютъ: Петригъ добился тогда для малороссійскихъ солевозцевъ права набирать соль въ озерѣ, называемомъ Проклятое. Оно было очень изобильно солью; но татары не допускали, по суевѣрію, брать изъ него соли: Тамъ соль проклятая, — говорилъ Петригу Батырча-мурза, — и тотъ будетъ проклятъ, кто станетъ ее добывать и употреблять. Давно когда-то, во время Сагайдачнаго, тамъ было побито много козаковъ и татаръ не мало пропало. Озеро это кровью осквернилось и стало Проклятымъ.

лимый врагъ Москвы, а теперь принялъ ласково Петрика уже только единственно потому, что этотъ человекъ явился врагомъ Москвы. Не знаемъ, въ какой степени не сомнѣвались въ Крымѣ въ подлинности привезенныхъ имъ писемъ гетмана и Бочубея, но достаточно было, что они приглашали крымцевъ къ походу, — и ханъ далъ тотчасъ приказаніе татарамъ кормить лошадей и быть готовыми къ походу.

Послѣ быстрого отступленія Балги-салтана и Петрика, полковники, высланные гетманомъ, бросились было въ погоню за уходящими, но не догнали, потому что, въ виду погони, отступление стало совершеннымъ бѣгствомъ.

Гетманъ Мазепа распустилъ свое войско; съ врагомъ ему не удалось биться, однако оно пробыло въ трудахъ и лишеніяхъ военнаго похода цѣлыхъ 12 недѣль, а Полтавскаго полка казаки—осмнадцать. Успѣхъ надъ мятежомъ былъ приобрѣтенъ чрезвычайно скоро и легко, но гетманъ удостоился отъ московскаго правительства похвалъ и подарковъ, какъ бы за очень важный подвигъ. Такимъ это дѣло и должно было показываться издали, если судить о немъ по тѣмъ замысламъ, съ какими пускался возмутитель на свое предпріятіе. Стольникъ Таракановъ привезъ гетману и старшинамъ милостивое слово великихъ государей и подарки. Онъ представился гетману въ станѣ, устроенномъ въ Бадаквѣ *) на Артополотѣ. Тамъ гетманскій таборъ былъ устроенъ на подобіе города, съ воротами, отъ которыхъ шли улицы, составленныя изъ шатровъ, до гетманскаго шатра. Гетманская пѣхота уставлена была по всему пути, по которому шелъ царскій посоль. Пѣхота играла на трубахъ, била въ литавры. Царскій посоль поднесъ гетману съ царскою похвальною грамотою подарокъ—кафтанъ «откровеннымъ видомъ, съ распростертыми полами», а старшинамъ присланы были соболи и матеріи, называемыя «байбереки» **).

Въ концѣ 1692 года произошла суровая расправа съ тѣми, которые во время прихода Петрика присылали къ нему съ хлѣбомъ-солью и признали его гетманомъ. Такая участь постигла двухъ сотниковъ: цариченскаго и китай-городскаго. Войсковою судъ присудилъ ихъ къ смертной казни, которая должна была исполниться на мѣстѣ ихъ преступленія. Но китай-городскіе жители испросили помилованіе своему сотнику, представляя, что зачин-

*) Нынѣ село Лохвицкаго уѣзда, при р. Сулѣ.

**) Арх. Ин. Дѣлъ 1692 г., августъ, № 98.

щико́мъ измѣны былъ не онъ, а священники, подававшіе совѣтъ сдать городъ. На этомъ основаніи присудили кита́й-городскому сотнику и его сообщикамъ учинить такую казнь: положить имъ головы на плахи, потомъ, снявши съ плахъ, объявить, что, по прошенію царицы Натальи Кирилловны, смертная казнь замѣняется для нихъ наказаніемъ внѣдомъ и ссылкой въ дальніе сибирскіе города. Этотъ приговоръ былъ исполненъ 2 ноября ³⁰⁾. Цариченскому сотнику отрубили голову въ Полтавѣ 2 декабря ³¹⁾.

Петри́къ, убѣжавши отъ рубежей гетманщины, прислалъ въ Сѣчу письмо въ такомъ смыслѣ: «Не сомнѣвайтесь. Дѣлу сему конца еще нѣтъ. Что мы начали, то и совершимъ». Но въ Сѣчи уже очень мало нашлось у него сторонниковъ. Гуса́къ теперь уже не мирволилъ Петрику, сталъ обращаться грубо съ его сторонниками и грозилъ имъ наказаніями. Но тутъ поднялась смута. Гусака обвинили въ томъ, что онъ бралъ дары отъ татаръ, приходившихъ съ Петрикомъ. Его принудили положить свою «комышину». Съ нимъ разомъ смѣнили всѣхъ другихъ сѣчевыхъ старшинъ и выбрали новыхъ. Кошевымъ атаманомъ выбранъ былъ Василь Кузьменко. Это не обошлось безъ междоусобій: поднимались курѣни на курѣни, сѣчевую церковь забросали полѣньями, купецкихъ людей пограбили ³²⁾.

Для удержанія Запорожья въ спокойствіи, гетманъ находилъ, что слѣдуетъ въ Каменномъ-Затонѣ построить крѣпость и тамъ держать постоянно гарнизонъ съ орудіями. Нельзя было не обратить вниманія, что Запорожье было опасно для гетманщины главнымъ образомъ оттого, что тамъ скоплялись недовольные порядкомъ въ Украинѣ и другъ друга подстрекали на отважныя мятежническія затѣи. Надобно было исправить причины народнаго недовольства. По вопросу о маестностяхъ старшинъ и войсковыхъ товарищей полагалось возможнымъ успокоить народныя жалобы на утѣсненіе тѣмъ, что гетманъ издалъ универсалъ, въ которомъ давалъ наставленіе владѣльцамъ не отягощать своихъ подданныхъ въ земляхъ, лѣсахъ, сѣнокосахъ и во всякихъ угодьяхъ подъ опасеніемъ отобранія маестностей ³³⁾. Но и это дѣлалось только на случай возможности отягощенія. Угрожая въ своемъ универсалѣ владѣльцамъ маестностей карою за отягощеніе под-

³⁰⁾ Арх. Юст. кн. 66, л. 107.

³¹⁾ Ibidem, л. 568.

³²⁾ Ibidem, л. 1050.

³³⁾ Ibidem, л. 1050.

данныхъ, гетманъ сообщалъ въ Приказъ, что отъ особь, владѣющихъ маестностями, какъ отъ генеральныхъ старшинъ и полковниковъ «люди въ подданствѣ будучіе отягощенія и бремени неудобносымаго не терпѣли» ²⁴). Относительно арендъ, возбуждавшихъ также всеобщее недовольство народа, гетманъ до поры до времени ограничился универсаломъ, дозволявшимъ на крестины и на сватьбы курить вино для своего домашняго обихода и покупать дешевою цѣною вино бочками: собственно это и прежде дозволялось, но съ такимъ ограниченіемъ, чтобы покупаемая бочка заключала не менѣе пятидесяти квартъ. Теперь же дозволялось покупать гораздо меньше—въ десять квартъ и притомъ безъ явки арендарямъ и ихъ шафарямъ, объявляя единственно мѣстнымъ полковымъ старшинамъ. Самыхъ арендарей обязали продавать въ раздробъ кварту не дороже двухъ копѣекъ. Это издавалось только какъ временно облегчительныя мѣры, — предполагалось скоро уничтожить аренды вовсе ²⁵).

Неугомонный Петрикъ въ Крыму старался расположить новаго хана и представилъ какое-то письмо, полученное будто бы отъ полтавскаго полковника. Въ этомъ письмѣ увѣряли, что какъ только онъ явится съ татарами, то весь Полтавскій полкъ ему сдастся. Крымскіе мурзы убѣждали хана Салимъ-Гирея вѣрить Петрику и сообщали, что имъ подлинно извѣстно, какъ малороссіяне не терпятъ москалей и готовы принять татаръ, какъ избавителей. Бывшіе въ Крыму невольники греки, напротивъ, уговаривали Петрика не пускаться снова въ это дѣло и не отдавать на расхищеніе мусульманамъ своихъ единовѣрцевъ. Петрикъ на это имъ отвѣчалъ: «Я стою за посполитый народъ, за самыхъ бѣдныхъ и простыхъ людей. Богданъ Хмельницкій избавилъ народъ малороссійскій изъ неволи лядской, а я хочу избавить его отъ новой неволи москалей и своихъ пановъ».

11-го генваря 1693 года ханъ Салимъ-Гирей отправилъ въ походъ зятя своего Нуреддина-салтана и сына Ширинъ-бея съ ордами, а съ ними выступилъ и Петрикъ съ кучкою своихъ воровскихъ козаковъ. Прежде всего ханъ Салимъ-Гирей приказывалъ имъ идти къ Овчѣ и попытаться подвинуть свѣчиговъ идти въ малороссійскіе города. Если малороссійскіе города не станутъ сдаваться, то ханъ не приказывалъ ихъ разорять, а вес-

²⁴) Арх. Ин. Дѣлъ 1693 г., № 24.

²⁵) Арх. Юст. кн. 66, л. 568.

ною самъ ханъ обѣщаль идти съ ордами на великороссійскіе города и слободы. 16 января Нуреддинъ-салтанъ и Петрикъ отправили въ Сѣчу воззваніе, убѣждавшее пристать къ нимъ ³⁶). Петрикъ извѣщаль запорожцевъ, что онъ прошлое лѣто не могъ довести своего предпріятія до конца оттого, что татары его покинули, а теперь новый ханъ Салимъ-Гирей въ совѣтъ со всѣмъ своимъ государствомъ постановилъ помогать малороссіянамъ, чтобъ вырвать ихъ изъ подъ московскаго подданства: «Не прельщайтесь, братья, — выражался онъ, — тѣмъ, что московскіе цари шлютъ вамъ червонные золотые: все это Москва дѣлаетъ оттого, что видитъ волка въ лѣсу, а какъ Москва помирится съ Крымомъ, то часть нашей Ураины ордѣ отдастъ, а другую заберетъ себѣ въ вѣчную неволю. У насъ правдиво говорится: за кого крымскій ханъ, тотъ и будетъ панъ!... Не привязывайтесь къ этой Москвѣ, какъ рыба-судакъ къ неводу, что ее еще не затягиваютъ неводомъ, а она уже къ нити прилегаетъ и тащитъ ее рыболовъ туда, куда уже прежде другихъ рыбъ затащилъ. Такъ и вы добровольно привязались къ Москвѣ, а она съ вами то же учинить, что уже прежде учинила съ тѣми, которыхъ раньше васъ подъ свою власть взяла».

На это воззваніе запорожцы послали Петрику отвѣтъ, составленный сѣчевымъ писаремъ Созонтомъ Грибовскимъ. Запорожцы выражались, что, усматривая близость конца міру, они считаютъ приличнымъ ~~и~~ себя такъ, какъ учить церковь — царей почитать и пановъ слушаться. «Предавшись отчаянію и забывъ создавшаго и искупившаго тебя своею кровью Бога, — писали они, — ты отдался бездонному аду съ душою и съ тѣломъ. Желаетъ тебѣ тамъ бесѣдовать на вѣчныя времена! Отъ крымскаго хана ты получилъ клеймоты; иди же себѣ съ ними куда хочешь, только отъ насъ убирайся подальше. Безъ нашего вѣдома ты ушелъ въ Крымъ, безъ насъ теперь и походъ свой совершай, а намъ больше не доучай!» ³⁷).

Нуреддину отвѣчали запорожцы, что согласно съ договоромъ, заключеннымъ прошлый годъ съ бывшимъ Балгою-салтаномъ въ Каменномъ-Затонѣ, они желаютъ безопасно отъ татаръ промышлять звѣриными, солеными и рыбными добычами, но отрекаются отъ военнаго похода на Московское государство. Нуреддинъ послѣ

³⁶) Ibid., кн. 67, л. 29.

³⁷) Арх. Ин. Дѣлъ 1693 г., № 14.

этого послалъ имъ еще одно письмо въ такихъ выраженіяхъ: «Намъ не надобно такого мира, какого хотите вы, и отъ нынѣшняго часа вамъ отъ насъ не будетъ покоя! Если же ономнитесь, то пусть вашъ кошевой атаманъ самъ прїѣзжаетъ къ намъ для разговора, либо, вмѣсто себя, знатныхъ особъ присылаетъ». На это запорожцы уже не послали письменнаго отвѣта, а словесно передали: «мы ко псу Петрику больше писать не станемъ и выходить къ вамъ изъ Сѣчи не будемъ»³⁸⁾.

Запорожская Сѣчь показала татарамъ, что Петрику на нечего полагаться, но Петригъ увѣрялъ Нуреддина и мурзъ, что въ гетманщинѣ встрѣтятъ ихъ не такъ, какъ въ Запорожьѣ. «Всѣ города малороссійскіе,—говорилъ Петригъ,—признаютъ меня гетманомъ и тогда останется разослать татаръ загонами въ великороссійскіе украинные города и въ малороссійскіе слободскіе полки, чтобы вывозить оттуда малороссіянъ на правую сторону Днѣпра»³⁹⁾. Петрика особенно занимала мысль вновь населить правобережную Украину и такая мысль правилась бусурманамъ, потому что малороссіянне, перешедши на правую сторону Днѣпра, очутились бы подъ турецкимъ господствомъ. Петригъ писалъ письма въ Чигиринъ и въ Курсунь, добиваясь, чтобы тамошніе жители заранѣе признали его гетманомъ⁴⁰⁾. Несмотря на грубый отказъ всего запорожскаго коша, въ Сѣчѣ нашлось-таки нѣсколько забудыгъ, которые тогда пристали къ Петрику.

Татары съ Петрикомъ двинулись въ Умань (въ Переволочн. *). Они намѣревались напасть на этотъ городъ ночью, но какой-то хлопецъ, пойманный татарами, ушелъ изъ ихъ рукъ, просидѣлъ нѣкоторое время закопавшись въ снѣгу, потомъ вылѣзъ, прибѣжалъ въ Переволочную и далъ въ-пору знатно подходящемъ неприятелѣ. 15 января въ полночь явился Петригъ съ татарами. Онъ увѣрялъ Нуреддина, что переволоченскій сотникъ явится къ нему съ хлѣбомъ-солью. Вышло не такъ. «Наши,—говоритъ современное донесеніе,—весело поиграли съ татарами не безъ того, что и нашихъ двухъ-трехъ они изрубили, за то мы ихъ отбили знатно и чернь косами татаръ рубала». Татары нахватали подъ Переволочною у жителей скота и овецъ, но саятанъ разсердился за это, велѣлъ перебить у грабителей лошадей

³⁸⁾ Арх. Юст. кн. 66, л. 1152, 1158, 1168 и далѣе.

³⁹⁾ Арх. Ин. Дѣль 1693 г., № 20.

⁴⁰⁾ Ibid., № 39.

^{*)} Нынѣ мѣстечко Кобыляк. уѣзда, при р. Днѣпрѣ, близъ устья Ворсклы.

и самихъ чуть не побилъ. Нужно было показывать малороссіянамъ, что татары идутъ къ нимъ какъ союзники и избавители, а не какъ наѣздники.

Тогда Петригъ сталъ увѣрять Нуреддина, что если Переволочна не сдалась, то другой пограничный городокъ Кишенка непременно сдастся. Петригъ встрѣтилъ кишенцевъ, ѣдившихъ въ конюшню за сѣномъ, и навязалъ имъ «презестное» письмо, обращенное ко всему товариству и къ посволитымъ людямъ города Кишенки. «Прошлаго лѣта, — писалъ онъ, — приходили мы съ ордою татаръ, чтобъ освободить васъ всѣхъ отъ московскаго ярма, но не могли тогда окончить нашего дѣла. Теперь слыша, что могли и ваши паны чинить вамъ великія тягости, вышли мы къ вамъ помогать, и хотимъ, чтобъ вы въ такой вольности жили на обомъ берегахъ Днѣпра, какъ ваши предки жилали при Богданѣ Хмельницкомъ. Высылайте къ намъ своихъ духовныхъ и старшинъ городовыхъ; учинимъ согласіе и пусть товариство ваше, кто захочетъ, идетъ съ нами на войну: тотчасъ, а вамъ никакого убытка не будетъ и волосъ не спадетъ у васъ съ головы. Если же вы послушаетесь чьего-нибудь непристойнаго совѣта, то знайте, что это вамъ даромъ не пройдетъ».

Подошедши къ Кишенкѣ *), татары расположились въ «подворкахъ» (предмѣстьи). Кишенка не высылала на поклонъ духовныхъ и старшинъ. Напрасно прежде хвасталъ Петригъ передъ Нурединомъ, будто у него въ Кишенкѣ есть пріатели: они не отзывались. Петригъ еще разъ послалъ въ Кишенку письмо, приглашалъ охотниковъ идти съ нимъ воевать Москву, увѣряя, будто Переволочна сдалась ему. «Ступайте себѣ далѣе въ Полтавщину, — отвѣчали кишенцы, — а мы тѣмъ временемъ подумаемъ, да посоветуемся» **).

Тогда Петригъ утѣшалъ своихъ союзниковъ, что когда они подойдутъ къ Полтавѣ, то дѣло измѣнится, потому что полтавскій полковникъ съ нимъ въ соумышленіи. Они зажгли подворья, гдѣ стояли, и съ наступленіемъ ночи пошли къ Полтавѣ.

Татары расположились въ окрестностяхъ Полтавы вплоть до стараго-Санжарова **). Часть ихъ разошлась съ загонами, разошла два села и наловила въ полонъ множество жителей, гово-

*) Больш. мѣст. Кобыл. уѣзда, при р. Ворсклѣ.

**) Арх. Юст. кн. 66, лис. 1182.

**) Мѣст. Полтавск. уѣзда, въ 23 вер. отъ Полтавы.

рять, тысячъ до двухъ ⁴²⁾). Петричь послалъ въ Полтаву съ «прелестнымъ» письмомъ какого-то монаха Парвася: «Полтавцы! — писалъ онъ, — крымскія войска пришли освободить васъ отъ московскаго ярма, а перубежные городки ваши не соизволили на то, чтобъ имъ и вамъ добро было. За это крымскія войска пошам на вашихъ войной. Но его милость салтанъ вамъ даетъ знать: если хотите жить съ крымцами въ братерствѣ, присылайте къ нему для соглашенія своихъ старшинъ и салтанъ принадесть воротить весь ясырь, сколько его взято, и скотинну. При этомъ Петричь послалъ въ Полтаву нѣсколько малороссійскихъ невольниковъ, освобожденныхъ изъ Крыма ⁴³⁾).

Но тутъ до Нуредина и до Петрика дошла вѣсть, что великороссійскія и гетманскія ратныя силы приближаются. Гетманъ слѣдившій за движеніями крымцевъ и Петрика, еще въ декабрѣ 1692 года далъ знать въ Москву. Последовалъ царскій указъ Шереметеву съ двадцатью тысячами воиновъ и столько же и хоты идти въ рубежамъ украинскимъ, а товарищу его, князя Барятинскому, стоять по близости позади — «на страхъ непостояннымъ людямъ» ⁴⁴⁾). Въ самарскихъ городахъ доставлено было двухъ тысячъ козаковъ изъ слободскихъ полковъ съ отрядами изъ великороссійскихъ ратныхъ силъ ⁴⁵⁾). Полтавскій полковникъ вовсе не шелъ на соединеніе съ Петрикомъ, — напротивъ, собралъ противъ него три сотни своего полка ⁴⁶⁾). Страхъ встрѣтити съ многочисленными противными военными силами и явное желаніе малороссійскихъ жителей поддаться Петрику побуждалъ татаръ къ немедленному отступленію. Они унесли съ собою имѣнство ясыря, но когда дошли до рѣки Балчица, Петричь упрямилъ Нуредина отпустить плѣнниковъ на волю, дабы малоросіане и теперь могли повѣрить, что татары имъ друзья. По общему извѣстію, число татаръ въ этомъ походѣ простиралось тридцати тысячъ, а съ Петрикомъ малоросіянъ было до четырехсотъ человекъ ⁴⁷⁾); по другому — татаръ было только до сяти тысячъ, а приставшихъ къ Петрику малоросіянъ всего человекъ ⁴⁸⁾).

⁴²⁾ Ibid., т. 1139.

⁴³⁾ Ibid., т. 1182.

⁴⁴⁾ Ibid., т. 985.

⁴⁵⁾ Ibid., т. 588. — Арх. Ин. Дѣль 1693 г., № 20.

⁴⁶⁾ Арх. Юст. вк. 67, т. 1139.

⁴⁷⁾ Ibid., вк. 66, т. 1168.

⁴⁸⁾ Арх. Ин. Дѣль 1693 г., № 20.

Какъ бы то ни было, второе покушение Петрика потерпѣло такую же неудачу, какъ и первое. Народъ ни на-волось не обольстился его воззваніями, не показалъ желанія жертвовать жизнью и достояніемъ ради освобожденія отъ московской власти, не усматривалъ въ Петрикѣ новаго Хмельницкаго, и Мазепа, казалось, имѣлъ право увѣрять московское правительство, что все взводимое Петрикомъ и подобными ему зложелателями объ утѣсненіяхъ народу есть ложь, — въ Малороссіи всѣ, старшіе и меньшіе, живутъ счастливо, въ изобиліи и довольствѣ, никто никого не насилуетъ, никто ни отъ кого не терпитъ ⁴⁹⁾.

Гетманъ хотѣ и на этотъ разъ вовсе не участвовалъ въ отогнаніи татаръ съ Петрикомъ, однако доносилъ въ Москву, что онъ поступалъ не такъ, какъ прежніе гетманы, которые только высылали противъ непріятелей своихъ полковниковъ, а сами уклонялись отъ личнаго участія въ битвахъ; онъ же, напротивъ, какъ только услышалъ, что идетъ Петрикъ въ Украину съ татарами, тотчасъ выступилъ къ Лубнамъ, разставилъ вдоль Днѣпра нѣсколько городовыхъ и охотныхъ полковъ, чтобы не допустить татаръ, вользуясь морозами, перебраться черезъ Днѣпръ по льду: оттого-то непріятель, какъ увидѣлъ, что въ этой сторонѣ все готово къ отпору противъ него; обратился на Полтавскій полкъ, но услыша, что и тамъ готовы отражать его, скоро бѣжалъ оттуда «сломя голову, къ своимъ поганскимъ жилищамъ» ⁵⁰⁾.

Немаловажною причиною неудачи Петрика было то, что запорожцы не пристали къ нему всѣмъ своимъ кошемъ. Послѣ бѣгства Петрикова: гетманъ посылалъ въ Сѣчу войскового товарища Трошинскаго съ дохвалою запорожцамъ и съ иконостасомъ въ сѣчевую церковь. Но этотъ гетманскій посолъ наслушался тогда въ Сѣчѣ «рѣчей невѣжливыхъ и ко вредительству належащихъ». Сердился запорожцы на гетмана, услыхавши, что онъ совѣтовалъ строить крѣпость у Каменнаго-Затона *), — толговали, что имъ выгоднѣе быть въ мирѣ съ бусурманами, потому что съ соленою и рыбной добычи «они были и сыты, и няны, а царскаго жалованья имъ дается мало»; нѣкоторые же прямо отзывались: «пусть намъ ханъ дастъ плату и лошадей, такъ мы будемъ на

⁴⁹⁾ Ibid., № 24.

⁵⁰⁾ Ibid., № 8.

*) „Що се?—кричали сѣчовики.—Гетманъ хоче другу Сѣчъ заводити, щобъ насть у руки взяти! Абы здоровъ бувъ нашъ Днѣпръ, а мы собѣ другу Сѣчъ знайдемо, а Москвѣ смѣятись изъ себе не дамо“.

услугахъ Крымскому государству»⁵¹⁾. Самъ кошевой Бузыменко писалъ къ гетману грамоту, въ которой увѣрялъ, что если запорожцы и заключать миръ съ бусурманами, то такой миръ не повредитъ гетманскому regimentу. Но въ той же грамотѣ кошевой своею рукою приписалъ: «если что здѣсь противнаго вашей милости написано, то простите мнѣ дураку. Я пишу по войсковому приказу и колибъ якимъ спозвобомъ дознали, что я вамъ иное написалъ, то убили бы мене въ радѣ»⁵²⁾.

Вслѣдъ за тѣмъ весной 1693 года ханъ прислалъ въ Сѣчь турка обновить примиреніе, постановленное запорожцами у Каменнаго-Затона. Безповойныя головы взяли верхъ; ханскій посолъ былъ встрѣченъ съ почетомъ; всѣхъ курьей атаманъ произнесли присягу хранить миръ съ ханомъ и его государствомъ и послали въ Крымъ своихъ пословъ для утвержденія мирнаго договора. Петригъ между тѣмъ въ Крыму не переставалъ возбуждать хана ложными вымыслами и увѣрять, что малороссійское посольство только того и ждетъ, чтобы пришелъ ханъ съ ордою; вся чернь паднетъ на старшинъ и на гетмана; и по всѣмъ полкамъ начнется расправа съ панами и арендарями. Обо всемъ этомъ тотчасъ узналъ гетманъ и, сообщивъ въ Москву, разслалъ универсалы, чтобы всѣ полки были снова въ готовности отражать внезапное вторженіе крымцевъ⁵³⁾.

Два неудачныхъ покушенія Петрика показывали, что малороссіане не поддаются возбужденіямъ противъ московской власти, гетмана, пановъ и арендарей, но тѣмъ не менѣе все-таки на виду стояла необходимость устранять по возможности причины, которыми возбуждали въ народѣ неудовольствіе. Дѣло объ арендахъ прошлаго года осталось неоконченнымъ. Въ Свѣтлое Воскресеніе 1693 года гетманъ созвалъ въ Батуринѣ изъ всѣхъ козакъ козацкихъ старшинъ, значныхъ войсковыхъ товарищей и нѣкоторыхъ мѣщанъ на совѣтъ объ арендахъ. Не мало оказалось такихъ, что стояли за аренды. «Никому они не вредить, — говорили такіе госнода, — развѣ только шинкарямъ, а въ городахъ значительные отъ арендъ оказываются пожитки и не только удовлетворяются текуція потребности, но еще по тысячѣ и по двѣ тысячи золотыхъ кладется на сбереженіе». Но раздавалось болѣе голосовъ, доказывавшихъ, что аренды надобно «отставить совер-

⁵¹⁾ Арх. Юст. кн. 66, л. 212.

⁵²⁾ Арх. Ин. Дѣлъ 1693 г., № 14.

⁵³⁾ Ibid., № 21.

шенно», потому что онъ стали народу ненавистны и черезъ нихъ подается несогласнымъ людямъ поводъ къ пререканіямъ; чумаки ходятъ за солью и рыбою въ Сѣчь и своими расказами о тягостяхъ народу отъ арендъ волнуютъ запорожцевъ, а тѣ всегда рады придратъ къ чему нибудь, лишь бы мутить. Подавали со-вѣтъ, вмѣсто арендъ, собирать на всякіе войсковые расходы налогъ съ тѣхъ людей, которые держатъ шинки или курятъ вино въ своихъ винницахъ и продаютъ по ярмаркамъ. Положили, въ видѣ опыта, установить на годъ такой порядокъ, а по оконча-ніи срока полковые старшины и всѣ уряды должны представить вѣдомости, изъ которыхъ можно будетъ собрать, достаточно ли будетъ собираться въ скарбъ войсковой отъ такого способа винной продажи ⁵⁴).

Въ Сѣчѣ, между тѣмъ, шло большое колебаніе. Въ іюнѣ смѣ-нили Кузьменка, кошевымъ сталъ Гусака и писалъ къ гетману, что надобно объявить запорожцамъ большой походъ подъ Бизи-кержень, и запорожцы, въ надеждѣ получить себѣ въ морѣ про-ходъ Днѣпроу, не будутъ въ мирѣ съ бусурманами ⁵⁵). Но въ іюлѣ запорожцы начали кричать, что слѣдуетъ быти въ мирѣ и въ союзѣ съ крымцами; Гусака противился; буяны взяли верхъ, низложили Гусака и «накрыли шапками» Семена Рубана, ку-рѣннаго атамана Полтавскаго курѣня ⁵⁶), а къ гетману послали ругательное письмо, въ которомъ говорили, что онъ не отецъ, а вотчимъ Украинѣ ⁵⁷). Гетманъ, въ отвѣтъ своемъ, обличалъ за-порожцевъ, что сами они достойны назваться насимидами, а не дѣтьми Украины, за то, что поступаютъ такъ, какъ имъ взбредеть въ голову, а не такъ, какъ велитъ монаршіи указъ. Запорожцы, при гетманскомъ посѣдѣ, подняли противъ гетмана крикъ, ру-ганъ; доставалось тогда и высшему правительству ⁵⁸).

Въ это время гетманъ писалъ въ Москву, что было бы по-лезно поднять запорожцевъ на бусурманъ и подвинуть вообще казаковъ на войну съ Турціей. «Въ малороссійскомъ посполитомъ народѣ много такихъ, что смятенія желаютъ; нищимъ и убогимъ хочется на счетъ богатыхъ добывать себѣ состояніе; однокровные съ запорожцами по природѣ, они всегда смотрятъ

⁵⁴) Ibid., № 39.

⁵⁵) Ibid., №№ 33 и 36.—Арх. Юст. кн. 67, л. 756.

⁵⁶) Арх. Юст. кн. 67, л. 867.

⁵⁷) Арх. Ин. Дѣлъ 1693 г., № 50.

⁵⁸) Арх. Юст. кн. 67, л. 1259.

на запорожскіе поступки какъ на образецъ для себя, больше чѣмъ на стройные порядки въ городахъ, и какое бы адо отъ запорожцевъ ни вѣдалося, они готовы по своему безумію къ нимъ пристать. Есть такіе, что и землями владѣютъ, и въ дворахъ своихъ живутъ, но не умѣютъ опрaвлять своихъ домовъ и приторно имъ жить хозяевами, и они какъ только заслышатъ, что въ чужой землѣ нуждаются въ людяхъ для службы, такъ и готовы идти. Отъ прежнихъ гетмановъ и отъ жеза полковникамъ и порубежнымъ сторожникамъ бывали приказы не выпускать ихъ, да никакими способами усмотрѣть за ними невозможно, и еслибы, избави Богъ, началась война противъ Россійской державы, то непріатели нашими людьми къ нимъ бѣгающими воевали бы Украину. Если же отъ насъ начнутся твориться военные промыслы, тогда бы всѣ охотники къ войнѣ пошли туда и не бѣгали бы за рубежъ на чужіе зазвы, не поднимали бы и домашнихъ смуть»⁵⁹⁾. На такія представленія гетмана московское правительство отвѣчало, что для военныхъ дѣйствій надобно ждать удобнаго времени, о чемъ будетъ въ свое время указъ, а до тѣхъ поръ гетманъ долженъ дѣйствовать по своему усмотрѣнію, примѣняясь къ прежнимъ указамъ, и всѣми силами стараться, чтобы запорожцы не вступали въ союзъ съ бусурманами и оставались послушными царямъ⁶⁰⁾.

Во все время отъ половины лѣта 1693 до 1695 года военныя дѣйствія ограничились частными посылками отрядовъ и стычками ихъ съ татарскими загонами. Іюня 27-го 1693 года за Сѣмлюю правобережные полковники Палѣй и Абазизъ разбили орду⁶¹⁾, а октября 27-го того же года соединясь съ Палѣемъ и Абазинымъ, полковники—перемыславскій Мировичъ и воинсохотный Пашковскій—одержали надъ татарами побѣду при рѣкѣ Бодымѣ⁶²⁾. Въ началѣ 1694 года Петригъ изъ Крыма сталъ опять присылать въ Сѣчу воззванія, обѣщая явиться съ ордами для обороны отъ московской власти милой отчизны Украины⁶³⁾. Между свѣчниками опять поднялось смятеніе, опять запыли старую пѣсню объ утѣсненіяхъ, чинимыхъ народу панами и арендариами. Это смятеніе разносили приѣзжавшіе въ Сѣчу малороссійскіе ва-

⁵⁹⁾ Арх. Ин. Дѣлъ 1693 г., № № 42 и 43.

⁶⁰⁾ Арх. Юст. кн. 67, л. 890.

⁶¹⁾ Ibidem, л. 889.

⁶²⁾ Арх. Ин. Дѣлъ 1693 г., № 64.

⁶³⁾ Арх. Юст. кн. 69, л. 366.

железные; вездешніе ватагами подь предложомъ разніхъ промысловъ. Это: такіе люди, — писали князь Сѣчи: гетману, — и то живучи въ Украинѣ, не смѣютъ языка: распускать; а какъ только заберутся въ Сѣчь, откуда у нихъ: плодятся рѣчи и рассказы, возбуждающе въ бунтахъ! Иной мелотъ съ-пьяна, а иной хотъ не пьетъ, яввольскій смикъ, да базь пьянства поречью дышетъ, собака, и не вѣдомо что на гетмана и на шапѣвъ, но и на самыхъ монарховъ въ желчью слова: говорить!»⁶⁴). Самъ кошевой атаманъ Рубанъ колебался. Новыи полкъ его отримилъ и избралъ кошевымъ атаманомъ другого, по прозванію Шарпила⁶⁵). Тогда запорожцы стали рѣшительно вратами татаръ и ватагъ ихъ въ 400 человекъ ворвалась въ крымскія поселенія, взяла въ плѣнь до двухсотъ татаръ и освободила около сотни русскихъ пленниковъ обоюбого пола⁶⁶). Потомъ, падъ начальствомъ того же Шарпила, запорожцы на урочищѣ Чингарѣ разгромили татарскій городокъ и тѣмъ побудили салтана Нуреддина, шедшаго съ ордою на Слободскую Украину, вернуться назадъ⁶⁷). Въ сентябрѣ 1694 года гетманъ отправилъ за Днѣпръ въ «дикія поля» отрядъ изъ нѣсколькихъ полковъ городовыхъ и охотныхъ подъ наказнымъ гетманствомъ черниговскаго полковника Лизогуба. Соединившись съ Палемъ, они ходили къ устью Днѣстра, овладѣли татарскою крѣпостью Паланкою и воротились съ добычей и двумястами плѣнныхъ. За это отъ царя присланъ былъ гетману золотной кафтанъ и порядочное количество матерій и соболиныхъ мѣховъ, а Лизогубу и бывшимъ съ нимъ въ походѣ полковникамъ *) прислано также соразмѣрное вознагражденіе⁶⁸). Участвовавшій въ этихъ походахъ запорожскій кошевой Шарпила бился съ татарами, но вернулся безъ добычи; за это онъ былъ низложенъ и вмѣсто него дали «намышину» другому, по прозванію Примѣ⁶⁹). При этомъ новомъ кошевомъ стала опять брать верхъ партія, расположенная ко враждѣ съ Россіей и къ миру съ татарами. Запорожцы кричали, что выгоднѣе имъ, живя въ согласіи съ татарами, ходить на промыслы за звѣрми, рыбою и за солью,

⁶⁴) Ibid., т. 268. Письмо писаря Грибовскаго.

⁶⁵) Ibid., т. 810.

⁶⁶) Ibid., т. 560.

⁶⁷) Арх. Ин. Дѣль 1694 г., № 21.—Арх. Юст. кн. 71, т. 240.

⁶⁸) Миргородскому, дубенскому, переяславскому, прилучскому и охотнымъ: Кожуховскому, Ясливовскому и Новицкому.

⁶⁹) Арх. Юст. кн. 71, т. 192. Арх.—Ин. Дѣль 1694 г., № 19.

⁷⁰) Арх. Юст. кн. 74, т. 651.

чѣмъ, угождая Москвѣ, быть въ неприязни съ Крымомъ и за то получать въ награду сунна, которыхъ присылаютъ такъ мало, что приходится на человѣка по аршину, либо дельги, которыхъ по раздѣлу достанется на товарища какихъ-нибудь заготовъ по два. Запорожцевъ располагала къ миру и возможность разбѣга плѣнныхъ, причѣмъ они могли надѣяться воротить поповичихъ въ неволю своихъ товарищей⁷⁰⁾. Но Мазепа въ январѣ 1695 года уговорилъ ихъ увѣреніями, что царь скоро предприметъ большой походъ подъ Азовъ, а они, заморозцы, будутъ чинить промыселъ надъ неприятелемъ и получать много добычи⁷¹⁾. Въслѣдъ затѣмъ прислана въ Сѣчь такого же содержания царская грамота⁷²⁾, а въ апрѣлѣ прибылъ туда съ царскимъ жалованьемъ столярникъ, и запорожцы на своей радѣ дали обѣщаніе чинить надъ бусурманами воинскій промыселъ по царскому указу⁷³⁾.

ГЛАВА V.

Первая осада Азова Петромъ. — Дѣянія Шереметева и Мазепы на Днѣпрѣ. — Покореніе турецкихъ иридыпровскихъ городковъ. — Гарнизонъ въ Таганскѣ. — Вѣсти о нашествіи бусурманъ вторгнуться въ Украину. — Приготовленіе къ отпору. — Нашествіе татаръ зимою 1695—1696 годовъ. — Разореніе городковъ и селеній. — Отступление татаръ. — Смерть Петрика. — Приготовленія ко второму азовскому походу. — Отправка козаковъ къ Азову. — Запорожскій атаманъ Чалага. — Стоянка Шереметева и гетмана на Коломацкѣ. — Взятіе Азова. — Школьникъ козаковъ подъ Азовомъ. — Царскія милости. — Свиданіе Мазепы съ царемъ въ Острогомъскѣ. — Гибель запорожскаго атамана Чалага. — Вунтъ Киевскаго поля противъ своего полковника.

1695 годъ былъ знаменитъ въ дѣятельности козаковъ. Въ этотъ годъ совершался первый Азовскій походъ царя Петра, походъ неудачный по причинѣ измѣны инженера Янсона, перешедшаго къ туркамъ: русскіе потеряли по-пусту время съ весны до глубокой осени и потратили не мало войска и денежной казны. Но эти потери отчасти вознаградились успѣхами другаго войска, которое въ числѣ ста тысячъ было отправлено на войну въ иную сторону, подъ предводительствомъ боярина Бориса Петровича Шереметева и гетмана Мазепы. Оно отправилось къ низовьямъ Днѣпра съ цѣлью отвлечь неприятеля и воспрепятствовать крымскимъ ордамъ помогать туркамъ въ то время, когда послѣднихъ тѣснили русскія военныя силы въ Азовѣ. Военачальники, сообразно предо-

⁷⁰⁾ Ibid., кн. 69, л. 385 и даждѣ.

⁷¹⁾ Арх. Ин. Дѣл. Подлинники, январь 1695 г.

⁷²⁾ Ibid., февраль 1695 г.

⁷³⁾ Арх. Ин. Дѣл. 1695 г., № 16.

ставленными, имъ отъ царя полномочіемъ, принялись осаждать турецкіе укрепленные городки, построенные на Днѣпрѣ. Первый изъ этихъ городковъ былъ Бизикермень (гдѣ нынѣ Бериславъ). Въ немъ находился порядочный турецкій гарнизонъ и довольно большое число орудій, а въ близости его расположились, для вспоможенія гарнизону, въ случаѣ нужды, татары подъ начальствомъ салтановъ Нуреддина и Ширимъ-бея. Русскіе явились въ одинъ изъ послѣднихъ дней июля, въ среду, и стали обозами на мѣстѣ безъ опасенія отъ неприятельскихъ выстрѣловъ. Въ четвергъ на зарѣ гетманъ приказалъ своимъ охотнымъ и городовымъ полкамъ двинуться къ стѣнамъ гѣшимки. Противъ новаковъ вышли янычары, но тотчасъ были прогнаны въ Бизикермень, а за янычарами казаки вскочили въ сады и огороды бизикерменскихъ обывателей. Послѣ этой первой попытки гетманъ подалъ совѣтъ насыпать шанцы и такимъ способомъ подходить ближе и ближе къ городу. Утвердивши плетенныя корзины съ насыпанною землею, установили пушки, разжестили иѣшихъ козачковъ съ огнестрѣльнымъ оружіемъ. Ночью всѣ работы были окончены и весь Бизикермень былъ обложенъ козачими шанцами. Утромъ въ пятницу съ козачихъ шанцевъ началась наѣба по Бизикермену изъ пушекъ и ручнаго оружія и продолжалась въ теченіе четырехъ сутокъ, съ пятницы до вторника. Бизикерменцы отвѣчали хотя не лѣнливо, но безъ усѣха. Чуть только янычары отворять окна въ стѣнныхъ амбразурахъ, какъ изъ козачихъ пушекъ летятъ туда ядра и не допускаютъ противниковъ выпускать свои снаряды. Большой страхъ осажденнымъ задавали въ то же время пускаемые гранаты¹⁾. Много помогло тогда русскому дѣлу главное: вѣсно, состоявшее изъ двухъ козачихъ родовыхъ полковъ, Бѣвснаго и Черниговскаго, и присоединившихся къ нимъ на пути запорожцевъ. Перетягивая свои чедны съ большою трудностію по мелкому и высохшему протоку, оно не допускало татаръ Нуреддина и Ширимъ-бея подавать помощь тѣснимымъ въ крѣпости. Но бизикерменскія стѣны были сложены изъ чрезвычайно твердаго камня и гетманъ нашелъ, что нельзя обойтись безъ рытій подкоповъ. Начали вести подкопъ подъ бизикерменскія стѣны. Взрывъ произвелъ поврежденіе въ стѣнахъ, въ которыхъ, въ добавокъ, вспыхнулъ сберегавшійся тамъ порохъ²⁾. Передъ солнечнымъ захо-

¹⁾ „Лѣт. Самов.“, изд. 1847 г., стр. 84.

²⁾ Арх. Юст. кн. 76, л. 300 и далѣе.—Арх. Ин. Дѣлъ 1696 г., февраль. Посольство въ Москву.

домъ осажденные дали знать, что сдаются. Вышелъ самъ низикерменскій бей и писарь его «чемерио» (польскій татаринъ) Шибанъ-Дипка. Договорились о сдачѣ. Бывшіе тамъ турки были довольны, но татары не довѣрили честности козаковъ и, не успѣвши захватить съ собою всего своего достоинства, ушли въ нижній городъ, сохранившійся лучше верхняго, котораго стѣны сильно пострадали отъ взрыва. Гетманъ запретилъ до разсвѣта козакамъ ходить въ городъ, но козакъ его не послушался и, несмотря на то, что были очень утомлены, бросились въ опустѣлый верхній городъ съ тѣмъ, чтобы захватить себѣ все, что тамъ найдутъ, и не допустить сдѣлать того же другимъ своимъ товарищамъ. За козаками вслѣдъ бросились туда и нѣкоторые ратные люди. Въ городѣ произошелъ пожаръ и, благодаря сухому времени, распространился съ такою быстротою, что многие не только утратили все, что успѣли тамъ захватить, но и сами едва успѣли спастись отъ огня²⁾. Запершіеся въ нижнемъ городѣ татары, по требованію козаковъ, стали выходить и козакъ многихъ изъ нихъ ограбили вопреки своему обѣщанію; другіе же татары и турки съ женами и дѣтьми сами бросались со стѣнъ низикерменскихъ въ заповоронскія лодки и были перевезены въ качествѣ плѣнныхъ на островъ Таванскъ³⁾, уже тогда занятый козаками. На этомъ островѣ была другая турецкая крѣпость, называемая по-турецки Мустритъ-Бермень, по-русски Таванскъ. Какъ только тамъ увидали, что Визикермень не устоялъ, тотчасъ сдались. Крѣпость эта была малолюдная и тѣсна; въ ней помѣщалось не болѣе 150 человекъ непріятельскихъ силъ. Было вблизи еще двѣ крѣпости—Исламъ-Кермень и Мубарекъ-Бермень. Эти маленькія крѣпостцы безъ боя сдались русскимъ, покинутыя бывшими изъ нихъ бусурманами.

Удерживать Визикермень военачальники признали невозможнымъ. Нужно было починывать стѣны и орудія, а для этого были необходимы мастеровые: ихъ не доставало. Рѣшились сбить визикерменскія стѣны до основанія⁴⁾ и поставить гарнизонъ единственно въ небольшомъ укрѣпленіи, находившемся на Таванскомъ островѣ. Шереметевъ и гетманъ назначили тамъ быть гарнизону изъ великороссіявъ и малороссійскихъ охотныхъ козаковъ

²⁾ „Лѣт. Величка“, т. III, стр. 289—294.

³⁾ На Дѣлѣхъ близъ восточнаго гор. Берислава.

⁴⁾ „Лѣт. Самоу.“, изд. 1847 г., стр. 85.

въ начальствомъ Ясиковскаго. Сами военачальники собрались въ Украину.

Едва только они отступили, какъ запорожцы вошли самою въ Таванскъ; забрали бывшихъ тамъ пленныхъ и орудія, дували между собою добычу, стали тѣснить поставленныхъ въ гарнизонѣ великороссіянъ и малороссіянъ; но давая имъ въ чемъ воли, принудили, наконецъ, ихъ выйти изъ города конать себѣ другой валъ; а Таванскъ объявили собственностью дорожной Общ. Но самими запорожцами, вступившими въ Таванскъ въ числѣ шестисотъ, стало тѣсно въ укрѣпленіи; имѣвъ всего 140 сажень въ окружности, да и обороняться въ немъ отъ непріятеля было трудно; потому что валъ былъ высъпанъ изъ песку и притомъ стоялъ на низкомъ мѣстѣ. Запорожцы увезли оттуда лучшія пушки въ Общ.; оставили на прежнемъ мѣстѣ плохи и, вытолковавши малороссіянъ и великороссіянъ, они стали расходиться на промысловую добычу ⁵⁾.

Гетманъ, достигши рубежей гетманскаго регимента, распутилъ бывшее съ нимъ городское козачество; такъ какъ приближилось время уборки хлѣба, а охотныя козацкія полки отирались на сторожу къ вершинѣ Самары: стерьень, кривцеви, аслибы въ хотѣли идти на выручку Азову; самъ же 30 августа пришелъ въ свой Батуринъ со стрѣльцкимъ полкомъ Анженкова, помянутою оскопавшимъ при гетманской особѣ ⁶⁾. Воронъ, гетманъ въ воровничатосѣ изъ подъ Азова своею посланца узналъ, что дѣль съ войскомъ уже отступилъ въ свое государство и нечего было опасаться выручки со стороны кривцеви. Юсажденный въ Турнахъ, а надеждаю беречь недавно покоренные города ⁷⁾. Поэтому гетманъ вызвалъ съ вершинъ Самары охотныхъ козачковъ и послалъ 500 гадячанъ и лубанцавъ на придачу къ оставленнымъ въ Таванскѣ; а запорожцамъ предоставлялъ во владѣніе и береженіе другіе городки—Исламъ-Арменъ и Мубарекъ-Берменъ ⁸⁾. Но довалялось, что первый былъ занятъ турками, а въ послѣднемъ сами запорожцы сокрушили башни и стѣны ⁹⁾. Присланные въ Таванскъ козакъ, вмѣстѣ съ оставленными тамъ прежде охотными козаками, по причинѣ

⁵⁾ Арх. Юст. кн. 75, л. 259.

⁶⁾ Ibidem., л. 11—60.

⁷⁾ Ibid., л. 381 и 420.

⁸⁾ Ibid., л. 381.

⁹⁾ Ibid., л. 478.

крайней тѣсноты, работали за таванскими стѣнами другой вал со рвомъ; къ декабрю мѣсяцу эти укрѣпленія были готовы, и за неимѣніемъ лѣса, нельзя было строить въ Таванскѣ деревянныхъ хатъ и козаки помѣщались въ плетеныхъ курѣнкахъ, на голой землѣ и терпя «отъ земныхъ досадъ»¹⁰⁾, хотя уже тогда въ срединѣ Таванска были построены и поставлена была деревянная церковь¹¹⁾.

Сдѣлавши распоряженіи о содержаніи Таванска, гетманъ отдалъ часть плѣнныхъ, взятыхъ при покореніи турецкихъ и дафровскихъ городковъ, въ Сумы для разсылки ихъ въ Великую руссію на работы. Другіе оставались въ Украинѣ и въ апрѣлѣ слѣдующаго года были отправлены, въ числѣ 360 человекъ, на работы въ Воронежъ.

Въ ноябрѣ 1695 года гетманъ и старшины получили отъ царя обыкновенныя награжденія за лѣтній походъ¹²⁾. Но тогда же стали приходить угрожающія вѣсти о новыхъ замыслахъ враговъ: и сообщали гетману выходы изъ турецкихъ владѣній и нынѣ, и лучаемыя изъ Молдавіи¹³⁾. Магара издалъ универсалъ о томъ, чтобы жители свозили въ города хлѣбъ, сѣно и всякіе свои прижитки, и привязалъ полковникамъ гадяцкому, миргородскому и полтавскому: быть наготовѣ къ отпору неприятельскаго вторженія, а полковникамъ лубенскому и охотнаго полка Новицкому стеречь дафровскія переправы¹⁴⁾. Въ январѣ 1696 года приходили гетману одно за другимъ извѣстія о вторженіи татарской орды въ крѣпости гетманщины¹⁵⁾. Татары брали ясырью по берегамъ Орела; сожгли Бѣтай-городокъ съ шестью церквами, дворами и гумнами, но не взяли замка, куда спрятались успѣвшіе уйти отъ плѣна. 16 января сожгли татары Кишенку съ тремя церквами и съ дворами, тамъ же не взявъ замка, 18 января подступили къ Келебердѣ, а оттуда пошли къ Голтвѣ на встрѣчу собраннаго противъ нихъ новацкимъ полкамъ. Но выставленные тамъ новики¹⁶⁾ отступили, найдя, что у нихъ остается мало силъ за самовольнымъ уходомъ многихъ козаковъ. Татары пошли въ берега рѣки Голтвы, сожгли хутора около Рѣшетилѣвки, новыя

10) Ibid., л. 683.

11) Ibid., л. 701.

12) Ibid., л. 787 и 795.

13) Ibid., л. 695 и 716.

14) Ibid., л. 995.

15) Ibid., л. 987.

16) Гадацкій, миргородскій и компанейскій.

шли къ рѣкѣ Пслу, сожгли села и хутора около городковъ Остава, Бѣлоцерковки и Богачки и направились къ Гадячу ¹⁶⁾. Вездѣ по пути они расходились въ стороны чамбулами, или загонами, и свили ясырь.

Гетманъ выступилъ изъ Батурина, двинулся въ Прилуки, но еще не рѣшаясь, куда ему прежде идти: онъ опасаясь, что на полки Кіевскій, Переяславскій и Нѣжинскій нападетъ за Днѣпра бѣлогородская орда, и потому не тревожилъ копейства этихъ полковъ съ мѣсто своихъ ¹⁷⁾. Вскорѣ онъ получилъ извѣстіе, что дѣйствительно бѣлогородская орда въ числѣ 10.000 человекъ, какъ показывали языки, переправилась черезъ Днѣпръ Бугъ и идетъ—только не на упомянутые выше полки, а на Кременчугъ, для соединенія съ ордою крымской ¹⁸⁾. Съ бѣлогородскою ордою шелъ Петричь. Съ нимъ бѣлогородскіе татары взяли порубежные городки гетманскаго регимента Потокъ и Мельничъ ¹⁹⁾. Петричь послалъ жителямъ этихъ городковъ универсалъ, вѣроятно, посланный тогда и въ инныя мѣста. Вотъ что говорилось въ этомъ универсалѣ:

«Вамъ, стариннамъ, козакамъ и всѣмъ посполитымъ людямъ желаю добраго здоровья. Калга-салтанъ съ ордами крымскими, бѣлогородскими, черкесскими, ногайскими, калмыцкими, пришедши въ вашу сторону, требуетъ, чтобъ вы съ нимъ учинили примиреніе и потомъ жили бы себѣ спокойно по своему давнему обычаю, а если того не учините, то станетъ онъ васъ разорять огнемъ и мечемъ за то, что вы дерзнули вмѣстѣ съ московскими войсками воевать на кизикерменскіе города. Однако, жалею васъ и всего вашего края, приказалъ онъ мнѣ написать къ вамъ: что хотите, то и выбирайте себѣ: смерть или жизнь, разореніе страны или спокойное пребываніе въ цѣлости. Выходите на переговоры со мною, — велось не снадеть съ вашей головы; если же такъ не поступите, то сами не вѣдаете, что васъ ожидаетъ! Въ чемъ будетъ наша воля, дайте мнѣ знать сегодня. Вашъ желательный пріятель Петръ» ²⁰⁾.

Вся сила, которою могъ угрожать Петричь, состояла исключительно изъ татаръ; малороссіянъ при немъ было теперь только

¹⁶⁾ Ibid., т. 1145.

¹⁷⁾ Ibid., т. 1205.

¹⁸⁾ Ibid., т. 1111.

¹⁹⁾ Нынѣ мѣстечки на р. Пселѣ, Кременчугскаго уѣзда.

²⁰⁾ Ibid., т. 1132.

15 человекъ. Гетману Мазепѣ достался въ руки Петриковъ универсалъ и противъ этого универсала Мазепа разослалъ свой универсалъ, въ которомъ предлагалъ тысячу рублей награждения за истребленіе Петрика. Самъ гетманъ изъ Прилукъ двинулся въ Лохвицѣ, но тутъ пришлось ему трудно: вдругъ стало такъ приходилось мѣнять сани на телѣги, въ которыхъ, по причине дурнаго пути, безпрестанно ломались колеса. Не обошлось тогда по собственному выраженію гетмана, «безъ большой доуки обывателямъ»²⁰⁾. Шереметевъ изъ Ахтырки звалъ гетмана съ войскомъ въ нему на соединеніе, но татарскія силы близъ Дняча загромождали ему путь; была опасность, что татары придутъ на Батуринь и гетманъ уже послалъ батуринскому сотнику приказаніе снять на подворжѣ около замка деревянныя постройки и спогнать жителей въ замокъ. Въ счастію, вслѣдъ за тѣмъ пришла къ Гетману вѣсть, что двѣ орды, соединившіяся было вмѣстѣ крымская и бѣлогородская, снова разбѣжались на двѣ половины: крымская направилась къ Полтавѣ, бѣлогородская разоряла Днѣпровье. Гетманъ отрядилъ къ Полтавѣ прилуцкаго полковника Дмитрія Горяенна и приказалъ пристать къ нему полковникамъ гадяцкому, миргородскому и полтавскому съ ихъ полчанами: лубенскаго, Свяцьку и охотнаго полковника шовковника Новицкаго и отрядилъ противъ бѣлогородской орды, приказавши имъ дѣйствовать взаимно: при надобности съ полковниками мѣскими, перяславскими и съ Палѣемъ. «Чаю, — писалъ онъ, — бѣлогородскія татары не захотятъ вороваться во svoяси и стануть ловить и сечь; тутъ-то и можно будетъ побить ихъ». Самъ гетманъ съ остальными своими войскомъ попытался идти къ востоку на соединеніе съ Шереметевымъ, дошелъ до мѣстечка Рапешки на регулярки Нелы и здѣсь услышалъ, что въ февралѣ татары ушли безъ оглядки: бѣлогородскіе — за Днѣпръ; крымскіе — въ сѣверныя степи. Схватившіе въ пѣнѣ татары показали, что бѣжали оттого, что вдругъ стало таять; отращивъ имъ стало сѣнной распутицы; на Днѣпрѣ лежала Псалъ подъ ними ледъ и ламывался и много ихъ потонуло»²¹⁾.

Охотный полковникъ Пашковскій гонялся за ними въ горахъ за Ворсклою, взялъ немало плѣнныхъ, и тѣ говорили, что Бал салтанъ пытался удерживать своихъ крымцевъ, чтобы разоры

²⁰⁾ Ibid., л. 1205.

²¹⁾ Ibid., л. 1217 и 1219.

Слободскую Украину, но чернь татарская самовольно бѣжала. Калга приказывалъ недолужнымъ рѣзать носы и уши, — ничто не помогло, и Калга самъ, вслѣдъ за своевольными, поворотилъ въ диня стени²²⁾. Гетманъ, узнавши, что вратовъ болѣе вѣтъ въ области его регимента, приказалъ распустилъ городовыхъ козачковъ въ свои поляны, а охотныхъ въ ихъ становища.

Тогда постигъ конецъ и Петрика. Пытался онъ обольстить малороссянъ на все лады: распускалъ слухъ, будто гетманъ съ нимъ тайно въ соумышлении, сочинялъ даже, будто самъ онъ побочный сынъ Мазепы²³⁾. Никакія хитрости и вымыслы не умножили числа его соумышленниковъ, нигдѣ не расположили малороссянъ признавать его за гетмана и освободителя отъ Москвы. Нашелся, напротивъ, охотникъ воспользоваться тысячью рублей, обѣщанною гетманомъ за голову воамутителя. То былъ нѣкто Якимъ Вечирка, или Венирченко: служилъ онъ прежде въ полку у Палѣя на правой сторонѣ Днѣпра, потомъ перешелъ на лѣвую сторону и находился въ одномъ изъ отрядовъ, гонявшихся за бѣжавшими татарами. Подъ Бишеною напалъ онъ на Петрика и пролоды его вошьемъ. Но награды отъ гетмана ему не пришлось получить. Вслѣдъ за тѣмъ татары схватили Вечирку и умертвили мучительнымъ образомъ, какъ показывали раны на груди его, найденномъ женщинами вмѣстѣ съ труномъ Петрика. Бишенцы новѣсиди послѣдній на крикъ; а Вечирку похоронили съ честью²⁴⁾.

Итакъ, гетманъ Мазепа въ другой разъ, не вступая самъ въ битвы съ татарами, освободилъ гетманщину отъ ихъ вторженія и это дѣло, дѣйствительно немаловажное по своимъ послѣдствіямъ, счелъ въ Москвѣ еще болѣе пренята важнымъ подвигомъ. Государь прислалъ Мазепѣ похвальную грамоту; а Мазепа, пользуясь атманъ, черезъ присланнаго къ нему царскаго посла, дьяка Вишуга, выпросилъ у царя себѣ мѣстечко Ямполь недалеко отъ Мѣвага съ тѣмъ, чтобы, въ случаѣ его смерти, его вдовѣ и племянникъ былъ бы пріютъ съ ихъ пожитками²⁵⁾.

Прогнаніемъ татаръ изъ Украины не окончились военные дѣянія противъ бусурманъ; напротивъ, они, только, что, начинались

²²⁾ Гбд., т. I, 1258.

²³⁾ Арх. Ин. Дѣл. 1699 г., июль. — „Исторія Руссовъ“, 191.

²⁴⁾ *Вантурсъ-Каменскій*: „Ист. Мал. Рос.“, т. III, прим. 21. — Народная пѣсня объ этомъ событіи напечатана въ моей статьѣ: „Исторія козачества въ памятникѣхъ народ. творчества“, *Русская Мысль* 1880 года.

²⁵⁾ Арх. Юст. вк. 114, л. 782.

въ болѣе важномъ разшѣрѣ. У цари Петра сообразило твердое на мѣреніе завоевать у турокъ Азовъ и создать русское мореплаваніе на Азовскомъ и Черномъ морѣ. Малороссійскій гетманъ прилагалъ соответственное стараніе въ веденію этого предпріятія чрезвычайно важнаго и смѣлаго по своему времени *). Мазепъ подавалъ совѣтъ послать для охраненія Таванска великороссійскихъ ратныхъ людей; а запорожцевъ отправить въ чайкахъ въ море для разрыва непріятельскихъ силъ, которыя, конечно, будутъ отправлены турками въ судахъ на выручку Азова. Діа этого, по его соображеніямъ, необходимо было прислать 100 рублей на сооруженіе запорожской флотиліи изъ чаекъ и двѣ тысячи четей хлѣбныхъ запасовъ на 2.000 человекъ запорожцевъ, которые отправятся въ море на три мѣсяца; слѣдовалъ кромѣ того, устроить флотилію для плавнаго похода войскъ въ Днѣпру. Суда для этого гетманъ находилъ удобнымъ дѣлать въ Брянскѣ и оттуда Десною спустить въ Днѣпръ. Правительство отправило гетману требуемую сумму на постройку запорожскихъ чаекъ, а относительно плавнаго похода замѣтило, что если суда въ Брянскѣ не поспѣютъ, то гетманъ тогда долженъ самъ найти еще иные способы приготовленія судовъ къ главному походу вмѣстѣ съ Шереметевымъ. Вслѣдъ за тѣмъ царскій посолъ Бутовцовъ привезъ гетману узнавъ отправить 15.000 копейки 5.000 пѣхоты козацкаго войска подъ Азовъ, давши имъ на пять мѣсяцевъ запасовъ. Гетманъ отвѣчалъ, что хотя онъ готовъ самъ лично вести козацкій отрядъ подъ Азовъ, но долженъ доложить, что въ малороссійскомъ краѣ едва ли наберется тако число козаковъ съ лошадьми, какое требуется; большая часть козачества, за недостаткомъ лошадей, можетъ вступить въ бѣдѣшныя, и равнѣ только у начальныхъ лицъ и у значныхъ товарищей будутъ свои боевые кони. Онъ можетъ набрать всѣхъ и конныхъ и пѣшихъ тысячъ пятнадцать для отправленія подъ Азовъ. Онъ считаетъ возможнымъ взять запасовъ только на три мѣсяца: ихъ придется везти гужомъ, а воднаго пути нѣтъ. Это представленіе 2 апрѣля 1696 года данъ былъ отвѣтъ, что дозволяется взять козакамъ, снаряжаемымъ подъ Азовъ, запасовъ на три мѣсяца, но съ тѣмъ, что на остальные два мѣсяца запасы будутъ доставлены водою по Сѣверному Дону, который становится судоходнымъ начиная отъ Бѣлгорода. Кромѣ томъ

*) Арх. Юст. кн. 76, л. 60—100.

казано было купить въ Слободской Украинѣ 500 воловъ и 1.500 барановъ и, по распоряженію Шереметева, отправить на Донъ ²⁷⁾ *).

24 апрѣля отправилъ гетманъ требуемый царемъ подъ Азовъ зацѣпій отрядъ въ числѣ 15.000 человекъ подъ наказнымъ гетманствомъ Якова Лизогуба, черниговскаго полковника, бывшаго когда-то наказнымъ гетманомъ Дорошенка на правой сторонѣ Дѣпра. Съ нимъ пошли два городовыхъ полка—Гадяцкій и Лубенскій, два полка охотныхъ—одинъ конный, другой пѣшій—и одинъ компанейскій. Путь ихъ лежалъ на Ахтырку и Валуйки. За ними въ слѣдъ велѣлъ гетманъ везти запасы на телѣгахъ на три мѣсяца и сверхъ того каждому козаку приказано взять съ собою денегъ для покупки себѣ продовольствія еще на одинъ мѣсяць ²⁸⁾. Гетманъ, въ своемъ донесеніи въ Приказъ, замѣтилъ, что доставить запасы на два мѣсяца до Сѣвернаго Донца для дальнѣйшей плавки по водѣ очень затруднительно: люди посполитые обнищали отъ непріятельскихъ разореній, отъ кормленія охотныхъ войскъ, отъ запороженскихъ проѣздовъ и не могутъ снарядить достаточнаго числа подводъ; многіе ушли уже въ слободскіе полки для переселенія. До сихъ поръ посполитые возили подводы съ запасами только охотнымъ козакамъ, компанейцамъ и сердюгамъ, а городые козаки всегда возили себѣ запасы сами на своихъ лошадяхъ; теперь же изъ городовыхъ многіе такъ обдѣли, что, отправившись въ походъ, не оставили при своихъ семьяхъ никакой челяди, которая бы могла везти ихъ запасы; нѣкоторые даже могли взять съ собой для прокормленія что нибудь на дорогу сами выступили въ походъ на единственномъ конѣ, на которомъ дома работали.

25 апрѣля послѣдовалъ царскій указъ Шереметеву, по совету съ гетманомъ, идти плавнымъ походомъ подъ Очаковъ или въ другое мѣсто съ 2.500 ратныхъ въ большихъ стругахъ, изготовленныхъ въ Брянскѣ и спущенныхъ черезъ Десну въ Днѣпръ; сверхъ того гетманъ долженъ былъ распорядиться о постройкѣ судовъ въ городахъ гетманскаго регимента и приказатъ гнать ихъ Днѣпромъ до Переволочны, или до устья Орели ²⁹⁾.

²⁷⁾ Ibid., л. 138.

²⁸⁾ Скуплено было въ Сумскомъ полку гуртъ воловъ и барановъ: воловъ 200 по три рубля за вола, 150—по два рубля съ полтиной, 10—по два рубля и 3—по одному рублю съ полтиной; барановъ 600 по 7 алтынъ 2 деньги, а 300 по 4 алтынъ 4 деньги.

²⁹⁾ Ibid., л. 805.

³⁰⁾ Ibid., л. 470 и 483.

Въ Запорожской Сѣчѣ, еще не дождавшись отъ гетмана денегъ, присланныхъ царемъ на постройку запорожскихъ судовъ въ апрѣлѣ снаряжился и отправился въ море на чайкахъ атаманъ Чалый съ 500 сѣчевиковъ ³⁰⁾. Тогда кошевой Гусакъ домогался, чтобы гетманъ выдалъ ему присланные царемъ для постройки чаекъ деньги, извѣщая, что, кромѣ ушедшихъ уже въ море съ Чалымъ, собираются еще охотники туда же, но отправить ихъ изъ Сѣчи не на чемъ. Гетманъ отвѣчалъ, что не дастъ ни денегъ, ни запасовъ, пока не убѣдится въ дѣйствительную охоту запорожцевъ идти на царскую службу.

Но запорожцы скоро доказали, что въ данное время на нихъ можно положиться. Атаманъ Чалый, пустившись въ Черное море съ своею ватагою, началъ на девять турецкихъ судовъ, шедшихъ въ Очаковъ съ запасомъ: многихъ турецъ потопили, а нѣсколь десятковъ ихъ взяли въ пленъ и привели въ Сѣчу. Узнавъ объ этомъ, гетманъ сообразилъ, что въ самомъ дѣлѣ запорожцы могутъ быть очень полезны, отвлекая подводъ водою продовольствію неприятелю; онъ послалъ въ Сѣчу деньги на постройку и починку судовъ и приказалъ вести въ Запорожье на 200 подводъ хлѣбные запасы, но приказывалъ запорожцамъ отнюдь не медлить и выступать на Лиманъ, а къ нимъ въ пособіе на значилъ кievскаго полковника Мокіевскаго съ своимъ полкомъ ³¹⁾.

Мокіевскій изъ Сѣчи выступилъ разомъ съ ватагою запорожцевъ въ числѣ 1.740 человекъ, подъ начальствомъ атамана Якова Мороза, въ челнахъ или чайкахъ на Лиманъ 30 июня ³²⁾.

Отправивши Мокіевскаго въ Сѣчу, гетманъ самъ собрался идти въ походъ на соединеніе съ Шереметевымъ. Для безопасности на случай вторженія бѣлгородской орды, гетманъ расположилъ развѣзды по Днѣпровскому побережью изъ сотенъ полковъ Переславскаго, Лубенскаго и части Черниговскаго, приказывая этимъ козакамъ по мѣрѣ надобности плавать въ челнахъ и по Днѣпру для высмотрѣнія неприятелей. Защита Батурина ввѣрена была великимъ русскимъ стрѣльцамъ, состоявшимъ при гетманѣ ³³⁾.

Юня 10 гетманъ прибылъ въ Гадячъ съ немногочисленнымъ

³⁰⁾ Ibid., л. 528.

³¹⁾ Арх. Ин. Дѣл. Подлинникъ іюня 30.

³²⁾ Ibid., іюля 4.

³³⁾ Чинити военные промыслы около Очакова и около вежи очаковскіе и стороны Перекопской стоячей.

³⁴⁾ Арх. Юст. кн. 76, л. 830 и 885.

искомъ ³⁴⁾). Тамъ изъ разныхъ вѣстей узналъ онъ, что самъ онъ стоитъ на рѣкѣ Колончагѣ^{*)}); его орды разставлены по берегу Сиваша, охраняя Брынь отъ вторженія русскихъ, Нурединъ-паша съ 10.000 татаръ пошелъ къ Азову, а турецкія каторги шли по морю тремя флотиліями къ Азову и къ Очакову. Гетманъ безпокоило то, что въ Таванскѣ находилось войско всего 36 человекъ ³⁵⁾).

6 іюля гетманъ соединился съ Шереметевымъ на р. Кологаѣ; оттуда оба съ своими войсками перешли къ рѣкѣ Берестовой и расположились тамъ обозами ³⁶⁾). Здѣсь, оберегая рубежи русскихъ поселеній, простояли они до послѣднихъ чиселъ августа, когда ихъ вынудили сойти оттуда малороссійскіе козаки, которые стали роптать и самовольно разбѣгаться домой, оправдывая своевольство тѣмъ, что подходило осеннее время и надобно было каждому у себя дѣлать хозяйственные приготовления къ зимѣ.

Въ теченіе того времени, когда гетманъ съ Шереметевымъ стояли у Берестовой, совершилось достопамятное событіе въ русской исторіи. 17 іюля взятъ былъ Азовъ — первое завоеваніе Петра Великаго. Этотъ городъ, вмѣстѣ съ своею каменною стѣною, былъ еще обведенъ землянымъ валомъ, а снаружи за нимъ прорытъ былъ ровъ. За этимъ ровомъ въ полѣ русскіе стали насыпать валъ, стараясь сдѣлать его выше непріятельскаго вала, берегавшаго городъ. Царь съ новопостроенными своими судами явился на устьѣ Дона, чтобы не пропускать турецкихъ силъ, плывшихъ на каторгахъ на выручку Азова. Малороссійское войско донскіе козаки поставлены были за Азовомъ по направленію къ морю и къ полю, откуда ожидался къ туркамъ вспомогательныя силы. Кубанскіе татары пытались было взять на своихъ шадеяхъ турокъ, успѣвшихъ съ своихъ каторгъ ступить на берегъ; козаки имъ помѣшали. Это была первая услуга козачьихъ царскому дѣлу. Потомъ турки, находившіеся въ Азовѣ, ночью, чрезъ посредство орды, расположенной въ полѣ, хотѣли сообщать себѣ свѣдѣнія туркамъ, прибывавшимъ на судахъ. И до этого козаки не допустили. Тогда бусурманы, видя, что козаки сильно имъ помѣшаютъ, рѣшились разомъ съ двухъ сторонъ ударить на Азовъ: турки—изъ Азова, а татары—съ поля ³⁷⁾). Дѣло было 17

³⁴⁾ Ibid., т. 877 и 994.

³⁵⁾ Рѣчка въ Гаврической губерніи.

³⁶⁾ Ibid., т. 840, 927 и 965.—Арх. Ин. Дѣл. Подлинники іюня 30.

³⁷⁾ Арх. Юст. кн. 78, т. 10.

³⁸⁾ „Лѣт. Самовидца“, изд. 1847 г., стр. 86.

юля. Козаки, отбивши напоръ татаръ, не дожидаясь царска «ординанса», бросились на валъ азовской твердыни. Было по дневное время. Козаки лѣзли на валъ съ ружьями и кобыями стрѣляли и кололи враговъ, вступали съ ними въ рукопашны бой, наконецъ напали на одну башню или раскатъ и зацѣпи судовыми канатами за сваи, на которыхъ укрѣплены были цѣпи державшія орудія. Турки были сбиты съ вала; козаки бросились за ними вслѣдъ и погнали ихъ до каменныхъ стѣнъ города расположенныхъ внутри землянаго вала. Турки, за недостаткомъ свинца, стрѣляли въ нихъ чѣмъ попало, даже монетами, и бросали въ нихъ зажженные мѣшки, внутри наполненные порохомъ. Не подоспѣли къ козакамъ свѣжія силы, чтобы начать приступъ «каменнаго города». Козаки вернулись на валъ, но уже не сходили съ вала назадъ. Турки стали копать внутри около вала ровъ, чтобы не допускать козаковъ снова отважиться на «каменный городъ». Наступила ночь. Козаки, успѣвшіе въ предшествовавшей дѣлѣ подкопать и расшатать утвержденныя на раскатѣ сваи, сорвали четыре пушки, а на другой день съ разсвѣтомъ готовились опять броситься въ бой съ вершины вала на враговъ, засѣвшихъ въ рву и сновавшихъ какъ летучія мыши вокругъ бѣлыхъ стѣнъ «каменнаго города». Но къ нимъ былъ присланъ царскій приказъ не трогаться съ мѣста, пока не послѣдуетъ сигнала къ всеобщему приступу. Козаки роптали, сердились. «Какъ намъ не идти на приступъ, — кричали они, — мы здѣсь стоимъ бездѣла двѣ недѣли, отъ голода многіе изъ насъ таютъ, принуждены милостыни просить!»

18 июля замышлялся всеобщій приступъ, но не состоялся. Осажденные замахали шапками, склонили знамена, затѣмъ русскій станъ пріѣхалъ самъ азовскій бей Гассанъ-Арасланъ предложилъ принять городъ со всеми боевыми принадлежностями и просилъ только выпустить осажденных съ ихъ семействами пожитками. Царь согласился, но потребовалъ выдачи измѣнника Янсена, виновника неудачи прошлагодняго азовскаго похода. Турки уступили этому требованію только послѣ долгихъ усилій отклонить такое условіе, потому что Янсенъ изъявлялъ желаніе принять мусульманскую вѣру. «Отсѣките лучше мнѣ голову сама а не выдавайте Москвѣ», — кричалъ бѣдный измѣнникъ, но турки связали его и выдали на поруганіе и на безчеловѣчныя мученія за то, въ отместку за выданнаго ренегата, турки замучили тогда же двадцать христіанскихъ плѣнниковъ. На другой день турки

въ числѣ 3.000 были отпущены на свои суда, а городъ Азовъ, сильно пострадавшій во время осады, былъ занятъ русскими³⁹⁾. По известіямъ малороссійскихъ лѣтописцевъ, подтверждаемымъ современными актами, государь признавалъ честь побѣды за козаками и приказалъ угостить старшинъ столомъ, за которымъ изобильно были хорошія вина и меды, а простыхъ козаковъ угощали горѣлкою, медомъ и пивомъ, и кормили хлѣбомъ, ветчиною, мясомъ и рыбою. По окончаніи стола царь приказалъ всѣмъ обладать: старшины получили по 15 червонцевъ, рядовые козаки— по 1 рублю⁴⁰⁾. Въ числѣ козаковъ при взятіи Азова было 600 запорожцевъ и они получили по одному рублю и по сунну на человѣка⁴¹⁾. Довольный успѣхомъ, царь тотчасъ отправилъ похвальную грамоту гетману Мазепѣ за удачную присылку козаковъ и за хорошій выборъ начальниковъ, особенно за назначеніе наказнымъ гетманомъ черниговскаго полковника Лизогуба, котораго царь въ своей грамотѣ называлъ «мужемъ добродѣтельнымъ и въ воинскихъ дѣлахъ искуснымъ»⁴²⁾. При отпускѣ іюля 30 Лизогубъ былъ щедро одаренъ, а козаки его отряда получили такое изобиліе продовольства на дорогу, что могли еще продавать часть того, что имъ было дано.

Царь потребовалъ Мазепу лично къ себѣ. Гетманъ пустился на-скоро въ дорогу, намѣреваясь пересѣчь царю возвратный путь изъ Азова въ столицу. Мазепа встрѣтилъ царя Петра и представился ему въ слободскомъ полковомъ городѣ Острогомъ, иначе Рыбномъ. Тамъ онъ поднесъ царю богатую турецкую саблю, оправленную золотомъ и дорогими каменьями, и шитье на золотой цѣпи, украшенныя алмазами, яхонтами и рубинами⁴³⁾. Царь принялъ гетмана чрезвычайно милостиво и любезно, самъ былъ у него въ гостяхъ и обѣдалъ, провелъ съ нимъ въ бесѣдѣ цѣлый день и отпустилъ съ увѣреніями въ своей неизмѣнной милости. При отпускѣ Мазепа получилъ въ даръ 12 кусковъ бархата, бѣлья, атласу, 5 косяковъ камки, соболей парами на

³⁹⁾ „Древн. Рус. Вивліоекка“, т. XVI. Сказаніе о взятіи Азова.—Арх. Юст. в. № 76, л. 1009 и далѣе.—„Лѣтоп. Самов.“, изд. 1847 г., стр. 86.—„Лѣт. Граманка“, стр. 246—249.—Gordon: „Tagebuch“, т. III, стр. 54—55.—Устр.: „Ист. Петра В.“, т. II, 288. Прилож. XIII, стр. 494.

⁴⁰⁾ „Лѣт. Самовидца“, изд. 1847 г., стр. 86.—„Лѣт. Величко“, т. III, стр. 386.

⁴¹⁾ Арх. Юст. в. № 78, л. 77.

⁴²⁾ Ibid., в. № 76, л. 1010.

⁴³⁾ Рукопись Имп. Академіи Наукъ, in quarto, № 75.—Устр.: „Ист. Петра В.“, т. II, стр. 297.

525 рублей и соболиннй мѣхъ въ 300 рублей⁴³⁾). Это было второе свиданіе гетмана Мазепы съ царемъ Петромъ и въ этотъ разъ Мазепа, оставившій на царя и въ прежнее свиданіе пріятное впечатлѣніе, еще болѣе расположилъ въ себѣ государя. Слѣдующая моръ мы видимъ, что Мазепа, до самаго злосчастнаго конца своего гетманства, почти каждый годъ ѣзжалъ въ Москву обыкновенно при началѣ года и чаще всего случалось ему бывать тамъ тогда, когда и Петръ, проводившій всю жизнь въ метаніяхъ по своей широкой державѣ и по сосѣднимъ краямъ, навѣдывался въ свою родную столицу. Такъ утверждались между царемъ и гетманомъ такія отношенія, что Мазепа сталъ пользоваться не только уваженіемъ, но любовью и полнымъ довѣріемъ къ себѣ царя Петра.

Возвращаясь изъ Острогжска домой черезъ Бѣлгородъ, Мазепа видѣлся тамъ снова съ Шереметевымъ и узналъ, что ханъ болѣе опасаться нечего: онъ ушелъ съ Колончана.

Въ этотъ достопамятный годъ не вездѣ казаки были такъ счастливы, какъ Лизогубъ съ своимъ отрядомъ подъ Азовомъ. Когда Мазепа разомъ съ бояриномъ Шереметевымъ стоялъ таборомъ на рѣчкѣ Берестовой, посланъ былъ въ степь отрядъ полтавскихъ полчанъ и охотныхъ казаковъ подъ начальствомъ санжаровскаго сотника Максима Плечиника для устройства карауловъ на Муравскомъ шляху, шедшемъ къ Азову отъ вершины рѣки Конки черезъ рѣку Боратымъ. Плечиникъ одержалъ побѣду надъ татарскимъ загономъ, но, увлекшись за нимъ въ погоню, наткнулся на другой загонъ, гораздо многочисленнѣйшій. Схватка произошла на голой степи; не къ чему было прислониться и Плечиникъ былъ взятъ въ плѣнъ съ 140 казаками. Одинъ только изъ нихъ, развязавшись у татаръ, убѣжалъ, пролежалъ сутки въ болотѣ и потомъ, пустившись снова въ путь, благополучно добрался до украинскихъ береговъ Днѣпра⁴⁴⁾). Еще большее несчастье постигло запорожскаго богатыря атамана Чалого. Послѣ своего ранняго подвига надъ десятью турецкими судами, Чалый воротился въ Сѣчу, а въ іюнѣ пустился снова въ Черное море, вмѣстѣ съ Яковомъ Морозомъ, избраннымъ въ то время кошевымъ атаманомъ. Выплывши на море, Чалый съ своею ватагою въ 340 человекъ отлучился отъ Мороза и направился къ крымскому городу

⁴³⁾ „Лѣт. Самовидца“, изд. 1847 г., стр. 86.— Устр.: „Ист. Петра В.“, т. II, стр. 299.

⁴⁴⁾ Арх. Юст. кн. 76, л. 1075 и 1078.

озлову (нынѣ Евпаторія, по-татарски Хаздевъ). Не доходя 5 верстъ до этого города, ватага высадилась на берегъ. Запорожцы ворили два татарскихъ села, взяли въ полонъ 62 человека, шли въ свои челны и поплыли назадъ. Не доходя Очагова встрѣли ихъ турки, плывшіе на ваторгахъ, въ фуркатахъ и мелкѣ судахъ. Козаки пристали къ «острову козацкому», окопавшись тамъ и два дни отбивались удачно; ночью благополучно шли въ свои челны, пришли къ Стрѣлицѣмъ и къ «сагайдочнымъ чучурацѣмъ», тамъ вышли на берегъ и пошли плѣнкомъ въ ольховый лѣсъ, какъ вдругъ напалъ на нихъ ханъ съ ордою и въ обавокъ вышли противъ нихъ изъ Очагова турки. По извѣстію одного изъ вернувшихся впоследствии козаковъ, Данила Татарука, они защищались цѣлый день 27-го августа, а къ вечеру того же числа, видя свое малолюдство и страдая отъ недостачи пѣсной воды, сдались. Передъ сдачею Чалый сказалъ своимъ товарищамъ: «Ну, теперь мнѣ живу не быть, — я убилъ двухъ турокъ!» Дѣйствительно, бусурманы его убили, а прочихъ плѣнниковъ привели передъ хана и тотъ велѣлъ ихъ засадить въ чаговѣ, обѣщая выпустить въ обмѣнъ за своихъ плѣнныхъ ⁴⁵⁾ *).

Не совсѣмъ удачно дѣйствовалъ и отправленный гетманомъ Мокіевскій полковникъ Мокіевскій. Отправивши часть своего отряда въ Морозомъ въ Черное море, самъ съ другою частью пошелъ къ Козьему-Рогу, но его полчане, оставленные въ Таванскѣ, стрѣшили его отъ уряда и самовольно выбрали полковникомъ своего полковаго хоружаго Сергѣя Солонину. Мокіевскій, узнавши въ этомъ, не шелъ уже въ Таванскъ, а удалился въ Запорожскую Сѣчь, откуда далъ знать гетману. Гетманъ отправилъ генеральнаго хоружаго Ефима Лизогуба возстановить прежняго полковника, произвести слѣдствіе и зачинщиковъ бунта доставить ему, вмѣстѣ съ новоизбраннымъ самовольно Сергѣемъ Солониною, котораго подозрѣвалъ въ участіи въ мятежѣ ⁴⁶⁾ *).

⁴⁵⁾ Ibid., кн. 78, л. 69 и 83.

^{*)} Въ донесеніи гетману кошевой Яковъ Морозъ говоритъ объ этомъ со-
вѣсти такъ: „По отходѣ съ Чернаго моря ватажнаго атамана Чалаго значная
случилася поражка отъ поганыхъ каторгами и фуркатами: не мочуи въ Днѣпръ
однимъ путемъ пробратися на степь приставали, ихъ ханъ крымскій со зло-
вными своими ордами и прійшовшими съ моря янычарами за ними гонящими,
вадо стрѣлбою огнистою такъ дробною, якъ арматною обточивши оныхъ
шли безошадно и надъ все безводіемъ презъ кильки дней будучи умерщв-
лены поневоле мусилися имъ поганымъ отдатися въ руки человека 340, обѣ-
гачся имъ вернути добытый ясыръ 60 человека“.

⁴⁶⁾ Ibid., л. 1078.

щии были подвергнуты наказаніямъ. Мазепа отнюдь не допускалъ козакамъ въ своихъ полкахъ безъ вѣдома гетмана отрѣшать и выбирать полковниковъ, какъ хотѣли часто козаки и примѣру Запорожской Сѣчи. Въ городовыхъ полкахъ гетманъ старался давать полковничьи мѣста, чрезвычайно въ то время выгодныя, лицамъ, которымъ самъ благопріятствовалъ и въ вѣрности къ себѣ могъ быть увѣренъ, или же своимъ родственникамъ: такъ, кievскій полковникъ Мокіевскій приходился Мазепѣ близкимъ роднымъ по его матери, которая была изъ рода Мокіевскихъ.

Н. Костомаровъ.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

Здоровье русскаго народа въ связи съ условіями его быта.

Въ числѣ обязанностей, возложенныхъ закономъ на земскія и городскія самоуправленія, находится и обязанность охраненія народнаго здоровья. Для всякаго понимающаго значеніе народнаго здоровья ясно, что эта обязанность должна быть признана за одну изъ самыхъ важныхъ и виѣстѣ съ тѣмъ очень трудныхъ для цѣлесообразнаго исполненія. Обязанность эта должна быть признана самою важною и потому, что для каждаго лица и для общества нѣтъ ничего дороже его здоровья, и потому, что только здоровое населеніе есть населеніе богатое, нравственное и способное къ полезной дѣятельности. Самою трудною обязанность эта является потому, что жизнь человѣка и общества развивается при самыхъ разнородныхъ условіяхъ, и здоровою она можетъ быть только тогда, когда ни одно изъ условій, вліяющихъ на жизнь, не будетъ вредно.

Принятую отъ закона обязанность представители земскихъ и городскихъ учрежденій исполняли и исполняютъ при помощи тѣхъ средствъ, которыя признаются ими за лучшія для достиженія указанной цѣли. Законъ, передавая охраненіе народнаго здоровья земскимъ и городскимъ учрежденіямъ, ничѣмъ не стѣснилъ ихъ въ выборѣ нужныхъ для этого средствъ; но, несмотря на это, средства, употреблявшіяся ими, почти вездѣ одни и тѣ же. Главное, а пожалуй и единственное, что дѣлалось, это—доставленіе населенію возможности пользоваться медицинскими совѣтами въ видахъ возстановленія нарушеннаго здоровья. Для достиженія этой цѣли приглашали врачей, фельдшеровъ и акушеровъ. Разнообразіе пріемовъ ограничивалось тѣмъ, что одни земства требовали отъ врачей, чтобъ они ѣздили изъ деревни въ деревню для ока-

занія помощи населенію, другія—чтобы врачи являлись въ извѣстныя мѣста для оказанія этой помощи и третьи — чтобы врачи дѣлали это въ мѣстахъ ихъ постоянного жительства. Кромѣ того, нѣкоторые земства выдавали больнымъ лѣкарства бесплатно, въ другихъ—за извѣстную плату и, наконецъ, въ третьихъ на это обстоятельство не обращалось особеннаго вниманія. Если къ этому прибавить, что извѣстныя земства иногда вводили оспопрививателей, иногда, если можно такъ сказать, выводили оспопрививателей, то мы приблизительно будемъ имѣть понятіе о всѣхъ мѣрахъ, при помощи которыхъ земства желали исполнить обязанность сохраненія народнаго здоровья.

Прошло значительное число лѣтъ, въ продолженіе которыхъ земства старались разрѣшить задачу охраненія народнаго здоровья при помощи указанныхъ средствъ, но ни одно изъ нихъ не только не разрѣшило этой задачи, но даже ни одно не указало и на средства къ ея разрѣшенію. Можно сказать больше: несмотря на значительную затрату земскихъ средствъ на охраненіе народнаго здоровья, у всѣхъ вообще и у каждаго въ частности является твердое убѣжденіе, что этотъ отдѣлъ общественной жизни идетъ изъ рукъ вонъ плохо и чѣмъ дальше, тѣмъ хуже. Вопиющее состояніе народнаго здоровья не составляетъ тайны ни для общества, ни для представителей мѣстныхъ интересовъ, которые не только знаютъ объ этомъ, но даже указываютъ и причины, которыя, по ихъ убѣжденію, препятствуютъ цѣлесообразному разрѣшенію этой задачи. Одни представители видятъ эту причину въ несоотвѣтственной дѣятельности лицъ медицинскаго персонала, другіе — въ невѣжествѣ народа, а все вообще—въ недостаткѣ средствъ. Первые мѣняли и мѣняютъ лицъ медицинскаго персонала, несмотря даже на то, что лица эти дѣлаютъ больше, нежели возможно требовать отъ человѣка. Тѣ же, которые видѣли причину безуслѣшности ихъ заботъ въ невѣжествѣ народа и недостаткѣ средствъ, приходили къ странному индифферентизму. Херсонское и бессарабское, напр., земства, заявивши, что у нихъ нѣтъ средствъ для борьбы съ дифтеритомъ, совершенно спокойно смотрѣли, какъ дифтеритъ, въ продолженіе многихъ лѣтъ, убивалъ ихъ собственныхъ дѣтей. Такого же отношенія къ дѣлу, т. е. ничего недѣланія за недостаткомъ средствъ, держалось нѣсколько лѣтъ и полтавское земство, а между тѣмъ дифтеритъ уничтожалъ молодое поколѣніе. Но когда пошло почти поголовное убійство дѣтей дифтеритомъ, то у земства нашлись

средства, нашлись сотни тысячъ рублей, которыя и были израсходованы на борьбу съ этою болѣзью. Такъ какъ самая главная причина, «недостатокъ средствъ», въ которой представители земствъ видѣли препятствіе къ дѣйствительному охраненію народнаго здоровья, была для полтавскаго земства устранена, то мы и остановимся на уясненіи того, какой результатъ получило земство отъ затраты сотней тысячъ рублей и при помощи какихъ условій. Сдѣлаемъ мы это для того, чтобы видѣть, дѣйствительно ли безуспѣшность мѣръ зависитъ отъ недостатка средствъ, какъ это утверждаютъ почти все представители мѣстныхъ учреждений, или же эта неуспѣшность зависитъ отъ чего-либо другаго.

Результатъ борьбы съ дифтеритомъ, судя по газетнымъ извѣстіямъ, состоитъ въ томъ, что средства израсходованы; большую часть дѣтей, а мѣстами и поголовно, дифтеритъ убилъ и нѣтъ никакого разумнаго основанія надѣяться, что ослабѣвшая въ настоящее время эпидемія дифтерита не явится съ прежнею силой. Такой результатъ прямо говорить, что средства не составляютъ всего въ дѣлѣ охраненія народнаго здоровья, и чтобы узнать, чего же именно недоставало полтавскому земству для получения болѣе благоприятнаго результата отъ затраченныхъ сотней тысячъ рублей, мы взглянемъ, какія особыя средства употреблено оно въ борьбѣ съ эпидеміей.

Особенность мѣръ, при помощи которыхъ полтавское земство думало уничтожить эпидемію, состояла, между прочимъ, въ приглашеніи большого числа сестеръ милосердія. Что содержаніе сестеръ милосердія дорого стоило, въ этомъ нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія; но были ли у полтавскаго земства основанія ожидать полезнаго результата отъ этой мѣры—это вопросъ, который долженъ быть разрѣшенъ отрицательно. Для доказательства мы обратимъ вниманіе на свойства дифтерита и изъ уясненія ихъ будетъ видно, что сестры милосердія были приглашены совершенно безцѣльно. Главное свойство дифтерита, какъ и другихъ островазныхъ болѣзней, заключается въ томъ, что противъ него *терапия безсилна*. Извѣстна масса случаевъ, въ которыхъ относительно больныхъ дифтеритомъ было сдѣлано все, что указываетъ наука, и, несмотря на это, больные умирали (супруга профессора Черинова), другіе же больные, наоборотъ, выздоравливали безъ всякаго лѣченія. Другое свойство дифтерита—то, что онъ почти исключительно *поражаетъ дѣтей*. Имѣя въ виду эти свойства болѣзни, вопросъ о безполезности сестеръ милосердія

въ борьбѣ противъ нея долженъ быть разрѣшенъ утвердительно. Только въ виду двухъ цѣлей могутъ быть приглашены сестры милосердія: давать акуратно назначенныя медицинскія средства и ухаживать за больными. Но мы видѣли, что терапія противъ дифтерита безсильна, а слѣдовательно для первой цѣли сестры милосердія не были нужны. Заболѣваютъ же преимущественно дѣти, около которыхъ находятся ихъ близкіе родственники, готовые сдѣлать все для больного, — слѣдовательно, и для второй цѣли сестры не нужны, а потому не было рациональнаго основанія для ихъ приглашенія и для расходованія средствъ на ихъ содержаніе. На вопросъ же, почему земскіе дѣятели вели борьбу съ дифтеритомъ такими мѣрами, которыя не могли его уничтожить, а равно почему были истрачены на эти мѣры большія средства, можно сказать только одно: по непониманію какъ свойствъ дифтерита, такъ и тѣхъ мѣръ, которыя могли оказать дѣйствительную пользу.

Указанная нами причина безуспѣшности борьбы полтавскаго земства съ дифтеритомъ наглядно показываетъ, что знаніе условій, благопріятствующихъ развитію болѣзни, и тѣхъ, которыя препятствуютъ этому, есть первое и необходимое условіе, безъ котораго невозможно достигнуть полезнаго результата. Послѣ сказаннаго не трудно понять, что причины безуспѣшности земскихъ мѣропріятій заключаются не въ недостатокъ средствъ и не въ грубости народа, а въ незнаніи, въ непониманіи лицами, завѣдующими охраненіемъ народнаго здоровья, тѣхъ условій, которыя вредны для здоровья, и тѣхъ, которыя для здоровья полезны. Знаніе условій, благопріятно и вредно дѣйствующихъ на здоровье человѣка, есть знаніе законовъ гигиены и ихъ значенія для общества. Терапія же тутъ безсильна. Въ доказательство, что гигиена несравненно больше значитъ въ дѣлѣ охраненія народнаго здоровья, нежели терапія, мы укажемъ на цѣли, преслѣдуемыя тою и другою наукой, и на зависимость ихъ между собою. Цѣль терапіи — возстановленіе нарушеннаго здоровья человѣка; цѣль гигиены — устройство такихъ условій, пользуясь которыми были бы здоровы какъ отдѣльныя лица, такъ и все населеніе. Не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что цѣль гигиены важнѣе цѣли терапіи какъ потому, что гигиенично-устроенныя условія жизни охраняютъ здоровье cadaго изъ лицъ населенія, такъ и потому, что при разумной гигиенѣ терапія будетъ почти не нужна. Кромѣ того, гигиена имѣетъ несравненно большее значеніе для общества, нежели терапія, такъ

какъ успѣхъ терапіи настоящаго времени зависитъ не столько отъ аптекарскихъ пузырьковъ, сколько отъ строго-гигіеничной обстановки больнаго. Такимъ образомъ терапія вполнѣ зависитъ съ одной стороны отъ свойства гигиеническихъ условий, при которыхъ находится населеніе, а съ другой—отъ свойствъ здоровья этого населенія, и вслѣдствіе этого полезное значеніе терапіи въ дѣлѣ охраненія народнаго здоровья дѣлается не большимъ. Если условия жизни человѣка нормальны, соответствуютъ требованіямъ гигиены, то и жизнь, и здоровье этого человѣка нормальны, онъ долговѣченъ и силенъ физически и нравственно; если же условия жизни вполнѣ ненормальны, то жизнь прекращается. Какъ въ первомъ случаѣ терапія не нужна, такъ во второмъ она бессильна. Если условия жизни населенія таковы, что при нихъ невозможна здоровая жизнь, то терапія можетъ быть бесполезна, излишня и даже вредна. Говоря о вредѣ терапіи для населенія, мы разумѣемъ вредъ, происходящій отъ того, что населеніе даетъ известную массу средствъ на устройство бесполезнаго для него терапевтическаго отдѣла и тѣмъ лишаетъ себя возможности приобрести самое необходимое. Мы думаемъ, наприм., что всякій признаетъ вреднымъ, когда съ населенія, страдающаго голодомъ, собираютъ послѣднія копейки не для покупки хлѣба, а для устройства терапевтическаго отдѣла, т. е. для покупки лѣкарствъ. Голодъ, недостатокъ питательной пищи и другихъ условий, необходимыхъ для здоровой жизни населенія, суть самыя страшныя болѣзни населенія, при которыхъ не только терапія бесполезна, но и положительно вредна, если съ этого голоднаго населенія собираются средства на устройство терапевтическаго отдѣла.

Между тѣмъ представители мѣстныхъ интересовъ стараются разрѣшить вопросъ охраненія народнаго здоровья исключительно одною терапіей, нисколько не обращая вниманія на гигиену. Такое отношеніе къ дѣлу даетъ намъ полное право сказать, что незнаніе законовъ гигиены есть главная причина постояннаго ухудшенія народнаго здоровья. Ниже мы приведемъ данныя, которыя укажутъ на безпримѣрныя болѣзненность и смертность нашего населенія, на тѣ ужасающія условия, при которыхъ развивается жизнь населенія, послѣ чего будетъ видно, что населеніе наше въ большей части есть населеніе нищенское, и каждая копейка, взятая съ него для устройства терапіи, уменьшаетъ для него возможность питанія и тѣмъ по необходимости увеличиваетъ болѣзненность и смертность.

Какъ ни странно допустить мысль, что лица, коимъ ввѣрено охраненіе народнаго здоровья, не знаютъ законовъ гигиены и ихъ значенія для общества, а между тѣмъ это вѣрно. Одного того факта, что они не пользуются законами гигиены, было бы достаточно для убѣжденія, что высказанное нами мнѣніе вѣрно, но существуютъ особыя условія, которыя заставляютъ насъ привести не только факты, доказывающіе это незнаніе, но и причины, отъ которыхъ оно происходило и происходитъ.

Одно изъ условій, заставляющихъ насъ остановиться на изложеніи этихъ причинъ, заключается въ томъ, что большая часть земскихъ и городскихъ дѣятелей вполне убѣждены, что они знаютъ гигиену, несмотря на то, что ихъ мнѣнія, приемы, поступки говорятъ совершенно противное.

Только при изложеніи причинъ, препятствовавшихъ и препятствующихъ усвоенію русскимъ обществомъ законовъ гигиены, получится возможность понять, какъ образуется у людей убѣжденіе о знакомствѣ съ гигиеной и какъ это ложное убѣжденіе препятствуетъ дѣйствительному усвоенію законовъ гигиены. Причины такого явленія заключаются какъ въ самомъ оwoйствѣ этихъ законовъ, такъ и въ неблагоприятномъ, для усвоенія ихъ, историческомъ развитіи русскаго общества.

Законы гигиены принадлежатъ къ числу самыхъ сложныхъ естественныхъ законовъ, а потому и самыхъ трудныхъ для усвоенія ихъ обществомъ. Вслѣдствіе этой трудности, законы эти сдѣлались относительно въ недавнее время предметомъ особаго вниманія только въ Англии, гдѣ было много благоприятныхъ условій для уясненія значенія законовъ гигиены; населеніе Англии вѣковымъ историческимъ путемъ приучилось узнавать связь между причиною и слѣдствіемъ и ставить выводы разума на первый планъ.

Историческая жизнь русскаго общества сложилась совершенно иначе; наше общество было лишено одного изъ главныхъ условій для работы разсудкомъ. Законы русскіе, въ томъ числѣ и санитарные, вносились въ Сводъ законовъ и оставались неизвѣстными обществу не только со стороны ихъ значенія для жизни общества, но даже и со стороны буквального ихъ смысла.

Введеніемъ земскихъ и городскихъ учреждений законъ далъ представителямъ мѣстнаго населенія полную возможность узнать бытъ, условія жизни населенія и сдѣлать для охраненія его здоровья то, что необходимо. Со времени предоставленія этихъ правъ

миссиямъ дѣятелямъ прошло достаточно времени какъ для того, чтобы познакомиться съ бытомъ населенія, такъ и для того, чтобы изучить законы гигиены и пользоваться ими; но въ проявленіяхъ дѣятельности представителей мѣстнаго населенія мы не видимъ ничего подобнаго. Но почему же люди эти, имѣя полную возможность приобрести необходимое знаніе, не воспользовались этой возможностью?—Отвѣчаемъ, что они, не имѣя дѣйствительнаго знанія гигиены, убѣждены, что знаютъ ее, потому не считаютъ нужнымъ дальнѣйшее ея изученіе и не придаютъ значенія тому, что не согласно съ массою ихъ гигиеническихъ свѣдѣній. Причина такого самообмана находится въ историческомъ нашемъ развитіи, которое породило убѣжденіе, что совершенно достаточно родиться человѣку отъ благородныхъ родителей, чтобы не учась ничему быть специалистомъ по всемъ специальностямъ.

Такая иллюзія находятъ для себя, въ извѣстной степени, поддержку въ несоотвѣтственности между воспитаніемъ, образованіемъ и дѣйствительною жизнью. За двадцать слишкомъ лѣтъ Н. И. Пироговъ указывалъ въ своемъ трактатѣ о воспитаніи, какимъ психологическимъ путемъ лица, имѣющія знанія извѣстной специальности, доходятъ до убѣжденія, что они—специалисты. Онъ говоритъ, что лица, затратившія много и времени, и средствъ на свое воспитаніе и образованіе, при вступленіи въ дѣйствительную жизнь находятъ себя совершенно неподготовленными къ запросамъ жизни. Принимая ту или другую общественную должность, на занятіе которой даетъ такому лицу право его образованіе, это лицо принуждено бываетъ направлять и разрѣшать такіе вопросы, о которыхъ оно и понятія не имѣетъ. Сначала подобное отношеніе къ дѣлу нравственно безпокоитъ такого общественного дѣятеля и онъ ожидаетъ, со стороны наблюдающихъ за его дѣятельностію, выраженія если не гнѣва и смѣха, то протеста и указанія; но, въ крайнему его изумленію, онъ видитъ выраженіе уваженія. Такое отношеніе окружающихъ къ дѣятельности не ученаго специалиста сначала его нравственно успокоиваетъ, а потомъ и убѣждаетъ, что онъ—специалистъ той специальности, относительно которой онъ еще такъ недавно считалъ себя ничего непонимающимъ. Мы не считаемъ нужнымъ приводить отдѣльные факты, доказывающіе, что лица, непонимающія сущности дѣла, брались и разрѣшали эти дѣла, потому что весь отдѣлъ охраненія народнаго здоровья, за небольшими исключеніями, долженъ представлять эти факты; равнымъ образомъ мы не будемъ

останавливаться на выясненіи причинъ, почему лица, окружающіе не ученаго специалиста, не протестуютъ противъ его дѣятельности, и только скажемъ, что воображаемое знаніе, образовавшееся вышеизложеннымъ порядкомъ, во много разъ вреднѣе для общества полного незнанія.

Указавши на причины, которыя препятствовали и препятствуютъ распространенію въ средѣ русскаго общества дѣйствительныхъ гигиеническихъ знаній, мы, въ подтвержденіе высказаннаго нами положенія, приведемъ факты.

Мы начнемъ съ изложенія болѣе простаго факта, который наглядно покажетъ, до какой ужасной степени незнанія и неуваженія законовъ гигиены доходитъ русское общество въ лицѣ своихъ представителей. Потомъ мы приведемъ фактъ, указывающій, что воображаемое знаніе заставляетъ отстранять истинно-полезныя гигиеническія указанія. Въ заключеніе приведемъ фактъ, говорящій, что воображаемое знаніе законовъ гигиены можетъ пагубно отразиться на обществѣ.

Какъ на фактъ, доказывающій полное незнакомство охранителей народнаго здоровья съ законами гигиены, мы уважемъ на отношеніе жителей г. Усмани, Тамбовской губерніи, къ той водѣ, которую они пьютъ. Мимо Усмани протекаетъ небольшая рѣчка, которая служила, какъ это мы сами видѣли въ 1877 году, истокомъ для спуска городскихъ нечистотъ. На этой же рѣчкѣ, ниже города, построена мельница, поѣтому теченія воды почти незамѣтно и вода, задержанная на нечистотахъ, представляется желтовато-темноватымъ настоемъ, съ гнилостно-удушливымъ запахомъ. Если налить такой воды въ стаканъ и посмотреть на свѣтъ, то вода эта представляется наполненною массою двигающихся водяныхъ животныхъ, видимыхъ простымъ глазомъ. Другой воды почти нѣтъ, а потому большая часть жителей пользуется для питья такою водой; для этого ее пропускаютъ черезъ полотно, на которомъ остаются болѣе крупныя примѣси воды. Очищенная такимъ образомъ вода и вскипяченная представляется мутной, клейкой, съ удушливымъ запахомъ. Вода эта, налитая въ стаканъ, даетъ чрезъ нѣсколько времени бѣловато-сѣроватый осадокъ.

При описанномъ отношеніи управленія г. Усмани къ водѣ, необходимой для питья жителей города, о знаніи законовъ гигиены и ихъ значенія для общества не можетъ быть и вопроса.

Какъ на доказательство полного непониманія управленіемъ г. Усмани законовъ гигиены, мы уважемъ на слѣдующій фактъ. Увле-

Въмое патриотизмомъ, население города Усмани заявило въ 1877 году желаніе устроить военный госпиталь, что ему и было доложено.

Зданіе, отведенное городскимъ управленіемъ, было нѣкогда винныя подваломъ; по уничтоженіи откуповъ, его передѣляли въ конюшни, потомъ повернули подъ театр, позднѣе превратили его въ казармы и наконецъ назначили для военныхъ больныхъ. Зданіе оно помѣщается въ недалекомъ разстояніи отъ боенъ, въ пяти саженяхъ отъ кладбища и свѣрхъ того имѣло одинарный, съ большими скважинами, полъ. Когда представителямъ городского управленія было заявлено о неудобствѣ такого помѣщенія для больныхъ, представители были крайне изумлены этимъ, что и выражалось въ вопросѣ, наивно предложенномъ ими: *да чѣмъ же?*

Приведенный нами примѣръ не составляетъ, конечно, исключенія, такъ какъ нѣчто подобное можно видѣть въ любомъ уѣздномъ городѣ; слѣдовательно о знаніи законовъ гигіены массою населенія, а тѣмъ болѣе о значеніи ихъ въ примѣненіи къ жизни — не можетъ быть и рѣчи. Но не больше пользы для охраненія народнаго здоровья можно ожидать и отъ тѣхъ лицъ, у которыхъ воображаемое знаніе замѣняетъ дѣйствительное.

Съѣзду земскихъ врачей Московской губерніи, бывшему въ 1879 году, было предложено московскимъ земствомъ составить санитарныя правила для населенія, такъ какъ правительство представило земству право издавать обязательныя къ исполненію населеніемъ санитарныя законы. Составленная по этому случаю съѣздомъ врачей, коммиссія, по обсужденіи порученнаго ей предложенія, сообщила съѣзду, что такъ какъ настоящее неудовлетворительное санитарное положеніе населенія произошло не отъ того, что не было санитарныхъ законовъ, а отъ того, что не исполнялись существующіе законы вслѣдствіе того, что наблюденіе за исполненіемъ ввѣрено было не специалистамъ, то коммиссіяшла совершенно бесполезнымъ вводить новые санитарныя законы до тѣхъ поръ, пока наблюденіе за ихъ исполненіемъ не будетъ передано врачамъ-гигиенистамъ.

Такое заявленіе коммиссіи вызвало продолжительныя пренія между врачами, доказывавшими необходимость и рациональность указанной коммиссіей мѣры, и представителями земства, находившими введеніе врачей-гигиенистовъ излишнимъ. Какъ ни наивно-вѣрно положеніе, что каждое специальное дѣло, для успѣшнаго его хода, должно находиться въ завѣдываніи специалистовъ,

но, представители земства, указавши, что члены управъ и землевладельцы могутъ целесообразно наблюдать за исполненіемъ санитарныхъ законовъ, остались при своемъ мнѣніи.

Въ приведенномъ нами примѣрѣ мы изложили, что врачи и представители земства—въ вопросѣ: что нужно для охраненія народнаго здоровья—остались при различныхъ, почти противоположныхъ, мнѣніяхъ. Но всякій, понимающій значеніе гигиены для общества, признаетъ съ полнымъ убѣжденіемъ, что мнѣніе представителей земства могло явиться только вслѣдствіе незнанія ими законовъ гигиены. Для наблюденія за исполненіемъ санитарныхъ законовъ необходимо, чтобы лице наблюдающее понимало значеніе этихъ законовъ, а этого мы въ большей части нашихъ землевладельцевъ признать не можемъ. Гигиена входитъ въ кругъ медицинскихъ наукъ и для пониманія законовъ гигиены нужно специальное образованіе. Одна изъ главныхъ причинъ, вслѣдствіе которой знаніе гигиены такъ долго не дѣлалось достояніемъ челоувѣчества, заключается въ томъ, что какъ въ условіяхъ, отъ соединенія которыхъ происходитъ полезное или вредное, такъ и въ происшедшихъ отъ соединенія этихъ условій явленій, болышомъ частью, не бываетъ ничего такого, что бросалось бы въ глаза каждому и только лицо специально подготовленное въ силахъ сказать, что если есть извѣстные условія, то долженъ быть такой-то результатъ,—или же: если есть извѣстный результатъ, то должны быть такія-то условія. Поэтому, для целесообразнаго наблюденія за исполненіемъ санитарныхъ законовъ, необходимы такіе лица, которыя, вслѣдствіе своего образованія, могутъ знать на основаніи существованія условій о результатѣ и на основаніи присутствія извѣстнаго результата—о наличности извѣстныхъ условій. Такое свойство санитарныхъ законовъ уже вполне известно англичанами, дѣлающими все для достиженія назначенной цѣли, а не для формы, какъ это бываетъ у насъ, потому они и предоставили наблюденіе за исполненіемъ санитарныхъ законовъ врачамъ-гигиенистамъ, несмотря на то, или лучше сказать—благодаря тому, что уровень народнаго образованія въ Англіи несравненно выше нашего и что болышая часть англійскаго общества убѣждена въ полезности санитарныхъ законовъ, о которыхъ болышая часть нашего общества не имѣетъ и понятія.

Въ болышей части специальныхъ наукъ—въ математикѣ, химіи, въ механикѣ и проч.—результатъ каждаго произведеннаго дѣйствія указываетъ на вѣрность или же невѣрность послѣднимъ

такое свойство, этихъ наукъ дѣлаетъ ихъ болѣе доступными для изученія и законы ихъ признаются за самыя простыя (Бонтъ) въ сравненіи съ законами гигиены. Между тѣмъ наше общество своими дѣйствіями представляетъ совершенно противное: у насъ никто не предложитъ, чтобы наблюденіемъ за разрѣшеніемъ математическихъ или механическихъ задачъ занималось лицо не изучавшее этихъ наукъ, потому что такое предложеніе было бы болѣе нежели странно, и въ то же самое время съ полною увѣренностью предлагалось, чтобы наблюденіемъ за исполненіемъ санитарныхъ законовъ занимались лица неимѣющія нужнаго для этого образованія.

Мы убѣждены, что представители земства вполне честно относятся къ возложенной на нихъ обязанности охраненія народнаго здоровья, а потому если они указывали, что члены управъ и землевладѣльцы могутъ целесообразно наблюдать за исполненіемъ санитарныхъ законовъ, то изъ этого слѣдуетъ заключить, что они считаютъ ихъ известными всемъ и каждому. Въ числѣ указательствъ такой возможности однимъ изъ представителей земства было высказано, что видѣть навозъ и сдѣлать распоряженіе объ его уборкѣ возможно и безъ специальныхъ свѣдѣній. Приблизительно такое же мнѣніе было высказано гласнымъ Ближнекаго уѣзда, и такъ какъ противъ этихъ мнѣній остальные представители земства не возражали, то это должно служить указаніемъ, что и они согласны съ высказаннымъ мнѣніемъ. Приведенное мнѣніе представителей земства даетъ право заключить, что, по ихъ взгляду, въ навозѣ, въ грязи—все зло, а въ удаленіи ихъ—разрѣшеніе задачъ гигиены населенія.

Какъ ни странно, повидимому, сдѣланный нами выводъ о свойствѣ гигиеническихъ свѣдѣній, которыми владѣютъ представители земства, но вѣрность его, вромѣ приведенныхъ доказательствъ, подтверждается и тѣмъ, что большая часть нашего культурнаго общества, убѣжденнаго въ значеніи законовъ гигиены, не владѣетъ именно такими знааніями, и это доказывается брошюрами, которыя писались, и распоряженіями, которыя дѣлались по случаю появленія ветлянской болѣзни. Въ брошюрахъ специальныхъ и неспециальныхъ указывалось, что единственное спасеніе отъ ветлянской болѣзни заключается въ улучшеніи гигиеническихъ условій населенія, а улучшеніе это исчерпывалось удаленіемъ навоза. Были и дакіе горячіе преслѣдователи навоза, которые заявляли серьезное желаніе, чтобы деревенскіе обыва-

тели очищали свои дворы от навоза даже зимой. Месива тогда заботилась объ улучшеніи гигиеническихъ условий населенія, да избѣжанія ветлянской болѣзни, что и выразилось устройствомъ нѣсколькихъ комиссій, которыя и ходили изъ двора во дворъ для осмотра отхожихъ мѣстъ.

Слова нѣтъ, продунуть отъ гніенія навоза вреденъ для здоровья человека, на этотъ вредно-дѣйствующій источникъ въ насъ съ остальнаго, подрывающаго здоровье и жизнь русскаго человека, занимаетъ не большое и далеко не первое мѣсто, а потому признавать, что въ навозѣ—все зло для здоровья населенія, а въ удаленіи навоза видѣть разрѣшеніе всѣхъ требованій гигиены есть пагубная ошибка. Мы находимъ, что приведенныхъ данныхъ достаточно для составленія понятія о свойствахъ гигиеническихъ свѣдѣній какъ большей части представителей общества, такъ самого общества, и для убѣжденія, что они не понимаютъ истинныхъ законовъ гигиены.

Теперь мы приведемъ еще фактъ, который наглядно укажетъ, какимъ громаднымъ вредомъ можетъ сопровождаться для общества, когда представители его признаютъ свое воображаемое знаніе гигиены за дѣйствительное и согласно этому начнутъ обнаруживать свою дѣятельность. Все это и многое другое, обрисовывающее степень пониманія гигиены представителями самоуправления, мы увидимъ при рассмотрѣннн вопросовъ, какъ и почему предположена и можетъ осуществиться канализація города Москвы.

Главная причина, побудившая представителей г. Москвы поднять снова, долго остававшійся безъ вниманія, вопросъ о канализаціи Москвы, заключается въ большой смертности ея населенія, доходящей до 40 чел. съ тысячи, и въ убѣжденіи, что высокая смертность Москвы зависитъ отъ загрязненія ея почвы. Казалось бы самымъ естественнымъ, что должно было бы сдѣлать управленіе Москвы въ виду большой смертности ея населенія, это—получить вѣрныя, или приблизительно вѣрныя, свѣдѣнія объ условіяхъ, вредно дѣйствующихъ на здоровье и жизнь населенія. Узнавши эти условія, представители города должны были бы ихъ оцѣнить какъ со стороны ихъ вреда для населенія, такъ и со стороны большей или меньшей трудности ихъ устраненія, и только тогда рѣшиться предпринять тѣ или другія мѣры. Но ничего подобнаго не сдѣлано, а почему?— да потому же, почему признано что, причина большой смертности населенія Москвы нахо-

тся въ загрязненіи почвы и что спасеніе должно произойти отъ анализа, т. е. отъ незнанія гласными законовъ гигиены. Эта причина не дозволила имъ уразумѣть вѣрное значеніе усиленной смертности населенія Москвы и лишила ихъ возможности даже получить истинное свѣдѣніе о силѣ вредно дѣйствующихъ условій на здоровье и жизнь населенія, такъ и о мѣрахъ необходимыхъ для устраненія этихъ условій. Смертность 40 человекъ съ тысячи признается поразительно-высокою при нормальномъ составѣ населенія, за который принято считать населеніе, состоящее изъ одной трети малолѣтняго и двухъ третей взрослога населенія. Населеніе же Москвы, какъ это видно изъ переписи 1871 года, по отношенію къ которой и вычисленъ процентъ смертности, представляетъ рѣзкое отклоненіе отъ указаннаго состава; оно состоитъ изъ четырехъ пятыхъ взрослога населенія и только одной пятой малолѣтняго. Каждому извѣстно, что процентная смертность малолѣтняго населенія, достигающая у грудныхъ дѣтей до 60%—80%, несравненно выше смертности взрослога населенія; а потому если мы представимъ себѣ, что въ составѣ населенія Москвы идетъ одна треть малолѣтняго и двѣ трети взрослога населенія, то процентъ смертности населенія Москвы увеличится до 50 съ тысячами. Если же вычестъ изъ населенія Москвы лицъ не русской національности, которыя, какъ мы увидимъ ниже, представляютъ несравненно меньшій процентъ смертности, то окажется, что русское населеніе г. Москвы представляетъ процентную смертность далеко превосходящую пятьдесятъ съ тысячами. Такія данныя указали бы гласнымъ г. Москвы, что существующія условія жизни и здоровья и жизни населенія Москвы суть условія для вымиранія и что смертность шестата-квартала Рогожской части—семьдесятъ съ тысячами—должна быть разсматриваема не какъ исключеніе, а какъ общая для населенія г. Москвы.

Не узнавши же, при помощи статистической цифры смертности населенія, о дѣйствительныхъ условіяхъ жизни этого населенія, гласные городской думы не могли узнать и о томъ, что именно нужно сдѣлать, чтобъ уменьшить смертность населенія.

Статистическая цифра, указывающая большую смертность населенія, есть сумма неизвѣстнаго числа слагаемыхъ, каждое изъ которыхъ выражаетъ величину вреда, приносимаго здоровью и жизни населенія тѣмъ или другимъ вредно-дѣйствующимъ условіемъ. Поэтому статистическая цифра можетъ дать вѣрное указаніе, что сдѣлать для устраненія смертности, только тогда,

когда она может быть разложена на тѣ слагаемыя, сумм которыхъ она составляетъ, и когда каждое изъ этихъ слагаемыхъ, какъ выражающее извѣстное вредное влияние, будетъ оцѣнено соотвѣтственно тому вреду, который оно приноси здорью и жизни населенія. Еслибы городское управленіе положило цифру сорокъ, выражающую процентную смертность населенія г. Москвы, на тѣ слагаемыя, сумму которыхъ она выражаетъ, то оказалось бы, что поражающая смертность населенія Москвы происходитъ отъ громаднаго количества вредно дѣйствующихъ условій, въ числѣ которыхъ загрязненіе почвы города идетъ однимъ изъ меньшихъ; слѣдовательно, канализаціей невозможно сдѣлать смертность населенія нормальной.

Но самоуправленіе, не сдѣлавши этого, признало также, и представители земства, то-есть ни съ того, ни съ сего, что и вонъ и грязь есть главная, если только не единственная, причина большой смертности населенія г. Москвы и что для уничтоженія грязи и, слѣдовательно, для уменьшенія смертности необходима канализація, хотя бы она и потребовала на свое устройство около 20.000.000 рублей. Такое отношеніе къ дѣлу указываетъ, что лица такъ поступающія не понимаютъ законовъ гигиены, а потому если они что и дѣлаютъ, то не потому, чтобъ были убѣждены въ пользу дѣлаемаго, а потому только, что считаютъ себя вынужденными дѣлать. У представителей г. Москвы были и есть подъ руками такіе факты, малѣйшаго вниманія которымъ было бы достаточно, даже безъ знамѣн гигиены, для убѣжденія въ томъ, что причина поражающей смертности не заключается въ загрязненіи почвы. Извѣстно, что населеніе Московскаго уѣзда представляетъ смертность больше пятидесяти тысячъ, а между тѣмъ мѣсто, гдѣ живетъ населеніе уѣзда, невозможно признать загрязненнымъ, потому что, при недостаточномъ количествѣ скота, навоза не достаѣтъ даже и для удобренія полей. Такой фактъ даетъ право думать, что если происходитъ большая смертность безъ загрязненія почвы, то, слѣдовательно, загрязненіе не составляетъ единственной причины, которая вызываетъ ее, что существуютъ другія неблагоприятныя условія, ее вызывающія. Какъ ни вразумительно указываетъ приведенный нами фактъ, что населеніе можетъ вымирать и безъ загрязненія почвы, но представители Москвы есть и другіе факты, которые прямо указываютъ, что поражающая смертность населенія не зависитъ отъ загрязненія почвы.

Въ *Думскихъ Известіяхъ* помѣщаются работы доктора Острова о смертности населенія г. Москвы, изъ которыхъ видно, что есть мѣстности въ Москвѣ, какъ, наприѣръ, 6 квартала Рогожской части, гдѣ смертность доходитъ до семидесяти на тысячу; а есть и такія, гдѣ, какъ, напр., въ Городской части, смертность только шестнадцать съ тысячи. Нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что еслибы загрязненіе почвы было главною причиною большой смертности г. Москвы, то вымираніе было бы одинаково, потому что нѣтъ особо-уважительныхъ основаній, которыя убѣдили бы, что различныя мѣстности г. Москвы представляютъ различную степень загрязненія. Допустимъ невѣроятное, что различіе смертности населенія зависитъ отъ степени загрязненія почвы той мѣстности, гдѣ находится это населеніе, то есть что смертность болѣе высока въ той мѣстности, которая болѣе загрязнена, и наоборотъ. Но въ приведенныхъ нами приѣрахъ мы видимъ противное. Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что загрязненіе почвы Городской части, какъ раньше и гуще населенной, гораздо больше загрязненія почвы Рогожской части, а между тѣмъ смертность въ 6 кварталѣ Рогожской части въ четыре раза больше смертности Городской части.

Существованіе приведенныхъ фактовъ не помѣшало, однако, представителямъ г. Москвы признать, что причина большой смертности находится въ загрязненіи почвы, и поручить технологу Попову изслѣдовать въ заграничныхъ городахъ вліяніе канализаціи на уменьшеніе смертности населенія этихъ городовъ.

Такимъ распоряженіемъ представители Москвы дали самое убѣдительное основаніе для сужденія о степени знанія и пониманія ими законовъ гігіены. Фактъ, что во второй половинѣ XIX столѣтія представители самоуправленія столичнаго и университетскаго города Москвы поручали технологу собираніе за границей данныхъ для разрѣшенія гігіеническихъ вопросовъ, — фактъ этотъ, говоримъ мы, будетъ для настоящаго и для будущихъ поколѣній вѣрнымъ указателемъ степени какъ вообще нравственнаго, такъ и въ частности гігіеническаго развитія нашего общества. Техноложъ Поповъ счелъ себя въ правѣ взять сказанное порученіе, которое, по его убѣжденію, и исполнилъ честно, представивши управленію г. Москвы тѣ полезныя результаты, которые получились въ городахъ послѣ ихъ канализаціи. Доставленные технологомъ Поповымъ факты составляли бы чрезвычайно важное доказательство полезности и необходимости канализаціи для Москвы,

еслибы было доказано, что гигиеническія условія заграничныхъ городовъ, отъ канализаціи которыхъ получились полезныя для населенія результаты, были такія же и такими же и остались какія существуютъ въ Москвѣ. Но этого не доказано, да и не могло быть доказано, потому что такихъ гигиеническихъ или вѣрнѣе, противогигиеническихъ условій, какія существуютъ въ Москвѣ, ни въ одномъ изъ городовъ просвѣщенныхъ государствъ не существуетъ.

Въ доказательство вѣрности высказаннаго нами положенія мы сравнимъ нѣкоторыя изъ условій жизни населенія г. Москвы съ такими же условіями западныхъ городовъ и изъ этого сравненія будетъ видно, что одною канализаціей Москвы невозможно уменьшить ея смертность.

Для примѣра возьмемъ условія жизни рабочихъ на фабрикахъ западныхъ государствъ и нашихъ.

Въ западныхъ государствахъ постановлено, что фабрично-заводская дѣятельность взрослого человѣка не можетъ быть болѣе 13—15 часовъ въ сутки; изъ числа рабочихъ часовъ отдѣляется извѣстное время на завтракъ и обѣдъ. Законы, напримѣръ, Англіи строго охраняютъ дѣтей отъ обремененія ихъ непосильной и продолжительною работою. Въ Англіи допускаютъ къ фабрично-работѣ малолѣтнихъ дѣтей, по достиженіи ими восьми-лѣтняго возраста, ограничивая ихъ работу шестью съ половиною часами и сохраняя указанное число часовъ до достиженія малолѣтнимъ тринадцатилѣтняго возраста. Постановленія Швейцаріи допускаютъ малолѣтнихъ къ фабричной дѣятельности только по достиженіи ими четырнадцатилѣтняго возраста. Кромѣ приведенныхъ постановленій, которыя несомнѣнно полезны тѣмъ, что гарантируютъ здоровье рабочихъ отъ изнуренія ненормально-продолжительною работою, въ пользу здоровья рабочихъ во Франціи, напр. много дѣлаетъ и частная предпримчивость, направленная събереженію средствъ и нравственности рабочихъ. Многіе изъ фабрикантовъ Франціи доставляютъ все необходимое для рабочихъ и цѣнамъ болѣе дешевымъ, нежели рыночныя. При такихъ условіяхъ у рабочихъ сохраняется извѣстная сумма средствъ, которыя и не допускаютъ рабочихъ до условій жизни, прямо подрывающихъ здоровье. Въ той же Франціи, которую приучили насъ считать за центръ разврата, существуютъ большія фабрики исключительно женскимъ трудомъ, на которыхъ для работницъ устроены такія общежитія, которыя представляютъ для каждой

нца полную гарантію, что дочь его, поступивши на такую фабрику, останется нравственно-чистою. Въ Москвѣ нѣтъ такихъ неблагоприятныхъ для здоровья рабочихъ условий, о которыхъ мы говорили.

У насъ нѣтъ положительнаго закона, опредѣляющаго количество рабочихъ часовъ для взрослога и малолѣтняго фабричнаго рабочаго, а равно нѣтъ и той частной заботливости о сбереженіи средствъ и нравственности рабочихъ, о которой мы говорили, бывшая условія жизни рабочаго во Франціи.

При отсутствіи положительнаго закона о количествѣ рабочихъ часовъ на нашихъ фабрикахъ суточное ихъ количество доходить до семнадцати, и притомъ одинаково какъ для взрослыхъ, такъ и для малолѣтнихъ.

Несмотря на такую непомерную работу, которая дѣлается въ пользу фабрикантовъ, намъ не приводилось ни видѣть, ни слышать, чтобы московскими фабрикантами было сдѣлано что-либо для сбереженія средствъ и нравственности ихъ рабочихъ. Масса рабочихъ, пострадавшихъ на фабригѣ Гивартовскаго, указываетъ, что московскіе фабриканты не дѣлаютъ даже и того, что требуетъ законъ для сбереженія не средствъ рабочихъ, а ихъ жизни. Такое отношеніе фабрикантовъ къ ихъ рабочимъ указываетъ, что фабриканты преслѣдуютъ всѣми возможными способами только свои интересы, совершенно игнорируя интересъ, здоровье и жизнь рабочихъ. На сколько велика забота фабрикантовъ о сохраненіи нравственности рабочихъ, объ этомъ можно составить понятіе изъ того, что даже слово *фабричный* считается за ругательное.

Не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что семнадцатичасовая суточная работа на фабрикахъ должна губительно дѣйствовать на здоровье рабочаго и особенно малолѣтняго, истощая силу и ослабляя питаніе тѣла. Результатомъ ослабленнаго здоровья должно быть для взрослога рабочаго относительно-быстрое заболѣваніе хроническою или острою болѣзнію, а для малолѣтняго, омѣ этого, и слабое развитіе его организма. При отсутствіи возможности сберечь известную сумму средствъ, рабочій не можетъ разаться отъ фабричной работы, чтобы поправить свое надменное здоровье, и работаетъ до тѣхъ поръ, пока не будетъ вправленъ въ больницу. Болѣзнь прошла, рабочій выписывается изъ больницы, но онъ еще слабъ и для восстановленія его силъ въ необходимы и здоровое помѣщеніе, и питательная пища, и со-

ответствующая времени одежда, а между тѣмъ у него нѣтъ и чего, даже и куска хлѣба. Чтобы не умереть съ голоду, онъ долженъ работать, несмотря на свое истомленное и ослабленное здравье, для чего рабочій или отправляется на фабрику, или даже на Хитровъ рынокъ, чтобы наниматься на поденную работу, отдыхать ночью въ почлежномъ домѣ. Какъ много бываетъ такихъ неприютныхъ, можно заключить изъ того, что число являвшихся для ночлега въ почлежные дома, устроенные московскою думою, доходило зимой до семи сотъ. Неблагоприятныя для возстановленія здоровья условія быстро разрушаютъ послѣднее и— снова болица, снова Хитровъ рынокъ, или же преждевременная могила.

Вмѣстѣ съ ненормально-продолжительною работою и невою возможностью имѣть сбереженіе, разрушенію здоровья, а слѣдовательно и преждевременной смерти помогаетъ и отсутствіе, почти полное, у рабочихъ нравственныхъ правилъ. Изнуренные, больные, не сдерживаемые нравственными правилами, рабочіе отягчались, при первой возможности, самому грубому разврату и безшабашному разгулу, подрывающимъ ихъ плохое здравье.

Послѣ сдѣланнаго нами сравненія условій жизни иностраннаго и нашего рабочаго невозможно сомнѣваться въ томъ, насколько различны эти условія, а равно и въ томъ, что сказанныя условія, производя большую смертность въ средѣ рабочаго населенія Москвы, не могутъ быть уничтожены канализаціею Москвы.

Чтобы не было сомнѣнія, что приведенный нами примѣръ противогигіеническихъ условій жизни населенія Москвы не есть единственный и что, напротивъ, почти все противогигіенично, мы рассмотримъ еще два условія для жизни населенія: во-первыхъ, условія жизни новорожденныхъ и, во-вторыхъ, мѣры, принимаемыя для охраненія населенія Москвы отъ остро-заразныхъ болѣзней. Выводъ изъ этихъ примѣровъ будетъ тотъ же, какой мы уже указали—то-есть что канализація не въ силахъ уничтожить поражающую московской смертности.

Въ западныхъ государствахъ существуютъ спеціальныя постановленія для охраненія здоровья и жизни новорожденныхъ; въ Швеціи и Ирландіи, на примѣръ, существуютъ законы, требующіе, чтобы каждая женщина, едѣлавшаяся матерью, сама кормила своего ребенка своею грудью. Нельзя не сказать, что этотъ законъ—и самый человѣчный, и самый разумный, потому что и одна пища не можетъ быть такъ полезна для новорожденнаго

какъ молоко его матери. Такихъ постановленій у насъ, въ Род-
 сѣи, нѣтъ, а потому у насъ, между прочимъ и въ Москвѣ, боль-
 шая часть состоятельныхъ женщинъ сами не кормятъ своихъ
 дѣтей, а нанимаютъ для этого кормилицъ. Причины, заставля-
 ющія русскихъ культурныхъ женщинъ уклоняться отъ кормленія
 своихъ собственныхъ дѣтей, очень разнообразны и между ними
 не послѣднюю должно считаться убѣжденіе, что благородной же-
 нщинѣ кормить своего собственнаго ребенка неблагородно. Мы
 не можемъ сказать, даже приблизительно, какъ велико число
 благородныхъ женщинъ, отнимающихъ, за известную плату, ма-
 терей у неблагородныхъ дѣтей, но съ увѣренностью можемъ
 сказать, что такое отниманіе матерей отъ ихъ дѣтей не честно,
 потому что дитя, оставленное его матерью, или умираетъ отъ
 несоответственнаго питанія, или же, если и остается въ жи-
 выхъ, является слабымъ, страдающимъ золотухой, рахитиз-
 момъ. Въ числу благородныхъ женщинъ, отнимающихъ матерей
 у ихъ дѣтей, должны быть отнесены и тѣ женщины, которыя
 дѣлаются матерями внѣ брака и отравляютъ своихъ дѣтей въ
 московскій Воспитательный домъ. Каждогодно въ Воспитатель-
 ный домъ поступаетъ около 12.000 дѣтей, которыя и раздаются
 женщинамъ, имѣющимъ молоко въ грудяхъ, а часто и своего
 груднаго ребенка. При слабомъ питаніи нашихъ русскихъ мате-
 рей, у нихъ не достаетъ въ грудяхъ молока, чтобъ имъ на-
 кормить двухъ дѣтей, а потому однимъ изъ самыхъ частыхъ
 результатовъ такого кормленія бываетъ смерть своего и чужаго
 ребенка.

Мы убѣждены, что канализація Москвы не въ силахъ будетъ
 уничтожить и эту причину, увеличивающую смертность населенія
 Москвы. Прежде изложенія послѣдняго примѣра, доказывающаго,
 что одною канализаціей невозможно достигнуть уменьшенія смерт-
 ности, мы остановимся на уясненіи тѣхъ причинъ, которыя про-
 изводятъ описанныя нами условія.

Если мы остановимся надъ вопросомъ, почему фабричный ра-
 бочій не только самъ работаетъ на фабрикѣ, при условіяхъ, раз-
 рушающихъ его здоровье, но и заставляетъ работать, при тѣхъ
 же условіяхъ, своего ребенка, то отвѣтъ на него будетъ состоятъ
 въ томъ, что заработка, который онъ можетъ получить за мень-
 шее число рабочихъ часовъ и безъ работы его ребенка, будетъ
 недостаточно для удовлетворенія первыхъ потребностей его жизни.
 Почему мать оставляетъ своего ребенка почти на вѣрную смерть

и идетъ кормить чужаго ребенка?—Потому, что ей необходима известная сумма денегъ на удовлетвореніе первыхъ потребностей ея жизни и жизни ея семьи.

Мы дошли до причины, которая заставляетъ рабочаго губить и свое, и своего ребенка здоровье и жизнь, а мать—бросать своего ребенка и продавать свое молоко, свою кровь—чужому ребенку: причина эта есть недостатокъ необходимыхъ для существованія средствъ—*бѣдность*. Слѣдовательно бѣдность есть одна изъ причинъ большой смертности населенія Москвы и мы убѣждены, что канализація не уменьшитъ этой причины, слѣдовательно и смертности, а напротивъ увеличитъ эту бѣдность, слѣдовательно и смертность. Почему?—Отвѣтъ на это мы дадимъ послѣ изложенія мѣръ, которыя употребляетъ управление г. Москвы для охраненія ея населенія отъ остро-заразныхъ болѣзней.

Относительно мѣръ для охраненія населенія Москвы отъ остро-заразныхъ болѣзней Москва такъ же непохожа на цивилизованные города, какъ она оказалась непохожею и въ выше приведенныхъ нами примѣрахъ. Но, несмотря на положительное несходство мѣръ, употребляемыхъ для охраненія населенія г. Москвы и заграничныхъ городовъ отъ остро-заразныхъ болѣзней, мы укажемъ на эти мѣры для того, чтобы показать, что представители цивилизованныхъ городовъ не считаютъ канализацію за средство противъ остро-заразныхъ болѣзней, а потому въ этихъ городахъ, *вмѣстѣ съ канализаціей*, существуютъ и мѣры, *дѣйствительно охраняющія* населеніе отъ подобныхъ болѣзней.

Въ Англіи при появленіи каждаго остро-заразнаго случая болѣзни, будетъ ли это въ городѣ съ канализаціей, или же безъ нея, предпринимаются приблизительно такія же мѣры, какія указываются нашимъ карантиннымъ уставомъ, съ тѣмъ впрочемъ существеннымъ различіемъ, что у насъ главная цѣль — поимка нарушителей закона, а въ Англіи — недопущеніе до нарушенія. Каждый больной остро-заразною болѣзнию уединяется въ полномъ смыслѣ славы. Если больного нужно положить въ больницу, то онъ помѣщается въ специально-устроенномъ для этого зданіи, куда онъ перевозится въ специально назначенныхъ для этого экипажахъ и пользуется уходомъ специально для этого выбранныхъ лицъ. Если больной остается въ квартирѣ, то она вполнѣ уединяется, а равно и лица, ухаживающія за больнымъ. Помѣщеніе, въ которомъ

былъ больной, всё вещи, платье, мебель, — ну, словомъ, все, что, окружая больного, можетъ поступить въ пользованіе другихъ лицъ не прежде, какъ по уничтоженіи заразнаго начала съ помощью высокой температуры или же дезинфицирующихъ веществъ.

Что же дѣлаетъ управленіе г. Москвы для охраненія ея населенія отъ остро-заразныхъ болѣзней?—На этотъ вопросъ есть отвѣтъ очень простой, но вмѣстѣ съ этимъ и ужасный: ничего. И это не потому, конечно, чтобы въ Москвѣ не было заразныхъ болѣзней, и не потому, чтобы не было условій для ихъ распространенія; напротивъ, существуютъ всевозможныя условія для распространенія всѣхъ возможныхъ остро-заразительныхъ болѣзней и эти болѣзни существуютъ въ Москвѣ безъ всякаго препятствія со стороны ея управленія, какъ будто онѣ получили законное право на безконтрольное существованіе. Для составленія понятія о томъ, какъ велико опустошеніе, производимое остро-заразными болѣзнями въ средѣ населенія Москвы, мы укажемъ на статистическую работу о смертности г. Москвы д-ра Остроглазова, изъ которой видно, что въ продолженіе 1878 года отъ одной натуральной оспы умерло 700 человекъ. Мы признаемъ, что эти семьсотъ человекъ погибли отъ того, что въ Москвѣ нѣтъ даже рационально-устроеннаго оспопрививанія, несмотря на то, что управленію Москвы предоставлено было все необходимое для его устройства. Д-ръ Е. Покровский въ своей работѣ, помещенной въ *Думскихъ Известіяхъ*, доказывалъ необходимость для Москвы рационально-устроеннаго оспопрививанія, на что, по его вычисленію, потребуется расходъ около 10.000 руб. въ годъ. Гласные, познакомившись съ работой д-ра Е. Покровскаго, сошлись, что рационально-устроенное оспопрививаніе необходимо для Москвы, но что устроить его нельзя за неимѣніемъ средствъ. Въ нашей работѣ: «Причины ненормальнаго оспопрививанія въ Россіи» *)—мы обращали вниманіе на то, что сумма въ 10.000 рублей, разложенная на каждаго жителя Москвы, будетъ равняться, при населеніи Москвы въ 700.000 человекъ, 1½ коп. на каждаго, и указывали на волости Московской губерніи, гдѣ собираютъ на оспопрививаніе по три копейки съ души. Для всякаго ясно, что жители Москвы несравненно богаче жителей деревень, а потому если городское управленіе Москвы, стоющее населенію воишь содержаніемъ 500.000 р., и отказало въ затратѣ на каж-

*) *Медицинск. Обзорніе.*

даго жителя полторы копейки для устройства гарантии от такой ужасной болѣзни, какъ натуральная оспа, то причина такого отказа должна заключаться въ непониманіи значенія оспопрививанія, а никакъ не въ недостаткѣ средствъ.

Если управленіе Москвы ничего не дѣлаетъ для предохраненія населенія отъ натуральной оспы, несмотря на то, что оспопрививаніе ввести болѣе нежели легко, то о мѣрахъ для предохраненія отъ другихъ заразныхъ болѣзней не можетъ быть и рѣчи: оно совершенно ихъ игнорируетъ и какъ будто даже не считаетъ себя обязаннымъ сдѣлать что-либо существенно полезное въ этомъ отношеніи. При такомъ ненормально-наивномъ отношеніи къ дѣлу городскихъ представителей, никто не можетъ быть увѣренъ, что тотъ домъ, гдѣ онъ живетъ, то мѣсто, на которомъ онъ сидитъ, не есть фокусъ зараженія. Появляется заразная болѣзнь въ семействѣ и въ немъ часто не только ничего не дѣлается для того, чтобы зараза не распространялась внѣ дома, но даже не предпринимаются никакихъ мѣръ для сохраненія отъ заразы другихъ членовъ семейства. Дѣйствительно, живя въ Москвѣ, невозможно избѣгать заразы, такъ какъ все заражено, поэтому для отца и матери семейства неизвѣстна въ извѣстной степени желать, чтобы ужъ переболѣли все семейные вдругъ. Появляется заразная болѣзнь въ частномъ учебномъ заведеніи и болѣздаго перемѣщаютъ въ номера той или другой гостиницы, гдѣ и во время помѣщенія тамъ болѣздаго, не послѣ его не дѣлается ничего противъ распространенія заразы, а потому почти каждая гостиница содержитъ все яды остро-заразныхъ болѣзней. Не малымъ условіемъ для распространенія заразныхъ болѣзней служатъ различные религиозные обряды, ради которыхъ больныхъ заразными болѣзнями приносятъ въ церковь, и путешествія такого рода больныхъ по больницамъ за медицинскимъ совѣтомъ.

Для желающаго убѣдиться въ томъ, какъ велика возможность для распространенія въ средѣ населенія Москвы остро-заразныхъ болѣзней отъ одного путешествія съ больными въ больницы за пособіемъ, мы советуемъ побывать въ приемной залѣ московской Дѣтской больницы въ часы приема. Въ этой залѣ не рѣдкость увидать около семидесяти больныхъ, явившихся за пособіемъ. Несмотря на то, что совѣты подаютъ больнымъ постоянно два доктора, нѣкоторымъ больнымъ, чтобы дождаться очереди, приходится сидѣть въ этой залѣ два-три часа. Убѣдившись, какъ

лига масса больныхъ, и въ томъ, что эти больные сидятъ рядами, касаются другъ друга и дышатъ однимъ и тѣмъ же воздухомъ, мы совѣтуемъ, кто желаетъ узнать, суть дѣла, заглянуть въ приемныя книги, въ которыхъ отмѣчается адресъ больного и вѣдѣнія его болѣзни. Изъ этихъ книгъ онъ узнаетъ, что больные являются со всѣхъ концовъ Москвы и со всѣми возможными болѣзнями, что въ общей залѣ, въ средѣ больныхъ, страдающихъ незаразными болѣзнями, были и больные оспой, скарлатиной, дифтеритомъ и проч. Послѣ этого не трудно убѣдиться, что въ Москвѣ и самая помощь для больныхъ устроена такъ, что больной вмѣсто помощи отъ легкой болѣзни имѣетъ много даныхъ заболѣть остро-заразною болѣзнию, которая и приведетъ его къ смерти.

Для совершенно вѣрнаго сужденія о томъ попеченіи, которое называется управленіе Москвы дѣлу охраненія здоровья и жизни населенія отъ остро-заразныхъ болѣзней, мы посовѣтуемъ осмотрѣть и заразительное (контагиозное отдѣленіе) той же больницы. Отдѣленіе это, состоящее изъ длиннаго каменнаго зданія, сообщающагося корридорами съ общею больницей, служитъ довольно частымъ источникомъ зараженія остро-заразными болѣзнями больныхъ, находящихся въ Дѣтской больницѣ. При входѣ въ заразительное, отдѣленіе вы увидите длинный корридоръ, одна сторона котораго выходитъ окномъ въ садъ, а другая имѣетъ двери, ведущія въ палаты заразно-больныхъ. Проходя корридоромъ, вы увидите надъ дверями надписи: оспа, корь, скарлатина, — этими надписями обозначаются палаты, въ которыя и помещаются больные соответственно формѣ остро-заразной болѣзни. Указанное устройство показываетъ, что всѣ отдѣленія остро-заразныхъ болѣзней имѣютъ между собой почти непосредственную связь и что при такомъ устройствѣ невозможно что-либо сдѣлать для предупрежденія зараженія. Поэтому очень часто случается, что больной, поступивши въ больницу съ одною болѣзнию, напримѣръ съ корью, послѣ перенесенія этой болѣзни заболѣваетъ другою, напримѣръ скарлатиной. Не особенно рѣдко бываетъ, что больной, перенесши и вторую болѣзнь, заболѣваетъ третьей, оспой, которая, наконецъ, и убиваетъ его. Вообще для больного, попавшаго въ это отдѣленіе, есть очень много шансовъ, чтобы не выйти изъ него вовсе; въ больничномъ вѣдѣніи это отдѣленіе называется *морильникомъ*. Администрація больницы обращалась къ управленію Москвы съ указаніемъ описанныхъ нами неудобствъ и вмѣ-

ствѣ съ этимъ съ просьбой оказать больницѣ пособіе, такъ какъ у нея нѣтъ средствъ для цѣлесообразнаго переустройства контактно-гигіеннаго отдѣленія, но со стороны города пока еще не сдѣлано ничего, для уничтоженія вопиющаго зла, несмотря на то, что времени со дня предъявленія просьбы прошло очень много.

Указавши, что въ Москвѣ не предпринимается никакихъ мѣръ противъ распространенія остро-заразныхъ болѣзней и что въ ней есть всѣ условія для безконечнаго ихъ развитія, мы съ увѣренностью можемъ сказать, что канализація гор. Москвы не въ силахъ будетъ уничтожить и этой причины, увеличивающей смертность ея населенія.

Если мы съ увѣренностью высказали мнѣніе, что эта канализація не въ силахъ будетъ уничтожить указанныхъ причинъ, то съ такою же увѣренностью можемъ сказать, что она, при существованіи этихъ и многихъ другихъ причинъ, увеличитъ даже смертность населенія.

Мы указывали, что основаніе всѣхъ этихъ причинъ находится въ недостаткѣ средствъ, въ бѣдности.

Принимая указанныя нами причины за вѣрныя, мы съ убѣжденіемъ можемъ сказать, что отъ затраты 20.000.000 рублей на устройство канализаціи причины эти не уничтожатся, а увеличатся какъ для населенія гор. Москвы, такъ и для ея представителей. Затраченные 20.000.000 рублей на устройство канализаціи потребуютъ суммъ и для уплаты процентовъ, и для погашенія капитала, а суммы эти могутъ быть получены только новымъ обложеніемъ всего необходимаго для жизни, слѣдовательно новымъ вздорожаніемъ, а стало-быть и болѣе сильною бѣдностью и смертностью.

Управленіе гор. Москвы отъ затраты 20.000.000 рублей не получитъ лишнихъ 10.000 рублей, необходимыхъ на устройство оспопрививанія, или суммъ нужныхъ на переустройство Дѣтской больницы.

Самымъ вѣрнымъ указателемъ состоянія народнаго здоровья служитъ смертность этого народа, которая, кромѣ прямаго указанія на степень его болѣзненности, говоритъ и о свойствѣ тѣхъ гигиеническихъ условій, при которыхъ слагается жизнь этого народа. Узнавши смертность и гигиеническія условія населенія, мы ясно увидимъ, есть ли какое-либо рациональное основаніе рассчитывать, что задача охраненія народнаго здоровья можетъ быть цѣлесообразно разрѣшена при помощи только одной терапіи, или

не быть. Беликъ оказалось, что смертность населения не только превосходит смертность, признанную за нормальную, но что такой смертности нигдѣ между цивилизованными народами не встрѣчается, — еслибы было доказано, что противогигіеническія условия настолько велики, что они, исключая возможность здоровой жизни, не только производятъ поразжающую смертность населения, но и уменьшаютъ истинно-человѣческія, какъ физическія, такъ и нравственныя, свойства этого населения, то такія явленія прямо бы указывали на нерациональность терапевтическихъ мѣръ въ дѣлѣ охраненія здоровья такого населения. Смертность населения Россіи, по документамъ за 1877 годъ, равняется 3,25%.

Мы не будемъ приводить цифръ, указывающихъ смертность въ другихъ государствахъ, для сравненія съ нашей смертностью, потому что дѣль наша — указать основанія для составленія вѣрнаго понятія о состояніи народнаго здоровья — можетъ быть достигнута указаціями на мѣстныя, изложенныя въ отчетѣ медицинскаго департамента, за 1877 годъ.

Отчетъ медицинскаго департамента, указавши, что изъ 1.400.000 мальчиковъ, родившихся въ 1855 году, черезъ 20 лѣтъ, въ 1876 году, осталось въ живыхъ только 610.000, или 43,5%, — указываетъ относительно общей смертности въ Россіи, что смертность эта только въ дѣтскихъ возрастныхъ годахъ приближается къ общей смертности въ странахъ, благопріятствуемыхъ климатическими и общественными условіями.

Такое замечаніе медицинскаго департамента, что смертность Россіи въ 3,25% больше смертности другихъ цивилизованныхъ государствъ, мы считаемъ для нашей цѣли вполне достаточнымъ.

Указанный отчетомъ медицинскаго департамента процентъ 3,25 смертности относится до восточнаго населенія, которое, какъ известно, состоитъ изъ различныхъ народностей, съ собственными каждой изъ нихъ различными условіями жизни, имѣющими различное значеніе для здоровья и жизни этихъ народностей. Въ виду различія въ условіяхъ жизни народностей, входящихъ въ составъ населенія Россіи, выставленный процентъ 3,25 смертности не можетъ быть общимъ для всѣхъ народностей и несравненно большимъ процентъ этотъ вычисляется для мѣстностей съ преимущественно русскимъ населеніемъ. Для составленія понятія о дѣйствительной смертности русскаго населенія, мы возьмемъ процентную смертность 21, преимущественно центральныхъ губерній, гдѣ живетъ по преимуществу русское населеніе. По отчету медицинскаго де-

партамента, центральныя губерніи представляли въ 1877 г. слѣдующіе проценты смертности: Владимірская 4,41%, Воронежская 3,51%, Казанская 3,79%, Вострошская 3,94%, Курянская 3,27%, Московская 4,37%, Нижегородская 4,45%, Новгородская 3,39, Оренбургская 5,16%, Орловская 4,05%, Пензенская 4,3%, Пермская 5,07%, Рязанская 3,67%, Самарская 4,58%, С.-Петербургская 3,94%, Саратовская 3,95%, Симбирская 4,10%, Тверская 3,79%, Тульская 3,98%, Тамбовская 3,25 и Ярославская 3,45%. Въ общей сложности процентъ смертности указанныхъ нами двадцати одной губерніи равняется 4,07%. Процентъ общей смертности въ Россіи 3,25 произошелъ отъ того, что окраины Россіи, населенныя другими народностями представляютъ меньшую смертность; Буриандская, напримѣръ, губернія имѣетъ только 2,02% смертности. Даже населенія мѣстностей съ невыгодными климатическими условіями представляютъ несравненно меньшій процентъ смертности: такъ, напримѣръ, Ахалгельская губернія имѣетъ 2,78% смертности, Астраханская 2,68%.

Но и указанный нами процентъ смертности, для двадцати одной губерніи, въ 4,07 невозможно принять за вѣрный, — въ дѣйствительности русское населеніе должно дать большій процентъ. Основаніе для такого положенія находится въ томъ, что въ общее число населенія каждой губерніи, не отношенію къ которому опредѣляется процентъ смертности, входитъ большое число иже евреевъ, поляковъ и лицъ другихъ національностей, которыя, въ правахъ цивилизаторовъ Русской земли, разсеваются по всей ея лицу. Если мѣстности, населенныя почти исключительно иже иже, еврейскими и польскими народностями, представляютъ несравненно меньшій процентъ смертности сравнительно съ русскимъ населеніемъ, то, помѣщаясь въ средѣ русскаго населенія въ болѣе выгодныя, какъ цивилизаторы, экономическія условія, выходцы эти должны дать еще меньшій процентъ смертности. Это должно вліять на уменьшеніе числа, выражающаго процентъ дѣйствительной смертности русскаго населенія. Поэтому не надо быть большой погрѣшности, если мы примемъ, что процентъ смертности центральныхъ нашихъ губерніи среди собственно русскаго населенія не 4,07, а 5%. Указанный нами процентъ смертности русскаго населенія слишкомъ въ два раза больше процентъ смертности Англій (2,1%), и разнаго ему нѣтъ между населеніями существующихъ въ настоящее время цивилизованныхъ

ударствъ. Выше мы говорили, что здоровье и продолжительность жизни лицъ общества находятся въ прямомъ отношеніи къ тѣмъ гигиеническимъ условіямъ, при которыхъ живетъ извѣстное лицо, общество, и, основываясь на этомъ, мы имѣемъ полное право сказать, что при смертности русскаго населенія въ 5% условія его жизни очень вредны. Но процентъ смертности населенія, кромѣ указанія на свойство гигиеническихъ условій, служитъ также основаніемъ для сужденія о степени здоровья этого населенія, ибо, зная процентъ смертности, мы имѣемъ основаніе приблизительно вѣрно знать и число больныхъ, бывающихъ въ средѣ этого населенія. Последнее обстоятельство, т. е. возможность составить, на основаніи процента смертности населенія, понятіе объ общемъ состояніи здоровья этого населенія,—мы находимъ чрезвычайно важнымъ, потому что все, что окружаетъ человѣка, общество, вся степень ихъ благосостоянія вполнѣ зависятъ отъ него, насколько лицо, общество—здоровы. Только здоровое население есть населеніе богатое, а населеніе больное есть населеніе бѣдное, нищенское. Мы видимъ здѣсь, что гигиеническія условія населенія, кромѣ непосредственнаго вліянія на здоровье населенія, имѣютъ прямую связь съ экономическимъ бытомъ населенія. Поэтому, имѣя въ виду, что процентъ смертности русскаго населенія равняется пяти, мы стараемся, на основаніи этого процента, уяснить состояніе здоровья русскаго населенія.

Для этого мы воспользуемся отчетомъ медицинскаго департамента, въ которомъ указано, что общій процентъ смертности больныхъ, лѣчимыхъ въ *больницахъ* нашего отечества, равняется 6,6. Въ настоящее время не подлежитъ никакому сомнѣнію, что процентъ смертности больныхъ, лѣчимыхъ въ больницахъ, больше значительно больше процента смертности больныхъ, лѣчимыхъ въ частныхъ домахъ. Такое явленіе наблюдается въ больницахъ съ самымъ рациональнымъ устройствомъ и при самомъ внимательномъ къ нимъ отношеніи, что неособенно часто мы можемъ встрѣтить въ нашихъ больницахъ. Поэтому процентъ 6,6 смертности больныхъ, лѣчившихся въ больницахъ, можетъ быть пониженъ на одну, на полтора процента; то-есть, еслибы эти больные пользовались внѣ больницъ, то процентъ ихъ смертности былъ бы не 6,6, а приблизительно 5, или равнялся бы проценту смертности русскаго населенія 21-й губерніи. Какъ странно признать, что смертность русскаго населенія равна смертности больничной; но изъ того же отчета мы видимъ, что

въ нашихъ губерніяхъ: въ Витебской, Екатеринославской, Венской, Костромской, Орловской и Рязанской—и въ двухъ градоначальствахъ процентъ больничной смертности меньше 5. Основаніи сказаннаго мы видимъ, что общая смертность населенія 21-й губерніи не только равна общей больничной смертности нашего отечества, но даже превосходить больничную смертность значительнаго числа больницъ. Основываясь на томъ, что извѣстная процентная смертность получается съ извѣстнаго числа больныхъ, мы, узнавши, что смертность русскаго населенія равна больничной, имѣемъ полное право сказать, что населеніе, дающее такой процентъ смертности, есть населеніе больничное.

Сдѣланный нами выводъ мы считаемъ чрезвычайно важнымъ, онъ указываетъ, что отъ больничнаго населенія невозможно ожидать ни труда, ни энергии, ни выносливости здороваго населенія, а зная это, для общества сдѣлается яснымъ, какъ для насъ важно, чтобы населеніе его было здорово.

Хотя отчетъ медицинскаго департамента за 1877 годъ и говоритъ, что больныхъ въ этомъ году было 3.619.049, и же 4,5%, но такой цифрѣ невозможно дать никакого значенія болѣзненности населенія, такъ какъ эта болѣзненность превышаетъ указанную отчетомъ же смертность населенія только на 1,25%, а это невозможно. Если мы возьмемъ общую сумму умшихъ въ 1877 году, которая при 3,25% съ 80.000.000 населенія должна приблизительно равняться 2.600.000, то для получения ея при 5% смертности больныхъ, послѣднихъ должно было быть больше—5.000.000. Следовательно цифра отчета количества больныхъ, бывшихъ въ 1877 году, указываетъ, что только такое число пользовалось медицинскою помощію, а въ какихъ условіяхъ страдали и умирали остальные десятки миліоновъ русскаго населенія, остается неизвѣстнымъ.

Наше положеніе, что состояніе здоровья русскаго населенія есть состояніе здоровья населенія больничнаго, подтверждается кромѣ процента смертности, и другими фактами.

Въ отчетѣ, цифрами котораго мы пользуемся, значитно, что въ Московской губерніи въ продолженіе 1877 года обращалось за помощію къ врачамъ 498.870 человекъ, или 26,7% всего населенія.

Какъ ни велико показанное число больныхъ, но и оно не можетъ быть признано за дѣйствительное выраженіе болѣзненности Московской губерніи. На съѣздѣ земскихъ врачей Московскіе

берни, бывшемъ въ 1878 году, было заявлено, что земскіе врачи, при всемъ ихъ самоотверженіи, не въ силахъ удовлетворить ихъ, требующихъ отъ нихъ помощи; слѣдовательно, известное число больныхъ, какъ не получившее медицинскаго пособія, не вошло въ общую сумму, указывающую болѣзненность Московской губерніи. Кроме этого значительное число не могло попасть въ общее число больныхъ Московской губерніи и потому, что Московской губерніи относительно много врачей, которые, оказывая пособіе больнымъ населенію, не сообщаютъ куда слѣдуетъ числѣ оказанныхъ пособій. Немалое вліяніе имѣеть на уменьшеніе цифры, официально указывающей болѣзненность Московской губерніи, и то, что русскій человѣкъ считаетъ себя больнымъ только тогда, когда онъ не въ силахъ работать, равно и то, что худшее оредетель и относительно дальнія разстоянія дѣлають, въ некоторыхъ случаяхъ, полученіе медицинскаго пособія невозможнымъ. Изложенныя нами данныя даютъ основаніе сказать, что сдѣланный нами, на основаніи процента смертности русскаго населенія, выводъ, что такое населеніе состоитъ изъ большей части больныхъ, подтверждается болѣзненностью населенія Московской губерніи.

Въ такому же выводу мы придемъ и при оцѣнкѣ слѣдующаго года. Отчетъ медицинскаго департамента указываетъ, что при числѣ 280.000 молодыхъ людей, родившихся въ 1855 году, оказалось 50.000 страдающихъ различными недугами. Двадцатилѣтній возрастъ человѣка есть самый здоровый и если на населеніе дасть въ этомъ возрастѣ около 18% больныхъ, страдающихъ хроническими, болшею частью неизлѣчимыми, болѣзнями, населеніе другихъ возрастовъ, вмѣстѣ съ острыми болѣзнями, можно дать несравненно болший процентъ болѣзненности.

Мы думаемъ, что приведенныхъ нами данныхъ достаточно для заключенія въ томъ, что болшая часть нашего населенія состоитъ изъ больныхъ. Указанныя нами болѣзненность и смертность имѣють тѣмъ болѣе правъ на серьезное къ нимъ вниманіе русскаго общества, что 1877 годъ, цифрами отчета за который мы пользуемся, не представлялся исключительнымъ, а потому болѣзненность и смертность населенія въ этомъ году должны быть признаны за прямыя послѣдствія тѣхъ бытовыхъ условій, при которыхъ находится наше населеніе.

Если же обратимъ вниманіе на тѣ условія, которыя производятъ сильную болѣзненность и смертность русскаго населенія,

то мы должны будем придти къ убѣжденію, что онѣ должны постепенно увеличиваться, такъ какъ для этого есть всѣ шансы.

Для доказательства мы обратимъ вниманіе на нѣкоторыя изъ главныхъ причинъ болѣзненности и смертности нашего населенія и на то отношеніе, которое существуетъ у представителей самаго управленія къ этимъ причинамъ.

Одними изъ главныхъ причинъ нашей болѣзненности и смертности безспорно должны быть признаны остро-заразные болѣзни и тѣ противогигіеническія условія, при которыхъ живетъ русское населеніе.

Изъ упомянутаго отчета мы видимъ, что въ продолженіе этого года умерло отъ остро-заразныхъ болѣзней 211.930 человѣкъ и, несмотря на это, какъ тогда, такъ и теперь противъ этихъ болѣзней ничего существеннаго не предпринято и не предпринимается. Общее свойство заразныхъ болѣзней то, что вещество производящее зараженіе, долго сохраняетъ свою силу и способность заражать послѣ того, какъ больной выздоровѣлъ или умеръ. Поэтому если не бываютъ приняты рациональныя мѣры противъ единично - обнаружившагося остро-заразнаго случая, то одного его будетъ достаточно для зараженія и вымиранія громаднаго числа жителей. Каждый единичный случай остро-заразной болѣзни и легко и безъ затраты большихъ средствъ можетъ быть сдѣланъ безвреднымъ для общества, но это можетъ быть сдѣлано при томъ же прежнему условіи, чтобъ этимъ отдѣломъ завѣдывали лица, понимающія значеніе этихъ болѣзней. Но, какъ мы уже говорили выше, этого-то у насъ и нѣтъ. Каждый подобный случай имѣетъ у насъ всѣ данныя для безконечнаго развитія, и исторія развитія дифтерита наглядно подтверждаетъ справедливость высказаннаго. Въ приводимомъ нами отчетѣ значитса, что въ 1876 году больныхъ дифтеритомъ было 25.786 человѣкъ, изъ которыхъ умерло 8.563 въ 1877 году больныхъ уже было 46.136 человѣкъ и изъ нихъ умерло 18.696. Изъ приведеннаго мы видимъ, какъ распространяется заразная болѣзнь, если противъ нея не приняты рациональныя мѣры; въ продолженіе одного года число зараженныхъ дифтеритомъ почти удвоилось. Но самое важное въ этомъ случаѣ состоитъ въ указаніи постепеннаго, ровнаго хода развитія дифтерита. Отчетъ медицинскаго департамента за 1877 годъ указываетъ, что въ Бессарабской губерніи дифтеритъ существуетъ седьмой годъ и въ Таврической губерніи четвертый годъ и, постепенно распространяясь отъ юга къ сѣверу, опустошаетъ въ настоящее время

не весь юг и большую часть средней Россіи, не исключая и юскы. Нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что условіе, въ му котораго дифтеритъ достигъ такихъ размѣровъ, находится въ томъ, что противъ него своевременно не были предприняты національными мѣры. Въ продолженіе десяти лѣтъ охранители народного здоровья не считали себя обязанными сдѣлать что-либо существенное противъ распространенія этой болѣзни и только вперь, когда она распространилась почти на половину Россіи, вѣдавши милліоны фокусовъ зараженія, они нашли нужнымъ предпринять борьбу съ нею. Зная, что результатъ начатой борьбы съ дифтеритомъ выражается въ настоящее время только тѣмъ, во вѣсть съ десятками тысячъ погибшихъ отъ дифтерита дѣталь сканываются въ землю сотни тысячъ рублей, употребляемыхъ на борьбу противъ него, — мы отказываемся сказать свое мнѣніе о конечномъ результатѣ этой борьбы; но уважанное нами отношеніе охранителей народнаго здоровья къ постепенному ходу дифтерита есть право сказать, что при настоящемъ устройствѣ нашего санитарнаго отдѣла каждая появляющаяся остро-заразная болѣзнь имѣетъ всѣ шансы на безконечное развитіе. Еслибы мы не знали, во что происходитъ вслѣдствіе недониманія свойствъ заразныхъ болѣзней, то мы имѣли бы полное право сказать, что наши земліе дѣтели стремятся не къ сбереженію народнаго здоровья, а въ его уничтоженію.

Для доказательства, что болѣзненность и смертность населенія мыны, при существующемъ порядкѣ вещей, постепенно увеличиваться, мы уважемъ на развитіе въ средѣ нашего населенія другой болѣзни, сифилиса. Каждому извѣстно, что эта болѣзнь болѣе опасна, нежели самый дифтеритъ, потому что, разь поразивши мнѣжна, она не только дѣлаетъ его самого и физически, и нравственно больнымъ, но переходитъ и на потомство этого человѣка. Изъ отчета медицинскаго департамента за 1877 годъ видно, во въ продолженіе этого года было 272,867 лицъ больныхъ сифилисомъ. Насколько эта болѣзнь идетъ прогрессивно впередъ, видно изъ того, что въ продолженіе одного 1877 года вновь записалось сифилисомъ 75,588 человекъ. Указавши приведенныя нами цифры, отчетъ медицинскаго департамента замѣчаетъ, что цифры эти не выражаютъ дѣйствительнаго числа больныхъ этою болѣзнію; мы съ своей стороны прибавимъ, что эти цифры такъ же выражаютъ истинное число больныхъ, какъ и указанный отчетомъ процентъ болѣзненности населенія (4,5%) вообще. Хотя

мы не имѣемъ данныхъ для того, чтобъ указать, даже приближительно, дѣйствительное число больныхъ этою болѣзнию, но съ увѣренностью можно принять, что послѣднее во много разъ превышаетъ указанное. Мы думаемъ такъ потому, что у насъ есть много мѣстностей, население которыхъ почти поголовно заражено сифилисомъ. Сифилису, какъ и остро-заразнымъ болѣзнями предоставлено полное право для безпощаднаго развитія. Правды противъ распространенія сифилиса предпринимаютъ мѣры, относительно дорого стоящія, но результатъ этихъ мѣръ для общественной жизни одинаковъ съ мѣрами противъ дифтерита. Мы могли бы указать и на другія болѣзни, которыя, постепенно увеличиваясь, будутъ производить все большую и большую болѣзненность и смертность русскаго населенія, но и приведеннымъ уже нами кажется достаточно для заключенія, что болѣзненность и смертность населенія должны возрастать.

Изъ условій жизни нашего населенія мы остановились на ея лицахъ и помѣщеніи. Приблизительное знакомство съ этими условіями убѣдитъ каждаго, что условія эти производятъ громадную болѣзненность и смертность и что продолжительное ихъ дѣйствіе на массу населенія должно создавать тѣ нравственныя и физическія особенности русскаго человѣка, которыя должны быть признаны за ненормально-болѣзненные.

Трудно повѣрить, чтобы Россія, обладая неизмѣримыми пространствами земель, раскинувшихся по всемъ климатамъ, и снабжая хлѣбомъ западныя государства, находится въ такомъ положеніи, что ея собственное населеніе страдаетъ отъ недостатка хлѣба, что оно болѣетъ и умираетъ отъ несоотвѣтствующаго питанія — отъ голода, а между тѣмъ это несомнѣнный фактъ. Основанія для высказаннаго нами положенія мы находимъ какъ въ существующей, въ настоящее время, дороговизнѣ на всѣ пищевыя вещества, которая заставляетъ большинство населенія думать о возможности прожить слѣдующій день, такъ и въ отчетѣ медицинскаго департамента за 1877 годъ. По поводу рриваваго поноса отчетъ этотъ, между прочимъ, говоритъ, что слухное молоко и обильное всякими діатическими погрѣшностями питаніе дѣтей рабочаго населенія составляетъ одну изъ главныхъ причинъ смертности дѣтскаго возраста. Господинъ министръ внутреннихъ дѣлъ циркуляромъ, изданнымъ, если не ошибаюсь, въ 1876 году, указывалъ, что причина вымирания дѣтей находится въ недостаткѣ коровьяго молока.

Брѣшъ приведенныхъ официальныхъ доказательствъ, что недостатокъ соответствующей пищи, то-есть покросту голодъ, мучить причинами заболѣванія и вымиранія дѣтскаго населенія Россіи, мы укажемъ еще на почтенный трудъ протоіерей Гиларовскаго: — «Санитаріи изслѣдованія Новгородской губерніи», въ которомъ онъ указываетъ на ту же причину и описываетъ способъ кормленія грудныхъ дѣтей. Мы приведемъ этотъ способъ кормленія, такъ какъ онъ указываетъ прямо, но именно и почему замѣняетъ для груднаго ребенка грудь матери, и вмѣстѣ съ тѣмъ служитъ для объясненія извѣстныхъ явленій нашей общественной жизни. Въ страдную пору, — говоритъ протоіерей Гиларовскій, — всѣ способные къ работѣ сельскіе жители уходятъ на работы, оставляя дѣтей запертыми дома. Для предупрежденія смерти отъ голода грудныхъ дѣтей, употребляютъ способъ, который по своей простотѣ и ужасности не бы примѣняться въ любой дикой, не имѣющей никакого понятія о человѣчности, странѣ: Сдѣлавши изъ чернаго нажеваннаго хлѣба соски привязываются къ рукамъ и ногамъ ребенка въ томъ соображеніи, что ребенокъ, валяясь по полу и поднося ко рту руки и ноги, положитъ себѣ въ ротъ соску, которую и будетъ сосать. Мы не позволимъ себѣ входить въ нравственную оцѣнку такого явленія, совершающагося въ средѣ общества, претендующаго на принадлежность къ цивилизованнымъ націямъ, но воспользуемся имъ для объясненія одного изъ явленій нашей общественной жизни. Докторъ Осиновъ, въ своей работѣ — «Сборникъ статистическихъ свѣдѣній по Московской губерніи» — указываетъ, что въ Россіи, за исключеніемъ ея Западнаго края, въ июль и августъ мѣсяцахъ сильно увеличивается дѣтская смертность. Намъ кажется; что способъ питанія грудныхъ дѣтей Новгородской губерніи, описанный протоіереемъ Гиларовскимъ, и близко къ нему подходящий способъ кормленія грудныхъ дѣтей Московской губерніи, описанный докторомъ Песковымъ, дѣлаютъ вполне понятнымъ, почему именно въ страдную пору особенно сильно обнаруживается дѣтская смертность.

Въ отдѣлѣ отчета медицинскаго департамента за 1877 г. — о тифѣ — говорится, что между причинами развитія тифа въ большихъ размѣрахъ въ 1877 году были неурожаи, безкормица и голодъ. Вообще большая часть нашего населенія, какъ приходилось намъ самимъ узнавать, употребляетъ малопитательную пищу, и временами положительно неудобоваримую, состоя-

щую изъ древесной коры и мякны съ незначительною примѣсью муки. Такой хлѣбъ, присланный изъ разныхъ мѣстъ нашего отечества, находился въ помѣщеніи антропологической выставки. На видъ такой хлѣбъ представляется массою высушеннаго навоза, приготовленъ онъ изъ мякны съ примѣсью количества муки, необходимаго для соединенія мякны въ одну массу. Съ большою вѣроятностію можно сказать, что такой хлѣбъ не будетъ есть даже нѣмецкая свинья, и между тѣмъ имъ-то питается извѣстная часть нашего населенія, и не потому конечно, какъ увѣряли нѣкоторые нравственные циники, что она не находитъ вкуса въ чистомъ хлѣбѣ, а потому, что на покупку послѣдняго не хватаетъ средствъ; само собою разумѣется, о болѣе питательной и, слѣдовательно, болѣе дорогой пищѣ не можетъ быть и рѣчи. Поэтому съ увѣренностію можно сказать, что громадная масса нашего населенія ѣстъ мясную пищу не болѣе двухъ-трехъ разъ въ годъ. Извѣстно, что у большинства нашего крестьянскаго населенія своего хлѣба достаетъ только до декабря, или января мѣсяца, а послѣ этого населеніе должно покупать хлѣбъ. При отсутствіи же въ зимнее время заработковъ, а слѣдовательно и средствъ, населеніе должно бываетъ питаться, вмѣсто хлѣба, вышеупомянутыми нами веществами.

При изложенномъ нами способѣ житанія невыслимо, чтобы было дѣйствительное здоровье у лицъ, имѣющихъ такое питаніе. Помѣщенія, въ которыхъ живетъ большая часть русскаго населенія, должны быть извѣстны многимъ, а желающимъ познакомиться съ ними поближе мы укажемъ на подробныя описанія жилищъ населенія Московскаго уѣзда, составленныя д—ромъ Песковымъ. Большею частію помѣщенія эти состоятъ изъ восьми-девяти аршиннаго въ квадратѣ дома, съ трехъ-аршинною высотой, въ которомъ живетъ семья, состоящая изъ шести-восьми человекъ. Въ этомъ домѣ находится большая русская печь, занимающая приблизительно восьмую часть всего помѣщенія; земляной полъ, съ вырытой въ немъ ямой для храненія зимняго продовольствія: семьи картофеля, кислой капусты, — и небольшое, около полуаршина въ квадратѣ, окно, которымъ освѣщается это помѣщеніе. Вентиляціи въ такихъ помѣщеніяхъ нѣтъ никакой, несмотря на то, что въ этомъ же помѣщеніи находится, въ зимнее время, мелкій скотъ: ягнята, телята, поросята. Въ такомъ-то тѣсномъ, темномъ, грязномъ и вонючемъ помѣщеніи семья проводитъ зимнее время, время безкормицы. Не можетъ быть на малѣйшаго сомнѣнія въ

номъ, что такое помѣщеніе, такой воздухъ губительно дѣйствуютъ на здоровье и жизнь обитателей и что громадная смертность населенія, производимая чахоткой и хроническимъ воспаленіемъ легкихъ, должна быть всецѣло приписана жилищамъ и ихъ воздуху.

Прежде изложенія фактовъ, указывающихъ, что ненормальный воздухъ и пища пагубно повліяли какъ на физическія, такъ и на нравственныя качества нашего населенія, мы остановимся на уясненіи нѣкоторыхъ явленій нашей общественной жизни, которыя если не совершенно противорѣчатъ высказаннымъ нами положеніямъ, то повидимому далеко съ ними не согласны. Докторъ Осиповъ, въ своемъ «Сборникѣ статистическихъ свѣдѣній по Московской губерніи», указываетъ, что зимніе мѣсяцы, т. е. мѣсяцы безкормицы и отравленія испорченнымъ воздухомъ, являются самыми благоприятными для населенія относительно уменьшенія смертности и что, напротивъ, смертность населенія значительно увеличивается въ апрѣлѣ и маѣ мѣсяцахъ, когда становится тепло и когда, слѣдовательно, населеніе получаетъ возможность дышать теплымъ воздухомъ. Весеннее новышеніе смертности найдено докторомъ Осиповымъ постоянно повторяющимся за весь восьмилѣтній періодъ времени, относительно котораго производился его изслѣдованіе. И что особенно замѣчательно, такъ это то, что какъ въ лѣтніе мѣсяцы вымираютъ только дѣти, такъ въ весеннее время увеличеніе смертности происходитъ на счетъ исключительно взрослога населенія. Констатируя фактъ весенняго вымирания взрослога населенія, докторъ Осиповъ высказалъ, что постоянное повтореніе такого явленія указываетъ постоянно на существующія причины, производящія такія явленія, но уясненіе самыхъ причинъ онъ предоставилъ будущему. Считаая этотъ фактъ не доказаннымъ, мы не можемъ не обратить вниманія на слѣдующій фактъ, который, по нашему мнѣнію, если не вполне уясняетъ причину нашего весенняго вымирания, то, во всякомъ случаѣ, имѣетъ основаніе быть принятымъ въ соображеніе при уясненіи этой причины.

Профессоръ Лидсъ, въ своихъ лекціяхъ («О провѣтриваніи жилищъ помѣщеній»), читанныхъ имъ во Франклинскомъ институтѣ, въ Филадельфіи (переводъ профес. Доброславина, С.-Петербургъ 1874 года), обращалъ вниманіе слушателей на то, что сила чело-вѣка и способность къ дѣятельности соотвѣтствуютъ нормально-сти или ненормальности его питанія, а питаніе зависитъ отъ свойства того воздуха, которымъ чело-вѣкъ дышетъ. Если воз-

духъ, которымъ дышетъ человекъ, чистъ, то всѣ физиологическіе его процессы совершаются нормально; обменъ веществъ организма происходитъ быстро, а потому для восстановления матеріала, затраченнаго организмомъ, необходима въ извѣстномъ количествѣ здоровая пища. Мы не можемъ не указать на фактъ, подтверждающій выводъ вѣрность высказаннаго. Англійскіе фабричныя рабочіе потребовали прибавки къ своему заработку послѣ того, какъ введена была въ 1840 году на фабрикахъ вентиляция; основаніе для прибавки находили въ томъ, что послѣ устройства вентиляции имъ, рабочимъ, потребовалось употреблять больше пищи, для необходимаго удовлетворенія ихъ аппетита. Результатъ дышанія чистымъ воздухомъ и нормально совершающихся физиологическихъ процессовъ организма составляютъ сила человека и его способность къ физической и умственной дѣятельности. Если же воздухъ, которымъ дышетъ человекъ, не чистъ, то физиологическіе его процессы совершаются пассивно; матеріалъ организма перерабатывается медленно, а потому человекъ принимаетъ пищи меньше нормальнаго. Результатъ такого состоянія организма выражается въ физической и нравственной слабости человека, а потому и въ малой способности его къ дѣятельности. Для доказательства справедливости своихъ положеній профессоръ Лидсъ производилъ простой, но чрезвычайно-значительный опытъ, указывающій вліяніе чистаго и испорченнаго воздуха на ходъ физиологическихъ процессовъ въ животныхъ. Профессоръ Лидсъ бралъ двѣ мухи и помещалъ ихъ въ отдѣльные стаканы. Одинъ стаканъ наполнялся испорченнымъ отъ дыханія воздухомъ и закрывался такъ, чтобы въ него не проникалъ свѣжій воздухъ; другой стаканъ съ мухой, наполненный чистымъ воздухомъ, закрывался такъ, чтобы воздухъ стакана могъ свободно обмѣниваться съ окружающимъ воздухомъ. Пищи для мухъ не было положено въ стаканы и явления, которыя при этомъ наблюдались, состояли въ слѣдующемъ: муха въ стаканѣ съ чистымъ воздухомъ была дѣятельна, подвижна; муха въ стаканѣ съ испорченнымъ воздухомъ была вяла, малоподвижна. По прошествіи извѣстнаго времени, муха въ стаканѣ съ чистымъ воздухомъ умерла отъ голода, а муха въ испорченномъ воздухѣ осталась жива.

Приведенный нами опытъ профессора Лидсъ надъ мухами, имѣя большое сходство съ условіями жизни русскаго населенія въ зимнее и весеннее время, даетъ возможность для вѣроятнаго

объяснения причины, почему в зимнее время под влиянием и голода, и вдыхания отравленного воздуха уменьшается смертность населения и увеличивается она весной.

Условия жизни известной части нашего населения в зимнее время вполне соответствуют условиям жизни мухи в стакане с искорченным воздухом. Та зловонная, удушливая атмосфера, в которой живет известная часть населения, подавляет отправление всех физиологических процессов и для поддержания слабой, прозябающей его жизни достаточно бывает и того ужасающего хлѣба, о котором мы говорили выше. Но такая жизнь, свойственная в зимнее время известной части нашего населения, не может быть признана за жизнь человека: это—скорѣе своего рода спячка, летарія, которую производит в населении искорченный, отравленный воздух. Грубое нарушение человекомъ законовъ гигиены не остается безъ вредныхъ послѣдствій для его жизни. По окончаніи зимняго времени условия жизни населения измѣняются и дѣлаются тождественными съ тѣми условиями, при которыхъ находилась муха в стаканѣ съ овѣжнимъ воздухомъ. Зимняя голодуха продолжается, но наступившая весна заставляетъ человека оставить для работы, для труда свое зловонное помѣщеніе—свое условіе жизни. Для всехъ въ зиму спящихъ животныхъ, за исключеніемъ только человека, природа готовитъ необходимое для возстановленія затраченныхъ в продолженіе зимней спячки силъ. Только человеку весна приноситъ одинъ трудъ, заставляющій его усиленно вдыхать чистый воздухъ, и этотъ воздухъ, составляющій основаніе всего живущаго, убиваетъ его какъ муху в стаканѣ съ чистымъ воздухомъ. Малолѣтнее населеніе, не обязанное работой на открытомъ воздухѣ, а слѣдовательно не усиленно дышущее чистымъ воздухомъ, не представляетъ весенняго повышенія смертности.

Но зло, причиненное нашему населенію противогигіеническими условиями его жизни, не ограничивается тою массой преждевременно умершихъ, которые своею смертью обуславливаютъ весеннее повышеніе смертности взрослого населенія: оно проявляется также въ ненормальномъ развитіи физическихъ и нравственныхъ свойствъ русскаго народа.

Результаты вліянія на животный организмъ хроническаго голоданія и введенія въ организмъ веществъ, подавляющихъ его жизнедѣтельность, должны быть известны каждому. Результатъ хроническаго голоданія мы видимъ на животныхъ нашего сель-

слаго хозяйства: русскія лошади и коровы малорослы, слабы, а потому они и не приносят той пользы, которую должны были бы приносить, еслибы не было хроническаго голоданія. Результатъ продолжительнаго дѣйствія веществъ, отравляющихъ организмъ, мы видимъ на пьяницахъ, которые совершенно справедливо признаются нравственно-больными. Продолжительное подавленіе нервной системы спиртными напитками производитъ въ нихъ, между прочимъ, и то, что они дѣлаются апатичными къ тому, что возбуждаетъ, волнуется нравственно-здороваго человѣка, и не останавливаются ни передъ чѣмъ, чтобы достать водки для возбужденія ихъ подавленной нервной системы.

Къ несчастію, мы должны признать, что у насъ есть большія основанія, указывающія, что противогигіеническія условія нашего населенія подѣйствовали на него своею совокупною силой, что и выражается съ одной стороны слабымъ, замедленнымъ и болезненнымъ развитіемъ его организма, а съ другой — подавленно-нечеловѣческими проявленіями его нравственныхъ силъ.

Доказательства гибельнаго вліянія противогигіеническихъ условій на физическое развитіе организма мы находимъ въ отчетѣ медицинскаго департамента за 1877 годъ.

Относительно значительнаго числа больныхъ, страдающихъ рахитизмомъ, золотухой, скорбутомъ, проказой и проч., обавзавшихся при рекрутскомъ наборѣ 1876 года, отчетъ медицинскаго департамента говоритъ: «Болезни этихъ молодыхъ людей составляютъ послѣдствія дурныхъ гигиеническихъ условій, при которыхъ они росли въ продолженіе двадцати лѣтъ». Далѣе тотъ же отчетъ, указавши, что на 520.221 челов., принятыхъ въ продолженіе трехъ лѣтъ въ военную службу, оказалось 25,4% съ недостатками и болезнями и 18,1% не имѣющими общихъ признаковъ возмужалости, — замѣчаетъ: «Цифры неспособныхъ къ военной службѣ указываютъ, что недостатки физическаго воспитанія гораздо значительнѣе, чѣмъ можно было ожидать при умѣренныхъ требованіяхъ приѣмныхъ правилъ для военной повинности».

Выставленный нами большой процентъ (18,1%, т.-е. около 90.000) не достигшихъ возмужалости: къ двадцати одному году указываетъ, что въ числѣ условій жизни нашего населенія находятся и такія, которыя препятствуютъ нормальному проявленію физиологическихъ законовъ развитія. Извѣстно, что главныя усло-

нн для нормальнаго развитія организма состоятъ въ соответствующей для него пищѣ и въ чистомъ воздухѣ; поэтому несвоевременное развитіе возмужалости известной части нашего населенія мы должны признать слѣдствіемъ хроническаго голоданія, которое переноситъ известная часть нашего населенія, и испорченнаго воздуха, которымъ оно дышетъ. Въ этому считаемъ нужнымъ прибавить, что каждый можетъ убѣдиться въ совершенной справедливости сказаннаго, обративши вниманіе на русское, особенно молодое, поколѣніе; онъ увидитъ, что большая часть его малоросла, слабо развита физически и безжизненно-блѣдна.

Бромъ физическихъ ненормальностей, выражающихся въ болѣзненномъ или ослабленномъ развитіи организма, вышеозначенныя условія не могли не повліять вредно и на нервную систему, а слѣдовательно и на нравственныя проявленія народной жизни.

Тотъ индифферентизмъ, съ которымъ русскій человѣкъ, говоря вообще, относится къ болѣзни, къ тюрьмѣ, къ ссылкѣ, къ казнѣ и даже къ смерти своей и своихъ ближнихъ, ненормаленъ, нечеловѣченъ. Это — не героизмъ, не философская стойкость, для обнаруженія которыхъ необходимо большое нравственное развитіе, котораго у нашего населенія нѣтъ, а какая-то придавленность, безжизненность и отсутствіе интереса, привншающаго русскаго человѣка къ обществу, къ семьѣ и жизни.

Мы думаемъ, что въ этомъ-то подавленномъ, нравственно-безнадежномъ состояніи должны быть причины, побуждающія русскаго человѣка бросаться на все, что въ силахъ, хотя на короткій промежутокъ времени, оживить его подавленную нервную дѣятельность и, между прочимъ, пить спиртные напитки такъ, какъ онъ ихъ пьетъ.

Статистика показываетъ, что русскій человѣкъ въ общей сложности пьетъ спиртныхъ напитковъ меньше, нежели сколько приходится на каждое отдѣльное лицо въ другихъ государствахъ, но онъ пьетъ до самозабвенія, до уничтоженія своей жизни. Изъ отчета медицинскаго департамента за 1877 годъ мы узнаемъ, что въ продолженіе этого года отравилось водкой 1,04% чловѣка.

Что стремленіе къ употребленію спиртныхъ напитковъ не есть обнаруженіе безнравственности, какъ у насъ обыкновенно смотрятъ на пьянство народа, а составляетъ потребность организма, подавленнаго плохими жизненными условіями; въ доказательство этого мы обратимъ вниманіе на слѣдующее.

Английскій рабочій, бывший идеаломъ пьяницы, перестанъ быть такимъ съ улучшеніемъ его экономическихъ условий:

Араго въ своемъ путешествіи рассказываетъ, что англичане поселившись въ Австраліи, ввели для истребленія туземнаго населения своеобразное пари, выигрышъ котораго состоялъ изъ бутылки рома, а условіе для полученія этого выигрыша разбить черепъ туземца. Два туземца становились одинъ противъ друга: одинъ наклонялъ свою голову, а другой, вооруженный дубиной, старался ударомъ дубины разбить черепъ своего противника. Если ударъ былъ неудаченъ, то роли мѣнялись и игра продолжалась до тѣхъ поръ, пока являлся разбитый черепъ. Если мы оставимъ въ сторонѣ туманно-бездоказательныя метафизическія ученія о природенныхъ будто бы человѣку идеалахъ, которыя будто бы и руководятъ имъ въ обнаруженіи его дѣятельности, то должны будемъ признать, что дикіе народы руководствуются въ обнаруженіи своихъ стремленій возбужденіемъ своего организма, составляющими результатъ питания. Изъ одной самой какъ условій жизни дикихъ народовъ вообще, такъ и въ частности условій ихъ питания мы знаемъ, что пища ихъ болѣе частью растительная; трудно варимая и малопитательная; это и должно производить постоянно угнетенное состояніе организма.

Слунай, рассказанный Араго, указываетъ, какъ сильно бываетъ у человѣка желаніе спиртныхъ напитковъ для произведенія оживленія подавленнаго организма. Если мы взглянемъ на пьянство нашего населенія съ этой точки зрѣнія, то много представляющееся страннымъ, непонятнымъ, сдѣлается яснымъ.

Слѣдя за мотивами, обусловливающими у насъ совершеніе болѣе или менѣе тяжелыхъ преступленій, вѣдущихъ времена на каторжныя работы, мы видимъ, къ несчастію, на нашъ взоръ, что значительная часть изъ нихъ совершается единственно для того, чтобы получить возможность выпить водки до безсознательно-скотскаго состоянія. И въ этомъ-то условіи совершаемаго русскимъ человѣкомъ преступленія должна, между прочимъ, находиться причина такого страннаго явленія въ нашей общественной жизни, что наше населеніе, особенно живущее около Урала, смотритъ на осужденныхъ не какъ на преступниковъ, а какъ на несчастныхъ. Простой нашъ человѣкъ путемъ индукціи пришелъ къ убѣжденію, что осужденный часто не есть олицетвореніе безнравственности; и только несчастія; образованнѣе же нашъ человѣкъ не доросъ еще до того, чтобы дедуктивнымъ

способомъ уяснить, почему населеніе не считаетъ осужденнаго преступникомъ, а только несчастнымъ.

Въ бытность за Ураломъ мы и видѣли, и слышали отъ мѣстныхъ жителей, что въ лѣтнее время являются сотни бѣжавшихъ въ Сибирь, которые нанимались въ работники къ мѣстнымъ жителямъ и своею дѣятельностью нисколько не показывали, что имъ—лицемеріе безнравственности.

Трудно сказать, составляютъ ли указанные нами нравственныя и физическія ненормальности извѣстной части русскаго населенія результатъ наслѣдственности, или же онѣ образуются въ изломѣ отдѣльномъ лицѣ тѣми условіями, при которыхъ складывается его жизнь; но во всякомъ случаѣ необходимо обратить вниманіе на слѣдующее. Профессоръ Негели, въ своей рѣчи о происхожденіи естественно-историческаго вида, указываетъ слѣдующій законъ наслѣдственности: «Извѣстное свойство передается потомкамъ тѣмъ вѣрнѣе и полнѣе, чѣмъ болѣе продолжительное время оно уже унаслѣдовалось».

Мы видѣли, что противогигіеническія условія питанія и дыханія, при которыхъ развивается жизнь извѣстной массы русскаго населенія, не только увеличиваютъ болѣзненность и смертность населенія, но что они повліяли вреднымъ образомъ даже на самое физическое развитіе организма и на нравственные свойства населенія; поэтому мы остановились на уясненіи причины этихъ вредныхъ условій. Вѣрное пониманіе тѣхъ противогигіеническихъ условій, которыя производятъ не только вымирание, а и вырожденіе русскаго населенія, покажетъ, имѣемъ ли мы шансы надѣяться, что эти условія, предоставленныя самимъ нѣбъ, прекратятся, потому что уничтожатся причины, ихъ производящія; или же, напротивъ, они, условія, сдѣлаются хуже, потому что причины, производящія такія условія, сдѣлаются болѣе сильными. Если мы признаемъ, что состояніе народнаго здоровья находится въ прямомъ отношеніи къ свойству тѣхъ гигиеническихъ условій, при которыхъ складывается жизнь народа, а не признавать этого мы не можемъ, то при ухудшеніи гигиеническихъ условій должно сдѣлаться болѣе плохимъ здоровье народа и сильнѣе обнаружиться его вырожденіе.

Причина, почему русское населеніе есть такую массу, о которой мы говорили выше, живетъ въ зловонныхъ помѣщеніяхъ, несетъ непосильный трудъ и, наконецъ, почему матери оставляютъ своихъ дѣтей на произволь случая, чтобъ уйти на работу

или же въ кормилицы къ чужому ребенку, — словомъ, причина на-
ражающей болѣзненности, безпримѣрной смертности и нагляднаго
вырожденія русскаго населенія замѣчается въ его бѣдности. Впо-
слѣдствіи мы увидимъ, что эта же самая бѣдность, не только напо-
мнитъ русское населеніе калѣбками, психопатами, но и должна бытъ
признана за одну изъ главныхъ причинъ шаткой нравственности.

Въ чемъ же причина этой бѣдности: въ ниществѣ, развратѣ
безнравственности? — Нѣтъ, русское населеніе безпримѣрно бѣдно
потому, что оно, какъ мы довели выше, безпримѣрно болѣе
и вымираетъ. Справедливость высказаннаго нами положенія бу-
детъ видна изъ слѣдующаго. Не можетъ быть ни малѣйшаго со-
мнѣнія въ томъ, что богатство народа есть результатъ его тру-
да, — результатъ силъ, обнаруженныхъ въ дѣятельности его про-
изводительными силами. Поэтому чѣмъ болѣе въ народѣ про-
изводительныхъ силъ, тѣмъ этотъ народъ болѣе богатъ, и на
оборотъ: При той громадной смертности, которую имѣетъ наше
населеніе, большая часть его не только не производительна, и
и сама требуетъ большихъ затратъ для поддержанія его беспо-
лезнаго существованія. Для составленія понятія о томъ, какъ
велико у насъ число производительнаго и непроизводительнаго
населенія, остановимся на числѣ родившихся мальчиковъ въ 1851
году и посмотримъ, сколько изъ нихъ осталось въ производи-
тельномъ возрастѣ дѣйствительно полезными членами общества.
Изъ приведенной уже нами выписки отчета медицинскаго депар-
тамента за 1877 годъ мы видимъ, что изъ 1.400.000 мальчи-
ковъ, родившихся въ 1855 году, черезъ 20 лѣтъ, въ 1876 году
осталось въ живыхъ только 610.000.

Цифры эти показываютъ, что больше нежели половина ро-
дившихся умерли въ непроизводительномъ возрастѣ, ничѣмъ и
возвративши народонаселенію ту затрату средствъ, которая была
удѣлена на ихъ содержаніе.

Но и достигшіе производительнаго возраста, далеко не всѣ
являются дѣйствительно производительными членами общества.
Изъ того же отчета, мы видимъ, что изъ оставшихся въ живыхъ
610.000 человекъ 110.000 оказались студентами: отъ хрониче-
скихъ, болѣею частію неизлѣчимыхъ, болѣзней, которыя къ
этому сами требуютъ затратъ отъ общества, на свое содержаніе.
Мы видимъ, что около 100.000 человекъ изъ числа родившихся
въ 1855 году не достигли до двадцати-однолѣтняго возраста воз-
мужалости; слѣдовательно, эти 100.000 слабы, мало-способны

въ производительному труду. Поэтому если мы изъ 610.000 человекъ отчислимъ больныхъ и слабо-развитыхъ; то дѣйствительно производительныхъ останется меньше 400.000. Отнявши отъ этого (400.000) числа большой процентъ лицъ, поступающихъ въ военную службу, и тѣхъ, которые высылаются въ Сибирь, которыми наполнены наши остроги, арестантскія полуроты, смирительные дома и другія мѣста заключенія, и, наконецъ, тѣхъ, которые никогда производительными членами не бываютъ, всякій увидитъ, что число оставшихся дѣйствительно производительными членами изъ 1.400.000 родившихся будетъ очень незначительно, и какъ бы ни былъ неутомимъ трудъ этихъ оставшихся, населеніе никогда не можетъ сдѣлаться богатымъ.

Но и оставшееся незначительное число взрослога населенія не можетъ быть вполнѣ производительнымъ вълѣдствіе выше изложенныхъ условій питания и помѣщенія.

Сила человека, какъ и всякаго животнаго, есть непосредственный результатъ того питания, которымъ онъ пользуется.

Указанная нами причина бѣдности нашего населенія, какъ зависящая вполнѣ отъ его болѣзненности и смертности, будетъ продолжаться и увеличиваться по мѣрѣ увеличиванія болѣзненности и смертности населенія. Но болѣзненность и смертность, какъ мы уже видѣли, есть, между прочимъ, и результатъ плохихъ гигиеническихъ условій — бѣдности; следовательно, если не будутъ предприняты раціональныя мѣры, то бѣдность нашего населенія будетъ продолжаться до тѣхъ поръ, пока будутъ существовать безпримѣрныя болѣзненность и смертность; а эти послѣднія не кончатся до тѣхъ поръ, пока у насъ будетъ существовать безпримѣрная бѣдность. Въ бѣдности русскаго населенія находится, какъ мы уже говорили выше, причина того, что мать оставляетъ своего груднаго ребенка почти на вѣрную смерть и идетъ за извѣстную плату кормить своею грудью чужаго ребенка, и такого рода факты, несмотря на ихъ преступную безправственность, настолько часты и настолько къ нимъ привыкло населеніе, что въ нихъ оно даже не видитъ ничего безправственнаго. Бѣдность есть одно изъ главныхъ условій безправственности. Въ малочисленности нашего населенія; способнаго въ производительному труду, и въ его физической слабости должна быть признана причина и слѣдующаго безправственнаго факта. Въ отчетѣ медицинскаго департамента указано, что изъ 110.000 молодыхъ людей, оказавшихся при осмотрѣ въ военную службу страдающими отъ

хроническихъ, болѣею частью неизлечимыхъ; болѣзней, 13%, т. е. 15.000, получили болѣзни отъ непосильнаго, неразумнаго физическаго труда. Въ простомъ народѣ удержалась еще инстинктивная любовь родителей къ своимъ дѣтямъ, а между тѣмъ часто случается, что ребенокъ, дитяно, непосильно работаетъ и губить себя на этой работѣ. Очевидно, что нужда и безысходная бѣдность заставляютъ, принуждаютъ отца и мать допускать своего ребенка до такой тяжелой работы, надъ которою онъ и губить свое здоровье безвозвратно. Нерѣдко, напр., встрѣчаешь въ Москвѣ ребенка съ непосильною для его юнаго тѣла тяжестью, положенною на его голову. Гнется онъ подъ этой тяжестью, плачетъ отъ боли, производимой давленіемъ ея на него, но мимо этого ребенка, попавшаго въ руки разбойника-хозяина, хладнокровно проходятъ и священникъ, и левитъ.

Въ бѣдности нашего населенія лежитъ причина и той безнравственности, которая выражается громаднымъ развитіемъ проституціи съ ея страшнымъ спутникомъ—сифилисомъ. Поэтому, при всемъ нашемъ глубокимъ уваженіи къ положеніямъ, высказаннымъ въ отчетѣ медицинскаго департамента, мы не можемъ все-таки согласиться съ тѣмъ его положеніемъ, что будто бы причина сильнаго развитія сифилиса, а слѣдовательно и проституціи, находится въ слабости карательныхъ мѣръ за эти преступления. Проституція вообще и сифилисъ въ частности находятся въ обратномъ отношеніи съ нравственностью и благосостояніемъ населенія; поэтому единственно-вѣрное средство противъ проституціи и сифилиса мы видимъ въ поднятіи народной нравственности, которая есть результатъ семейной жизни, домашняго очага и известной степени благосостоянія населенія. Что одними карательными мѣрами невозможно насадить нравственность и, слѣдовательно, уменьшить развитіе проституціи съ ея спутникомъ—сифилисомъ; это видно изъ исторіи развитія проституціи, противъ которой предпринималось все, не исключая даже и смертной казни; а все-таки безъ всякой пользы.

Но и вообще нравственность русскаго населенія заставляетъ желать очень и очень многого и неудовлетворительное состояніе во многихъ зависитъ отъ той бѣдности и безысходности, которыя существуютъ у большей части русскаго населенія. Для доказательства, что такая нравственность русскаго населенія не есть ничто частное, мы укажемъ на постоянно строящіяся новые остроги и другія мѣста заключенія, необходимыя для помѣщенія

преступниковъ, и на то, что московское губернское земское собрание было серьезно озабочено изысканіемъ мѣръ для поднятія нравственности населенія Московской губерніи. Выше мы указывали на громадную смертность и болѣзненность этой губерніи; слѣдовательно, безнравственность населенія, начинающая беспокоить представителей земскаго самоуправления, доказываетъ справедливость высказаннаго нами положенія, что смертность, болѣзненность, бѣдность и безнравственность составляютъ такія явленія жизни населенія, которыя другъ друга производятъ и прогрессивно развиваютъ.

Поэтому мнѣніе гласнаго московскаго земства, г. Самарина, что для поднятія народной нравственности достаточно дать священникамъ больше жалованья съ тѣмъ, чтобъ они больше поучали народъ, мы находимъ болѣе нежели наивнымъ. Такое мнѣніе г. Самарина указываетъ, что онъ не понимаетъ какъ того, какимъ образомъ слагаются у человѣка нравственныя правила, какъ и того ужасающаго явленія общественной жизни, которое обнаруживается безнравственностью цѣлаго народа. Мы можемъ вѣрить г. Самарина, что нравственность какъ въ отдѣльномъ лицѣ, такъ и тѣмъ болѣе въ народѣ, обусловливается не тѣми или другими сладкими словами и схоластическими хитросплетеніями, а жизнью, жизнью. Навѣрное, г. Самарину встрѣчались не въ жизни честныя семейства, въ которыхъ онъ могъ видѣть, что честныя дѣти выходятъ изъ такого семейства не потому, что къ нему поучаютъ нравственности священники, и не потому, что отецъ и мать все начинивали своихъ дѣтей нравственными сентенціями, а только потому, что отецъ и мать въ своей жизни, къ своимъ поступкамъ исполняли заповѣди великаго Бога о любви къ ближнему. Г. Самарину долженъ быть извѣстенъ фактъ, какъ видѣлъ монахъ зарѣзалъ другаго за то, что послѣдній заперъ селю, въ которой первый былъ съ женщиной. Мы думаемъ, что и самъ г. Самаринъ убѣжденъ въ знаніи монахомъ-убійцей многихъ нравственныхъ сентенцій, но и это схоластическое знаніе не держало этого монаха отъ нарушенія заповѣди Бога — «не убій».

Резюмируя все сказанное, мы должны признать, что причина бѣдности нашего населенія состоитъ въ безпримѣрной болѣзненности и смертности; а причина болѣзненности, смертности и шаткой нравственности состоитъ въ нашей бѣдности. И вотъ такую-то трудную дилемму должно разрѣшить русское общество.

М. Покровскій.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

Михаилъ Юрьевичъ Лермонтовъ.

Юность поэта.

(Посвящается памяти Люши Висковатова.)

Продолженіе *).

ГЛАВА V:

Предки Лермонтова.—Шотландскій бардъ Ома Лермонтъ.—Русская вѣтъ Лермонтова.—Тоска по Шотландіи.—Скорбь объ отцѣ и мысли о самоубійствѣ.

Было уже говорено о томъ, какъ печалило Мишу Лермонтова то недружелюбное отношеніе къ отцу его, которое выказывалось ему богатымъ родствомъ бабушки. Родъ Лермонтовыхъ былъ захудалымъ родомъ. Столыпинныхъ родъ шелъ въ гору, — счастье ему улыбалось. Кругъ знакомыхъ и родныхъ бабушки причислялъ себя къ знати. То было время, когда образованности главнымъ образомъ встрѣчалась въ кружкахъ такъ-называемая высшаго общества. Дорого обходилось тогда развитіе, образованіе. Его встрѣчали почти исключительно въ привилегированномъ сословіи богатаго дворянства. Къ нему принадлежали лучшіе люди отъ 20-хъ до 40-хъ годовъ. Многіе изъ «декабристовъ», Комитковъ, Кирѣевскіе, Аксаковъ, Огаревъ, Герценъ, Одоевскій, графъ Вьельгорскій, — Пушкинскій кружокъ, — весь длинный рядъ нашихъ дѣятелей примыкалъ къ высшему слою. Людямъ изъ бѣднаго или средняго сословія, какъ Бѣлинскій, приходилось тяжело. Извѣстно, какъ Пушкинъ страдалъ захудалостью своего рода. Стремленіе занять положеніе среди высшаго круга нельзя считать лишь слабостью недостойною его гения. Въ наше время когда развитіе и образованность уже далеко не составляютъ достоянія «высшаго круга», а скорѣе приютились въ среднемъ со-

*) *Русская Мысль* за 1881 г., кн. X, XI и XII.

люди нашѣ (если вообще мыслимо говорить у насъ о сосло-
нѣхъ), — трудно представить себѣ, почему наши лучшіе писатели
валясь въ среду нашихъ аристократовъ, часто весьма неохотно
открывавшихъ имъ доступъ къ себѣ. Намъ кажется недостой-
нымъ гения ихъ, когда люди, какъ Пушкинъ и Лермонтовъ, стоя
далеко выше людей аристократическаго салона, сѣтовали на то,
когда двери его не раскрывались передъ ними съ подобающею
предупредительностью. Ихъ бѣсило, когда люди, пользовавшіеся
исключительно случайностью своего происхожденія, безъ всякой
личной заслуги, ничились передъ ними. Глубоко и заслуженно
презрѣли эти люди, они все-таки ввалились въ салонъ; порогъ
въ него заградился имъ именно этими ничтожными людьми,
которые были хористами на подмосткахъ сцены аристократизма.
Графиня Пушкина мы знаемъ, какими пріятностями пре-
раждали эти ничтожные статисты пути нашего славнаго поэта.
То же испытывалъ и Лермонтовъ. Стоитъ вспомнить для примѣра
силія графа Соллогуба — «аристократа» и тогда «много общавша-
го писателя» — въ повѣсти «Большой свѣтъ» описать Лермон-
това ничтожнымъ человѣкомъ, пробирающимся въ кругъ петер-
бургской знати. Почтенный, «озднѣе вполнѣ и по заслугамъ оцѣ-
ненный, авторъ выставляетъ Лермонтова въ образѣ бѣдняка,
армейскаго офицера, играющаго жалкую роль прихвостня аристо-
кратическаго денди Софьева, въ которомъ онъ рисовалъ Монго
Столыпина, друга и товарища нашего поэта⁵⁸⁾).

Лермонтовъ отлично чувствовалъ всю тяжесть отношенія «свѣ-
та» къ захудалымъ родамъ и высказалъ это въ знаменитомъ сво-
емъ стихотвореніи «На смерть Пушкина»:

«..... А вы, надменные потомки
Извѣстной подлостью прославленныхъ родовъ,
Пятою рабскою поправшіе обломки
Игру счастья обиженныхъ родовъ» и т. д.

Эту обиду, нанесенную его захудалому роду, Лермонтовъ въ
дѣствѣ чувствовалъ еще сильнѣе, потому что подъ нею страдалъ
любимый имъ отецъ.

⁵⁸⁾ См. «Сочин. Соллогуба», т. I, и «Воспоминанія графа В. А. Соллогуба». Москва 1866 г., стр. 64 (оттискъ изъ *Рус. Арх.* 1865 г.), гдѣ говорится между прочимъ: «Свѣтское значеніе Лермонтова я изобразилъ подъ именемъ Леони-
на въ моей повѣсти „Большой свѣтъ“. — О значеніи писаній графа Соллогуба по
поводу Лермонтова будетъ говорить въ своемъ мѣстѣ.

Вотъ почему мальчикъ такъ много мечталъ о прошломъ вѣличіи своего рода. Сначала, какъ мы видѣли, онъ производилъ его отъ испанскаго «дюна Лерма» (см. главу III настоящей біографіи), потомъ узналъ и кое-что о настоящемъ происхожденіи своемъ отъ шотландской фамиліи Лермонтовъ.

Фамилія шотландскихъ предковъ нашего героя сохранилась до сихъ поръ въ Шотландіи, въ графствѣ Эдинбургъ, гдѣ живутъ Лермонты въ помѣстьи Динъ (Dean). По шотландскимъ преданіямъ, фамилія Лермонтовъ восходитъ къ XI вѣку⁵⁹). Въ это время Лермонты или уже находились въ Шотландіи, или, вѣрнѣе, пришли туда изъ Англіи вмѣстѣ съ королемъ Малькольмомъ. Малькольмъ, какъ гласятъ древнія хроники, побѣдилъ въ Англію, когда отецъ его Дуннанъ былъ умерщвленъ. Тамъ онъ собралъ вокругъ себя бѣжавшихъ изъ Шотландіи Лермонтовъ и, получивъ помощь отъ англійскаго короля Эдварда, двинулся противъ узурпатора. Побѣдивъ Маллота, назваго въ сраженіи отъ руки Макдуфа, Малькольмъ въ 1061 году коронованъ въ Сканѣ, а затѣмъ созвалъ парламентъ въ Форферѣ. Около Форферы находится холмъ, именуемый «Сапожнымъ холмомъ» (Boot-hill). По преданію, холмъ этотъ составилъ вслѣдствіе обычая, по которому вассалы, въ знакъ подданства своему ленному владѣльцу, приносили сапогъ земли съ своихъ помѣстьевъ. Здѣсь то Малькольмъ возвратилъ приверженцамъ своимъ земли, отнятыя отъ нихъ Макбетомъ, а пришлецовъ изъ Франціи, Англіи и другихъ странъ, присоединившихся къ нему, одарилъ владѣніями. Онъ возводилъ ихъ въ графское, баронское или рыцарское достоинство и многіе стали затѣмъ именоваться по имени полученныхъ помѣстій. Такимъ образомъ тогда появилось много новыхъ шотландскихъ фамилій. Между обдаренными приверженцами Малькольма упоминается и *Лермонтъ*. Лермонтъ получилъ помѣстье Рерси (Rairsie), и нынѣ находящееся въ графствѣ Файфъ въ Шотландіи, но уже не въ рукахъ фамиліи Лермонтовъ. Шекспиръ въ извѣстной своей трагедіи воспользовался, почти дословно, разсказомъ хроники и предогъ нашего поэта легко бы

⁵⁹) Относительно родословной Лермонтовыхъ, равно какъ и извѣстій о шотландскихъ предкахъ его, ссылаемся на обстоятельную статью г. Никольскаго въ *Русской Старинѣ* 1873 г., т. VII, стр. 547, и т. VIII, стр. 810. Статьи Рольстона въ *The Athenaeum* 15 sept. 1873 передаетъ содержаніе статьи г. Никольскаго. См. тоже зам. Данилевскаго въ *Русскомъ Архивѣ* 1875 г., книга III, стр. 107.

могъ попасть въ число называемыхъ драматургомъ шотландскихъ фамилий.

Другой извѣстный англійскій писатель, Вальтеръ-Скоттъ, написалъ балладу въ трѣхъ частяхъ «Пѣвецъ Оома» («Thomas the Rhymer»), въ коемъ изображается одинъ изъ предковъ Михаила Юрьевича, шотландскій бардъ Лермонтъ. Этотъ Оома Лермонтъ шелъ къ замку своему, развалины коего и теперь еще живописно расположены на берегахъ Твида, въ нѣсколькихъ миляхъ отъ селенія его съ Лидеромъ. Развалины эти носятъ еще названіе башни Лермонта (Leagmonth Tower). Не далеко отъ этого места провелъ Вальтеръ-Скоттъ дѣтство свое и въ юности построилъ себѣ замокъ, знаменитый Аббатсфортъ. Въ окрестностяхъ еще жили преданія о старомъ бардѣ, гласившія, что Эрсылдаунъ, но фамиліи Лермонтъ, въ юности былъ унесенъ въ страну фей, гдѣ и приобрѣлъ даръ вѣдѣнія и пѣсенъ, столю прославившихъ его впоследствии. После семилѣтняго пребыванія у фей Оома возвратился на родину и тамъ изумлялъ своихъ соотечественниковъ даромъ пророчанія и пѣсенъ. За нимъ осталось названіе пѣвца и пророка. Оома предсказалъ шотландскому королю Александру III смерть наканунѣ событія, стоившаго ему жизни. Верховъ на лошади король черезчуръ близко подбѣжалъ къ пропасти и сброшенъ былъ испуганнымъ конемъ на острия скалы.

Въ поэтической формѣ изложилъ Оома предсказанія будущихъ историческихъ событій Шотландіи. Пророчества его цѣнились высоко и еще въ 1615 году были они изданы въ Эдинбургѣ. Большою извѣстностью пользовался онъ какъ поэтъ. Ему приписывается романъ «Тристанъ и Изольда» и народное преданіе утверждаетъ, что по прошествіи извѣстнаго времени царица фей потребовала возврата къ себѣ высокочтимаго барда, и, давъ прощальное пирушество, покинулъ онъ свой замокъ — Эрсылдаунъ. Это прощаніе между прочимъ и описываетъ Вальтеръ-Скоттъ.

«Роскошный пиръ идетъ въ Эрсылдаунъ. Въ старинной залѣ Лермонта сидятъ и рыцари, и дамы въ пышныхъ платьяхъ.

«Музыки звѣны, гѣбони раздаются и нѣтъ въ винѣ и эльѣ недостатка.

«Вотъ смолкъ веселый пиръ: Оома поднялся и лиру, что у фей на состязаньи у эльфовъ выигралъ, настроилъ молча.

«Умолкло все—движенье, разговоры; отъ зависти блѣднѣютъ Министрели; желѣзные на мечъ склонились лорды и слушаютъ.

«И льется пѣсня барда, пророка вѣщаго. Въ грядущіе вѣки не отыскать пѣвца, который смогъ бы ту пѣсню повторить.

«Ея обрывки несутся въ даль, въ даль по рѣкѣ времени какъ корабли обломки выплываая средь моря бурнаго.

«Поётъ Гома: товарищей сподвижниковъ Артура, о Мерлинѣ но болѣе всего о благородномъ Тристанѣ и нѣжной его Изольдѣ

«Въ поцѣлуѣ страстномъ слѣлась она съ его послѣднимъ вздохомъ и умерла. Съ его душою къ небу ея душа обнявши улетѣла... Кому такъ спѣть, какъ пѣснь была имъ спѣта?

«Умолкъ пѣвецъ; затихли звуки лиры, а гости долго за столомъ сидѣли, пониннувъ головами, будто струны (назвѣсь имъ) звенѣли замирая.

«Вотъ въ робкомъ шепотѣ сказалось горе предчувствія мѣлажаго: вздыхали не только дамы,—не одна укладкой слезы въ лѣзной рукавицей стерта.

«На волны Лидера, на башни замка спускаются вечерні туманы—и въ лагерѣ, и въ замкѣ, и въ лачугахъ идутъ ко сну!

«Но вотъ Дугласу чудесную приносятъ вѣсть поспѣшно:

«По берегу Лидера оленей бѣлыхъ идетъ чета; какъ снѣгъ вершинъ ихъ шерсть бѣлѣть.

«Идутъ они при свѣтѣ лунномъ, не торопясь, спокойно, стройно, рядомъ.

«Въ обитель Лермонта та вѣсть проникла. Съ ложа Гома поднялся и накинулъ платье.

«Сначала поблѣднѣлъ, какъ воскъ онъ бѣлый, потомъ, какъ воскъ, сталъ красенъ и сказалъ: пробилъ мой часъ, спряглась нить, за мной пришли они!

«Подобно Минестрелю повѣсилъ онъ себѣ на шею лиру и грустно въ ночи струны прозвучали.

«Вотъ вышелъ онъ, но часто, удаляясь, глядѣлъ назадъ на древнюю обитель.

«Блескъ мѣсяца осенняго игралъ на кровляхъ замка; бѣлы туманы съ подножья скалъ тихонько поднимались.

«Прощай отцовъ моихъ обитель,—молвилъ въ послѣдній разъ онъ,—не бывать тебѣ жилищемъ удовольствія и власти!

«Лермонтамъ здѣсь ужъ не владѣть землю. Сребристыя струны Лидера, скалы и замокъ мой, прощайте!

«Подошли къ нему тихонько бѣлые олени—и съ ними черезъ рѣку онъ пошелъ въ глазахъ Дугласа...

«Вскочилъ на лошадь вороную Дугласъ, помчался черезъ Лидеръ; летѣлъ быстрѣ молніи, но тщетно, — онъ не нашелъ ихъ. Говорятъ одни, что шествіе чудесное сокрылось въ холмѣ; другіе, — что оно въ долину исчезло ближней.

«Только съ той поры между живыхъ Лермонта не встрѣчали».

Шотландская фамилія Лермонтовъ считаетъ Оому Лермонта однимъ изъ своихъ предковъ, но точныхъ свѣдѣній о дальнѣйшей судьбѣ всѣхъ членовъ рода въ Шотландіи нѣтъ, что и понятно: при тѣхъ страшныхъ смутахъ, которыя переживала не разъ Шотландія, трудно прослѣдить исторію отдѣльной фамиліи. За то у насъ на Руси сохранились вѣрныя данныя о той отрасли Лермонтовъ, которая прибыла къ намъ изъ Шотландіи. Историческое значеніе преданія о связи фамиліи Лермонтовъ съ испанскимъ герцогомъ Лермой болѣе чѣмъ сомнительно ⁶⁰⁾.

Въ XVII вѣкѣ во время смутъ въ Шотландіи одинъ изъ Лермонтовъ покинулъ страну. По дошедшимъ до насъ даннымъ, это былъ Юрій (Георгій) Андреевичъ Лермонтъ, основатель русской отрасли Лермонтовыхъ. Выѣхалъ онъ изъ Шкотской земли сначала въ Польшу, оттуда «на Бѣлую (городъ Смоленской губерніи) и потомъ уже прибылъ въ Москву еще до 1621 года, потому что въ этомъ году царь Михаилъ Ѳеодоровичъ даритъ его 8-ю деревнями и пустошами въ Галицкомъ уѣздѣ, въ Заблоцкой волости». По указу царя, Лермонту было велѣно обучать «рейторскому строю новокрещенныхъ нѣмцевъ стараго и новаго выѣзда, равно и татаръ».

Юрій Андреевичъ именуется поручикомъ (или ротмистромъ)

⁶⁰⁾ Свѣдѣнія данныя объ этомъ Изв. Ник. Лермонтовскимъ (*Русская Старина* 1873 г., кн. VII, стр. 392) оказываются невѣрными. Сообщение сдѣлано имъ, впрочемъ, по памяти, на основаніи двухъ записокъ, спорѣвшихъ въ 1842 году. Ср. г. Никольскаго (тамъ же, на стр. 558, прим. 1-е). Гербъ русскихъ Лермонтовыхъ, по изысканіямъ г. Никольскаго, сходенъ съ гербомъ шотландскихъ Лермонтовъ. — Относительно герба см. общій гербовникъ дворянскихъ родовъ Россійской имперіи, т. IV, стр. 102. „Въ щитѣ, имѣющемъ золотое поле, находится черное строило съ тремя на немъ золотыми четверугольниками, а подъ строиломъ чернй дѣтвъ. Щитъ увѣнчанъ обыкновеннымъ дворянскимъ шлемомъ съ дворянскою короною. Наметь на щитѣ золотой, подложенный краснымъ; внизу щита девизъ: „Sors mea—Jesus“ (часть моя—Иисусъ). Гербъ шотландскихъ Лермонтовъ представляетъ также на золотомъ полѣ черное строило съ тремя золотыми ромбами, но безъ чернаго дѣтвѣ подъ строиломъ, зато на щитѣ нащепенъ съ розою, которая въ позднѣйшее время была замѣнена пурпуровымъ голубемъ съ масличною вѣтвью. Девизъ: „Dum spiro, spero“ (пока дышу, надѣюсь).

и уговоръ съ нимъ былъ заключенъ бояриномъ Иваномъ Борисовичемъ Черкасскимъ ⁶¹⁾.

У Юрія Андреевича было три сына: Вилимъ (Вильямъ), Петръ и Андрей. Только средній оставилъ потомство. Этотъ Петръ Юрьевичъ былъ въ 1656 году, указомъ царя Алексѣя Михайловича, сдѣланъ воеводою Саранска, да велѣно было вѣдать «по чертъ» иные города и пригородки. У него опять былъ сынъ Евтихій или Юрій, что одно и то же. Во-первыхъ, на Руси двойственности имени не была рѣдкостью, а во-вторыхъ, дѣти Евтихія называются въ родословной Юрьевичами. Этотъ Евтихій или Юрій былъ въ 1679 году царемъ Федоромъ Алексѣевичемъ пожалованъ страпчимъ, а въ 1682 году стольникомъ, и эту должность исправлялъ еще въ 1692 и 1703 годахъ ⁶²⁾. Затѣмъ мало-помалу родъ захудалъ, хотя иногда мы и встрѣчаемся съ представителями этой фамиліи въ различныхъ историческихъ актахъ. Замѣчательно, что старшіе сыновья всегда назывались по дѣду, такъ что мы постоянно встрѣчаемъ то Петра Юрьевича, то Юрія Петровича. Поэтъ нашъ былъ послѣднимъ представителемъ стар-

⁶¹⁾ Такимъ образомъ невѣрно, что шотландецъ Лермонтъ былъ для формирования рейторскихъ полковъ вызванъ при Алексѣѣ Михайловичѣ около 1659 года, какъ говорится о томъ въ „Исторіи лейбъ-гвард. кирасирск. полка“, сост. Барановскимъ (глава I, стр. 2, прим. 3). Замѣчательно, что тогда положено было, чтобы первые три штабъ-офицерскіе чина занимать лишь офицерами изъ иностранцевъ (ibid. и *Русск. Стар.* 1873 г., кн. VII, стр. 550).

⁶²⁾ Въ „Запискахъ стариннымъ службамъ русскихъ благородныхъ родовъ, составленныхъ Матвѣемъ Спиридоновымъ“ (Рус. Имп. Публ. Библ. въ 15 ч., 55 отд., подъ № ММССCLVI), показаны: Евтихій Петровичъ 159-мъ стольникомъ, а Петръ Петровичъ 45 отставнымъ стольникомъ. Оба брата, Евтихій и Петръ, представили родословную роспись свою въ 1698 году февраля 10-го дня. Изъ разряднаго архива справка была позднѣе выдана потомкамъ Лермонту для представленія отъ 1-го апрѣля 1799 года въ сенатъ. У Евтихія были 3 сына: Петръ, Матвѣй, Яковъ, да дочь Ирина.—Никольскій (ibid., VII, 552) ошибкою замѣчаетъ, что Петръ Юрьевичъ упоминается подъ 1698 г. Подъ этимъ годомъ упоминается не Петръ Юрьевичъ, а дядя его Петръ Петровичъ, подавшій 10-го февр. 1698 г. подписанную имъ и братомъ Юріемъ родословную роспись. Петръ Юрьевичъ служилъ въ военной службѣ въ чинѣ прапорщика въ 1726 г. Марта 20 онъ былъ отъ императора Петра I присланъ съ порученіемъ въ императрицѣ Екатеринѣ I, которая приказала ему выдать награжденныхъ 10 червонцевъ (изъ виннаго прихода-расходныхъ денегъ имп. Екатерины I, *Рус. Арх.* 1874 г., т. XII, стр. 530). Сынъ его Юрій Петровичъ воспитывался вадетомъ въ шляхетскомъ студентскомъ корпусѣ, гдѣ отличался талантомъ къ рисованію и откуда въ 1745 г. вышелъ по болѣзни съ чиномъ подпоручика (*Рус. Арх.* 1872 г., т. X, стр. 1852 и 1875; т. XIII, стр. 107). О сынѣ его Петрѣ Юрьевичѣ, приходящемся дядюшкой поэта, мы ничего не знаемъ, кромѣ того, что жену его звали Анной Васильевной.—Сынъ ихъ Юрій Петровичъ, отецъ поэта, род. въ 1787 году.

ной линии и происходилъ отъ Лермонта, «выходца изъ Шкотской сѣли», въ восьмомъ колѣнѣ. По традиціямъ семьи, онъ долженъ и называться по отцу—Петромъ, но бабушка Арсеньева настояла на томъ, чтобъ его назвали Михаиломъ — по дѣду съ атеринской стороны.

Фамилія Лермонтова должна официально писаться черезъ *a*— потому, что такъ записана эта фамилія въ актахъ и гербовникахъ. Правильнѣе же писать черезъ *o*, какъ пишется шотландская *Этв*. Если родоначальника русскихъ Лермонтовыхъ, шотландца Лермонта, въ древнихъ актахъ пишутъ черезъ *a*, то это можно объяснить московскимъ аканьемъ, тѣмъ болѣе, что въ имени Лермонта имѣется удареніе на первомъ слогѣ. Поэтъ нашъ писалъ имя свое сначала черезъ *a* и уже послѣ сталъ писать на —Лермонтовъ—и подписывался онъ такъ главнымъ образомъ въ печати, подъ своими сочиненіями. И затѣмъ къ концу 30 годовъ началъ писать черезъ *o* и въ письмахъ, къ тѣмъ же лицамъ адресованныхъ, къ которымъ прежде писалъ черезъ *a* ⁶³).

Во всѣхъ подробностей исторіи своего рода Михаилъ Юрьевичъ не зналъ. Не были онѣ извѣстны и отцу его, который для того, чтобы помѣстить сына въ университетскій пансіонъ, хлѣпочетъ описаніи себя со всѣмъ родомъ въ дворянскую родословную книгу Тульской губерніи ⁶⁴). Какіе онъ представилъ документы въ доказательство дворянскаго своего достоинства, мы не знаемъ. Сынъ

⁶³) Во всѣхъ дипломахъ, приказахъ и официальныхъ бумагахъ Лермонтовъ писался черезъ *a*. Въ университетѣ и въ университетской школѣ до 1836 г. онъ еще подъ сочиненіями подписывается Лермантовъ. Подъ „Измаиль-беемъ“ въ рукописи 1832 г. стоятъ еще двѣ подписи: русскими буквами—Лермантовъ и латинскими—Lermont. Также черезъ *a* подписался онъ въ письмѣ къ Марьѣ Александровнѣ Лопухиной, въ декабрѣ 1835 г. (*Рус. Арх.* 1863 г., стр. 952), тогда какъ въ 1837 году въ письмахъ къ ней же подписывается уже Lermontoff. Въ *Рус. Арх.* (1863 г., стр. 956) невѣрно напечатано черезъ *a*. Я сравнивалъ съ рукописью. Также письмо къ Великому Князю Михаилу Павловичу по поводу галъ съ Де-Барантомъ въ 1840 г. Лерм. подписалъ фамилію черезъ *o*. Иванъ Павл. Лермонтовъ въ *Рус. Старинѣ* 1873 г., т. VII, стр. 392, помѣстилъ замѣтку о томъ, какъ писать фамилію Лермонтовъ, и также находить, что она должна официально писаться черезъ *a*. Мы этому не противорѣчимъ. Такъ писались отецъ, и предки Михаила Юрьевича. Онъ же для себя въ мирѣ литературномъ восстановилъ старую шотландскую форму. Такъ и надо писать имя нашего поэта и если иногда, и теперь еще, фамилія его пишется черезъ *a*, то это невѣрно. Сравни статью г. Никольскаго въ *Рус. Стар.*, стр. 558.

⁶⁴) Капитанъ Юрій Петровичъ Лермонтовъ внесенъ въ шестую дворянскую родословную книгу Тульской губ. марта 10-го дня 1829 г. по исходящей книгѣ № 940.

эго, поэтъ нашъ, о шотландскомъ происхожденіи фамилии своей напоминаетъ въ стихотвореніяхъ 30-хъ и 31-хъ годовъ, такъ что можетъ-быть онъ только въ это время узналъ о томъ. Шотландскіе барды, названіи Оссиана занимають его и, услышавъ отъ путешественника описаніе могилы Оссиана, онъ воспоминаетъ о Шотландіи, называя ее своею:

Подъ занавѣсою тумана,
 Подъ небомъ бурь, среди степей,
 Стоитъ могила Оссиана
 Въ горахъ *Шотландіи моей*.
 Летитъ къ ней духъ мой усыпленный
 Родимымъ вѣтромъ подышать
 И отъ могилы сей забвенной
 Вторично жизнь свою занять!... («Соч.», т. II, стр. 94)

Вспоминая въ подмосковномъ селѣ Серединовѣ отца, чутко душой скорбя о социальномъ приниженномъ положеніи покойнаго и чувствуя себя чужимъ среди богатой родни бабушки, онъ уходилъ душою въ прошлую жизнь предковъ своихъ. 29 іюля 1837 года одинокій сидитъ онъ на бельведерѣ... Мысли далеко унесены въ глубь временъ. Шотландскіе барды — пѣвцы и бойцы свободы — встають передъ нимъ. Видитъ онъ замокъ предковъ отшельнымъ среди горъ и можетъ-быть образъ Фаины Лермонтова, вѣтхій Вальтеръ-Скоттомъ, всталъ передъ нимъ, грозный и тишинственный. Пронесшійся на западъ черный воронъ, исчезающій на вечернемъ небѣ, дальше и дальше увлекаетъ за собою мысли поэта. Тоскливое желаніе настраиваетъ душу, и вотъ ей заговорили струны звучною пѣснью:

Зачѣмъ я не птица, не воронъ степной,
 Пролетѣвшій сейчасъ надо мной?
 Зачѣмъ не могу въ небесахъ я парить
 И одну лишь свободу любить?

На западъ, на западъ помчался бы я,
 Гдѣ цвѣтутъ моихъ предковъ поля,
 Гдѣ въ замкѣ пустомъ, на туманныхъ горахъ,
 Ихъ забвенный покоится прахъ.

На древней стѣнѣ ихъ наслѣдственный щитъ,
И заржавленный мечъ ихъ висить.
Я сталъ бы летать надъ мечомъ и щитомъ—
И смахнулъ бы я пыль съ нихъ крыломъ.

И арфы шотландской струну бы задѣлъ—
И по сводамъ бы звукъ полетѣлъ;
Внимаемъ однимъ и однимъ пробужденъ,
Какъ раздался, такъ смолкнулъ бы онъ.

Но тщетны мечты, бесполезны мольбы
Противъ строгихъ законовъ судьбы,—
Межъ мной и холмами отчизны моей
Разстилаются волны морей.

Послѣдній потомокъ отважныхъ бойцовъ
Увидаетъ средь чуждыхъ снѣговъ;
Я здѣсь былъ рожденъ, но не здѣшній душой...
О, зачѣмъ я не воронъ степной!... («Соч.», т. II, стр. 220).

Да, Михаилъ Юрьевичъ предугадалъ: онъ былъ послѣднимъ потомкомъ шотландскихъ бойцовъ; но не въ снѣгахъ кончилъ боецъ этотъ жизнь свою, а въ южной странѣ, среди горъ, ставшихъ ему милѣ туманныхъ картинъ на берегахъ Лидера и Твида. Смерть отца повергла поэта нашего въ скорбь, которую онъ тщательно скрывалъ передъ другими и передъ самимъ собою. Жизнь была въ немъ ключомъ и ему удавалось поднимать свое настроеніе до рѣзвой веселости, но тѣмъ сильнѣе были минуты скорби. И если въ двухъ автобиографическихъ драмахъ мы находимъ слѣды мыслей о самоубійствѣ, то о томъ же гласятъ многія лирическія стихотворенія того времени. Юноша не мало перенесъ тяжелыхъ душевныхъ мукъ и борьбы. Когда мрачное настроеніе овладѣвало имъ, онъ уходилъ въ уединенныя мѣста—въ лѣсъ, въ поле, на кладбище, или проводилъ безсонныя ночи, глядя съвозъ окно въ ночную тьму, а въ головѣ стучала безысходная мысль погоничить съ собою. Покой могилы манилъ его.

Съ такими мрачными думами сидѣлъ онъ у огня своего въ Серединовѣ, когда написалъ свое «Завѣщаніе».

1.

Есть мѣсто близъ тропы глухой,
 Въ лѣсу пустынномъ; средь поляны,
 Гдѣ вьются вечеромъ туманы
 Осеребреныя луной...
 Мой другъ, ты знаешь ту поляну!
 Тамъ трунъ мой хладный ты зарой,
 Когда дышать я перестану.

2.

Могилѣ той не откажи
 Ни въ чемъ, послѣдуя закону:
 Поставь надъ нею крестъ изъ клену
 И дикій камень положи.
 Когда гроза тотъ лѣсъ встревожитъ,
 Мой крестъ пришельца привлечетъ,
 И добрый человекъ, быть-можетъ,
 На дикомъ камнѣ отдохнетъ ⁶⁵).

Совершенно предаться мрачному настроенію впрочемъ мѣшалъ поэту не только полная жизни натура его, но и шумное общество окружавшихъ его въ Середниковѣ людей.

ГЛАВА VI.

Жизнь въ Середниковѣ.—Внѣшній видъ Лермонтова.—Вліяніе Байрона и др.—Любовь къ роднымъ русскимъ пѣснямъ.—Дѣтскія забавы.—Интересъ къ серьезному чтенію.—Романтическое настроеніе и жажда любви.—Екатерина Ал. Сушкова.—Наклонность передавать бумажѣ каждую мысль и чувство.—Собственное изображеніе внутренняго своего состоянія.

Когда Лермонтовъ ходилъ учиться въ пансіонъ, бабушка его жила на Молчановѣ, гдѣ же проводила въ подмосковномъ имѣніи покойнаго брата своего, Дмитрія Алексѣевича Столыпина селѣ Середниковѣ ⁶⁶). Оно лежитъ верстахъ въ 20-ти отъ Мос

⁶⁵) Это, напечатанное въ *Сарат. Справ. Листки* (1876 г., № 43), стихотвореніе въ черновомъ своемъ наброскѣ находится въ тетрадахъ г. Краевского. Возм. заглавія „Завѣщаніе“ рукою Лермонтова сдѣлана пометка: „Середниково ночью окна“. Любопытно сравнить съ этимъ многія мѣста стихотворенія, озаглавленнаго „11-го іюня 1831 г.“ („Сочин. Лерм.“, т. II, стр. 139). Знаменательно, что послѣ этого, вплоть выясняющаго все тогдашнее состояніе души пѣвца, стихотвореніе черезъ нѣсколько дней, 29 іюня, пишетъ онъ вышедшюманутую вѣску „Желаніе“.

⁶⁶) Что прежде, напримѣръ, еще въ 1828 году, Арсеньева жила съ Лермонтовымъ въ Тарханахъ, видно изъ пометокъ въ его черновыхъ тетрадяхъ (см. не

вы, по дорогѣ въ Ильинское, въ прекрасной мѣстности, и принадлежало тогда Екатеринѣ Апраксѣвнѣ Столыпиной, вдовѣ Дмитрія Алексѣевича. Это былъ замѣчательно образованный и разностой человѣкъ. Командуя корпусомъ въ южной арміи, завелъ въ ланкастерскія школы, былъ близокъ къ Пестелю и умеръ коропостыжно въ Середниковѣ во время арестовъ послѣ 14 декабря. Въ настоящее время Середниково перешло въ другія руки.

Когда тамъ жила бабушка Лермонтова, то по воскресеньямъ и праздникамъ приѣзжавшіе сосѣди зачастую оставались у хлѣбосольной и радушной Елизаветы Алексѣевны. Особенно часто собиралось тутъ родство ея. Въ верстахъ четырехъ жили Верещагины, еще ближе, въ Большаковѣ, подруга Сашеньки Верещагиной, Катя Сушкова. Пріятельницы, живя на разстояніи 1¹/₂ версты, видались иногда по нѣскольку разъ въ день и Лермонтовъ, спутникъ ихъ еще въ Москвѣ, бывалъ кавалеромъ на разныхъ пикникахъ, катаньяхъ и кавальадахъ. Дѣвушки, однихъ вѣтъ съ Мишелемъ, чувствовали, какъ и всегда бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, свое превосходство. Онѣ считались взрослыми, невѣстами, а онъ—мальчигомъ. Это давали онѣ ему чувствовать и несмотря на то, что пользовались услугами, все же надъ нимъ потѣшались, шутили, дразнили его. Шестнадцатилѣтняго юношу не могли не бѣсить такого рода отношенія. Онъ обижался и дулся, бѣжалъ ихъ общества, уединялся; но доброе слово шаровливыхъ пріятельницъ вновь привлекало его къ нимъ до новой зоры и обиды.

Легко можно представить себѣ неловкаго еще не то юношу, не то мальчика, который, несмотря на раннюю зрѣлость, все же находился въ переходномъ возрастѣ. Наружный видъ его соответствовалъ этому состоянію. Онъ былъ невысокаго роста, довольно плечистъ, съ неустоявшимися еще чертами матоваго, сковаго смуглаго, лица. Темные волосы, съ свѣтлымъ бѣлогурымъ пучкомъ чуть повыше лба, окаймляли высокое, хорошо развитое чело. Прекрасные большіе умные глаза легко мѣняли выраженіе и не теряли ничего отъ появлявшейся порою золотушной красноты. Слегка вздернутый носъ и большею частью насмѣшливая улыбка, тщательно старавшаяся скрыть мелькавшее изъ-

№ 89). Что касается „Записокъ Е. А. Хвостовой, рожденной Сушковой“ (С.-П. 1870 г.) и вопроса о ихъ достовѣрности, то объ этомъ буду говорить дальше, когда придется упоминать о вторичной встрѣчѣ съ нею Лермонтова.

подъ нея выраженіе мягкости или страданія, — вотъ какимъ онъ описываютъ Мишу Лермонтова знавшіе его въ эти годы *7).

Въ то время шла въ немъ уже усиленная поэтическая дѣятельность. Образы твореній, надъ которыми работалъ онъ по нѣе, наполняли его фантазію: были сдѣланы первые наброски «Демона»; онъ успѣлъ кое-что передумать и пережить; обрывки мыслей, образовъ, типовъ, носясь въ его воображеніи, путались, сливались съ героями произведеній другихъ поэтовъ. Молодое восторженное настроеніе внезапно смѣнялось мрачнымъ чувствомъ, вскормленнымъ горькими ранними опытами любящаго сердца. Романтизмъ, свойственный его годамъ, да и эпохѣ 30-хъ годовъ, овладѣлъ имъ. Онъ любилъ декламировать изъ Ламартина и Пушкина, задумывался надъ драмами Шиллера, но всего больше начиналъ говорить душѣ его Байронъ. Съ огромнымъ томомъ Байроновскихъ твореній бродилъ молодой поэтъ по уединеннымъ угламъ большаго сада или, обиженный не понимавшими его шутками, удалялся въ свою комнату. Мрачная Байроновская музыка нашла отголосокъ въ душѣ молодого, начинавшаго страдать ровною скорбью, непризнаннаго поэта. Онъ невольно подпадалъ подъ вліяніе этой музыки, какъ и подъ вліяніе другихъ; но, имитируя британскому поэту, онъ оставался все-таки и тогда у себя самими собою, своеобразнымъ, какъ даже и въ первыхъ дѣтскихъ опытахъ подражанія Пушкину. Все, что онъ писалъ, выливалось изъ души, пережившей то, что старался онъ передать въ стройныхъ приемахъ своей поэзіи. Онъ занималъ у поэтовъ форму, бралъ даже цѣлыя стихи, но только если они отвѣчали его душѣ. Онъ не былъ слѣпымъ подражателемъ: не чужая рифма и образы руководили имъ, какъ это бываетъ обыкновенно въ отзвучившихъ молодыхъ душахъ въ юные годы, воображающихъ себя поэтами, — нѣтъ, онъ бралъ только то, что по духу счита-

*7) Такимъ описывали мнѣ Лермонтова учившіеся съ нимъ товарищи. Описанія ихъ сходятся съ тѣмъ, что говоритъ г-жа Хвостова („Воспоминанія“, стр. 78). Г. Пынинъ („Сочин. Лерм.“ изд. 1873 г., стр. XVIII) напрасно старается опровергнуть справедливость описанія г-жи Хвостовой, называя его *карьернымъ*. Карриатуры въ этомъ портретѣ Лермонтова я не вижу. Г. Пынинъ ссылается на сообщеніе г. Зиновьева, въ словахъ коего я не вижу ничего творческаго съ описаніемъ Хвостовой. Портретъ Лермонтова съ клокомъ бѣлыхъ волосъ видѣлъ я въ Пензѣ у г. Хохрякова. Оригиналь, кажется, саратовскомъ имѣніи Столыпинныхъ. Вотъ этотъ клокъ и побудилъ меня считать Лермонтова бѣлокурнымъ. Срав. зам. Лонгинова въ *Рус. Стар.* 1873 г. VII, стр. 391.

воимъ. Великіе поэты служили ему образцами. Подъ ихъ руководствомъ онъ дѣлалъ первые шаги на поприщѣ искусства. Такъ, художникъ, будь онъ великій Рафаель, изучая и копируя кистью своего учителя, руководясь ею, рано уже высказываетъ собственную мысль и душу и, будучи подъ вліяніемъ великихъ образцовъ, все же не можетъ быть названъ ихъ подражателемъ. Таковъ былъ и Лермонтовъ. По тетрадиямъ видно, какъ быстро онъ освоивалъ себѣ, что было нужно, какъ пользовался онъ творениями другихъ поэтовъ для собственнаго совершенствованія и развитія и затѣмъ выходилъ на свою оригинальную дорогу. И чѣмъ болѣе зрѣлъ онъ, тѣмъ менѣе отражалось вліяніе занимавшаго его поэта. Въ тетрадияхъ 1828 года, когда началъ онъ свою поэтическую дѣятельность, мы видимъ концепцію и цѣлыя пѣсни, заимствованныя у Пушкина. Въ тетрадияхъ 1830 — 1831 годовъ, когда вліяется вліяніе другихъ поэтовъ и особенно Байрона, Лермонтовъ уже далеко не въ такой степени имъ подчиняется. Не безвліянымъ ученикомъ является онъ, — не ученикомъ, подражающимъ мастеру и вводящимъ въ чужое произведеніе нѣкоторые свои мотивы, — нѣтъ, онъ здѣсь уже сознаетъ свои силы. Удивляясь наставнику и учась у него, онъ предъявляетъ смѣло права своей индивидуальности и знаетъ, что, по силѣ дарованія, рано или поздно встанетъ съ нимъ рядомъ самостоятельнымъ, какъ и онъ, великимъ талантомъ.

Нѣтъ, я не Байронъ, я *другой*,
 Еще *неведомый* избранникъ, —
 Какъ онъ, гонимый міромъ странникъ,
 Но только съ *русскою душой*.
 Я раньше началъ, кончу ранѣ,
 Мой умъ не много совершитъ;
 Въ душѣ моей, какъ въ океанѣ,
 Надеждъ разбитыхъ грузъ лежитъ.
 Кто можетъ, океанъ угрюмый,
 Твои извѣдать тайны? Кто
 Толпѣ мои расскажетъ думы? —
 Или поэтъ, или никто!... ⁶⁸).

⁶⁸) „Сочин. Лерм.“, т. II, стр. 261. Въ первый разъ напечатано въ *Библиотекѣ для чтенія* 1844 г. подъ заглавіемъ „Въ альбомѣ“ (изъ альбома г. Сушковой) и приписано въ 1830 г.; во второй разъ напечатано въ томъ же журналѣ въ 1845 году, т. 68, между 11-ю другими стихотвореніями. Мнѣ удалось недавно отыскать точный списокъ съ тетради Лермонтова, о коей говорилось въ *Сара-*

Это стихотвореніе, написанное въ альбомъ Сушковой, можетъ-быть и было вызвано тѣмъ, что, видя его «неразлучнымъ съ огромнымъ Байрономъ», его дразнили англійскимъ поэтомъ,—говорили, что онъ ему подражаетъ, драпируется въ тогу его. А Лермонтовъ никогда ни въ кого и ни во что не драпировался.

Въ черновыхъ тетрадахъ этого времени встрѣчается много переводовъ и подражаній Байрону то въ прозѣ, то въ стихахъ. Такъ, онъ работалъ надъ «Гяуромъ», «Бенпо», «Ларой» и другими произведеніями англійскаго поэта⁶⁹⁾.

Лермонтовъ тщательно читаетъ жизнь лорда Байрона, написанную Муромъ, что тотчасъ вынуждаетъ его написать стихотвореніе:

товскомъ Листкѣ 1875 г., № 246. Я получилъ тетрадь эту отъ почитателя Лермонтова г. Понафутина въ Пензѣ. Тамъ, подъ № 98, находилось стихотвореніе „Нѣтъ, я не Байронъ,—я другой, еще невѣдомый, избранникъ“, но оно оканчивается не стихомъ: „его толпѣ мои расскажетъ думы? Или поэтъ—или никто!“ а „Я—или Богъ, или никто!“—Былъ у меня въ рукахъ и вариантъ: „или геній мой или никто“. Можетъ-быть первая и третья формы принадлежать даже и не Лермонтову, а сдѣланы издателями въ виду цензурныхъ соображеній, въ то время весьма своеобразно относившейся къ употребленію слово „Богъ“ въ печати. Отысканная мною тетрадь подтверждаетъ высказанное мною соображеніе хронологическомъ порядкѣ тетрадей г. Краевского, разобранныхъ г. Дудышкинымъ. Нумерація во вновь отысканной тетради соответствуетъ нумераціи въ тетрадяхъ г. Краевского. Есть и копія съ нихъ, сдѣланная по указанію Лермонтова и съ его поправками (см. прим. 38 въ концѣ). Г. Ефремовъ ошибается („Сочин. Лермонт.“ 1880 г., т. II, стр. 568), полагая, что г. Дудышкинъ имѣлъ отъ Шангирея эту тетрадь. Она не была въ рукахъ послѣдняго г. Дудышкинъ ея не видалъ.

⁶⁹⁾ Въ 7-й тетради г. Краевского встрѣчаются прозаическіе переводы Байрона: „Darkness“. Лермонтовъ былъ въ недоумѣніи, какъ передать это слово „мракъ“ или „тьма“, что подало поводъ г. Дудышкину во второй статьѣ: „Ученческія тетради Лермонтова“ (*Отеч. Зап.* 1859 г., кн. 11, стр. 256) видѣть въ прозаическомъ отрывкѣ упражненіе, „заданное учителемъ на тему: синонимы—мракъ и тьма“. Подъ вліяніемъ этого стихотворенія написана Лермонтовымъ пьеса „Ночь“ („Сочин.“, т. II, стр. 85). Это, вѣроятно, даже не переводъ, сдѣланный въ свое время И. С. Тургеневымъ (Петербургъ. Сборникъ Некрасова 1846 г., стр. 501).—Тутъ же переводъ прозою „Napoleons Farwell“ и стихотворенный переводъ баллады, напечатанной въ книжкѣ: „Стихотворенія Лермонтова не вошедшія въ послѣднее изданіе“. Вегін 1875 года.

„Берегись, берегись! Надъ Бургосскимъ путемъ
Сидитъ одинъ черный монахъ“...

и „Видѣніе“, напечатанное въ статьѣ Шестакова „Юношескія произведенія Лермонтова“ (*Рус. Вѣст.* 1857 г., т. 11, стр. 321), не говоря уже о тѣхъ пьесахъ „изъ Байрона“, которыя можно найти въ оглавленіи въ „Сочиненіяхъ Лермонтова“.

«Не думай, чтобъ я былъ достоинъ сожалѣнья.

Хотя теперь слова мои печальны,—нѣтъ,

Нѣтъ, всѣ мои жестокія мученія —

Одно предчувствіе гораздо большихъ бѣдъ.

Я молодъ, но кипять на сердцѣ звуки

И Байрона достигнутъ я-бъ хотѣлъ.

У насъ одна душа, одинъ и тѣ же муки,—

О, еслибъ одинаковъ былъ удѣлъ!

Какъ онъ, ищу забвенія и свободы,

Какъ онъ, *въ ребячествѣ пылалъ ужъ я душой,*

Любилъ закатъ въ горахъ, пѣнящіяся воды

И бурь земныхъ, и бурь небесныхъ вой.

Какъ онъ, ищу спокойствія напрасно,

Гонимъ повсюду мыслию одной.

Гляжу назадъ—прошедшее ужасно,

Гляжу впередъ—тамъ нѣтъ души родной» («Соч.», т. II,
стр. 96).

Юноша такъ увлекался Байрономъ, что постоянно приравниваетъ судьбу его къ своей. Свою раннюю любовь онъ поясняетъ сходствомъ съ нимъ. Сходство видитъ онъ и въ первыхъ признакахъ проявленія таланта: «Когда началъ я мараť стихи въ 1828 году, я какъ бы по инстинкту переписывалъ и прибиралъ ихъ. Они теперь еще у меня. Нынѣ я прочелъ въ жизни Байрона, что онъ дѣлалъ то же самое: это сходство меня поразило». Затѣмъ далѣе онъ пишетъ: «Еще сходство въ жизни моей съ лордомъ Байрономъ: его матери въ Шотландіи предсказала старуха, что онъ будетъ великій человекъ и будетъ два раза женатъ; про меня на Кавказѣ старуха предсказала то же самое моей бабушкѣ. Дай Богъ, чтобъ и надо мной сбылось, хотя-бъ я былъ такъ же несчастливъ, какъ Байронъ» ⁷⁰). Однако и это вліяніе Лермонтовъ скоро пережилъ и понялъ, что онъ—не Байронъ, а «другой, еще невѣдомый, избранникъ», и избранникъ съ русскою душой. Впрочемъ, о такъ-называемомъ «байронизмѣ Лермонтова» мы еще

⁷⁰) «Юношескія тетради Лермонт.», стр. 246. Въ Тарханахъ старушки, бывшія воровыя дѣвушки, рассказывали мнѣ, что, въ первую еще поѣздку на Кавказъ, бабушкѣ, гулявшюю съ внукомъ и Христиной Ремеръ, остановила цыганка. Она предсказала, что Ремеръ умретъ скоро, а Лермонтовъ „приметъ смерть изъ-за спорной жонки“. Ремеръ вѣрила въ это предсказаніе и дѣйствительно умерла на Кавказѣ.

будемъ говорить. Любопытно, что Лермонтовъ среди увлеченій Байрономъ инстинктивно чувствуетъ необходимость найти противовѣсъ влиянію чужеземнаго писателя и ищетъ его въ родной литературѣ.

Родная литература наша тогда еще мало могла дать ему. Образцовые наши поэты блѣднѣли отъ сравненія съ иностранными, такъ что около того же времени Бѣлинскій могъ говорить о несуществованіи русской литературы. Лермонтовъ въ тѣхъ же тетрадяхъ, въ коихъ занятъ Байрономъ, какъ бы съ отчаяніемъ восклицаетъ: «Наша литература такъ бѣдна, что я изъ нея ничего не могу заимствовать. Въ пятнадцать же лѣтъ умъ не такъ быстро принимаетъ впечатлѣнія, какъ въ дѣтствѣ, но тогда почти ничего не читалъ. Однако же если захочу вдаться въ народную поэзію, то вѣрно нигдѣ больше не буду ее искать, какъ въ русскихъ пѣсняхъ». Съ этими пѣснями знакомилъ Михаилъ Юрьевича учитель русской словесности, семинаристъ Орловъ. Онъ давалъ уроки Аркадію Столыпину, сыну владѣтельницы Середнекова, Екатерины Апраксѣевны. Орловъ имѣлъ слабость придерживаться чарочки. Его держали въ черномъ тѣлѣ и не любилъ, чтобы дѣти внѣ уроковъ были въ его обществѣ. Лермонтовъ, который былъ на нѣсколько лѣтъ старше своего родственника, бесѣдовалъ съ семинаристомъ и этотъ поправлялъ ему ошибки и объяснялъ ему правила русской версификаціи, въ которой молодой поэтъ былъ слабъ⁷¹⁾. Часто бесѣды оканчивались спорами. Миша никакъ, конечно, не могъ увлечься красотами поэтическихъ произведеній, которыми угощалъ его Орловъ изъ запаса своей семинарской мудрости, но охотно слушалъ онъ народныя пѣсни съ которыми тотъ знакомилъ его.

Въ рано созрѣвшемъ умѣ Миши было, однако, много дѣтскаго: будучи въ старшихъ классахъ университетскаго пансіона много и серьезно читая, онъ въ то же время находилъ забаву въ томъ, чтобы клеить съ Аркадіемъ изъ папки латы и, вооружаясь самодѣльными мечами и копьями, ходить съ нимъ въ глухія мѣста воевать съ воображаемыми духами. Особенно привлекали ихъ воображеніе развалины старой бани, кладбище и такъ-называемый «Чортовъ мостъ». Товарищемъ ночныхъ посѣщеній кладбищъ, или уединеннаго, страхъ возбуждающаго, мѣста бывалъ нѣкто Лаптевъ, сынъ семьи, жившей по близости въ имѣніи

⁷¹⁾ Изъ рассказовъ Аркадія Дмитр. Столыпина.

восьмь ⁷²⁾). Описание такого ночного похода сохранилось тоже въ армовой тетради:

«Середнигово.—Въ Мыльнѣ.—Ночью, когда мы ходили по-
плугать», гласитъ заглавіе стихотворенія.

Сижу я въ комнатѣ старинной
Одинъ съ товарищемъ моимъ.
Фонарь горитъ и тѣнью длинной
Поль омраченъ. Какъ легкій дымъ,
Туманъ окрестность одѣваетъ
И хладный вѣтеръ по листьямъ
Высокихъ липъ перебѣгаетъ.
Я у окна. Опасно тамъ
Заснуть, а какъ узнать?—быть-можетъ
Приходъ неожиданный насъ встревожитъ...
Готовъ мой вѣрный пистолетъ,
Въ стволѣ свинець, на полкѣ порохъ.
У двери слушаю. Чу!... шорохъ
Въ развалинѣ и... крикъ!... Но нѣтъ,
То мышь летучая промчалась,
То птица ночи испугалась...
На темной синевѣ небесъ
Луна межъ тучами ныряетъ.
Спокоенъ я... Душа пылаетъ
Отвагой... Ни мертвецъ, ни бѣсъ,
Ничто меня не испугаетъ,—
Ничто! Волшебный талисманъ
Я на груди ношу съ тоскою;
Хоть не твоей любовью данъ,
Онъ освященъ твоей рукою *).

Тутъ же рядомъ съ этими стихотвореніями, описывающими ребяческое похождение юноши, жаждущаго фантастическихъ, возбуждающихъ нервы, впечатлѣній, мы находимъ слѣды серьезной мысли и серьезнаго чтенія: «Я читаю «Новую Элоизу». Признаться, я ожидалъ больше генія, больше познанія природы и истины. Ума слишкомъ много. Идеалы... что въ нихъ?—они прекрасны, чудесны, но несчастные софизмы, одѣтые блестящими выраженіями, не мѣшаютъ видѣть, что они—все идеалы. Вертеръ лучше.

⁷²⁾ Ibid.

*) Не изд. стих.

Тамъ человѣкъ — болѣе человѣкъ. У Жанъ-Жака даже пороки не таковы, какіе они есть; у него герои насильно хотятъ увѣрить читателя въ своемъ великодушіи. Но краснорѣчіе удивительное. И послѣ всего я скажу, что хорошо, что у Руссо, а не у другого, родилась мысль написать «Новую Элоизу».

Итакъ, и Байронъ, и Руссо, и Гёте занимали умъ юноши въ то время, какъ фантазія прибѣгала къ самымъ страннымъ средствамъ для удовлетворенія жажды сильныхъ ощущеній. Тревога душевная и романтическое настроеніе искали себѣ выхода въ сердечной привязанности. Мы видѣли, какъ рано началъ Лермонтовъ жить сердцемъ. Еще неясный для него языкъ страстей встрѣчалъ десятилѣтняго мальчика. Ранняя чувствительность, сентиментализмъ эпохи, прирожденная чуткость души и образы разныхъ героевъ и героинь изъ прочитаннаго — все это волновало воображеніе. Къ тому же окружалъ его преимущественно женскій міръ. Жажду любви мальчикъ переносилъ съ одного предмета на другой, увлекаясь то въ ту, то въ другую сторону. Услужливое живое воображеніе рисовало ему въ разномъ свѣтѣ встрѣчаемымъ типъ дѣвушекъ и самому юношѣ трудно было отдать себѣ отчетъ въ волновавшихъ чувствахъ, уразумѣть, что было болѣе истиннымъ, что преходящимъ, минутнымъ увлеченіемъ.

Къ стихотворенію «Геній», писанному въ 29 году, рукою Лермонтова сдѣлана приписка: «Напомянате о томъ, что было въ Ефремовской деревнѣ въ 1827 году, гдѣ я во второй разъ полюбилъ 12 лѣтъ и понынѣ люблю»⁷³⁾. Кто была эта вторая страсть поэта, мы частью можемъ догадываться изъ одной замѣтки въ тетради 30 года: «Мнѣ 15 лѣтъ... Я однажды (3 года назадъ) укралъ у одной дѣвушки, которой было 17 лѣтъ, и потому безпредѣльно любимой мною, бисерный синій снурокъ; онъ и теперь у меня хранится. Кто хочетъ узнать имя дѣвушки, пускай спроситъ у двоюродной сестры моей. — Какъ я былъ глупъ!» Кто же была эта двоюродная сестра? У Лермонтова было много родственницъ, которыя всѣ слыли за двоюродныхъ сестеръ его. Что могутъ значить слова: «какъ я былъ глупъ!» Не сказаны ли они въ порывѣ острой боли, или минутнаго разочарованія? Во всякомъ случаѣ нѣтъ сомнѣнія, что и эта, по выраженію самого поэта, «вторая любовь», длившаяся три года, сильно тревожила и наполняла душу его; но къ 1830

⁷³⁾ „Сочин. Лермонт.“, т. III, стр. 16 и 609. Въ тетрадяхъ г. Краевского приписка сдѣлана рукою Лермонтова другимъ почеркомъ, очевидно, позднѣе, нежели когда написано стихотвореніе.

му она уже кончилась. Что дѣвушка имъ любимая была близкою родственницей, и именно сестрой, ясно видно изъ цѣлаго ряда произведеній того времени. Въ драмѣ «Люди и страсти» выводится любовь Юрія Волина къ двоюродной сестрѣ его Любви. Въ юношеской повѣсти «мы тоже видимъ любовь Вадима къ сестрѣ и отсутствіе взаимности дѣлаетъ Вадима дурнымъ, развѣять въ немъ демоническія черты («Соч.», II, 261). Въ этихъ двухъ образахъ — Юрія Волинъ и Вадимъ — Лермонтовъ по преимуществу рисовалъ самого себя. Оба произведенія принадлежатъ къ одной эпохѣ; въ обоихъ, особенно въ драмѣ, какъ vimos мы, почти дословно пересказывается дѣйствительно перешитое. Чѣмъ больше вчитываться въ произведенія Лермонтова, тѣмъ больше знакомиться съ душой его, тѣмъ несомнѣннѣе является увѣренность, что какъ разъ въ эти годы, въ которые было положено начало для всей позднѣйшей дѣятельности поэта, внесъ онъ большую нравственную борьбу. Это нравственное страданіе было связано не только съ трагическою для юноши распріею между отцомъ и бабушкою, но и съ сердечными муками любви. Не даромъ же въ одномъ и томъ же произведеніи описываетъ онъ оба трагическія въ жизни его событія. Этотъ мотивъ несчастной любви, губящій человѣка, замѣчается и въ «Испанцахъ», и въ «Странномъ человѣкѣ», и въ наброскахъ «Демона», въ которомъ потомъ получаетъ новое, еще другимъ эпизодомъ жизни Лермонтова обусловленное, значеніе.

Достойно сожалѣнія, что въ рукописи драмы «Люди и страсти» (Menschen und Leidenschaften) невозможно разобрать имени, ему посвящена она, — это бы раскрыло и уяснило намъ многое. На заглавномъ листѣ этой драмы, возлѣ тщательно зачеркнутаго имени, Лермонтовъ нарисовалъ перомъ поясной *портретъ дѣвушки подъ деревомъ*. Самое посвященіе тоже знаменательно:

Тобою только вдохновенный,
Я строки грустныя писалъ, —
Не зналъ ни славы, ни похвалъ;
Не мысля о толпѣ презрѣнной,
Одной тобою жилъ поэтъ,
Скрываючи въ груди мятежной
Страданья многихъ, многихъ лѣтъ,
Свои мечты, твой образъ нѣжный.
На зло враждующей судьбѣ

Имѣлъ онъ лишь одно въ предметѣ:
Всю душу посвятить тебѣ,
И больше никому на свѣтѣ...

Въ черновой тетради на томъ же листѣ, гдѣ говорится о любви къ двоюродной сестрѣ, мы находимъ какъ бы дальнѣйшее еще разъясненіе этой любви и намеки на разрывъ. Прежде всего мы читаемъ стихотвореніе.

Дереву (1830 г.).

Давно ли съ зеленою радушной
Передо мной стояло ты
И я корѣ твоей послушной
Ввѣрялъ любимыя мечты!
Лишь годъ назадъ, два талисмана
Свѣтились въ тѣни твоей,
И лжи и замысла обмана
Не крылося въ душѣ дѣтей.
Дѣтей... О, да, я былъ ребенокъ!
Промчался легкій страсти сонъ;
Дремоты флѣръ былъ слишкомъ тонокъ, —
Въ единый мигъ прорвался онъ.
И деревцо съ моею любовью
Погибло, чтобы вновь не цвѣсть...
Я жизнь его купилъ бы кровью,
Но какъ переимѣнить что *есть?* *)
Ужели также вдохновенье
Умреть невозвратно съ нимъ?
Иль шуму свѣтскаго волненья
Бороться съ сердцемъ молодымъ?
Нѣтъ, нѣтъ, мой духъ безсмертной силой,
Мой геній вѣки пролетитъ
И эти вѣтви надъ могилой
Пѣвца-страдальца освѣтитъ!...

Вслѣдъ за этимъ, какъ бы примѣчаніемъ къ стихотворенію Лермонтовъ пишетъ:

«Мое завѣщаніе (про дерево, гдѣ я сидѣлъ съ А. С.): Скроните меня подъ этимъ сухимъ деревомъ, чтобы два образа смерти предстояли глазамъ вашимъ. Я любилъ, я любилъ по...

*) Подчеркнуто Лермонтовымъ.—Стихотвореніе не изданное.

и слышалъ волшебное—*люблю*, которое потрясло судорожнымъ движеніемъ каждую жилу моего сердца. Въ то время это слово еще цвѣтущее, при свѣжемъ вѣтрѣ, покачало головой и речотомъ молвилъ: «безумецъ, что ты дѣлаешь? (Оно засохло.) Время постигло мрачнаго свидѣтеля радостей человѣческихъ прежде меня. Я не плакалъ, ибо слезы есть принадлежность тѣхъ, у которыхъ есть надежды, но тогда же взялъ бумагу и сдѣлалъ мѣдующее завѣщаніе: «Похороните мои кости подъ этой сухою блоней, положите камень—и пускай на немъ ничего не будетъ написано, если одного имени моего не довольно будетъ доставить ему безсмертіе...» ⁷⁴⁾).

Такъ Лермонтовъ ввѣрялъ бумагѣ каждое движеніе души, большею частію выливая ихъ въ стихотворную форму. Онъ всюду находилъ обрывки мыслей и стихотвореній. Каждымъ попадавшимъ клочкомъ бумаги пользовался онъ, и многое погибло безвозвратно.

«Подбирай, подбирай,—говорилъ онъ шутя своему человѣку, найдя у него ворохъ бумажныхъ обрывковъ со своими стихами,—во-временемъ большія будутъ деньги платить, богатъ станешь». Когда не случалось подъ рукою бумаги, Лермонтовъ писалъ на столѣхъ, на стѣнѣ, на переплетѣ книгъ, на днѣ деревяннаго ящика,—гдѣ попало ⁷⁵⁾).

Гоголь говаривалъ, что писатель долженъ, какъ художникъ, постоянно имѣть при себѣ карандашъ и бумагу. Плохо, если пройдетъ день и художникъ ничего не набросаетъ. Плохо и для писателя, если онъ пропуститъ день; не записавъ ни одной мысли, ни одной черты,—надо въ себѣ поддерживать умѣнье выливать въ форму думы свои ⁷⁶⁾).

⁷⁴⁾ „Сочин. Лерм.“, т. II, стр. 613. Про эту замѣтку г. Дудышкинъ („Учен. стр.“, стр. 248) говоритъ: „Есть въ тетради VI замѣтка, которая касается биографіи автора и въ то же время объясняетъ позднѣйшее его преследованное стихотвореніе: „Выхожу одинъ я на дорогу“... Удивительное сближеніе!—такъ рассказываютъ многіе близко знавшіе Лермонтова, А. П. Шангирей, товарищъ его по школѣ, ген.-адъют. Потаповъ и другіе. См. также замѣчанія въ „Воспоминанія Е. А. Хвостовой“ сестры ея Ел. Ладыженской (Рус. Вѣстн. 1872 г., № 2, стр. 653).

⁷⁵⁾ О томъ, что Лермонтовъ шутя совѣтовалъ подбирать исписанные листы, рассказывалъ мнѣ въ Тарханахъ сынъ Лермонтовскаго камердинера со словъ отца своего. Другой человѣкъ Лермонтова рассказывалъ, какъ, посѣщая барина на купцахъ въ Петербургѣ, онъ видѣлъ исписанными всѣ стѣны, „начальство за во сердчало—и М. Ю. перевели на другую гауптвахту“.

⁷⁶⁾ Изъ рассказовъ о Гоголѣ, сообщенныхъ мнѣ А. О. Смирновой въ 1867 г. въ Женевѣ.

Этотъ рецептъ, рекомендованный Гоголемъ каждому писателю, Лермонтовъ выполнялъ вполнѣ. Онъ даже самъ подтрунивалъ надъ «этою смѣшною страстью своею всюду оставляя слѣды своего существованія»⁷⁷⁾, а въ тетрадяхъ 30-го года пишетъ—очевидно самому себѣ—«Эпитафію плодовитому писака»: «Здѣсь покоится человѣкъ, который никогда не видалъ передъ собою бѣлой бумажки».

Хотя Лермонтовъ и похоронилъ любовь свою подъ сухою яблонью, однако оставаться съ незанятымъ сердцемъ было не въ его характеръ, пылкомъ и увлекающемся. Бѣмъ-то изъ окружающихъ его дѣвушекъ поэтъ увлекся, но не надолго. Среди лѣтъ 30-го года онъ пишетъ:

Все тихо.—Полная луна
Блеститъ межъ ветель надъ прудомъ
И возлѣ берега волна
Съ холоднымъ рѣзнется лучомъ.

* * *

Никто, никто не усладилъ
Въ изгнаньи семь тоски мятежной.
Любить?—*три раза я любилъ,*
Любилъ три раза безнадежно *).

По увѣреніямъ Екатерины Александровны Хвостовой, она въ это лѣто стала предметомъ любви Лермонтова. Что это увѣреніе не лишено основанія, мы видимъ изъ того, что самъ Михаилъ Юрьевичъ, позднѣе, въ одномъ письмѣ, говоритъ объ Екатеринѣ Александровнѣ: «... было время, когда она мнѣ правилась...»⁷⁸⁾ Но какъ долго это длилось и насколько серьезно было чувство, это—вопросъ другой.

У бабушки Арсеньевой въ Среднихъ гостили зачастую знакомые, сосѣди и пріѣзжіе изъ Москвы. Сюда пріѣзжали Лопухины: три сестры и братъ Алексѣй Александровичъ, съ коимъ Лермонтовъ и прежде и послѣ оставался въ самой искренней

⁷⁷⁾ *Drôle de passion de laisser partout des traces de son passage!* („Сочин. Лермонтовъ“, т. I, стр. 515) сказано Лермонтовымъ по поводу головы, нарисованной имъ въ домѣ Лопухиныхъ.

^{*)} Не изданное еще стихотвореніе.

⁷⁸⁾ ..... *il y eut un temps ou elle me plaisait*“.... изъ письма отъ 23 декабря 1835 (?) года („Сочин. Лермонтовъ“, т. I, стр. 527 и прим. 39). Въ напечатанномъ экземплярѣ пропускъ. Автографъ находится у г. Бартенева, который былъ такъ обязателенъ, позволивъ мнѣ снять копію.

друзья. Гачивали и сестры Бахметевы; бабушка приютила этихъ небогатыхъ дѣвушекъ и съ одной изъ нихъ, съ Софьей Александровной, Лермонтовъ былъ особенно близокъ. Съ жившею по соседству двоюродной сестрой своею, Александрой Михайловной Шрецагиной, Лермонтовъ тоже былъ очень друженъ и посвятилъ ей не мало стихотвореній; между прочимъ и поэмѣ свою «Ангель смерти». Черезъ нее еще въ Москвѣ познакомился Мишель съ Катей Сушковой.

Въ Середниково прѣзжали и кузины Столыпины, между коими Анна Григорьевна еще и прежде пользовалась расположеніемъ молодого поэта. Но всѣмъ имъ онъ писалъ стихи, то почувствованные и разочарованные, то саркастическіе. Въ черновыхъ тетрадяхъ сохранилось не мало эпиграммъ или посланій къ разнымъ московскимъ роднымъ и знакомымъ. Многія изъ нихъ напечатаны въ «Собраніи сочиненій Лермонтова» (т. II, стр. 69 и т. д.), но многія остались въ рукописи и не мало, вѣроятно, разобраны по частямъ, или давно утрачены⁷⁹⁾. Отъ ѣдкихъ подчасъ словъ поэта не уберегали себя ни старъ, ни младъ. Страсть къ язви-

⁷⁹⁾ Такъ въ IV тетради г. Краевского, сколько мнѣ извѣстно, не напечатаны въ такъ-называемыя эпиграммы, посвященныя Сабуровой.

1-я.

Какъ, вы поэта огорчили
И не наказаны потомъ?
Три года ровно вы шутили
Его любовью и умомъ.

* * *

Нѣтъ, вы не поняли поэта,
Его души печальный сонъ...
Вы небожъ созданы для свѣта,
Но не для васъ былъ созданъ омъ.

2-я.

Вы мнѣ однажды говорили,
Что не привыкли въ свѣтѣ жить.
Не спорю въ этомъ; но не вы ли
Себя заставили любить?
Все, что привычкою другіе
Приобрѣтаютъ, вы—душой,
И что у нихъ—слова пустыя,
То—не обманъ у васъ одной.

тельной и мѣткой насмѣшкѣ, доставившей Лермонтову столько враговъ, рано выказывается въ немъ.

Г-жа Хвостова въ своихъ воспоминаніяхъ упоминаетъ о нѣсколькихъ подобныхъ случаяхъ. «Всякій вечеръ послѣ чтенія за тѣвались игры. Тутъ-то отличался Лермонтовъ. Одинъ разъ онъ предложилъ намъ сказать всякому изъ присутствующихъ, въ стихахъ или прозѣ, что-нибудь такое, что бы приходилось вставить у Лермонтова былъ всегда злой умъ и рѣзкій языкъ и мы, хотя съ трепетомъ, но согласились выслушать его приговоръ. Онъ началъ съ Сашеньки Верещагиной:

«Что можно наскоро стихами молвить ей?

Мнѣ истина всегда дороже;

Подумать не успѣвъ: ты всѣхъ милѣй!

Подумавъ, я скажу все то же».

... Батѣ Сушковой Лермонтовъ сказалъ, заимствуя у Пушкина четырехстишіе съ намекомъ на прекрасную ея косу:

«Вокругъ лилейнаго чела

Ты косу дважды обвила;

Твои плѣнительныя очи

Яснѣ дня, чернѣ ночи».

«Бъ обыкновенному нашему обществу присоединился въ этотъ вечеръ необыкновенный родственникъ Лермонтова. Его звали Иваномъ Яковлевичемъ; онъ былъ глупъ и рыжъ и на свою же голову обидѣлся тѣмъ, что Лермонтовъ ничего ему не сказалъ. Иходя въ карманъ за острымъ словомъ, Мишель скороговоркой проговорилъ ему: «Vous êtes Jean, vous êtes Jacques, vous êtes

Щербатовой.

Повѣрю-ль я, чтобъ вы хотѣли

Покинуть общество Москвы,

Когда отъ самой колыбели

Ея кумиромъ были вы?

Что дастъ вамъ скучный берегъ Невы?

Ужель тамъ больше, больше веселятся?

Ужель и баловъ больше тамъ?

Нѣтъ, какъ мудрецъ скажу я вамъ:

Гораздо лучше вамъ остаться.

Почему Дудышенинъ, а затѣмъ и г. Ефремовъ не помѣстили этихъ эпиграммъ, которыя писаны въ 1830 году и составляютъ одну группу съ помѣщенными въ 2-мъ томѣ „Собр. сочин.“, на стр. 69,—не знаю.

oux, vous êtes sot et cependant vous n'êtes point Jean-Jacques Rousseau».

«Еще была тутъ одна барышня, сосѣдка Лермонтова по чембарской деревнѣ, и упрашивала его не терять словъ для нея и для воспоминанія написать ей хоть строчку правды для ея альбома. Онъ ненавидѣлъ попрошаегъ и чтобъ отдѣлаться отъ ея настойчивости сказалъ: «ну, хорошо, дайте листъ бумаги, я вамъ выскажу правду». Сосѣдка поспѣшно принесла бумагу и перо и онъ началъ:

«Три граціи...»

Барышня смотрѣла черезъ плечо на рождающіяся слова и воскликнула:

— Михаилъ Юрьевичъ, безъ комплиментовъ,—я правды хочу!

— Не тревожьтесь, будетъ правда,—отвѣтилъ онъ и продолжалъ:

«Три граціи считались въ древнемъ мірѣ.

Родились вы,—все три, а не четыре!»

«За такую сцену можно было бы платить деньги. Злое торжество Мишеля, душившій насъ смѣхъ, слезы воспѣтой и утѣшенія Jean-Jacques—все представляло комическую картину...»

Въ черновыхъ тетрадяхъ тоже находятся попытки саркастическаго отношенія къ лицамъ, встрѣчаемымъ поэтомъ. Въ четырехстишію «Моя мольба» Лермонтовъ дѣлаетъ приписку: «писано послѣ разговора съ одной очень мнѣ извѣстной старухой, которая восхищалась и читала и плакала надъ *грандисономъ*».

Да охранюся я отъ мушекъ,
Отъ дѣвъ не знающихъ любви,
Отъ дружбы слишкомъ нѣжной и—
Отъ романтическихъ старушекъ.

Не безъ сарказма, по свидѣтельству самой Еватерины Александровны («Записки», стр. 92), относился Лермонтовъ и къ ней. Разъ утромъ онъ послалъ м-ле Сушковой стихотвореніе. На сложенной сѣренькой бумажкѣ было написано: «Ей правда». Развернувъ, она прочла.

Весна.

Когда весной разбитый ледъ
Рѣкой взволнованной идетъ,
Когда среди полей мѣстами

Чернѣть голая земля
 И мгла ложится облаками
 На полу-юныя поля, —
 Мечтанье злое грусть лелѣть
 Въ душѣ неопытной моей,
 Гляжу: природа молодѣть,
Не молодѣть лишь только ей.
 Ланить спокойныхъ пламень алый
 Съ годами время унесетъ,
 И тотъ, кто такъ страдалъ бывало,
 Любви къ ней въ сердцѣ не найдетъ!

(«Сочин.», т. II, стр. 101).

Что г-жа Хвостова, тогда еще м-ле Сушкова, нравилась по эту, отвергать, уже на основаніи вышеприведеннаго признанія самого Лермонтова, конечно, нельзя. Но, повторяю, какъ долго дѣлось увлеченіе и была ли это любовь, или только мимолетная симпатія—вотъ вопросъ. Мнѣ кажется, что г-жа Хвостова въ запискахъ своихъ склонна преувеличивать немного страсть поэта. Я говорю пока о первой встрѣчѣ съ нею. О томъ, что было, когда онъ уже офицеромъ, а не мальчикомъ, увидалъ ее, будетъ говорено въ своемъ мѣстѣ. Рядъ стихотвореній, даже цѣлая тетрадь, или альбомъ, переданный мальчикомъ-поэтомъ дѣвушкѣ ничего еще не доказываетъ. Лермонтовъ въ то время многимъ знакомымъ и роднымъ ему барышнямъ переписывалъ стихи свои или посвящалъ имъ цѣлыя поэмы.

«Голова Лермонтова была набита,—по выраженію все той же г-жи Хвостовой,—романтическими идеями и рано было развито въ немъ желаніе попасть въ губители сердець». Онъ платилъ дань общему тогда направленію молодежи. Это свидѣтельство скорѣе говоритъ противъ существованія тогда серьезной привязанности къ расказницѣ.

Сама Екатерина Алексѣевна въ то время подсмѣивалась надъ юношей-поэтомъ виѣсть съ подругой своей, Сашенькой Верещагиной: «Очень подсмѣивались мы надъ нимъ въ томъ, что онъ не только былъ неразборчивъ въ пищѣ, но никогда не зналъ, что ѣлъ—телятину или свинину, дичь или барашка. Мы говорили, что, пожалуй, онъ современемъ, какъ Сатурнъ, будетъ глотать булыжники. Наши насмѣшки выводили его изъ терпѣнія; онъ спорилъ съ нами почти до слезъ, стараясь убѣдить насъ въ

ичности своего гастрономическаго вкуса; мы поблились объидать, что увеличимъ его въ противномъ на дѣлѣ. И въ тотъ самый день, послѣ долгой прогулки верхомъ, велѣли мы напѣть къ чаю булочекъ съ опилками, и что же?—Мы вернулись домой утомленные, голодные, съ жадностью принялись за чай, а шп-то гастрономъ Мишель не поморщась проглотилъ одну булочку, принялся за другую и уже придвинулъ къ себѣ третью, но Сашенька и я—мы остановили его за руку, показывая въ то же время на неудобоваримую для желудка начинку. Тутъ не на шутку взбѣсился онъ, убѣждалъ отъ насъ и не только не говорилъ намъ ни слова, но даже и не показывался нѣсколько дней, створившись больнымъ».

Въ другомъ мѣстѣ говорится: «Сашенька и я обращались съ Лермонтовымъ какъ съ мальчикомъ, хотя и отдавали полную справедливость его уму. Такое обращеніе бѣсило его до крайности,—онъ домогался попасть въ юности въ нашихъ глазахъ...» съ своей стороны и Лермонтовъ въ долгу не оставался. Молодежь, толпившаяся въ Середниговѣ, подмѣтивъ въ Катѣ Сушковой слабость заниматься прекрасными своими волосами и черными очами, надъ нею подтрунивала и называла ее «черноокой». Катя Хвостова откровенно разсказываетъ: «У меня чудные волосы и я до сихъ поръ люблю ихъ выказывать; тогда я ихъ носила просто заплетенными въ одну огромную косу, которая два раза обвивала голову». Заглавіе «черноокой» носить и одно стихотвореніе Лермонтова, писанное имъ къ Сушковой съ эпиграммомъ:

Твои пѣвнательныя очи
Яснѣ дня, чернѣ ночи».

Черновой набросокъ этого стихотворенія сохранился въ тетрадь Лермонтова съ припискою, которая очень уясняетъ и его происхожденіе; и характеръ отношенія мальчика-поэта къ черноокой дѣвушкѣ-красавицѣ.

Передъ отъездомъ бабушки Арсеньевой изъ Середникова въ Москву; гдѣ Мишель по окончаніи баникулъ долженъ былъ продолжать ученіе, всѣмъ обществомъ собрались въ путь, намѣреясь посѣтить Сергіевскую лавру и Воскресенскій монастырь.

Надо было подняться рано утромъ. Молодежь рѣшила собраться подъ окнами м-ле Сушковой и разбудить ее пѣніемъ. Мистеръ Кордъ, губернёръ Армадія Столынина, подавъ мысль.

Молодежь, говоря между собою по-английски, называли Елаторъ Алексѣевну «Miss black eyes» (черноокою барышней) и помня рядъ относительно ея стихъ:

Never in our lives
Have we seen such black eyes.

(Никогда въ жизни мы не видали такихъ черныхъ глазъ.)

Рѣшено было пробудить «черноокою» пѣниемъ этихъ строкъ и въ назначенный часъ раздалось подъ окномъ ея пѣніе, а тамъ говоръ и клики веселаго кружка. По поводу этого событія и написано было стихотвореніе «Черноокою», поднесенное г-же Сушковой и въ первомъ наброскѣ имѣвшее такой видъ:

Вблизи тебя до этихъ поръ
Я не слыхалъ въ груди огня;
Встрѣчалъ ли твой прелестный взоръ,
Не билось сердце у меня.
Въ лѣсахъ по узенькимъ тронамъ
Не рѣдко я бродилъ съ тобой;
Ихъ шумомъ любовался тамъ,
Меня не трогалъ голосъ твой.
И что-жь?—разлуки первый звукъ
Меня заставилъ трепетать.
Нѣтъ, нѣтъ, онъ не предвѣстникъ мукъ!
Я не люблю, зачемъ скрывать!
Однакоже, хоть день, хоть часъ
Еще желалъ бы здѣсь пробыть,
Чтобъ блескомъ этихъ чудныхъ глазъ
Души тревогу усмирить⁸⁰⁾.

Подъ заголовкомъ стихотворенія въ скобкахъ рукою Лермонтова сдѣлана замѣтка: «къ С. (Сушковой). (При выѣздѣ Середникова къ Miss Black-eyes. — Шутка предложенная М(исс Когдъ)).»

Общество пошло на богомолье пѣшкомъ; только бабушка шла впереди въ каретѣ. Весело, смѣясь и болтая, шла молодежь. На четвертый день прибыли въ лавру. Остановились въ трактирѣ. Умылись, переодѣлись и пошли въ монастырь отъ

⁸⁰⁾ («Сочин. Лерм.», т. II, стр. 99) Разсказано мнѣ Аркадіемъ Дмитриевичемъ Столгшинскимъ и Акимомъ Павловичемъ Шангиреемъ. Сравни «Записки Хвостовой» стр. 82, и дальнѣйшій разсказъ.

ить молебень. На паперти повстрѣчали сѣрнаго нищаго. Дрях-
ло, дрожащею рукой протянулъ онъ деревянную чашку, въ ко-
рую спутники стали кидать ему мелкія деньги. Нищій кре-
тился и благодарилъ: «Подай вамъ Богъ счастья, — говорилъ онъ, —
всёгда добрые! Намедни вѣтъ насмѣялись надо мною, тоже гос-
пода молодые, — замѣсто денегъ положили мнѣ камешковъ».

Помолясь въ храмѣ, общество вернулось въ гостиницу по-
бѣдять и отдохнуть. Всѣ говорили, суетились, только Лермон-
товъ, углубившись въ самого себя, не принималъ участія въ
общемъ весельи. Онъ стоялъ поодаль на колѣняхъ и, положивъ
умагу на стулъ, что-то писалъ. Вѣрный своему обыкновенію,
онъ передалъ бумагъ впечатлѣнія и думы, занимавшія его:

У вратъ обители святой
Стоялъ просящій подающа,
Безсильный, блѣдный и худой
Отъ глада, жажды и страданья.

Буска лишь хлѣба онъ просилъ
И взоръ являлъ живую муку,
И кто-то камень положилъ
Въ его протянутую руку!

Такъ я молилъ твоей любви
Съ слезами горькими, съ тоскою;
Такъ чувства лучшія мои
На вѣкъ обмануты тобою. («Соч.» , т. II, стр. 100)

Въ Воскресенскомъ монастырѣ, на стѣнахъ жилища Никона,
Лермонтовъ начертилъ два стихотворенія, рисующія занимавшія
его думы. Изъ нихъ первое напечатано («Сочин.» , т. II, стр. 91),
второе же осталось не изъятимъ изъ черновой тетради:

Передо мной готическое зданье
Стоитъ какъ тѣнь былыхъ годовъ;
При немъ тѣснится пониманье
Еъ намъ въ грудь того, чему нѣтъ словъ,
Что выше теплаго участья,
Святѣй любви, спокойнѣй счастья.
Быть-можетъ черезъ много лѣтъ

Сія священная обитель
 Оставить только мрачный слѣдъ,
 А любопытный посѣтитель
 Въ развалинахъ людей ипать
 Напрасно станеть, чтобъ узнать,
 Гдѣ образъ божеской могилы
 Между златыхъ колоннъ стоялъ,
 Гдѣ теплились паникадилы,
 Гдѣ гласъ отшельниковъ звучалъ,
 Гдѣ передъ Богомъ изливали
 Свой грѣхи, свои печали...
 И можетъ-быть найдетъ пришлецъ.
 Пергаментъ пыльный и увидить,
 Какъ сердце любить по конецъ,
 Иль безконечно ненавидить, —
 Какъ ни вериги, ни глобукъ
 Не облегчаютъ нашихъ мукъ.

Да, несмотря на внѣшнюю веселость и проказы, грустныя думы таились въ молодой душѣ поэта.

Пора уснуть послѣднимъ сномъ...
 Довольно въ мирѣ пожилъ я,
 Обмануть жизнью былъ во всемъ,
 И ненавидя, и любя.

Это стихотвореніе писано на оборотѣ послѣдняго листа черной тетради, принадлежащей къ разсматриваемой эпохѣ. Все же яснѣе все внутреннее состояніе молодого поэта, которое старались мы прослѣдить въ этихъ двухъ главахъ, выразилось въ стихотвореніи, писанномъ «11 іюня 1831 г.» и такъ же озаглавленномъ. Не желая выписывать всего, мы даемъ здѣсь только самыя характерныя отрывки.

Моя душа, я помню, съ дѣтскихъ лѣтъ
 Чудеснаго искала. Я любилъ
 Всѣ оболъщенья свѣта, но не свѣтъ,
 Въ которомъ я минутами лишь жилъ;
 И тѣ мгновенья были мукъ полны,
 И населялъ таинственные сны
 Я этими мгновеньями.....

Никто не дорожить мной на землѣ
 И самъ себѣ я въ тягость, какъ другимъ.
 Тоска блуждаетъ на моемъ челѣ.
 Я холоденъ и гордъ, и даже злымъ
 Толпѣ кажуся; но ужель она
 Проникнуть дерзко въ сердце мнѣ должна?
 Зачѣмъ ей знать, что въ немъ заключено?
 Огонь иль сумракъ тамъ—ей все равно!

Не вѣрять въ міръ многіе любви
 И тѣмъ счастливы; для иныхъ она
 Желанье порожденное въ крови,
 Разстройство мозга, иль видѣнье сна.
 Я не могу любовь опредѣлить,
 Но это страсть сильнѣйшая!—Любить
 Необходимо мнѣ, и я любилъ
 Всѣмъ напряженіемъ душевныхъ силъ.
 И отучить меня не могъ обманъ.
 Пустое сердце ныло безъ страстей,
 И въ глубинѣ моихъ сердечныхъ ранъ
 Жила любовь, богиня юныхъ дней.
 Такъ въ трещинѣ развалинъ иногда
 Береза вырастаетъ—молода,
 И зелена, и взоры веселить,
 И украшаетъ сумрачный гранитъ,
 И о судьбѣ ея чужой пришлецъ
 Жалветъ: беззащитно предана
 Порыву бурь и зною, наконецъ,
 Увянетъ преждевременно она...
 Но съ корнемъ не исторгнетъ никогда
 Мою березу вихрь: она тверда.
 Такъ лишь въ разбитомъ сердцѣ можетъ страсть
 Имѣть неограниченную власть.

Такъ жизнь скучна, когда боренья нѣтъ.
 Въ минувшее проникнувъ, различить
 Въ ней мало дѣлъ мы можемъ: въ цвѣтѣ лѣтъ
 Она души не будетъ веселить.
 Мнѣ нужно дѣйствовать; я каждый день
 Безсмертнымъ сдѣлать бы желалъ, какъ тѣнь

Великаго героя, и понять
 Я не могу, что значить отдыхать.
 Всегда кипить и врѣзать что-нибудь
 Въ моемъ умѣ. Желанье и тоска
 Тревожатъ безпрестанно эту грудь.
 Но что-жь?—Мнѣ жизнь все какъ-то коротка,
 И все боюсь, что не успѣю я
 Свершить чего-то. Жажда бытія
 Во мнѣ сильнѣй страданій ровныхъ.

.....
 Душа сама собою стѣснена,
 Жизнь ненавистна, но и смерть страшна;
 Находишь корень мукъ въ себѣ самомъ
 И небо обвинить нельзя ни въ чемъ.
 Я къ состоянью этому привыкъ,
 Но ясно выразить его-бъ не могъ.
 Ни ангельскій, ни демонскій языкъ:
 Они такихъ не вѣдаютъ тревогъ;
 Въ одномъ все чисто, а въ другомъ все зло.
 Лишь въ человѣкѣ встрѣтиться могло
 Священное съ порочнымъ. Всѣ его
 Мученья происходятъ отъ того.

Мысли о смерти постоянно тяготѣютъ надъ нимъ:

Я предузналъ мой жребій, мой конецъ,
 И грусти ранняя на мнѣ печать,
 И какъ я мучусь, знаетъ лишь Творецъ;
 Но равнодушный міръ не долженъ знать.
 И не забыть умру я. Смерть моя
 Ужасна будетъ; чуждые края
 Ей удивятся, а въ родной странѣ
 Всѣ проклянуть и память обо мнѣ.

.....
 Кровавая меня могила ждетъ,
 Могила безъ молитвъ и безъ грета,
 На дикомъ берегу ревущихъ водъ
 И подъ туманнымъ небомъ; пуста
 Кругомъ. Лишь чужестранецъ молодой,
 Невольнымъ сожалѣньемъ и молвой,
 И любопытствомъ приведенъ сюда,

Сидѣть на камнѣ станеть иногда
 И скажетъ: отчего не понялъ свѣтъ
 Великаго, и какъ онъ не нашель
 Себѣ друзей, и какъ любви привѣтъ
 Бъ нему надежду въ сердце не привель?
 Онъ былъ ея достоинъ.—И печаль
 Его встревожить, онъ посмотреть вдаль:
 Увидить облака съ лазурью волнъ,
 И бѣлый парусъ, и бѣгущій челнъ,
 И мой курганъ!... Любимыя мечты
 Мои подобны этимъ; сладость есть
 Во всемъ, что не сбилось; есть красоты
 Въ такихъ картинахъ, только перенестъ
 Ихъ на бумагу трудно: мысль сильна,
 Когда размѣромъ словъ не стѣснена,
 Когда свободна, какъ игра дѣтей,
 Какъ арфы звукъ въ молчаніи ночей! *)).

Пав. Висковатый.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

*) „Сочин. Лермонт.“, т. II, стр. 139.—Хотя тутъ несомнѣнно вліяніе Байрона, но нельзя не видѣть и пережитаго и пережитоваго самимъ поэтомъ. Часть этого стихотворенія вошла въ драму „Странный человекъ“ („Юнош. драм.“, стр. 219), которая, по признанію самого автора, имѣетъ чисто-автобіографическое значеніе (тамъ же, стр. 198).

Очеркъ внутренняго управленія въ Россіи, начиняющійся съ московскаго періода *)

О Петрѣ Великомъ у насъ сложилось два противоположныя мнѣнія. Одни видятъ въ немъ безусловнаго подражателя иностранцамъ, истребившаго все, что въ народѣ было самобытнаго. Отрицая всякое живое цивилизующее значеніе въ русской исторіи и ея историческое право существованія, они уважаютъ Петрѣ могущественный проводникъ западно-европейской культуры. Другіе смотрятъ на Петра какъ на геніальнаго представителя московскихъ порядковъ, блистательно, хотя и не безъ силы, совершившаго въ одно свое царствованіе то, къ чему Москва инстинктивно и постоянно, но слишкомъ медленно и робко, стремилась съ той минуты, когда московскіе великіе князья возложили на себя вѣнецъ Палеологовъ: занять подобающее мѣсто въ средѣ европейскихъ образованныхъ странъ и, при сохраненіи особенностей русской жизни, усвоить себѣ плоды европейской цивилизаци. И то, и другое равно недостаточно и недостойно генія великаго государя. Петръ перенималъ у иностранцевъ ту внѣшнюю обстановку политической и экономической жизни, которую образованный человѣкъ переноситъ съ собою всюду, какъ установившійся комфортъ своего обыденнаго быта; но онъ съ головы до ногъ оставался русскимъ человѣкомъ и никогда въ своихъ преобразованіяхъ не коснулся тѣхъ живыхъ струнъ, которыя обуславливаютъ своеобразный строй нашей народно-физиологической жизни. Петръ неуклонно шелъ по пути, проложенному Моисеемъ, но лишь тамъ, гдѣ этотъ путь выводилъ прямо на широкую дорогу общечеловѣческой культуры; и съ болью, и съ кровью

*) *Русская Мысль*, кн. I.

онъ вырываетъ болѣзненные наросты, которые привились къ московской старинѣ подѣ долговременнымъ владычествомъ татаръ и суевѣрнымъ, мертвящимъ покровомъ византійскаго духовенства. Геній его, въ которомъ воплотились историческія судьбы русскаго народа на цѣлы столѣтія впередъ, зажегъ, гдѣ нужно, маяки, освѣщавшіе путь Россіи; и эти маяки указала ему не западная Европа, которая не понимала и не могла понять потребностей неизвѣстной для нея въ то время и своеобразной страны, и не московская Русь, съ своими порядками, которые народъ довели до шатанія и требовали кореннаго—внутренняго, а не внѣшняго обновленія; ихъ, эти маяки, не загасили всѣ ошибки и возвратныя колебанія ближайшихъ преемниковъ Петра, вся апатія и испорченность самого общества; коснѣвшаго въ тягостной зависимости, какую опутала всѣ слои русскаго народа московская Русь.

Танымъ являлся Петръ и въ сферѣ управления. Его широкій и вѣрный взглядъ всегда обнималъ всякій вопросъ въ его цѣльности, съ начала и до конца; но Петръ былъ человекъ практической дѣятельности, а не отвлеченный мыслитель, излагающій свою программу въ стройной, логической послѣдовательности, какъ она развивалась въ его головѣ. Мысль человека, свободная и безграничная, не знающая ни преградъ, ни пространства, ни времени, достигаетъ цѣли спокойно и ровно; но дѣятельность практическая, которая вездѣ наталкивается на часто неодолимыя препятствія окружающей среды, исполнена, при всевозможной энергіи, колебаній, скачковъ и неудачныхъ опытовъ, на время отсрочивающихъ осуществленіе великихъ истинъ, созрѣвшихъ въ умѣ передовыхъ дѣятелей человечества. Петръ, въ системѣ своихъ учреждений, безпрестанно строилъ, перестраивалъ, ломалъ, дополнялъ, но онъ всегда добивался до того, что учрежденіе приживалось къ средѣ и начинало дѣйствовать сообразно потребностямъ *данной* минуты. Но одѣнать смыслъ преобразованій Петра нельзя только по одному значенію созданныхъ имъ и уцѣлѣвшихъ учреждений, рассматриваемыхъ въ исторической постепенности ихъ появленія; необходимо принять въ соображеніе всю широту задуманной имъ и поставленной задачи,—то, что осталось въ видѣ однихъ предположеній или скоро безслѣдно пропало, заѣденное средой. Въ этихъ забытыхъ остаткахъ раскрывается вся глубина гениальныхъ замысловъ царя-исюлина и тѣ живыя сѣмена, которыя бросилъ онъ на русскую почву, предоставивъ пожинать плоды отдаленнымъ потомкамъ, если потомки сѣумѣютъ

ними воспользоваться и съумѣють во время отдѣлаться отъ ошибокъ и пороковъ своихъ отцовъ.

Петръ началъ съ того, что измѣнилъ самое значеніе верховной власти въ Россіи; Московское самодержавіе было самодержавіе восточное: основаніемъ его служилъ личный царскій произволъ, съ его страстями и заблужденіями, — произволъ, обращавшій все общество и отдѣльныя единицы въ ничто, въ безответныхъ царскихъ холопей, для которыхъ личная воля царя самодержавнаго составляла высшій и безпрекословный законъ. Грозный царь, въ своихъ письмахъ къ Курбскому, отличительною чертою московскаго самодержавія выставляетъ то, что московскіе государи своимъ государствомъ правятъ, какъ сами они благоразсудятъ, а не такъ, какъ повелѣваютъ ихъ *работные*. Подъ этимъ названіемъ Грозный понималъ все земство, которое въ его глазахъ представлялось лишь рабочею силой, наполняющею царскую казну, — тяглыми людьми, отбывавшими царскій урочъ, какъ отбывалъ тяглый крестынинъ свой барщинный трудъ, удовлетворяя прихотямъ празднаго и избѣженнаго помѣщика *). Иначе смотрѣлъ на самодержавіе Петръ. Въ указѣ о престолонаслѣдіи 5 февраля 1722 года — знаменитой «Правдѣ воли монаршей» — начало личной заслуги и государственной пользы, которое Петръ уже провелъ по отношенію къ служилому сословію, онъ старался приложить и къ вопросу о порядкѣ престолонаслѣдія. Московскій царь и самъ распоряжался, и своимъ воеводамъ заповѣдалъ поступать «какъ Богъ вразумитъ»: само собою разумѣется, что объ ответственности или обсужденіи такой дѣятельности, поставленной внѣ человѣческаго разумѣнія, не могло быть и рѣчи; роковая, какъ неоповѣдимая судьба Промысла, она унадала бѣдой или милостью, равно неожиданная и неотразимая, на голову каждаго — и праватаго, и виноватаго. Такое понятіе о царской власти исключаетъ понятіе о самостоятельности общества и о правѣ его на самоуправленіе. Мы видѣли уже, что, подъ вліяніемъ подобнаго пониманія власти, остатки мѣстнаго самоуправленія, сохранившіеся отъ удѣльно-вѣчеваго періода, совершенно

*) Мы почитаемъ необходимымъ замѣтить при этомъ, что не совсѣмъ согласны со взглядомъ почтеннаго автора на Грознаго и на отношеніе самодержавной власти московскаго царя къ народу, хотя служеніе первому дѣйствительно послужило на себѣ характеръ служенія: тяглыхъ вотчинниковъ яду собиравшихъ вотчины, а не государству. Наше мнѣніе мы выскажемъ въ одной изъ слѣдующихъ книгъ.

стерлись или измѣнили свой характеръ въ московскомъ періодѣ, а власть правительственныхъ органовъ, этихъ непосредственныхъ исполнителей царской воли, дѣйствовавшихъ также по вразумленію свыше, — достигла крайнихъ предѣловъ, невыносимыхъ для мѣстнаго населенія. Такимъ образомъ Петру ни его воспитаніе, ни воспоминанія молодости, ни окружающая среда не могли сообщить вѣрнаго и яснаго пониманія о значеніи общества и необходимости участія его въ управленіи; но свѣтлый умъ Петра угадывалъ его инстинктивно. Съ самой первой поры въ Петрѣ сложилась отвлеченная идея о государственномъ благѣ, которая ставилась въ разрѣзъ съ господствующимъ понятіемъ о царскомъ и воеводскомъ произволѣ и требовала инаго отношенія къ народу со стороны самого самодержавнаго царя. Петръ хотѣлъ всѣхъ заставить служить этой идеѣ, тянуть свое тягло во имя общаго блага, какъ до сихъ поръ оно тянулось во имя царскаго прибытка; но прежде всѣхъ и больше всѣхъ Петръ тягло это положилъ на собственныя плечи и своей идеѣ служилъ самъ, вмѣстѣ со всѣми остальными гражданами, съ безпримѣрною честностью и гениальнымъ усердіемъ. Между царемъ, признающимъ собственныя дѣйствія за внушенія непогрѣшимаго божества, и царемъ, служащимъ отечеству, наравнѣ съ другими, во имя идеи общаго блага, лежитъ неизмѣримая разница. Насколько отдѣльный человѣкъ и цѣлое человѣчество ничтожны и безправны предъ безпредѣльнымъ и непостижимымъ всемогуществомъ божества, настолько же гражданинъ и цѣлый народъ признавались унизительно-ничтожными и холопски-безправными предъ неограниченнымъ и не подлежащимъ обсужденію со стороны подданныхъ произволомъ московскаго царя. Но идея общаго блага составляетъ чисто-человѣческое достояніе. Въ данную минуту всякій можетъ ее оцѣнить и измѣрить по личному своему пониманію и степени развитія; такъ что, дѣлая себя ордуемъ идеи общаго блага, самодержавный царь снималъ съ себя ореолъ непогрѣшимости, ставилъ предѣлъ своему личному произволу и подвергалъ свои дѣйствія всенародному обсужденію *). Въ концѣ

*) Печатаю настоящую статью, какъ имѣющую, по нашему мнѣнію, не малое значеніе въ разъясненіи нашей внутренней политики въ вопросахъ о мѣстномъ самоуправленіи, поднятыхъ и поставленныхъ въ настоящее время правительствомъ, мы не можемъ согласиться съ почтеннымъ авторомъ, чтобы Петръ I «снималъ съ себя ореолъ непогрѣшимости, ставилъ предѣлъ своему личному произволу и подвергалъ свои дѣйствія всенародному обсужденію», и чтобы онъ

концовъ отвѣтъ, насколько вѣрно понимается идея общаго блага, можетъ дать только самъ народъ, для котораго это общее благо создается и пріискивается стоящимъ во главѣ меньшинствомъ. Видѣсть съ измѣненіемъ своего значенія, самодержавіе становилось совмѣстнымъ съ цивилизаціей, съ обще-европейскимъ развитіемъ. Такимъ образомъ, этотъ переломъ въ пониманіи значенія царской власти, такъ безкорыстно и широко проведенный Петромъ во всей своей дѣятельности, — переломъ, на который до сихъ поръ мало обращалось вниманія, — имѣлъ рѣшительное влі-

«никогда въ своихъ преобразованіяхъ не коснулся тѣхъ живыхъ струй, которыя обуславливаютъ своеобразный строй нашей народной жизни».

Конечно, Петръ I высоко поднялъ идею общаго блага, осуществляемую въ формѣ государства, и служеніемъ послѣднему, какъ олицетворенію нравственной идеи, стремился уничтожить служеніе лицу и тѣмъ облагородить русскаго человѣка. Справедливо также, что этому служенію онъ подчинилъ и самого себя и тѣмъ ограничилъ свой личный произволъ. Но, тѣмъ не менѣе, охваченный страстнымъ стремленіемъ къ этой высокой цѣли, онъ довелъ свое дѣло до крайности: онъ подчинилъ самое просвѣщеніе, которое «свѣялъ смѣлою рукою», и церковь государственными цѣлями. Этими цѣлями были или ограниченны, стѣснены, лишены самостоятельности и получили утилитарное, узкое, исключительно практическое значеніе, и русскій человѣкъ, поглощенный государствомъ, обратился какъ бы въ казенную вещь. Въ своемъ страстно-настоятельномъ стремленіи поставить государство съ его мольбами исключительнымъ выдѣломъ всѣхъ и всего и ограничивъ служеніемъ ему свой личный произволъ, онъ проявилъ однако этотъ произволъ во всей его силѣ съ другой стороны. Онъ отвергъ исконный обычай всѣхъ русскихъ царей, начиная съ перваго до него самого, призывать во всѣхъ важныхъ дѣлахъ на совѣтъ весь русскій народъ въ формѣ земскихъ соборовъ, выслушивать мнѣнія и желанія свободныхъ классовъ народа и съ ними сообразовать свои дѣйствія, — обычай, бывшій продолженіемъ древняго обычая русскихъ князей собирать на совѣтъ не одну окружавшую ихъ дружину, но и всѣхъ людей. Онъ отвергъ произвольно то, что составляло душу народной русской жизни. Поэтому, по нашему мнѣнію, невозможно утверждать, что Петръ I «не коснулся тѣхъ живыхъ струй, которыя обуславливаютъ своеобразный строй нашей народной жизни». — Конечно, при такомъ поглощеніи русскаго человѣка государствомъ, при такихъ желанныхъ дѣлахъ, налагаемыхъ на него практическими государственными цѣлями, при такомъ построении всей государственной жизни, не могли удасться тѣ естественныя попытки Петра къ учрежденію мѣстнаго самоуправленія, о которыхъ авторъ упоминаетъ далѣе. Конечно, Петръ I имѣлъ въ своей преобразовательной дѣятельности сильное основаніе не обращаться къ мнѣніямъ земли. При томъ умственномъ состояніи, въ какомъ находился тогда русскій народъ, онъ встрѣтилъ бы въ земскомъ соборѣ сильный отпоръ осуществленію его великихъ просвѣтительныхъ и благодѣтельныхъ цѣлей. Были, конечно, и въ его время русскіе люди, способные понять, усвоить величіе его идеи и стремленія, и эти люди сгруппировались около него; но остальные?... Наиболѣе просвѣщенные классы были бояре и духовенство. Но Петръ хорошо зналъ — изъ исторіи своихъ предшественниковъ на престолѣ и первыхъ дней своего царствованія — духъ русскаго боярства, что такое оно, — хороша

не на судьбы нашего отечества и съ тѣхъ поръ его исторіи пошла въ другую сторону. Московское самодержавіе въ окончательномъ своемъ результатѣ обложило всѣхъ гражданъ тяглою въ пользу царской казны, то-есть лишило ихъ свободы и обратило въ крѣпостныхъ или непосредственно къ царю, или къ привилегированному служилому сословію. Петровское самодержавіе въ окончательномъ своемъ результатѣ, который мы имѣемъ счастье переживать, сорвало эти цѣпи и возвратило сословіямъ свободу. Не будь Петра и продолжайся до сихъ поръ восточный порядокъ, введенный при Иванахъ и поддержанный ихъ преемниками, — судьбы Россіи, безъ сомнѣнія, были бы не тѣ, или по крайней мѣрѣ не было бы никакого основанія считать русскій народъ въ числѣ членовъ великой семьи, которой принадлежитъ историческая будущность.

Пережѣна въ пониманіи царской власти не могла не сопровождаться коренными измѣненіями въ характерѣ мѣстнаго управленія. Прежде всего запрещено было писаться въ челобитныхъ государю уменьшительными именами: рабъ Ивашка, Николашка превратился въ человѣка—Ивана, Николая, сына такого-то. Мѣстные органы утратили возможность дѣйствовать произвольно, «какъ ихъ Богъ вразумитъ», и должны были подчиниться той же идеѣ общаго блага, отвѣчая за всѣ свои дѣйствія на основаніи критеріума, который устанавливался болѣе или менѣе потребностями самого управляемаго общества. Самая тяжкая вина воеводы, за которую московское правительство карало его неумолимо, считалась въ томъ случаѣ, когда онъ, «наровя посадскимъ для своей бездѣльной корысти», не собиралъ и не высылалъ податей; не помогалъ сборщикамъ, присланнымъ изъ Москвы, и т. п.: здѣсь воевода становился виновникомъ противъ «царскаго прибытка», составлявшаго главную цѣль московскаго правительства. Петръ немилосердно каралъ и гналъ взяточничество и неправду, какъ самое главное нарушеніе той идеи общаго блага, которой онъ считалъ себя верховнымъ представителемъ въ народѣ.

Зналъ, что такое, говоря вообще, и духовенство, какая связь соединяетъ тѣхъ и другихъ между собою и вліяніе духовенства на народъ. Могъ ли онъ обращаться къ нимъ за совѣтомъ; стремись въ своей просвѣтительной цѣли? Поэтому нельзя бросать камень порицанія въ Петра за то, что онъ не обращался въ своихъ дѣлахъ за совѣтомъ къ собору всей земли. Мы не знаемъ, какъ поступилъ бы Петръ впоследствии, когда посѣянное имъ просвѣщеніе дало уже плодъ, еслибы онъ, а не ближайшіе его преемники, былъ дальнѣйшимъ властнымъ руководителемъ русской жизни. Ред.

Заботы объ установленіи общаго блага привели Петра, естественно, къ стремленію упрочить въ Россіи самоуправленіе, какъ самый прочный фундаментъ егѣ завѣтной цѣли. Петръ вообще любилъ самоуправленіе и выборное начало и вводилъ его, гдѣ только возможно; онъ любилъ самъ присутствовать на выборахъ и не боялся вызывать земскихъ людей изъ губерній. Такъ, въ началѣ 1722 года нужно было баллотировать президента юстицъ-коллегіи, т. е. теперешняго министра юстиціи. 19 числа, по выходѣ изъ сената, императоръ и сенаторы расположились въ столовой палатѣ; сюда же призваны были генераль-майоры, гвардій майоры и другіе офицеры, члены коллегій, *сто человекъ выборныхъ изъ дворянства*: избранъ былъ гр. П. М. Апраксинъ. Самыя понятія Петра о выборномъ представителѣ были совершенно иныя, недоступныя эпохѣ московскаго самодержавія: Петръ не желалъ сдѣлать изъ выборнаго — чиновника, требовалъ отъ него непосредственнаго и равноправнаго участія въ дѣлахъ съ органами правительства и вполне сознавалъ и ограждалъ самостоятельность его предъ правительственною властью. Относительно ландрихтеровъ Петръ постановилъ: «Ландрихтеровъ губернаторамъ не вѣдать, ни добра ихъ, но судимымъ имъ быть въ сенатѣ, и буде ихъ или изъ нихъ какое преступленіе будетъ, писать губернаторамъ на нихъ въ сенатѣ». Въ указѣ о земскихъ комиссарахъ постановлено между прочимъ: если на прежняго комиссара будутъ челобитники, то помѣщики или обыватели *судятъ* его, и въ чемъ явится виновенъ, штрафуютъ, и по экзекуціи рапортуя губернаторамъ и воеводамъ; развѣ кто смерти или публичному наказанію будетъ подлежать, такого отсылаютъ въ надворный судъ, или, гдѣ надворныхъ судовъ нѣтъ, къ воеводамъ. Не вина Петра, что, вслѣдствіе закрѣпленія до него всей массы крестьянскаго населенія, онъ могъ призвать къ мѣстному самоуправленію въ уѣздахъ исключительно дворянское сословіе, — что число живущихъ въ провинціяхъ дворянъ было крайне ограничено и, вслѣдствіе громаднаго запроса, почти всѣ они были вытребованы на службу военную или гражданскую; не вина Петра, что даже жившіе въ своихъ усадьбахъ дворяне не сознавали важности предоставленныхъ имъ правъ, и, какъ видно изъ запретительныхъ указовъ Петра, на выборы посылали, вмѣсто себя, своихъ прикащиковъ.

Такимъ образомъ главная цѣль преобразованія Петра въ мѣстномъ управленіи — возстановленіе и развитіе мѣстнаго самоуправ-

ленія—не была достигнута и скоро совсѣмъ сгладилась, заѣденная средой. Самоуправленіе не создается словомъ закона и волей правителя; оно требуетъ, чтобы среда, гдѣ предстоитъ ему дѣйствовать, была способна, т. е. достаточно подготовлена и сама сознавала внутреннюю въ неѣ потребность. То ли было въ тогдашней Россіи? Въ ней не было свободныхъ гражданъ, въ ней были только закабаленные жители, тянувшіе тягло. Дворянинъ былъ прикрѣпленъ къ подневольной службѣ, городской житель—къ своему податному тяглу, крестьянинъ—къ землѣ назенной или владѣльческой. Самоуправленіе въ странѣ несвободныхъ людей всегда должно имѣть такой же жалкій и неудачный исходъ, какой имѣли попытки нѣкоторыхъ помѣщиковъ, ввопившихъ во время крѣпостнаго права мірское управленіе въ своихъ имѣніяхъ. Выборный староста становился или на сторону барина и дѣлался міроѣдомъ, нисколько не лучше поставленныхъ самимъ помѣщикомъ управляющихъ, или на сторону избравшаго его міра, и тогда помѣщикъ уничтожалъ мірское управленіе и снова посылалъ своего приказчика. Въ томъ и другомъ случаѣ крестьянамъ было не легче. Для того, чтобы воскресить въ Россіи самоуправленіе, прежде всего необходимо было возвратитъ сословіямъ свободу. Но это не было и не могло быть дѣломъ самого Петра; у Петра была не одна забота о внутреннихъ преобразованіяхъ,—ему предстояло прежде всего *завоевать* для Россіи подобающее ей мѣсто между сосѣдами и приготовить средства защиты. Надо было создать вдругъ армию, флотъ, фабрики и заводы, чтобы одѣть и вооружить войско, приготовить технику, чтобы вести промышленное дѣло. Для этого требовалось, чтобы каждый гражданинъ работалъ на государство. Петръ это именно и установилъ: онъ переписывалъ жителей, чтобы не было между ними *гуляющихъ* людей, и всякому давалъ въ руки *государственную работу*: боярскій сынъ шель въ науку; плотникъ—на корабельную верфь; камельщикъ и мастеровой—въ Петербургъ; фабрикантъ работалъ на армию; личные землевладѣльцы и духовенство соединены были въ «вумданство» для постройки судовъ, селенія казенныхъ крестьянъ приписаны къ адмиралтейству и заводамъ. Государственное рабочее тягло легло на всѣхъ равне и не знало никакихъ привилегій; но снять его Петру было невозможно, ибо существованіе этого тягла условливалось неотложными потребностями переживаемаго времени. Поэтому Петръ не могъ начать своихъ преобразованій съ *освобожденія*, иначе существованіе

вводимого имъ новаго порядка не было бы обезпечено ни внутри, ни съ внѣшней стороны. Но именно *это равномерное распределе-
ніе тягла между всеми сословіями во имя отвлеченной идеи
государства и было началомъ освобожденія.* Кабала въ пользу
личности—кто бы она ни была, помѣщикъ или капиталистъ—
можетъ держаться неопредѣленно до тѣхъ поръ, пока личность
обладаетъ физическими средствами насилія, обезпечивающими ея
преобладаніе. Кабала во имя отвлеченной идеи немислима, ибо
идея не обладаетъ этими физическими средствами насилія; такая
кабала, окончивъ свою временную *задачу дня*, неудержимо стре-
мится разрѣшиться освобожденіемъ. Но, какъ бы то ни было, если
попытка Петра основать внутреннее самоуправленіе въ учреж-
денныхъ имъ губерніяхъ не удалась, путь и здѣсь имъ былъ
указанъ: великій преобразователь завѣщалъ своимъ преемникамъ
искать государственнаго порядка и благоустройства не въ уве-
личеніи власти воеводъ и администраторовъ, продажныхъ и угне-
тающихъ, но въ мѣстномъ самоуправленіи, гдѣ само общество
является точнымъ и благодѣтельнымъ орудіемъ самодержавной
власти, дѣйствующей во имя общаго блага.

Переходимъ къ второстепенной, формальной сторонѣ петровской
реформы, къ очерку введенныхъ имъ учреждений. Эти переходящія
внѣшнія формы, безъ всякаго сомнѣнія, имѣли значеніе только
палліативовъ, которые вызывались въ данное время необходи-
мостью и приносили свою долю пользы уничтоженіемъ болѣе круп-
ныхъ злоупотребленій, но не могли измѣнить самое существо от-
жившихъ порядковъ. Именно по этому самому второстепенныя
мѣры удалась и удержались, ибо среда, не всегда способная къ
переработкѣ коренныхъ измѣненій своего привычнаго строя, вообще
съ радостью принимаетъ палліативы, временно облегчающіе скры-
вающуюся внутри ея болѣзнь. Но, вслѣдствіе этого очевиднаго
усиѣха, второстепенныя мѣры заслонили въ петровскихъ пре-
образованіяхъ многія болѣе существенныя начинанія, которыми
великій преобразователь указывалъ путь для дальнѣйшаго раз-
витія вводимого имъ порядка. Между тѣмъ по этимъ видимо
выдающимся второстепеннымъ чертамъ, какъ часто бываетъ, про-
износятся приговоры надъ дѣятельностью и стремленіями Петра.
Мало того, палліативы, введенные Петромъ, послѣ него признаны
единственными *радикальными средствами*, на долю которыхъ
относится все хорошее, вытекшее изъ цѣльной дѣятельности
великаго Петра. Оттого эти палліативы въ разныхъ наружныхъ

измѣненіяхъ съ Петра повторяются въ нашемъ внутреннемъ управленіи до сихъ поръ; но сколько бы они ни повторялись, ни не могутъ измѣнить существо дѣла, точно также какъ въ болѣзни отдѣльнаго человѣка палліативныя медицинскія средства не могутъ принести выздоровленія.

Систему петровскихъ учрежденій мы изложимъ въ слѣдующемъ порядкѣ:

I. Мы видѣли, что высшею судебно-административною инстанціей московскаго періода была царская дума, напоминавшая скорѣе частный совѣтъ приближенныхъ, а не просто организованное учрежденіе; дума не имѣла ни права инициативы, ни самостоятельности, ни точно установленнаго положенія въ области внутренняго государственнаго устройства. Обстоятельства требовали совѣтъ иного учрежденія. Безпрестанно отлучаясь изъ столицы то за границу, то къ Архангельску, то къ Азову, то въ Воронежъ, то самъ командуя арміей и флотомъ, принимая участіе въ самыхъ сраженіяхъ, при своей кипучей дѣятельности, недовѣряя познаніямъ, аккуратности, а подчасъ и добросовѣстности своихъ помощниковъ, — Петръ самъ за всѣмъ наблюдалъ, самъ осматривалъ, самъ училъ. Летая съ одного конца государства на другой, онъ не могъ самъ разрабатывать всѣ подробности государственнаго управленія; онъ издали могъ дѣлать только главныя распоряженія, давать направленіе, а остальное долженъ былъ предоставить какому-либо лицу или учрежденію, которое сняло бы съ него часть заботъ и раздѣлило его трудъ. Само собой разумѣется, что такое учрежденіе, обязанное отчетомъ только самому царю, должно было представлять во время его отсутствія въ полной мѣрѣ его особу и власть; къ нему, какъ къ центру, должны были стекаться всѣ вопросы, требующіе разрѣшенія часто немедленнаго. Петръ сначала велѣлъ съѣзжаться лицамъ, завѣдывавшимъ различными приказами, въ ближнюю его величества канцелярію, которой президентомъ былъ графъ Никита Моисеевичъ Зотовъ.

22 февраля 1711 года Петръ учредилъ сенатъ. Указъ объ учрежденіи начинается словами: «опредѣлили быть для отлучекъ нашихъ правительствующій сенатъ для управленія». Слѣдовательно сенатъ первоначально въ умѣ Петра имѣлъ временный характеръ и значеніе его установилось только постепенно, исторически послѣдовательнымъ рядомъ отдѣльныхъ указовъ. Образцомъ устройства сената послужилъ вообще шведскій сенатъ, тоже получившій нѣсколько

усиленную власть вслѣдствіе частыхъ отлучекъ Карла XII изъ предѣловъ государства. Петръ тотчасъ же придалъ сенату преобладающее положеніе: 2 марта 1711 года изданъ указъ, гдѣ сказано «повелѣваемъ всѣмъ, кому о томъ вѣдать надлежитъ, какъ духовнымъ, такъ и мірскимъ, военнаго и земскаго управленія вышнимъ и нижнимъ чинамъ, что мы, для всегдашнихъ нашихъ военныхъ войнахъ отлучекъ, опредѣлили управительный сенатъ, которому всякъ и ихъ указамъ да будетъ послушенъ такъ, какъ намъ самому, подъ жестокимъ наказаніемъ или смертью, по виду смотря». Въ тотъ же день Петръ оставилъ сенату инструкціи, чѣмъ онъ долженъ по преимуществу заняться. Всѣ пункты этой инструкціи можно сгруппировать около трехъ: 1) судъ имѣть на лицемѣрный и неправедныхъ судей наказывать отнятіемъ чести и всего имѣнья; 2) денегъ какъ возможно собирать, понеже деньги суть артеріею войны; 3) дворянъ сажать молодыхъ для запасу въ офицеры, а наипаче тѣхъ, которые кроются, сыскать; таковыя тысячу человекъ людей боярскихъ грамотныхъ для того же. Это было указаніе на главнѣйшія потребности того времени, и самыя яркія нужды, которыя вопіяли объ удовлетвореніи. Указомъ 1718 года дѣятельность сената опредѣлена была вообще слѣдующимъ образомъ: «едино сказать, всегда сенату подобаетъ имѣть о монаршеской и государственной пользѣ неусыпное попеченіе, доброе бы простирать, а все, что вредно можетъ быть всемѣрно отвращать». Эти слова вполнѣ относятся къ сенату во все время его существованія при Петрѣ. Сенатъ всегда имѣлъ при немъ права инициативы и послѣ царя—самую широкую безконтрольную власть въ государствѣ. Жаловаться на сенатъ можно было только одному государю. Административная власть сената простиралась на всю огромную область внутренней вышней администраціи въ государствѣ. Сенатъ не только утверждалъ, назначаетъ, перемѣняетъ, отставляетъ низшихъ чиновъ администраціи, суда и надзора: различныхъ комендантовъ, ландратовъ, ландрихтеровъ, фискаловъ и т. д.,—но даже встрѣчается случай назначенія губернаторовъ, какъ, напримѣръ, въ 1713 году князя Ал. Григорьевича Долгорукаго въ Смоленскъ; въ кругъ его вѣдомства входятъ промышленность, торговля, благоустройство, безопасность, финансы и военные дѣла. Административная власть сената была такъ велика и такъ широко поставлена самимъ Петромъ, что нерѣдко выходила изъ предѣловъ административной и переходила въ законодательную. Сенатъ собственно

властью уничтожаетъ приказы, возстановляетъ уничтоженныя, создаетъ новыя учрежденія, передаетъ предметы вѣдомста одного въ вѣдѣніе другаго, накладываетъ подати, уменьшаетъ ихъ, объявляетъ новые наборы рекрутъ и т. д. Въ 1714 году Петръ велѣлъ печатать и продавать наравнѣ съ именными и указы сената, содержащіе въ себѣ не частныя распоряженія, а общія для всего государства постановленія, чѣмъ указамъ сената придается сила законовъ. Въ 1718 году сенату предоставлено выбирать въ чины вышніе баллотированіемъ, также чины сказывать и давать указы во всѣ государства. Сенату принадлежала также высшая судебная власть, въ качествѣ послѣдней инстанціи, и жаловаться на сенатъ, какъ на судебную инстанцію, разрѣшено было только въ такомъ случаѣ, когда въ немъ рѣшенія не унижать». Съ учрежденія юстицъ-коллегіи сенатъ пересталъ составлять прямую судебную инстанцію и переносъ дѣла изъ коллегіи въ сенатъ могъ быть только тогда, когда челобитную о томъ подпишетъ самъ государь, причемъ жалоба на рѣшеніе сената запрещена подѣ страхомъ смертной казни, «понеже вышній сенатъ отъ его царскаго величества высокоповѣреннымъ есть и въ особахъ честныхъ и знатныхъ состоитъ, которымъ не только челобитчиковъ дѣла, но и правленіе государства повѣрено есть». Съ учрежденіемъ коллегіи въ 1718 году сенатъ получилъ прочную организацію и занялъ опредѣленное мѣсто въ сферѣ государственныхъ учрежденій, ставъ въ прямыя отношенія только съ этими центральными учрежденіями. вмѣстѣ съ тѣмъ, по окончаніи шведской войны, когда Петру представлялось больше времени самому заниматься дѣлами внутренними и жить въ столицѣ, законодательная власть сената нѣсколько сократилась. 19 ноября 1721 года на докладныхъ пунктахъ синода Петръ собственноручно написалъ, что «если какое дѣло позоветъ о новомъ какомъ опредѣленіи генеральномъ, то не должно ни въ синодѣ, ни въ сенатѣ безъ подписанія нашей руки чинить». Въ случаяхъ чрезвычайныхъ, для изданія новыхъ, не терпящихъ отлагательства, законовъ, безъ утвержденія подписью находящагося въ отсутствіи государя разрѣшено было «синоду согласиться съ сенатомъ и подписать и потомъ публиковать». Въ 1722 году, 17 апрѣля, это право публикаціи новыхъ указовъ прекращено «по тѣхъ мѣстѣ, пока отъ насъ оный опробованъ, напечатанъ и къ регламентамъ присовокупленъ будетъ». Но тотъ же самый указъ 17 апрѣля 1722 года предоставляетъ сенату широкое участіе въ дѣлѣ за-

воподательства чрезъ дозволеніе ему всегда, когда онъ найдетъ въ какомъ-либо законѣ темноту, противорѣчіе или паконецъ просто отсутствіе на что-либо необходимаго закона, составлять проектъ и представлять на разсмотрѣніе и утвержденіе государя.

Петръ, съ самого начала учрежденія сената, — прежде, чѣмъ отношенія его съ провинціей получили прямую и прочную связь посредствомъ коллегій, — постарался объ упроченіи живаго общаго между высшимъ учрежденіемъ и губерніями. Съ этою цѣлью учреждены были при сенатѣ въ качествѣ посредниковъ по два комиссара отъ каждой губерніи. Комиссары принимали отъ сената указы, пересылали ихъ губернаторамъ и сообщали сенату о всѣхъ дѣлахъ своихъ губерній. Для облегченія сенату надзора за всѣми дѣйствіями правительственныхъ органовъ, за исполненіемъ указовъ, за необкрадываніемъ казны и народа, Петръ, по шведскому образцу, учредилъ фискаловъ.

Таковъ былъ петровский сенатъ: съ самодержавной точки зрѣнія онъ былъ единственное самостоятельное и полноправное высшее учрежденіе, гдѣ дѣйствительно соединялись всѣ узлы народной жизни и которому принадлежало широкое право инициативы во всей сферѣ внутренней государственной жизни — «доброе простирать, а все, что вредно можетъ быть, всемирно отвращать». Поэтому не удивительно, что сенатъ Петра Великаго сослужилъ добрую службу въ дѣлѣ его преобразованій, несмотря на частныя недостатки и злоупотребленія. Благодаря этой именно эпохѣ, сенатъ, несмотря на свое иностранное названіе и отчасти происхожденіе, сразу сроднился съ русскою почвой и сталъ вполнѣ историческимъ національнымъ, русскимъ, учрежденіемъ, не только пережившимъ своего основателя, но и продолжающимъ жить до нашего времени, хотя тотчасъ послѣ смерти Петра права сената были нарушены и никогда не возвращались ему во всей полнотѣ.

II. Мы видѣли за послѣднее время въ московскомъ періодѣ, что правительство, какъ оно ни стремилось обратить приказы въ среднюю инстанцію, посредствующую между высшимъ учрежденіемъ царской думы и областными, все-таки до самаго конца сохранило за приказами значеніе самостоятельныхъ высшихъ инстанцій, наравнѣ съ думой, такъ что дѣла между послѣдней и приказами распредѣлялись или случайно, или каждый разъ по личному усмотрѣнію государя. Кромѣ того, масса этихъ приказовъ, то уничтожаемыхъ, то восстанавливаемыхъ и вновь учреждаемыхъ, производила въ дѣлахъ невообразимую путаницу: предѣлы въ-

домства между приказами не были въ точности сгруппированы и распределены, по одному и тому же роду дѣлъ одно сословіе вѣдалось въ одномъ приказѣ, другое въ другомъ, судебная власть не была отдѣлена отъ административной и каждый почти изъ приказовъ имѣлъ свой особый кругъ суда надъ лицами, подчиненными ему въ другихъ отношеніяхъ. Петръ въ 1718 году, по шведскому образцу, учредилъ коллегіи, какъ среднія центральныя инстанціи, непосредственно подчиненныя сенату и завѣдывавшія областными учрежденіями. Петръ приведенъ былъ къ этому силою вещей. Какъ скоро сенатъ получилъ значеніе общаго средоточія въ правительствѣ, онъ былъ заваленъ дѣломъ и въ отношеніяхъ его къ другимъ учрежденіямъ царствовали полнѣйшій хаосъ и беспорядокъ: всѣ и за всѣмъ обращались къ сенату; указы, губернаторы, коменданты, ландраты, фельдмаршалы, генералы, оберъ-офицеры, простые солдаты, царедворцы, пѣвчіе, духовенство, купцы, крестьяне — всѣ прямо адресуются къ сенату, требуя его указа, разрѣшенія по дѣламъ важнымъ и самымъ ничтожнымъ, по дѣламъ дѣйствительно требующимъ разрѣшенія высшаго правительства и по дѣламъ объ обидахъ, о выдачѣ за мѣсяцъ жалованья, прогонныхъ и подводъ для поѣздки куда-нибудь, о сводѣ постоя съ какого-нибудь дома, о покупкѣ матеріаловъ для дома кн. Кантемира и т. п. Указомъ 1718 года объ учрежденіи коллегій отношенія сената къ областнымъ учрежденіямъ почти прекращаются; областные начальники должны обращаться, смотря по дѣлу, къ той или другой коллегіи и только въ чрезвычайныхъ случаяхъ — войны, моровой язвы, бунта — могутъ и должны обращаться къ сенату. По генеральному регламенту коллегіи находятся подъ указами только государя и сената; онѣ должны неотложно исполнять всѣ указы послѣдняго. Въ случаѣ же если найдутъ что-либо въ сенатскомъ указѣ противорѣчащее именнымъ, то докладываютъ о своемъ сомнѣніи сенату; но если сенатъ вновь подтверждаетъ свой указъ, то должны тотчасъ исполнить его и донести обо всемъ государю. При затруднительности дѣла, недостаткѣ закона, противорѣчій въ немъ, коллегіи, выставивъ всѣ основанія и обстоятельства дѣла, должны непременно приложить свое мнѣніе и представить въ докладѣ сенату. Если коллегія усмотритъ что-либо новое и полезное государству, то доносить царю или сенату. Президентовъ коллегій назначалъ самъ государь; на мѣсто выбывшихъ вице-президентовъ сенатъ выбиралъ кандидатовъ, баллотировалъ ихъ и пред-

ставлялъ на утверждение государю; совѣтниковъ и ассессоровъ утверждалъ самъ сенатъ, а прочихъ чиновниковъ выбирала коллегія, утверждалъ же сенатъ. вмѣсто множества московскихъ приказовъ, Петръ, указомъ 1718 года, учредилъ 11 коллегій, между которыми несравненно проще и правильнѣе были сгруппированы и распределены всѣ дѣла и вопросы государственнаго управления, какъ видно изъ самаго ихъ названія: военная коллегія, адмиралтейская, иностранная, камеръ-коллегія, юстицъ-коллегія, коммерцъ-коллегія, бергъ-коллегія, мануфактуръ-коллегія, ревизионъ-коллегія, впоследствии присоединенная Петромъ къ сенату, штатсъ-конторъ-коллегія. Но предѣлы власти различныхъ коллегій не скоро практически разъяснились. Коллегіи, еще непривычныя къ новому своему дѣлу, безпрестанно тревожили сенатъ пререканіями другъ съ другомъ о предѣлахъ и границахъ вѣдомства и безпрестанно спрашивали указа у сената о дѣлахъ, которые нисколько не превышали ихъ полномочій и отвѣты на которыя имѣлись въ указахъ очень ясныя; воеводы, губернаторы и другіе гражданскіе и военные чины, по старой привычкѣ, непрерывно писали обо всемъ, помимо своихъ коллегій, также прямо въ сенатъ. Сенатъ толкуетъ, объясняетъ, сердится, грозитъ штрафами въ случаѣ неумѣстныхъ вопросовъ и дѣйствительно прибѣгаетъ къ исполненію своихъ угрозъ. Но должно сознаться, что областныя чины были подчасъ правы, признавая вмѣшательство сената въ другія дѣла, кромѣ мора, войны и бунта. Куда, на примѣръ, было обращаться имъ съ требованіемъ недостающихъ у нихъ, за взятіемъ въ какую-нибудь коллегію, секретарей и другихъ служителей? Кого извѣстить о смерти такого-то воеводы и требовать присылки на его мѣсто другаго? Ни къ одной изъ существовавшихъ тогда коллегій дѣла эти не относились... Въ помощь сенату и коллегіямъ, находившимся въ Петербургѣ, 19 января 1722 года учреждены въ Москвѣ сенатскія и коллежскія конторы.

Коллегіальное обсужденіе дѣлъ было любимымъ способомъ Петра, на достоинство котораго онъ въ особенности полагался. Въ военное даже время, въ виду «незапнаго нападенія» непріятеля, Петръ въ воинскомъ уставѣ рекомендовалъ «словесный консиліумъ, хотя и на лошадяхъ сидящимъ, отправлять».

Превосходство коллегій надъ единоличностью прекрасно изложено въ предисловіи къ «Духовному Регламенту» и раньше кратко высказано въ 1718 году, при сравненіи старыхъ приказовъ съ вновь учреждаемыми коллегіями. Въ первомъ случаѣ сказано:

...коллегіи, т. е. собранія многихъ персонъ, въ которыхъ президенты или предсѣдатели не такую мочь имѣютъ, какъ старые судьи: дѣлали что хотѣли; въ коллегіи же президентъ не можетъ безъ соизволенія товарищевъ своихъ ничего учинить». Во второмъ зло старыхъ приказовъ прямо приписано именно тому, что имъ «судьи безъ согласія своихъ товарищей могли дѣлать что угодно». Коллегіальный порядокъ, безъ сомнѣнія, не есть панацея противъ возможности всякаго рода злоупотребленій. Во всякомъ случаѣ, какъ тотъ, такъ и другой порядокъ — бюрократическій и коллегіальный — суть не что иное какъ внѣшній, формальный способъ дѣйствія, котораго внутренній характеръ определяется самой средой, изъ которой берутся дѣйствующія лица, потому и польза замѣны одного порядка другимъ зависитъ отъ того, въ какой средѣ эта замѣна совершается. Если среда, въ которой совершается такая замѣна, есть среда здоровая, то дѣло проигрываетъ, по пословицѣ: «умъ хорошо, а два лучше» (*du plus des opinions jaillit la verité*); а если среда внутри сама страдаетъ, то дѣло проигрываетъ, на томъ основаніи, что всякій вредъ увеличивается отъ соединенія между собою нѣсколькихъ лицъ, его производящихъ. Петру пришлось это испытать на самомъ дѣлѣ. Въ высшемъ коллегіальномъ учрежденіи его времени — въ правительствующемъ сенатѣ — члены соединялись только для того, чтобы заниматься «праздными разговорами», такъ что Петръ принужденъ былъ учредить должность генераль-прокурора, постоянно представлявшаго лицо самодержавнаго государя въ сенатѣ и съ его самодержавною властью заставлявшаго членовъ законодательнаго собранія исполнять свои государственныя обязанности. Между тѣмъ примѣненіе коллегіальнаго начала въ видѣ устройства различныхъ комитетовъ, присутствій, комиссій и т. п. составляетъ любимую тему для всѣхъ преобразовательныхъ проектовъ послѣдующаго времени (начиная съ Александра I). Сколько ихъ до сихъ поръ ни осуществлялось, въ какой формѣ они ни учреждались, то — есть изъ однихъ правительственныхъ лицъ, или съ примѣсю разныхъ сословныхъ, а впоследствии земскихъ выборныхъ, — отъ этого существенной пользы не происходило, вслѣдствіе самой организаціи этихъ совѣщательныхъ учреждений. Въ случаяхъ же, требующихъ принятія быстрыхъ и рѣшительныхъ мѣръ, такія коллегіальныя засѣданія бесполезно затрачивали время и приносили неисправимый вредъ, заставлявшій часто сомнѣваться въ достоинствахъ самого принципа. Прежде всего

развѣ возможна коллегія тамъ, гдѣ существуетъ табель о рангахъ и гдѣ въ плоть и кровь каждаго не только чиновника, но обыкновеннаго смертнаго, вошло известное житейское правило «чинъ чина почитай»?! Затѣмъ коллегія имѣетъ смыслъ, когда она разсматриваетъ общій вопросъ, то-есть вопросъ одинаково всѣмъ членамъ известный и всѣхъ интересующій. Но такихъ общихъ вопросовъ въ средѣ нашей администраціи не существуетъ. Послѣ учрежденія министерствъ, когда ~~тою~~ «линеарною», какъ выражался гр. Канкринъ, системою различныя стороны административной дѣятельности размежеваны, начиная отъ Петербурга какъ центра, до границъ послѣдняго уѣзда, — интересы административныхъ органовъ получили *сепаратистское* стремленіе и солидарности между ними не существуетъ. Интересы чиновниковъ одного министерства неизвѣстны и чужды другому. Какой же смыслъ и прокъ представить совмѣстное засѣданіе представителей разныхъ правительственныхъ вѣдомствъ и учреждений, гдѣ подчиненные молчатъ и соглашаются, а независимые остаются совершенно равнодушны и безучастны?! Что же касается лицъ выборныхъ, то они, обыкновенно, допускаются въ такомъ ограниченномъ меньшинствѣ, что голосъ ихъ всегда совершенно теряется, еслибы даже они всѣ были между собою согласны; рассчитывать же на поддержку выборныхъ членовъ со стороны кого-либо изъ членовъ административныхъ трудно, ибо нерасположеніе къ выборнымъ должностямъ есть единственный интересъ, *общій* всѣмъ отраслямъ и вѣдомствамъ администраціи.

III. Мы видѣли, что къ концу московскаго періода Россія раздѣлена была на уѣзды, гдѣ сидѣли въ каждомъ независимые другъ отъ друга воеводы. Мы видѣли, до какого безпредѣльнаго и отяготительнаго произвола дошла власть этихъ воеводъ, которому правительство сначала поддерживало, а потомъ и само не смогло ввести въ границы. Петръ раздѣлилъ Россію, вмѣстѣ со вновь завоеванными областями, на губерніи и во главѣ ихъ ставилъ губернаторовъ изъ лицъ самыхъ приближенныхъ и испытанныхъ. Но рядомъ съ этими воеводы сохранились по уѣзднымъ городамъ. Съ свойственною ему гениальною проицательностью, Петръ сейчасъ же угадалъ, что главное зло въ Россіи происходитъ отъ произвола, безконтрольности и угнетенія со стороны лицъ, стоящихъ во главѣ мѣстнаго управленія. Поэтому онъ никогда не увеличивалъ ихъ власти и безъ того подавляющей; напротивъ, онъ старался всѣми мѣрами ограничить ее и обра-

ился съ этимъ къ мѣстному общественному элементу. Въ 1702 году Петръ придаётъ воеводамъ товарищей изъ дворянъ тѣхъ родовъ, предписывая имъ «слушавъ тѣ дѣла и указъ по нимъ чинить съ ними, воеводы, тѣмъ дворянамъ обще, и тѣ дѣла рѣшить тѣмъ воеводамъ и имъ, дворянамъ, всякому своими руками, а одному воеводѣ безъ нихъ, дворянъ, никакихъ дѣлъ не вѣдать и указа никакого по нему не чинить».

Ближайшее знакомство Петра съ отвоеванными у Швеціи провинціями показало ему всю пользу вліянія на мѣстное управленіе дворянскаго землевладѣльческаго класса. Петръ ввелъ въ учрежденныя имъ губерніи, по шведскому образцу, ландратовъ и андрихтеровъ, избираемыхъ изъ всѣхъ мѣстныхъ дворянъ-землевладѣльцевъ. Указомъ 24 апрѣля постановлено: «Учинить ландратовъ въ большихъ губерніяхъ по 12, въ среднихъ по 10, въ мелкихъ по 8; дѣло ихъ то, что они всѣ дѣла съ губернаторомъ дѣлать и подписывать, и губернаторъ у нихъ не яко наставитель, но яко президентъ, и имѣть оному только два голоса, прочимъ по одному, и никакого дѣла безъ оныхъ не дѣлать» (П. С. З. V, № 2673). По указу 28 января 1715 г. повелѣно: въ губерніяхъ, въ тѣхъ городахъ, въ которыхъ гарнизоновъ нѣтъ, оберъ-комендантамъ и комендантамъ не быть, а быть вмѣсто ихъ ландратамъ, по одному человѣку надъ каждою долею, въ которой, по расположенію, содержится двороваго числа 5536 воровъ, или по сколько будетъ удобнѣе, по разстоянію мѣста больше или меньше, по разсужденію губернаторскому. Да съ этими же ландратами для управленія всякихъ сборовъ и земскихъ дѣлъ въ каждой долѣ быть комиссарамъ по одному». Дѣятельность этихъ мѣстныхъ органовъ мало извѣстна, какъ вообще вся система внутренняго мѣстнаго управленія при Петрѣ, безпрестанно переработывавшаяся и измѣнявшаяся по требованіямъ обстоятельствъ того времени; но они, очевидно, не привились, прошли безслѣдно и какъ-то сами собой исчезли; неизвѣстно даже, насколько распространилось учрежденіе ландратовъ и андрихтеровъ и въ какихъ мѣстностяхъ они были введены. Петръ понималъ, что наше дворянство, изстари составлявшее служилый классъ, тѣснившійся около верховнаго правительства и почти отъ него зависимый, представляло мало задатковъ, чтобы составить фундаментъ прочныхъ мѣстныхъ учрежденій, — что сила государства заключается въ томъ трудовомъ меньшинствѣ, которое выдѣлялось личною энергіей и не живетъ на счетъ пра-

вительства, а само обогащает его и народъ плодами своей промышленной и торговой предприимчивости. Это трудовое меньшинство, называемое обыкновенно среднимъ классомъ, въ большихъ случаяхъ не останавливалось на одной экономической зависимости и спѣшило ее закрѣпить приобрѣтеніемъ политическихъ правъ, гарантирующихъ свободу распоряженія накопленнымъ имуществомъ и личную безопасность капиталовладѣльцевъ. Къ нему обратился онъ: собирая въ одно цѣлое «разсыпанную храмину» городскихъ обывателей, онъ для нихъ учредилъ бурмистерскую палату, долженствовавшую для городовъ замѣнить всѣ другія мѣста управленія, и сосредоточилъ окончательно городское сословіе въ одно цѣлое. Въ концѣ своего царствованія Петръ подвинулся еще далѣе: съ учрежденіемъ главнаго магистрата въ Москвѣ и подчиненныхъ ему магистратовъ въ другихъ городахъ, городское сословіе получило такое широкое самоуправленіе, которому ничего подобнаго не представляла тогдашняя Европа (кромѣ, можетъ-быть, Голландскихъ Штатовъ и Швейцаріи) и которое далеко оставляетъ зади не только знаменитое Городовое Положеніе Екатерины, но и нынѣ дѣйствующее новое Городское Положеніе. Достаточно привести, что главный магистратъ получилъ право прямаго сношенія съ правительствующимъ сенатомъ, наравнѣ съ коллегіями. Магистратъ въ Тобольскѣ заступалъ тамъ мѣсто высшаго надворнаго суда.

IV. Москва не знала раздѣленія властей: воевода данной мѣстности сосредоточивалъ въ своемъ лицѣ всю власть военную, судебную и административную. Учрежденіемъ высшихъ и нижнихъ судовъ Петръ положилъ начало раздѣленію властей въ мѣстномъ управленіи. Первоначальное устройство областного суда организовано было Петромъ въ такомъ видѣ. Членами судебныхъ мѣстъ были выборные изъ дворянства, земскіе судьи или ландрихтеры и оберъ-ландрихтеры. Жалобы на несправедливое рѣшеніе губернаторовъ и судей поступали въ расправную палату при сенатѣ. Въ 1726 г. въ значительныхъ городахъ учреждены были надворные суды для дѣлъ гражданскихъ и уголовныхъ. Надворный судъ составлялъ высшую инстанцію въ областномъ судоустройствѣ, среднюю составлялъ судъ провинціальный и послѣднюю—нижній городской судъ. Отношенія судебной власти къ административной въ инструкціи воеводамъ опредѣлялись слѣдующимъ образомъ: «Хотя воеводѣ не подлежитъ споръ тяжбнаго дѣла судить и *судьямъ съ расправъ ихъ помѣшателства чинить*, однако ему крѣпко

смотрѣть, чтобы земскіе судьи уѣздный судъ управляли по инструкціи и подданныхъ волокитеми не утѣсняли». Въ 1722 г. 10 января генераль-адмиралъ гр. Апраксинъ сдѣлалъ Петру въ сенатѣ предложеніе о подчиненіи провинціальныхъ судовъ воеводамъ, вслѣдствіе чего 4 апрѣля состоялся указъ: «Во всѣхъ губерніяхъ и провинціяхъ всякія расправы чинить и судить губернаторамъ, вице-губернаторамъ и воеводамъ, а къ нимъ для вспоможенія въ знатные города дать по два человѣка ассессоровъ, а въ прочія провинціи — по одному». Такимъ образомъ Россія временъ Петра не выдержала отдѣленія судебной власти отъ административной и сосредоточенія первой въ рукахъ выборныхъ лицъ, какъ это потребовалъ съ перваго раза Петръ Великій; вѣроятно, этому помѣшала недостатокъ людей. Принципъ такого раздѣленія, составляющій простѣйшее элементарное правило всякой благоустроенной администраціи, приведенъ окончательно только въ введеніемъ новыхъ Судебныхъ Уставовъ; до тѣхъ поръ административная и судебная власть не были отдѣлены въ мѣстномъ управленіи.

V. Московскіе наказы воеводамъ имѣли частный характеръ и относились къ данному городу или данному случаю. Петръ I понялъ необходимость общаго законодательства и кодификаціи частныхъ указовъ правительства. Петръ прежде всего велѣлъ составить сводъ всѣхъ наказныхъ списковъ воеводамъ и разослать ихъ по городамъ, гдѣ списки съ нихъ отдать въ земскія избы съ тѣмъ, чтобы земскіе люди повиновались воеводамъ только въ томъ, что написано въ статьяхъ. Впослѣдствіи всѣ почти коллегіи, вмѣстѣ съ ихъ учрежденіемъ, получили отъ него регламентъ или уставъ, опредѣляющій предѣлы ихъ власти и порядокъ дѣйствія, и, наконецъ, генеральный регламентъ или общій уставъ порядка производства дѣла.

VI. Безконтрольная власть московскихъ воеводъ прежде и больше всего нуждалась въ учрежденіи постояннаго и правильнаго мѣстнаго надзора со стороны центрального правительства, чего Москва совѣмъ не знала. Петръ, какъ мы видѣли, ввелъ при сенатѣ цѣлую систему *фискаловъ*. Должность ихъ состояла въ донесеніи о всѣхъ *безгласныхъ* дѣлахъ. Обязанность фискаловъ указъ 17 марта 1714 г. перечисляетъ слѣдующимъ образомъ: «1) всякія преступленія указамъ; 2) всякія взятки и кражу казны и прочее, что ко вреду государственному интересу быть можетъ, какова-бы оно имени ни было; 3) тако-жь и прочія дѣла народныя, за кото-

рыя нѣтъ челобитчика, напримѣръ, если какого прїѣзжаго убьют или наслѣдникъ послѣдній въ своей фамилиі во младенчествѣ умретъ, безъ завѣту духовной предковъ его, и прочія тому подобныя безгласныя дѣла, иже не имѣютъ челобитчика о себѣ». Тѣмъ же указомъ велѣно было при сенатѣ быть оберъ-фискалу съ 4-ми помощниками, въ томъ числѣ 2-мя изъ купечества; въ губерніяхъ при губернаторскомъ правленіи, провинціаль-фискалу съ тремя помощниками; въ городахъ во всѣхъ, «смотря по препорціи», по одному и по два человѣка. Фискалы избирались на должность оберъ-фискаломъ и утверждались сенатомъ; есть, впрочемъ, указанія, что городскіе фискалы избирались купеческими и мірскими людьми. Съ учрежденіемъ коллегій, при каждой изъ нихъ сдѣланъ былъ свой фискаль, а оберъ-фискаль переведенъ въ юстицѣ коллегію. На мѣсто его въ 1723 году при сенатѣ учреждена должность генераль-фискала и фискаловъ велѣно выбирать изъ «знатныхъ офицеровъ», вслѣдствіе чего имъ назначены высокія ранги. Причиной тому была неудача съ первыми фискалами. Изъ шляхетства въ фискалы охотно не шли. Напротивъ, въ городскіе фискалы съ величайшею радостью поступали первостатейныя купцы, и потому только, что во время службы они освобождались отъ всякихъ повинностей, такъ что это имъ было уже запрещено указомъ сената 9 мая 1718 года, «дабы не учинить въ платежѣ табельнаго оклада недобору». Поэтому приходилось на первыхъ порахъ выбирать фискаловъ изъ подъячихъ и приказныхъ; но эти досмотрщики оказались еще хуже самихъ надзираемыхъ: третій оберъ-фискаль, знаменитый Нестеровъ, былъ колесованъ за взяточничество и казнокрадство; подобной же участи подверглись и его товарищи Попцовъ и Никитинъ. Кромѣ гражданскихъ фискаловъ, въ арміи было въ каждомъ полку по фискалу, въ каждой дивизіи оберъ-фискаль, для всей арміи генераль-фискаль, во флотѣ въ каждой эскадрѣ по фискалу, а для всего флота оберъ-фискаль. Эти военные фискалы подчинены были своему начальству. Подъ вѣдѣніемъ синода состояли инквизиторы; провинціаль-инквизиторы и прото-инквизиторы. Такое обиліе фискаловъ, прокрадывавшихся въ каждый уголокъ общественной жизни, могло развиваться только при самомъ печальномъ состояніи общества. И дѣйствительно, общественное состояніе того времени было ужасно. Взятничество, презрѣніе къ законамъ, полное неуваженіе человѣческой личности было самымъ обыденнымъ явленіемъ: берутъ взятки дьяки, подъячіе губернскихъ и провинціаль-

ихъ канцелярій; берутъ взятки ихъ патроны—воеводы, губернаторы, ихъ помощники всякихъ названій; берутъ въ столицѣ явки и подъячіе приказовъ, коллегій и канцелярій; взяточничествуютъ самые приближенные къ царю и члены высоко-правительствующаго сената. «Можно придти въ отчаяніе, — говоритъ профессоръ Петровскій, — отъ этихъ повсемѣстныхъ плутней, обмановъ, обходовъ и нарушеній законовъ. Мы удивляемся и пренебрегаемъ предъ силой духа Великаго Петра, не упавшаго, не ослабѣвшаго, не сложившаго рукъ, не отступившаго отъ реформы, но твердо рѣшившагося поднять, возвысить нравственное состояніе общества и, дѣйствительно, много успѣвшаго въ томъ». Несмотря на низкій уровень тогдашняго общества, должность фискала на первыхъ же порахъ вызвала всеобщую ненависть. Фискалъ обращался съ ними съ презрѣніемъ; князь Я. Ф. Долгоруковъ не называлъ ихъ иначе, какъ «антихристами и плутами»; епископъ патріаршаго престола Стефанъ Яворскій громилъ фискаловъ публично, въ проповѣди, сказанной имъ 17-го марта 1712 года, въ день именинъ царевича Алексѣя; общество столицы отъ нихъ, такъ что оберъ-фискалъ Нестеровъ жаловался, что никто изъ городскихъ жителей «не сообщается съ нимъ въ цѣль десятогъ», установленный для производства выборовъ. Петръ и самъ созналъ въ послѣдствіи, что «земскаго фискала чинъ жестокъ и ненавидимъ», но онъ не въ силахъ былъ уничтожить фискаловъ въ свое царствованіе: казнокрадство, взяточничество и несправосудіе, съ которыми не могла примириться его честная и неустрашенная натура, едерживались только страхомъ доноса и неслыханною карой со стороны Государя. Петръ, въ указѣ 17 марта 1714 года, сдѣлалъ только одну уступку общественному мнѣнію: онъ отмѣнилъ безнаказанность фискала за доносъ, если окажется ложнымъ, и сдѣлалъ судомъ, что фискалъ оклеветалъ кого-нибудь «по страсти или по злобѣ». Но и вся эта армія фискаловъ не помогала: Петру постоянно приходилось расширять систему взаимнаго надзора. Таковъ удѣлъ всякой бюрократической системы управленія, гдѣ устраненъ положительный и дѣятельный контроль со стороны самого общества: необходимость надзора ежеминутно возрастаетъ; онъ поглощаетъ силы и средства государства, но пользы отъ него не происходитъ никакой. Петру пришлось надзирать не только надъ воеводами и завѣщаннымъ ему старымъ строемъ мѣстнаго управленія, — пришлось надзирать за самими, имъ созданными, учрежденіями, гдѣ развѣстились новые люди, «питомцы его гнѣзда». Надзоръ за сенатомъ

Петръ поручилъ 27 ноября 1715 года генераль-ревизору, 13-го февраля 1720 года—оберъ-секретарю сената, 28 января—дежурнымъ штабъ-офицерамъ гвардіи, 18 января 1722 года учрежденъ особая должность генераль-прокурора и вмѣстѣ съ нимъ цѣлая система прокуратуры. Профес. Петровскій полагаетъ, что институтъ прокураторы Петръ заимствовалъ изъ Франціи, такъ какъ въ день онъ послѣ путешествія туда Петра и всего болѣе сходенъ въ общихъ чертахъ представляетъ съ французскимъ учрежденіемъ. Отъ тайнаго надзора фискала, шнырящаго и подслушивающаго въ средѣ самого общества, прокурорскій надзоръ отличается тѣмъ, что онъ есть явный и постоянный, сосредоточенъ исключительно въ наблюдениіи за отправленіемъ правосудія и соблюденіемъ законовъ со стороны различныхъ правительственныхъ учрежденій, имѣетъ право приостановить всякое несправедливое или незаконное дѣйствіе присутственнаго мѣста. Генераль-прокуроръ самъ начальникъ сенатской канцеляріи: онъ наблюдаетъ за исправнымъ отправленіемъ сенаторами своей должности; чрезъ его руки правительственно проходятъ всѣ заслушиваемые сенаторомъ доклады; онъ наблюдаетъ за внѣшнимъ порядкомъ въ сенатѣ, за точнымъ исполненіемъ предписаннаго порядка слушанія дѣлъ, совѣщаній сенаторовъ, подачи ими голосовъ и составленія рѣшеній. Если въ рѣшеніи генераль-прокуроръ усмотритъ что-либо противное закону или пользѣ государственной, то онъ долженъ о семъ объявить отдѣльному лицу или всему сенату и показать указъ, противность которому подано мнѣніе. Въ случаѣ если его не слушаютъ, генераль-прокуроръ долженъ подать письменную протестацію и, остановивъ дальнѣйшій ходъ дѣла, если оно очень важное, тотчасъ донести государю, а если не такъ важно, то бытность государя въ сенатѣ или при своемъ обыкновенномъ мѣсячномъ или недѣльномъ докладѣ. Не ограничиваясь сенатскимъ надзоромъ генераль-прокурора распространяется на всю Имперію. Генераль-прокурору прямо и непосредственно подчинены бѣглые фискалы и кромѣ того, въ качествѣ ближайшихъ его помощниковъ, съ тѣми же правами и обязанностями, учреждены прокуроры въ коллегіяхъ и надворныхъ судахъ. Надзоръ за коллегіями и канцеляріями и приѣмъ на нихъ жалобъ и просьбъ Петръ 13 мая 1720 года поручилъ «особой персонѣ», которая 5 февраля получила свою инструкцію и названіе «рекетмейстера». Рекетмейстеръ состоялъ при сенатѣ и, по собраніи надлежащихъ справокъ, оказавшіяся справедливыми жалобы вносились на рѣ-

іе въ сенатъ. Указомъ 17 апрѣля 1722 года власть рекетмейстера расширена и ему разрѣшено возбуждать, «если самъ такое дѣло свѣдаетъ», докладывая въ этомъ случаѣ не сенату, а самому государю. Таковъ былъ сложный надзоръ, введенный Петромъ. Несмотря на протестъ противъ него всего общества при Петрѣ, во время перваго появленія и притомъ въ эпоху, когда въ нѣкоторыхъ случаяхъ надзоръ дѣйствительно имѣлъ смыслъ и могъ приносить пользу, преемники Петра стремились болѣе всего расширить и ввести повсюду указанные имъ примѣры надзора. Институтъ прокуратуры, достигшій до крайнихъ предѣловъ развитія въ лицѣ прежнихъ прокуроровъ и стряпчихъ разныхъ наименованій, удерживался неизмѣнно до введенія новаго судопроизводства, а званіе генераль-прокурора до сихъ поръ остается присвоеннымъ министру юстиціи. Уничтоженная при учрежденіи губерній Екатериною II система фискаловъ воскресла съ новою силой и властью въ лицѣ III отдѣленія, которое едва только кончило свое существованіе.

Сложность и дороговизна контроля есть необходимое зло всякой бюрократической системы; но какъ бы хитро ни переплеталась эта сѣть взаимнаго наблюденія, она никогда не принесетъ существенной пользы и не вызоветъ общественнаго сочувствія, какъ петровскіе фискалы, которые были равно ненавистны и управляющимъ, и управляемымъ. Измѣнить и перевоспитать каждую-либо испорченную среду взаимнымъ шпионствомъ нельзя: исправленіе возможно только въ такомъ случаѣ, когда въ среду эту вводятся свѣжіе и живые элементы и, вступая въ борьбу, разлагаютъ или обновляютъ негодную гниль. Если административная среда здорова и дѣйствуетъ какъ и гдѣ слѣдуетъ, тогда сложнаго и мелочнаго надзора не нужно, ибо безъ того каждый исполняетъ добросовѣстно свою обязанность. Если же администрація испорчена и осложненіе надзора вызывается злоупотребленіями, то надзоръ изъ этой же самой испорченной среды не поправитъ дѣла, а только увеличитъ число злоупотребляющихъ. Это — старая истина, но вопреки ея у насъ до сихъ поръ вѣрятъ въ возможность предотвратить злоупотребленія простымъ осложненіемъ надзора. Въ результатѣ получается единственно громадное увеличеніе переписки, за которою самое дѣло останавливается и самыя существенныя нужды края остаются безъ удовлетворенія.

Не найдя въ руской средѣ элементовъ, способныхъ усвоить введенное имъ на первыхъ порахъ самоуправленіе, Петръ оста-

вилъ замѣчательно стройную для своего времени и объединенную систему бюрократическаго управления такимъ обширнымъ и малонаселеннымъ государствомъ, какъ Россія. Притомъ въ основѣ его системы положена была идея государственной пользы и общаго блага, а не одинъ прибытокъ царской казны и убоженіе служилаго и приказнаго люда, къ чему стремилась Москва. Двѣсти лѣтъ отпраздновано со дня его рожденія и все ея введенныя имъ учрежденія и приемы до сего времени служатъ образцомъ и главнымъ руководствомъ правительственной дѣятельности въ дѣлахъ управления; до сихъ поръ ихъ примѣняютъ на всѣ лады и отъ нихъ ожидаютъ исправленія всѣхъ неудобствъ современной администраціи. При этомъ замѣчательно, что даже тотъ *вынужденный путь отступленія*, который на Петра налагали обстоятельства его времени, до сихъ поръ признается *нормальнымъ*. Петръ на первыхъ порахъ старался поставить мѣстное самоуправленіе на самую широкую ногу и ввести повсюду выборное начало. Повторяемъ, не его вина, что общество того времени само отрекалось отъ предоставляемыхъ ему правъ, что не было людей и негдѣ было пополнить громадный запросъ по всѣмъ отраслямъ управления. Очевидно, противъ воли приходилось Петру отступать, возстановлять права воеводъ и губернаторовъ, отдавать въ ихъ руки судъ и вообще вводить правительственную централизацію. Но зачѣмъ же впоследствии когда общество болѣе освоилось съ значеніемъ предоставляемыхъ ему правъ и когда, вслѣдствіе времени и распространенія образованія, по крайней мѣрѣ въ высшихъ слояхъ, число свободныхъ и способныхъ людей увеличилось, — правительственная система осталась та же самая? Зачѣмъ правительство, *минимумъ* только оно сколько-нибудь расширить права общества, сейчасъ же, ничѣмъ и никѣмъ не вынуждаемое, стремилось парализовать пользованіе этими правами рядомъ послѣдующихъ ограниченій только-что предоставленнаго самимъ имъ права? — Затѣмъ, что тотчасъ за реформами Петра наступила реакція и ближайше къ Петру наше прошедшее едва не погубило его дѣла. Великій императоръ едва успѣлъ закрыть глаза, какъ среда взяла свое и разгулъ административнаго произвола понесся по Россіи въ небывалой степени. Петровскія учрежденія были немедленно сломаны. Власть сената перешла къ верховному тайному совѣту; президенты трехъ коллегій (военной, адмиралтейской и иностранной) освободили свои коллегіи отъ всякаго надзора со стороны сената,

сдѣлали ихъ равными ему и, не довольствуясь тѣмъ, подчинили себѣ прочія коллегіи, посылали указы къ своимъ бывшимъ товарищамъ и ровесникамъ. Указомъ 24 февраля 1727 года императрицы Екатерины I изъ верховнаго тайнаго совѣта магистраты подчинены губернаторамъ и воеводамъ, а впослѣдствіи и вовсе уничтожены; вся расправа и судъ возложены по-прежнему на губернаторовъ и воеводъ, подъ тѣмъ предлогомъ, что Петровская администрація слишкомъ сложна и дорога для народа. Толпа иноземныхъ искателей приключеній и алчныхъ временщиковъ, всѣ четырнадцать классовъ вновь созданныхъ чиновниковъ, военныхъ и гражданскихъ, высшихъ и нижнихъ, съ ничѣмъ не сдержанной отвагой накинлись на беззащитный народъ. Народъ бѣжалъ, — бѣжалъ уже не въ лѣса и пустыри, а бѣжалъ на фабрики и заводы — дѣлать непосильный трудъ наравнѣ съ осужденными въ каторжную работу, — бѣжалъ вонъ изъ Россіи, за ея рубежъ, въ Польшу и Остзейскія провинціи, такъ что при Аннѣ Ивановнѣ и Елисаветѣ Петровнѣ на западной границѣ разставлены были войска и учреждены форпосты и пикеты для поимки бѣглыхъ.

Н. Колупановъ.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

Въ горахъ и степяхъ Башкиріи.

(Изъ путевыхъ впечатлѣній и разсказовъ.)

I.

Никитинъ починаю.

Очеркъ жизни русскихъ переселенцевъ.

... Бду я на Аднагуловскую степь.

— Тамъ проявился какой-то невѣдомый народъ, — разсказывали мнѣ въ губернскомъ городѣ Уфѣ. — Вотъ какъ есть дикіе такъ и они: живутъ не то въ землянкахъ, не то въ пещерахъ и никто ихъ не видитъ.

— Что же это за люди?

— Неизвѣстно. Да вотъ что-то ужъ давно о нихъ и слухи нѣтъ... Такъ надо полагать, что за лѣто они вымерли.

— Какъ вымерли?!

— Очень просто. Пришли они на степь,ковыкнули себѣ эти пещеры и забились туда, какъ кроты въ норы, да всю зиму тамъ и просидѣли. А весной—Господь знаетъ отчего?—напали говорить, на нихъ какая-то болѣзнь, и стали они мереть. Тогда только и выползли на свѣтъ, а то сидѣли бы они и теперь въ своихъ пещерахъ, никто бы о нихъ такъ ничего не зналъ и не вѣдалъ.

Меня сильно заинтересовали эти разсказы, и я рѣшился иśćтъ Аднагуловскую степь, чтобы познакомиться съ «невѣдомыми» людьми, если найду изъ нихъ кого въ живыхъ.

Это было пять лѣтъ тому назадъ, именно въ то время, когда послѣдовало распоряженіе, которымъ ограничивалось расхищеніе башкирскихъ земель, называемое на мѣстномъ языкѣ «дешевыми покупками», а вслѣдъ за этимъ ограниченіемъ началась раздача

земельныхъ участковъ на «льготныхъ условіяхъ». Обширныя пространства, представляющія дѣвственные степи и чудные живописныя луга или прекрасныя лѣсныя дачи, были разбиты на нѣсколько серій, изъ которыхъ каждая заключала въ себѣ десятки, если не цѣлыя сотни тысячъ десятинъ; каждая серія дѣлилась на участки, которые и назначались для раздачи въ видахъ награды и усиленія въ краѣ русскаго элемента. Размѣры участковъ, отводимыхъ чиновникамъ, обуславливались служебнымъ положеніемъ лица и близостью его отношеній къ завѣдывавшимъ отводомъ: кто имѣлъ крупный чинъ и ближе стоялъ къ завѣдывателямъ, тотъ получалъ большій кусокъ и въ лучшихъ мѣстахъ, и наоборотъ. Справедливость требуетъ, однако, замѣтить, что какихъ-нибудь особыхъ утѣшеній будущіе землевладѣльцы не терпѣли: лица въ большихъ чинахъ получали отъ 5.000 десят. участки, а состоящіе въ четвертомъ и пятомъ классѣ—отъ 2 до 3 тыс. и т. д., но меньше 600 десятинъ, кажется, никто не получалъ по первой серіи... Слышались, правда, жалобы на то, что чиновникамъ средней руки нарѣзали отводились въ мѣстахъ и отдаленныхъ, и дикихъ; высказывались также идеальныя желанія, что не разорило бы казну, еслибы участочки и некрупицы нарѣзывались: куда дѣвать землю-то,—ей конца краю не видать?... Говорилось также, — но это, надо полагать, скорѣе отъ вольномыслия,—что лучшіе и крупныя участки, въ которые чудеснымъ образомъ попали даже корабельныя роши, достались на долю чиновниковъ, въ Оренбургскомъ краѣ не только не служащихъ, но никогда и не бывавшихъ тамъ, и что многіе изъ мелкихъ чиновниковъ, усиѣвшихъ даже обрости мохомъ, служба на одномъ мѣстѣ, совсѣмъ были обойдены, и т. п. При мнѣ лѣтомъ успѣли благополучно покончить съ первою серіей и, не медля ни мало, приступили ко второй.

— Скажите, что вы будете дѣлать съ этою землею?—спрашивалъ я новыхъ помѣщиковъ.

— Теперь станемъ ловить мужика.

— А потомъ?

— А потомъ, какъ изловимъ, посадимъ его на землю, и сидитъ онъ хоть до самаго дня страшнаго суда.

— То-есть вы эту землю продадите мужикамъ?

— Э, нѣтъ, зачѣмъ продавать!... Мы въ аренду ее сдадимъ. Такъ оно и для мужика выйдетъ не обременительно: заплатитъ онъ съ десятины въ годъ всего какихъ-нибудь рублей пять или

шесть, — где же ему, в самом дѣлѣ, взять на выкупъ денегъ? — да и намъ не будетъ обидно какой ни на есть, а доходъ съ земли постоянный и вѣрный.

Только одно смущало новыхъ помѣщиковъ и видало легкую тѣнь на свѣтлый фонъ будущаго: они не совсѣмъ довѣрили своей практичности и сомнѣвались въ быстромъ успѣхѣ «ловля» мужика; завидовали купцамъ, которые, при любезномъ содѣйствіи бывшихъ посредниковъ, такъ ловко, почти задаромъ, разнесли башкирскія палестины и успѣли ихъ заселить крестьянами.

Удивительное дѣло, — говорили помѣшники изъ чиновниковъ, — какъ эти купцы умѣютъ свои дѣла устроить: только онъ приобрѣлъ землю и купчей еще не получилъ, а смотришь — ужъ пѣлой тучей у него забѣли мужики... Впрочемъ, можетъ, и наша fortuna не оставитъ, — переселенцевъ годъ отъ году множатся.

Дѣйствительно, въ томъ же еще году переселенцевъ въ Оренбургскій край нахлынули массы. Во время моихъ перекочевомъ и часто встрѣчалъ обозы, состоящіе изъ десятковъ подводъ, на которыхъ была навалена домашній скрабъ: тутъ же сидѣли женщины, старики и дѣти, а подлѣ телѣгъ шагали мужики и парни... Но чаще попадались мнѣ толпы пѣшеходовъ, обносившихся, какъ говорится, до послѣдней нитки и до нельзя усталыхъ, съ страшно загорѣлыми, покрытыми толстыми слоями черной пыли, липами и черезъ силу передвигавшихъ ногами, обутыми въ жалкіе остатки лаптей. Все имущество этихъ поселенцевъ вывѣчалось въ одной убогой телѣжонкѣ, которую еле-еле тащила тоже убогая пляча, до невозможности чалая, съ тонкими ногами и не по росту большими, оттопырившимися ушами... По всему виду и той медлительности, съ какою двигались наши странники по черноземнымъ, но пустыннымъ стѣнямъ, скорѣе всего ихъ можно было принять за призраки или тѣни, чѣмъ за живыхъ людей...

— Куда вы, добрые люди, пробраетесь? — спрашиваетъ ихъ при встрѣчѣ.

— Новыхъ земель ищемъ, — отвѣчаетъ слабымъ и едва внятнымъ голосомъ одинъ изъ толпы, берясь обѣими руками за изношенную и всю порывѣвшую плячу. — Не укажешь ли, кормилецъ, гдѣ по близости... Измаялись, истомились наши душеньки, ходючи съ мѣста на мѣсто...

— Да чего вы ищете, — говоритъ въ недоумѣніи, — кругомъ земля?!

— Да не про насъ. У казны, бають, нѣтъ земли, а хочешь —
ери у купцовъ или воеводъ.

— Ну, у нихъ барите.

— Не модъ силу, намъ: дѣшой больно нажимають... Притомъ,
опасно.

— Чего?

— Да годъ два не тронуть, обстроишься ты и хозяйствомъ
обзаведешься, а тамъ, глядишь, и дѣлять убираться: либо са-
мому, скажутъ, земля понадобилась, али она въ тягѣ, спор-
ми... Бабы гдѣ у казны найти.

И толпа снова удалилась, не зная куда и что ожидаетъ впе-
еди... Оглядываясь назадъ, я видѣлъ темныя фигуры, съ без-
вольно унавшими на грудь головами и длинными, какъ у ого-
юдныхъ пугаль, висѣвшими руками... Но еще рѣвче выступала
рохматая голова и огромныя уши несчастной влечи.

Не малаго труда стоило мнѣ отыскать Адыгаудовскую степь,
ю послѣ долгихъ распросовъ я, наконецъ, добился результата:
въ Верхне-Троицкомъ заводѣ мнѣ указали путь, и я успѣвши
итравиться. Запасъ моихъ свѣдѣній относительно «невѣдомыхъ»
людей не много обогатился: кромѣ мифическихъ разсказовъ, слы-
шанныхъ мною въ Уфѣ, отъ заводскихъ жителей я еще узналъ,
что на Адыгаудовской степи «объявилась» не «дикіе», а «какіе-
то» переселенцы.

Дорога изъ завода сперва шла горами и лѣсомъ. Вхаль я въ
метель — обынномъ экипажѣ, въ которомъ ѣздить по всей Баш-
кири. Дорога была ужасная; плетенку кидало изъ стороны въ
сторону и вскидывало; я постоянно чувствовалъ толчки и не-
мало требовалось съ моей стороны усилій, чтобъ усидѣть на
сѣсть, и не вылетѣть изъ экипажа. Но мой ямщикъ, весьма
мышленный молодой человекъ лѣтъ пятнадцати, оставался со-
вершенно равнодушнымъ ко всемъ подбрасываньямъ и взлетамъ:
въ нецелостимымъ для меня искусствомъ, онъ брѣтко держался
на досчатомъ и гладкомъ, точно вылощенномъ, передкѣ и, по-
сергивая ременными возжами, только время отъ времени подри-
сывалъ на лошадей:

— Но, но!... Работай!

День стоялъ теплый, но сѣрый и влажный. По обѣимъ сто-
рикамъ тянулся лѣсъ съ пожелтѣвшими на половину листьями
на березахъ и дубахъ, тихо покачивавшихъ своими уже порѣ-
тѣвшими верхушками. Прямо чернѣла глубокая, избитая колея

дороги, а вверху, надъ нашими головами, сѣѣлились и ползли гиганты-тучи, сквозь разорванные покровы которыхъ, мѣстами, проглядывала ласковая синева неба и робко пробивался солнечный лучъ. На все легла уже печать той своеобразной, тихой грусти, какая, чувствуется, разлита бываетъ въ природѣ въ началѣ сентября мѣсяца. Непривѣтливый образъ осени всюду носился передъ глазами. Ни за нами, ни передъ нами — ни одной человѣческой души, ни одного живаго звука... И среди этой замирающей природы и безлюдья гулко отдается по лѣсу только одинъ колокольчикъ, да порою вырвется у ямщика:

— Но, но!... Пошевеливайся, молодчики!

И всякій разъ темный лѣсъ, обступившій насъ со всѣхъ сторонъ, подхватывалъ голосъ ямщика и густымъ басомъ повторялъ:

— Но, но!... Пошевеливайся, молодчики!

Ѣдемъ... Вдругъ что-то впереди сверкнуло, точно просіяло на мгновение и спряталось въ лѣсной тѣмѣ. Прошло двѣ-три минуты. Лошади, не слыша больше понуканій, шли шагомъ... Еще минута — и я чуть не вскрикнулъ отъ удивленія и восторга, охватившаго всею моимъ существомъ...

Передъ нами, сквозь разступившуюся лѣсную чащу, неожиданно встали и поднялись изъ пропасти, лѣпясь одна на другую, группы золотистыхъ холмовъ, а за ними, дальше, протянулись и раскинулись на необозримое пространство цѣпи горъ, вершины которыхъ вскинулись къ небу и сіяли, а другихъ — потонули въ туманѣ безконечной дали, сливаясь съ горизонтомъ. И всѣ эти холмы и горы, покрытые золотистымъ ковкомъ, казались затопленными лучами солнца и поражали величіемъ своей чистой и первозданной красоты... Въ ущельяхъ горъ и у подножія холмовъ кое-гдѣ виднѣлись пріютившіяся селенія, а надъ ними, словно жемчужныя тучки, плавали бѣлые клубы дыма, вырѣзывались зеленые острова и въ разныхъ мѣстахъ сивѣли изгибы рѣки.

Мы стояли надъ бездною, на самомъ почти краю обрыва, по которому змѣю сползала дорога. Я вышелъ изъ плетенки, а ямщикъ, оставаясь на своемъ мѣстѣ и принявши почти горизонтальное положеніе, началъ осторожно спускаться въ пропасть. Спустившись благополучно, мы очутились въ обширной и длинной котловинѣ съ зыбкимъ и поросшимъ мелкою травой дномъ. Я сѣлъ, и мы поѣхали; по сторонамъ колесъ просачивалась обильно выступала вода.

— Плоха у васъ тутъ ѣзда, — замѣтилъ я.

— Это еще что! — стонался ямщикъ. — А вотъ какъ постоянная-то осень подойдетъ, такъ тутъ все затопить.

— Какъ же вы тогда ъздите?

— Не ъздить. Да тутъ на рѣдкость, коли прѣдетъ кто. Вотъ въ весны-то я впервой нонче съ тобой ъду. А у насъ разгонъ большой, за-все ъздать.

— Кто же ъздитъ?

— Мало ли народа!... Чиновники разные, кушцы, господа иногда...

— А чиновниковъ много ъздитъ?

— Чиновника-то? — Мальчуганъ обернулся и пристально посмотрѣлъ на меня своими умными глазами. — Лошадей не знаемъ. Особенно вымѣнное жѣто, ево съмъ заделѣлъ: и днемъ конить, и ночью, и за полночь, — то и знай колокольчикъ все тенькаетъ. Никакого покою себѣ не знаемъ. Вишь, на участки свои все катаются. И откуда, подумаешь, этого чиновника столько вышло? Удивленье!... Но, бери, вывози, работнички! — заключилъ ямщикъ, обращаясь къ лошадамъ. — Еще, еще!... Понатужьтесь маленько! Эхъ вы, мелодички!

Мы выбрались изъ котловины и неслись теперь рысцою по гладкой степной дорогѣ. Изъ-за раздвигающихся горъ выбѣгали намъ на встрѣчу свѣжия и густыя зеленыя озими, встрѣчая насъ жѣтски-радостной и стыдливой улыбкою. Группы причудливо громающихся холмовъ, въ ихъ вротѣ сиюющихъ золотыхъ некровахъ, отступали направо и точно въ нѣмомъ удивленіи прислушивались къ непервичнымъ для нихъ звукамъ нашего колокольника. Погода незаметно разгуливалась; кругомъ становилось свѣтлѣе и привѣтливѣе. Изъ-за тучъ раза два уже выглядывало солнце, на нѣсколько минутъ озарявшее дивную панораму, и снова пряталось за наплывавшія облака. Неподалеку впереди показались деревни, вытянутая въ одну посадъ.

— Это Николаевка, — сказалъ ямщикъ: — надъми жмутъ, А вонъ, гляди, еще деревни; — не та, что у горъ, а другая, на степь которая вышла. Тамъ тебѣ лошадей смѣнять.

— Русская деревня?

— Нѣтъ, башкирская — Бындытъ.

— А что за *надъмы*, ты сказалъ, въ Николаевкѣ?

— Они хрещенные, въ церковь ходятъ. Только у нихъ языкъ чудной, — что ни слова, все говорятъ *надъмы*: «Надысь, — говорить, — становой прѣзжалъ недоимку выколачивать», «надысь въ

волостию драли, — все «сладись». Заводоніе и проваляжухъ надъзыми.

— Надъзы эти — переселенцы?

— Переселенцы. Изъ Россіи ихъ пригнади...

— Пригнади?

— Знамо, не по своей охотѣ пришли: комѣицкыи иныи но ревелъ.

— Ты же знаешь, давно это было?

Яищикъ задумался.

— Давно! — отвѣтилъ онъ: помолчалъ и весьма серьезно. — Вотъ мнѣ пшестынадцатый годъ; а я не/заноми... Матушка моя скызывала, что еще и она въ дѣвчакъ, подростокомъ была, когда надъзы появились. Сколько; — рассказывала она, — реву да плачу тогда по заводу было — не приведи Господи!

— А заводу-то что?

— Какъ же! Чай, надъзовъ сперва въ заводъ пригнади, — мальчуганъ — опустилъ возжи и лошади пошли нягомъ, а самъ онъ перекинулъ одну ногу въ плетенку и повернулъ ко мнѣ лицом. — Весной изъ своихъ мѣстовъ поднялись, а къ намъ только къ Успенъеву дню подошълъ: не близкая шутина; може сколько тысячъ верстъ ѣхали. Наши-то, скызывала матушка, инды ужаснулись, какъ надъмаы къ заводу подошли...

— Чего же ужаснулись?

— А думали, что непріятель подступилъ.

— Что?!

— Да-а! Право слово. Еще гдѣ, верстъ за пять, — скызывала матушка, — таной-то ли страшный шумъ да гулъ по землѣ пошелъ; а съ той стороны, откуда этотъ шумъ, ровно облакомъ свѣтъ застлалъ. На колокольнѣ ударили въ спелохъ... Изъ завода, изъ домовъ все помыскотили, бѣгутъ, вричатъ: «тдѣ, что?», — да какъ глянули въ сторону къ Вугульмѣ — ба-а-трѣмни-свѣты! — этака страсть оттуда надвигается: залегла по дорогѣ версты на четыре туча, а сама ровно какъ дышится, вытягивается да изгибается и ползеть къ заводу, ползеть и гудитъ, гу-удить... А что въ той тучѣ — распознать никакъ невозможно!... Вотъ только ноньмарь съ колокольни и заревѣлъ: «Непріятель идетъ! Виргизъ либо башкирь опять возмутился!» Наши не повѣрили, а тать порѣшители, что вѣрно это вѣтаецъ войной на Россію идетъ... Ты, вѣдь, знаешь у насъ дѣда Ериглу? — неожиданно спросилъ меня рассказчикъ.

— Ермила Яковлевича? — Знаю. (Завячу въ шубахъ, что Ермила Яковлевичъ заводской; арообрядецъ, восьмидесяти-пяти-лѣтній старикъ и большой начтчикъ.)

— Такъ дѣдъ Ермила — онъ начтчикъ у насъ изотари — въ горахъ старинныхъ вычиталъ, что напоследъ времени: будто пометоя китаецъ и поворить всё земли на свѣтопреставленья: насъ тогда поджидали. Вотъ понемарь какъ только подаль: съ мокольни вѣсть, что неприятель подступаетъ, такъ наши вѣнь голось и завопли: «китаецъ идетъ!». Начальники, на кѣ вѣдѣ моря жили на заводѣ, выбѣжали къ народу: «братцы, ворять, не разбѣгайтесь, дожалуйте вы своихъ малыхъ дѣтговъ: не покидайте завода! Хотя врагъ и грозонъ, но вы не опаитесь, говорятъ мы знаемъ; онъ маломощенъ: жему съ вами: за что не совладать». Снавали — да ма лошадей! «Мы, говорть, только до Белебея: захватимъ съ собой войско и на подру къ земь, придемъ». Снавали и — уватили!... Ну, мужики: оисъ бабамъ такой пригазъ: забрать: всёхъ ребятшекъ и бѣжать вѣ ними въ горы. А сами начали къ войскъ жготовляться: кто кватилъ кайло, кто ружье, кто пешню — разно; у кого какой ринасъ былъ, такой тотъ и взялъ съ собой на сраженье. Изготовились: живей руной, побѣжали къ оволицѣ, разбились: по гучамъ и завалились за избы. Лежать и моглядиваютъ, — китай-то, значить, все поджидаютъ. А туча по дорогѣ: вѣй ваять, ре ближе нащираеть. Слышать, будто мычалье да скрипъ: подишь... Тонно, погодя мало, слышать: ужъ явственно: скрипать: рѣги, мычать коровы, блеютъ овцы... «Ну, — мероговариваете: аши, — должно идѣлая орда подстудаетъ: всеъ скотъ съ собой нять». Смотрять — изъ-за выступа горы: словно блеснуло что... Батюшки! — ужаснулся мужики. — Китаецъ: безпремѣнно: пальть: вычать. Вишь, онъ ужъ и ружья на-готовѣ держитъ!... Шибки еретрусили наши, да спасибо Назару Кривому — у него: одишь: казъ да зрячий, видить хоромо: «ратники, говорятъ, Храбрые оины! А вѣдъ это не китаецъ, а простые мужики на телѣгахъ дуть: вонъ у нихъ и косы за пленами». Усомнились было: ка-іе луть мужики, безпремѣнно китаецъ! — да погодя: немного: и ами разглядѣли: вдетъ по дорогѣ до трехсотъ али больше: подюдъ, сидятъ на тѣхъ подводахъ мужики: съ косами, бабы и ре-ятишки, а за телѣгами и около разная скотина бредеть... Со-сѣмъ, значить, хозяйствомъ и домашней живностью: приѣхали.

Полторы тысячи душъ народа-то!... Тамъ вотъ онъ итаетъ-то какой!—заемѣлся рассказчикъ и подобралъ возми. —Надызы!... Ну, колодчики!

Мы подъѣзжали къ Николаевкѣ. Черезъ минуту ѣхали уже самою деревней.

— Вотъ они, надызы-то, поглядываютъ!—сказала ямищикъ кивая головой на длинные ряды потемнѣвшихъ избъ, съ маленькими оконцами, изъ которыхъ посвѣтло высматывались любопытныя женскія лица и блѣлые дѣтскія головки.

Вихремъ промчалось мы улицей. Очевидно, мой ямищикъ хотѣлъ блеснуть въ глазахъ деревни своею юной удачей и похвастаться лошадами. За быстротой ѣзды я могъ только замѣтить, что противъ избъ черезъ дорогу, на другой сторонѣ, въ безконечные ряды были раскиданы амбары и погреба, у колодца по серединѣ деревни стояли два мужика, проворно скинувшіе свои шапки и отвѣсившіе мнѣ по низкому поклону, да на всеи протяженіи улицы суетливо хлопотали около навозныхъ кучъ деревенскіе санитары — свиньи и поросята.

Выѣхавъ за околицу, ямищикъ тотчасъ же сталъ сдерживать лошадей.

— А не мало, сказывала мнѣ матушка, напримались тогда горя эти надызы,—началъ онъ.—Пока еще тепло стояло —ничего, перебивались кое-какъ, жили въ телѣгахъ да шалашахъ, а осенью подѣлали себѣ землянки, куда на зиму и поселились. Холодъ, нужду терѣли! Только, бывало, и поѣдутъ съ маленькими дѣтнами, что на заводѣ посбираютъ... Много ихъ въ тѣ поры на погостъ свезли.

— Ну, ты, кажется, выдумывать начинаешь?

— Вѣрно. Я говорю тебѣ необходимо. Надѣлъ и усадьбы отвели намъ на другой уже годъ. Разбили сперва на два поселка: Катериновку и Митревку, а послѣ душъ два ста въ Николаевку выселили...

— Ты мнѣ вотъ что лучше скажи, — перебилъ я: — кто на Адагуловской степи живетъ.

— Вотъ чего не знаю, не стану я и говорить... Объ этомъ ты ужъ башкиръ спроси: они — шабры, ноги все знаютъ... Да те-

*) Дѣйствительный фавтъ. Надызы—переселенцы изъ Елифанскаго уѣзда Тульской губерніи. Они были приобретены уфимскимъ заводчикомъ, поручикомъ Б—ки, у гр. Б—го и въ 1844 году выселены въ Белебеевскій уѣздъ.

рь недалеко ужъ и деревня башкирская: вонъ ее всю знать...
 Ты, Господи! — воскликнулъ ямщикъ, — патка, какъ вдругъ
 нынѣ взыграло!

Мальчуганъ не ошибся! да, именно «взыграло». Послѣ долгой
 рбы съ неприятелями-тучами, торжествующее солнце, наконецъ,
 встало и засіяло на лазурномъ небѣ. Степь, горы и селенія —
 то, что въ состояніи былъ окинуть глазъ, вдругъ заулыбалось,
 оживилось радостнымъ смѣхомъ и точно понеслось съ благодар-
 ностью къ ликующему солнцу.

Миндынь принялъ насъ дружелюбно. Башкиры въ бешме-
 нъ и высокихъ меховыхъ шапкахъ, заслышавъ еще издаലെ-
 нъ колокольчій, высыпали на улицу и ожидали нашего при-
 ѣзда. Ухарски влетѣвъ въ деревню, ямщикъ осадилъ на всемъ
 маху лошадей и громко крикнулъ:

— Саямалигумъ!

— А, малай, здорово!... Давно ты къ намъ, Андрей, не «гу-
 ть!» — раздавались голоса, и башкиры, ножиные и старики,
 бржали руку мальчугана. — Бѣго привезъ?... Чиновника?

Не успѣвъ я выйти изъ моего дорожнаго экипажа, какъ одинъ
 въ стоявшихъ башкиръ опрометью кинулся къ ближнему двору,
 хватилъ дугу, выхватилъ изъ-подъ навѣса плетенну и принялся
 владывать лошадой. Мой ямщикъ каякалъ съ другими башки-
 ами, довольно свободно изъясняясь на ихъ родномъ нарѣчьи, и
 въ-своему объяснялъ, кто такой проѣзжій! выходило у него что-
 то до чрезвычайности странное и занутое; башкиры съ на-
 ружнымъ вниманіемъ его слушали и недоумѣвали. Наконецъ,
 къ добавили по-русски: «ислѣдчикъ», и слушатели отлично по-
 нимаи, сказавъ за-разъ и въ нѣсколько голосовъ:

— Большой, значить, человекъ!

Несмотря на свой крайне-юный возрастъ, мальчуганъ, видимо,
 пользовался со стороны миндынскихъ башкиръ значительнымъ до-
 вѣріемъ и даже почтеніемъ. Они спрашивали, что дѣлается въ
 заводѣ, что говорятъ про башкирскія земли, нѣтъ ли какихъ слу-
 говъ о войнѣ и проч., а нѣкоторые звали его къ себѣ пить чай.

Получивъ отъ меня прощанье, мальчуганъ поклонился, посмо-
 трѣвъ на меня и подавъ руку.

— Ну, прощай!... Будешь коли опять въ нашъ заводъ, —
 заходи ко мнѣ въ гости: мы тебѣ будемъ рады!... А что я до-
 рогой тебѣ рассказывалъ, это вѣрно, — ни однимъ словомъ я не
 случавилъ.

Мы растались:

Скоро были поданы новые лошади. Ямщикъ, длинноногий, жидкій башкиръ съ выбритымъ подбородкомъ и коротко подстриженными усами надъ губой, улаживалъ въ тележку мои вещи и странно суетился.

— Готово. Айда! — проговорилъ онъ весело и побѣжалъ в избу за халатомъ.

Усѣвшись въ плетень, я нечаянно взглянулъ на огорокъ съ сѣдной избы. У плетня, въ шубѣ и мѣховой шапкѣ, съ рѣшетомъ на головѣ, стояла молодая дѣвушка, съ черными густыми косами, и наблюдала за мною. Но лишь она замѣтила, что вижу ее, быстро отпрянула, засмѣялась и куда-то моментально скрылась.

— Ай, дѣвка! — раздался голосъ выходившаго ямщика. — Убѣжала!... Ну, ты совѣмъ?

— Тебя жду.

Башкиръ вскочилъ на передокъ, ухватилъ возжи и пронзительно взвизгнулъ.

Лошади рванули, сразу понеслись во весь духъ и колокольчикъ ъбично зазвучалъ. Башкиры вообще любители быстрой ѣзды. А на этотъ разъ надо было передъ «большимъ человекомъ» еще показать, что «башкуртъ» — настоящій башкиръ, а не театаръ какой-нибудь — умѣетъ ѣздить и въ часъ отмахать пятнадцать двадцать верстъ для него ровно ничего не значить. Поэтому несколько не удивился, когда черезъ двѣ-три минуты Блудный остался у насъ далеко позади, и мы стрѣлой мчались по степи мягко освѣщенной солнцемъ и дышавшей на насъ пріятною, ласкающею теплотою.

— Такъ ты хорошо знаешь починокъ, куда я ѣду?

— Какъ мнѣ не знать, господинъ! — отозвался башкиръ.

Мы насто туда гулемъ. Знаю я Никитичкинь починокъ.

— Скажи, пожадуйста, что за народъ тамъ поселился?

— А что за народъ — люди, господинъ, такіе же, какъ и мы.

— Башкиры?

— Нѣтъ! На починокѣ живутъ и ваши русскіе, и чувашинъ... Только чувашъ мало теперь осталось... Ай-ай, каково у нихъ весной бѣда-страхота!

И ямщикъ разсказалъ мнѣ все, что онъ зналъ о поселенцахъ, и подтвердилъ фактъ смертности... Но меня всего болѣе удивлялъ тонъ разсказчика: столько искренняго участія, человѣческаго со-

граданія слышалось въ этомъ тонѣ... Еслибы кто подслушалъ съ стороны, то непременно бы подумалъ, что башкиръ разсказываетъ не про чужое, а про свою горе, про свои страданія...

Во время разсказа, Абдуль-Гани, — такъ звали башкира, — вернулся съ торной дороги, по которой мы ѣхали, и сталъ закрывать степью вправо, по направленію къ одному изъ горныхъ выходовъ. Не проѣхали мы цѣльной и двухъ верстъ, какъ Абдуль-Гани, безъ всякой видимой причины, остановился.

— Слѣзай, — сказалъ онъ, — пріѣхали на починокъ.

Я оглядѣлся.

Мы стояли посреди степи и другомъ никакого признака человеческого жилища.

— Да гдѣ же починокъ? — спрашиваю.

Но тутъ — Богъ вѣсть откуда взялся! — передъ нами предсталъ странный, средняго роста мужикъ, темноволосый, съ немного изогнутымъ къ верху носомъ, босикомъ, въ грубой холщовой рубахѣ и портахъ.

— Саламаликумъ! — приветствовалъ онъ Абдула-Гани, прогибая ему черную, точно въ перчаткѣ, мускулистую свою руку.

— Вотъ, ихидъ... чувашинъ! — откомендовалъ мнѣ мужика Абдуль-Гани и потомъ, повернувшись къ чувашину, заговорилъ съ нимъ по-башкирски, объясняя ему, кто я и за чѣмъ на починокъ пріѣхалъ.

Я сошелъ съ плетенки и началъ внимательно разсматривать окрестность. Направо, въ пяти-шести саженьяхъ, гдѣ мы остановились, степь круто обрывалась и дѣлала множество незначительныхъ овраговъ и буераковъ. Къ этимъ оврагамъ примыгало болото, поросшее таломъ; въ ширину оно представлялось не больше двухъ-четырёхъ верстъ, но длину его опредѣлить не было никакой возможности, — оно казалось безъ конца. За болотомъ, дальше, обрисовывался горный край, мимо котораго свергающею лентой извивалась рѣка Усень. Налѣво и прямо разстилалась степь, замыкавшаяся на горизонтѣ чуть видимыми грядами темнѣющихъ холмовъ. У самаго болота, по оврагамъ и буеракамъ, кое-гдѣ, прісталились небольшіе курганы и что-то похожее на низенькій шапашъ... Вообще, видъ былъ какой-то тоскливый, мрачный... Даже болоте, сыпавшее кругомъ въ изобиліи теплые лучи, не смягчало красокъ и тоновъ... Чудилось, что здѣсь незримо носится дыханіе смерти...

— Ну, пойдёмъ къ нашему старостѣ!

Я оглянулася. Меня позвалъ чувашинъ.

— Но гдѣ же починокъ?

— Да это и есть починокъ.

Мы пошли.

Не доходя нѣсколькихъ саженъ до замѣчнаго мною шалама, мнѣ послышалась не то заунывная пѣсня, не то причитаніе покойникъ. Я остановился...

«Родимый батюшка,
Завезъ ты своихъ дѣтушекъ
На чужую сторонушку...»

явственно донеслись до меня слова.

— Кто это у васъ поетъ?

— Дѣвка одна, Ариной звать, — отвѣчалъ чувашинъ. — У насъ часто воетъ...

«На чужую, на дальнюю,
За дѣтки-то за темныя,
За горушки-то за высокія,
За рѣченки за быстрыя.»

продолжала пѣвица, совершенно невидимая нами, и въ каждое словъ ея, въ каждомъ звукѣ слышалось столько-горькихъ слезъ и тоски...

«Всѣ люди — незнамые,
Незнамые, незнакомые.
На чужой на сторонушкѣ
Мы горькія горюшечки,
Горькія кугушечки.
Нашатаемся мы, намотаемся.
Нѣтъ-то своего теплаго гнѣздышка.»

— Ай-ай, вопить дѣвка какъ! — протянулъ башкиръ, следуя за нами съ лошадьми и ведя подъ уздцы коренника. — Боже, не знаешь дѣвкѣ плохо... Ай-ай, плохо!...

— Чудная дѣвка! — добавилъ чувашинъ. — Засядетъ гдѣ буеракѣ, да и причитаетъ: чего-чего не переберетъ!... А еще на степь уйдетъ... Куда-то все глядитъ, не спуская глазъ, а сама поетъ, поетъ да плачетъ... А вотъ и жилище наше, господинъ!

Чувашинъ приостановился и показалъ на шаламъ.

— Это... шалашъ?

— У насъ это сѣни зовутся, а жилье самое подъ землею идетъ...

— Можно посмотрѣть?

— Смотри. Сколько тебѣ угодно, смотри!

— А хозяевъ мы не потревожимъ?

— Какъ можно ихъ тревожить?—Нѣ-ѣтъ... Они, най, тене-ча въ могилахъ ужь спяли...

Я отступилъ отъ шалаша...

— Веди дальше!—съ трудомъ я выговорилъ.

Еще нѣсколько шалашей, раскиданныхъ въ-одиночку по буеракамъ... Хозяева ихъ также переселились на вѣчный покой...

— Да гдѣ же... гдѣ у васъ живые-то люди?

Слова эти, должно-быть, настолько были произнесены мною громко, что они разбудили или, правильнѣе, испугали одну живую душу...

Я увидалъ поднимающуюся изъ-за небольшого куртана молодую дѣвушку, въ синемъ сарафанѣ и босоногую. Поднялась она, стала и устремила на насъ свои испуганные, широко раскрытые глаза.

— Вотъ это и есть Арина, — проговорилъ вполголоса чувашинь. — Арина, отецъ дома?—крикнулъ онъ дѣвушкѣ.

Та ни слова не промолвила. Она стояла неподвижно на одномъ мѣстѣ и смотрѣла все на насъ своими большими глазами.

— Не слышать... Это съ нею бываетъ: ей говорятъ, а она не слышать... Ну, вотъ, господинъ, тебѣ и милая изба: наши тутъ, чувашани.

Такой же, какъ и видѣнные раньше, передъ нами шалашъ, съ открытымъ и низенькимъ, дугообразнымъ входомъ съ одной стороны.

— Сейчасъ спрошу, — проговорилъ мой проводникъ и, нагнувшись, проскользнулъ въ шалашъ. — Живы ли? — окликнулъ онъ уже по-чувашски. — Гости въ вамъ идутъ.

Что отвѣчали изъ земли, я не расслышалъ.

— Ступай, — поваля чувашинь, — можно.

Вотъ что мнѣ представилось: когда я осмотрѣлся, прежде всего увидѣлъ земляной спускъ, откуда несло запахомъ чего-то дѣлаго и вѣстѣ тяжелого; словно въ чадѣ, при слабомъ мерцаніи свѣта, кодыхались тамъ, въ подземельи; канія-то странныя тѣни. Когда я спустился по землянымъ ступенькамъ, то не сра-

зу могъ разглядѣть, что передо мной были два живыхъ человѣка: существо пожилая и высохшая вся женщина и худенькая блѣднолицая дѣвочка лѣтъ восьми... Все помѣщеніе состояло изъ одной, если позволительно такъ выразиться, земляной комнаты въ четыре квадратныхъ аршина, съ подобіемъ глиняной печи, глиняныхъ наръ, глинянаго дивана и опрокинутою вверхъ дномъ ладкой вмѣсто стола. По стѣнамъ развѣшено сырое сѣлье, тряпки и всякая рвань. Въ печѣ что-то тлѣлось.

— Какъ здоровы?

— Слава Бѣгу, — заговорила по-русски, но сильно коверкая слова, женщина-привидѣніе. — Теперь ничего... Возь только отстаешь плухоха, — все бѣдетъ, треплетъ. А то, слава Бѣгу, теперь все хорошо.

— Доктору у васъ былъ?

— Былъ дохтуръ, навѣзжалъ вчера. Далъ корошки: утромъ сказалъ, одинъ прими, а другой вечеромъ. Приняла.

— Ну, что тебѣ полегче стало?

— Слава Бѣгу!... Треплетъ только, не отпускаетъ... Знаю мало, дакъ...

Воздухъ былъ до такой степени убійственный, что я не смѣлъ оставить довольную женщину и выбраться поскорѣе на волю.

— Подѣмъ къ старостѣ, онъ тебѣ все разскажетъ! — звалъ меня проводникъ. — Пожалуйста, подѣмъ!

Я снова за нимъ послѣдовалъ, но уже нигдѣ не останавливаясь.

Староста жилъ въ маленькой, только что построенной, избушкѣ, съ двумя оконцами и безъ крыши. Срубленная изъ тонкаго лѣса и недавно поставленная, тѣнилась она надъ облагомъ грядла студа совершенною бобылкой. Ни кола, ни двора, да и лѣстницы еще не было прилажено къ двери, чтобы подняться вонъ и войти въ сѣни старостинной избы.

Мы нашли старосту лежавшимъ на сполоченныхъ и прищипанныхъ къ стѣнѣ доскахъ подлѣ самой двери. При нашемъ явленіи онъ быстро вскочилъ и сталъ на ноги. Это былъ толчужавинъ, высокаго роста, съ короткимъ и сильно-вздернутымъ носомъ, темными волосами и бородой, лѣтъ сорока. Цвѣтъ лица у него былъ желтый, руки худыя, съ костлявыми пальцами; онъ стоялъ, выпрямившись во весь ростъ, и замѣтно дрожалъ: онъ былъ лихорадка. Я попросилъ старосту, чтобъ онъ снова легъ, не утруждая себя напрасно.

— Какъ можно лежать!—встревожился староста.—Я ничего шеръ, слава Богу!... Вотъ только треплетъ...

— А давно треплетъ?—спрашиваю.

— Да ужь порядочно... Съ Благовѣщенья зачала трести.

Бромъ самого хозяина въ избѣ сидѣли на лавкѣ двѣ широкии, съ выдавшимися скулами, женщины и русоволосый прѣстѣнъ, съ добрымъ лицомъ и сѣрыми, грустно смотрящими, глазами (отецъ Аринь, какъ я потомъ скоро узналъ, переселенецъ въ Вятской губерніи). Обѣ женщины прями и упорно молчали; онѣ были чувашки. Я присѣлъ на козлы около постели больного, а мой проводникъ присудился къ вятчичу. Ямщикъ, привавъ лошадей, тоже вошелъ въ избу. Не прошло и получаса; ужь я одѣлся, видимо, своимъ человѣкомъ въ избѣ,—перемѣнцы охотно со мною говорили и обо всемъ рассказывали. Староста Никита Семеновичъ, въ честь котораго названъ и самый рчинокъ, несмотря на свою болѣзнь, оказался человѣкомъ весьма живымъ и разговорчивымъ.

На починкѣ жили русскіе и чувашки—крещеные и совершенно же обрусѣвшіе; чувашки, за исключеніемъ женщинъ, хорошо говорили по-русски,—только мягкость въ произношеніи отличала ихъ отъ коренныхъ русскіхъ. Разговоръ скоро коснулся фанта переселенія.

— Прослышали мы, что на Уралѣ земли больно много,—рассказывалъ Никита Семеновичъ, усѣвшись на голой досчатой постели и, время отъ времени, сопровождая свой рассказъ безпощадными движеніями и вздрагиваніемъ всего тѣла.—Земля хорошая, воды и лѣсу—не пройдешь... Сказывали, и казна больно славетъ, чтобы народъ шелъ: земля задаромъ лежитъ!... Думали мы, думали и удумали—идти на Уралъ. Двадцать семей насъ тогда изъ Ядринскаго уѣзда тронулось,—мы оттуда вышли. Избы продали, хлѣбъ, какой сняли, продали, свотину продали; одѣхъ и шадокъ при себѣ оставили... Время къ зимѣ шло, на дворѣ морозы ужь начинались. Тронулись, пошли искать новыхъ земель. Сарапуль минули. Дорогой у всѣхъ спрашиваемъ: гдѣ тутъ казна землю дастъ?—«Ступайте, говорятъ; дальше: тамъ мы покажутъ». Идемъ дальше... Зимой подуло, снѣгъ выпалъ, все засыпало... Идемъ, опять людей спрашиваемъ: гдѣ земля отъ казны?—«Дальше, говорятъ; дальше еще ступайте: тамъ вамъ покажутъ». Идемъ дальше... Студено, вѣтеръ такой злой, до костей прохватываетъ, ребятѣнки съ бабами заморозились, режутъ...

Объ Николинѣ днѣ пришли къ Красноухвизскому, спрашиваемъ тамъ... «У насъ, говорятъ, земли довольно, но одна глина с пескомъ. А вотъ, говорятъ, дальше, по ту сторону Урала, в Шадринскомъ уѣздѣ, земля точно есть и — хорошая земля. И мѣшкайте здѣсь и трогайтесь опять съ Богомъ: тамъ ужь вамъ покажутъ. Только держитесь, говорятъ, въ пути больше съ своей стороны: дорога тутъ прямая; она на самую эту, что ищите, казенную землю и приведетъ». Опять пошли, идемъ... На встрѣчу горы, лѣса высокіе, свѣта не знаютъ, а мы, знай, идемъ. Жутко!... Ребятишки въ дровняхъ пуще ревуть, бабы воняютъ «Лучше бы вы, — приговариваютъ бабы дорогою, — живыми насъ на старинѣ похоронили, чѣмъ такую надсаду, да мученье намъ принимать». Лошадки тоже изморились, мужики отоцали, чуть чуть только перемотались и плелись... Передъ масляницей пришли въ Шадринскъ:

— Но какъ же вы изъ Шадринска сюда попали?

Никита Семеновичъ вытеръ рукавомъ пестрядичной рубахи лицо, по которому выступалъ потъ, и принялся опять съ лихорадочной поспѣшностью рассказывать:

— Въ Шадринскѣ просидѣли мы до весны. Русскіе къ намъ пристали; они до насъ еще пришли. Уговорились, чтобы намъ в одномъ обществѣ состоять и землю сообща взять. Землю намъ отвели, только земля плохая, не лучше, чѣмъ на старинѣ. Лѣса не дали. Говорятъ: нѣтъ лѣса. Дѣлать нечего, взяли: попробуемъ, мошь, что выйдетъ. Избъ себѣ не строили, — не изъ чего было и строить, лѣто въ шалашахъ прожили, а зиму по деревнямъ разбрелись. Сняли урожай, яровое, — на прокормъ не хватило. Пробылись годъ. Видимъ — бѣда наша!... Тутъ съ купцами проѣзжими повстрѣчались. Больно насъ тѣ купцы бранили. «Дураки, — говорятъ, — дураки... Что чувашинъ, что мужикъ русскій — все одно: неотесы и сиволаны оба. Непшь можно на такую землю садиться?... Забирайте, — говорятъ, — какіе у васъ остались тутъ животы да махайте въ Ухвизскую губернію. Вотъ гдѣ земля — такъ земля: въ царство небесное оттуда не захотите!» Мною еще разными словами бранили насъ купцы, а напоследъ — ни чего, обошлись, и пріятственно такъ сказали: «удирайте вы этихъ трущобъ, нока васъ тутъ не закрѣпили, и съ Богомъ ступайте въ Ухву: на любомъ мѣстѣ тамъ селитесь... Тамъ носильшайте, а тамъ вамъ покажутъ». Дали намъ тѣ купцы записи, гдѣ земли хорошия и угоды больше. Марья Васильевна —

какая женщина такая есть, она грамотъ обучена—прочитала обществу эти записи: въ нихъ значатся разные купцы, у которыхъ землю задешево можно снимать... А еще раньше въ намъ было, что въ Ухвимской губернии земли больно много: у казаки бери, у башкиръ бери, у купцовъ... Показали мы прокъ себя и обществомъ порѣшили: идти въ Ухву... Меня старостой выбрали...

Разказъ старосты былъ прерванъ появленіемъ незнакомой женщины и Арины... Лицо вошедшей женщины и нарядъ ея привели меня въ недоумѣніе. Я увидѣлъ передъ собою женщину въ тридцати съ чѣмъ-нибудь, высокою, съ хорошимъ, умнымъ и выразительнымъ лицомъ; одѣта она была въ темное ситцевое платье, голова повязана чернымъ шерстянымъ платкомъ, на ногахъ козловые ботинки. Во всей фигурѣ ея было что-то степенное, почти строгое... Она оказалась мнѣ черничкою, какихъ я встрѣчалъ въ упраздненныхъ старообрядческихъ снитахъ за Волгою...

— А, Марья Васильевна!—радостно встрѣтилъ ее больной, взмахнувъ привѣтливо руками.

— Навѣститъ тебя пришли, Никита Семенчычъ, — проговорила степенно женщина.—Какъ тебя Богъ милуетъ, поправляешься ли сколько?

— Спасибо... Больно тебѣ спасибо!... Добрый ты человекъ, Марья Васильевна!...

Арина, какъ вошла, проскользнула впередъ, забилась въ уголъ и смотреть оттуда на насъ своими большими глазами.

Марья Васильевна медленно повернулась, взглянула на меня и поклонилась мнѣ степеннымъ поклономъ.

— А вы откуда, Марья Васильевна?—не могъ я долѣе удержаться отъ вопроса.

— Сама я родомъ изъ Ярославской губернии, — спокойно опускаясь на лавку, отвѣчала загадочная женщина.

— Но какъ вы очутились здѣсь?...

— А я вотъ съ ними, — повела она вокругъ своими глазами.—Въ Шадринскѣ мы встрѣтились. Познакомились. Годъ вѣсть прожили. Они пошли въ здѣшнюю сторону, и я за ними, — не хотѣла ужъ отставать... Привыкла очень.

Легкій, едва уловимый румянецъ разлился по лицу Марьи Васильевны. Замѣтивъ я этотъ румянецъ, посмотрѣлъ на ея черныя платокъ, темное платье—и мнѣ сдѣлалось тяжело. Никита Семеновичъ вырвалъ меня изъ этого затруднительнаго положенія.

— Марья Васильевна! — сивалъ отароста, — а я вриѣзему госнодину в ро наймъ починотъ разсазываю!

Марья Васильевна потушила въ брови ея слегка шевельнулись:

— Принимъ мы въ Ухву, — продолжалъ Никита Семеновичъ, обращаясь уже прямо ко мнѣ: — Иду я къ начальникамъ. «Землю говорю, обществомъ желаемъ взять». Начальники мнѣ говорятъ: «А свидѣтельства у васъ: увольнительныя есть?» — Есть, говорю. — «Въ Ухвнскомъ уездѣ казенной земли нѣтъ, — начальники говорятъ, — ступайте въ Бирскій, тамъ должна быть. Спросите: вамъ донажутъ». Пошли въ Бирскій. — «У насъ, — сказали тамошніе начальники, — казенной земли нѣтъ, — ступайте въ Ухву». Идемъ въ Ухву. Я опять къ начальникамъ. Говорю: въ Бирскомъ земли нѣтъ. — «Ну, ступайте въ Стерлитамакскій: тамъ безпрѣмѣнно отыщете». Пошли въ Стерлитамакъ. — «Нѣтъ, — говорятъ. — Сходите на Аднагуловскую степь: земля тамъ свободна лежитъ». Пошли на степь. Оглядѣли. Не полюбилось намъ на степи: болото и лѣсу совсѣмъ нѣтъ. Не знаемъ, что дѣлать годъ дѣльной: проходили, а земли казенной не отыскали. Хотѣли къ бацширамъ: «Больно, калякаютъ, рады бы дать, да боимся: слышно, земли у насъ отрѣзать хотять». Въ купцамъ ушъ: побоялись идти, — добрые люди, отсвѣтовали. Опять въ Ухву!... «Что ты, — приняла меня, — таскаешься, начальство напрасну все безпокоишь!» — Такъ и такъ говорю, ваши превсходительства, земли по всей губерніи не сыскали. Народу помирать съ голоду приходило. — Задумались начальники. — «Ну, надо васъ куда-нибудь приткнуть, — озадали. — вишь вы какіе неотвязные да безпокойные. Салитесь на Аднагуловскую степь! Что имъ на это было сказать?... А народъ безъ земли плачетъ... Подумали, помолились: ухвнскимъ угодникамъ и пошли всѣмъ обществомъ на степь...

— Страдальцы Христовы! — раздавался звучный, но слегка дрожащій голосъ.

Я повернулъ голову и встрѣтилъ лицо Марьи Васильевны... Я не узналъ ея лица: лицо это пылало гнѣвомъ, всыхнувшія щеки горѣли густымъ румянцемъ, а глаза были полны слезъ. — «Вѣдаютъ ли у васъ, на Руси, что только терпѣть на родъ, — заговорила она омыленнымъ и взволнованнымъ голосомъ, подынявшись съ мѣста. — Есть ли на привольномъ бѣгомъ свѣтъ ещѣ манта, какой не испыталъ, не извѣдалъ бы мушкетѣръ Христовъ?...

Сколько воть здѣсь, на одной этой стѣнѣ, безвременно въ сырую землю слегло людей! А чѣмъ они провинились? За что они погибли?... Грѣхъ, неотмолимый грѣхъ! Богъ отъ всѣхъ потребуетъ за нихъ отбѣта. Правденъ, не страшень судъ Всевышній!

Съ возрастающимъ удивленіемъ, почти съ ужасомъ, слушала эти грозно-обличительныя слова, какъ звукъ трубы Архангела Михаила, гремѣвшія въ моихъ ушахъ. Я боялся шелхнуться, не смѣлъ поднять глаза...

— Ничего, теперь слава Богу! — заговорилъ Никита Семевичъ: — Приобыкли... Только воть трясеть... Да отстанеть, отустить, Богъ дастъ... Успокойся, не растревоживай себя, добрая душа!

— Болѣзная, желанная, — услышала я молодой голосъ. — Пойдемъ на степь, погуляемъ! Я тебѣ покажу, гдѣ родная сторона, куда насъ вывезъ батюшка... Ну, скоренько? Побѣжимъ, моя Васавица!

Такъ говорила Арина, ласкаясь къ Марьѣ Васильевнѣ и прижимая къ ея груди свое лицо.

— Сейчасъ, Аринушка, — отозвалась Марья Васильевна, и голосъ ея по-прежнему сталъ ровень и спокоенъ; онъ звучалъ же нѣжностью. — Василій Ивановичъ, — сказала она вятичу, отцу Арины, — не прислали еще тебѣ увольнительнаго свидѣтельства?

— Нѣту, радѣльница, не прислали... Може и прислано... городѣ, на почтѣ лежитъ...

— Хорошо. Мнѣ самой надо будетъ въ городъ съѣздить: я знаю и привезу, ежели долучено... Вотъ, по незнанію, мужичокъ взялъ ео старины бумажонку, свидѣтельства, — и не отводятъ ни земли... Живи съ семьей, чѣмъ знаешь, крестьянцѣ!

Марья Васильевна встала.

— Долго вы, честной, годнединъ, мамѣренды прогостить въ нашемъ починкѣ? — обратилась она съ вопросомъ ко мнѣ. — Не обрезгуете, такъ просимъ милости въ мою велью! Я недалеко живу...

Марья Васильевна поклонилась мнѣ опять своимъ степеннымъ наклономъ и вышла изъ избы, уводя за собой Арину.

— Прощай! — крикнула на ходу Арина, вскинувъ на меня свои большіе глаза. — Не уѣзжай отъ насъ: я за тебя замужъ пойду!... — И она засмѣялась.

— Не обезсудьте, — сказала старецъ, когда дверь захлопнулась. — Она немного, порой, заговаривается... Должно, съ тоскою это у ней по старинѣ.

Мы продолжали бесѣдовать. Всѣ принимали живое участіе въ разговорахъ; однѣ чувашки по-прежнему оставались безглавы. О Марьѣ Васильевнѣ я, между прочимъ, узналъ, что она «по старой вѣрѣ», живетъ «для Бога» и «добрыхъ дѣлъ», всѣмъ помогаетъ. Какой вѣры она держится, собесѣдники не знаютъ, а ушла она со «старинны» отъ «направды» да «притѣснительства»...

— А васъ что заставило покинуть старину? — спросилъ я и чинковцевъ. — Жили бы вы тамъ да жили, никакихъ невзгод не терпѣли!

— Батюшки наши въ Ядринскомъ уѣздѣ жили, — заговорилъ староста. — Жили старики хорошо. Помѣщиковъ у насъ не зналъ земли, лѣсу — всего было вдосталь... Просто тогда было, слава Богу, никто не жаловался. Мы подросли. Хуже пошло. Терпѣли, все перемогались... Но пошли обрѣзы, на все запреты, земли нехватка да и выпажана. Удобрять нечѣмъ. Подати годъ о году тяжелѣе, недоимки растутъ...

— Ежели бы на старинѣ, — вступился Василій Ивановичъ, — хоть мало-мальски въ моготу-то было, такъ развѣ бы кто заставилъ насъ покинуть родину?... Коломъ бы насъ оттуда выгнали!... Бѣднота заодолѣла, жить стало не у чего — вотъ чѣмъ на новыя-то земли гонить! Нужда, родимый, нужда заѣла и въ поѣдомъ мужиковъ... А никто нужды и печали нашей вѣды не хочетъ...

— Что же, Никита Семеновъ, теперь вы поменьше бьете народъ не мреть? — желая переимѣнить тему разговора, предложилъ я вопросъ старостѣ.

— Какъ можно!... Прежде маялись и не мало побились, говорилъ староста. — Теперь — слава Богу!... Болѣютъ — есть и мовъ пять, но умирать перестали. Намедни съ исправникъ мы проѣзжалъ: шибко насъ жалѣлъ. Побѣдилъ — говорить: «буду въ губерніи, доложу губернатору: губернаторъ, — кричитъ, — вамъ больно будетъ жалѣть!...» Доктуръ вчера навѣзжалъ, молодой, съ барынею. Тоже... и-ихъ какъ оба жалѣли!... А барыня гостинцами ребятиншекъ одѣдала... Спасибо ей!

— Жалѣютъ ихъ начальники, — промолвилъ Абдулъ-Гани. — Всѣ жалѣютъ...

— Зачѣмъ вы мѣсто такое выбрали для поселка? Развѣ не-
взя было на степи получше найти?

— А все нужда, господишь. Приволья мало, недостатокъ въ
землѣ... Ну, вотъ къ болотинѣ и прижались.

Мы проговорили бы, по всей жѣроятности, до самой ночи,
если бы случайное обстоятельство намъ не помѣшало. Во время
однихъ разговоровъ неожиданно и быстро отворилась дверь избы
и просунулось чье-то блѣдное лицо.

— Что вы сидите? У вдовы Прасковьи Иванко отходить!

Мы вслѣдили...

У одного изъ палатокъ, на подставномъ армякѣ, освѣщен-
ной лучами заходящаго солнца, лежалъ мальчикъ лѣтъ десяти
и чуть замѣтно вздыхалъ. Глаза его были закрыты, личико вы-
ступилось и носикъ обветрився... Около него хлопотали Арина
и Марья Васильевна... Вкругомъ собрался весь починокъ... У го-
вы умирающаго мальчика сидѣла мать—безъ слезъ и точно
замѣная: Она утварила на сына глаза и не отводила ихъ.
Никто ни слова не говорилъ, какая-то благоговѣйная тишина
воцарилась... Вдругъ умирающій открылъ глаза, повелъ ими и улыб-
нулся...

— М-мама! — произнесъ онъ, вздохнувъ тихо и замолкъ...
Всегда замолкъ!

Всѣ затаили дыханіе.

— Иванушка! — раздался отчаянный вопль. — Оставилъ ты...
Мама я теперь сирота!...

Прошло два года. Мнѣ снова удалось посѣтить Верхне-Троиц-
кий заводъ, гдѣ я прожилъ около двухъ мѣсяцевъ. Совершенно
для себя неожиданно, я встрѣтилъ здѣсь Василья Ивановича. Мы
обрадовались другъ другу, какъ старые знакомые, и я засыпалъ
его вопросами. Василій Ивановичъ замѣтно постарѣлъ и порядкомъ
похудѣлъ.

— Какъ живутъ на Никитиномъ починкѣ?—спрашиваю.

— Ничего, пообстроились... Новенькихъ еще прибыло—рус-
скихъ...

— А Никита Семенычъ?

— Живъ. По-прежнему старостой... Жалуются, земли не хва-
таетъ и лѣсу нѣтъ.

— Ну, а твоя Арина?...

— Жива... Не всегда только въ своемъ уиѣ бываетъ...

— Какъ?!

— Богъ вѣдаетъ!... Такъ мы со старухой полагаемъ, от печали по старинѣ помѣшалась дѣвка немного.

— А Марья Васильевна живетъ на починкѣ?

Лицо Василья освѣтилось.

— Она тамъ, — проговорилъ онъ тихо и почти благоговѣно. — Живетъ все по Богѣ и любви... Ею, можетъ, починокъ живъ остался. Собирается уѣзжать. Теперь, говорить, вы безъ меня обойдетесь, — я не нужна вамъ... Поѣду въ другия мѣста. Да, человекъ такой эта Марья Васильевна, такой человекъ. Святая она! — заключилъ вѣтичъ, и на глазахъ его задрожали слезы.

— Василій Ивановичъ, а ты какъ на заводѣ пошалъ, — я и спросилъ тебя?

— А живу тутъ. Переколачиваюсь около заводскихъ.

— Но вѣдь ты хлѣбопашествомъ хотѣлъ заниматься? Разсвидѣтельства не получилъ?

— Получилъ недавно, прислали. Только земли я не наренъ ужъ брать...

— Отчего же?

— Не подь силу. Взяться нечѣмъ...

Онъ какъ-то безнадежно махнулъ рукой и опустилъ голову.

Филиппъ Нефедовъ.

Москва.

12 декабря 1881 года.

ГУСТАВЪ ФЛОБЕРЪ.

(ГЕОРГА БРАНДЕСА.)

Густавъ Флоберъ родился въ 1821 году въ Руанѣ. Когда онъ умеръ скоропостижно тамъ же въ 1880 году, европейская левизна стояла уже не на той ступени развитія, на которой онъ ее засталъ. Ни одинъ художникъ не можетъ ждать себя большей славы по смерти. Его жизненный трудъ ознаменовался про-
прессомъ въ исторіи романа.

Флоберъ былъ первоклассный писатель-прозаикъ, а въ свое время нѣсколькихъ лѣтъ даже первый во Франціи. Достоинства его, какъ прозаика, обуславливались добросовѣстностью въ художе-
ственномъ и литературномъ отношеніи, доходившею до крайнихъ предѣловъ. Онъ сдѣлался великимъ художникомъ благодаря тому, что не боялся труда ни въ то время, когда готовилъ къ своему пирищу, ни въ то время, когда началъ писать. Онъ собиралъ наблюденія и замѣтки съ кропотливостью ученаго и обрабатывалъ свой матеріалъ съ увлеченіемъ истиннаго поклонника красоты формъ. Онъ сталъ творцомъ повѣйшаго романа благодаря своему самообладанію. Флоберъ рѣшился воспроизводить только дѣйствительные психологическіе процессы, избѣгая всякихъ риторическихъ украшеній, патетическихъ и драматическихъ эффектовъ, которые нравятся намъ въ ущербъ истинѣ. Имя Флобера неразрывно связано съ представленіемъ о серьезномъ художникѣ и писателѣ со строимъ, взгляды на дѣло.

Онъ не былъ ученымъ, который бы сомнѣвался въ себѣ, и поэта или сдѣлался поэтомъ впоследствии; его поэтическіе труды зиждутся на усиленной и долгой подготовкѣ. Въ сочиненіяхъ Флобера нѣтъ ничего юношески-игриваго или веселаго, ничего вызывающаго смѣхъ или шутливаго. Произведенія его—плоды

медленно совершавшейся, поздней, зрѣлости таланта. Онъ выступилъ въ роли писателя уже 35 лѣтъ отъ роду и до 59 написалъ всего семь произведеній, несмотря на то, что все свое время посвящалъ литературѣ *)).

Натура Флобера была чисто непосредственная, хотя вовсе не простая. Оригинальность его состоитъ въ томъ, что въ его умѣ стеклись двѣ литературныя струи, образовавшія новый источникъ поэзіи. Въ юности онъ ощутилъ въ себѣ одновременно, или почти одновременно, два разныхъ влеченія, опредѣлившихъ собой его дальнѣйшую духовную дѣятельность.

Первая увлекшая его струя—это романтико-описательное направление, родоначальникомъ котораго былъ Шатобрианъ. Отличительная черта его—ярко-цвѣтистая рѣчь, пропитанная лиризмомъ, которая въ первый разъ очаровала французовъ въ «Atala» и «Les martyrs», а впоследствии въ «Les orientales» и «Notre Dame de Paris» Виктора Гюго,—приобрѣла несравненно болѣе силы въ выраженіи и изображеніи. Въ юности Флоберъ, какъ и всѣ поэты и не поэты, находился подъ лирическимъ настроеніемъ. Его лирическіе опыты, оставшіеся въ рукописи, подъ вліяніемъ тогдашняго направленія французской поэзіи, были цвѣтистыми, меланхолическими гимнами красотѣ.

Второю струей, охватившею его, было то направленіе, которое характеризуетъ романы Бальзака, отличавшіеся необыкновенною чуткостью ко всякимъ недостаткамъ, страстною любовью къ дѣйствительности и вѣрностью наблюденія.

Эти обѣ струи облизались съ теченіемъ времени, слились въ одну и получили новую окраску и новое названіе.

Въ молодости Флоберъ писалъ много патетическихъ и описательныхъ стихотвореній въ духѣ Виктора Гюго, Готье и Байрона. Но онъ вполнѣ сознавалъ, что не можетъ быть оригинальнымъ въ этой сферѣ и что на этомъ пути вообще это невозможно. Вотъ почему онъ оставилъ этотъ родъ литературы, побоясь прослыть бездарнымъ и непромаводительнымъ. Почти въ то же время онъ трудился надъ опытами въ противоположномъ направленіи и назвалъ одно изъ своихъ произведеній комическою трагедіей—«Короля оспа». Но и этихъ опытовъ онъ не издалъ. Онъ увѣрился въ своей самообытности и выступилъ на литера-

*) Вотъ эти романы: „Madame Bovary“, „Salambo“, „L'éducation sentimentale“, „La tentation de Saint-Antoine“, „Le Candidat“, „Trois contes“, „Bouvard et Pecuchet“.

турное поприще только тогда, когда, благодаря Шатобриану и Вальвану, выработалъ новую поэтическую форму.

I.

Дамы и люди, мало читавшіе или совсѣмъ не читавшіе Флобера, знаютъ, что въ 1856 году онъ надѣлалъ много шума своимъ романомъ «Madame Bovary» не только въ Парижѣ, но и въ остальной Европѣ. Противъ него былъ возбужденъ глухой процессъ; прокуроръ обвинялъ писателя въ безнравственномъ направленіи, но присяжные оправдали его. Впрочемъ этимъ обстоятельствомъ нельзя объяснить вполне того вниманія, которое возбуждено было въ обществѣ появленіемъ новаго самобытнаго таланта. Но какъ и всѣ литературные опыты, опирающіе собою новые пути, книга Флобера показала странную, даже озадачила многихъ. Она резко противорѣчила прежнему направленію. Сравнивая это произведеніе съ прежними, спрашивали себя: неужели это—поэзія? Некоторымъ она больше напоминала трактаты по анатоміи и хирургіи. Даже гораздо позднѣе слышалось въ литературныхъ парижскихъ кружкахъ, оставшихся вѣрными старому взгляду на поэзію: «Благодаримъ за счастье быть скелетомъ г. Флобера!» Автора назвали крайнимъ реалистомъ, наводя въ его романахъ одинъ холодный, неумолимый анализъ обыденной жизни, главнымъ образомъ съ печальной стороны.

На первый разъ не замѣтили, что этотъ физиологъ вынаивалъ объективное, чрезвычайно образное и характерное міросозерцаніе, раскрывая совсѣмъ иной міръ, чѣмъ міръ романа.

Публика, мало знакомая съ литературою, не поняла, что характеристика провинціальнаго быта съ его невзгодами, жалкими заблужденіями и печальною смертію была написана слогомъ гладкимъ какъ стекло и дѣйствовавшимъ на слухъ какъ музыкальная мелодія. Въ глубинѣ произведенія скрывался лирикъ, и порою читатель слышалъ пламенные рѣчи.

Въ ту эпоху подолѣніе, родившееся между 1820 и 1830 годами, называю: господствующее догматическое въ литературѣ и заявляло себя строгимъ анализомъ дѣйствительности. Новое поколѣніе отвернулось отъ философскаго идеализма и романтизма и бойко размахивало ножомъ анализа.

Въ томъ же году, когда вышелъ въ свѣтъ романъ «Madame Bovary», Тэнъ въ сочиненіи «Les philosophes français du XIX siècle»,

разбиралъ господствующее ученіе опиритуалистовъ. Онъ показалъ все ничтожество Буэна, какъ мыслителя, заявилъ не горячася, не нападая на романтиковъ, что Гюго и Ламартины—классики, которыхъ молодежь будетъ читать скорѣе изъ любопытства, чѣмъ по сочувствію, такъ какъ они отъ нея столь же далеки, какъ Шекспиръ и Раскинъ. Они—дивные и почтенные представители великой, но уже минувшей эпохи. А другъ его Сарсе немного позже помѣстилъ въ *Figaro* статью, прославляемую до небесъ Банвилемъ, ученикомъ великихъ романтиковъ, и жестоко осмѣянную противниками. Вся суть ея сводилась къ возгласамъ: «Впередъ, друзья мои! Долой романтизмъ! Вольтеръ и нормальная шюада!»

Въ области драмы оппозиція противъ романтизма потерпѣла, повидимому, неудачу въ небольшой, но бездарной пьесѣ «Esce du bon sens». Понсаръ и его друзья долго не могли оправдать ожиданіе читателей. Но новѣйшіе драматурги-реалисты именно въ этотъ моментъ прижкнули къ нимъ. Ожье, посвятившій свои первыя произведенія Понсару и въ началѣ державшійся его сентиментально буржуазнаго направленія, въ 1855 году вступилъ на новый путь и яркими красками изображалъ только что минувшую эпоху. Волѣ смѣлый и бойкій Дюма указалъ ему это направленіе и, несмотря на все свое уваженіе къ тому поколѣнію, къ которому принадлежалъ его отецъ, принялся прямо и амтло осмѣивать романтическіе идеалы. Унашемъ на роли Нанжана въ пьесѣ «Le demi-monde» и де-Монтенегра въ «L'ami des femmes». Вотъ что говоритъ де-Монтенегръ, смущенный преимуществами Рюна: «Vous êtes un physiologiste apenseur». Въ сущности это единственный аргументъ, который старшее поколѣніе могло выставить противъ нападокъ младшаго.

Ожье родился въ 1820 г., Дюма въ 1824 г., Сарсе и Гюль въ 1828 году. Авторъ романа «Мадамъ Бовари», явившійся на свѣтъ въ 1821 году, очевидно имѣлъ людей родственныхъ себѣ по духу между ближайшими сверстниками. Но онъ отличался отъ нихъ тайною и непоколебимою вѣрою въ идеалы стараго поколѣнія и съ ними же на ряду такъ безопасно нападалъ на уродливыя проявленія ихъ, что его прямо причислили къ кругу анти-романтиковъ.

Своимъ суровымъ и холоднымъ тономъ Флоберъ напоминаетъ Мериме, одиноко стоявшаго въ средѣ прошлаго поколѣнія, и многіе дѣйствительно видѣли въ немъ втораго Мериме, только бо-

не содержательнаго. Въ немъ прежде всего поражало то, что онъ былъ хладнокровный поэтъ. И эти два качества: поэтъ и хладнокровный, до того исключавши другъ друга, явились въ сочетаніи еще только у Мериме.

Но при болѣе пристальномъ научномъ обихъ писателей оказалось, что хладнокровіе Мериме было совсѣмъ иного рода, чѣмъ хладнокровіе Флобера; Мериме разрабатываетъ романтическія сюжеты вовсе не въ романтическомъ, а въ сухомъ и скатомъ стилѣ. У него тонъ и стиль вполнѣ гармонируютъ между собою: тонъ ироническій, а стиль сухой, чуждый всякихъ образовъ. Но этому рѣзко противорѣчитъ дикій и страстный характеръ сержанія.

Напротивъ у Флобера сюжетъ въ полномъ согласіи съ тономъ: съ несравненно сильнѣйшею ироніей разоблачаетъ онъ всю пустоту и глухость невѣстной среды. Но: содержанию и тону у него не соответствуетъ слогъ: Флоберъ чуждъ сухаго рационализма Мериме; слогъ его двѣтисъ и мелодиченъ. Поэтъ накрываетъ расшитый золотомъ покровъ на всѣ тѣ пошлыя и грустныя картины, которыя онъ рисуетъ. Если читать его произведеніе вслухъ, то удивишься музыкальности его прозы. Въ слогъ его кроется тысяча тайнъ мелодіи. Авторъ смѣется надъ чловѣческими слабостями; надъ бессильными стремленіями и порывами, надъ самообольщеніемъ и самодовольствомъ, и все это составляетъ какъ бы аккомпаниментъ къ музыкѣ органа. Хирургъ безопасно совершаетъ свои кровавыя операціи, а между тѣмъ ириръ, поклонникъ красоты, горько рыдаетъ въ аккомпаниментъ. Вотъ, напримѣръ, поэтъ выводитъ деревенскаго аптекаря съ его колуневѣстственною болтовней, описываетъ пещеру въ дилликансѣ или старый кабакъ, и его описанія блестятъ яркостью и свѣжестью красокъ; какъ золото, а стройная постановка фразъ придаетъ всему этому яркость бронзы. Каждая тирада остротами вложена въ себя, и самъ Флоберъ чувствовалъ, что если гдѣ-нибудь выброситъ хоть два слова, то все рухнетъ. Точныя очертанія образовъ; металлическая звучность фразъ, округлость и полнота рѣчи придавали его повѣствованію удивительную прелесть картинности и юнизма.

Натура Флобера, очевидно, была двойственная. Она состояла изъ двухъ элементовъ, взаимно дополнявшихъ другъ друга. Элементы эти — пылкая ненависть ко всякой глупости и безграничная любовь къ искусству.

Ненависть его, какъ часто бываетъ, неутомимо преслѣдовала своихъ жертвы. Глухость всѣхъ родовъ, какъ, наприм., неразуміе, тупость, суевѣріе, чванство и лицемеріе—тянули его къ себѣ съ силою магнита, возбуждали и вдохновляли. Онъ изображалъ ихъ со всѣми подробностями, находя занимательными даже въ тѣхъ случаяхъ, когда другіе не находили въ нихъ ничего ни любопытнаго, ни забавнаго. Онъ не шути составлялъ сборники разныхъ глуостей, записывалъ подробности безтолковыхъ процессовъ, беретъ массы мелкихъ рисунковъ. У него были сборники плохихъ стиховъ, написанныхъ исключительно вранами. Онъ держалъ всякимъ документомъ человѣческой глупости. Онъ въ своихъ произведеніяхъ только то и дѣлалъ, что мастерскою рукою осиздалъ памятники человѣческой ограниченности и ослабленію, нашимъ бѣдствіямъ, но сколько виною ихъ было безразсудство. И не была ли въ его глазахъ вся всемірная исторія лишь исторіей человѣческой глупости? Его вѣра въ прогрессъ человѣчества была крайне шатка. Большинство, даже читающіе публика—были въ его глазахъ «вѣчными глупцомъ, чуждымъ всякой личности». Попробуемъ найти подходящій эпитетъ для этой стороны его воззрѣній, опредѣлить ее однимъ изъ столь ходячихъ вообще, но столь ненавистныхъ ему словъ на *изм.* Мы будемъ не совсѣмъ правы, назвавъ его пессимистомъ или нигилистомъ. Вѣрнѣе всего будетъ слово имбецилизмъ.

Рядомъ съ этимъ неутомимымъ гонимемъ на глухость, ощущение котораго крылось за объективностью разсказа, мы видимъ у Флобера страстную любовь къ литературѣ. Но послѣдняя имѣла для него значеніе лишь подъ условіемъ красоты формъ и гармоніи. Литература была для него высшимъ искусствомъ. Въ литературномъ трудѣ онъ всегда стремился къ совершенству, это-то стремленіе сначала долго налагало на уста его печать молчанія, потомъ одѣлало его художникомъ, а подъ конецъ раздѣлило его производительной силой. Онъ всего больше страдалъ отъ пошлости при изображеніи обыденной жизни; поэтому старался при обработкѣ сюжетовъ нѣсколько облагородить содержаніе. А такъ какъ преобладающимъ свойствомъ писателя, по естественію, должна быть пластичность, то онъ и стремился главнымъ образомъ къ наглядности. Онъ самъ это высказалъ въ одной мѣстѣ и при изученіи его произведеній это всюду замѣтно.

Уже въ первомъ произведеніи Флобера ярко отпечатлѣлись всѣ характеристическія особенности его слора.

Простите, напр., то мѣсто въ романѣ «Мадамъ Бовари», гдѣ Эмма, еще дѣвушка, идетъ къ двери за Бовари: послѣ докторскаго визита къ отцу: «Она всегда провожала его до первой ступеньки лѣстницы. Если дождь еще не подавали, то она оставалась съ нимъ. Они простались, больше не говорили; свѣжій вѣтерокъ обдувалъ ее, приподнимая удивительно мягкіе волосы у нея на затылкѣ: они плотно прижимали къ бодрямъ ленты ея фартука, развивавшіяся на подобіе флаговъ. Разъ, во время отъезди, вода надела съ боры деревьевъ, росшихъ на дворѣ, и вѣтъ такъ на крышахъ здавилъ. Она стояла на порогѣ, потомъ сходила за зонтикомъ и раскрыла его. Темнозеленый шелковый зонтикъ, свозъ который просвѣчивало солнце, брасала мелькающіе проблески свѣта на бѣлую кожу ея лица. Она улыбалась, выглядывая изъ-подъ него, легкая лѣтнимъ теломъ; видимо было, какъ дождевыя капли съ шумомъ падали одна за другою на растянутае полотно».

Такой ничтожный случай, какъ прощаніе, получаетъ для насъ интересъ благодаря тому, что авторъ съ любовью обработалъ всѣ подробности его. Сцена обычнаго прощанья какъ бы пріобрѣтаетъ некоторую индивидуальность, такъ какъ выбранъ одинъ день, въ который, впрочемъ, не случилось ничего особеннаго. Ответственность, съ которою изображена эта повседневная сцена, придаетъ ей значеніе весьма цѣнной картины. Мы находимъ въ ней все доступное взгльду и зрѣнію, и слуху, и образы, и жизнь.

Или припомнимте то мѣсто, гдѣ Эмма послѣ свадьбы влюбляется въ первый разъ.

«Эмма похудѣла; щеки ея блѣдны, лицо вытянулось. Съ своими черными волосами, разбитыми на широкія гладкія пряди, съ большими глазами, прямымъ носомъ, порхающею походкою; постоянно безмолвная, она какъ будто парила надъ жизнью, не касаясь ея, и носила на челѣ неясныя слѣды высшего предназначенія. Она была такъ печальна и спокойна, такъ проста и сдержанна, что близъ нея чловѣкъ чувствовалъ себя подъ обаяніемъ тяжелыхъ чаръ, подобно тому, какъ дрожитъ въ церкви, когда ароматъ цвѣтовъ сливается съ холоднымъ вѣніемъ отъ мрамора».

Сравненіе ново, мѣтко и кратко. Въ разсказчикѣ виденъ поэтъ. Это еще яснѣе обнаруживается далѣе.

«Городскія дамы удивлялись ея бережливости, пациенты — ея вѣжливости, бѣдные — ея добротѣ. Но въ ней кипѣли страсти,

ярость и ласкательность. Подъ этимъ платьемъ съ прямыми складками билось тревожное сердце и эти столь цѣломудренныя уста не разглашали его мученій. Она была влюблена въ Леона... Она слѣдила за каждымъ его шагомъ; она пристально всматривалась въ его лице; она выдумывала цѣлую исторію, чтобъ имѣть предлогъ ходить къ нему въ комнату. Она считала счастливою аптекаршу, потому что она жила подъ одною крышею съ нимъ, и ея мысли постоянно стремились къ его дому, подобно голубинѣ «Золотаго Льва», которые всегда слетаются туда—купать свои рововыя ножки и бѣбать крылушки въ водѣ водостоконъ».

Вообще говоря, это сравненіе неудачно, но оно взято изъ быта той деревни, гдѣ живетъ Эмма. Живо рисуется эта деревня въ воображеніи разсказчика.

Иногда Флоберъ заканчиваетъ описаніе мощнымъ поэтическимъ выраженіемъ, какъ бы въ немъ собирая всѣ отдѣльныя черты его. Это мы видимъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ является старая служанка, вызванная на сельскую сходку для награжденія за 54-лѣтнюю вѣрную службу у однихъ господъ серебряною медалью въ 25 фр.

Елизавета Леру, крохотная старушка, вся ушедшая въ свое бѣдное одѣжаніе, показывается на возвышеніи. Видно ея лицо, все покрытое морщинами;—длиныя руки съ узловатыми суставами, покрытыя густыми слоями пыли лавочекъ, грязи и золы прачечныхъ. И хотя она мыла ихъ чистою водою, онѣ все-таки грязны и ихъ нельзя сложить плотно; онѣ остаются свободными, какъ бы въ доказательство столькихъ перенесенныхъ невгодъ. Мы видимъ монашеское смиреніе на ея лицѣ, животную тупость ея потухшаго взгляда. Она остановилась въ смущеніи при видѣ немри вычанаго зрѣлища знаменъ, господъ въ черныхъ фражахъ и при грохотѣ барабановъ.

«Такъ держала себя передъ этими чванными буржуа полу-столятиная раба».

Какъ ни мелко это точное описаніе, но конецъ его, выраженій смыслъ, цѣлаго, производитъ сильное впечатлѣніе. Мы вполне понимаемъ, что для этого писателя искусство писать было выше всѣхъ другихъ.

Мало того, что писательство было его безусловнымъ и единственнымъ призваніемъ;—безъ всякаго преувеличенія можно сказать, что все его міросозерцаніе сводилось къ слѣдующей мысли: мѣръ существуетъ для того, чтобъ его описывать.

Однажды онъ весьма характерно высказалъ подобный взглядъ. Говоря на дружбу, связывавшую его съ Бумье, въ предисловіи къ оставшимся послѣ него стихотвореніямъ, Флоберъ говоритъ, обращаясь къ юношеству: «Такъ какъ на каждый случай требуется поученіе, то вотъ мое. Если есть еще гдѣ-нибудь двое молодыхъ людей, которые по воскресеньямъ вмѣстѣ читаютъ поэзію, сообщаютъ другъ другу свои опыты, планы, пришедшія въ умъ сравненія, удачныя мысли и выраженія, — которые, вообще равнодушные къ мнѣнію другихъ, срываютъ эту страсть съ юношескою скромностію, то я имъ дамъ вотъ какой совѣтъ: идите рука объ руку: въ дѣлѣ, читайте другъ другу стихи, пейте сокъ деревьевъ и воспринимайте вѣчныя красоты художественныхъ произведеній; предавайтесь всемірно историческимъ фактамъ, отдавайтесь высокимъ впечатлѣніямъ... Если вы достигнете того, что въ событіяхъ видимаго міра будете видѣть *лишь иллюзію, требующую описанія*, и притомъ въ такой мѣрѣ, что все, даже ваше собственное бытіе, не приноситъ вамъ никакой иной пользы, и вы готовы на всякую жертву ради выполненія этого призванія, то выступайте на свѣтъ, пишите книги!»

Никогда ни одинъ писатель не высказывалъ такъ ясно своихъ задушевныхъ мыслей, хотя косвенно. Онъ посвятилъ свою жизнь одному дѣлу — изображенію иллюзій. Я очень хорошо понимаю его мысль, что для истиннаго писателя все совершающееся передъ нимъ есть *образъ*, призракъ, который должно сохранить искусство. Но смѣло можно дать и дальнѣйшій смыслъ его словамъ: вообще всего вѣрнѣе смотреть на жизнь какъ на рядъ призраковъ, порождаемыхъ одинъ другимъ, и тогда это положеніе вполне примѣнимо къ самому Флоберу. Припомните всѣ его сюжеты, начиная съ первыхъ несвѣтскихъ и свѣтскихъ грезъ, въ которыхъ Эмма Бовари ищетъ выхода изъ пошлой провинціальной жизни и семейныхъ невзгодъ, до видѣній святаго Антонія, тянущихся длиною вереницей. Что это иное, какъ не иллюзіи, направляющіяся на описаніе?

Иллюзія двойственна по своей сущности и потому вполне мотивируетъ натурѣ Флобера. Призракъ, помимо своего обманчиваго свойства, прекрасенъ, — онъ обладаетъ дѣйствомъ и ароматомъ, питаетъ духъ и сообщаетъ ему новыя жизненные силы. Этою своею стороною онъ и плѣнилъ Флобера, поклонника красоты. Но далѣе — иллюзія пуста и ничтожна, часто нелѣпа, нередко просто смѣшна; и этою стороною она привлекала къ себѣ

Флобера-реалиста, человека, взоръ котораго проникалъ въ тайны душевной жизни и который любилъ разлагать все, созданное воображеніемъ, на простѣйшіе элементы.

II.

Но какъ Флоберъ сталъ такимъ, какимъ мы его видимъ у насъ въ первыхъ романахъ?

Отецъ его былъ знаменитый хирургъ въ Руанѣ, человекъ безукоризненно честный, добродушный и зажиточный. Онъ воспитывалъ сына съ любовью и безъ принужденій. По сочиненію послѣдняго замѣтно, что первымъ его пріютомъ въ жизни былъ домъ врача. Онъ самъ нѣкоторое время изучалъ медицину, въ томъ праводѣніи, но уже въ школѣ съ увлеченіемъ занимался литературой и на этомъ поприщѣ сошелся съ сверстникомъ другомъ, поэтомъ Луи Бульи. Онъ и остался другомъ его теченіе всей жизни. Безъ сомнѣнія, въ изображеніе дружбы Фредерика и Делорье, въ романѣ «L'éducation sentimentale», много данныхъ изъ жизни самого автора. Флоберъ, подобно Фредериду, пріѣхалъ въ Парижъ, 19-ти лѣтъ отъ роду, для занятій науками. Отецъ его купилъ загородный домъ подлѣ Руана, который потомъ по наследству перешелъ къ нему. Онъ попеременно жилъ то въ Руанѣ, то въ Парижѣ, и въ жизни его встречаются лишь два выдающихся событія—путешествіе на Востокъ предпринятое имъ 30-ти лѣтъ отъ роду, потомъ другое—въ северную Африку, передъ окончаніемъ романа «Саламбо». Въ Руанѣ онъ любилъ заниматься науками и писать; въ Парижѣ преимущественно искалъ развлеченій. Въ молодости Флоберъ былъ усидчивъ въ трудѣ, а удовольствіямъ предавался страстно.

Темпераментъ Флобера гармонировалъ съ его наружностью. Мы видѣли его, правда, мелькомъ. Но нельзя забыть этого Геккулеса съ большими голубыми глазами, съ румянымъ лицомъ, высокимъ лысымъ лбомъ и длинными усами, прикрывавшимъ большую ротъ и крупныя челюсти. Онъ высоко держалъ голову, откинувъ ее немного назадъ, а животъ слегка выдавался впередъ. Онъ не любилъ ходить, но вообще любилъ быстрыя движенія; онъ размахивалъ руками, выкрикивалъ громкимъ голосомъ чудовищныя парадоксы. Онъ былъ добродушенъ, какъ и все пылкія и сильные натуры. Его гнѣвъ, — говоритъ одинъ изъ его друзей, — закипалъ и стиралъ какъ молочный супъ.

Онъ возмужалъ въ то время, когда французскій романтизмъ процвѣталъ, и Флоберъ въ школѣ испыталъ первыя впечатлѣнія его. У него сохранились нѣкоторые слѣды этого влiянiя не только въ слогъ и манеръ рѣчи, напоминающей сердитый языкъ Теофиля Готье, когда онъ бранитъ буржуазiю, но даже и въ манеръ одѣваться. Онъ любилъ носить большую шляпу съ широкими полями, влѣтчатые брюки и сюртуки, плотно обхватывавшие талию; лѣтомъ на родинѣ ходилъ въ широкихъ штанахъ съ бѣлыми и красными полосками и въ курточкѣ, придававшей ему видъ турка. Между его друзьями ходилъ анекдотъ, будто руанскiе буржуа, отправляясь гулять по воскресеньямъ, говорили дѣвкамъ: «Если будете вести себя хорошо, то увидите господина Флобера въ его саду».

Я сказалъ, что главными событiями его жизни были два путешествiя. Женщины не играли въ ней той роли, какъ въ жизни большей части писателей. Двадцати лѣтъ отъ роду онъ любилъ ихъ какъ трубадуръ. Въ ту пору онъ нерѣдко отправлялся за двѣ мили только за тѣмъ, чтобы поцѣловать въ морду нью-фаундлендскую собаку, которую обыкновенно ласкала одна дама. Впослѣдствiи въ вопросѣ любви Флоберъ усвоилъ себѣ болѣе трубы взгляды и приемы. Онъ любилъ анекдоты и рассказы въ духѣ Рабле, а въ сочиненiяхъ своихъ столь же холодно относился къ эротическимъ иллюзiямъ, какъ и ко всякимъ другимъ. Но и въ этой сферѣ, какъ и во многихъ остальныхъ, въ натурѣ Флобера замѣтна двойственность. Старый холостякъ, страстный куритель табаку, сходявшiйся коротко лишь съ мужчинами, онъ любилъ бывать только въ томъ дамскомъ обществѣ, гдѣ были красивыя и не старыя женщины. Очевидно, какъ по личному опыту, такъ и слѣдуя общему убѣжденiю, что особенное счастье рѣдко дается людямъ, онъ держался того мнѣнiя, что для мужчины естественно и даже закономерно имѣть въ жизни лишь одну страсть, и то неудовлетворимую. Внѣшнiе гармонируютъ съ этимъ слова, сказанныя Флоберомъ въ послѣднiе годы его жизни. Это была шутка, но вмѣстѣ съ тѣмъ и горькая истина: «Бѣдные литературные труженики! Почему намъ отгазываютъ въ томъ, что такъ легко дается другимъ?—У нихъ есть сердце, а у насъ—никогда и никакъ!... Вотъ я повторяю вамъ еще разъ, что я существо непонятое, послѣдняя гризетка, единственный, оставшiйся въ живыхъ, трубадуръ изъ всего стараго поколѣнiя ихъ!»

Несмотря на все это, «непонятое существо» не обращалось

къ женщинамъ, чтобы быть понятнымъ. Флоберъ боялся 'любимая какъ напасти и бремени. За то дружба была его религіей, и ни друзей никто не стоялъ къ нему ближе его первого, неизмѣннаго друга Булье.

Не знаю навѣрное, было ли такое время, когда независимыя умы были въ благопріятномъ настроеніи. Но эти оба юноши вошли на жизненное поприще въ ту эпоху, когда буржуазія завела себя господствующее положеніе при Людовигъ-Филиппѣ, нашла свое поэтическое выраженіе частію въ слабенькой, честной пьесѣ «*Ecole du bon sens*», частію въ комедіяхъ Скриба. Время, которое имъ суждено было пережить, они находили ужаснымъ. Романтизмъ пережилъ самъ себя и выродился въ карикатуру. Считалось признакомъ хорошаго тона прославлять здравый смыслъ и смѣяться надъ поэзіей. Вдохновеніе и страсти считались стихіями устарѣлыми и потому были смѣшны. Все стоявшее выше посредственности, находили скучнымъ. Оба юноши назвали эту эпоху эпохою *медиократіи*, господства посредственностей. Они видѣли, какъ побѣдоносная посредственность все увлекаетъ за собою и уноситъ въ вихрь, подобно исполненному мрачному смерчу.

Все это породило въ нихъ грустное настроеніе и глубокую серьезность, а вмѣстѣ и презрѣніе къ людямъ, чувство духовнаго одиночества, а отсюда возникло стремленіе къ творчеству въ объективномъ родѣ, чуждомъ симпатіи къ человѣку.

III.

Въ силу подобнаго настроенія, въ болѣе зрѣломъ возрастѣ Флоберъ рѣшился наконецъ выступить въ роли писателя и написалъ романъ «*Мадамъ Бовари*». Отъ него вѣяло леденящимъ холодомъ, какъ будто писатель досталъ наконецъ истину со дна глубокаго, холоднаго колодца, гдѣ она таилась, и теперь она стучитъ и мерзнетъ на своемъ подножій и разливаетъ вокругъ себя леденящій ужасъ бездны. Странная книга, въ которой нѣтъ слѣда сколько-нибудь теплаго отношенія къ сюжету. Другіе писатели изображали деревенскую и провинціальную глушь съ грустью съ юморомъ, или хоть съ нѣкоторой идеализаціей, что обыкновенно бываетъ слѣдствіемъ взгляда издалека. Флоберъ относился къ ней безъ малѣйшаго сочувствія и изображалъ ее лишена всякаго духовнаго содержанія, какой! она и была. Его сельскіе

иды лишены поэзіи, очерчены слегка, но вполне. Въ своемъ творествѣ онъ довольствуется тѣмъ, что набрасываетъ главныя линіи и краски, и этимъ вполне изображаетъ страну. Толь же мало цѣнуетъ онъ нѣжныхъ чувствъ и къ своему главному дѣйствующему лицу: странная черта поэта, тѣмъ болѣе, что это дѣйствующее лицо—красивая молодая женщина, тоскующая, изнывающая отъ любви, полная чувственно-духовныхъ стремлений. Она ошибается, разочаровывается, губитъ другихъ и сама гибнетъ, однако не падаетъ ни разу ниже уровня окружающей среды. Всѣ ея мечты, всѣ надежды и иллюзіи, всѣ наивныя и рѣшительныя пожеланія, волновавшія ее, были хладнокровно изучены авторомъ и изображены имъ съ легкой ироніей. Едва ли есть въ этой фазѣ въ ея существованіи, когда бы она не казалась ему смѣшною, даже отталкивающею. Только тамъ, гдѣ она умираетъ ужасною смертію, подавленная иронія совсѣмъ исчезла, и героиня и умирая не вызвала состраданія автора, хотя, правда, не возбудила и презрѣнія.

Повидимому, авторъ остался совершенно холоденъ и при изображеніи ужасной картины смерти. Но это обманчивая вѣщность, какъ показываетъ отрывокъ изъ письма Флобера, помѣщенного въ сочиненіи Тэна «De l'intelligence» (т. I, стр. 94): «Когда я писалъ сцену отравленія Эммы Бовари, то самъ ясно ощущалъ во рту вкусъ мышьяка, точно самъ отравился, такъ по два дня у меня не варилъ желудокъ, а послѣ приѣма пищи вало». Душевный и тѣлесный кризисъ, происшедшій съ самимъ вторымъ, не замѣтенъ въ романѣ только благодаря его полному владѣнію.

Въ цѣлой книгѣ не встрѣчается ни одной личности, съ которою бы авторъ имѣлъ что-нибудь общаго или жизнь которой бы мало-мальски радовала бы его. Личности всѣ безъ исключенія дюжинныя, некрасивыя, порочныя или жалкія. На этой ступени онъ и остался. Напримѣръ, молодая женщина, несмотря на свои опасныя инстинкты, въ порывахъ къ прекрасному, въ потребности идеаловъ и долго сохраняемой вѣрѣ въ романтизмъ любви, обнаруживаетъ такія качества, которыя при иномъ, болѣе мягкомъ, освѣщеніи могли бы облагородить ее даже при ея заблужденіяхъ. Чего бы не сдѣлала изъ нея Жоржъ Зандъ? Но Флоберъ не хочетъ идти торными путями; онъ умышленно лишаетъ всякой поэзіи такъ-называемые очаровательные пороки. Но же самое должно сказать и про обманутаго мужа. Несмотря

на то, что онъ плохъ, какъ врачъ, и неуязвимъ, какъ человѣкъ, но своею добротою, терпѣніемъ, честностью и уваженіемъ къ Эммѣ при другихъ условіяхъ могъ бы тронуть читателя. Въ минуту ея смерти онъ выражаетъ искреннюю привязанность къ ней, готовность на самопожертвованіе, и эти качества, при нѣлѣйшемъ желаніи автора, внушили бы намъ уваженіе къ нему. Но авторъ не хочетъ этого, — изъ любви къ правдѣ онъ держитъ своихъ героевъ въ той рамкѣ, которую считаетъ подходящею. У него мужъ Бовари съ начала до конца человѣкъ добродушный, но безъ всякихъ достоинствъ, бездарный и жалкій.

Въ романѣ есть только одна нѣсколько симпатичная личность — молодой аптекарскій ученикъ, Жюстенъ, который втайнѣ обожаетъ Эмму. Былъ моментъ, когда послѣ ея смерти поэтъ чуть было не принялся идеализировать его. Всѣ ушли, Жюстенъ не дошелъ къ ея могилѣ; и тутъ «на могилѣ между елками стоитъ на волѣняхъ плачущій ребенокъ; грудь его, готовая разорваться отъ рыданій, издаетъ стоны подъ бременемъ безпредѣльнаго горя, которое мягче луннаго свѣта и непроницаемѣе ночнаго мрака».

Удивительно, что эти строки написаны Флоберомъ. Но вотъ что слѣдуетъ дальше: «Вдругъ скрипнула дверь рѣшетки. Вошелъ могильщикъ Лестибондуа; онъ пришелъ за забытымъ заступомъ. Онъ узналъ Жюстена, когда послѣдній перелѣзалъ обратно черезъ стѣну, и теперь догадался, кто у него воровалъ картофель».

Это единственное мѣсто въ подобномъ родѣ, оставшееся въ моей памяти отъ перваго чтенія романа спустя десять лѣтъ. Это удивительное мѣсто. Оно пронизано ироніей, но невольной, какъ у Гейне. Иронія здѣсь — глубокомыслие, плодъ дѣятельности всесторонняго ума. Естественно, что Жюстенъ по смерти обожанной женщины чувствуетъ себя въ грустномъ, даже поэтическомъ настроеніи. Но не менѣе естественно и то, что онъ воровалъ картофель и что могильщикъ, путемъ гениальной догадки, видитъ оправданіе своихъ подозрѣній въ томъ обстоятельстве, что онъ перелѣзаетъ черезъ стѣну церковнаго двора. Но Флоберъ ставитъ рядомъ оба эти случая, объѣти стороны жизни, и это показываетъ въ немъ необыкновенную умственную силу, умѣнье владѣть матеріаломъ, который никогда не выражался такъ сознательно и въ такой формѣ.

Художественная иронія и здѣсь объективна, но правдива и не случайна, только совсѣмъ иначе, чѣмъ у Мериме. Она лишь

парескопическій способъ возрѣнія, рельефно изображающій дѣйствительность, скульптурно очерчивающій ея формы.

Но удивительно, что въ этомъ произведеніи ничего другаго не замѣтили кромѣ наблюдательности и вѣрности дѣйствительному міру, вытекавшей изъ нея. Не будемъ говорить о томъ краткомъ періодѣ, когда люди недалекіе считали Флобера безразличнымъ писателемъ. Было перавѣтъ другое возрѣніе, по второму онъ то, что называютъ реалистомъ. Онъ возируетъ возможное и существующее съ одинаковою доброовѣстностью, но имѣетъ склонность ко всему обыкновенному, и нравственно-отталкивающему. Все стоитъ у него на одномъ уровнѣ, мощное, но суровое. Сторонники книги автора находили изложеніе его замѣчательнымъ, недовольные же ею думали, что талантъ автора—фотографическій, а не художественный. Ожидали или боялись, что онъ напишетъ новую «Мадамъ Бовари».

Но ожиданія были напрасны: объ авторѣ не было ни слуху, ни духу. Проходили годы, а онъ молчалъ. Наконецъ чрезъ семь лѣтъ Флоберъ опять явился съ романомъ, и читающая публика жала въ туникъ. Здѣсь читатель переносится далеко отъ деревень Нормандіи, а по времени—отъ XIX вѣка. Пропавшій было авторъ «Мадамъ Бовари» очутился на развалинахъ древняго Кармагена. Въ «Саламбо» онъ изобразилъ ни больше, ни меньше какъ Кармагенъ эпохи Гамилькара,—городъ съ его цивилизаціею, о которыхъ не было извѣстно ничего достовѣрнаго, и войну между Кармагеномъ и названными войсками, не представляющую историческаго интереса. Читатели ждали романа съ сюжетомъ изъ сферы браны, а вмѣсто того ихъ угостили древнекармагенскою жизнью, культомъ Таники и поплоненіемъ Молоху, садами и битвами, ужасами безъ числа и мѣры, описаніемъ голодной смерти цѣлаго войска и медленной агоніи ливійскаго вождя, взытаго въ плѣнъ.

Всего страннѣе то, что все это, никому неизвѣстное и неестественное для проверки, весь этотъ вымершій варварскій міръ изображенъ наглядно, съ мелкими подробностями, и точность описаній такая же, какъ и въ первомъ романѣ. Оказалось, что литературныя приемы автора ни мало не обусловливаются свойствомъ сюжета: они одни и тѣ же какъ въ обработкѣ этого доколоссальнаго и чуждаго намъ сюжета, такъ и прежняго, взытаго изъ современной жизни. Авторъ сыгралъ съ публикою злую шутку и ясно показалъ ей, какъ мало она его понимала. Если кто-ни-

будь считалъ его реалистомъ, привязаннымъ къ родной почвѣ, тотъ могъ видѣть, какъ свободно чувствуетъ себя Флоберъ подъ тропинами. Если кто-нибудь думалъ, что его занимаетъ только жизнь мелкихъ буржуа съ ея пошлыми и смѣшными сторонами, что его талантъ—фламандскаго пошиба, тому пришлось тесно узнать, что Флоберъ дѣлится мечтами своей юности съ людьми 1830 года и, подобно имъ, интересуется страстями древнихъ людей и варварскими обычаями. Но и послѣ появленія «Саламбо» лишь очень немногіе понимали, насколько Флоберъ и сущности раздѣлялъ симпатіи и антипатіи коренныхъ романсовъ. Африканское солнце и восточный бытъ очаровали его при чтеніи Байрона и Виктора Гюго, а личные впечатлѣнія только усилили поэтическое увлеченіе. Запахъ кофе вызывалъ въ воображеніи картины странствующихъ каравановъ и онъ ѣлъ отвратительную пищу съ священнымъ благоговѣніемъ, если она носила экзотическое названіе.

Флоберъ сдѣлалъ все, что могъ, чтобы создать нѣчто новое на древній Карфагенъ. Но, какъ художникъ, онъ понималъ, что тутъ дѣло не во внѣшнемъ сходствѣ, а во внутренней правдѣ. Его изображеніе многимъ показалось безусловно правдоподобнымъ; а когда высказано было сомнѣніе въ его соотвѣтствіи съ дѣйствительностію, давно исчезнушею, то первый критикъ Франціи при мнѣ возразилъ: «Я думаю, что оно вѣрно». Но Флоберъ самъ открыто и смѣло выступилъ противъ скептиковъ. Онъ отвѣчалъ на нападки Сенъ-Бѣва словами: «Вопросъ идетъ собственно не о точности изображенія. Я не обращаю вниманія на археологію. Если колоритъ не тотъ, если мелочи подобраны не вѣрно, если нравы не вытекаютъ изъ религіи, а событія не объясняются страстями, если характеры не выдержаны, если костюмы не соотвѣтствуютъ обычаямъ, а зданіе климату, то книга невѣрна».

Это объясненіе какъ нельзя болѣе попадаетъ въ цѣль. Мы видимъ добросовѣстность художника и понимаемъ значеніе его словъ. Произведеніе его не было, подобно многимъ позднѣйшимъ романамъ изъ древняго міра, маскарадомъ, въ которомъ подъ античными костюмами скрывались новѣйшія страсти и понятія. Нѣтъ, здѣсь все было цѣльно; носило на себѣ одинаковую печать дикости и грозной силы. Любовь, хитрость, жажда мести, религіозность, сила воли — все это было не въ духѣ новаго времени.

Любовь поэта къ истинѣ, очевидно, и здѣсь была столь же искренняя и сильная, какъ и въ первомъ романѣ. Но было смѣшно, въ виду этого торжества надъ смертью и временемъ, говорить о фотографическомъ талантѣ Флобера. На основаніи этой книги можно было составить болѣе вѣрный взглядъ на реализмъ его перваго произведенія. Ясно было, что Флоберъ не былъ слѣпымъ подражателемъ случайной дѣйствительности. Видно было, что рѣчь въ описаніяхъ и сообщеніи данныхъ коренится у него въ особенной ясности воображенія. Онъ видимо въ равной высокой степени обладалъ двумя стихіями, составляющими сущность художественнаго таланта, — даромъ наблюдательности и даромъ виданія образовъ. Онъ любилъ и былъ способенъ изучать природу и исторію, имѣлъ зоркій взглядъ изслѣдователя; отъ него не ускользала ни малѣйшая связь между отдѣльными элементами. Здѣсь не могло быть и рѣчи о фотографіи. Изученіе предмета есть нѣчто дѣятельное, живое; это — прозрѣніе въ сущность его, а копировка, напротивъ, нѣчто страдательное, механическое, не знающее различія между существеннымъ и несущественнымъ. Притомъ же у Флобера былъ темпераментъ художника, — та сила духа, которая перерабатываетъ и отливаетъ въ формы весь матеріалъ, добытый наблюденіемъ и изученіемъ. Эта дѣятельность и создаетъ стиль. Въдъ что такое стиль, какъ не чувственное выраженіе темперамента, какъ не средство, которымъ писатель заставляетъ читателя видѣть вещи такъ, какъ онъ ихъ видѣлъ. Стиль полагаетъ различіе между художественно-вѣрнымъ истинѣ образомъ и удачнымъ снимкомъ, а такой стиль былъ всегда присущъ Флоберу.

Едва успѣвалъ онъ собрать запасъ наблюденій и кончить подготовительную научную работу для какого-либо произведенія, какъ они уже больше не интересовали его сами по себѣ и на очереди стоялъ вопросъ объ изящномъ изложеніи. Языкъ былъ все, а подготовка къ книгѣ была почти забыта, становилась на второй планъ. Флоберъ точенъ и на него можно положиться. Но онъ обыкновенно говорилъ, что это не заслуга, а просто долгъ чести, лежащій на писателѣ по отношенію къ публикѣ, но что сама по себѣ эта правдивость не имѣетъ ничего общаго съ искусствомъ. Нѣтъ, — восклицалъ онъ громко и ясно, съ сильнымъ жестомъ, — единственная важная и долговѣчная вещь подъ солнцемъ — это хорошо составленная рѣчь, такая рѣчь, у которой есть руки и ноги, которая тѣсно связана съ предыдущимъ и по-

обдуманным и которая летает слухи; если читать ее трое самому себе. Поэтому онъ каждый день писалъ конемногу, и больше пяти или шести страницъ; взвѣшивалъ каждое слово, и любилъ повторовеній, одноввучныхъ окончаній, шороховатостей; онъ преслѣдовалъ повторявшееся слово на 30—40 строчкахъ, да и избѣгалъ повторенія одного и того же слова въ предложени. Часто досаждала ему, известная буква; онъ подыскивалъ такъ слова, гдѣ ея не было, иногда велъ войну противъ г, если онъ нужны были плавные звуки. Потомъ онъ прочитывалъ написанное вслухъ и шёлъ зычнымъ голосомъ, такъ что, проходяе осто навливались передъ его домомъ. Многие считали его адвокатомъ и полагали, что онъ готовится судебныя рѣчи.

Въ этомъ стремленіи къ совершенству Флоберъ испытывалъ тяжкія муки. Это—муки рожденія, знакомыя каждому писателю, но его припадки были такъ мучительны, что онъ вскакивалъ и кричалъ, бранилъ себя глупцомъ, идиотомъ, и едва была побѣждена одна трудность, какъ возникала новая. Онъ сидѣлъ за письменнымъ столомъ какъ бы подъ вліяніемъ магнетической силы, погруженный въ безмолвную думу. Тургеневъ, его преданный и близкій другъ, часто выдававшій его въ такомъ положеніи говорилъ, что дрогателью видѣть человека, столь нетерпѣливого терпѣливо борющагося съ языкомъ.

Однажды онъ проработалъ цѣлый день надъ одною страницей своего послѣдняго романа, ехидилъ обѣдать и, воротившись вечеромъ, хотѣлъ развлечься въ постели чтеніемъ этой страницы, но нашелъ ее плохую. Онъ вскочилъ съ постели, несмотря на свои 50 лѣтъ, началъ передѣлывать ее и проработалъ цѣлую ночь то за столомъ, то въ постели, такъ какъ было холодно.

Какъ онъ любилъ и вмѣстѣ съ тѣмъ проклиналъ языкъ! Не характеристично ли это, что въ «Мадамъ Бовари» онъ только въ одномъ мѣстѣ, позабывшись, говоритъ отъ своего имени. Онъ досадуетъ на то холодное равнодушіе, о которомъ Рауль выслушиваетъ любовное признаніе Эммы, очень простое, но искреннее и страстное. Авторъ восклицаетъ съ негодованіемъ: «Какъ будто избытокъ чувствъ не высказывается порою въ самыхъ пониклыхъ сравненіяхъ, какъ будто кто-нибудь можетъ точно опредѣлить мѣру своихъ потребностей, представленій или страданій! Въдъ человѣческой языкъ есть лопнувшій сосудъ, на которомъ мы разыгрываемъ наши мелодіи, какъ бы acompañируя медвѣжьей панскъ, а между тѣмъ мы желаемъ растрогать ими звѣзды».

Такая жалоба въ устахъ подобнаго человѣка служить мѣрою извѣстныхъ стремленій великаго стилиста къ художественному совершенству.

Если подобное стремленіе разъ обнаружилось въ области извѣстнаго искусства, оно не заглохнетъ. Ни одинъ посвященный въ искусство, писавшій послѣ Флобера и понявшій его идеалъ писателя, не могъ вполнѣ добросовѣстно предъявлять менѣе строгія требованія къ самому себѣ, чѣмъ какія онъ предъявлялъ. Поэтому-то друзья Флобера—люди сочувствовавшіе ему и ученики иные строгіе и самобытные стилисты нашего вѣка.

Самъ Флоберъ въ теоріи не былъ на сторонѣ оригинальности слова. Онъ наивно вѣрилъ въ возможность одного идеальнаго, полнѣ совершеннаго стилиа. Онъ называлъ этотъ стиль, который старался выработать, совершенно безличнымъ. А между тѣмъ онъ былъ не инымъ чѣмъ, какъ выраженіемъ его собственной личности, которой онъ не замѣчалъ въ написанномъ.

Гюи де Мопассанъ осторожно замѣтилъ, что старую фразу: «Le style c'est l'homme» относительно его слѣдуетъ измѣнить такъ: «человѣкъ—это слогъ!» Онъ былъ, такъ сказать, олицетворенный слогъ. Для насъ не лишено значенія, что писатель, преимущественно передъ всеми другими представлявшій собою новое направленіе во французской литературѣ, далеко не былъ подражателемъ случайной дѣйствительности или фототрафомъ, какъ обыкновенно выражались его шрицатели, а наоборотъ—безтворизненнымъ художникомъ.

IV.

Самъ Флоберъ никогда ничего не рассказывалъ читателямъ про себя. То же молчаніе, какъ о частной жизни, хранилъ онъ и относительно своихъ художническихъ принциповъ. При такихъ условіяхъ надобно испытать всѣ доступныя намъ пути, могущіе вести въ его заповѣдныя тайники. Однимъ изъ ближайшихъ и лучшихъ представляется основательное изученіе произведеній его близкаго друга и собрата по искусству, Луи Булье. Оба друга, при поверхностномъ взглядѣ, кажутся намъ людьми различными и разныхъ дарованій. Флоберъ составилъ эпоху во французской литературѣ, а Булье былъ второстепенный или даже третьестепенный писатель. Флоберъ былъ романистъ, Булье—лирикъ и драматургъ. Но эта разница не касается сути дѣла. Они любили

другъ друга, потому что были родственны по духу; не безъ уважительной причины посвятилъ Флоберъ свое первое произведеніе Булье, а послѣдній ему всѣ свои лучшія сочиненія. При внимательномъ изученіи обоихъ писателей оказывается много сходствъ между стихами Булье и прозою Флобера, и знакомство съ первымъ проливаетъ свѣтъ на болѣе темныя стороны дѣятельности величайшаго изъ его друзей.

Одно изъ самыхъ замѣчательныхъ произведеній Булье—это «Les fossiles», начинающееся великолѣпною картиною земли до потопа и первобытныхъ животныхъ. Затѣмъ рассказывается поэтически, но научнымъ тономъ, исторія образованія и развитія земли до появленія первой человѣческой пары. Произведеніе оканчивается вдохновеннымъ видѣніемъ человѣчества въ будущемъ.

Мы встрѣчаемъ ту же страсть къ колоссальному и чудовищно-грандіозному и у автора «Саламбо». Въ стремленіи Флобера вызвать на свѣтъ вымершія народности и религіи мы замѣчаемъ ту же склонность къ міру ископаемому, какъ и у Булье. Наконецъ, у него мѣстами выражается ясно стремленіе, всюду господствующее у его друга, слить въ одно цѣлое науку съ поэзіей.

Флоберъ углублялся въ изученіе классическихъ и семитическихъ литературъ, а Булье выучился по-китайски и обработывалъ китайскіе сюжеты въ длинномъ рядѣ стихотвореній. Въ подробныхъ изслѣдованіяхъ и поэтическихъ опытахъ, изъ нихъ прораставшихъ, оба писателя искали спасенія отъ своей эпохи имъ ненавистой. Оба бессознательно шли по слѣдамъ Гёте. Но оба они сверхъ того удовлетворяли этимъ одной и той же потребности: показать читателю относительное значеніе всѣхъ формъ жизни, отнять у него гордыню прогресса, выразившуюся фразою: «Какъ мы далеко ушли впередъ!»—и внушить ему мысль, что наша культура, открытая и описанная спустя тысячелѣтіе послѣ насъ, оказалась бы малымъ чѣмъ разумнѣе древней или чуждой намъ.

Оба писателя старались воспроизвести первобытный міръ въ его исторической или неисторической непосредственности, безъ лишннихъ новѣйшихъ прикрасъ, и не отступали ни передъ какою затрудненіемъ. Уже и по самой сути дѣла трудно изобразить допотопный міръ съ его странною растительностію и чудовищными животными. Но Булье вдобавокъ избѣгаетъ терминовъ, имѣющихъ связь съ новѣйшими понятіями.

Онъ описываетъ итеродактилю, ихтиозавровъ и плезиозавровъ, мамонтовъ и мастодонтовъ, не называя ихъ. Мы узнаёмъ ихъ лишь по фамиліямъ, походкѣ, образу жизни. Подобнымъ же образомъ Флоберъ въ «Саламбо» воздерживался отъ всякаго намека на современный бытъ. Поэтъ какъ будто не знаетъ его или забылъ объ его существованіи. Тутъ объективность художника совпадаетъ съ объективностью ученаго.

И въ этомъ—главная задача обоихъ поэтовъ. Сознательно или безсознательно, они слѣдовали новой идеѣ отношенія поэзии къ наукѣ. Они хотѣли внести и свой трудъ въ общую сокровищницу, создать такую поэзію, которая бы опиралась вполнѣ на научную основу.

Верхомъ честолюбія для Булье было, какъ извѣстно, написать такую поэму, которая бы обнимала собою результаты новой науки и была бы для нашего времени тѣмъ, чѣмъ была для древняго міра удивительная поэма Лукреція «De rerum natura». Флоберъ тоже, повидимому, дѣлалъ подобную мечту. Но это желаніе у него выразилось опредѣленнѣе, въ силу его ненависти къ человѣческой глупости. Онъ выполнилъ его въ отрицательномъ смыслѣ и въ двухъ разныхъ формахъ: въ сочиненіи «Искушеніе святаго Антонія», въ которомъ онъ изображаетъ всѣ религіи человѣчества и системы морали, какъ сумасбродныя грезы пустынножита, и въ послѣдней повѣсти—«Буваръ и Пекюше». Въ ней безчисленныя заблужденія и ошибки двухъ молодыхъ глупцовъ даютъ автору поводъ составить родъ энциклопедіи изъ всѣхъ областей знанія, въ которыхъ они дѣлали промахи. Въ «Искушеніи святаго Антонія» авторъ собственно создалъ трагедію человѣческаго ума. Здѣсь послѣдній вполнѣ и жалкимъ образомъ обнаруживаетъ свое сумасбродство; это тотъ же король Миръ въ пустынѣ.

Въ повѣсти «Буваръ и Пекюше» онъ рисуетъ карикатуры, самое невѣжество, дилетантскія ошибки во всѣхъ отрасляхъ науки и техники въ лицѣ двухъ забавныхъ товарищей. Произведеніе это посмертное; напечатана только первая часть его, да и то не совсѣмъ обработанная. Но въ высшей степени характеристиченъ замыселъ Флобера—для полного изображенія универсальной глупости прибавить еще вторую часть, въ которой двое жалкихъ невѣждъ, начавшіе и окончивающіе свою карьеру писцами, нападаютъ на мысль—писать глупости всѣхъ извѣстнѣйшихъ писателей (не исключая и Флобера) и составить изъ этого одинъ томъ.

...Стало-быть, какъ у Флобера, такъ и у Булье было сильное побужденіе къ изложенію въ своихъ произведеніяхъ результатовъ новейшей науки. Къ нимъ вполне применимо то, что Флоберъ сказалъ про Булье: «основная идея и гениальная черта его ума—это своего рода натурализмъ, напоминая эпоху Возрожденія». Булье потратилъ свои силы на посредственные романтическія драмы въ традиціонномъ духѣ; Флоберъ же ни въ одномъ произведеніи не дѣлалъ уступокъ преданію. Для подготовки къ своимъ произведеніямъ онъ предавался обширнымъ научнымъ занятіямъ. Поэтому только у него отношеніе между наукою и поэзіей стало пружиной и главнымъ интересомъ литературныхъ трудовъ.

V.

Флоберъ по крайней мѣрѣ указалъ способъ литературнаго труда, приближающійся къ научному. Чтобы уяснить себѣ какую-либо сторону своего сюжета, онъ проводилъ по цѣлымъ недѣлямъ въ библіотекахъ, просматривалъ массы гравюръ, дабы ознакомиться съ костюмами прежняго поколѣнія. Подготавливая къ «Саламбо», онъ прочелъ 98 томовъ древнихъ и новыхъ историковъ, потомъ предпринялъ поѣздки въ Тунисъ, желая изучить мѣстность и памятники древняго Карфагена. Даже и въ описанія фантастическихъ странъ, какъ, на примѣръ, въ «Легенда о св. Юланѣ», онъ посѣщалъ тѣ мѣстности, въ которыхъ надѣялся увидать грѣшнѣея ему предметы.

Набросавши планъ сочиненія, онъ подыскивалъ матеріалы для каждой главы отдѣльно; для каждой былъ свой портфель, малъ-по-малу наполнявшійся. Онъ просматривалъ полное собраніе «Шрифари» времени Людовика-Филиппа, чтобы найти оброты и духъ той эпохи для представителя литературной богемы Юссель въ «L'éducation sentimentale». Онъ прочелъ не менѣе 107 сочиненій, чтобы въ повѣсти «Буваръ и Пекшоше» написать 30 страницъ о земледѣліи. Выписки, сдѣланныя имъ для послѣдняго произведенія, въ печати составили бы не менѣе пяти томовъ.

...Очевидно, что среди этихъ подготовительныхъ работъ онъ никогда не терялъ изъ виду своей романъ и старался только расширять кругъ ученыхъ занятій. Страсть къ накопленію знаній была у него столь же сильна, какъ и страсть къ выработкѣ своего духовнаго содержанія; или, вѣрнѣе, послѣдняя образовалась изъ первой по-малу.

Если изучать произведенія Флобера въ хронологическомъ порядкѣ, то мы все яснѣе и яснѣе будемъ видѣть, какъ онъ постепенно перемицалъ центръ тяжести изъ сферы поэтической въ научную, или, другими словами, съ поры психической на историческую, техническую, вообще научную. При этомъ вѣднѣя подробности занимають слишкомъ много мѣста: Флоберъ постоянно рисковалъ сдѣлаться смученнымъ писателемъ и действительно болѣе и болѣе дѣлался такимъ.

Онъ, по моему мнѣнью, отправлялся ютъ вѣрной мысли, что поэтъ въ наши дни не есть только авторъ книгъ пишущихся для развлечения, или *maître de plaisir*. Онъ полагалъ, что корабль поэта безъ научнаго балласта легко можетъ опрокинуться, но, мало-по-малу идя далѣе въ этомъ направленіи, онъ былъ захваченъ страстью — бороться съ затрудненіями. Ему захотѣлось передвигать большія тяжести, возить камни, и онъ мало-по-малу загрузилъ свой корабль такою массой громаднхъ каменныхъ глыбъ, что онъ слишкомъ отяжелѣлъ, погрузился очень глубоко и пошелъ ко дну. Последняя его повѣсть не что иное какъ трудолюбиво составленный рядъ извлеченій изъ разныхъ научныхъ сочиненій. Читать ее какъ поэтическое произведеніе почти немыслимо. Оно любопытно лишь въ психологическомъ отношеніи, какъ логическое и ясное выраженіе великой личности и плодъ ошибочнаго взгляда на искусство.

Стремленіе къ изученію частностей внѣшняго быта вобще не составляетъ оригинальной черты Флобера. Оно характеризуетъ всю ту группу писателей, къ которой онъ принадлежитъ. Оно произошло изъ законнаго протеста противъ рационалистическаго воззрѣнія на челоѣка, какъ на отвлеченно-разумное существо, и детерминистскаго стремленія нашего вѣка объяснить духовную жизнь отдельной личности климатическими, народнопсихологическими и физиологическими условіями. Это направленіе мы находимъ съ разными отбѣнками у наиболее выдающихся современниковъ, соотечественниковъ Флобера; у его учителя и друга — Теофиля Готье, у Венана, у Тэна, у братьевъ Гонимуръ. Какъ ни характерны эти люди, все они носятъ на себѣ этотъ общій штемпль, чисто норійскій, отечественный. Кроме того почти все они отличаются другими, отчасти же новыми, свойствами: они литераторныя произведенія — плодъ усиленнаго труда, изъ нихъ странныго. Иногда они производять прямо оляжаемое впечатлѣніе излишнимъ избыткомъ содержанія. Всѣкъ менѣе этииъ грѣшить

Тонъ, но и онъ не рѣдко описываетъ предметы, не входяще въ его рамку. Готье, конечно, единственный изъ этихъ великихъ художниковъ, у котораго слова и образы выливаются, повидимому, свободно, но и онъ очень рѣдко выпускаетъ изъ рукъ словарь и энциклопедію.

У Флобера энциклопедія мало-по-малу отодвигаетъ на задній планъ психологію. Готье съ лѣтами все болѣе и болѣе утрачивалъ поэтическій талантъ и дѣлался просто описателемъ. Флоберъ съ лѣтами все болѣе и болѣе дѣлался ученымъ и собирателемъ.

Если мы бросимъ взглядъ на всю его поэтическую дѣятельность, начиная съ первыхъ опытовъ до послѣдняго произведенія, то увидимъ, какъ элементъ идеальнo-гуманный, въ началѣ все собою обхватывавшій и дѣлавшій сюжетъ плодотворнымъ, мало-по-малу отходить на задній планъ, оставляя послѣ себя сухую наменистую цовву историческихъ и естественно-историческихъ фактовъ.

Въ романѣ «Мадамъ Бовари» все еще полно жизни. Описанія вратки и встрѣчаются рѣдко. Даже описаніе Руана, мѣста рожденія поета, помѣщенное тамъ, гдѣ Эмма ѣдетъ въ дилижансѣ изъ Тонвиля навстрѣчу Леону, занимаетъ всего нѣсколько строкъ. Кромѣ того ему придаетъ нѣкоторую живость сцена обморока случившагося съ Эммой отъ духоты, вслѣдствіе скопленія тысячи людей. Притомъ же описаніе города здѣсь приняло характеръ психологическій: изображается то впечатлѣніе, какое произвелъ обширный городъ на главную героиню. Подобныя мѣста впоследствии встрѣчаются у Флобера все рѣже и рѣже.

Въ «Саламбо» по необходимости преобладаетъ сторона научная и описательная. Въ этомъ произведеніи есть большіе отдѣлы скорѣе похожіе на трактаты изъ исторіи древнихъ войнъ и на археологическія разсужденія, чѣмъ на романъ, и чтеніе ихъ утомительно. Но и въ «Саламбо» еще поднято много психологическихъ вопросовъ и есть интересныя сцены. Прочтите, напр. ту главу, гдѣ жрецы рѣшили умилостывить Молоха принесеннымъ въ жертву первенцевъ изъ каждаго дома. Нѣкоторые изъ нихъ стучатся въ двери къ Гамилькару, а онъ рѣшается смастотъ нихъ сына своего, малютку Аннибала. Флоберъ изображаетъ здѣсь душевное настроеніе жителей пуническаго города въ тотъ моментъ, когда было рѣшено совершить подобное жертвоприношеніе. И слѣдующая сцена ярко выдается на мрачномъ фонѣ подобнаго настроенія. Гамилькаръ спѣшитъ въ комнату дочери

одною рукою хватаетъ Аннибала, а другою поднимаетъ съ полу реверку, связываетъ ею ребенка руки и ноги, а конецъ ей вставляетъ ему въ ротъ, и причетъ мальчика: подь кровать! Потомъ онъ бьетъ въ ладони и требуетъ сына раба 8—9 лѣтъ съ черными волосами и выдающимся лбомъ. Ему приносятъ жалнаго, исхудалаго, опухшаго ребенка, ножа у котораго такъ же черна, какъ и рожокъ, прикрывающій его тѣло. Фамильяръ колеблется: какъ можно принять такое дитя за Аннибала? Но каждая минута дорога, и гордый суфлетъ, несмотря на все свое отвращеніе, принимается мыть жалкаго невольничьяго мальчика и натирать его разями. Онъ одѣваетъ его въ пурпурное платье и застегиваетъ помазную застежку на плечахъ; ребенокъ улыбается, въ восторгъ отъ всего этого великолѣпія, и прыгаетъ отъ радости. Фамильяръ уводитъ мальчика. Онъ отдаетъ его жрецамъ Молоха въ притворную спорбью, а въ это время вверху, въ третьемъ этажѣ, между колоннами изъ слоновой кости показывается блѣдный человѣкъ, бѣдно одѣтый, ужаснаго вида, съ распростертыми руками. «Дитя мое!» — кричитъ онъ. — «Это пѣтухъ ребенка!» — и въ шитъ перебить Фамильяръ и торопитъ жрецовъ къ воротамъ, какъ бы желая скорѣе покончить со своею разлукю. Послѣ ухода онъ посылаетъ рабу самыя вкусныя яства съ своей кухни, мясо, бобы, сласти. Старикъ, долго ничего не ѣвшій, забрасывается на все это и ѣсть, обливаясь слезами. А когда Фамильяръ вечеромъ приходитъ домой, то при свѣтѣ луны, пробивающемся сквозь отверстія въ сводѣ, онъ видитъ раба пресыщеннаго, полупьянаго, спящимъ въ большой залѣ на мраморномъ полу. Фамильяръ смотритъ на него и что-то похожее на состраданіе шевелится въ немъ. Онъ ногою пододвигаетъ ему реверъ подъ голову.

Здѣсь извлечена чисто-человѣческая сущность изъ вароагенской жизни.

«Саламбо», какъ уже сказано, произвела не малое впечатлѣніе, но все-таки разочаровала какъ читателей, такъ и критиковъ. Имъ не раздѣлялъ страсти поэта къ чудовищному, къ бурнымъ сценамъ. Никого не занимало описаніе древнихъ осадныхъ машинъ и тарановъ; его просили написать новый *roman de passion*, любовную повѣсть.

Наконецъ, въ исходѣ 1869 г. Флоберъ исполнилъ это желаніе: онъ выпустилъ въ свѣтъ романъ «L'éducation sentimentale», самое оригинальное и глубокое произведеніе, которое, однако, по

таргале фiasco. Съ этой поры онъ терпѣть лишь рядъ литературныхъ неудачъ. Сочувствіе публики, охлажденное романомъ «Саламбо», съ этого момента совсѣмъ покинуло его.

Но новая книга была въ новомъ родѣ. Почти непереводами заглавіе невѣрно выбрано: тутъ никого и ничего не воспитываютъ. Въ романѣ говорится о развитіи чувства или, вѣрнѣе, постепенномъ угасаніи и окончательной смерти любви. Сочиненіе это правильнѣе было бы назвать «любовною иллюзіей и ея исчезновеніемъ». Это одна изъ крупныхъ попытокъ Флобера—выжечь чистый нуль, въ видѣ полнѣйшей иллюзіи, изъ порывовъ и страстей обманутой жизни. Въ «Саламбо» все вращалось около священнаго покрывала богини Таники, названнаго замифомъ. Это покрывъ лучезаренъ и легокъ; городъ, изъ котораго онъ произрастаетъ, погибнетъ; человекъ, который его носитъ, будетъ боленъ отъ ранъ, но кто имъ покроетъ лицо, тотъ умретъ. Иллюзія—то же самое, что этотъ покрывъ. Она лучезарна, какъ солнце, и легка, какъ воздухъ; она охраняетъ путника ночью, но губитъ обладателя какъ Нессова сорочка.

Я сказалъ, что Флоберъ вѣрилъ въ любовную страсть, продолжающуюся всю жизнь и никогда не удовлетворяемую. Такую страсть и изобразилъ онъ въ любви Фредерина къ мадамъ Арну. Она притыжена, подавлена; она только и находитъ отраженіе въ некоторыхъ безразсудныхъ жертвахъ, дѣлаемыхъ для музъ и въ недосказанныхъ платоническихъ увѣреніяхъ во взаимномъ сочувствіи, которыя ни къ чему не ведутъ. Данные обѣщанья берутъ назадъ, попытки не удаются и наконецъ спустя двадцать лѣтъ все это приводитъ къ безплодному признанію и ответственности сценъ объятій. Но любовникъ въ ужасѣ вырываетъ изъ нихъ, потому что возлюбленная успѣла состарѣться и вѣщаетъ ему отвращеніе сѣдыми волосами.

Особенности этого романа рѣзче бросаются въ глаза, чѣмъ въ «Мадамъ Бовари»: тутъ нѣтъ ни одного героя и ни одной героини. Въ устарѣломъ терминѣ *герой* заключается все наслѣдство отъ старомодной поэзіи. Цѣлые вѣка писатели щеголяли героями. Герой былъ силенъ и красивъ, великъ въ добродѣтеляхъ и порокахъ, былъ образцомъ для подражанія или приговоромъ для предостереженія. А здѣсь поэтъ вывелъ молодого человека—такого, каково вообще большинство молодыхъ людей, безъ упрека и социальнаго показанія, какъ ничтожна его жизнь и какъ онъ на каждомъ шагѣ терпѣлъ разочарованія, не смѣя

мя, — онъ вообще не пережилъ никакихъ сильныхъ ощущеній въ жизни, — нѣтъ, мелкія, изъ которыхъ слагается жизнь. Длинный рядъ мелкихъ разочарованій, между которыми рѣдко бывають и крупныя — вотъ по Флоберу характеристика нормальной вѣковѣческой жизни. Но прелесть его книги заключается, главнымъ образомъ, не въ меланхолическомъ настроеніи, все пронизывающемъ. Для меня это — то изящество и сдержанность, съ которыми авторъ ведетъ рассказъ тамъ, гдѣ изображается бурная жизнь Фредерика. Глубокое пониманіе любовныхъ грѣзъ молодого человѣка указываетъ на собственный опытъ писателя. Нигдѣ Флоберъ не черпалъ въ такой мѣрѣ мотивовъ изъ своего субъективнаго міра и нигдѣ не бралъ такъ мало изъ пяти или шести воображаемыхъ существъ, которые могъ создать.

Фредерикъ любитъ безъ задней мысли, безъ надежды на взаимность, просто чувствомъ, близкимъ къ благодарности. У него есть потребность отдаться и принести себя въ жертву возлюбленной, и эта потребность тѣмъ сильнѣе, что она не находитъ удовлетворенія. Но годы идутъ и подобнаго же рода чувство развивается и у любимой женщины. Между ними рѣшено, что они никогда не будутъ принадлежать другъ другу, но они схожятся во вкусахъ и сужденіяхъ. «Часто одинъ изъ нихъ, служа другаго, восклицаетъ: «И я такъ думаю», — а вскорѣ и тому приходится сказать: «И я такъ же!» И они мечтали, что еслибы Провидѣнію было угодно, то ихъ жизнь была бы полною любви, «была бы нѣчто сладостное, блестящее и возвышенное, подобно дрожащему мерцанію звѣздъ».

Они были почти всегда на свѣжемъ воздухѣ, на верандѣ, и ствѣи деревьевъ, покрытыя желтыми осенними листьями, разстилались передъ ними и тянулись до края блѣднаго горизонта. Они сидѣли въ павильонѣ, въ концѣ аллеи, единственную мебелью котораго было кресло, обитое сѣрою матеріей. Черныя стушки покрывали зеркало, отъ стѣны несло гнилью, а они тавались тамъ, болтая о себѣ и другихъ, о чемъ приходилось, саркастичныя другъ другомъ. Иногда они смотрѣли, какъ лучи солнца, проникая сквозъ щели въ крышѣ, тянулись къ полу, подобно струнамъ громадной лиры.

Эта лира, я полагаю, была старая, настоящая лира временъ трубадуровъ и юности Флобера, и иной подумаетъ, что онъ именно здѣсь ударялъ по ея струнамъ. Романъ «L'éducation sentimentale» вышелъ въ то время, когда имперія вступила въ пе-

рідъ послѣднихъ потрясеній. Въ продажѣ книга шла тихо. В газетѣ отозвались о ней, что она скучна и, кромѣ того, р умѣется; безразлична. Но всегѣ тяжелѣе для Флобера было м чаніе о ней, вскорѣ наставшее. Семилѣтній трудъ его, очевидно пропалъ даромъ. А всему виной было то, что онъ слишкомъ мн работалъ. Чтобъ изобразить Парижъ сороковыхъ годовъ, онъ и чалъ старыя картины и старыя планы, возстановлялъ исчезн шія улицы, перечиталъ въ тысячѣ газетъ рефераты глубоки рѣчей; описанія уличной жизни и уличныхъ дракъ. Онъ хотѣ дать вполнѣ вѣрную картину города и слишкомъ увлекся. Ис рическія подробности утомляютъ читателя. Здѣсь, какъ и во и гихъ другихъ случаяхъ, ненависть къ глупости завлекла его оч далеко. Еще въ дѣтствѣ онъ вмѣстѣ съ Булье забавлялся тѣ что составлялъ сколь возможно вѣрныя копіи съ официальныхъ рѣчей, стихотвореній, произнесенныхъ при освященіи колоко или на похоронахъ короля, торжественныхъ и всякихъ други рѣчей. Послѣ смерти Булье нашли цѣлыя киты подобнаго ма ріала: Въ «Мадамъ Бовари» Флоберъ имѣлъ утѣшеніе помѣст цѣлую рѣчь начальника бюро сельско-хозяйственной выстав съ ея заказнымъ наосомъ и наивною неуклюжестью слога. здѣсь онъ привелъ in extenso, притомъ по-испански, либеральн рѣчь, сказанную «патріотомъ изъ Барселоны» на народномъ тингѣ въ Парижѣ въ 1848 году. Рѣчь неподражаема, какъ разчикъ громкихъ фразъ о свободѣ и прогрессѣ, но все это м вяжется съ главнымъ дѣйствіемъ романа. Картина эпохи сли комъ широка; тутъ, какъ и въ «Саламбо», пьедесталъ сли комъ великъ для фигуръ. Флоберъ, безъ сомнѣнія, и самъ за тилъ это; еще работая надъ «Саламбо», писалъ онъ съ доса одному другу: «Изученіе костюмовъ ведетъ къ тому, что мы за ваемъ душу. Я бы отдалъ полстоны бумаги, покрытой рисунк въ теченіе пяти мѣсяцевъ, лишь бы три часа побыть въ чадѣ стей, которыя испытали мои герои». Но онъ не могъ поста на второй планъ изображеніе частностей, общаго настроенія и та парижанъ. Страсть къ наукѣ все сильнѣе овладѣвала имъ.

Три разсказа Флобера: «Простое сердце», «Легенда о Юліанѣ гостепріимномъ» и «Иродіадѣ» составили небольшую стережную трилогію. Это—современная повѣсть, средневѣковая гелнда и очеркъ изъ древней жизни.

Въ «Иродіадѣ», написанной въ стилѣ «Саламбо»; авторъ бросалъ мрачную, но яркую картину Палестины въ эпоху Юд

рестителя. Тутъ читатель видитъ обрюзгавшую любопытливо расточительнаго Вителлиа, впившагося взоромъ въ потуклиа иза отрубленной головы Иоанна.

«Легенда о святомъ Юлианѣ» можетъ служить образцомъ воспроизведенія средневѣковой жизни. Ни одна изъ монаховъ не напишетъ болѣе вѣрной христіанской легенды. Ничто не можетъ такъ вѣсти въ характеру ея, какъ заключеніе разсказа о прожаженіи нищемъ, который съѣлъ у Юлиана послѣдній кусокъ мяса хлѣба, замаралъ его тарелку и сосудъ для питья и подъ-вонецъ только легъ на его постель, но и требовалъ, чтобы тотъ со-ѣдалъ его своимъ голымъ тѣломъ. Бывшій принцъ смиренно жорается и этому, и прожаженный крѣпко обнимаетъ его: Но въ ту же минуту Юлианъ преобразуется: глаза сіяютъ, какъ звѣзды, волосы становятся длинными и блестятъ подобно солнечнымъ лучамъ, дыханіе благоухаетъ на подобіе розъ: Брытма хитры раздается, и Юлианъ уносится въ голубую бездну, лицомъ въ лицу съ Господомъ Исусомъ Христомъ, который возноситъ его на небеса...

Въ повѣсти «Простое сердце» Флоберъ въ сущности разсказываетъ исторію старой награжденной служанки изъ романа «Мадамъ Бовари». Это—трогательная повѣсть объ одной старой служанкѣ, послужившей своей вѣкъ и брошенной, которая подъ-вонецъ обстрочиваетъ всю свою сердечную любовь на попуга. Она всему вѣрится въ попуга; въ своей простотѣ она считаетъ его подобіемъ Св. Духа, въ родѣ голубя на образѣ въ сельской церкви, и мало-по-малу въ ея сознаниіи онъ заступаетъ мѣсто Св. Духа. Служанка умираетъ, и она велитъ набить изъ нея чучелу. Но въ мѣсь ея смерти она является ей въ исполинскихъ размѣрахъ, беретъ ее на свои распростертыя крылья и уноситъ въ рай. Это—какъ бы глубоко-грустная пародія конца легенды. И тутъ, тамъ видѣніе и иллюзія. Флоберъ, повидимому, хочетъ сказать, что при слабости нашей природы и потребности въ утѣшеніи, при близости конца и способности къ обольщенію привра-тами всякая кучка соломы хороша.

Эти три разсказа не имѣли никакого успѣха. Въ нихъ ученость сдѣлала еще шагъ впередъ въ ущербъ жизни. Здѣсь уже нѣтъ почти никакихъ разговоровъ; разсказы скорѣе походятъ на сухой перечень одержанія, чѣмъ на повѣствованіе. Замѣтно было, что поэтъ какъ бы пренебрегаетъ созиданіемъ поэтическихъ образовъ. За то учености отведено слишкомъ много мѣста. На-

пришёръ, въ легендѣ скрыта изумительная масса научныхъ данныхъ. Замѣтно, какъ много легендъ прочелъ Флоберъ, чтобъ такъ вѣрно воспроизвести духъ ихъ. Но онъ не сдѣлалъ ни попытки—сообщить читателю плоды этой учености. Не проложенъ ни малѣйшей тропинки въ первобытный лѣсъ легендарнаго міра: онъ стоитъ крѣпко сросшись вѣтвями и взоръ не проникаетъ въ чашу его. Разсказъ какъ будто рассчитанъ не на обыкновенныхъ современныхъ читателей, а на читателей XIII вѣка и специалистовъ.

VI.

Въ 1874 году явилось, наконецъ, произведеніе Флобера, которое самъ онъ считалъ своимъ главнымъ трудомъ, надъ которымъ работалъ 20 лѣтъ и въ которомъ всего ярче отразились всѣ отличительныя свойства его ума. Это произведеніе вслѣдствіе озадачило. Какъ только разнесся слухъ, что французскій романистъ написалъ книгу «Искушенія святаго Антонія», то девяностыхъ публики были увѣрены, что заглавіе это слѣдуетъ понимать въ шуточномъ или переносномъ смыслѣ. Кто могъ думать, что въ этомъ сочиненіи самымъ серьезнымъ тономъ пердается исторія искушеній египетскаго пустыинника!

На подобныя попытки еще не рѣшался вообще ни одинъ романистъ, ни одинъ поэтъ. Правда, Гёте написалъ «Классическую Вальпургіеву ночь», Байронъ во второмъ актѣ «Каина» далъ образецъ обработки подробностей подобныхъ картинъ, а Тургеневъ въ своихъ «Призракахъ» мастерски разработалъ лишь отчасти сходный матеріалъ въ весьма скромной рамкѣ; но раньше еще не являлось драмы въ семи отдѣленіяхъ, состоявшей изъ одного безконечно-длиннаго монолога, которая, вѣрнѣе, была только изображеніемъ того, что въ одну ужасную ночь совершалось въ мозгу человѣка подъ вліяніемъ галлюцинацій. И это произведеніе, хотя и неудачное, при всемъ своемъ тяжеломъ однообразіи, поражаетъ величіемъ и отмѣчено печатью чистоты и уваго времени—такъ, какъ не многія поэтическія произведенія французской литературы.

Святой Антоній стоитъ на порогѣ своей хижины въ Египтѣ на горѣ. Высокій крестъ водруженъ въ землю, старая искривившаяся пальма склонилась надъ пронастью, Нилъ образуетъ озеро у подошвы горы. Солнце садится. Пустыннымъ утомленъ послѣдняго дня, проведеннаго въ постѣ, трудѣ и самоистязаніяхъ. Онъ чув-

слухъ упадокъ душевныхъ силъ съ наступленіемъ сумерекъ, являть, постоянно подстерегающій его; приводитъ на него сонъ, неисполненный соблазнительными сновидѣніями.

Прежде всего Антоній грустно мечтаетъ о своемъ дѣтствѣ, въ Аммоніи, молодой дѣвушкѣ, которую онъ когда-то любилъ, мало-по-малу онъ начинаетъ вздыхать и рептать. Онъ желалъ быть грамматикомъ или философомъ, сборщикомъ пошлинъ на восту или богатымъ женатымъ купцомъ. Голоса, раздающіеся изъ рага, сулятъ ему: жену, груды золота, вкусныя яства. Таково начало искушеній—проявленіе животныхъ наклонностей. Потомъ ему снится, что онъ—довѣренное лицо у императора, первый министръ его, особа всевластная. Онъ жестоко мститъ своимъ врагамъ изъ среды отцовъ церкви и вдругъ попадаетъ на пиръ въ Вавилонѣ, гдѣ—горы яствъ и рѣка питій и звѣрь, украшенный драгоценными камнями, воссѣдаетъ на тронѣ. И самъ онъ дѣлается Навуходоносоромъ и въ чаду пира чувствуетъ потребность обратиться въ животное. Онъ становится на четвереньки и мычитъ по-бычачьи. Опаравши руку о камень, онъ просыпается. Онъ бичуетъ себя въ наказаніе за это видѣніе. Но передъ нимъ является царица Савская во всемъ своемъ великолѣпіи и соблазняетъ его. Она стоитъ, благоухая всѣми ароматами Востока, слова ея звучатъ какъ дивно-чарующая музыка. Въ пылу восторговъ Антоній протянулъ было къ ней руку, но... махиваетъ собою и отталкиваетъ ее. Царица со всей свитой исчезаетъ. Тогда дьяволъ принимаетъ образъ его стараго учителя Иларіона, чтобы половебать въ немъ вѣру.

Малодѣльный, тщедушный Иларіонъ указываетъ ему прежде всего на противорѣчія между Вѣтхимъ и Новымъ Заветомъ, потомъ на противорѣчія въ Новомъ. И Иларіонъ растеть. А въ умѣ Антонія пробуждаются воспоминанія о всѣхъ тѣхъ ересяхъ, о кото-рыхъ онъ слышалъ и читалъ въ Александріи и противъ кото-рыхъ успѣшно боролся некоторое время. Сотни и тысячи христіанскихъ сектъ, еретическихъ ученій, одно другаго чудовищ-нѣе,—сами еретики кричатъ ему въ уши. Каждый изъ нихъ изрѣкаетъ передъ нимъ свои сумасбродныя фантазіи. Передъ читателемъ мелькаетъ цѣлый рядъ человѣческихъ глупостей и безумствъ. А Иларіонъ все растеть. За еретиками слѣдуютъ боги египетскихъ религій въ громадной процессіи, начиная съ отвратительныхъ, уродливыхъ каменныхъ божествъ и деревянныхъ фетишей древнѣйшихъ временъ до кровавыхъ божествъ Востока и

изящныхъ боговъ Греціи. Всѣ они проходятъ мимо и каждыя исчезаетъ съ жалобнымъ воплемъ. Послѣдній прыгаетъ въ бездну Бренитусъ, римскій богъ пиццваренія.

Затѣмъ наступаетъ страшная тишина, глубокая ночь.

— Они все исчезли, — говоритъ Антоній.

— Я остался, — отвѣчаетъ голосъ.

И Иларіонъ стоитъ передъ нимъ, еще выше, просвѣтленныя прелестныя какъ ангель, сияющій какъ солнце, такого громаднаго роста, что Антоній, смотря на него, долженъ отступать назадъ.

— Кто ты?

— Мое царство столь же обширно, какъ и міръ, и мои желанія нѣтъ границъ. Я постоянно иду впередъ, освобождаю умы и взвѣшивая міры, безъ страха, безъ состраданія, безъ любви и безъ Бога. Меня называютъ наукою, — отвѣчалъ Иларіонъ.

Антоній отступаетъ въ ужасѣ.

— Ты скорѣе — дьяволъ!

— Хочешь ты его видѣть? — Показывается лошадиная голова дьяволъ поднимаетъ святаго на рога и несетъ съ нимъ въ странство; по небу новой науки, гдѣ мировыхъ тѣлъ такое множество, какъ песчинокъ въ морѣ. И твердь расширяется въ мысли Антонія. «Выше, выше!» — восклицаетъ онъ. Передъ его взорами открывается безконечность. Робко спрашиваетъ онъ у дьявола о Богѣ. Послѣдній отвѣчаетъ также вопросами, мифіями. «То, что ты называешь формою, есть, быть можетъ только обманъ твоихъ чувствъ, — а то, что ты называешь сущностью, не больше, какъ трѣва твоего воображенія. Богъ знаетъ не есть ли міръ вѣчное теченіе вещей и событій, а призракъ единственной истины, иллюзія — единственная действительность. Поклонись мнѣ, — вдругъ восклицаетъ дьяволъ, — и провали прізракъ, который ты называешь Богомъ!» — Онъ исчезаетъ, а Антоній просыпается; лежа на спидѣ на краю скалы.

Зубы у него стучатъ; онъ боленъ. У него нѣтъ больше в хижинѣ ни хлѣба, ни воды; и видѣнія слова начинаются. Онъ теряется среди массы ревущихъ животныхъ и фантастическихъ чудовищъ. Онъ падаетъ все ниже; онъ уже въ ндрахъ земли подъ корнями растеній и камнями. Онъ чувствуетъ пантеистическое стремленіе слѣться съ природою, и вотъ его послѣдній крикъ: «Мнѣ хочется летать, плавать, дышать, реветъ, завывать. Хотѣлось бы мнѣ имѣть брѣвныя, чешуйчатую кожу, черепашины

поверхъ, итнцій илювъ, извивающъ, дѣлится на части, быть во всемъ; разносится въ воздухѣ подобно запаху, прозябать какъ растение, звучать, какъ мелодія; сіять подобно свѣту, крыться надъ всеми формами и проникать въ каждый атомъ.

Но ночь проходить. Это была лишь новый кошмаръ. Выходитъ солнце, и на дискѣ его отвѣдываетъ снѣжающій ликъ Христа. — Вотъ послѣдній проницательскій выходка автора, впрочемъ скромная: Антоній творитъ престное знаменіе и слова начинаетъ читать молитвы, — святіе, прерванно видѣніями.

Въ этомъ произведеніи высказался весь Флоберъ. Онъ выбралъ легенду о святѣмъ Антоніи, чтобъ отвести душу и высказать человѣчеству горькія истины. Подобный выборъ объясняетъ тѣмъ, что въ этомъ сюжетѣ совмѣщались древній мѣръ и Востока, который онъ такъ любилъ. Здѣсь онъ могъ говорить объ обширнѣйшхъ городахъ и странахъ Египта, пустить въ ходъ яркія краски и исполинскія формы. Здѣсь онъ изображалъ безсиліе и тупость не какого-либо общества, а цѣлаго міра; здѣсь онъ объективно показалъ человѣчеству, какъ оно въ каждый моментъ своего существованія по поясъ тонетъ въ грязи и провъ, — и указалъ, какъ на единственное спасеніе, на науку, которой боятся, какъ чорта.

Идея была возвышенна и нова, но, въ сожалѣнію, выполненіе не стоитъ на высотѣ замысла. Книгу тянетъ къ низу отвѣдываетъ тяжести вложеннаго въ нее матеріала. Это — не поэтическое произведеніе, а на половину теогонія, на половину эпизодъ изъ церковной исторіи, и все это изложено въ формѣ психологическаго анализа видѣній. Въ немъ такая масса подробностей, которая утомляетъ, какъ восхожденіе на почти отвѣдную гору. Нѣкоторыя мѣста вполне понятны только для ученаго, а для обыкновеннаго читателя почти недоступны. Великій писатель затерялся въ отвлеченной учености и отвлеченной рѣчи. Печально было видѣть, — тѣтко выразился Эмиль Зола, — какъ этотъ столь могучій талантъ каменѣлъ подобно древнимъ мѣологическимъ существамъ. Мало-по-малу — сначала съ ногъ до пояса, потомъ съ пояса до головы — Флоберъ обрѣтается въ мраморную статую.

VII.

Я приберечь къ концу бесѣду объ одномъ изъ видѣній Антонія, потому что оно мнѣ кажется самымъ замѣчательнымъ и, безъ сомнѣній, происходило съ самимъ авторомъ. Всѣ боги ис-

чезли и путешествие по небесному пространству кончилось. Антоний видит на другомъ барагу Нила сфинкса, который протягиваетъ ноги и ложится на брюхо. Потомъ химера начинаетъ прыгать вокругъ него, бѣгаетъ, лететь, изъ мощной мышцы плеча и она бьетъ по крыльямъ драконьимъ хвостомъ.

Что такое сфинксъ?—Что иное, какъ не темная загадка, прикованная къ землѣ, вѣчный вопросъ, мудрствующая наука?

А что такое химера?—Что же больше, какъ не крылатое изображение, поражающее пространства и крыльями своими насажася звезда?

Сфинксъ говоритъ: «Стой смиренно, химера! Не бѣги такъ скоро, не летай такъ высоко, не дай такъ громко. Перестань дышать мнѣ пламенемъ въ лица. Вѣдь, тебѣ не растопить моего гранита».

Химера отвѣчаетъ: «Я никогда не остановлюсь. Тебѣ не поимать меня, страшный сфинксъ!»

Химера скачетъ по переходамъ лабиринта, несется надъ моремъ, влетаетъ въ средину нарающихъ облаковъ.

Сфинксъ лежитъ неподвижно и чертитъ когтями буквы на песокъ, обдумываетъ, рассчитываетъ, уставивъ неподвижно, взоръ на горизонтъ... А море катитъ валы, нива волнуется, караваны идутъ мимо, города разрушаются.

Онъ восклицаетъ: — «Фантазия! Подними меня на твоихъ крыльяхъ, избавь отъ смертельной тоски!»

А химера отвѣчаетъ: «Ты—невѣдомый! Я влюблена въ твои глаза; я вращусь около тебя, подобно пылевой гнѣзѣ; обними меня; оплодотвори меня!»

Сфинксъ поднимается. Но химера убѣгаетъ, страшась быть раздавленной подъ тяжестью каменной массы.

«Невозможно!» — печально восклицаетъ сфинксъ и глубоко погружается въ песокъ.

Я вижу въ этой сценѣ послѣднюю исповѣдь Флобера, раздавленный ропотъ его на безплодность труда цѣлой жизни и этого главнаго произведенія въ особенности. Сфинксъ и химера, наука и поэзія у него желали и искали другъ друга постоянно, носились одинъ вокругъ другаго съ томленіемъ и пыломъ, но оплодотвореніе поэзіи наукой ему не удалось.

Нельзя сказать, чтобъ основная мысль Флобера была безразсудна или невѣрна, — напротивъ. Я убѣжденъ, что такова будущность поэзіи. Вѣдь таково было ея прошлое. Величайшіе по-

ты: Эсхиль, Дантъ, Шекспиръ и Гёте знали все существенное, что знали въ ихъ время, и вносили свои знанія въ поэзію. Но въ нашъ вѣкъ, когда новая наука пошла всюду новыми путями, труднѣе, чѣмъ когда-нибудь, овладѣть ею. У Флобера не было непосредственной гармоніи ума, которая облегчаетъ трудности и примиряетъ рѣзкія противорѣчія въ мірѣ идей.

«La tentation de Saint-Antoine» было едва замѣчено во Франціи. Его встрѣтили шутками. Поэту нужно было двадцать лѣтъ, чтобы его написать, а въ двадцать мѣсяцевъ у всѣхъ остряковъ составилъ такой отзывъ: «Жизнь смертельно скучна. Какъ могъ авторъ думать, что подобныя вещи займутъ парижанъ!... Нѣтъ, «Мадамъ Бовари» — другое дѣло... Зачѣмъ онъ не повторился (какъ всѣ плохіе писатели), зачѣмъ не написалъ новаго десяти «Мадамъ Бовари?»

Онъ уѣхалъ въ Бруасси, заперся тамъ на цѣлые мѣсяцы, глубоко оскорбленный, и снова принялся за работу. Онъ состарился; смерть отняла у него друзей, старшихъ лѣтами, Жоржа Сандо, Теофила Готье, друзей юности и людей одного направленія—Луи Булье, Фейдо, Жюля де-Гонкура и т. д. Онъ былъ одинокъ, боленъ, не могъ почти ходить, не могъ даже видѣть, какъ другіе ходятъ. Онъ обдѣлывалъ: по добротѣ онъ довѣрилъ все состояніе единственной племянницѣ, а мужъ ея промоталъ его и Флоберу на закатѣ дней приходилось печься о дневномъ пропитаніи. Подъ-конецъ онъ рѣдко ѣздилъ въ Парижъ, не выходилъ даже въ садъ, а ходилъ только назадъ и впередъ изъ спальни въ кабинетъ, чтобы сѣсть съ аппетитомъ за свой одинокій обѣдъ.

Онъ умеръ въ маѣ 1880 года и похороненъ близъ Руана. Похороны были малочисленны—лишь небольшая кучка друзей, пріѣхавшихъ изъ Парижа. Изъ Руана не было почти ничего, —большинству жителей онъ былъ совсѣмъ неизвѣстенъ, а меньшинство, знавшее его, ненавидѣло, какъ писателя безнравственнаго и невѣрующаго.

АМЕРИКА ВЪ РОССІИ *)

IV. Дядьково и хрустальная гута. — Кошечные воробьи. — Рабочие типы. —
Стекланный кисель и хрустальные метеоры.

Въ Дядьковѣ у станціи желѣзной дороги стоялъ чрезвычайно оригинальный экипажъ, что-то похожее на небольшой омнибусъ со входомъ позади и скамейками по бокамъ. Сверху на тонкихъ перекладинахъ держался кожаный зонтикъ съ полами, падавшими внизъ; ихъ можно было застегивать и отстегивать отовсюду. Экипажъ этотъ запряженъ былъ превосходными лошадьми собственнаго завода, полученными отъ скрещиванія породъ верховой и крымской, доставляемой изъ таврическаго имѣнія «Гайвань». Кони эти красивы и сильны, съ ровною, размашистою рысью. Они неутомимы при долгихъ переѣздахъ: Они насъ митомъ домчали къ господскому дому, передъ небольшимъ прудомъ. Величавая аллея вѣковыхъ березъ ведетъ къ главному подъѣзду... Отсюда видна часть села съ большою бѣлою церковью, стоящею на холмѣ, и строеніями туты, изъ которыхъ клубился дымъ, подымаясь прямо къ безоблачному, ясному небу... Еще дальше видѣлись каменные и деревянные дома шѣтвыхъ крестьянъ, выстроенные на широкую ногу. Это скорѣе напоминаетъ уѣздный городокъ, чѣмъ село, заброшенное въ глуши и живущее только однимъ хрустальнымъ производствомъ. Большія двухъэтажныя кирпичныя зданія больницы, конторы, магазина, двѣ крестообразно пересѣкающіяся, улицы обставленные хорошими постройками, кучи дѣтей на улицахъ, обиліе воздуха и простора — производятъ чрезвычайно свѣтлое впечатлѣніе послѣ деревень, еще недавно мучившихъ душу своею неприглядною и безвыходною нищетою.

*) *Русская Мысль*, кн. I.

Бромъ прудовъ, работающих на заводъ и шлифовальни, черезъ Дядьково бѣгутъ еще три рѣонки: Ольшанна, Жировна и Бѣлая, придающія лѣтомъ много очарованія этому пейзажу съ густыми березовыми рощами посреди села, съ вышкою жаймою стараго, кондоваго лѣса, поднимающагося тутъ же за околлицей.

Живой, энергическій старикъ, на обрамленномъ сѣдою бородой лицѣ котораго неволью выдавались умные сѣрые глаза, встрѣтилъ насъ въ господскомъ домѣ. Небольшаго роста, лѣтъ осьмидесяти, онъ былъ быстръ въ движеніяхъ и силенъ, какъ молодой человекъ. Потомъ, когда я узналъ его ближе, я не разъ изумлялся неумимости и выносливости этого на диво сложеннаго, точно для самой работы созданнаго природою на образецъ человека. По никогда не ослабляющейся энергіи онъ казался моложе насъ. Полную характеристику этой замѣчательной личности я дамъ въ слѣдующей главѣ. С. И. Мальцовъ былъ одѣтъ въ сѣрый армякъ, такой же, какой я видалъ и на его рабочихъ. Въ ту минуту, когда мы вошли къ нему, онъ живо и горячо спорилъ о чемъ-то съ однимъ изъ своихъ управляющихъ изъ крестьянъ, одѣтымъ въ такой же непритязательный костюмъ...

— Очень радъ васъ видѣть... Милости просимъ, смотрите и наблюдайте, — здѣсь есть что замѣтить!

Слишкомъ много даже, какъ оказалось впоследствии, — настолько много, что на первый разъ я, уже привычный къ поѣздкамъ такого рода, просто растерялся въ обилии интереснаго матеріала для наблюденія и не зналъ, на чемъ именно остановиться... Въ первый же день я рѣшилъ осмотрѣть знаменитую здѣшнюю гуту, т. е. хрустальный заводъ.

Хрустальное производство въ родѣ Мальцовыхъ ведетъ свое начало еще съ того времени, когда Русь порвала всякія сношенія съ Ганзой. Тогда одинъ изъ Мальцовыхъ отправился за границу и тамъ на мѣстѣ изучилъ новое для Московскаго княжества производство. Назадъ онъ вернулся уже знатокомъ хрустальнаго дѣла, да кстатѣ привезъ со собою и мастеровыхъ «бусурманскихъ», изъ нѣмцевъ. Для устройства гуты ему отвели землю близъ Трубчевсна, а потомъ заводъ, уже дѣйствовавшій и работавшій на Москву, былъ переведенъ въ Гжатскъ. Весь этотъ округъ находился, какъ здѣсь говорятъ, «подъ Мальцовыми». Они не только были хозяевами гуты, они воеводствовали въ этомъ краѣ. Ихъ въ свое время жаловали гербами, номѣстями, уѣздами, но дѣла своего они не оставляли и прадѣдъ нынѣшня-

го владѣльца перенесъ свой хрустальный заводъ въ Радугу, гдѣ теперь производится оконное стекло. Въ 1790 году секундъ-майоръ Иванъ Мальцовъ нашелъ лучшимъ устроить большой хрустальный заводъ въ Дядьковичахъ, или нынѣшнемъ Дядьковѣ.

Гута поставлена на берегу богатаго водою источника, въ который нѣсколько пониже впадаютъ три рѣчки: Ольшанка, Жировка и Бѣлая. Ихъ водою пользуются шлифовальни и другія отдѣленія завода. Кварцевый песокъ на гуту привозится изъ Жиздринскаго и Дмитровскаго уѣздовъ. Поташъ доставляется съ Нижегородской ярмарки водою до Калуги. Изъ Бѣлевскаго и Новгородъ-Сѣверскаго уѣздовъ привозится глина, необходимая для доилицъ—громадныхъ вмѣстилищъ, гдѣ варится стекло. Прежде ее доставляли сюда даже изъ Финляндіи. Кварцевый песокъ на фабрику идетъ теперь свой, потому что его нашли достаточно въ Жиздринскомъ уѣздѣ. Передо мною цѣлыя горы этой серебристой, мягкой, сверкающей подъ солнцемъ массы. Во Франціи кварцевый песокъ нѣсколько лучше, потому и работать изъ него легче и дешевле. Около—паровая мельница для кварца, откуда доносится грохотъ жернововъ. Мы входимъ. Въ воздухъ стоитъ бѣлая пыль; какъ и на мучной мельницѣ, лица, платья, волосы рабочихъ покрыты ею. По два жернова ребромъ бѣгаютъ въ каждой формѣ вокругъ ея оси и мелютъ кварцъ. Бѣлый налетъ сѣлъ на стѣны, имъ дышешь, онъ заползаетъ въ носъ, въ глаза, въ уши.

— Трудно?—обращаюсь я къ рабочему, внимательно слѣдующему за бѣгунками.

— Чего трудно!... Эта работа—легкая. Въ гутѣ трудно, потому тамъ на жарѣ передъ печью... А тутъ ничего.

— Ну, а грудь не болитъ?

— Чего ей болѣть!... Привышна.

Какія желѣзные легкія нужны для атого!

Отсюда кварцъ постукаетъ вверхъ, въ амбары. Онъ уже совсѣмъ готовъ для плавки.

Рядомъ поташъ осаждается въ чугунныхъ котлахъ... Въ воздухъ стоитъ специфическій запахъ. Блѣдныя лица завѣдующихъ этимъ дѣломъ кажутся еще болѣе блѣдными отъ полумрака, царствующаго здѣсь.

Готовыя уже массы матеріала доставляются къ гутѣ—громадному каменному зданію, внутри котораго, подъ высокою кров-

ней, гдѣ снопаются сумракъ, томятся и ярко сверкаютъ огнесы-
ли зѣвами своими три колоссальныхъ печи. Подходя ближе, вы
замѣчаете, что каждая изъ нихъ устроена на двѣнадцать устьевъ,
т. е. на двѣнадцать дойницъ. Въ каждой дойницѣ плавится по
двадцать два пуда массы, смѣшанной съ битыиъ хрусталемъ.
Нужно двѣнадцать часовъ, чтобы масса сварилась. Изъ застав-
ленныхъ заслонками устьевъ вырываются языки краснаго пла-
мени. Отворили заслонки — и точно солнце сверкнуло намъ въ
глаза. Совсѣмъ бѣлый солнечный блескъ. Едва намѣчиваются
въ этомъ ослѣпительномъ сіяніи томе бѣлые, раскаленные края
дойницъ, сдѣланныхъ изъ англійской огнеупорной глины.

— Молочко наше принцѣ посмотреть? — встрѣтилъ меня су-
врачный рабочий, возившійся у одного изъ устьевъ.

Сравненіе дѣйствительно было вѣрно.

Расплавленное стекло казалось яркимъ, самоосвѣщающимся гу-
стымъ молокомъ. Рабочій зачерпнулъ его концомъ прута. Су-
вракъ, густившійся кругомъ, разомъ освѣтился. На желѣзномъ
прутѣ бѣлымъ молочнымъ блескомъ ярко горѣлъ и тянулся длин-
ными нитями комъ расплавленной массы...

— Вы завтра приходите, когда работа будетъ. Тогда у насъ
интересно, — пригласилъ меня завѣдующій гутой крестьянинъ Хо-
баровъ...

Внизу — темные ходы подъ гуту. Мы спустились туда... Ирач-
ные кирпичные своды озаряются только краснымъ зловѣщимъ
отблескомъ дровяныхъ печей, устроенныхъ подъ стекловарнями.
Мы обходили вкругѣ кажими — то жилами, узкими и тѣсными,
точно черви проточили ихъ въ этой каменной, прочной, на вѣкъ
сложенной, массѣ. Температура выше египетской, оовсѣмъ какъ въ
банѣ на полкѣ; когда услужливый малецъ швыряетъ въ лавенку
шайку за шайкой воды и удушливый зеленый паръ набѣгаетъ
оттуда и нлубится подъ потолкомъ. Вонь около одной изъ печей —
бухой торсъ. Точно натурщикъ, стоитъ голый рабочий и преравно-
душно смотритъ въ огонь. Другой рядомъ въ томъ же костюмѣ не-
анности подставилъ въ этой, и безъ того убійственной; жарѣ спи-
яку къ огню, а самъ беззаботно чинитъ себѣ штаны, не обращая
вниманія на то, что злобные красные языки пламени дорываются
къ самому его тѣлу... Оставляя эти печи, опять погружаешься во
тѣму и прокладу кирпичныхъ жилъ; гдѣ на первыхъ порахъ да-
же жутко становится. Тагъ и кажется, что вся эта масса камня
осядетъ и похоронитъ тебя подъ собою. Внизу въ печахъ, между

дровами, пузырится, всплывает, трескается и взрывается яркими звёздами. стеклянная лава.

— Какъ она попала сюда изъ варницы?

— А бросать не умѣютъ. Мимо дойницъ прямо сюда и прескочила сверху.

— Буда же ее?

— Какъ выгребемъ, на простые стеклянные заводы, на бутылки, на грубыя издѣлія разныя пошлемъ. У насъ ничего не пропадаетъ.

Лава эта играетъ роль шлаковъ на желѣзныхъ заводахъ. Такъ же, какъ и они, горитъ красивымъ зеленымъ блескомъ, также тутъ не идетъ въ дѣло. Вернувшись на верхъ, мы вздохнули съ видимымъ облегченіемъ. Намъ показали специальную печь для варки колоритнаго хрусталя, другія для прокатки высокой температурѣ уже готоваго хрусталя—рашѣ, чѣмъ онъ подъ тисками приметъ должную форму. Вонъ громадная печь, ономъ, гдѣ прокатываются и выравниваются зернистыя стекла. И все это сегодня было пустынно и безлюдно. Праздникъ, работы нѣтъ. Только огонь дѣлаетъ свое дѣло, да стеклянное молотъ съ глухимъ шумомъ и всхлипываніемъ кипитъ въ дойницахъ.

На другой день гута была неузнаваема.

Я остановился на ея порогѣ и долго ориентировался, прежде чѣмъ могъ дать себѣ отчетъ, куда идти, что дѣлать, гдѣ смотрѣть.

Гомонъ подъ высокою кровлей гуты; вкругъ стекловарни толпились цѣлыя таборы рабочихъ... Какіе-то огненные комки летали въ воздухъ; на первыхъ порахъ я даже не различилъ, что это такое. Дѣти массажи мельгали между взрослыми, отъ печи и къ печамъ; схватывая что-то ярко горящее, они убѣгали куда-то и опять являлись крикливо толпами. Что-то сибирское, и хорощее совершалось вкругомъ; слышался, словно говоръ, крики толпы, ступъ накихъ-то стеклянныхъ массъ, топотъ сапоговъ, хлопотаніе расплавленной жидкости въ дойницахъ, трескъ дровъ снизу... На встречу попадались потныя, насузившія лица, люди съ открытой грудью, изнемогавшіе отъ зноя, — бабы торопившіяся куда-то и мигомъ возвращавшіяся назадъ. Стекловарницы горѣли въ свои устьями, слѣпя глаза солнечнымъ блескомъ этого свѣтшагося молота. Вокругъ стояла адская жара. Съ непривычки нельзя было и нѣсколько минутъ простоять на мѣстѣ. Когда я подошелъ къ одной печи, мимо меня то и дѣло пробѣгали въ другой, прональной, дѣти восьми, десяти лѣтъ, немъ

туда на лопатахъ уже готовы, но еще горящія краснымъ огнемъ, точно они сдѣланы были изъ отвердѣвшаго пламени, хрустальныя блюда, солонки, пепельницы, раковины, стаканы, лампы и тысячи другихъ предметовъ, какъ-то мѣшавшихся въ глазахъ и въ памяти въ одну общую массу. Огни, мельнавшіе въ вѣздухѣ, оказались комьями стекла, выхватывавшагося изъ дойницъ на концахъ желѣзныхъ трубочекъ. Помахавъ такимъ комомъ въ воздухѣ и заставивъ его удлиниться, рабочій начиналъ дуть въ трубочку, огненный комъ пузырился, внутри образовывалась пуста, все увеличивавшаяся и увеличивавшаяся отъ притока воздуха... Потомъ тотъ же рабочій опускалъ этотъ горящій стеклянный пузырь въ деревянную форму, продолжая дуть въ трубочку, и стекло принимало требуемый видъ. Другой въ это же самое время обжималъ горлышко пузыря, третій обрѣзалъ его концы; въ формы вынималась бутылка или графинъ уже готовый, но еще красный, точно какъ и тѣ вещи, о которыхъ мы сказали выше, состоявшій изъ отвердѣвшаго пламени, разбрасывавшій кругомъ рубиновыя искры. Ребятишки толпились уже около. Очередной ваталъ бутылку и бѣгомъ передавалъ ее въ прокаливающую печь. Отсюда она поступала въ другую печь, гдѣ ее докаливали... Другіе рабочіе обрѣзывали куски отъ свѣтящихся комьевъ, сколько имъ надо, бросали эти куски въ формы, нажимали прессами— и лампадка-пепельница или рюмка были готовы со всѣми узорами, рисунками по мягкому еще стеклу. При этой работѣ уже стоять помощники. Когда, положимъ, блюдечко готово, но еще горитъ краснымъ блескомъ, помощникъ беретъ понтій (длинный желѣзный пруть) съ кускомъ уже охладившагося хрустала и дотрагивается имъ до донышка блюдца, оно тотчасъ же приклеивается къ хрусталу. Рабочій суетъ его на концѣ понтія въ печь и прокаливаетъ. Когда оно достаточно прокалилось, рабочій схватываетъ его и на томъ же понтіи тычетъ чуть не въ носъ третьему рабочему, который выравниваетъ вещь, поправляетъ ее, если она выгнулась, и потомъ, стукнувъ по краю, снимаетъ съ хрустала. Готовое блюдце на лопатѣ уносятъ мальчижи опять прокаливаться, но уже въ большую калильную печь, откуда также вылетъ прямо имъ въ лица невыносимымъ жаромъ.

Положительно теряешься, слѣдя за всей этой лихорадочною работою, невольно жмурысь отъ сотенъ комьевъ, точно какіе-то загадочные метеоры жельвающихъ въ сумракъ, оставляя за собою огнистый слѣдъ.

— Какъ это вы ухитряетесь, не твнушь кому-нибудь, въ носъ или, не обжечь вообще кого-нибудь этими расплавленными кусками стекляннаго кнселя.

— Приобьели... Николи этого у насъ не бываетъ, потому, по скольку времени при своемъ мастерствѣ стоимъ, не зря его дѣлаемъ!

Вонъ одинъ совсѣмъ пожелтѣвшій и высохшій отъ жары мастеръ сидитъ и ножницами срѣзываетъ края дутыхъ стакановъ. Выдуетъ ихъ изъ расплавленнаго кнселя, чиркнетъ ножницами— стаканъ готовъ. Остается его обравнять деревянною линейкой. Она шипитъ и горитъ отъ прикосновенія къ стеклу, но отъ тѣмъ не менѣе покорно принимаетъ желаемую форму.

— Что, у васъ каждый рабочій имѣетъ свое названіе?

— Да. Который изъ дойницы беретъ стекло— *наборщикъ*, который наливаетъ въ форму— *наливщикъ*; онъ же и обжигаетъ; который обравливаетъ да отдѣливаетъ— *отдѣлщикъ*; который беретъ на хрусталь и на поштій, чтобы пробалить въ печи— *зрѣвшикъ*. Мальчиковъ и дѣвочекъ, принимающихъ стекло, одинаково называемъ— *хлопчиками*.

— Ну, а вещи,—напримѣръ, прессъ?

— Это не прессъ: это—станокъ. Это, вотъ, чѣмъ мы обравниваемъ—липовый лубочекъ; для развертки стекла или для снмаанія шейки и ножки у насъ *ножнн* идутъ.

— Ну, а вонъ тотъ, что надуваетъ хрусталь, какъ называется?

— Задѣлщикъ.

Наливщикъ, отдѣлщикъ и формовщикъ составляютъ одну артель; они получаютъ озъ сотни, причемъ распределяютъ заработокъ такъ, чтобы наливщику, котораго работа потяжелѣе, пришлось на 5 коп. больше, чѣмъ остальнымъ двумъ, уже дѣлившимся между собою по-ровну.

— Сколько же каждый изъ нихъ зарабатываетъ въ день?

— Когда-то много зарабатывали, а теперь больше рубля трудно.

Прежде заработокъ былъ кружибе, потому что требованій на дорогія хрустальныя вещи оказывалось больше. Теперь спросъ упалъ до минимума, ибо иностранцы завалили рынокъ дешевыми хрустальемъ. Прежде въ недѣлю приготавливали на здѣшнихъ дугахъ разныкъ вещей тысячъ на десять, теперь же не больше какъ на четыре. Качество французскаго кварца, напримѣръ, гораздо лучше, притомъ же самая обработка тамошнихъ издѣлій обходится

редко дешево. Таможенные пошлины тоже малы, такъ что значительное производство убиваетъ русское.

Сложныя вещи работаются у другой стекловарницы.

Вотъ, напримеръ, одинъ выдуль, взбрасывая вверхъ на губчикъ, стеклянный пузырь, вдвинулъ его въ чашку, придавъ ту форму графина, обрѣзавъ у шейки остатки, приплюснулъ дно и подхватилъ на холодный хрусталь. Другой подбѣжалъ жидкою полоской стекла, обернулъ имъ вокругъ — и вывелъ рубчикъ. Налившикъ посадилъ графинъ шейкой на понтій, схватилъ другой кусокъ жидкаго стекла, прилепилъ его, придалъ ему желаемую форму — вышли ножки. Пока графинъ еще горячъ краснымъ блескомъ, съ нимъ совершается другая операція: берется болѣе толстая сосулька, приклеивается однимъ концомъ къ шейкѣ и выгибается, приклеивается другимъ концомъ къ боку — и выходитъ ручка. Все это дѣлается съ такою быстротой, что не успеешь досмотрѣть толкомъ, какъ мальчикъ уже бѣжитъ съ готовою вещью въ калильную печь. Вся хитрость въ этомъ случаѣ, поворачивая вещь во все стороны, сохранить ея форму, правильность очертаній. На этой работѣ хорошие мастера могутъ зарабатывать по два рубля въ день каждый.

Только часа черезъ два я могъ что-нибудь понять въ этой вещи.

Четвертая печь здѣсь устроена для цвѣтнаго хрустала. Его готовятъ, приобщивъ къ составу различныя металлическія соли. При мнѣ выдѣлывали тутъ большую церковную свѣчу. Схватили изъ дойницы громадный, тяжелый комъ, вмѣстѣ съ губкой наливщикъ забрался на лѣсенку и тамъ съ платформы началъ раскачивать въ воздухъ и выдувать эту массу, принявшую сначала видъ большаго арбуза, а потомъ какого-то чудовищнаго, что не строфоамилова яйца. Яйцо это посадили въ деревянный цилиндръ и давай его разминать, пека оно не приняло должной формы длиннаго и совершенно правильнаго цилиндра. Тутъ зарабатываютъ много. Хорошій мастеръ до трехъ рублей въ день получаетъ, но для этого требуется много знаній. Особенно, напримеръ, при отдѣлкѣ разноцвѣтныхъ свѣчей, когда приходится накладывать цилиндръ на цилиндръ разныхъ колеровъ. Шифовальщики потомъ снимаютъ частями слои тутъ или тамъ и выходитъ концы концовъ изящный и красивый разноцвѣтный рисунокъ. Въ общемъ вся эта картина гуты, ослѣпительно горячей, работами всѣхъ своихъ печей, въ высшей степени эффектна.

— Эй вы, гутенскіе воробьи, живо поверачивайтесь! — крикнулъ управляющій дѣтямъ, бѣгавшимъ у печей.

— Почему вы ихъ такъ называете?

— Да вѣдь, ишь, черномазые какіе, совсѣмъ какъ наши воробьи, что подъ крышей живутъ.

— Гдѣ это?

— Да вверху. Воробьи страсть это тепло и дымъ любить, ну, и прокопятся въ немъ. Гутенскіе воробьи что трубочисты — сплоски въ сажѣ. Они у насъ и гнѣзда тутъ между балками вьютъ.

Дѣйствительно, только теперь я обратилъ вниманіе на кровлю. Между ея балками сновали цѣлыя стаи воробьевъ. Когда гомонъ въ гутѣ нѣсколько утихалъ, оттуда слышалось ихъ веселое и суетливое чириканье. Изъ трубъ стекловарницъ клубились вверхъ густой черный дымъ, и они то и дѣло пролетали черезъ него, — очевидно, это доставляло имъ особенное удовольствіе. Тысячи гнѣздъ лѣпилась у балокъ и стѣнъ кровли.

— У нихъ и маленькіе, только изъ яйца вылунятся, сейчасъ же прокопятся.

— Наше дѣло чистое, оттого и птицы его любятъ! — философски замѣтилъ старшій рабочій около.

— Наша работа самая справедливая! — согласились рядомъ другіе.

Гдѣ-то ударили въ колоколь... Зазвонили и оглеу гуты.

Рабочіе точно ждали этого, — слышали сквозъ свистъ и шумъ мени въ стекловарникъ, сквозъ бульканіе и кипѣніе киселя, сквозъ грохотъ паровой машины. На перегонку бросились въ выходу. И прошло и минуты, какъ гута опустѣла... Точно въ ней никого и не было, только воробьи чирикали подъ бревнами кровли, и ярко свѣтились нечи въ сумракѣ этого громаднаго варничнаго сарая... Гдѣ-то уже далеко, далеко слышался говоръ разбѣгающейся толпы.

— Что это, обѣдать? — спрашивалъ я у старика, оставшагося со мною.

— Да. Два часа имъ полагается, а потому опять сюда... Десять часовъ въ сутки работаютъ у насъ.

— Тухнуть ли когда-нибудь эти печи?

— Нельзя ихъ тушить: каждый разъ снова разжигать — дорого будетъ стоить.

— А во время праздниковъ?

— Народъ по недѣлѣ не работаетъ, а печи держутся. Загроемъ ихъ заслонками и шуруемъ (топимъ) снизу. Работа наша трудная! — прибавилъ онъ немного спустя. — Это, которые думаютъ, что на чугунныхъ заводахъ труднѣе, — совсѣмъ неправда!

— Утомительна?

— Нѣтъ. Тутъ больше сидятъ... Вотъ наливщикамъ, тѣмъ, которые надуваютъ стекло, тѣмъ и еще тяжелѣе. Грудь у нихъ либнетъ.

— Значитъ остальнымъ легче?

— Какъ сказать?... Теперь около печи сидишь — парить тебя. На холодъ выскочишь, оймешь тебя морозомъ, — ну, и будь доленъ!... Другіе отъ жары лѣтомъ прямо въ прудъ бѣгутъ; окутается и — готовъ, тащи въ больницу. Больница у насъ точно хохотная, а только на нашемъ дѣлѣ помереть легче легкаго. Теперь, которые шлифовальщики — тѣ грудью слабнуть, чахотка сейчасъ у нихъ.

Вообще нигдѣ и никогда я не встрѣчалъ у крестьянства легкихъ работъ.

V. Въ шлифовальныхъ и стеклянномъ магазинѣ. — Петербургское ханство. —
Артисты и бабы. — Баба стеклянная.

Чѣмъ больше я всматривался въ это оригинальное царство труда и предприимчивости, тѣмъ болѣе я пораженъ былъ самыми неожиданными для меня деталями.

Когда немногіе, видѣвшіе этотъ край, рассказывали мнѣ о немъ въ Петербургѣ, я получалъ весьма лестное понятіе о богатствѣ ихъ фантазіи. Мнѣ казалось это сказкою изъ «Тысячи и одной ночи». Теперь на мѣстѣ я убѣдился въ томъ, что преувеличеній не было, что, напротивъ, очевидцы рисовали этотъ голокъ съ его полутораста заводами и со ста тысячами рабочихъ миномъ блѣдными и тусклыми красками. Всюду видишь здѣсь дѣло и дѣло. Ничего для рекламы, ничего казоваго. Зданія бѣдны и некрасивы, стѣны ихъ облупились, заборы зачастую рушились, а между тѣмъ подъ ихъ неказистыми кровлями совершаются миллионныя дѣла, достигаются торжества русской промышленности надъ иностранною. Издѣлія, вышедшія изъ этихъ мастерскихъ, вырываютъ высшія преміи на выставкахъ у многочисленныхъ англійскихъ и французскихъ конкурентовъ, на миллионы расходятся по Россіи и если не даютъ громаднаго благосостоянія массѣ

народа, то это потому, что до экономических и таможенных условий иностранцы предложения плохих зачастую, но более дешевых, машин забывают здѣшнее. Мы считали до сих поръ невозможнымъ выдѣлку стальныхъ желѣзно-дорожныхъ балдажей въ этой мѣстности Россіи и встрѣтили ихъ тутъ доведенными до совершенства. До сих поръ только Обуховскій и Сормоновской заводы занимались этимъ производствомъ. Локомотивы мы покупаемъ за границею, по наивному признанію одного инженера, потому, что здѣшніе выдерживаютъ двойной срокъ ремонта и потому невыгодны для техниковъ. Въ одно время съ мною здѣсь оказался бывшій адъютантъ министра путей сообщенія Бобринскаго, генералъ З—ъ. Онъ вернулся изъ Лодзи нова съ недоумѣніемъ.

— Вы знаете, что я видѣлъ здѣсь, совсемъ перевернуло мое понятіе.

— Почему?

— Это пощечина для меня, но я ей радуюсь. Это торжество русской промышленности, а я самъ когда-то дѣлалъ доклад о невозможности развить у насъ все, что теперь въявь возникло передо мною. Я еще не могу освоиться съ впечатлѣніями. Крутомъ совершается грандіозное дѣло, которое будетъ оцѣнено только впоследствии.

— Если до тѣхъ поръ мы его не зарѣжемъ, заработаемъ больше, чѣмъ иностранныхъ производителей.

— Я никогда не могъ думать, чтобы желѣзо въ Россіи выработывалось до такой вѣрности. Вы знаете, въ Людиновѣ мы дали англійскій напильникъ и я попробовалъ имъ мѣстное желѣзо.

— И что-жь?

— Напильникъ стерся, а желѣзо цѣло. Это извѣстие машиниста масса мхъ, это богатство моделей и усовершенствованій, предуманныхъ на самомъ заводѣ, ошеломляетъ меня.

— Въ Дядьковѣ имѣютъ со мною былъ французскій техникъ, самъ хозяинъ большаго хрустальнаго завода, Гюитьеръ. Онъ съ недоумѣніемъ останавливается передъ здѣшнимъ хрустальнымъ стекломъ.

— Вы знаете, у насъ кварцъ лучше. Но я не могу понять, какъ здѣсь умѣютъ выработывать такіе превосходныя издѣлія!

— Съзавидъ въ Ивотъ и Стекланную Радіцу, онъ высказался еще опредѣленнѣе.

— Здѣсь учить нечему. Здѣсь нужно учиться.

Старые заводы, облупившія отъны, нигдѣ нѣтъ дворцовъ промышленности; поражающихъ васъ своимъ роскошью и колоссальностью затратъ. Только одно: крайне необходимое. И еще болѣе, что подкупаетъ васъ здѣсь, вы видите, что тутъ думать о народѣ, заботитесь о немъ.

— Отчего вы не закроете такое-то производство, гдѣ спроса нѣтъ?

— Нѣтъ.

— Невыгодно значить?

— А куда я дѣну три тысячи людей, которые выросли на этомъ, которые жили съ этимъ?

Все это создано въ пятьдесятъ лѣтъ одной жизни! Какая энергия и предприимчивость! Невольно удивляешься таковой безпримѣрной у насъ дѣятельности. И совершалась то она совсѣмъ не при легкихъ условіяхъ. Исторія телеграфа повторилась во всемъ. Вездѣ тормозили дѣло всеми средствами, находившимися въ распоряженіи у власти. На Мамьцова смотрѣли то какъ на социалиста, то какъ на фантазера, то какъ на самодура. И всего комичнѣе, зачастую смѣшивали вкѣствѣ всѣ эти три эпитета. Ему не вѣрили. У него были и есть сильные враги—вся эта партія шаргуновъ и низкопоклонниковъ, всѣ эти титулованные дармоеды, для которыхъ совсѣмъ непонятно самоотверженіе человека, уходящаго въ далекую деревню, въ народъ, работающаго съ нимъ, въ то самое время, когда онъ могъ бы бросить своимъ миллионъ на ханство, развратъ, оргіи, на безумныя ватѣи до мозга костей развратившихся прохвостовъ. Разумѣется, у него есть свои недостатки,—не ошибается только тотъ, кто не работаетъ,—но не на нихъ опираются ливрейные халуй, швыщающіе себя антагонистами этого дѣла. Совсѣмъ не на нихъ. Чего я не послушался раньше своей поѣздки сюда!

— Вы увидите тамъ цѣлый гаремъ.

И вмѣсто гарема оказалась простая, почти монастырская жизнь, суровый трудъ съ утра до ночи, ненависть къ роскоши.

— Помилуйте; это эксплуататоръ!—кричали другіе.

Оказывается, эксплуататоръ въ голодные годы кормитъ народъ, платитъ за него подати, поддерживаетъ невыгодныя производства, чтобы людямъ было чѣмъ кормиться; схватывается за всякое новое дѣло ради прогресса производительности, зная, что оно не принесетъ ему никакой выгоды. Личный свой доходъ отдаетъ тому же дѣлу, живетъ его жизнью, и до такой степени

вошелъ въ его интересы, что иныхъ и не понимаешь. Этотъ эксплуататоръ болитъ сердцемъ за Россію. Это какая-то лабораторія идей и проектовъ, никогда не прекращающая своей дѣятельности, — паровикъ, пятьдесятъ лѣтъ находящійся въ состояніи кипѣнія, — человѣкъ, бросившій придворную карьеру, блескъ, спокойствіе, и все ради того, чтобы поднять благосостояніе такъ или иначе доставшагося ему угла. Въ немъ много кажется страшнымъ, многое необъяснимымъ, почему онъ дѣлаетъ такъ, а не иначе; но это — не самодурство, на которое ссылаются эти господа, а просто человѣку некогда тратить на всевозможныя мотивировки и экспликации.

— Или говорить, или дѣло дѣлать — одно изъ двухъ.

И съ этимъ, разумеется, нельзя не согласиться.

Въ одной изъ слѣдующихъ главъ постараемся дать характеристику этой личности, теперь же позволю себѣ сказать, что во время долгихъ своихъ странствій по Россіи я видѣлъ только еще одного такого же организатора, хотя тотъ стоялъ на противоположномъ полюсѣ, принадлежалъ къ совѣмъ иному міру.

Я говорю объ отцѣ Дамаскинѣ, нынѣ уже усопшемся подъ тѣнистыми кедрами Валаама.

Отецъ Дамаскинъ создалъ громадный Валаамъ, Мальцовъ создалъ эту Америку въ Россіи.

Но первый работалъ на святыхъ отецъ нашихъ Германа и Сергія, а второй — на народъ. Первый всѣ средства считалъ годными и вполне освященными тою цѣлю, къ которой они способствовали. Первый преклонялся передъ наукою и образованіемъ, но самъ былъ невѣжественъ; второй получилъ солидное воспитаніе и научился всему настолько, что ему даже европейскіе ученые отдавали полную справедливость. Первый былъ только хозяиномъ, второй является и гуманистомъ. Оба не знали препятствій на своемъ пути и ломали ихъ, оба были чужды сентиментальности и заигрыванія съ общественнымъ мнѣніемъ; но тогда первый, какъ монахъ, молчалъ передъ властію или хитрилъ съ нею, второй договорился и дообличался до полицейскаго надзора, существовавшего надъ нимъ въ теченіе долгаго времени.

Что такое другіе наши заводскіе районы? — Разсадники нищеты и центры пьянства и разврата прежде всего.

Привѣжайте сюда, вы не встрѣтите ни одного нищаго, а пьяные развѣ-развѣ въ Людиновѣ попадутся вамъ; да и то рѣдко. Тутъ есть семья, извѣстная строгостью нравовъ, народъ грамотный

энергиченъ. Это не вырождающееся поколѣніе, какимъ является населеніе окрестностей, это—люди сильные и сытые. И это создано своими средствами, безъ обращенія къ иностранцамъ. Тутъ ихъ не приглашали учить и владѣть.

Уголокъ этотъ—оазисъ, въ которомъ бы не мѣшало поучиться у-разуму многимъ. Пріѣзжайте сюда и провѣрьте мои впечатленія. Я могу ошибаться, и очень часто, въ мелочахъ и деталяхъ, но общее вѣрно.

Надѣюсь, читатели не посѣтуютъ на меня за это отступленіе.

Передъ нами еще цѣлый рядъ дядьковскихъ шлифоваленъ и стеклянные магазины, не осмотрѣвъ которыхъ намъ нельзя выйти отсюда... Вмѣстѣ съ управляющимъ гудою я вошелъ въ первую шлифовальню.

На минуту я былъ оглушенъ.

Визгъ мѣдныхъ и стальныхъ пилъ, звукъ стекла, журчаніе воды, льющейся точно изъ тысячи источниковъ, грохотъ какихъ-то колесъ, пыхтѣніе машинъ и шорохъ неустанно работающихъ вращающихся приводовъ вверху. Въ воздухѣ стоитъ какая-то пыль; длинные ряды сидящихъ у станковъ рабочихъ пропадаютъ гдѣ-то далеко, далеко. Надъ самымъ ухомъ звенитъ хрусталь, точно валуется на острую сталь, вѣдающуюся въ его прозрачную массу... Голосовъ не слышно. Въ механическихъ звукахъ не слышится ни смѣха, ни пѣсенъ. Люди кажутся неподвижными, какъ и самые табуреты, на которыхъ сидятъ они. Безмолвіе на первыхъ порахъ производитъ даже странное нѣсколько впечатлѣніе послѣ шума и говора гуды. Около меня за маленькимъ станкомъ сгорбился старикъ въ очкахъ и, подставляя подъ зубчатое стальное колесо только-что доставленный стаканъ, выводитъ на немъ узоры. Хрусталь скрипитъ и стонетъ, колесо живо проедитъ на немъ матовыя полосы, въ то время какъ сверху падаетъ на него вода, облегчающая работу колеса.

— Плачетъ, больно ему! — добродушно повернулся къ намъ рабочий, откладывая въ сторону готовое уже стекло. — Ступай дыхай, да вымойся!

— Бому больно?

— А стакану. Ишь какъ нила въ него вѣдлась!

Взявъ другой стаканъ и опять сжалъ губы. Описать нельзя казавъ слова, потому что вниманіе при этомъ дѣлѣ требуется самое напряженное. Чуть зазѣвался, узоръ не вышелъ и ста-

нань—въ домъ тогда. Танихъ, какъ этотъ старикъ, пѣльня ридять. Все серьезные мастера; они и рабочици себя не считаютъ.

— Мы артисты!—попоянеть одинъ.—Наше дѣло—рисовать тутъ вкусъ нуженъ. Это—не ремесло.

— А что же?—переспросилъ я, изумленный: способомъ работы это.

— Искусство! Мы это по образцамъ дѣлаемъ пока, а случалось и по своей фантази. Знаете, такъ, какъ найдеть

— И выходить что-нибудь?

— Какже! Я и птичку могу на стаканѣ. Брылья распусти и летить, а подъ ней цвѣточекъ распустился, и бабочка, на цвѣточекъ съ лету держится... Какже не искусство, помилуйте! Природѣ подражаемъ. Возьмите теперь хоть бы пальмовый листъ. Отродясь я его не видалъ, а на стеклѣ дѣлаю. Лавры тоже. Либо собаку: лапу подняла и стоитъ. «Пиль» ждетъ!

Но эта работа исключительная. Обыкновенно дѣлаютъ по разцамъ сотнями. Есть узоры любимые, предпочтительно цѣнямые покупателями, на которые «они идутъ» точно рыба на живку. Между «артистами» этого рода есть очень молодые, да мальчижи. Тутъ нужна вѣрность глаза и нѣкоторое природное изящество. Уже готовые стаканы идутъ бабамъ, которыхъ моютъ, вытираютъ и укладываютъ для отсылки въ сельские магазины. Бабы, поддаваясь общему настроенію, тоже молча исполняютъ свою работу.

— Что же вы зарабатываете въ день?—обратился я къ старику въ очкахъ.

— Разно. Мы задѣльно получаемъ. Когда семьдесятъ копѣекъ, когда рубль. Стаканъ стакану рознь. За одинъ копѣекъ идетъ, а за другой и всѣ пять.

Есть зарабатывающіе въ мѣсяцъ по 25—30 рублей, се дѣло идетъ безъ прогуловъ; новички или манкирующіе своими обязанностями—по 18; «артисты», хорошо знающіе свое дѣло и привычкіе, получаютъ и всѣ 35 или 40 рублей. Это уже нѣкоторымъ образомъ аристократія заводскаго труда. Тутъ они въ сѣрыхъ армякахъ щеголяютъ, а въ праздники непременно въ черномъ сюртукѣ, какомъ-нибудь невозможно-яркомъ галстукѣ съ отчаянными разводами и непременно въ яркихъ резиновыхъ галошахъ, хотя бы на небѣ не было ни облачка, а земля окаялась сухою какъ камень. Лучшие изъ «артистовъ», оставивъ за ними это претенціозное названіе, — получаютъ работу, требующую

льшаго: вниманія и осторожности, и въ дорогомъ стоящемъ матеріалѣ. Дерзкими; напримѣръ, хрустальныя свѣчи, состоящія изъ скользящихъ слоевъ разноцвѣтныхъ, наложенныхъ цилиндрами другъ на другой, обрабатываются особо. Тутъ нужно шлифовальными камнями и шифами снимать одинъ слой по одному рисунку, другой по другому и самое дѣло требуетъ большаго навыка, потому вещь дорогая, а на одну линію промахнешься и все испорчено, а самую свѣчку «артистъ» просидитъ двое сутокъ и получитъ три рубля. Тутъ заработокъ доходитъ иногда до 45 рублей въ мѣсяцъ.

— Эта работа трудная! — похвально шлифовальницы съ сѣрю какъ луны бородой и совѣтъ босыми черепомъ. — На ней можно налягнуть надо. Хрусталь — толстый, равно-то не поддается. Ты еще поотѣй надъ нимъ, тогда онъ тебя послушаетъ. И лачется же подъ инструментомъ, — такъ плачется, такъ плачется, точно живой!

Наровая машина, приводящая въ движеніе всѣ эти станки, шлы, ремни, жолоба, всю эту воду, льющуюся сверху, мыть все громче и громче, инструментами визжать все пронзительнѣе и пронзительнѣе, ремни вверху точно предупреждаютъ возвѣщающіе шорохомъ своимъ, неосторожныхъ путниковъ не идти влѣбо, но мѣръ того, какъ мы подходимъ къ шлифовальницѣ, гдѣ работаютъ колеса изъ камней твердой породы. Тутъ стекло оретъ о-всю. Камни эти, быстро вращаемые ремнями, снимаютъ съ него цѣлыя полосы, дѣлаютъ грани. Потому, чтобъ эти грани не оставались матовыми, съ ними тоже возня не малая: нужно ихъ сгладить и отполировать ручною деревянною линейкой. При вѣдомъ мастерѣ баба. Мастеръ передаетъ ей готовые стаканы или другую какую-нибудь вещь. Баба чиститъ ее, маляруетъ, полируетъ, вообще — отдѣлываетъ. Каждый мастеръ является съ собою работницей и уже платитъ ей онъ. Въ то время, какъ мастеръ-шлифовальщикъ въ этомъ отдѣленіи получаетъ въ день 10 коп. и въ мѣсяцъ можетъ заработать отъ 20 до 26 руб., его дѣтяница получить отъ 4 до 9 рублей въ мѣсяцъ. Плата эта для женщины не считается здѣсь особенно низкою, тѣмъ болѣе, что женатые мастера являются сюда съ своими женами.

— У насъ здѣсь повтому какъ въ Новомъ ковчегѣ! — вѣщаетъ, улыбаясь, одинъ артистъ.

— То-есть?

— А все парами. Такъ парами приходимъ, парами и уходимъ.

Между шлифовальщицами есть очень красивые типы. Раскормленные, сильные женщины совсѣмъ не походятъ на тѣхъ выродившихся, истощенныхъ и чахлахъ бабъ съ мягинными брюхомъ и выраженіемъ какой-то туной покорности въ лицахъ которыхъ приходилось встрѣчать въ деревняхъ Смоленской и Бѣлужской губерній; гдѣ голодовки и безработица истощили население до послѣдней возможности.

Вонъ, напримѣръ, прекорощенная дѣвушка съ глубокими и глубокими глазами и цѣлою массой темныхъ волосъ на головѣ. Она сидитъ за станкомъ и держитъ стаканъ подъ пилой. Она тоже работаетъ съ мастеромъ суровымъ и несообщительнымъ, пощипающимся тутъ же. Дѣлаютъ одну и ту же работу оба.

— Что же, они по-ровну дѣлятся?

— Какъ возможно!... Онъ беретъ себѣ двадцать, а ей пять рублей въ мѣсяцъ.

— Почему же такъ?

— Она не можетъ ни колеса поставить, ни узора вырѣзать безъ него.

Полируютъ, выходяція изъ-подъ станка шаршавыми, гранями деревянными колесами, приводимыми въ движеніе тою же паровой машиной и тѣми же ременными приводами. Тутъ уже исключительно работаютъ бабы. Ни особаго умѣнья, ни силы для этого не надо. Изъ-подъ деревяннаго колеса грань выходитъ чистою и прозрачною. Дно у стакановъ шлифуется особо. За этихъ деломъ работаютъ пять мастеровъ и пятнадцать бабъ.

Еще одинъ этажъ, гдѣ почти исключительно работаютъ женщины.

— Тутъ все дѣвицы... При нихъ малость мастеровъ.

Дѣвицы весьма неказистыя, — настолько неказистыя, что рожденнаго прекраснаго Іосифа съ ними вовсе не представляется особеннаго затруднительнаго.

— Я думаю, строгость нравовъ здѣсь, какъ и на всѣхъ фабрикахъ, не особенная.

— Ну, это какъ... Эти себя соблюдаютъ. Онѣ, знаете, имѣютъ своихъ душевекъ, потому и замужъ за нихъ выходятъ, а такъ чтобы въ родѣ размывной монеты во всѣ руки, — не случается. Наша баба съ умомъ. Она шалитъ — шалитъ... Играется; — отъ чего ей не поиграть? — а только съ еглядной. Томе и ридителю у насъ не какъ у другихъ.

— А что?

— Брѣшко въ рукахъ держуть. Много воли не даютъ.

— Ну, вотъ, напримѣръ, мастера, которые съ женщинами работаютъ, неужто только одними встрѣчами здѣсь ограничиваются?

— Мастеру дать себѣ волю никакъ невозможно. Потому наша баба привязчивая, она его сейчасъ въ руки заберетъ и него ты съ нею, съ нашей бабой, не подблажнишь. Поженить на себѣ!... А впрочемъ мы въ ихнія дѣла не входимъ. Мы только здѣсь надзираемъ, а что послѣ работы, намъ дѣла нѣтъ.

— Еще бы!...

— Теперь, пожалуйста въ намъ въ матовню.

Матовней оназвалось отдѣленіе, гдѣ наводятъ на хрусталь матъ. Грохотъ здѣсь страшный; онъ просто глушитъ; не слышишь звука; видишь только, какъ онъ разбѣгаетъ ротъ. Какія-то невидимыя колеса грохочуть, что-то визжитъ у самаго уха, гдѣ-то грохочутъ какіе-то рычаги. Голова идетъ кругомъ.

Матовня — ящикъ. Туда бросаютъ пѣтуховъ, мальчиковъ съ коженными для молитвы руками и подогнутыми колѣнными, бабновъ, амуровъ, голубей, сидящихъ на яйцахъ, и таковыхъ же въ ящикъ, саркофаги, внутри которыхъ должно покоиться не что-нибудь какого-нибудь знаменитаго иностранца, а сливочное масло. Въ эти произведенія искусства постунаютъ въ матовню прозрачными какъ стекло, а выходятъ оттуда матовыми. Сильныя струи воздуха бьютъ въ ящикъ со всѣхъ сторонъ, при помощи паровой машины, съ такимъ визгомъ и грохотомъ, что свѣтлые амурь, чистота которыхъ видна насивозъ самому непрозрачному человеку, отъ ужаса покрываются матомъ. Молящіеся мальчики, тараны и пѣтухи тоже теряютъ свою дѣйственную прозрачность. Если надо навести матъ на одну какую-нибудь полосу или одно мѣсто, то вещь вставляется въ желѣзный футляръ, оставляя это мѣсто открытымъ. Есть матовня, куда вставляютъ приговореннаго къ казни ивбіенію, пескомъ младенца. Пова крышка открыта, младенецъ невредимъ; но какъ только крышка опускается, механизмъ, движетъ съ движеніемъ ея петель, начинаетъ дѣйствовать и сильная струя воздуха бьетъ вверху такъ, что самая незапятнанная вещь не выдержала бы и потеряла бы подъ всю немедленно свой блескъ и чистоту.

Отдѣльный корпусъ занятъ работами «на кругахъ», подтачивающихъ дна и края стакановъ. Тутъ работаютъ уже женщины. Имъ достается рублей по семи или восьми въ мѣсяць.

Всѣхъ ихъ въ этомъ отдѣленіи должно быть. Имъ подлагаетъ десять мастеровъ мужчинъ.

Осмотрѣвъ гуту и шлифовальни, мы, наконецъ, выбрались на воздухъ.

Позади гремѣли станки, визжали колеса, слышался шумъ паровой машины, за то передъ нами была тишина яркаго дня. Весна вступила въ свои права, снѣгъ уже стоялъ съ солоною корой, раннія птицы возились въ вѣтвяхъ березъ, на которыхъ уже показались красныя, словно налившіяся кровью, почки. Блѣдымъ тепломъ вѣяло съ юга. Направо на холмѣ бѣжалъ церковь была сплошь облита солнечными лучами. Гдѣ-то далеко, далеко пѣли нѣгухи, эти неустанныя фальцеты русской деревни. Вѣ стороны глухо падала вода изъ-подъ колеса какаго-то завода надъ прудомъ. Чистое небо разстилалось надъ нами, напоминая свѣжую синевую близкую отсюда Малороссію:

— Однако успокоиваться на лаврахъ нечего!

— А что?

— Да вѣдь мы еще стекляннаго магазина не видѣли.

— Пойдемте.

Магалинъ тутъ же не далеко. Онъ занимаетъ большой двухъ-этажный домъ изъ краснаго кирпича. Внизу владовая, гдѣ работаютъ дѣвочки, заворачивающія посуду въ солому. Принимаетъ ее у нихъ взрослый рабочий, укладывающій въ бочки для отправки все стекло, выработанное здѣсь. Этихъ бочекъ было безчисла. Онъ зарюмоздали всю владовую. Маленькія работницы дѣлали свое дѣло съ удивительно-серьезнымъ видомъ, хотя и тѣснились яркіе плаза то и дѣло забѣгали за окна, гдѣ сѣтилъ солнце и таялъ послѣдній снѣгъ.

— Что онъ получаютъ?

— О, имъ платятъ недурно. Отъ трехъ до пяти рублей могутъ добыть въ мѣсяцъ. Онъ у насъ совсѣмъ самостоятельный.

Для дѣтей это самая подходящая работа, не утомительная, не смущающая; воздуха и простора здѣсь вдоволь и видъ постоу, у нихъ очень здоровый. Я вспомнилъ встрѣченныхъ на другихъ заводахъ подростковъ, изголодавшихъ, плохо-одѣтыхъ, босыхъ. Какое же сравненіе съ этими!

На большихъ столахъ посуда ревизовалась. Малѣйшая царапина или пузырекъ въ стеклѣ — и вещь шла въ бракъ, который, смотря по тому, каковъ онъ, или идетъ опять въ дойницы стекловаренныхъ печей, или обрывается на свѣтлобѣ. Бракъ этотъ

тъ быть опредѣлены только ошентнымъ осмотромъ специалиста: и смотрѣли внимательно и ничего найти не могли. На верху все изданныя вещи и дорожныя. Бывшій со мною французъ, техникъ Гюмьеръ, пришелъ въ восторгъ отъ нихъ и не хотѣлъ вѣрить, что нѣкоторыя сдѣланы въ Россіи.

— Какая чистота хрустали, какое изищество! — пошлось онъ.

Старикъ Хабаровъ, управитель гуты, чуть не рогъ на моткъ радъ отъ этихъ похвалъ, когда я ему переводилъ ихъ.

Тутъ жетати будетъ привести въ заключеніе нѣсколько цифръ: Дядьковской хрустальной гуты работаетъ постоянно 1.435 черткъ, временно-«вспомогательныхъ» приходитъ 1.500 ч. Первые въ нихъ получаютъ въ годъ 162.778 руб., выработывая сыръ матеріалодъ 165.187 пуд., на 119.708 руб., изъ которыхъ ходитъ жидлій 8.252.275 штукъ, на 600.000 р. При этомъ играется дровъ ооло 5.000 кубр. саж., на 33.500 руб.

VI. Потѣзна въ Ивотъ.

Въ 13-ти верстахъ отъ Дядькова стоитъ деревня Ивотъ съ мальною фабрикой оконныхъ стеколъ, на которой работаетъ 430 штормыхъ и болѣе шестисотъ временныхъ работныхъ. Администрация Мальцовакаго товарищества уплачиваетъ имъ ежегодно 1.000 руб., причемъ общій оборотъ фабрики опредѣляется въ 50.000 руб. Въ Ивотъ ведетъ прекрасно содержимое шоссе. Мы ѣхали туда, когда первая вельень ушь поднялась въ поляхъ, ити деревья еще раскрылись и вѣтвая молодая листва еще только исправлялась въ весеннемъ тепломъ воздухѣ. Зиблмы и щелки вились въ вѣтвахъ. Ранній соловей завѣлъ: была, ко разомъ сорвался, — еще не было сумрака и тѣни для этого застѣничго поета. За то невѣдомо изъ какихъ деревень, вѣрно пратавшихъ въ лѣсу или притаившихся въ лощинѣ, весь путь насъ релѣдовало нахальное оранье пѣтуховъ, по-своему праздновавшихъ тепло и свѣтъ запоздавшей на этотъ разъ весны!

— Какъ хорошо! — невольно повторяли мы, прислушиваясь къ мядому, дѣтскому лепету и вѣтвей, въ предѣльныхъ освистываніяхъ и волги и ропоту ключей, упрямо державшихся подальше отъ солнца, въ лѣсной глуши и тѣни. Водъ подъ темною стѣной соснового старого бора съ горящими, словно на что-то нахмурившимися, ствѣлами и далеко вверхъ раскидывавши-

мися верхушками свергнули спокойныя воды какого-то озера тихія, сонныя. Казалось, онѣ боялись дрогнуть, чтобы не возмутить отразившаго въ ихъ глубинѣ голубаго, чистаго неба. Только изрѣдка, когда шаловливая рыбка, поднявшись поближе къ свѣту, схватывала мошку и, плеснувъ хвостомъ, уходила внизъ, но этому зеркалу бѣжали морщинки, серебрясь на солнцѣ. И оранье пѣтуховъ, и грохотъ нашего экипажа по твердому грунту шоссе, и топотъ копытъ застоявшихся наканунѣ лошадей—покрывалъ изрѣдка праздничный гулъ колоколовъ невидимыхъ церквей Густые, тягучіе звуки благовѣста разносились среди этого покойнаго царства лѣснаго, точно расплываясь между его молчаливыми великанами. Вотъ вдали блеснулъ рядъ каменныхъ и деревянныхъ домовъ довольно красиваго и чистаго села.

Съ нами былъ С. И. Мальцовъ. Каждый разъ онъ въ садикѣ беретъ мѣшки съ пряниками, обдѣляя ими дѣтей, со всѣхъ сторонъ сбѣгающихъ къ нему на встрѣчу съ криками: «дѣдушка, ура!» Мальцовъ куда-то вышелъ изъ экипажа, дѣтвора сбѣжалась и остановилась въ ожиданіи его.

— Эхъ, вы, ребятенки, ребятенки!—заговорилъ съ ними мальчикъ, который никакъ не можетъ опредѣлить, кого онъ любитъ больше—ребятъ или коней.

Дѣти сейчасъ запустили лапы въ ротъ и подошли поближе.

— А что, дѣдушка сегодня на ура много выдалъ?

— Много.

— Пряниковъ, значить, у него много запасено?

— Да, цѣлый мѣшокъ. Ишь, вонъ, въ экипажѣ мѣшокъ стоитъ.

Мальчики, косясь на меня и на бывшаго съ нами барона Рехеля, заглядываютъ внутрь.

— Васька, гля, мѣшокъ-отъ!

— Онъ самый. Ишь, какой!

— Бѣла-ай!

— А что, Васька, сколько въ ѡмъ, въ мѣшкѣ этомъ самокъ будетъ?

— Поди, двадцать.

— Эхъ, ты! Я такъ думаю, ста три, а?

— Можетъ и ста три, —безпрекословно согласился Васька.

— А можно ли съѣсть ста три?

— Я бы съѣлъ.

— Ловчай!... Такъ бы тебѣ и дали одному.

— Отчего, ежели бы да момъ были?

— Откуда это?

— А мамка бы напекла. Сейчас бы я съ ними въ лѣсъ и гу ѣсть.

— Одинъ бы и поволокъ?

— Нѣтъ, я бы Кузьку да Семку взялъ, чтобы сторожили.

— Сторожить бы зачѣмъ?

— А вы бы у меня отняли. Я васъ знаю, какіе вы.

— А вотъ бы и не отняли.

— Анъ, отняли. А Семка бы васъ за волосы.

— Мы тебя сами...

Неизвѣстно, къ чему бы привели эти дипломатическіе переговоры, еслибы вдали не показался Мальцовъ.

— Дѣдушка, ура! Сергѣй Ивановичъ, ура!—подкатились они ему подъ ноги.

— Ура, дѣдушка!

— Уля! — бѣжалъ со всѣхъ ногъ сзади, зажмурясь и разставивъ толстыя ручонки, какой-то бутузъ, очевидно безъ всякой вѣры въ возможность получения пряника, а такъ, для исполненія необходимаго, по его мнѣнію, обряда.

Бабы—тѣ пуще дѣтей на пряники бросаются, опрометью, стремглавъ. Раскраснѣются ярче лумача. Кажется, вотъ-вотъ подъ колеса сейчасъ.

— Вы-то чего, вѣдь большія!—унимаютъ ихъ.

— Ишь ты... большія... Сладкаго-то и намъ хойца... Большія! У меня вонъ ребяточки дома,—я имъ снесу.

— Вреть Матреха, сама съѣсть!—обличаютъ ее другія.

— И сама съѣмъ!... Все одно.

По обѣ стороны лѣсъ пошелъ удивительный. Кажется, у самыхъ заводовъ ѣдемъ, а лѣса цѣлы. Какъ это ухитрились здѣсь сохранить ихъ! Именно тутъ-то, въ краѣ, гдѣ горячка лѣвоистребленія и до сихъ поръ еще продолжается съ такимъ ожесточеніемъ, съ канимъ едва ли вѣрные католики уничтожали гугенотовъ въ Варооломеевскую ночь. Варооломеевская ночь русскаго лѣса, кажется, дотянется до тѣхъ поръ, пока уже нечего будетъ рубить. Знаменитыя около Брыни брыносіе лѣса изведены совсѣмъ. На мѣстѣ ихъ пустырь да чахлыя; жалкія нивы стоятъ. Тѣмъ болѣе чести этому краю, сдумѣвшему вести свое заводское дѣло такъ, что всѣ эти зеленныя пустыни и до сихъ поръ манять васъ въ свою свѣжую глушь.

— Прежде у меня было тутъ 10.000 мачтовыхъ деревьевъ Сокровище! Шапка валилась, когда бывало смотришь на нихъ,—говорить Мальцовъ.

— Куда же они дѣлись?

— Долго я держался,—думалъ, что для черноморскаго флота понадобятся. Штиглицъ прѣзжалъ, миллионы давалъ за нихъ,—не отдалъ. Хотѣлъ Россіи послужить, а тутъ, послѣ Севастопольской кампаніи, флоту конецъ пришелъ. Что было дѣлать? Портиться ужъ стали наконецъ, внизу загнивали, я и срубилъ ихъ.

— Сколько лѣтъ эти заводы стоятъ у васъ?

— Стекланные сто лѣтъ.

— Какъ же удалось вамъ лѣса сберечь?

— Очень просто: мы рубили съ толкомъ. Пока одно рубили другое выростало. И на сторонѣ покупали топливо для заводовъ чтобы своего не тратить.

Вообще, во всемъ и вездѣ видна опытная и твердая хозяйская рука. Несмотря на то, что къ Ивоту и дальше строится желѣзная дорога, шоссе продолжаютъ поддерживать гравіемъ или фюфатомъ. Прѣзжавшіе здѣсь въ распутицу весною не нахвалялись дорогой. Интересно, въ какомъ бы видѣ была она въ казенномъ управленіи... Во всемъ и вездѣ видны оригинальныя усовершенствованія. Телѣга встрѣтится: присмотритесь къ ней и—замѣтите что колеса ея особаго устройства. Деготь заливается разъ и недѣлю и снять ихъ нельзя, такъ какъ они сдѣланы нераздѣльно отъ своихъ осей.

— У насъ все такъ! — гудитъ басъ рабочаго Слюосарева взятаго вмѣстѣ съ нами въ Ивотъ.

— Что все?

— У насъ все по-особому, по-своему. Сколько мы это дѣлали ствовали...

Точно изъ пустой бочки несутся звуки изъ этого замѣчательнаго горла. Слюосаревъ не только рабочій, онъ и пѣвчій—перваздѣшняя октава. Слюосаревъ гордится этимъ гораздо больше, чѣмъ какой-нибудь сенъ-домингскій генералъ своимъ пѣтушнымъ муцидиромъ.

— У меня голосъ былъ прежде,—баситъ онъ.—Самъ архіерей удивлялся. Этакое, говорить, баса—невозможно.

— У твоего сына, говорятъ, хорошій голосъ.

— Да... Ну, да что!... У нынѣшнихъ какіе голоса. У нихъ это такъ, баловство одно.

— Однако.

— Ну-ка, пусть онъ «и всемогущу» возьметъ. Нужно какъ, чтобы стекло какое около — въ дребезги. А нынѣшніе этого не могутъ. Помилуйте, и архіерей говоритъ: «у тебя, Слюосаревъ, возможно».

Опять лѣсъ, опять молчаніе. Точно эти безмолвныя сосны вѣваютъ на душу какое-то особенное благоговѣніе. Словно между колоннами церкви стоишь среди этихъ деревьевъ.

— Скоту плохо! — слышится въ сторонѣ басъ Слюосарева, изводящій васъ изъ «храма» прямо въ будничную обстановку.

— А что?—спрашиваетъ Мальцовъ.

— Очень плохо... и даже совсѣмъ невозможно.

— Да, знаю, знаю. Громадный запасъ былъ, а весь вышелъ. Помогали крестьянамъ,—теперь сами остались на бобахъ. Поздняя весна.

— Ржавую солому, которая...

— Ну?

— Опаришь випяткомъ — ѣсть... Скоту-то ѣсть дають... Жмачку тоже.

Жмачка—это выжимки изъ конопля во время выдѣлки масла.

— Жмачку въ голодные годы и люди ѣли.

— Хорошо!—баситъ рабочій.

— Что хорошо?

— Очинно даже прекрасно... жмачка эта самая... Въ сороковомъ году мы ее съ мукой мѣшали... Рубль цѣна тогда хлѣбу была.

— Нынче хуже;—до рубля семидесяти доѣхало.

— Да, это точно... Провиженіе.

Лѣса прошли немного въ сторону. Вонъ громадный Ивотскій заводъ, замоченный, весь въ балочныхъ переборахъ. Внутри ряды стелловаренныхъ печей, въ устьяхъ свѣтится стеклянный кисель. Снизу слышится трескъ дровъ. Въ гутѣ нивого нѣтъ. Сегодня праздникъ и народъ весь отдыхаетъ. Газъ, проведенный отъ дровяныхъ печей снизу въ сварочныя печи, горитъ въ нихъ бѣлымъ огнемъ. Полъ весь усыпанъ осколками стекла. Вонъ какой-то варень босикомъ бѣжитъ черезъ пустую гуту. Какую кожу нужно шить на ногахъ, чтобы выдержать это!

— Что это онъ, босикомъ?

— Это не нашъ... Пришелъ работы просить,—ну, мы его и взяли. Пуцай кормится.

Стекло, устлавшее полъ, поблескиваетъ отъ сумрачныхъ сумеречныхъ лучей, едва-едва проникающихъ сюда съвозъ бамбровъ. Въ ихъ сумракѣ затѣяли возню воробьи.

— Ишь, подлые! — злятся на нихъ Слюосаревъ.

— А тебѣ что?

— Помилюйте, — гудитъ онъ, — безпорядки!

Ивотская фабрика оконныхъ стеколъ основана, семьдесятъ пять лѣтъ тому назадъ, въ Чернытенской дачѣ, на рѣчкѣ Ивотъ. Въ теченіе этого времени дѣло здѣсь такъ расширилось, что январь, еще въ 1865 году здѣсь работало только 80 человекъ, а теперь ихъ всѣхъ, считая съ вспомогательными рабочими, около тысячи. Каждый изъ мастеровъ въ теченіе двѣнадцати часовъ работы выдуваетъ изъ жидкаго стекла до 100 цилиндровъ или, какъ здѣсь говорятъ, коляевъ. Эти цилиндры помещаются въ печь для прокаливанія. Прокаливъ, цилиндръ разрѣзаютъ и переносятъ въ распускную печь, въ которой отъ нагрѣванія онъ развертывается и обращается въ листъ. Потомъ его для постепеннаго охлажденія переводятъ въ другія печи.

Не успѣли мы еще пройти гуту, какъ со всѣхъ сторонъ обѣжался народъ.

Началась своеобразная бесѣда.

— Хлѣба мало... Совсѣмъ извелись... Ни самимъ, ни скоту.

— Это, братцы, ужь сдѣлано. Хлѣбъ вамъ выдадутъ. Какъ это можно, чтобъ у своихъ хлѣба не было!

— Это не свои, — виѣшался управляющій.

— А какіе же?

— Со всѣхъ сторонъ народъ валомъ валить. Вездѣ закрываются фабрики или уменьшается производство.

— Да какъ же я за чужіе грѣхи долженъ платиться? У насъ своихъ рабочихъ сто тысячъ, а тоже дѣло плохо, нѣтъ заказовъ. Нужно уменьшить и сократить дѣло. Что же съ вами-то и дѣлать?

— Будьте благодарными. Вамъ Господь...

— Да вѣдь, братцы, ну съ чужихъ фабрикъ еще тысячъ нѣсколько распусать и всё же имѣя придутъ? Тогда вѣдь у насъ и для своихъ не хватитъ.

Началось моленіе о хлѣбѣ.

— Что тутъ дѣлать? Вижу самъ, нужда настоящая. Да не милостыню, а работы просятъ.

— Дѣтокъ жалко... Дѣтки не ѣвши, — вскликиваетъ чей-то голосъ.

— Ну, братцы, ладно. Бакъ-нибудь до неваго хлѣба про-
ржнися. Такъ я васъ не оставлю. Общая тягота. Другъ за
руга, а Богъ за всѣхъ... Что дѣлать, ребята, чужіе отбиваютъ
насъ всѣ заработки!...

— Пока ты съ нами,— не помремь!

— Ну, ладно, ладно.

Въ Ивотѣ прекрасная церковь. Огна и во всѣхъ церквахъ
коностасы здѣсь изъ дядьковскаго хрустала. Они чрезвычайно
эффектны, а въ Ивотской церкви престолъ устроенъ изъ такого
стекла съ украшеніями, и рѣзьба почти художественна. Всѣ
пошли въ церковь; я зашелъ туда тоже. По селу не видать
бѣдныхъ; въ церкви стоялъ народъ чисто одѣтый, не мало было
черныхъ суконныхъ скуртуковъ. Зарботки въ Ивотѣ нѣсколько
льше, чѣмъ въ Дядьковѣ. Чернорабочій получаетъ здѣсь до 15
руб. въ мѣсяць, а на хозяйскихъ харчахъ—10; выдувальщикъ-
мастеръ—отъ 25 до 40 р.; смотря по тому, сколько стеколъ онъ
дѣлаетъ. Мастера такого рода всѣ на своемъ содержаніи. Под-
метки зарабатываютъ отъ 3 до 5 руб. Поденная плата слу-
чайнымъ рабочимъ рассчитывается отъ 35 до 65 коп. на своихъ
харчахъ. Варщики, разгибальщики, рѣзчики и прокатывальщики—
отъ 20 до 25 р. Женщины (большая странность) зарабатываютъ
здѣсь наравнѣ съ мужчинами—отъ 25 до 30 руб. Самый послѣд-
ній разрядъ чернорабочихъ на конторскомъ содержаніи получаетъ
каждый по 6 р. въ мѣсяць.

— Просто не знаемъ, что дѣлать съ рабочими, — задумы-
вается управляющій.

— А что?

— Да видѣли сами, какая толпа привадила! Изъ Могилев-
ской губерніи приходятъ: и тамъ работы остановились, заводы
закрыты! И наши оскудѣли тоже за послѣднее время. Очень
мало дѣлежи ихъ раззорили. Пога старики жижи—и семьи держа-
лись. А теперъ до чего дошло, можете себѣ представить: въ од-
ной хатѣ приходится служить четыре модебна, потому что че-
тыре семьи здѣсь и каждая знать не хочетъ другую. Богъ зна-
тъ, до чего дошло! А тутъ еще хлѣба мало. Можно бы коней
выгнать на работу, да отъ безкормицы они такъ ослабѣли, что
любой крайней мѣрѣ недѣли три пройдетъ прежде, чѣмъ они будутъ
туда-нибудь годны. Всѣ молодые побѣги ельника побѣзли, кору
бьютъ!

Коней этихъ я видѣлъ здѣсь: съ ногъ валятся; шерсть клочьями; гдѣ какъ войлокъ сбилась, гдѣ совѣмъ ео шкуры слѣзъ чуть-чуть переступаютъ нога за ногу. За то остроено это все чудесно. Большія избы, между ними много каменныхъ домовъ, выстроенныхъ наиболѣе выдѣланными своею исправностію рабочими. Имъ хозяинъ подарилъ кирпичъ на стройку, а другіе дѣль на избы. И какой дѣль пошелъ на это дѣло — крупный дѣль!... На улицахъ — бабы въ яркихъ костюмахъ и платочкахъ и парни, довольно прилично одѣтые. Встрѣчаются въ лаптяхъ оборванные: это — пришлые, ищущіе куда бы пріютиться, гдѣ бы найдти работу.

— Что тутъ дѣлать?! — раздумываютъ здѣсь. — Вѣдь въ милостыни просить, а навалило тысячъ сорокъ народу и одно только хотять — работы. А работы нѣтъ. Нужно что-нибудь придумать для нихъ.

— Ко мнѣ милости просимъ! — обратился къ намъ молодой священникъ интеллигентной наружности. — На новоселье.

Новенькій домикъ его совѣмъ съ иголочки, уютный, красивый. Внутри сосной пахнетъ. Нигдѣ пылинки нѣтъ. Чистенькіе коврики, приличная мебель, пианино, гардины на окнахъ, довольно цѣнная лампа, какія-то книги въ углу, на столахъ шитыя шелкомъ салфетки. Выглянула-было молоденькая красавица-жена, спряталась опять. Она была тоже въ здѣшнемъ мундирѣ-сарфанѣ, хотя изъ довольно дорогой матеріи.

— Вы ее простите. Она у меня степнячка. Застѣнчивая еще.

Упросили ее выйти. Совѣмъ растерялась, покраснѣла какъ маковъ цвѣтъ. Вошли двое большихъ гимназистовъ-классиковъ.

— Ваши родственники? — спрашиваю у священника.

— Нѣтъ. Это сыновья здѣшняго крестьянина, управляющаго гутою.

Всѣ управляющіе заводами — изъ крестьянъ. Они выросли въ глазахъ; другихъ сюда не берутъ вовсе. Дѣти ихъ уже учатся въ университетахъ и гимназіяхъ. Каждый изъ отцовъ здѣсь старается дать имъ какъ можно болѣе образованія. Дочери тоже учатся въ городахъ въ женскихъ гимназіяхъ или пансіонатахъ такъ что лѣтъ черезъ десять въ эту, пока еще темную, русскую Америку войдутъ массы свѣжаго, развитаго и умнаго молодого народа, который, разумѣется, съумѣетъ придать краю болѣе привлекательности и силы. Даже простые рабочіе — и тѣ охотно посылаютъ своихъ дѣтей въ школы. Разумѣется, встрѣчаются

другіе примѣры. Разъ является, напримѣръ, къ одному изъ управляющихъ мальчишка.

— Чего тебѣ?

— Въ школу хочу.

— Чудесно. Ну, ходи,—я скажу.

— А сколько вы мнѣ положите?

— Какъ это, сколько?

— Поденно, либо въ мѣсяць.

Управляющій расхохотался.

— Пожалуй, кормить тебя будемъ.

— Изъ-за харчей однихъ учиться не стану!

Съ тѣмъ и пошелъ себѣ обратно.

На другой день, когда начались работы въ гутѣ, я отправился туда. Пришлось попасть въ амбаръ; тамъ все было заставлено цилиндрами бемскаго стекла. Нѣкоторые были выше другихъ, встрѣчались и болѣе. При каждомъ нашемъ шагѣ эти цилиндры вздрагивали и звенѣли, точно по нимъ пробѣгалъ легкій вѣтеръ, будя какія-то необычайно пріятные звуки. Для развѣтки этихъ стеколъ тоже придумано особое приспособленіе. Громадная круглая печь, въ которой движется большой кругъ при помощи скрытаго механизма. Громадный цилиндръ бемскаго стекла, предварительно накалившійся, разрѣзываютъ и кладутъ плашмя на движущійся кругъ въ одно устье печи. Кругъ, вращаясь, медленно продвигаетъ его къ другому устью. Въ это время отъ жару цилиндръ развѣтывается и образуетъ листъ, но еще коробящійся, шероховатый. Тогда особеннымъ инструментовъ (мягкимъ брускомъ, прижатымъ къ длинной ручкѣ) мужикъ разглаживаетъ его въ ленту же. Изъ-подъ бруска сыплются красныя и золотыя искры; стекло шипитъ, точно злится на операцію, которой его подвергали. Когда оно окончательно распрямится, его или оставляютъ цѣлымъ, или разрѣзаютъ на части.

Кучи дѣтей нутаются подъ ногами, есть и неработающіе,— много въ гутѣ просторно и весело. Что воробьи наверху между балками крыши, то и они внизу. Замѣчательно красивыя бабы тутъ же около своихъ мужей, нѣкоторыя даже съ грудными малютками на рукахъ. Все это придаетъ гутѣ совсѣмъ особый отпечатокъ—чего-то семейнаго, ничего не имѣющаго общаго съ фабрикой и заводомъ.

— Что значитъ гута?

— Отъ нѣмецкаго Gut—стеклянный заводъ.

Такъ это и осталось. Такъ и престыяне зовуть свои фабрики.

Когда мы возвращались назадъ, подъ теплымъ дождемъ, шедшимъ накануне, пышно распустившаяся зелень слегка колыхалась отъ теплаго южнаго вѣтра. Иволги пересвистывались въ лѣсахъ, задорно пѣли синицы. Дивные сосновые боры опять обступали насъ отовсюду, точно хотѣли захватить въ свое сильное, тихое, заколдованное царство.

Вечеромъ смѣлѣе соловей пѣлъ свою задумчивую пѣсню; отъ куда-то издалека доносился красивый и звучный женскій голосъ.

VII. Знеберъ.

Знеберъ—царство бутылокъ. Если вы спросите крестьянина отсюда, чѣмъ онъ живетъ:

— Мы бутылкой живемъ!—отвѣтитъ онъ вамъ.—Намъ безъ бутылки помирать надо. Тутъ, другъ, во какъ... вся округа бутылкой питается.

И дѣйствительно, Знеберскій заводъ вырабатываетъ въ годъ до двухъ миллионъ бутылокъ.

Тотъ же лѣсъ по обѣимъ сторонамъ: густой, красивый, вырощенный на волѣ безъ топора и безъ пилы. Старая дорога углубляется въ самую чащу, гдѣ слышится только меланхолическое посвистываніе иволги, да крики неутомимыхъ синицъ.

— Последнее время путь этотъ доживаетъ... И пора ему на покой,—много послужилъ онъ.

— Развѣ будетъ другая дорога?

— Узкоколейную желѣзную строимъ. Нужно поднять производительность этой мѣстности, а то заграничная бутылка начинаетъ вытѣснять. Какъ удешивится путь, тогда мы поборемся.

На этотъ районъ удивительное вліяніе имѣли маленькія чугунки—первый примѣръ у частныхъ людей въ Россіи. Узкоколейныя чугунки мѣстнаго типа обходятся отъ 7 до 9.000 р. за версту и требуютъ самыхъ ничтожныхъ цифръ на свою эксплуатацію.

Въ Знеберъ такая же дорога окончится къ зимѣ. Она тоже пройдетъ этимъ тѣнистымъ, этимъ свѣжимъ и крѣпкимъ лѣсомъ.

Черезъ два или три часа вдали мелькнули старыя постройки. Громадная гута, очевидно давно невавшая ремонта, вырѣзалась на свѣтломъ фонѣ яснаго неба всеми своими горбами и неугложими кровлями. Дѣтвора сбѣжалась кругомъ намъ на

стрѣчу и сплошною стѣной стала, тараща глаза на давно невиданныхъ посѣтителей. Внутри гуты прохладный сумракъ, точно въ подземелье вошли какое-то. Подъ ногами хрустятъ обломки стекла. Кучи золы по сторонамъ. Цѣлыя стаи воробьевъ разозились кругомъ. Длинная печь безъ дойницы, точно открытый археологами древній саркофагъ, по срединѣ; въ одинъ общій резервуаръ ея, когда мы входили, сыпали обломки старыхъ бутылокъ. Шумъ стекла на минуту покрылъ и дѣтскіе крики, и громкое, нахальное оранье воробьевъ, и говоръ толпы рабочихъ, стоявшихъ въ сторонѣ. Разгорѣвшіеся любопытные дѣтскіе глаза топливо высматриваютъ насъ, точно боясь, что вотъ-вотъ мы исчезнемъ въ одно мгновеніе ока. Сверху широкая полоса свѣта прорвалась въ дыру, оказавшуюся между балками кровли, и прямо ложится внутри гуты, выхватывая изъ окружающаго сумрака маленькую дѣвочку въ кумачномъ сарафанчикѣ съ большими полуиспуганными глазами и цѣлымъ ворохомъ бѣлокурыхъ волосъ на головѣ. Носъ весь у нея въ сажѣ, пальцы тоже. Одинъ какъ былъ въ носу, такъ и остался.

— Здравствуй, Сандрильона!— обернулся я къ ней.

Вспыхнула, покраснѣла, посмотрѣла на подругъ и медленно отступила назадъ въ сумракъ. Теперь яркій лучъ сверху игралъ только на осколкахъ стекла, да на сѣрой массѣ саркофага, гдѣ варилась бутылочная масса. Въ другую сиважину кровли скоро уже прорвались солнечные лучи, точно золотыя нитки протянувшіяся внутрь, но они пропадаютъ не дойдя до полу, точно боясь этой тьмы, не осиливаютъ ея. Вотъ навалила толпа зеберскихъ бабъ. Всѣ въ яркихъ костюмахъ: желтые съ краснымъ и зеленымъ. Одна стала подъ широкую полосу свѣта—точно загорѣлась вся.

Когда - то всѣ одѣвались такъ. Теперь только въ деревняхъ, которыя подалше, еще остались эти костюмы. Остальныхъ одолеваетъ страсть къ отвратительному однообразію неулыбачаго городского костюма.

А между тѣмъ въ этой оригинальной яркости красокъ, въ самыхъ неожиданныхъ сочетаніяхъ ихъ, всѣ женщины казались красивыми. Какъ это не хватаетъ у людей вкуса одѣваться не какъ принято, а какъ лучше. Похожій на это платье, костюмъ поселенцевъ южной Франціи—въ Арлѣ удержался до сихъ поръ. Его не могли осилить ни мода, ни нивелированные вкусы гальскаго мѣщанства. У насъ, къ сожалѣнію, на этотъ счетъ поподатливѣе.

На нѣкоторыхъ изъ здѣшнихъ бабъ были даже нашиты позументы, какъ жаръ горѣвшіе подь солнцемъ. Гдѣ было освѣтлѣна, случайно посмотрѣвъ вверху, увидѣлъ балки кровли, сплошь облѣпленныя гнѣздами.

— Что это у васъ,—неужели воробы?

— Да, они тутъ птенцовъ страсть сколько выводятъ. Сама гутѣнская птица. Они очень дымъ этотъ любятъ. Безъ нихъ бы и работать скучнѣе было.

— Не успѣлъ я отойти, какъ позади послышался плачь. Смотрю какая-то баба бросилась въ ноги хозяину.

— Что ты, что ты!... Это, матушка, передъ Богомъ только.

— Отецъ родной, помоги! Двое дѣтей остались. Ъсть нечего.

— Хабаровы!... Дѣйствительно нуждается?

— Да.

— А паекъ ей выдаютъ?

— Ея мужъ не у насъ работалъ.

— Назначь ей. Пускай кормится съ дѣтьми, пока выростутъ. Избу дай, если плоха. Мальчики подымутся, работники будутъ.

Здѣшняя печь, изобрѣтенная на мѣстѣ, становится недостаточною.

Французская бутылка въ Одессѣ вытѣснила здѣшнюю. Русская лучше качествомъ, но дороже, тогда какъ французская дешевле. Тамъ изъ печи заразъ вынимаютъ 20.000, а у насъ только 6.500 бутылокъ. Да кромѣ того наши желѣзные дороги такъ небрежно обращаются со своимъ стекломъ, что зачастую вмѣсто бутылокъ привозятъ одинъ бой. И воровства вдоволь.

— Вы знаете, иной разъ посылаешь машину, такъ на желѣзной дорогѣ ухитрятся части ея украсть. Заказчикъ получаетъ и, разумѣется, винить заводы. Приходится досылать второй разъ.

— А взискать нельзя?

— Съ желѣзныхъ дорогъ-то?

— Да.

— Вы, батюшка, откуда?... Съ ними никакой управы нѣтъ. Дѣлаютъ, что хотятъ.

Сюда мы привезли съ собой выписаннаго изъ Франціи заводчика Гюитъера. Онъ долженъ былъ перестроить печь. Съ нимъ и съ рабочими устроили родъ военного совѣта. Рабочимъ пероводилось то, что говорилъ французъ, а рабочіе вставляли свои очень дѣльные замѣчанія. Услышавъ совѣтъ непонятные звуки, дѣтвора зажевелилась во всѣхъ щеляхъ, куда было попряталась.

— Ну, какой онъ?—слышится изъ одной щели.

— Дайте, братчины, послушаемъ. Ишь какъ дѣдушка на всѣхъ языкахъ можетъ,—слышится въ другой.

Точно тараханы переговариваются. Одинъ даже не могъ совладать съ любопытствомъ, вытолвъ, пробрался въ толпу, сталъ передъ носомъ Гюитьера, вылупилъ на него глаза и точно въ ротъ ему вскочить желаетъ. Гюитьеръ между прочимъ взялъ его за носъ. Изумленного мальчишку и это не остановило, онъ даже не перевелъ взгляда съ губъ француза.

— Что, Монья, чудно?—слышалось потомъ.

— Ужь какъ чудесно!

— Что-жь, ты видалъ, какъ ёнъ балакаетъ?

— Ёнъ балакаетъ по-своему... Языкъ его все больше по щеки ходить.

— Ты видалъ?

— Видалъ... Онъ ротъ откроетъ, а языкъ у его сичасъ въ щеку урется.

— Оттого онъ и баетъ такъ.

— У насъ, братъ, Монья смѣлый. Ёнъ до всего дойдетъ.

— Ёнъ французъ не страшный. Меня перстами за носъ взялъ.

— Ну?

— Не больно. Я стоялъ.

— А ты бы у яво пряниковъ попросилъ!—слышится практической совѣтъ со стороны.—У яво карманъ-то вишь какъ вылятился, должно-быть пряники въ ёмъ.

— Скажите,—обратился я къ одному изъ рабочихъ потолковѣе,—если рабочий умретъ здѣсь, что дается его семьѣ?

Оказалось, что семья ихъ обезпечивается всѣмъ, пона дѣти не подростутъ и не будутъ въ состояннн работать сами. Даже женщины, если заболѣетъ на работѣ, какъ бы ни была молода, выдается по ея смерть хлѣбъ, масло, соль и по 60 коп. въ мѣсяць. Сверхъ того за нее подушные платить тоже заводъ.

— Хата у меня развалилась вся!—является одна изъ этихъ пансионеровъ.

Посмотрѣли: дѣйствительно, ветха.

— Сколько новыхъ построено?

— Десять пока, но мы еще строимъ.

— Перевести ее въ новую.

Новая изба, куда ее перевели съ семьей, считается уже подаренной ей. Она—полная хозяйка. Ежегодно здѣсь строится по

нѣскольку десятковъ такихъ домиковъ для рабочихъ и для ихъ семей. Вообще на меня произвела весьма отрадное впечатлѣніе та заботливость о судьбѣ рабочаго, которая тутъ замѣчается повсюду. Что-то совсѣмъ уже непохожее на другія заводскія мѣста. Въ каждомъ заводѣ побольше есть врачъ и госпиталь, въ которомъ число проваторей—отъ 10 до 50, смотря по необходимости. Провизоръ живетъ въ Дядьковѣ. Въ Людиновѣ и Дядьковѣ находятся большія аптеки. Въ самыхъ маленькихъ больницахъ имѣются фельдшера и маленькія аптеки. Въ нѣкоторыхъ есть и сидѣлки. Содержаніе больницъ и аптекъ обходится въ 35—40.000 руб. Жалованье врачамъ полагается при готовой квартирѣ, отопленіи, освѣщеніи и лошадахъ для разъѣздовъ отъ 1.000 до 1.500 р. и фельдшерамъ отъ 200 до 300 р. въ годъ. Фармацевту полагается около 600 руб. Населеніе къ больницамъ питаетъ большое довѣріе. Чуть что, идутъ туда и лѣчатся. Но что меня поразило здѣсь, также какъ вѣрно поразить и тѣхъ, кто по моимъ слѣдамъ пріѣдетъ сюда, это—незначительный процентъ больныхъ. Ихъ не видно между населеніемъ. Обстоятельство, свидѣтельствующее, что условія работы здѣсь, сравнительно разумѣется съ другими заводами, не особенно тяжелыя.

Въ Знеберѣ къ зимѣ является изъ чужихъ селъ масса народа. Все это—голодное, оборванное, съ голодными семьями. Дѣваться не куда.

— Дѣти пропадаютъ совсѣмъ. «Вѣсть нечего,—помогите».

— Что-жь вы тутъ дѣлаете?

— Ну, и беремъ, кормимся до лѣта. А ужь свои чуть гдѣ нуждаются, тѣ ужь идутъ прямо, требуютъ какъ должнаго!

— Сколько у васъ здѣсь постоянныхъ рабочихъ?

— Двѣсти, да вспомогательныхъ шестьдесятъ, не считая дѣтей.

— А этихъ?

— Не сочтешь... Туча цѣлая работаетъ. У насъ ихъ безъ счета.

— Наша баба страсть какъ плодлива.

— Плодливѣе бабы нѣтъ, что ужь! Инь ихъ сколько бѣгаютъ-то, мелюзги этой! Сегодня столько, а завтра иначе—не сочтешь!

Дѣти дѣйствительно около обжигальной печи подымали цѣлыя тучи пыли, босыми ногами бѣгали они по осколкамъ стекла.

— Не обрѣзываются?

— Привыкли, ничего. Мы сами всё съ измалѣтства по стеклу ходимъ и стекломъ живемъ!

Стекло въ большомъ резервуарѣ варится отъ 14 до 18 часовъ, затѣмъ въ теченіе семи часовъ изъ него выдувають разомъ 6.500 бутылокъ. При этомъ заработки совсѣмъ различны съ Дядьковымъ и Ивотомъ. Мастера здѣсь получаютъ отъ 28 до 30 руб. въ мѣсяцъ на своихъ харчахъ, а рабочіе отъ 6 до 10 руб. на хозяйскомъ содержаніи, также какъ и дѣти, которымъ сверхъ того уплачиваютъ отъ 2 до 3 руб. въ мѣсяцъ. Недалеко отсюда другой такой же заводъ, Старь, но мы туда уже не поѣхали, — слишкомъ уже было довольно знакомиться съ стекляннымъ дѣломъ.

Когда мы ѣхали назадъ, набѣжала тучка и прыснуло на насъ теплымъ весеннимъ дождемъ.

— Слава Богу! — закрестились кругомъ. — Теперь трава подымется чудесная.

— Жука, важется, выростятъ много! — озобоченно говорить кто-то.

— Жукъ... Это точно... Онъ подлый! — гудитъ басъ Слюосарева.

— Нивамъ этотъ дождь — чудесно. Боль холодъ еще держится въ землѣ, весь его выпаритъ.

— Хлѣбу, точно, хорошо! — баситъ Слюосаревъ.

А тучка уже была далеко, далеко и яркое солнце свѣтило прямо въ глубь зеленого, яркаго лѣса.

В. Немировичъ-Данченко.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

Государство и самоуправленіе.

(ИСТОРИКО-ЮРИДИЧЕСКІЕ ОЧЕРКИ.)

«Ich werde glauben, nichtumsonst gelebt zu haben, wenn mir gelingt, auch nur Einem oder Zweien für Freiheit und Recht zu erwirken, oder in der von selbst dahin gehenden Richtung zu bekräftigen».

Rottke

Въ тяжелое время, нами переживаемое, съ особенною ясностью выступаютъ экономическіе вопросы, требуя неотложнаго рѣшенія. Очевидность народной нужды возбуждаетъ долго дремавшее чувство справедливости и подсказываетъ требованіе коренныхъ преобразованій въ строѣ народнаго хозяйства. Въ ширь и въ глубину развивающееся изученіе народнаго быта проясняетъ общественное самосознаніе, а земское начальное училище будитъ это самосознаніе въ русскомъ крестьянствѣ. Но много времени пропало даромъ, и весьма понятная тревога за ближайшее будущее охватываетъ образованнаго человѣка.

Вторая половина нашего вѣка отличается, какъ извѣстно, весьма положительнымъ направленіемъ во всѣхъ отношеніяхъ. Въ области общественныхъ наукъ историко-сравнительный и статистическій приемы изученія почти изгнали теоретическую работу мысли, и факты начали побуждать ученаго, который не въ состояніи овладѣть ими, охватить ихъ идеею и идти дальше, въ свѣтъ этой идеи. На отвлеченную мысль наброшена сильная тѣнь, и въ глазахъ многихъ она является синонимомъ произвольныхъ выводовъ или пустой игрою ума. Мнѣ приходилось уже высказывать въ печати, что такое направленіе отличается вредною односторонностью. «Наука не должна быть глуха къ запросамъ жизни. Многообразные идеалы общезитія, горячо защищаемыя

оспариваемые принципы политическаго устройства, — говорилъ въ одной изъ своихъ статей, — должны быть подвергнуты оцѣнкѣ, свѣрены съ исторіей» *), потому что «только историческое было бы слѣпо, а только идеальное — пусто» **).

Если читатель раздѣляетъ эту основную мысль очерковъ, то въ согласіи съ необходимостью ознакомиться со взглядами некоторыхъ писателей по государственнымъ наукамъ, которые причислены были къ совершенно бесполезнымъ метафизикамъ.

Вопросъ о формахъ государственнаго устройства давно уже привлекалъ къ себѣ вниманіе мыслителей. Они старались классифицировать эти формы, взвѣсить ихъ относительное значеніе, объяснить причины возникновенія, развитія и упадка этихъ формъ. Не рѣдко подымался вопросъ о томъ, что важнѣе — учрежденіе или идеи, и споры подобнаго рода далеко не кончены въ настоящее время. Намъ думается, что именно теперь, когда накопился громадный фактический матеріалъ, новый пересмотръ стараго вопроса былъ бы особенно полезенъ. Задача этихъ очерковъ заключается въ томъ, чтобы привести нѣсколько доказательствъ необходимости этого пересмотра, вызвать изъ несправедливаго забвенія идеи, недостатокъ которыхъ чувствуется въ современномъ обществѣ.

I.

XIX вѣкъ начался рѣзкою реакціей противъ того, что властно проповѣдывалось въ предшествовавшемъ столѣтіи. «Философскія и политическія теоріи вольнодумцевъ, на которыя еще такъ недавно раздавались дружныя отклики во всѣхъ углахъ образованнаго общества, находятся подъ опалой, признаются зловредными и разрушительными» ***). Ужасы французской революціи вызвали стремленіе отступить назадъ, въ глубь среднихъ вѣковъ, поставить прочную преграду бурному историческому теченію. На борьбу выступила, между прочимъ, богословская или противореволюціонная школа. Писатели этой школы «поставили себѣ задачею бороться съ революціею во имя нравственныхъ основъ жизни. Права народа они противопоставляютъ права законныхъ князей, со-

*) *Юрид. Вѣстникъ*, февраль 1879 г.

**) Trendelenburg: „*Naturrecht auf dem Grunde der Ethik*“. 1868 г., стр. 45.

***) А. А. Шаховъ: „Французская литература въ первые годы XIX вѣка“, предисловіе.

зданіямъ человѣческаго произвола—нравственный порядокъ, установленный Богомъ на землѣ. Поэтому они ищутъ въ религіи главной опоры для своего ученія. Это направленіе сдѣлалось владычествующимъ во времена реакціи, послѣдовавшей въ европейскомъ мірѣ за Вѣнскимъ конгрессомъ,—реакціи, центромъ которой была Австрія» ¹⁾).

«Правительства!—воскликаетъ одинъ изъ главныхъ представителей реакціонной мысли во Франціи, Бональдъ.—Если вы хотите укрѣпить людей, стѣсняйте сердца ихъ, дѣйствуйте на перекоръ ихъ влеченіямъ. Потокъ, не запруженный плотиною, трясется въ нескахъ; танъ и человѣкъ силенъ лишь тогда, когда его сдерживаютъ...» ²⁾ Бональдъ звалъ Францію назадъ, домо въ средневѣковое государство. Науки въ то блаженное время распредѣлялись по сословіямъ: «богословіемъ занималось духовенство; добрыя политическія традиции вѣдали бароны, даже если они и не умѣли читать». Послѣдовательный мыслитель справедливо находилъ, что въ излюбленномъ имъ государствѣ должно заниматься всего болѣе скотоводствомъ и охотою. Источникомъ всѣхъ бѣдствій современнаго ему общества Бональдъ признавалъ либерализмъ.

Съ французскимъ писателемъ во многомъ сходится знаменитый Галлеръ, авторъ «Возстановленія политической науки (1816—1834 г.)» ³⁾. Въ глазахъ Галлера, Руссо—невѣжественный софистъ, Монтескье—ни въ какомъ случаѣ не заслуживающій почетной извѣстности, имъ приобретенной. Въ Канту реакціонный мыслитель чувствуетъ *безграничное отращеніе*. Передъ французскою революціей, по мнѣнію Галлера, былъ глубокий и продолжительный миръ, такое наслажденіе частною свободой, о которомъ теперь и понятія не имѣютъ. На всеобщее благополучіе того счастливаго времени мы смотримъ съ тоскою и слезами. Такъ-называемое естественное состояніе никогда не прекращалось необходимо и повсюду вызывая господство и зависимость, свободу и служебность (*Dienstbarkeit*) ⁴⁾. Государство отличаетъ

¹⁾ Г. Чернышевъ: „Ист. политическихъ ученій“, т. IV, стр. 209 и 210.

²⁾ Шаховъ, стр. 145.

³⁾ Полное заглавіе сочиненія: „Restauration der Staatswissenschaft oder Theorie des natürlich-geselligen Zustands der Chimäre des künstlich-bürgerlich entgegengesetzt.“

⁴⁾ Carl Ludwig von Haller: „Restauration der Staatswissenschaft“, т. I, стр. 226 и 227.

⁵⁾ Ibid., стр. 351.

высокими и друтихъ частныиъ союзомъ только независимостью частнаго лица, въспитаннаго моществомъ, владѣние чего государство не можетъ имѣть никакоймбо самостоятельной цѣли, предсказавши лишь агрегатъ частныиъ союзомъ. Какъ никто не имѣетъ права отнять власть у хозяина дома или земли надъ нимъ домомъ или землею, такъ никто не въ правѣ лишитъ государя правленія. Не народъ создаетъ государей, а государи намъ. Если династія вырождается, если государь даритъ кому-либо права, — государство перестаетъ существовать; тогда...

Естественно, что въ галлеровскомъ государствѣ, въ которомъ на одной сторонѣ *силы власти*, не можетъ существовать на другой сторонѣ, у подданныхъ, *силы мысли*. Галлеръ — послѣдственный, мыслитель. Свобода печати является для него потому индигированнымъ распространениемъ исти и клеветы, хуже мѣ свобода драки и вѣдогоа...)

Но печальная эпоха реакціи не убила здравой политической мысли. Связь всѣхъ препятствія эта мысль, стѣсняемая и преслѣдуемая, прокладывала себѣ дорогу. Одинъ за другимъ вышудали даровитые и самоотверженные писатели, которые возставали въ защиту свободы человѣческой личности и выставляли ныя требованія отъ государства, иначе опредѣляли его назначеніе, чѣмъ писатели реакціонеры. Не будетъ лишнимъ привести некоторыя изъ мыслей, возбуждавшихъ въ первой половинѣ нашего столѣтія и горячее сочувствіе, и ожесточенныя нападенія.

Во Франціи Блермонъ-Тоннеръ и Бенжаменъ Констанъ съ неизменноымъ талантомъ защищали учене о раздѣленіи властей. Блермонъ-Тоннеръ, первый, высказался за необходимость строго вѣдичать королевскую власть отъ исполнительнои. Бенжаменъ Констанъ подробно развиваетъ эту мысль. Король, — говоритъ онъ, — тѣ власть нейтральная, посредствующая между дѣятельными вѣстями. Онъ, въ нѣкоторомъ смыслѣ, является судьей другихъ вѣстей. Только строгое разграниченіе законодательной, судебной, исполнительнои и королевской властей можетъ въ достаточной степени обезпечить личныя права, въ числѣ которыхъ наидятся религіозная свобода, свобода печати и живаго слова. Шабрианъ (въ XII главѣ своей «Монархіи по хартіи») преувеличиваетъ мысль Констана, требуя, чтобы король былъ только зрителемъ ошибокъ министра, который затѣмъ падаетъ вслѣдствіе

*) Объ этомъ Галлеръ говоритъ въ седьмой главѣ пятаго тома.

враждебныхъ ему постановленийъ палаты. Учение о безграничномъ повиновеніи власти находить въ Бенжаменѣ Константѣ рѣшительнаго противника: «La doctrine d'obéissance illimitée à la loi a fait sous la tyrannie, et dans les orages des révolutions, plus de maux, peut-être, que toutes les autres erreurs qui ont égaré les hommes» *).

Съ увлеченіемъ принялись за разработку политическихъ вопросовъ и нѣмецкіе ученые. Роттекъ пишетъ, что его время есть эпоха конституцій: ихъ или горячо призываютъ, или рѣшительно отвергаютъ **). Князья должны понять, что выше и благороднѣе управлять свободными людьми, чѣмъ господствовать надъ рабами. Положительное право, — говоритъ знаменитый германскій ученый, — свято лишь настолько, насколько оно совпадаетъ съ естественнымъ, которое заключаетъ въ себѣ признаніе неприкосновенности человѣческой личности, свободы его совѣсти и слова.

Книга Роттека была запрещена въ нѣкоторыхъ германскихъ государствахъ, а мысли, имъ высказанныя, получали все большее и большее распространеніе. Принимая въ расчетъ, что насъ отдѣляетъ отъ эпохи самой мрачной и жестокой реакціи нѣсколько десятковъ лѣтъ, — жизнь человѣка и моментъ въ жизни народа, — нельзя не согласиться со взглядомъ русскаго ученаго: «Въ литературѣ и даже въ нашей періодической печати часто высказывается мнѣніе, что представительныя учрежденія уже устарѣли, на практикѣ оказались негодными. Въ этихъ возгласахъ нельзя не видѣть большой незрѣлости политической мысли. Представительныя учрежденія не устарѣли уже потому, что почти нигдѣ еще не успѣли на континентѣ Европы пустить глубокіе корни и достигнуть полнаго, всесторонняго развитія. То происки правителей въ духѣ прежняго абсолютизма, то насиліи революціонеровъ, не признающихъ ничего священнаго, распатываютъ ихъ и обращаютъ въ мертвыя формы. Но на основаніи исторіи мы повторяемъ, что правовое государство для своего воплощенія нуждается въ представительныхъ учрежденіяхъ, которыя, однако, въ свою очередь требуютъ многихъ усовершенствованій и дополненій» ***).

*) B. Constant: „Cours de politique constitutionnelle“, p. 112. Bruxelles. 1837.

**) Carl von Rotteck: „Lehrbuch des Verumftrechts und der Staatswissenschaften“, 1824—1835, II, 172.

***) Графъ Камаровскій: „О международномъ судѣ“, стр. 470.

Мявние Попа: . . . . .

«For forms of government let fools contest,
Whate'er is best administr'd, is the best¹⁾».—

не давно вызываетъ рѣшительныя теоретическія опроверженія, проверяясь въ то же время государственною жизнью и са-
рой Великобританіи, и другихъ странъ. Пѣлицъ указывалъ, что,
в свидѣльству исторіи, нигдѣ такъ легко не присовокупляетъ
обширной власти то духовенство, то совѣтники, то личная
гража (Leibwache) государя, какъ въ неограниченной монар-
и, въ которой правитель въ дѣйствительности стѣсненъ болѣе,
въ представительной монархіи²⁾. Попытки доказать несо-
ясность послѣдней формы правленія съ духомъ христіанской
ррви встрѣчали опроверженіе со стороны самыхъ умѣренныхъ
мыслителей, преданность которыхъ христіанской религіи стоитъ
въ всякаго сомнѣнія. Если Фридрихъ Шлегель провозглашалъ
представительство анти-христіанскимъ началомъ, то Шатобрианъ
читаетъ эту форму правленія однимъ изъ прекраснѣйшихъ пло-
въ именно христіанскаго ученія. Мысль о томъ, что самые
учше законы безсилны при дурномъ государственномъ устрой-
твѣ, уже давно отстаивается многими выдающимися нѣмецкими
исателями³⁾. Мы не будемъ, конечно, приводить безчисленныхъ
ыдержекъ изъ сочиненій по государственному праву, которыми
аь богата западно-европейская литература, въ подтвержденіе
ашей мысли: ея доказательствъ мы будемъ искать въ истори-
еской жизни народовъ. Но и приведенныхъ указаній достаточно,
о нашему мнѣнію, чтобъ убѣдиться въ плодотворномъ впливѣ,
агое могла оказать (и дѣйствительно оказала): теоретическая
ысль на развитіе государственнаго строя. Эта мысль многого
ребовала отъ государства. Еще Фихте выставилъ основнымъ
оложеніемъ разумнаго государственнаго устройства возможность
я каждаго жить своимъ трудомъ⁴⁾. Позднѣйшими мыслителями
бли государственной формы общежитія опредѣлялись весьма раз-

¹⁾ Надо оставить пустой споръ о формахъ управленія: гдѣ лучше управле-
іе, тамъ и лучшая форма.

²⁾ *Politik*: „Die Staatswissenschaften im Lichte unsrer Zeit“, 1823—1824, I, 426.

³⁾ Напримеръ Аретиномъ (*Arctin*: „Staatsrecht der const. Monarchie“), 2 Auf-
ge, I, 91—92.

⁴⁾ „Es ist Grundsatz jeder vernünftigen Staatsverfassung: Jedermann soll von
einer Arbeit leben können“. J. G. Fichte: Grundlage des Naturrechts, nach
Principien der Wissenschaftslehre, 1796, II Theil, 30.

лично. Для однихъ государство являлось принудительнымъ учрежденіемъ, чтобъ осуществлять безопасность и право. Для другихъ основною задачей государства представлялось достижение благосостоянія. Третьи видѣли цѣль государства въ осуществленіи нравственнаго закона, и т. д. Великіе мыслители новаго времени развивали взгляды Платона или Аристотеля, бросали новый свѣтъ на задачи, которыя должны быть возложены на правительственную власть, и наискивали средства, которыя всего скорѣе поведутъ къ достиженію этихъ задачъ. Но въ исторіи новейшей политической мысли наше вниманіе должно быть сосредоточено на немногихъ вопросахъ и на взглядахъ немногихъ писателей, которые подвергали извѣщенію *формы государственнаго устройства*.

II.

Аристотелевская классификація государственныхъ формъ подвергалась въ девятнадцатомъ вѣкѣ болѣе или менѣе значительной переработкѣ. Этого важнаго вопроса въ нашихъ очеркахъ мы можемъ коснуться только мимоходомъ. Въ числѣ попытокъ представить новую классификацію государствъ отмѣтимъ принадлежащую Веру *)). Этотъ ученый дѣлитъ формы государственнаго устройства на монархическую и дуархическую; смотря по тому, отдѣлена ли законодательная власть отъ исполнительной или нѣтъ, принимаемъ ли видно, будетъ ли субъектомъ ея физическое или юридическое лицо. Другія классификаціи государственныхъ формъ общезвѣстны.

Для насъ весьма важно, какъ объяснялось происхожденіе этихъ формъ, считались ли онѣ неизмѣнными типами, не подмѣчали ли ученые послѣдовательнаго развитія въ государственныхъ учрежденіяхъ.

И въ этомъ отношеніи, какъ во многихъ другихъ, мнѣнія писателей по государственному праву представляютъ большія различія. Мы приведемъ опять нѣсколько выдержекъ изъ сочиненій нѣкоторыхъ второстепенныхъ ученыхъ, такъ какъ свѣдѣнія о взглядахъ величайшихъ представителей политической мысли достаточно распространены въ русскомъ образованномъ обществѣ.

*) W. J. Behr: „System der angewandten, allgemeinen Staatslehre oder der Staatskunst“ (Politik), 1810, §§ 131—133.

Мауренбрехеръ утверждаетъ, что нельзя говорить о лучшей конституции ни въ идеѣ, ни въ действительности: все формы правленія имѣютъ свои недостатки (1). Фридрихъ Шмиттенеръ считаетъ доказаннымъ, что формы государственной жизни соответствуютъ различнымъ ступенямъ историческаго развитія (2). Эти же ступени развитія проходить, конечно, и государственная идея, воплощаясь въ послѣдовательномъ рядѣ учреждений. Потребовалась, — говоритъ Шмиттенеръ, — долгая научная работа, чтобы убѣдиться, наконецъ, въ той простой истинѣ, что историческій процессъ развитія государства заключается во взаимодействіи идей и учреждений, что въ этомъ историческомъ процессѣ содержание и форма обуславливаютъ другъ друга (3).

Но, противъ мысли о послѣдовательности развитія формъ государственнаго устройства рѣшительно встаютъ многіе писатели. Съ книгой одного изъ этихъ писателей, о которомъ, насколько намъ извѣстно, нѣтъ никакихъ свѣдѣній въ русской литературѣ, мы и познакомимъ читателей. Она называется: «О формахъ правленія и законахъ, которые ими управляютъ», и написана И. Пасси (4).

Пасси говоритъ во введеніи къ своей книгѣ, что она заключаетъ въ себя изученіе причинъ разнообразія формъ государственнаго устройства. Это разнообразіе — явленіе не новое и существуетъ съ самаго начала государственной жизни народовъ. Явленіе такой очевидности и важности не могло, конечно, не обратить на себя вниманія мыслителей; и тѣмъ не менѣе до настоящаго времени многіе основныя вопросы остаются не разрѣшенными. Причину относительной безплодности научной мысли Пасси видитъ въ недостаточности изученія фактовъ. Эти факты — проявленіе сложной игры стремленій, нуждъ, страстей, въ которыхъ раскрывается природа человека — могутъ доставить все необходимыя данныя для опредѣленнаго рѣшенія вопроса.

Эти факты прежде всего указываютъ на то, что разнообразныя формы государственнаго устройства существуютъ повсюду. Цивилизація, — говоритъ французскій ученый, — не стѣкла и не

(1) Maurenbrecher: „Grundsätze des heutigen deutschen Staatsrechts“, 1837, 68 — 69.

(2) F. Schmitthenner: „Zwölf Bücher vom Staate, oder systematische Encyclopädie der Staatswissenschaften“, T. III, Bd. VII, „Grundlinien des allg. oder idealen Staatsrechts“, 1845, 3.

(3) Ibid., 203.

(4) H. Passy: „Des formes de gouvernement et des lois qui les régissent“, 1870.

уменьшила различій въ способѣ устройства государствъ; она не повліяла сколько-нибудь замѣтнымъ образомъ на формы государственной жизни *). Но этому, безотрадному взгляду, который высказываетъ Пасси въ началѣ своего сочиненія, можно противопоставить его же мнѣніе, высказанное въ концѣ изслѣдованія. Очевидно, — говоритъ французскій ученый, въ послѣдней главѣ книги, — что современная цивилизація въ самомъ развитіи своей приобретаетъ двигателей, которые вліяютъ на прежнія силы, на прежнія условія. Но если различіе въ формахъ правленія и ослабѣло уже теперь, если оно и еще болѣе ослабѣетъ въ будущемъ, — замѣчаетъ Пасси, — то ничто не даетъ намъ права заключать объ исчезновеніи *всѣхъ различій* въ государственныхъ формахъ **). На это можно возразить, что о полномъ будущемъ сходствѣ государственнаго устройства во всѣхъ странахъ и въ всѣхъ народахъ и не говоритъ никто изъ защитниковъ того взгляда, по которому государственныя формы подвергаются историческому развитію, соотвѣтствуя ступенямъ просвѣщенія и всѣмъ условіямъ народной жизни.

Во всякомъ обществѣ, — продолжаетъ Пасси, — та часть верховной власти, которую общество не можетъ пользоваться непосредственно, сосредоточивается въ рукахъ правительства. Высшая власть (суверенитетъ) однако до такой степени присуща обществу, такъ неразрывно съ нимъ связана, что никогда и нигдѣ, какова бы ни была форма правленія у данного народа, правительство не могло, вполне безраздѣльно присвоить себѣ эту власть. Во всѣхъ странахъ чувства, интересы, мнѣнія, желанія и вѣрованія управляемыхъ вліяютъ на управляющихъ, не только сдерживая правительство въ однихъ случаяхъ, но и направляя его дѣятельность въ другихъ случаяхъ. Такимъ образомъ, по мнѣнію Пасси, правительство всегда соотвѣтствуетъ обществу, удовлетворяетъ, въ главномъ, общественнымъ потребностямъ и въ свою очередь вліяетъ на общество. Но эта мысль о гармоніи между управляющими и управляемыми немедленно же подвергается у Пасси многозначительной оговоркѣ: отношенія взаимной зависимости могутъ существовать между правительствомъ и всѣмъ на-

*) „Des formes de gouvernement“, intr., VI—VII.

**) Ibid., 444: „Mais si la diversité des formes de gouvernement a perdu et est destinée à perdre encore quelque chose de son ancienne efficacité, rien dans les faits passés et présents n'autorise à penser qu'elle finisse par la perdre tout entière“.

родомъ, равнымъ образомъ и между правительствомъ и только частью народа, господствующими классами. Ту же мысль высказываетъ и Гербертъ Спенсеръ *), замѣчая, что въ сложныхъ случаяхъ сила правящей агентуры (правительства) возникаетъ вродѣ вліяніемъ дѣйствія чувствъ той части общества, которая имѣетъ возможность проявлять свои чувства. Слѣдовательно, при разныхъ историческихъ условіяхъ отношенія между народомъ и правительствомъ бываютъ различны, и въ этомъ Пасси видитъ основной признакъ различія формъ государственнаго устройства. Дѣйствительная власть (осуществляемый суверенитетъ) можетъ или почти вся принадлежать правительству, или почти вся принадлежать самому обществу. Въ этихъ предѣлахъ колеблются политическія формы отъ полной, непосредственно самоуправляющейся демократіи до неограниченной монархіи и до деспотіи. Замѣтимъ, впрочемъ, что деспотию нельзя назвать государствомъ: по справедливому выраженію Роттека, тамъ, гдѣ личность гражданина не имѣетъ никакихъ правъ, тамъ нѣтъ и государства **). Но всемогущество народовъ, о которомъ нередко идутъ споры, въ сущности только лживое предположеніе, обманчивая финція. Исторія, — говоритъ Пасси, — представляетъ полное доказательство того, что авторитетъ государственной власти подвергался наибольше тяжкимъ испытаніямъ и опасностямъ именно тогда, когда онъ сосредоточивался исключительно въ однихъ рукахъ. «*Quelles que soient les injonctions de la loi, les maximes préconisées et admises, il reste toujours une sphère où se réfugie la souveraineté nationale, et d'où elle sort, altérée de vengeance, toutes les fois qu'elle y est attaquée*».

Но какия же причины вызываютъ то или иное распредѣленіе верховной власти? Другими словами, какия причины обуславливаютъ различіе формъ государственнаго устройства? — Пасси даетъ на это слѣдующіе отвѣты:

*) Спенсеръ: „Развитіе политическихъ учреждений“ (въ журналѣ *Мысль* 1881 г. печатался переводъ этого сочиненія и мои цитаты будутъ дѣлаться по этому переводу).

**) Какъ справедливо замѣчаетъ Фриманъ, объемъ королевской власти можетъ быть очень различенъ, и не въ этомъ, а въ способѣ происхожденія лежитъ ея отличіе отъ власти президента республики (*Freeman: „Presidential government“*). Любопытно, что въ Норвегій, странѣ наиболѣе демократически организованной (изъ монархій), королевская воля значить болѣе, чѣмъ въ Англіи. („*The royal authority is more narrowly limited than in any other kingdom, yet the personal will of a King of Norway counts for more than the personal will of a King of England*“.)

Задача правительства доводу одна и та же. Поддержаніе единенія и миръ внутри государства, огражденіе его отъ нападковъ извнѣ — вотъ требованіе, которое предъявляется къ правительству. Это требованіе — волею обществъ и различнаею юною въ разныхъ странахъ, только полнестепенно. Если данное государство заключаетъ въ себѣ иъсвольно племенъ, между которыми существуетъ разнь, если въ этомъ государствѣ существуютъ другія причины волѣдствіе, которыхъ взаимныя отношенія или одного класса и другому, или одной провинціи къ остальнымъ отличаются болшею враждебностью, то поддержаніе порядка внутри и защита отъ внѣшнихъ нападений становится особенно затруднительною. Потребность въ охраненіи цѣлаго и въ безопасности личности занимаетъ въ подобныхъ случаяхъ первое мѣсто, и волѣдствіе этого правительственная власть можетъ увеличиваться до неограниченной монархіи, а политическая свобода упадать до нуля. Но, — замѣчаетъ Пасож, — мало обществъ, на столько плохо составленныхъ, чтобъ они не могли принимать хоть иъ которое участіе въ законодательной власти. Само собой разумѣется, что обширныя государства, составленные путемъ захватовъ и завоеваній, наименѣе способны къ политической свободѣ. По этому поводу опять не безполезно сопоставить съ мнѣніемъ и выводами французскаго ученаго соображенія, которыя высказываетъ Гербертъ Спенсеръ. «Такъ какъ охраненіе общества предшествуетъ охраненію индивидуума, будучи условіемъ этого послѣдняго, то мы, — говоритъ Спенсеръ, — должны при изученіи общественныхъ явленій, понимать добро и зло скорѣе въ первоначальномъ смыслѣ, чѣмъ въ позднѣйшемъ, — слѣдовательно, разсматривать не столько относительно хороше и кое, то, что имело переживаніе (survival*) общества, какъ бы имъ были при этомъ велики страданія, вывавшія на долю индивидуума». Поэтому-то первыя ступени развитія цивилизаціи обуславливаютъ истинную безчеловѣчность. Англійскій мыслитель указываетъ на то, что съ образованіемъ большихъ націй, занявшихъ обширныя территоріи, прекратились войны внутри этихъ территорій и, вообще, «выгоды, приобретаемыя въ теченіе подготовительнаго періода, останутся въ вѣчное наслѣдство, страданія же, какъ общественныя, такъ

и личные, будутъ длиться до конца временъ». И такъ, — продолжаетъ онъ, — мы можемъ думать, что поддержаніе въ данномъ случаѣ не только передаетъ смыслъ слова, но и даетъ о томъ, что общество является единымъ целымъ, сохраняется, жертвуя отдѣльными личностями для блага слѣдующихъ поколѣній.

личныя, произведенныя этимъ периодомъ, умножаются и постепенно вымрутъ».

Пасси не видитъ, въ противоположность Спенсеру, возможности утверждать послѣдовательно сибны формы государственнаго устройства, потому что элементы розни, по его мнѣнію, существуютъ постоянно, хотя и терпятъ измѣненія въ числѣ и значеніи. Пасси далекъ отъ мысли утверждать, что форма правленія всегда соответствуетъ дѣйствительнымъ нуждамъ народа. Правительства вообще мало склонны уступать хоть часть изъ приобретенной власти, и революціонные ураганы лучше всего видѣтельствуютъ, къ какиимъ печальнымъ послѣдствіямъ приводитъ эта близорукая неуступчивость требованіямъ времени*). Но государства, созданныя только насиліемъ, только насиліемъ и могутъ держаться. Поэтому-то большія государства, поглотившія въ мало отдѣльныхъ племенъ съ самостоятельной когда-то организаціей, въ рѣдкихъ случаяхъ достигаютъ благодѣній политической свободы. Ничто, — говоритъ Пасси, — не принеоде человѣчеству такого ужасающаго вреда, какъ страсть къ побѣдамъ, къ завоеваніямъ. Отъ войнъ страдаютъ и побѣжденные, и побѣдители, такъ какъ насиліе надъ другимъ народомъ не проходитъ безнаказанно, и выиграный блескъ, и расширеніе территоріи на счетъ юсѣдей вызываютъ въ большей или меньшей степени, стѣсненіе политической свободы у побѣдителей. Монтезкье говорилъ, что побольшимъ государствамъ свойственна республиканская форма правленія, побольшимъ — монархическая, а громадные государства и неволь должны управляться деспотами. Пасси мало надѣется даже на федеративное устройство, которое соединяетъ выгоды неограниченныхъ государствъ съ преимуществами великихъ. Въ этомъ отношеніи Пасси раздѣляетъ общую участь французскихъ инсепандей, которые, за весьма немногими исключеніями, не могутъ правильно оцѣнить мѣстнаго самоуправленія и не въ состояніи представить себѣ государство не централизованнаго, не этапутаго во всѣхъ отношеніяхъ въ власти, управляющей изъ столицы. Но за то разбираемый нами писатель вполне правъ, когда горячо и краснорѣчиво возражаетъ противъ издѣяніемъ народному самолюбію завоеваній, дорогъ и разореній, которые наносятъ каж-

*) По этому поводу намъ припоминаются слова Мейна: „Law is stable; the societies we are speaking of are progressive. The greater or less happiness of a people depends of the degree of promptitude with which the gulf is narrowed“ (Maine: „Ancient Law“, 1876. 24).

дая война, такъ велики, ея послѣдствія во всѣхъ отношеніяхъ такъ прискорбны, что только печальная необходимость, требованіе самообороны могутъ оправдать нарушение мира. Писатели реакціонеры держатся, конечно, иного мнѣнія. Такъ Галлеръ на котораго мы уже нѣсколько разъ ссылались, говоритъ, что продолжительный миръ есть ядъ, убивающій государство. Накопленіе богатства при этомъ мирѣ влечетъ за собою изнѣженности, мужество исчезаетъ, а съ нимъ вмѣстѣ и другія добродѣтели. На это можно возразить, что жестокости и невѣжества еще долго хватитъ людямъ и безъ новыхъ войнъ, которыя усилятъ вражду, разрушаютъ все, приобретенное тяжелымъ трудомъ и задерживаютъ умственное развитіе общества. Поэтому-то знаменитѣе противодѣйствіе воинственнымъ стремленіямъ правительствъ и нѣкоторыхъ общественныхъ классовъ постоянно усиливается въ западной Европѣ. «Особенно *рабочіе классы*, болѣе всего страдающіе отъ войны, хлопотутъ о противодѣйствіи ей». Расходы на войско, которые достигаютъ въ европейскихъ странахъ 400.000.000 фунт. стерлин. ежегодно, подавляютъ развитіе народнаго благосостоянія, и знаменитый Ричардъ съ инымъ правомъ возставалъ противъ общераспространеннаго предрассудка, что надо готовить войну, чтобы сохранить миръ. «Я позволяю себѣ утверждать, — говорилъ Ричардъ, — что никогда еще легковѣрной толпѣ не высказывали правила, столь противорѣчащаго здравому разуму, нашему званію, человѣческой природѣ и свидѣльствамъ исторіи. Мы могли бы, по этой аналогіи, с такимъ же совершеннымъ правомъ сказать, что если мы хотимъ предохранить наши жилища отъ огня, мы лучше всего поступимъ, если наполнимъ наши погреба порохомъ, петролеумомъ, спичками и дозволимъ затѣмъ какимъ-либо шалунамъ играть на насъ въ жмурки. Развѣ съ этими шалунами нельзя сравнить государей и дипломатовъ Европы, которые ведутъ свою странную игру среди всѣхъ воспламенимыхъ веществъ, собранныхъ въ одно цѣлое, и между тѣмъ увѣряютъ, что они одни составляютъ надежную стражу противъ пожара» (**).

Пасеи утверждаетъ, что формы государственнаго устройства не развиваются послѣдовательно, что прогресса въ этомъ отношеніи не замѣчается въ исторіи. Гербертъ Спенсеръ высказы-

*) Графъ Камаровскій: «О международномъ судѣ», стр. 306.

**) Ibid., стр. 336.

ваетъ мысль, заключающую въ себѣ отрицаніе. полного соответствія между развитіемъ политическихъ формъ и развитіемъ личности. Онъ говоритъ: «Намъ не нужно нескать въ отдаленныхъ областяхъ или у чужихъ расъ доказательствъ того, что не существуетъ необходимой связи между общественными типами, которыми названіе цивилизованныхъ, и высшими чувствами, которыми мы обыкновенно соединяемъ съ цивилизаціей». Но и Спенсеръ, и Пасси признаютъ могущественное вліяніе учреждений на личность. Англійскій мыслитель прямо говоритъ въ другомъ мѣстѣ своего сочиненія: «Нѣкоторое отношеніе между нравственнымъ характеромъ и общественнымъ типомъ существуетъ». Измѣняемость общественной структуры является для него условіемъ дальнѣйшаго развитія, въ которомъ военный типъ государственнаго устройства все болѣе и болѣе замѣняется промышленнымъ типомъ. Пасси, въ свою очередь, прямо заявляетъ: «Какъ и разнообразіе общественныхъ условій, разнообразіе правительственныхъ формъ имѣло свою долю вліянія въ развитіи цивилизаціи» *). Невозможно, по нашему мнѣнію, оспаривать мысли, уже давно высказанной знаменитымъ Гизо: Сущность цивилизаціи заключается въ двухъ фактахъ: въ развитіи строя общественнаго и въ развитіи строя интеллектуальнаго; въ улучшеніи внѣшняго, общаго положенія и въ улучшеніи внутренней, личной природы меловѣка; однимъ словомъ, въ усовершенствованіи общества и меловѣка.

И когда, — говоритъ Гизо, — въ теченіе долгаго времени индивидуальное развитіе отстаетъ отъ общественнаго, или, наоборотъ, политическія формы, государственное устройство отстаетъ отъ развитія личности, тогда обществомъ овладѣваетъ сильное сожалѣніе, чувство печальной пустоты **).

Дѣйствительно, потребность безопасности и всего государства, и отдѣльнаго гражданина всегда являлась первою изъ потребностей общегитія. Когда отечеству угрожаетъ иноземный врагъ, когда жизнь частнаго лица не ограждена въ самомъ государствѣ, то заботы о благосостояніи, о достиженіи высшихъ цѣлей общегитія по-неволѣ должны занимать незначительное мѣсто, отсту-

*) „Comme la diversité des circonstances sociales, la diversité des formes de gouvernement a eu sa part d'influence sur le développement de la civilisation“, стр. 423.

***) Гизо: „Исторія цивилизаціи во Франціи“, русскій переводъ г. Виноградова, т. I, стр. 12.

нать на задний план. Подобныя обстоятельства составляют историческое несчастье. Но если такое положение вещей, требующее почти полного выдѣленія общественной власти отъ самаго общества въ особый органъ, продлжается въ теченіе долгаго времени, то народу угрожаетъ величайшая опасность. У насъ слабость интереса къ общественнымъ вопросамъ. Не участвуя въ политической жизни, мы утрачиваемъ политическій смыслъ, а безъ этого смысла самые мудрые государственные люди, самое сильное, великодушное и просвѣщенное правительство не состоятъ въ состояніи правильно руководить внѣшнею политикою и разумно относиться къ явлениямъ внутренней жизни. По счастью, распространеніе образованія уже дѣйствуетъ въ этомъ отношеніи, смягчая международную вражду, проясняя общественное самосознаніе. Государства новаго времени не могутъ держаться исключительно на силѣ физической. Отъ вражды къ добру для нихъ становится все болѣе и болѣе настоятельною необходимостью опираться на силу общественнаго мнѣнія. Съ другой стороны потребность общечеловѣческихъ, хозяйственныхъ и духовныхъ, менѣе повелительно требуетъ широкаго развитія самоуправленія. Слѣдующій очеркъ и будетъ посвященъ этому послѣднему.

Викторъ Гольцевъ.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

...иногда даже, когда в настоящее время администрация в
 ...иногда даже, когда в настоящее время администрация в
 ...иногда даже, когда в настоящее время администрация в
 ...иногда даже, когда в настоящее время администрация в

Государственная роспись на 1882 годъ.

...иногда даже, когда в настоящее время администрация в
 ...иногда даже, когда в настоящее время администрация в

Введение.

Faites moi de bonne politique, je vous ferai des bonnes finan-
 », сказалъ одинъ изъ государственныхъ людей Франціи и ис-
 ...оправдана эти слова. Какъ шельма болше. Какую бы стра-
 ...Европѣ; они взири въ примѣры, нововоду мы найдемъ
 ...и то же, а именно, что только удовлетвореніе дѣйстви-
 ...народныхъ нуждъ вводитъ порядокъ въ государственныя
 ...шансы. Но если эти нужды не сознаются, если государство
 ...обязывается наружнымъ спожитіемъ, масса и сосредото-
 ...еть свое вниманіе на интересахъ меньшинства, принимая ихъ
 ...дѣйствительные государственныя интересы; если при этомъ
 ...авляя работа мирнаго времени посвящена на организацію воен-
 ...ихъ силъ государства, а развитіе ужестившихъ и нравственныхъ
 ...народа отводить на второй планъ, тогда трудно предполо-
 ...тъ возможность прочнаго финансоваго положенія, которое бы
 ...позволило легко переживать моменты кризисовъ. Тяжесть подоб-
 ...ихъ кризисовъ значительно усиливается въ томъ случаѣ, когда
 ...и являются въ такіе историческіе моменты, когда условія со-
 ...альной жизни, а съ ними понятія и нравы общества и народа
 ...измѣнились, требуютъ совершеннаго обновленія всего обществен-
 ...наго строя; тогда наизъ старыя традиціи обстаютъ во всей силѣ
 ...руководящія слова общества, свыншіеся съ ними, продолжаютъ
 ...дѣйствовать по прежнимъ преданіямъ и образцамъ, несмотря на
 ...о, что такой образъ дѣятвій вызываетъ послѣдствія совершен-
 ...о противоположнаго свойства, — другими словами, когда общій
 ...рой государственнаго устройства и управленія не совпадаетъ

съ измѣненіемъ условій соціальной жизни. Люди стараго закала никакъ не могутъ понять, что объектъ ихъ воздѣйствія уже не тотъ и что отношеніе къ нему для достиженія даже тѣхъ цѣлей, къ которымъ они стремятся, должно быть иное, не говоря уже о томъ, что съ теченіемъ времени и съ развитіемъ гражданскихъ и общественныхъ отношеній самыя государственныя цѣли должны измѣняться. При такихъ условіяхъ недостатокъ предусмотрительности становится необходимымъ послѣдствіемъ и наступающій кризисъ, съ какой бы стороны онъ ни являлся, застаётъ общество врасплохъ, вовсе неподготовленнымъ для борьбы съ труднымъ положеніемъ данной минуты, и поэтому нѣтъ ничего удивительнаго, что мѣры, принимаемыя въ самый моментъ возникающей опасности, оказываются несостоятельными и часто вмѣсто устраненія зла увеличиваютъ его. Такія мѣры по большей части носятъ характеръ палліативныхъ, устраняющихъ минутное неудобство, но вызывающихъ хроническій недугъ общественнаго организма.

Руководствуясь этими общими соображеніями и приступая къ подробному разсмотрѣнію государственной росписи на 1882 годъ, я прежде всего долженъ остановиться на вопросѣ: насколько наша политика соотвѣтствовала дѣйствительнымъ народнымъ интересамъ и могла ли она создать такое положеніе дѣлъ, чтобы можно было вполнѣ согласиться съ словами г. министра финансовъ, сказанными во всеподданнѣйшемъ докладѣ, при которомъ представлена роспись на Высочайшее утвержденіе; а именно, что *«финансовыя силы страны не истощены, а только временно ослаблены»*. Хотѣлось бы вѣрить этимъ словамъ и надѣяться, что обѣщанное г. министромъ улучшеніе дѣйствительно будетъ достигнуто въ теченіе немногихъ лѣтъ.

Для разрѣшенія поставленнаго мною вопроса я обращаюсь нѣсколько назадъ и позволяю себѣ напомнить читателю въ главныхъ чертахъ событія послѣдняго двадцатилѣтія.

Въ концѣ пятидесятихъ и началѣ шестидесятихъ годовъ дѣйствительно могло казаться, что мы вступаемъ на новый путь и ставимъ себѣ цѣлью улучшить положеніе народныхъ массъ; по видимому, всѣ заботы и правительства, и лучшихъ представителей общества стремились къ одной общей цѣли — обновить весь общественный строй и водворить въ Россіи новые порядки, призванные къ дальнѣйшему развитію. Само собою разумѣется, что началомъ всѣхъ реформъ должна была служить отиѣна вѣрности.

го права, дежавшего наимень преткновенія ко всѣмъ дальнѣйшимъ улучшеніямъ. Пишущій эти строки очень хорошо помнитъ лечение того времени: всѣмъ казалось, что это только первый шагъ, за которымъ само собою должно было пойти все остальное. Никто не думалъ, что возможно остановиться на этомъ первомъ шагѣ или ограничиться полумѣрами по нѣкоторымъ отдѣльнымъ вопросамъ. На этомъ основаніи, при введеніи въ дѣйствіе мировыхъ и судебныхъ, а впоследствии и городскихъ учрежденій, всѣ возложили полную надежду, что основные принципы, положенные въ основаніе законоположеній объ этихъ учрежденіяхъ, перейдутъ цѣликомъ въ нашу жизнь и потому въ ней водворится полная законность и полное вниманіе къ возникающимъ потребностямъ общественной жизни. Никому и въ голову не пришло, что принципы, положенные въ основаніе законоположеній, могутъ быть признаны только теоретически, а на практикѣ не могутъ создаваться порядкомъ вещей, ничего общаго съ такими принципами не имѣющій. О возможности подобныхъ послѣдствій о необходимости гарантій вновь установленныхъ порядковъ думалъ только очень незначительный кругъ людей и положительное ихъ отсутствіе въ новыхъ законоположеніяхъ заставляло этихъ людей серьезно задумываться, тѣмъ болѣе, что и въ законоположеніяхъ были правила, на которыхъ наше чиновничество не обращало вниманія и поступало какъ вадумается.

Кромѣ того, въ самыхъ законоположеніяхъ о новыхъ реформахъ было не мало черныхъ точекъ, которыя, повидимому, могли предупредить тогдашнее увлеченіе общества и заставить его нести къ дѣйствительному положенію дѣль съ болѣе трезвымъ взглядомъ, что, конечно, устранило бы и то разочарованіе, которое было результатомъ практическаго примѣненія реформъ. Разволю себя напомнить нѣкоторыя изъ этихъ точекъ.

Такъ, въ крестьянской реформѣ, предпринятой въ видахъ государственной необходимости, вопросъ о прекращеніи крепостнаго права изъ чисто-государственнаго сдѣлался вопросомъ союбнымъ и такимъ образомъ вся тяжесть этого преобразованія возложена на вновь освобожденнаго крестьянина. Свобода труда и право на землю, какъ орудіе производства, въ мѣрѣ дѣйствительной потребности для обезпеченія быта крестьянина, провозглашены основными принципами; между тѣмъ рядомъ съ ними установлены правила къ ограниченію существовавшихъ надѣловъ,ходящему иногда даже до $\frac{1}{2}$ десятины на душу, вслѣдствіе

чего свобода труда и возможность его приложения къ землѣ остались проблѣматичными, а самый трудъ, вслѣдствіе прирѣченія крестьянина къ ничтожному участку земли, обратился изъ крѣпостного въ *либеральный*. Настоящіе заботы правительства о пониженіи выкупныхъ платежей, о поземельномъ кредитѣ для крестьянъ и о перераспределеніи вѣночекъ доказываютъ справедливость нашихъ словъ.

Что касается нашихъ земскихъ и городскихъ учреждений, то въ нихъ нельзя видѣть органовъ самоуправленія, хотя и принято такъ называть ихъ. Ни по кругу ихъ дѣятельности, ни по мѣсту, которое они занимаютъ въ общей системѣ государственнаго управленія, ни по свойствамъ правъ, имъ предоставленныхъ, они не имѣютъ ничего общаго съ тѣмъ понятіемъ, которое придаетъ подобнымъ учреждениямъ въ западной Европѣ. Тамъ они имѣютъ дѣйствительную власть, представляютъ собою мѣстные органы государственной администраціи и завѣдываютъ всѣми мѣстными интересами, тогда какъ наши земскія и городскія учрежденія имѣютъ никакой власти и вовсе не введены въ общій строй государственныхъ учреждений, а поставлены какъ-то рядомъ съ ними для завѣдыванія некоторыми хозяйственными дѣлами съ очень ограниченными кругомъ дѣятельности; притомъ они лишены всякой самостоятельности, такъ какъ любое распоряженіе земскаго собранія можетъ быть отрестовано губернаторомъ и вслѣдствіе этого не подлѣжать исполненію. Въ дѣлѣ же администраціи часто бываетъ достаточно отерочить какое-либо мѣропріятіе, чтобы впоследствии всякая надобность въ немъ совершенно исчезла. Вообще наши земскія и городскія учрежденія были поставлены въ такое положеніе, при которомъ они сдѣлались довольно значительнымъ бременемъ для населенія, между тѣмъ какъ при другихъ условіяхъ подобныя затраты могли быть очень произвольными.

Наши судебные уставы представляютъ законодательный актъ, въ которомъ основныя принципы проведены наиболее послѣдовательно и потому позволяли надѣяться, что осуществленіе этихъ принциповъ въ жизни будетъ болѣе успѣшно. Но одно дѣло — теоретическое изложеніе извѣстныхъ принциповъ въ законодательствѣ и совсѣмъ другое дѣло — практическое ихъ примѣненіе на практикѣ. Пятнадцать лѣтъ уже дѣйствуютъ наши судебные уставы, но понятіе о законности развивается слабо; серьезнаго огражденія своихъ правъ, въ особенности личныхъ, общество не заимѣ-

мъ и существеннаго облегченія въ судебныхъ издержкахъ не видятъ. Напротивъ, эти издержки значительно возросли и предъявить незначительный искъ не въ мѣстѣ своего жительства по-жительно немислимо. Затѣмъ, что сдѣлалось, напримѣръ, съ принципомъ самостоятельности и независимости суда? Во что об-тилась несмѣняемость судей? Чѣмъ сдѣлалась наша самостоя-ьянная обвинительная власть и что такое наша адвокатура?... на постановка этихъ вопросовъ достаточно указываетъ, что и этомъ случаѣ надежды общества не осуществились.

Едва ли нужно къ этому прибавлять, что реформы по учеб-й части были еще менѣе удовлетворительны. Много было пи-но въ нашей печати по этому поводу, но вредныя послѣдствія ительности графа Толстаго далеко еще не исчерпаны. Много рькаго и безотраднаго внесъ онъ въ школу своею односторон-стью и своимъ формализмомъ и долго еще намъ придется вы-рять послѣдствія этой печальной дѣятельности. Постараемся ише не думать объ этомъ.

Теперь спрашивается, гдѣ же причина всѣхъ этихъ неудачъ почему тѣ же самыя основныя начала, такъ благотворно дѣй-вующія въ другихъ странахъ, вырождаются у насъ въ какую-особую форму и оказываются вовсе не тѣмъ, чѣмъ они быть жны? Неужели же дѣйствительно правы тѣ, которые думаютъ, о все то, что выработано человѣчествомъ, намъ вовсе непри-дно и что мы какая-то особая раса, въ которой все должно ти на-выворотъ?...

Согласиться съ этимъ не только трудно, но положительно возможно. Напротивъ, я думаю, что причина подобныхъ не-ачъ заключается въ полумѣрахъ, въ частичномъ примѣненіи лько нѣкоторыхъ началъ общественной цивилизаціи безъ вся-го измѣненія административнаго механизма нашего управленія. и упразднили крѣпостное право, нѣкоторые мѣстные интересы брили управленію выборныхъ лицъ, установили новые суды новыѣхъ началахъ, а между тѣмъ Наказъ губернаторамъ по-вжнему остается закономъ безъ всякихъ измѣненій, признаетъ ьрнатора хозяиномъ губерніи и создаетъ ему права, близкія крѣпостнымъ правамъ помѣщика, по крайней мѣрѣ такія, пе-ць которыми личныя права обывателя исчезаютъ. Съ одной роны законъ говоритъ, что никто безъ суда не можетъ быть казанъ, а съ другой—предоставляется губернатору право вы-ать обывателя изъ губерніи. Вообще наше чиновничество—съ

верху до низу—вооружено такою громадною властью, что привлеченіе его къ отвѣтственности за незаконныя дѣйствія на практикѣ становится положительно невозможнымъ, въ особенности когда дѣло идетъ о лицахъ, стоящихъ на болѣе высокихъ ступеняхъ іерархической лѣстницы.

Очень естественно, что, при такихъ условіяхъ нашей практики, новыя начала общественной жизни, внесенныя въ нее реформами, были не по вкусу очень многимъ. Борьба стараго съ новымъ, при полной безнаказанности должностныхъ лицъ, велась и ведется сознательно и бессознательно. Многие администраторы даже не имѣвшіе ничего противъ реформъ, тянули назадъ только по привычкѣ къ старымъ порядкамъ, утверждая, что нельзя такъ, вдругъ,—но всему надо идти постепенно, и т. д. Все это вызывало такую страшную путаницу понятій, такой хаосъ въ административной практикѣ, въ которомъ трудно будетъ разбраться будущему историку. Я не буду пояснять мою мысль примерами и думаю, что каждый читатель знаетъ много такихъ фактовъ, которые подтверждаютъ мою мысль. Я указываю на эту путаницу понятій для того только, чтобы показать причины нашихъ неудачъ. Самые лучшія намѣренія должны оказаться бесполезными, если новыя начала, вводимыя въ жизнь, сопоставлены съ старыми порядками и обречены на борьбу съ ними безъ серьезныхъ гарантій ихъ ненарушимости, какъ это случилось у насъ. Всякая новая идея трудно прививается къ жизни уже потому только, что она—новая, тогда какъ старая имѣетъ глубокіе корни. Поэтому нечего удивляться, что наши реформы не имѣютъ тѣхъ благотѣльныхъ послѣдствій, которыхъ отъ нихъ ожидали и на это прямо указываетъ извѣстный циркуляръ г. министра внутреннихъ дѣлъ, графа Игнатъева, 6 мая прошлаго года.

Всѣ эти обстоятельства, взятыя вмѣстѣ, создаютъ такое страшное положеніе дѣлъ, при которомъ не существуетъ никакой уверенности въ завтрашнемъ днѣ. Всякій человѣкъ опасается взяться за какое-нибудь серьезное дѣло, не будучи убѣжденъ, что существующія правила не измѣнятся и что его предпріятію не помѣшаетъ кабая-нибудь случайность, которая не можетъ входить въ какіе расчеты, но которая очень возможна при настоящихъ условіяхъ нашей жизни, т. е. при совершенной безконтрольности административной власти. Устойчивость правилъ, регулирующихъ промышленную дѣятельность, есть первое и необходимое условіе всякаго промышленнаго прогресса. Но что ожидаетъ!

часть впередъ ту или другую отрасль промышленности, будетъ ли она подвергнута налогу, или нѣтъ? Въ какія условія будетъ поставленъ кредитъ въ самое ближайшее время?—На эти вопросы никто отвѣчать не въ состояніи и до послѣдняго времени не было никакой увѣренности даже въ томъ, будетъ или не будетъ увеличено количество денежныхъ знаковъ въ обращеніи. Вслѣдствіе этого, на нашемъ рынкѣ существуетъ такое колебаніе цѣнъ, которое неизвѣстно ни въ какой другой странѣ и которое ставитъ наше промышленное дѣло въ положеніе шаткое и рискованное. Всего же болѣе это колебаніе проявляется на нашихъ хлѣбныхъ цѣнахъ и до времени года, и по мѣстностямъ, такъ что это колебаніе не можетъ быть оправдано вовсе стоимостью передвиженія и объясняется исключительно алчностью спекуляціи и ея возможностью эксплуатировать производителя. Принимая же въ воображеніе, что производствомъ хлѣба у насъ занято 80% нашего населенія, можно судить, какую пертурбацію вносить подобный порядокъ въ нашу промышленную жизнь.

Надобно сознаться, что дѣятельность нашего государственнаго банка въ значительной мѣрѣ содѣйствуетъ такому шаткому положенію дѣлъ. Обладая громадной наличною кассой, которая доходитъ иногда до 140 мил. руб., считая съ конторами и отдѣленіями, онъ можетъ колебать цѣны всѣхъ предметовъ только однимъ расширеніемъ и стѣсненіемъ кредита, не прибѣгая вовсе къ повышенію или пониженію учетнаго и вкладнаго процентовъ, такъ какъ за кредитные билеты онъ ихъ не платитъ. Поэтому намъ совершенно непонятно, почему государственное казначейство считаетъ своею обязанностью уплачивать банку долгъ за кредитные билеты, выпущенные въ обращеніе на покрытіе военныхъ расходовъ, тогда какъ эта уплата вовсе не обязываетъ банкъ уничтожать эти билеты. Для какой цѣли считается необходимымъ вооружать банкъ въ такихъ размѣрахъ кассовою наличностію и давать ему возможность поддерживать и биржевую игру, и спекуляцію товарами? Кредитные билеты выпускались вовсе не для спекуляцій государственнаго банка; а потому, когда государственное казначейство нашло возможность уплатить за нихъ, то нѣтъ никакой надобности оставлять ихъ въ распоряженіи государственнаго банка, расширеніе операций котораго ведетъ только къ поддержанію дороговизны и къ увеличенію банковыхъ барышей. Представляя государственную роспись, г. министръ финансовъ въ своемъ докладѣ оправдываетъ подобную мѣру, но

я, съ своей стороны, не могу согласиться съ его мнѣніемъ. позволю себѣ замѣтить, что прибыли банка, куда бы онъ ни былъ направлены, не могутъ оправдывать подобнаго вреднаго порядка вещей. Одна возможность государственнаго банка бросить во всякое время на нашъ денежный рынокъ около 100 мил. рубль денежных знаковъ создаетъ такія условія для промышленности при которыхъ самый правильный расчетъ можетъ означаться не вѣрнымъ. Если же принять въ соображеніе, что подобный капиталъ отнюдь не представляетъ собою свободныхъ ресурсовъ промышленности, ввѣренныхъ банку временно, а только слѣдствіе распоряженія министерства, не находящаго нужнымъ уничтожать бумажныя деньги уже изыятія изъ обращенія, тогда необходимо придти къ слѣдующей дилеммѣ: или государственное казначейство находится въ такомъ положеніи, что накопленіе банковской кассы ему необходимо на случай покрытія текущихъ расходовъ, и недостатку поступающихъ доходовъ, — или государственныя банки желаютъ спекулировать бумажными деньгами, въ видахъ увеличенія своихъ доходовъ, несмотря на весь вредъ, который происходитъ отъ ихъ излишества какъ для правительства, такъ и для общества. Въ первомъ случаѣ подобная мѣра равнозначительна новому выпуску бумажныхъ денегъ и указываетъ на безцѣльность сдѣланнаго займа, во второмъ — не имѣетъ за себя никакихъ оправданій. Кромѣ указанной мною дилеммы, другіе мотивы для подобнаго распоряженія быть не могутъ, и это потому простымъ основаніемъ, что настоящая наличная касса банка вдвое болѣе всѣхъ суммъ, внесенныхъ частными лицами на текущій счетъ, вслѣдствіе чего банкъ не можетъ нуждаться въ такой значительной кассѣ. Онъ долженъ быть только посредникомъ между капиталистами и заемщиками и вовсе не обязанъ пропускать ссуды въ размѣрахъ, превышающихъ его собственныхъ капиталъ и ввѣренный ему на храненіе. Употреблять же для этихъ цѣлей бумажныя деньги, изыятія изъ обращенія путемъ государственнаго займа, значить не принимать въ соображеніе ни государственныхъ, ни частныхъ интересовъ и создавать средства для поддержанія той искусственной дороговизны, которая создана выпускомъ бумажныхъ денегъ.

Все сказанное выше объясняетъ до известной степени, почему матеріальное благосостояніе нашего отечества не только не развивается, но отчасти падаетъ, несмотря на дружныя реформы совершившіяся въ послѣдніи двадцать лѣтъ. Но я до сихъ поръ

еще ни слова не говорилъ о нашихъ финансовыхъ реформахъ, отъ которыхъ, конечно, всего болѣе зависитъ матеріальное благосостояніе народныхъ массъ. Если мы съ вами, читатель, обратимся къ этимъ реформамъ, и посмотримъ, что сдѣлано въ этомъ отношеніи въ нашемъ финансовомъ мірѣ, то увидимъ здѣсь еще большее колебаніе, еще болшую непослѣдовательность и полнѣйшее незнакомство съ нуждами и потребностями массы рабочаго люда, который между тѣмъ представляетъ собою главную платящую силу въ государствѣ. Новыя условія государственной и общественной жизни требовали новыхъ жертвъ со стороны именно этой платящей силы, а между тѣмъ для нея собственно не дѣлалось ровно ничего. Такъ, несостоятельность подушной подати и паспортной системы была признана еще въ пятидесятыхъ годахъ и въ 1859 году была учреждена податная коммиссія съ цѣлю изысканія способа замѣны этого налога другимъ болѣе справедливымъ, упадающимъ не на трудъ, а на имущество и доходы состоятельныхъ классовъ. Казалось бы, что съ отмѣною вѣрностнаго права главная забота финансоваго вѣдомства должна состоять въ преобразованіи самаго характера нашего бюджета и въ уничтоженіи въ немъ всѣхъ признаковъ вѣрностныхъ отношеній, вслѣдствіе которыхъ русскій народъ дѣлился на податные и привилегированные классы. Въ этихъ видахъ отмѣна подушной подати и введеніе подоходнаго налога представляли наиболѣе желесообразныя средства. Но вотъ прошло уже болѣе 20 лѣтъ съ того времени, какъ несостоятельность подушной подати признана официально, а вопросъ объ ея отмѣнѣ не выходитъ изъ области предположеній. По временамъ онъ обращалъ на себя вниманіе и, повидимому, выдвигался на первую очередь; такъ, въ 1870 году составленъ былъ проектъ о подворномъ налогѣ и препровожденъ на заключеніе губернскихъ земскихъ собраній. Представители нашего земства почти единогласно заявили, что подобная реформа недостаточна, и ходатайствовали о введеніи подоходнаго налога взамѣнъ подушной подати. Въ виду прямо выраженнаго со стороны представителей достаточныхъ классовъ желанія принять на себя значительную долю народнаго бремени, можно было считать разрѣшеніе этого вопроса близкимъ, такъ какъ одно изъ самыхъ главныхъ препятствій къ его введенію—неудовольствіе высшихъ классовъ—оказалось несуществующимъ. Тѣмъ не менѣе надежды лучшихъ русскихъ людей не осуществились. Два года тому назадъ вновь возникла мысль о введе-

ни подоходнаго налога и составлена комиссія, которая работала въ прошломъ 1880 году проеять, но дѣло опять затормозилось по неизвѣстнымъ причинамъ. По всей вѣроятности, постоянно возрастающіе государственные расходы заставляли откладывать столь радикальную реформу изъ опасенія, что новый налогъ на первый разъ не покроетъ всей суммы подушныхъ сборовъ. Дѣйствительно, расходы военнаго вѣдомства возрастали все это время такъ быстро, что необходимо было опасаться всякаго, хотя бы и временнаго, сокращенія доходовъ. Въ какия-нибудь 10 лѣтъ, начиная съ 1863 года, они почти удвоились и поэтому быть-можетъ сочтено было невозможнымъ приступить къ радикальной реформѣ въ податяхъ. Конечно, подобныя опасенія не выдерживаютъ критики, такъ какъ финансовая реформа, произведенная своевременно, удвоила бы наши силы на время войны; но такое соображеніе, повидимому, не имѣло мѣста ни въ военномъ, ни въ финансовомъ вѣдомствахъ. Для податной реформы не сочтено было возможнымъ воспользоваться даже нашимъ кредитомъ, который въ началѣ семидесятыхъ годовъ стоялъ очень твердо. Но быть-можетъ я ошибаюсь, быть-можетъ здѣсь играли роль другія соображенія, въ силу которыхъ считалось неудобнымъ привлекать къ податнымъ тягостямъ высшіе классы. Я, конечно, объ этомъ судить не могу и потому не высказываю никакого заключенія.

Но этого мало. Подушная подать не только не была замѣнена никакимъ другимъ налогомъ, но она и вмѣстѣ съ нею прежній государственный земскій сборъ, взимавшійся также съ податной души, неоднократно возвышались. Какъ согласить подобныя распоряженія рядомъ съ признаніемъ этого начала несостоятельнымъ и съ существованіемъ особой комиссіи для замѣны его налогомъ болѣе справедливымъ? Подобный вопросъ имѣетъ тѣмъ большее значеніе, что подушная подать служитъ тормозомъ для другихъ мѣропріятій и заставляетъ удерживать, по сознанию самихъ правительственныхъ лицъ, вредные въ экономическомъ отношеніи порядки. Сюда относится прежде всего наша паспортная система—этотъ налогъ не только на трудъ, но даже на право труда, естественно и неотъемлемо принадлежащее человѣку,—налогъ, создающій поводъ къ вымогательству со стороны сельскихъ властей и цѣлый классъ бѣглыхъ и безпаспортныхъ, эксплуатация труда которыхъ такъ выгодна для кулаковъ и далеко не безвыгодна для низшихъ полицейскихъ властей; я не говорю уже

и массѣ судебныхъ и арестантскихъ дѣлъ, являющихся слѣдствіемъ этой системы. Въ переселенческомъ вопросѣ подушная подать также служитъ однимъ изъ препятствій къ его разрѣшенію, между тѣмъ этотъ вопросъ самимъ правительствомъ признанъ однимъ изъ главныхъ въ настоящую минуту. Тѣмъ не менѣе вопросъ объ отиѣнѣ подушной подати не идетъ дальше канцелярій и дѣйствительно нельзя не согласиться, что затруднительное положеніе государственнаго казначейства, *въ виду господствующей у насъ практики*, едва ли благопріятствуетъ разрѣшенію подобныхъ крупныхъ вопросовъ. Обстоятельство это можетъ служить урокомъ, какъ опасно отлагивать въ спокойное время рациональныя реформы, необходимыя въ интересахъ народныхъ массъ. «Для чего прибѣгать къ ломкѣ цѣлой бюджетной системы, — говорили намъ, — когда государственные финансы находятся въ удовлетворительномъ положеніи?... Старый налогъ, къ которому привыкъ народъ, всегда лучше новаго». Само собою разумѣется, что подобными сужденіями могли руководиться только люди, для которыхъ не существуютъ ни выводы финансовой науки, ни исторія. — Для того, отвѣчу я этимъ господамъ, чтобъ имѣть такую финансовую систему, при которой не истощались бы источники государственнаго дохода, а напротивъ возрастали, и которая при періодически-возникающихъ въ исторіи кризисахъ не имѣла бы нужды прибѣгать къ выпуску бумажныхъ денегъ — этому страшному, разрушительному орудію всякаго государственнаго и народнаго хозяйства и выгодному только для однихъ хищниковъ. Въ теченіе 16 лѣтъ со времени освобожденія крестьянъ и до восточной войны, въ спокойное и благопріятное для нашихъ финансовъ время, мы медлили съ необходимою реформой, а между тѣмъ народное благосостояніе все болѣе и болѣе понижалось, такъ что въ моментъ открытія военныхъ дѣйствій нашъ внутренний рынокъ не могъ предложить правительству никакого кредита. Внѣшніе же рынки въ подобныхъ случаяхъ, и въ особенности для нашего отечества, бываютъ или невыгодны, или вообще недоступны. Только выпускъ 400 мил. кредитныхъ билетовъ, доставшихся нашимъ и заграничнымъ капиталистамъ по дешевымъ цѣнамъ, далъ тѣмъ и другимъ возможность откликнуться подпискою на облигаціи восточныхъ займовъ, тѣмъ болѣе, что переводъ ихъ въ Россію по болѣе высокому курсу въ сравненіи съ тѣмъ, который стоялъ во время ихъ выпуска, былъ для заграничныхъ капиталистовъ выгоденъ. Но еслибы тѣ 50.000.000

рублей, которые доставляются подушною податью, были зачтены налогомъ на имущество и доходы и со времени освобожденія крестьянъ оставались бы въ рукахъ народа, то это уменьшило бы конечныя непроизводительныя траты классовъ имущихъ и нѣтъ сомнѣнн, что виѣсть съ тѣмъ утроилась бы сумма цѣнностей въ рукахъ народа. При такихъ условіяхъ внутренній рынокъ не остановился бы предложить правительству необходимый кредитъ, а безъ выпуска кредитныхъ билетовъ послѣдніе сохранили бы свою прежнюю стоимость и военные расходы обошлись бы значительно дешевле. Изъ сказаннаго прямо слѣдуетъ, что общее правило частной житейской мудрости: «не откладывай того до завтра, что можешь сдѣлать сегодня» — имѣетъ приложение и въ государственной жизни.

Нашъ питейный доходъ также представляетъ характерную черту нашего бюджета какъ потому, что онъ доставляетъ около 30% всего государственнаго дохода, такъ и потому, что 90% этого дохода оплачиваются тѣми же податными классами народа, а потому придаетъ нашему бюджету крѣпостной характеръ. Если не допускать подобнаго взгляда на дѣло, то трудно объяснить причину, почему нашъ рабочій человѣкъ долженъ платить въ десять разъ дороже противъ дѣйствительной его стоимости за стаканъ вина, необходимый ему не только по условіямъ климата, но и по условіямъ его пищи и труда, и это тогда, когда виноградныя вина, привозимыя изъ-за границы, не несутъ и десяти доли такого обложенія. Одни фискальные интересы ни въ какомъ случаѣ не могутъ и не должны оправдывать такого громаднаго и несправедливаго обложенія продукта, совершенно необходимаго для рабочаго человѣка. Я говорю «несправедливаго» тѣмъ съ большимъ основаніемъ, что существующая система винныхъ патентовъ создаетъ чистѣйшую монополію и заставляетъ рабочаго человѣка, покупающаго вино въ-розницу, платить гораздо болѣе въ пользу виноторговца, чѣмъ въ казну.

Въ началѣ шестидесятыхъ годовъ, когда въ обществѣ существовало стремленіе къ облегченію судьбы меньшаго брата, откупная система, которая создавала откупщикамъ возможность вѣшать въ свою пользу съ народа налогъ равный казенному, подвергалась всеобщему порицанію. Вся литература того времени была переполнена статьями противъ откупной системы и правительство, внявъ справедливому негодованію общества, устранило откупщиковъ—этихъ пиявокъ, высасывавшихъ изъ кармана ра-

всего люда всё плоды его заработка; и предоставило винную торговлю свободной конкуренціи. Но этотъ порядокъ недолго продолжался. Люди, выросшіе на отступныхъ порядкахъ и привыкшіе для своей наживы пользоваться всеми возможными злоупотребленіями, считали ихъ своимъ правомъ и не могли свыкнуться съ тѣмъ порядкомъ вещей, который упразднялъ ихъ преступную дѣятельность. Этимъ людямъ не давали покоя тѣ несчастные гроши, которые оставались въ карманѣ бѣдняка и за которые онъ могъ позволить себѣ выпить лишній въ недѣлю стаканъ дешевой водки. Они начали кричать о повальномъ пьянствѣ народа, хотя никакого особаго пьянства ни въ то время, ни послѣ него не было, за исключеніемъ развѣ первыхъ дней продажи дешеваго вина. Напротивъ, народъ очень скоро сталъ привыкать къ болѣе правильному потребленію вина, которое сдѣлалось для него болѣе доступнымъ и потому не было для него диковинкой. Въ виду такихъ криковъ съ одной стороны и удобства увеличенія государственныхъ доходовъ безъ обремененія себя изысканіемъ новыхъ источниковъ государственнаго дохода съ другой, наше финансовое управленіе скоро склонило ухо къ этимъ крикамъ поддѣльныхъ патріотовъ и непризванныхъ охранителей народной нравственности. Оно не только стало возвышать сумму акциза, но и прямо пошло на удочку чаявшихъ возстановленія монополіи, возвышая цѣну патента на питейныя заведенія. Эксплуататорамъ народнаго труда только этого и требовалось. Они успѣли убѣдить министерство финансовъ, что, сокращая число питейныхъ заведеній путемъ возвышенія цѣны патента, оно тѣмъ самымъ можетъ сократить пьянство безъ уменьшенія государственнаго дохода. Наше финансовое управленіе, да и не оно одно, повѣрило гг. Калупаевымъ на слово и тѣмъ болѣе, что между ними являлись и земскіе люди. Наши вѣрнопостники, потерявши возможность гнуть въ бараний ротъ рабочаго человѣка и неумѣвши управиться съ своимъ хозяйствомъ, тоже пристали къ хору гг. Калупаевыхъ и поддерживали ихъ крики о повальномъ пьянствѣ русскаго народа, между тѣмъ какъ ни въ одномъ государствѣ Европы не потребляется спиртныхъ напитковъ менѣе, чѣмъ у насъ. Въ результатъ подобныхъ стремленій оказалось, что при настоящей стоимости патентовъ содержаніе питейныхъ заведеній сдѣлалось доступнымъ только крупнымъ капиталистамъ, т. е. владѣльцамъ винныхъ складовъ, которые подъ чужими именами содержатъ кабаки чуть не въ цѣлыхъ уѣздахъ и являются такимъ образомъ

прежними откупщиками съ тою только разницею, что прежній грабёж откупщика былъ злоупотребленіемъ, тогда какъ теперешній грабёж содержателя питейныхъ заведеній есть его законное и неоспоримое право. Плата правительству акциза 2 рубъ 80 коп. за ведро въ 40° крепости и за стоимость вина не болѣе 80 коп., онъ беретъ съ народа при розничной продажѣ до 10 руб., т. е. получаетъ до 177% на рубль, не считая того, насколько онъ обижаетъ покупателя и въ качествѣ вина, и въ количествѣ. Еслибы положить въ цѣну и то и другое, то навѣрное виноторговецъ беретъ съ него всё 200%, или 2 рубля на рубль. На этомъ основаніи я смѣло утверждаю, что если правительству получаетъ 200.000.000 рублей питейнаго дохода, то народъ выплачиваетъ виноторговцамъ никакъ не менѣе 400.000.000 рубъ. Но эта цифра должна еще возвыситься, если принять въ соображеніе, что при рѣдкости питейныхъ заведеній непременно должно существовать тайная торговля виномъ, при которой цѣна вина возвышается еще болѣе. Вотъ какіе результаты получаются при нынѣшней системѣ высокой цѣны за патентъ!... Несмотря однакожь на то, что существующій порядокъ представляетъ собой гораздо болѣе разорительное для народа явленіе, онъ никого не возмущаетъ, — напротивъ, даже свѣдущіе люди, собранные въ Петербургѣ, продолжали настаивать на необходимости сокращенія числа мѣстъ раздробительной продажи; а чтобы такое сокращеніе не породило той монополіи, которая въ дѣйствительности существуетъ, то съ этою цѣлію гг. свѣдущіе люди придумали поистинѣ гениальное средство: они установили не выдавать на одно лицо болѣе одного патента, а цѣны патентовъ опредѣлять съ торговъ. Тутъ уже просто не знаемъ чему удивляться: глубокою мыслию ли свѣдущихъ людей, или ихъ полной наивности и незнакомству съ условіями практической жизни. Неужели имъ никогда не приходилось слышать, что складчики держатъ кабалы на чужое имя? Неужели они не знаютъ, что, при отдачѣ мѣстъ раздробительной продажи съ торговъ, съ богатымъ виннымъ торговцемъ никто изъ мелкой братіи конкурировать не станетъ, на томъ простомъ основаніи, что при высокой цѣнѣ патента богатый содержатель склада и владѣлецъ нѣсколькихъ питейныхъ заведеній въ окрестности можетъ легко подорвать его торговлю? Если они этого не знаютъ, то по какому праву берутъ на себя смѣлость подавать совѣты правительству?—Вотъ вопросъ, на который они обязаны дать отвѣтъ обществу.

Если предположить, что цѣна патентовъ осталась бы та, которая установлена была съ самаго начала при введеніи акцизной системы, то навѣрное можно сказать, что виноторговцы въ свою пользу не могли бы собирать болѣе 100.000.000 рублей, къ какъ при свободной конкуренціи и такой барышъ былъ бы рошнмъ, а въ такомъ случаѣ до 300.000.000 рублей оставался бы въ рукахъ народа ежегодно. Десять лѣтъ такого порядкаицей сохранили бы въ рукахъ народа цѣнностей не на одинъ миллиардъ рублей, которые также могли удвоиться и утроиться въ производительнаго употребленія. При такихъ условіяхъ, я бы повторю; нашъ внутренний рынокъ самъ снабдилъ бы правительство средствами для минувшей войны безъ выпуска бумажныхъ денегъ; тѣмъ болѣе, что наша валюта могла возвратить свою стоимость задолго до войны, вслѣдствіе усиленія потребности въ денежныхъ знакахъ, и звонкая монета задолго до войны перестала бы обѣгать нашъ рынокъ. Послѣдствія подобнаго порядка вещей были бы неисчислимы. Начать съ того, что Россія не обманывала бы себя на стоимости нашего рубля и не брала бы ежегодно громадныхъ суммъ на курсовой разницѣ оружія и т.д.; нашъ государственный бюджетъ сохранилъ бы дѣйствительную свою стоимость и государственный расходъ не возсталъ бы съ такою неимоверною быстротой, а вслѣдствіе этого нашему финансовому вѣдомству не представлялось бы необходимости бороться съ хроническимъ дефицитомъ и изыскивать новые источники государственнаго дохода; народъ не голодалъ бы, какъ въ 1880 году, отъ случайнаго неурожая и не потребовалъ бы на свое продовольствіе 7.200.000 рублей изъ суммъ государственнаго казначейства (см. объюн. записку къ отчету госуд. контр., стр. 36) за истощеніемъ всѣхъ средствъ продовольственнаго капитала, а напротивъ имѣлъ бы свои запасныя средства для того, чтобы пережить временное бѣдствіе; наконецъ, не представлялось бы никакой надобности создавать искусственно разныя производства, трудно приживающіяся на нашей почвѣ: народъ, сохранивъ въ своихъ рукахъ указанныя средства, создалъ бы спросъ на такіе продукты, въ которыхъ онъ дѣйствительно нуждается, и наше производство развилось бы твердо и самостоятельно, не опасаясь заграничной конкуренціи. Да, еслибы цѣна патента со времени введенія акцизной системы не возвышалась и не уничтожала бы свободной конкуренціи въ винной торговлѣ, то положеніе Россіи было бы другое. Но, къ сожалѣнію, этого не слу-

чило и мы должны исчерпать всё послѣдствіи недалководной политики прежняго финансоваго управленія.

Противъ высказанныхъ мною положеній многіе, конечно, будутъ возражать и прежде всего замѣтятъ, что невозможно ставить зависимость отъ подобныхъ незначительныхъ причинъ такихъ важныхъ послѣдствій; затѣмъ будутъ утверждать, что если наивинные торговцы и възмываютъ съ народа въ свою пользу двойной налогъ противъ взимаемаго правительствомъ, то капиталы только пережѣщаются, но все же остаются въ Россіи, и, конечно, не остаются праздыми, а идутъ также на развитіе производства. Я, конечно, не поставлю въ зависимость нынѣшняго неутѣтельнаго положенія только отъ одной указанной мною причины на томъ простомъ основаніи, что данное экономическое положеніе страны есть результатъ совокупнаго вліянія многихъ, и притомъ сложныхъ, факторовъ, дѣйствующихъ въ разныхъ направленіяхъ; но я думаю, что уничтоженіе свободной конкуренціи и винной торговлѣ путемъ высокой платы за патентъ было очень важнымъ факторомъ, имѣвшимъ значительную долю вліянія и объединеніе крестьянскаго населенія. Съ другой стороны, я не помню моихъ оппонентамъ старую поговорку, что «les petites causes produisent de grands effets»; подтвержденіе второй мы встречаемъ въ жизни на каждомъ шагѣ. Сколько очень полезныхъ предпріятій потерпѣло неудачу отъ того только, что были забыты какія-нибудь бездѣлицы, сколько печальныхъ событій совершилось въ исторіи отъ того только, что люди переступали границы необходимаго и полезнаго, и, конечно, не намъ, русскимъ, далеко ходить за примѣрами. Что же касается того обстоятельства, что капиталы все-таки остаются въ Россіи и употребляютъ производительно, то это далеко не все равно; и въ особенности въ нашемъ отечествѣ. Человѣкъ нуждающійся, вслѣдствіе самаго своего положенія, не можетъ дозволить себѣ непроизводительныя траты и каждую небольшую сумму, попадающую въ его руки, старается употребить наиболѣе производительнымъ для себя образомъ; тогда какъ капиталистъ, сосредоточивая въ своихъ рукахъ путемъ монополіи значительную долю народныхъ средствъ въ виду легкой наживы, можетъ позволить себѣ самыя безумныя траты и эти траты при извѣстныхъ условіяхъ могутъ даже поглотить не только весь избытокъ народнаго труда, остающагося за удовлетвореніемъ необходимыхъ потребностей рабочаго, но и коснуться народнаго капитала, такъ какъ доходы капита-

и могут возрастать на счетъ потерь другихъ классовъ общества. Подобное зло можетъ быть очень долго незамѣченнымъ и не вреднѣе можетъ отозваться впоследствии. Кроме того наши капиталисты, сосредоточивая въ своихъ рукахъ избытокъ народнаго труда, затрачиваютъ его не на развитіе нашихъ производительныхъ силъ, а преимущественно на торговлю, спекуляцію биржевую игру, т. е. на дальнѣйшее высасываніе изъ народа всѣхъ средствъ его существованія. Но такъ какъ наша ржа въ свою очередь эксплуатируется заграничными биржами, спекуляція, вслѣдствіе значительнаго колебанія цѣнъ, весьма извлекана, то извлеченные изъ народа капиталы скопляются и ржа исчезаетъ въ свою очередь, *какъ воскъ отъ лица огня*. Утвержденіе этого можно видѣть въ томъ, что у насъ рѣдко вживаются старыя торговыя фирмы: мы безпрестанно видимъ нынѣ, восходящія свѣтила въ торговомъ и спекулятивномъ мірѣ такъ же часто присутствуемъ при ихъ паденіи. Поэтому я вновь вторю, что сосредоточеніе избытковъ народнаго труда въ рукахъ немногихъ ведетъ за собою одно раззореніе Россіи: она можетъ быть богата только зажиточностью русскаго крестьянина; потому я считаю совершенно ошибочнымъ и положительно вреднымъ мнѣніе, что Россія ничего будто бы не термѣтъ, если капиталы переходятъ изъ рукъ трудящагося люда въ руки ловкихъ биржистовъ и эксплуататоровъ.

Выше я связалъ, что, къ сожалѣнію, наше финансовое управленіе смотрѣло совершенно иначе на этотъ предметъ. Увлекаясь мѣтрами западно-европейской производительности и торговли, оно полагало обогатить Россію, пересадивъ на нашу почву эти ящики, и съ этою цѣлью развитъ фабричное производство путемъ правительственной системы и создать возможность сбыта нашихъ произведеній на заграничные рынки посредствомъ устройства желѣзныхъ дорогъ и широкаго коммерческаго кредита. Бѣднѣе двумъ исключительно цѣлямъ была направлена вся дѣятельность финансоваго управленія, и теперь мы покинаемъ плоды этой ошибочной политики. Что касается неуданныхъ стремленій одворить фабричное у насъ производство, то я достаточно давалъ ошибочность ихъ въ статьѣ моей — «*Нашъ экономическій вѣдугъ*», знакомой читателямъ *Русской Мысли*. Теперь же скажу только, что пока благосостояніе нашего сельскаго населенія не изовьется настолько, чтобы оно могло создать спросъ на продукты фабричнаго труда и будетъ доводиться производиться

ними собственного труда, до тѣхъ поръ въ подобныхъ стремленіяхъ можно видѣть только полное непониманіе народныхъ нуждъ и потребностей. Что же касается до содѣйствія сбыту нашихъ произведеній за границу, то для сужденія, насколько удовлетворительно выполнимъ этотъ планъ и въ какой мѣрѣ достигаемъ подобная цѣль, я достаточно представилъ данныхъ въ книгѣ моей «Исторія желѣзнодорожнаго дѣла въ Россіи». Въ результатъ оказывается, что мы затратили болѣе двухъ миллиардовъ на сооруженіе желѣзныхъ путей, а возить намъ по этимъ путямъ въ большинствѣ случаевъ нечего и на нашъ государственный бюджетъ упадаетъ ежегодно до 50 мил. рублей приплаты по гарантіи дохода съ акцій и облигацій желѣзныхъ дорогъ. Но кромѣ того, общества желѣзныхъ дорогъ должны еще правительствомъ ссудами на покрытіе дефицитовъ тѣхъ дорогъ, доходы которыхъ не покрываютъ расходовъ эксплуатаціи, а также на капитальныя затраты по усиленію провозной ихъ способности. Такихъ ссуд на счетъ желѣзнодорожнаго фонда обществамъ желѣзныхъ дорогъ, лицамъ ихъ сооружающимъ и лицамъ приготавливающимъ желѣзнодорожныя принадлежности, какъ показано въ отчетѣ государственнаго контроля за 1880 годъ, оставалось къ 1881 году болѣе 119 мил. рублей *) и сверхъ того затрачено на заготовленіе подвижнаго состава и желѣзнодорожныхъ принадлежностей 87 мил. рубл. Независимо отъ сего, желѣзнодорожныя общества въ большинствѣ случаевъ не могутъ обходиться одними этими пособіями, такъ какъ необходимость оборотныхъ средствъ при сооруженіи или при всемъ не была предусмотрѣна, или была предусмотрѣна въ недостаточныхъ размѣрахъ, и вслѣдствіе этого общества должны кредитоваться въ частныхъ банкахъ, тѣмъ болѣе, что, при развитіи прямыхъ сообщеній съ переводомъ какъ провозной платы, такъ и платы за товаръ на получателя и взаимные расчеты по этимъ платежамъ между дорогами, потребность въ оборотныхъ средствахъ увеличивается все болѣе и болѣе. Между тѣмъ этотъ кредитъ обходится обществамъ чрезвычайно дорого. Не говоря уже о томъ, что банки по учету векселей взимаютъ до 8% годовыхъ на желѣзныя дороги, не имѣя собственныхъ векселей, должны обращаться къ посредникамъ, имѣющимъ кредитъ въ банкахъ, и выдаютъ имъ векселя для учета въ банкахъ, за что платится особая

*) Сумма этихъ долговъ, какъ временныхъ, въ книгѣ моей: «Исторія желѣзнодорожнаго дѣла въ Россіи» — не вошла въ общій итогъ долговъ желѣзнодорожныхъ обществъ правительству.

ный комиссионный процентъ; а такъ какъ векселя переписываются черезъ каждые три мѣсяца и вексельная бумага стоитъ коло $\frac{1}{16}$ ‰, то оказывается, что кредитъ частныхъ банковъ обходится желѣзнодорожнымъ обществамъ въ 14‰. Само собою разумѣется, что расходы эти сносятся на счетъ эксплуатаціи и падаютъ такимъ образомъ на счетъ гарантіи правительства; въ концѣ же концовъ и капиталная сумма долга частнымъ банкамъ должна быть уплачена правительствомъ, иначе не только желѣзнодорожныя общества, но и банки, ихъ кредитовавшіе, должны придти въ несостоятельность и вызвать всеобщій крахъ. Насколько такой порядокъ выгоденъ для государственнаго казначейства, предоставляю судить каждому. Если же при этомъ вспомнить, что помимо этихъ долговъ желѣзныя дороги состоятъ въ долгу у правительства по платежу гарантіи, по ссудамъ на достройку дорогъ и по недоимкамъ въ платежъ процентовъ по облигаціонному капиталу и что эти послѣдніе долги, судя по отчету государственнаго контроля за 1880 годъ, составляютъ 536 милліоновъ рублей, то увидимъ, что общая сумма ихъ долговъ значительно превысила общую сумму ихъ акціонернаго капитала, принадлежащаго частнымъ лицамъ, который не превышаетъ 550 милліоновъ рублей.

Надѣюсь, что читатель не посѣтуетъ на меня за изложеніе нѣкоторыхъ печальныхъ подробностей нашего желѣзнодорожнаго дѣла, но мнѣ показались онѣ необходимыми для уясненія настоящаго нашего экономическаго положенія и характеристики тѣхъ принциповъ, которые такъ долго руководили нашей финансовою политикою. Къ чему ведетъ такое положеніе дѣлъ, теперь становится яснымъ и безъ дальнѣйшихъ комментариевъ съ моей стороны. Что наше финансовое управленіе ограничивалось покровительствомъ капитализму и что въ его виды отнюдь не входило развитіе благосостоянія народныхъ массъ, доказывается и возрастаніемъ нашего бюджета, который съ самаго освобожденія крестьянъ, нисколько не измѣняя своего вѣрнопостнаго характера и упавъ преимущественно на низшіе классы народа, возросъ съ 300 до 700 милліон. руб., т.-е. увеличился на 125‰ въ какія-нибудь 20 лѣтъ времени. Цѣль эта достигнута не путемъ реформы въ налогахъ, не путемъ замѣны старыхъ и обременительныхъ податей новыми, постоянно прогрессирующими и взимаемыми съ болѣе состоятельныхъ классовъ общества, но очень простымъ способомъ возвышенія нормы прежняго обложенія, т.-е. путемъ еще большаго обремененія податныхъ классовъ. Такъ повышались

самые главные наши сборы: подушные, питейные, гербовые, и въ этомъ отношеіи даже нашъ таможенный налогъ не избѣжали общей участи и былъ два раза огульно повышеиъ. Подобное мѣропріятіе по отношеіи къ налогу, устанавливаемому не съ одной фискальною цѣлью и имѣвшему въ виду только охраненіе отечественнаго производства безъ перехода къ запретительной системѣ, является положительнымъ отрицаніемъ установленнаго принципа и теперь по нѣкоторымъ предметамъ ввоза нашъ тарифъ представляетъ чисто-запретительныя пошлины. Какъ на примѣръ подобной запретительной пошлины можно указать пошлину на сахаръ-сырецъ и въ особенности рафинадъ, продуктъ, сдѣлавшійся въ нашемъ обиходѣ одной изъ необходимѣйшихъ потребностей даже для бѣдныхъ классовъ. Взимаемая съ этого продукта пошлины и прежде были огромны (въ сырецъ до 50% его стоимости а въ рафинадъ даже до 100%), а съ переложеніемъ ихъ на золото и съ повышеіемъ еще на 10% сдѣлались положительными запретительными. Послѣдствіемъ такого порядка, при ограниченности нашего свеклосахарнаго производства сравнительно съ потребностію въ немъ, постоянно возрастающей, явилась чудовищная спекуляція этимъ товаромъ и значительное возвышеніе цѣнъ, хотя условія производства остались прежнія.

Обращаясь къ процентному возвышенію нашего бюджета съ времени освобожденія крестьянъ, слѣдуетъ замѣтить, что такое громаднаго повышеіия въ такой незначительный періодъ времени не представляетъ вся исторія европейскихъ народовъ, и это явленіе представляется тѣмъ болѣе печальнымъ, что развитіе нашихъ производительныхъ силъ возвышалось далеко не въ той степени и притомъ далеко не повсемѣстно. Только въ первые годы по освобожденіи крестьянъ и съ отиѣной откуповъ народъ вздохнулъ нѣсколько свободнѣе, но затѣмъ, какъ скоро наши Калужаевы и Разуваевы успѣли оглядѣться и примѣниться къ новымъ условіямъ, какъ скоро эти господа, а съ ними и наши помещики, замѣтили крестьянскую нужду въ деньгахъ на взносы податей и выкупныхъ платежей и ввели зимній наемъ на лѣтнія работы и высокую арендную плату за землю, тогда благосостояніе крестьянъ, а въ особенности въ черномемныхъ губерніяхъ, стало быстро впадать къ упадку. Въ какой мѣрѣ возвышался нашъ бюджетъ, показываетъ нижеслѣдующая таблица, составленная мною на основаніи отчетовъ государственнаго коитроля съ самаго начала ихъ опубликованія.

Годы.	Доходъ.	Расходъ.	Избытокъ дохода.	Недоста- токъ. дохода.	Увеличеніе про- тивъ 1866 года въ процентахъ.	
					Доходы.	Расходы.
1866	352,695,835	413,298,011	—	60,602,176	—	—
1867	419,838,426	424,904,090	—	5,065,664	19,	26
1868	421,560,459	441,282,998	—	19,722,539	19,6	6,7
1869	457,496,341	468,797,909	—	11,301,568	29,8	13,3
1870	480,558,831	485,482,065	—	4,923,254	36,9	17,4
1871	508,187,576	499,734,632	8,452,944	—	44,3	20,8
1872	523,057,196	523,077,475	—	23,279	48,5	26,8
1873	537,942,323	539,140,337	—	1,198,014	52,5	30,5
1874	557,733,591	543,317,034	14,416,557	—	58,2	31,3
1875	576,493,153	543,221,521	33,271,632	—	63,6	31,8
1876	559,262,692	573,107,058	—	13,844,666	58,8	38,7
1877	548,830,831	585,044,811	—	36,213,980	55,6	41,6
1878	625,972,735	600,510,612	25,462,123	—	77,5	45,2
1879	661,954,192	643,892,258	18,061,934	—	87,7	55,2
1880	651,016,683	694,505,313	—	43,480,630	84,9	68
			99,665,190	196,445,770		
			96,780,580			

Прежде нежели дѣлать накіе-нибудь выводы изъ означенной таблицы, я долженъ сдѣлать въ ней нѣкоторую поправку. Дѣло въ томъ, что въ нее вошли тѣ цифры, которыя показаны въ отчетахъ государственнаго контроля, но я нахожу въ тѣхъ же отчетахъ основаніе думать, что нѣкоторые изъ нихъ не вполне точно выражаютъ дѣйствительное положеніе дѣлъ. Такъ, за 1866 годъ доходъ показанъ на 11.000.000 руб. менѣе, на томъ основаніи, что пособие государственному назначенію изъ государственнаго земскаго сбора въ 1-му января 1867 года не было перечислено по счетамъ казначействъ въ подлежащія статьи доходной смѣты, хотя самыя суммы не только находились въ расходахъ министерства финансовъ, но и произведены въ расходъ. Вслѣдствіе этого сумма государственнаго дохода за этотъ годъ должна увеличиться на 11.000.000 рублей, съ уменьшеніемъ таковой въ 1867 году. Такимъ образомъ возвышеніе государственнаго дохода въ 1880 году будетъ уже не на 84,9%, а на 79,3%; затѣмъ, разсматривая списки расходовъ, отнесенныхъ въ 1879 и 1880 гг. къ расходамъ, вызваннымъ военнымъ временемъ, я не могу согласиться, что всѣ эти расходы обуславливаются этою причиною; напротивъ, я думаю, что многие изъ нихъ представляютъ текущіе расходы обыкновеннаго времени и должны быть прибавлены къ суммѣ расходовъ, отнесенныхъ на обыкновенные доходы имперіи. Такихъ расходовъ я насчиталъ въ 1879 году на сумму 78,399,610 руб., а въ 1880 году на

сумму 38.530.172 рубля. Прибавляя эти цифры къ расходамъ этихъ годовъ по вышеозначенной вѣдомости, окажется, что въ 1879 году былъ не избытокъ доходовъ въ 18.061.934 руб., дефицитъ въ 60.337.676 руб., и въ 1880 году дефицитъ будетъ не въ 49.480.630 руб., а въ 82.010.702 руб. На этомъ основаніи измѣнится и превышеніе расходовъ послѣднихъ двухъ лѣтъ противъ 1866 года, показанное въ процентахъ, такъ что это превышеніе въ 1879 году будетъ на 74,8%, а въ 1880 году на 79,8%. Самая же цифра общаго итога дефицитовъ, за исключеніемъ избытковъ, составитъ цифру 195.659.428 руб. Такимъ образомъ послѣ этихъ поправокъ оказывается, что возрастаніе нашего бюджета по доходу и расходу шло не одинаково, но въ концѣ концовъ достигло почти одинаковой цифры повышенія, при всемъ томъ нашъ доходный бюджетъ далеко еще не покрываетъ существующаго хроническаго дефицита.

Изъ этихъ данныхъ можно вывести заключеніе, что нашъ расходный бюджетъ постоянно и почти правильно возвышается, что, достигши равъ известной цифры, онъ никогда не могъ уменьшиться и что поэтому всякія надежды на сокращеніе нашихъ расходовъ безъ особыхъ реформъ въ общемъ государственномъ управленіи представляются положительными иллюзіями. Такая постоянная тенденція расходнаго бюджета къ повышенію настолько сильна, что даже сокращеніе доходовъ въ 1876 и 1877 годахъ не могло ослабить этой тенденціи и наши обыкновенные расходы, не считая, разумѣется, расходовъ военнаго времени за эти два года, возвысились на 42.000.000 руб., такъ что мы, имѣя въ теченіе 1875 года избытокъ доходовъ въ 33.000.000 руб., черезъ два года очутились съ дефицитомъ въ 36.000.000 руб. Ясно, что бюрократическій строй государственнаго управленія не въ состояніи сообразоваться съ обстоятельствами и средствами государственнаго казначейства. Относительно же доходнаго бюджета слѣдуетъ замѣтить, что повышеніе его, какъ я уже и говорилъ выше, не было слѣдствіемъ естественнаго роста прогрессирующихъ доходовъ, а простое, вынужденное, въ виду возрастающихъ расходовъ, увеличеніе нормы обложенія. Такимъ образомъ дѣло у насъ идетъ не такъ, какъ въ каждомъ правильномъ хозяйствѣ: не расходы соразмѣряются съ имѣющимися въ виду средствами, а наоборотъ—увеличивается цифра обложенія для покрытія возрастающихъ расходовъ. Насколько подобная система правильна, видно изъ того, что постоянныя прибавки къ старымъ

налогамъ достигли своего апогея въ 1875 году, а затѣмъ вновь стали понижаться и къ концу 1877 года понизились на 28.000.000 руб. Конечно, нельзя ставить въ вину финансовому управленію, что оно стремится къ возвышенію суммы государственнаго дохода; я думаю, что подобное стремленіе должно выражаться вовсе не въ той формѣ, въ какой оно выразилось, къ сожалѣнію, у насъ. При правильномъ пониманіи условій государственнаго хозяйства, такое стремленіе должно выражаться въ реформированіи самаго характера бюджета, въ отбѣннѣ устарѣлыхъ и обременительныхъ налоговъ и замѣннѣ ихъ такими, которые не мѣшали бы развитію промышленности и производства и взимались бы не съ труда, съ дохода и имущества, т.-е. съ плательщиковъ менѣе обремененныхъ и болѣе состоятельныхъ. Такіе налоги явились бы естественно прогрессирующими и, возрастая постоянно, давали бы новыя средства для вновь возникающихъ расходовъ. Но ничего подобнаго у насъ не было. Очевидно, что наше финансовое управленіе стремилось лишь къ тому, чтобъ удовлетворить потребности минуты, и ни разу не возвысилось настолько, чтобы подумать о будущемъ и о томъ, къ чему оно насъ ведетъ.

Тотъ скачокъ въ доходахъ государства, который они дѣлаютъ въ 1878 и 1879 годахъ, когда они съ 548.000.000 руб. въ 1877 году достигаютъ въ слѣдующемъ году 625.000.000 руб., это несмотря на годъ войны, а затѣмъ доходятъ въ 1879 г. до 661.000.000 руб., могъ бы, повидимому, служить опроверженіемъ моихъ словъ; но это только повидимому, въ сущности же это нисколько не уменьшаетъ значенія всего сказаннаго мною. Такое внезапное повышеніе государственныхъ доходовъ объясняется очень просто—громаднымъ выпускомъ бумажныхъ денегъ въ теченіе 1877 и послѣдующихъ годовъ на покрытіе тратъ военнаго времени. Четыреста милліоновъ кредитныхъ рублей; броненныхъ на рынокъ, не имѣвшій вовсе въ обращеніи звонкой монеты, способной своимъ отливомъ ослабить значеніе такого наплыва денежныхъ знаковъ,—на рынокъ; не имѣвшій въ своемъ распоряженіи никакого возможнаго корректива противъ такого перазчетливаго мѣропріятія,—естественно должны были временно переполнить всѣ каналы денежнаго обращенія. А такъ какъ однимъ изъ этихъ каналовъ являются кассы министерства финансовъ, то очень естественно, что часть излишнихъ въ обращеніи денегъ явилась временно въ этихъ кассахъ. Если тутъ можно чему удивляться, то развѣ тому только, что обратное теченіе денеж-

ныхъ знаковъ въ казначейства было относительно слабо, такъ какъ въ теченіе 1878 года въ кассы министерства финансовъ поступило менѣе пятой части, въ сравненіи съ количествомъ вновь выпущенныхъ въ обращеніе, а въ 1879 году не много болѣе четвертой. Наши охранители, не понимая вовсе значенія этого явленія, съ громомъ и шумомъ заявили, что средства Россіи неистощимы, что она, выдержавъ упорную и не легкую войну, не только не обѣднѣла, но, напротивъ, богатѣетъ, что ея доходы возросли на 20% въ годъ и что всѣ предсказанія пессимистовъ оказались чистѣйшимъ вздоромъ. Официальные заправители нашихъ финансовъ съ удовольствіемъ выслушивали эти рѣчи, а предостереженія людей науки — не увлекаться блестящимъ метромъ бумажныхъ денегъ — отвѣчали снисходительною улыбкою. Обстоятельства, однакоже, не замедлили показать, что правы были не охранители, а люди науки.

Вслѣдъ за быстрымъ поступленіемъ доходовъ въ 1878 и 1879 годахъ, расходы на обыкновенныя государственныя потребности возросли съ 600 милл. въ 1878 году до 722 милл. въ 1879 до 733 милл. въ 1880 году, то-есть оказалось, что вслѣдъ за увеличеніемъ доходовъ расходы возросли еще въ большей степени. Доходы же государственные, достигнувъ въ 1879 году своего апогея, въ 1880 году понизились уже на 10 милл. рублей, а въ 1881 году, несмотря на повышеніе нѣкоторыхъ налоговъ и обложеній, должны понизиться еще болѣе, и едва ли я ошибусь, если скажу, что такое пониженіе должно быть не менѣе какъ на 40 милл. рублей, такъ какъ въ однихъ таможенныхъ сборахъ надо ожидать недобора въ 20 милл. руб.; расходы же государственные въ текущемъ году если не возвысятся, то ужь конечно, не уменьшатся, такъ какъ для этого, при настоящихъ стоимости бумажнаго рубля, нѣтъ никакой возможности.

Последнія указанныя мною цифры очень краснорѣчиво говорятъ, какое непрочное положеніе дѣлъ создается въ будущемъ вслѣдствіе выпуска бумажныхъ денегъ, въ особенности на рынокъ, лишенный металлической валюты, и какъ дорого обойдется правительству тѣ четыреста миллионовъ безпроцентнаго и, помимо, очень дешеваго кредита. Пятнадцатилѣтній періодъ времени, за который изданы отчеты государственнаго монроля, и казалъ какъ нельзя болѣе, что бюрократическій порядокъ управленія государственными финансами, заботясь только объ удовлетвореніи потребностей настоящей минуты постоянными возвы-

нѣмъ однихъ и тѣхъ же налоговъ, не въ состояніи создать ударетву такой прочной системы, вслѣдствіе которой возросшіе доходности государства давало бы возможность удовлетворить вновь возникающія потребности, не только не усиливая степень обложенія, но уменьшая ее. Между тѣмъ только такая система и способна создать государству кредитъ, которымъ оно можетъ пользоваться въ случаяхъ международныхъ столкновеній, прибѣгая къ раззорительному средству выпуска бумажныхъ денегъ.

Выше я указалъ, что нашъ доходный бюджетъ, несмотря на стоянное и быстрое его возрастаніе, не могъ обходиться безъ фицитовъ и что сумма этихъ дефицитовъ доходитъ за пятнадцать только лѣтъ до почтенной цифры 195¹/₂ милл. рублей. Но, глядясь внимательно въ экономическое положеніе нашего отечества, нельзя не признать, что эта сумма дефицита, вытекающая изъ сравненія обыкновенныхъ доходовъ и расходовъ государства, далеко не выражаетъ дѣйствительной цифры дефицита, дающаго на народное хозяйство. Я не думаю этими словами казывать на сумму дефицита, вызванную обстоятельствами военного времени, при всей значительности этого дефицита; не казываю даже на непроеводительныя затраты въ видахъ сооруженія сѣти желѣзныхъ дорогъ. Нѣтъ, я говорю совсѣмъ о другомъ экономическомъ явленіи, которое есть необходимое и неизбежное слѣдствіе быстрого возрастанія государственныхъ налоговъ, — возрастанія, дающаго не на доходъ страны, а на ея оборотный капиталъ. Быстрое возвышеніе государственнаго дохода путемъ увеличенія нормы обложенія, при существующей у насъ системѣ налоговъ, необходимо влечетъ за собою указанное нами послѣдствіе, т. е. что это возвышеніе оплачивается не изъ дохода страны, а изъ ея оборотныхъ средствъ, и если этотъ дефицитъ не значится въ бюджетахъ, то во всякомъ случаѣ составляетъ несомнѣнный, но *скрытый дефицитъ народнаго хозяйства*, вызываемый исключительно возрастаніемъ государственнаго бюджета. Такой дефицитъ долженъ быть причисленъ къ явному дефициту; такъ какъ онъ устраняется изъ бюджета не потому, что государственный доходъ возвышается путемъ возрастанія производительности и развитія народнаго благосостоянія, а только потому, что возвысились налоги, оплаченные не изъ дохода народнаго, возвысившагося отъ увеличенія производства, а изъ оборотнаго капитала страны. Если такое экономическое явленіе

дѣйствительно существуетъ, то подобный дефицитъ представляется миѣ гораздо болѣе опаснымъ, чѣмъ прямой недостатокъ государственныхъ доходовъ. Этотъ прямой недостатокъ государственныхъ доходовъ всякій видитъ и подобное положеніе дѣлъ признается всѣми государственными людьми неудобнымъ. Люди, власть имѣющіе, стараются устранить его прежде всего экономіею въ расходахъ, и всякій министръ финансовъ, при требованіи отъ новыхъ кредитовъ на какіе-либо новые полезные и даже необходимые расходы (которымъ при извѣстномъ порядкѣ вещей, конечно, нѣтъ никакихъ предѣловъ), всегда имѣетъ достаточное возраженіе въ дѣйствительномъ недостаткѣ средствъ, тогда какъ при равновѣсіи въ бюджетѣ или избыткѣ доходовъ, хотя бы это положеніе бюджета достигнуто было на счетъ убыли народнаго капитала, онъ подобнаго возраженія не имѣетъ. Правильно оцѣнить дѣйствительное экономическое положеніе государства, понятію связь, которая существуетъ между государственнымъ и народнымъ доходомъ, и опредѣлить какъ ту часть послѣдняго, которая безъ вреда для народнаго хозяйства можетъ быть взимаема въ пользу государства, такъ и способы этого взиманія—чрезвычайно трудно и нельзя требовать, чтобы всѣ люди, стоящіе во главѣ отдѣльныхъ вѣдомствъ, могли вполне ясно сознавать вопросъ о предѣлахъ, которыми долженъ быть ограниченъ государственный бюджетъ. Еслибъ и существовала возможность теоретически опредѣлить отношеніе, въ какомъ должны находиться государственный и народный доходы, то уже одно отсутствіе статистическихъ данныхъ для опредѣленія общей суммы народнаго дохода не даетъ никакой возможности указать этихъ предѣловъ, тѣмъ болѣе, что сумма народныхъ нуждъ и потребностей, удовлетворяемыхъ при посредствѣ государства, съ развитіемъ гражданственности возрастаетъ постоянно. На этомъ основаніи на практикѣ положеніе дѣлъ считается вполне благоприятнымъ, если въ государственномъ бюджетѣ существуетъ равновѣсіе между доходами и расходами. Но разъ такое положеніе существуетъ, тогда экономія въ государственныхъ расходахъ вовсе не считается необходимой, хотя бы такое равновѣсіе достигалось поглощеніемъ части оборотныхъ средствъ страны. Напротивъ, многіе думаютъ, что такое положеніе дѣлъ обязываетъ cadaго государственнаго человѣка улучшать ввѣренную ему часть государственнаго управленія, а при такихъ взглядахъ даже излишніе и непроизводительные расходы могутъ показаться совершенно

необходимыми, въ особенности когда они не подвергаются все-стороннему и внимательному обсужденію. Подобныя послѣдствія тѣмъ возможнѣе, что оскуднѣніе оборотныхъ средствъ страны можетъ оставаться долго незамѣченнымъ даже для людей внимательныхъ, въ суть дѣла и не останавливающихся на внѣшнихъ признакахъ.

Постараюсь разъяснить мою мысль. Дѣло въ томъ, что европейское государство, находящееся въ торговыхъ сношеніяхъ съ другими государствами, не можетъ оставаться изолированнымъ, и потребности его, возникающія въ томъ или другомъ отношеніи, не находя средствъ удовлетворенія въ своихъ предѣлахъ, ищутъ ихъ въ другихъ государствахъ и находятъ тѣмъ скорѣе, чѣмъ бильнѣе они на чужихъ рынкахъ. Обратный капиталъ и потребность въ немъ слѣдуютъ этому правилу тѣмъ легче, что первый самъ ищетъ болѣе выгоднаго помѣщенія, т. е. болѣе высокаго процента. Но если налоги поглощаютъ часть оборотнаго капитала страны, то ясно, что пробѣль, такимъ образомъ образовавшійся, долженъ быть пополненъ займомъ, такъ какъ безъ этого пополненія обороты промышленности необходимо встрѣтятъ затрудненія. Промышленность не можетъ обходиться безъ обычнаго, традиціями установившагося, количества оборотныхъ средствъ и, подъ страхомъ капитальныхъ потерь, должна приобрести ихъ во что бы то ни стало; хотя бы подобныя займы поглотили всю доходность промысла. Для мелкаго потребителя капитала эти жертвы тѣмъ выше, чѣмъ обширнѣе государство и чѣмъ затруднительнѣе приливъ капиталовъ съ заграничныхъ рынковъ. Въ этихъ случаяхъ между заграничными капиталистами и внутренними промышленниками образуется цѣлый рядъ посредниковъ, услуги которыхъ должны быть оплачены и составляютъ чистѣйшую потерю для внутренняго производства. Такимъ образомъ пробѣль въ оборотныхъ средствахъ страны, произведенный возвышеніемъ налоговъ, послѣ разныхъ перипетій, пополняется съ заграничныхъ рынковъ при посредствѣ частныхъ банковъ и другихъ акціонерныхъ обществъ, помѣщающихъ акціи и облигаціи на заграничныхъ рынкахъ. Такой заемъ, по своимъ послѣдствіямъ, отличается отъ обыкновеннаго государственнаго займа только тѣмъ, что онъ обходится странѣ гораздо дороже, т. е. что уплачиваемый по этому займу процентъ всегда гораздо выше, чѣмъ по государственному, и кромѣ того тѣмъ, что въ рукахъ посредниковъ, въ видѣ вознагражденія за ихъ услуги, остается гораздо

болѣе значительная часть этого займа; обязательство же уплатить полной суммы и процентов падаетъ на промышленность.

Съ этимъ, конечно, можно было бы помириться, еслибы потери промышленности могли легко и удобно пополняться подобнымъ образомъ. Но дѣло въ томъ, что подобный оборотъ совершается очень медленно: необходимо, чтобы нужда въ оборотныхъ средствахъ почувствовалась очень сильно, чтобы процентъ на займахъ мелкихъ промышленниковъ сильно возвысился и чтобы явилась возможность значительной наживы для посредниковъ, берущихся за организацию и осуществление операціи. Кромѣ того даже организованный такимъ образомъ кредитъ попадаетъ не въ руки промышленниковъ, производящихъ дѣятели и нуждающихся въ оборотныхъ средствахъ, а преимущественно въ руки торгующаго класса, который пользуется безвыходнымъ положеніемъ дѣйствительнаго производителя и понижаетъ продажную цѣну на произведеній до послѣдняго minimum'a. Наша кустарная и мелкая земледѣльческая промышленность, не имѣющая до сихъ поръ никакой возможности пользоваться какимъ-либо кредитомъ, представляетъ живой тому примѣръ. Само собою разумѣется, что при такихъ условіяхъ производительность страны и благосостояніе ея жителей не только не могутъ возрастать, но по необходимости должны падать, и тѣмъ быстрѣе, чѣмъ быстрѣе возвышеніе налоговъ поглотило оборотныя средства страны.

Отсюда прямо слѣдуетъ одно рѣдкое соблюдаемое на практикѣ правило финансовой науки, а именно: *недостатокъ государственныхъ доходовъ для удовлетворенія возникающихъ потребностей гораздо выгоднѣе покрывать внѣшними займами чѣмъ прибѣгать къ возвышенію налоговъ, въ томъ случаѣ, когда нѣтъ положительныхъ основаній предполагать, что народный доходъ возрастаетъ, и когда существующіе налоги безъ увеличенія нормы обложенія не обнаруживаютъ естественной тенденціи къ возвышенію.* Выгода въ этомъ отношеніи будетъ двойная: промышленность не будетъ стѣснена, а заемъ будетъ сдѣланъ на болѣе выгодныхъ условіяхъ, т. е. за менѣе высокій процентъ. Возвышеніе цифры государственныхъ доходовъ можетъ имѣть основаніе только въ томъ случаѣ, когда существуютъ источники народнаго дохода, которые вовсе не несли податнаго бремени или несли его въ размѣрахъ сравнительно незначительныхъ, а потому могутъ подлежать обложенію въ видахъ болѣе уравнительности податнаго бремени. Во всѣхъ же

ругихъ случаяхъ возвышеніе цифры государственнаго дохода можетъ оправдываться только въ виду несомнѣнныхъ признаковъ озвышенія народнаго дохода и притомъ въ такой мѣрѣ, чтобъ то возвышеніе налога поглощало не болѣе извѣстнаго процента возрастанія народнаго дохода. Если же возрастаніе народнаго дохода будетъ поглощаться возрастаніемъ налоговъ всецѣло или въ большей его части, тогда въ народѣ можетъ исчезнуть все стремленіе къ сбереженіямъ, а непроизводительныя траты будутъ возрастать.

Теперь, изложивъ эти теоретическія соображенія, я позволю себѣ обратиться къ положенію нашего финансоваго дѣла за послѣднія двадцать лѣтъ и предложу вопросъ, насколько соблюлось указанное мною правило въ нашей финансовой практикѣ. Мыше мы видѣли съ вами, читатель, что нашъ бюджетъ со времени освобожденія крестьянъ возросъ на 125%, а за тѣ 15-ть лѣтъ, за которыя имѣются въ виду отчеты государственнаго контроля, государственный доходъ возвысился на 80%,—теперь спрашивается: возможно ли предположить, что это возвышеніе было слѣдствіемъ развитія народнаго благосостоянія?—Смѣло даю отрицательный отвѣтъ, такъ какъ ни одинъ добросовѣстный и сколько-нибудь знакомый съ нашимъ положеніемъ человекъ не будетъ противъ этого спорить. Такой отвѣтъ можетъ быть данъ безъ всякихъ колебаній, даже на основаніи однихъ общихъ соображеній, но я могу привести и положительныя тому доказательства. Прежде всего я уважу на то обстоятельство, что наши косвенныя налоги при одной и той же нормѣ обложенія нисколько не возрастаютъ, а это указываетъ, что потребленіе обложенныхъ предметовъ не увеличивалось, потому нѣтъ и основаній предполагать увеличеніе народнаго дохода. Но это признакъ косвенный, а я имѣю и прямыя официальные данныя. Изслѣдованіе комиссіи при министерствѣ государственныхъ имуществъ въ 1872 году показало, что количество рогатаго скота съ 1851 по 1871 годъ у насъ нисколько не увеличилось, а количество лошадей и овецъ значительно уменьшилось; а такъ какъ развитіе скотоводства есть первый признакъ улучшенія сельскохозяйственной промышленности, то отсюда я съ новымъ правомъ заключаю, что послѣдняя за эти двадцать лѣтъ не только не улучшилась, но значительно упала. Затѣмъ я имѣю въ виду сельскохозяйственную статистику министерства государственныхъ имуществъ, по которой оказывается, что цифры урожая, колеблясь изъ года въ

годъ, вслѣдствіе атмосферическихъ вліяній; въ среднемъ выводѣ за трехлѣтіе и четырехлѣтіе даютъ одиѣ и тѣ же цифры. (См. таблицы: урожая; приложенныя въ статьѣ: «Наше пореформенное ховяйство» — въ журналѣ *Слово*, октябрь 1880 года.) Поэтому и въ правѣ заключить, что наша важнѣйшая промышленность, которая даетъ средства существованія 85% нашего населенія и оплачиваетъ по меньшей мѣрѣ двѣ трети нашего бюджета, находится въ положительномъ застоѣ. Что же касается до нашей обрабатывающей промышленности, то если нѣкоторыя ея отрасли развились въ извѣстныхъ мѣстностяхъ нашего отечества, то она сравнительно занимаетъ очень ничтожное число рувъ нашего населенія и по количеству производства составляетъ едва заметную часть нашей производительности. Относительно кустарныхъ промысловъ всѣ послѣднія изслѣдованія прямо утверждаютъ, что они видимо падаютъ, вслѣдствіе страшной эксплуатаціи кустаровъ со стороны скупщиковъ ихъ произведеній и продавцовъ нужныхъ имъ матеріаловъ.

Въ виду такого положенія дѣлъ, возвышеніе нашего доходнаго бюджета не могло произойти иначе, какъ поглощеніемъ оборотныхъ средствъ страны, тѣмъ болѣе, что это возвышеніе главнымъ образомъ достигалось увеличеніемъ налога на одни и тѣ же предметы обложенія, безъ всякаго изысканія новыхъ источниковъ дохода, хотя бы въ видахъ болѣе равномѣрнаго распредѣленія податнаго бремени. На этомъ основаніи я полагаю, что нашъ бюджетъ кромѣ *явного дефицита*, вытекающаго изъ сравненія доходовъ съ расходами, вноситъ въ нашу промышленную жизнь еще и *скрытый дефицитъ*, который значителен въ недѣтеляхъ нашей промышленности и преимущественно мелкой, которая оплачиваетъ главную массу податей и налоговъ.

Чтобы понять, какимъ путемъ оборотныя средства страны идутъ на оплату государственнаго бюджета, стоитъ только вспомнить, и какимъ мѣрамъ прибѣгаютъ или прибѣгали полицейскіе чины при взысканіи недоимокъ въ виду тѣхъ наградъ, которыя давали имъ и ихъ начальникамъ за усѣбное поступленіе податей. Разъ крестьянинъ подвергся взысканію и его имущество было продано за недоимку, онъ долженъ во что бы то ни стало пополнить эту убыль въ своемъ инвентарѣ и вынужденъ запродавать задолгу впередъ и по дешевымъ цѣнамъ свой трудъ, т. е. входить въ долги и такимъ образомъ идти изъ года въ годъ все къ большому и большому раззоренію. Этимъ путемъ исчезаютъ оборот-

ныя средства самой мелкой и притомъ наиболѣе распространенной промышленности. Хотите видѣть потери болѣе крупныя, — взгляните на винокуренную промышленность. Сколько винокуренныхъ заводчиковъ разорились и закрыли свои заводы по невозможности конкурировать съ болѣе крупными заводчиками. Высота акциза и отвѣтственность, падающая на заводчика въ случаѣ какой-либо неудачи, уничтожили положительно всѣ мелкіе сельскохозяйственные заводы, для которыхъ барда составляла подспорье кормовыхъ средствъ и доставляла возможность удобренія полей. Ватѣмъ значительная часть таможенныхъ сборовъ взыскивается съ орудій и матеріаловъ производства. Будетъ или не будетъ выгода отъ устройства какого-либо дѣла, нуждающагося въ орудіяхъ или матеріалахъ заграничнаго происхожденія, а пошлину заплатить надо, между тѣмъ она значительно сокращаетъ оборотныя средства предпринимателя и увеличиваетъ его издержки производства. Далѣе путемъ судебныхъ и гербовыхъ пошлинъ извлекается не малая доля оборотныхъ средствъ страны, тогда какъ обращеніе къ правительственнымъ и судебнымъ мѣстамъ не приноситъ человѣку никакой выгоды и становится необходимымъ только или въ виду установленныхъ порядковъ, или для защиты законныхъ его правъ. Наконецъ, налогъ на пассажирскіе билеты желѣзныхъ дорогъ представляетъ собою совершенную аномалію, такъ какъ онъ падаетъ даже не на трудъ рабочаго человѣка, а на право труда наравнѣ съ налогомъ на паспорта. Эти виды налоговъ уничтожаютъ самый зародышъ оборотныхъ средствъ бѣднаго человѣка: они отрицаютъ его естественное право прежде всего зарабатывать кусокъ хлѣба своимъ трудомъ и говорятъ ему: *ты заплати сперва налоги, потомъ получишь право работать, а ватѣмъ можешь добывать себѣ хлѣбъ*. Мы уже привыкли къ этого сорта налогамъ, оттого они насъ не поражаютъ; а если задуматься въ ихъ значеніе, то невольно приходится сказать: какое дивращеніе здраваго смысла!!! Но налогъ на пассажирскіе билеты мнѣ представляется всего болѣе несправедливымъ, такъ какъ онъ взимается пропорціонально разстоянію и слѣдовательно пропорціонально *невыгодамъ мѣста жительства*.

Всѣ выказанныя соображенія я считалъ нужнымъ предпослать разсмотрѣнію нашего бюджета, такъ какъ они должны служить путеводною нитью при оцѣнѣ не только общихъ цифръ государственной росписи, но и отдѣльныхъ ея статей. Въ настоящей статьѣ я ограничиваюсь оцѣнкой только общихъ итоговъ госу-

дарственной росписи и нѣкоторыхъ соображеній г. министра финансовъ, разсмотрѣнiе же отдѣльныхъ статей я откладываю до слѣдующихъ книгъ *Русской Мысли*.

Общiе итоги нашей государственной росписи на 1882 годъ представляются въ слѣдующемъ видѣ:

По приходу.

Обыкновенныхъ государственныхъ доходовъ исчислено	654.217.870 руб.
Оборотныхъ поступленiй, не составляющихъ дѣйствительнаго дохода	22.165.068 ,
Суммъ, состоящихъ въ распоряженiи мини- стерства финансовъ и поступившихъ по займамъ, внѣшнему и внутреннему	60.377.284 ,
Остатковъ отъ заключенныхъ смѣтъ	2.500.000 ,
Итого	762.004.512 руб.

По расходу.

Обыкновенныхъ государственныхъ расходовъ предположено	658.595.151 руб.
Оборотныхъ расходовъ, производимыхъ на счетъ оборотныхъ поступленiй	22.165.068 ,
Расходовъ за счетъ желѣзнодорожнаго фонда	22.744.293 ,
Въ уплату государственному банку за кре- дитные билеты, выпущенные на покры- тiе военныхъ расходовъ	50.000.000 ,
На расходы не предусмотрѣнные смѣтами	8.500.000 ,
Итого	762.004.512 ,

Такимъ образомъ дефицитъ между обыкновенными доходами и расходами достигаетъ четырехъ съ половиною милл. рублей. Сравнивая только эти общiя цифры съ предполагавшимися на 1881 годъ, по которымъ предполагалось обыкновенныхъ доходовъ 628 милл. и обыкновенныхъ расходовъ 670 милл., и обращаясь къ цифрамъ отчета государственнаго контроля за 1880 годъ, по которымъ оказывается, что дѣйствительный доходъ былъ въ томъ году въ 651 милл., а расходъ за предложенною мною поправкою простирается до 733 милл. руб., — нельзя не замѣтить, что цифры предполагаемой росписи на предстоящiй годъ отличаются значительнымъ оптимизмомъ, въ особенности по расходу. Сократить государственный расходъ съ 733 милл. на 658 милл. въ тече-

не одного года, безъ всякихъ особыхъ реформъ въ общемъ государственномъ устройствѣ и управленіи, только съ самымъ незначительнымъ сокращеніемъ численнаго состава арміи, представляется такимъ чудомъ, предъ которымъ понеже можно было бы преклониться, еслибы что-нибудь подобное было возможно на практикѣ. Я не говорю этимъ, что сокращеніе нашихъ расходовъ невозможно, — нѣтъ, оно не только возможно, но даже не представляетъ особыхъ затрудненій; если же я называю подобное ожиданіе оптимизмомъ, то только потому, что для такихъ результатовъ однихъ административныхъ мѣропріятій недостаточно, тѣмъ болѣе, что одинъ годъ представляетъ слишкомъ короткій періодъ времени, чтобъ измѣнить значительно установившуюся практику. Какъ бы ни были гениальны люди, нынѣ стоящіе во главѣ отдельныхныхъ вѣдомствъ, но имъ нужно время, чтобъ опредѣлить тѣ стороны вѣренныхъ имъ управленій, которыя безъ особенной пользы для дѣла увеличиваютъ стоимость ихъ содержанія. Затѣмъ имъ нужно время для осуществленія тѣхъ мѣропріятій, которыя они предполагаютъ, и только тогда могутъ оказаться дѣйствительныя послѣдствія для нашего бюджета. Между тѣмъ мы знаемъ, что если ж были приняты какія-нибудь мѣры для сокращенія расходовъ, то это только по военному министерству, въ отношеніи сокращенія численнаго состава войскъ, — сокращенія, впрочемъ не на столько значительнаго, чтобы могла оказаться существенная экономія. Что же касается прочихъ вѣдомствъ, то до сихъ поръ не слышно ни о какихъ особыхъ мѣропріятіяхъ, которыя подавали бы поводъ разсчитывать на серьезныя сбереженія. Правда, носятя слухи о сокращеніи содержанія всѣмъ служащимъ по гражданскимъ вѣдомствамъ на 9%; но подобная мѣра не могла еще входить въ предположенія росписи, и если она состоится, то будетъ имѣть вліяніе на дальнѣйшую экономію въ предѣлахъ росписи, но вовсе не касается тѣхъ сокращеній, о которыхъ я веду рѣчь. Ниже, при разсмотрѣніи отдельныхъ статей сметы, мы увидимъ воочию, что при существующемъ порядкѣ вещей не только нельзя сдѣлать никакихъ сокращеній противъ прежнихъ вѣтъ, но что по нѣкоторымъ вѣдомствамъ необходимо увеличеніе расходовъ. Во всему этому присоединяется постоянное возрастаніе дороговизны на всѣ вообще предметы потребления, а при такихъ условіяхъ всѣ операционныя расходы правительства должны возрастать; въ этомъ нагляднѣе можетъ убѣдиться по собственному опыту, другихъ же доказательствъ и не требуется.

Не могу я также согласиться и съ тѣмъ, что обыкновенные расходы превышаютъ обыкновенные доходы только на четыре съ половиною милліона. Такой результатъ получается потому, что расходы не предусмотрѣнные по смѣтамъ отнесены въ особый отдѣлъ и не причисляются къ обыкновеннымъ расходамъ, тогда какъ прежде они причислялись къ общей суммѣ текущихъ расходовъ. Серьезныхъ основаній для подобнаго дѣленія я положительно не вижу, на томъ основаніи, что всѣ предположенія росписи имѣютъ одинаковое значеніе. Если возможность подобныхъ расходовъ предусматривается росписью и для этого вносится въ нее особый кредитъ, то стало-быть средства для покрытия этихъ расходовъ должны быть приготовлены въ государственномъ казначействѣ и вѣроятность этихъ издержекъ одинакова со всѣми другими полезными расходами, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ потребность въ нихъ можетъ быть гораздо настоятельнѣе, чѣмъ въ расходахъ, внесенныхъ въ смѣту. Поэтому гораздо правильнѣе было бы отнести эти расходы въ суммѣ 8.500.000 руб. къ обыкновеннымъ расходамъ и считать, что даже при указанныхъ цифрахъ дохода и расхода дефицитъ оказывается въ 15 мил. рублей. Но, въ виду высказанныхъ мною соображеній и въ виду существующей у насъ практики, этихъ 8.500.000 рублей далеко не достанетъ для сверхсмѣтныхъ, дополнительныхъ и экстраординарныхъ кредитовъ, а мотивы для оправданія подобныхъ требованій всегда найдутся. Съ другой стороны, я никакъ не думаю, чтобъ и цифра дохода, исчисленная по росписи, могла поступить въ дѣйствительности, хотя акцизъ съ вина въ теченіе настоящаго года и увеличенъ съ 7 на 8 коп. Къ этому заключенію я прихожу въ виду тѣхъ фактовъ, о которыхъ я говорилъ выше, и теперь повторю, а именно, что возвышеніе нашихъ доходовъ было слѣдствіемъ громаднаго выпуска бумажныхъ денегъ; но такъ какъ значеніе этого факта достигло своего апогея въ 1879 году, а съ 1880 года наступила реакція и началось уже пониженіе государственныхъ доходовъ въ слѣдствіе истощенія самихъ источниковъ государственнаго дохода, — истощенія, которому помочь возвышеніемъ акциза едва ли удастся, — то ясно, что достигнуть суммы дохода, поступившей въ 1880 году, не представится возможности, въ особенности въ виду тѣхъ свѣдѣній, которыя имѣются о поступленіи главныхъ статей государственнаго дохода въ истекшемъ 1881 году, которыя, повидимому, далеко не утѣшительны.

Навонецъ, нельзя не замѣтить, что доходный бюджетъ въ 354 милліона рублей не по силамъ Россіи, въ особенности при томъ распредѣленіи податнаго бремени, которое у насъ существуетъ. При самомъ умѣренномъ разсчетѣ, надо предположить, что двѣ трети его оплачиваются податными классами общества, т. е. 432.000.000 руб. Если принять въ соображеніе, что число взрослыхъ рабочихъ составляетъ не болѣе 40% общаго числа податныхъ классовъ, а число мужскихъ душъ этихъ классовъ въ 35 милліоновъ, то указанная сумма упадетъ не болѣе какъ на 14 милліоновъ рабочихъ, то-есть на каждого придется почти по 31 руб., и это не считая ни выкупныхъ платежей, ни земскихъ и мѣрскихъ сборовъ. Теперь спрашивается, какой процентъ съ доходности рабочаго составить подобное обложеніе и что бы заворили наши состоятельные классы, еслибы они подверглись хоть маловинѣ такого обложенія? — Предоставляемъ читателю разрѣшить эти вопросы по усмотрѣнію.

Въ виду подобной цифры государственныхъ доходовъ, и при томъ цифрѣ возрастающей такъ быстро, я не могъ бы назвать обложенія благоприятнымъ, еслибы даже дѣйствительное исполненіе росписи обошлось безъ дефицита, и это на основаніи соображеній высказанныхъ выше, такъ какъ равновѣсіе доходовъ въ расходахъ не исключаетъ *скрытаго дефицита*, проявляющагося въ народномъ хозяйствѣ при извѣстной высотѣ налоговъ и напряженности податныхъ силъ государства. А отрицать эту напряженность нельзя.

Желалъ бы я также раздѣлять мнѣніе г. министра финансовъ о возможности дальнѣйшаго сокращенія разрѣшенныхъ кредитовъ въ министерствахъ по указаніямъ государственнаго совѣта; но, къ сожалѣнію, не могу смотрѣть на дѣло съ этой точки рѣнія. Я думаю, что въ жизни обществъ существуетъ особый факторъ: это — сила вещей и логика событій, по которымъ все послѣдующее есть прямое и необходимое слѣдствіе предыдущаго. Наша практика образовалась не вчера и не сегодня, и измѣнить ее скоро нѣтъ никакой возможности; а потому какія бы настоятельные подтвержденія министрамъ ни дѣлались и какъ бы сильно они стремились лица, стоящія во главѣ управленій, выполнить эти требованія, многого отъ подобныхъ мѣръ ожидать нельзя. Исполнительства сильнѣе людей. Еслибы при этомъ способъ и оказалось возможнымъ сдѣлать какія-либо сбереженія, то, при бюрократическомъ взглядѣ на нужды и потребности государства, вновь

найдутся такія, которыя осязуются положительно необходимыми и которыя поглотятъ всё сдѣланныя сбереженія.

Въ заключеніе я не могу согласиться съ г. министромъ финансовъ и въ томъ отношеніи, что затраты государственнаго казначейства на уплату долга государственному банку могутъ считаться производительными, если вмѣстѣ съ тѣмъ не вѣняется банку въ обязанность немедленное извлеченіе кредитныхъ билетовъ изъ обращенія. Развитие учета и ссудъ въ видахъ увеличенія доходности банка и употребленіе для этой цѣли изъятыхъ изъ обращенія кредитныхъ билетовъ я считаю равнозначительнымъ новому выпуску кредитныхъ билетовъ и потому не могу не ожидать отъ подобной мѣры очень вредныхъ послѣдствій, а именно — дальнѣйшаго пониженія цѣнности кредитнаго рубля, хотя г. министръ финансовъ и ожидаетъ отъ подобныхъ операцій совершенно обратныхъ послѣдствій, т.-е. поддержанія цѣнности кредитнаго рубля. До сихъ поръ всё полагали, что цѣнность валюты можетъ повышаться только вслѣдствіе уменьшенія на рынкѣ количества денежныхъ знаковъ, или, другими словами, вслѣдствіе стѣсненія денежнаго рынка; теперь же оказывается, что погашеніе кредитныхъ билетовъ будетъ сдѣлано въ то время, когда оно не повлечетъ за собою стѣсненія денежнаго рынка. Какимъ же образомъ и когда могутъ быть достигнуты эти двѣ цѣли, исключаяющія одна другую?—Такого вопроса разрѣшать не берусь.

А. Головачевъ

(Продолженіе слѣдуетъ.)

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

(Вайрока.)

Лосв. Гр. Алаксѣю Васильевичу Олсуфьеву.

ПѢСНЯ ПЯТАЯ.

Поэты, что собирають рѣмы въ пары,
Какъ голубовъ Венера, мать утѣхъ,
Чтобъ пѣть любви и сладострастья чары,
Плодять развратъ и сбѣютъ зло и грѣхъ...
Ихъ тѣмъ неотразимѣ удары,
Чѣмъ ихъ стиховъ блистательнѣй успѣхъ,
Овидій—въ томъ примѣръ, Петрарка тоже,
Когда судить мы станемъ ихъ построже...

Я лютый врагъ безнравственныхъ поэмъ,
И если допускаю сочиненья,
Которыхъ я не одобряю темъ,
То чтобы рядомъ шло правоученье
Съ ошибками, и требую затѣмъ,
Чтобъ грѣхъ наказанъ былъ для наставленья.
Итакъ, коль не измѣнить мнѣ Пегасъ,
Я удивлю моралью строкой васъ.

Дворцовъ прибрежныхъ чудные узоры,
Святой Софїи куполь золотой,
Плывущій флотъ, сияющія горы,
Олимпъ высокій въ шапкѣ снѣговой,
Двѣнадцать острововъ, что тѣшатъ взоры—
Вотъ чудная картина, что собой
Когда-то Мари Монтегю плѣнила...
Такихъ картинъ неотразима сила.

IV.

Люблю я имя Мари. Много грёзъ
 И цѣлый рядъ несбывшихся мечтаній
 Въ моей душѣ съ тѣмъ именемъ слилось;
 Оно еще мнѣ мило, хотъ страданій
 Не мало я тѣмъ дѣлѣхъ пережилъ. —
 Отраденъ свѣтлый мѣръ воспоминаній!
 Однако я впадаю въ грустный тонъ,
 Но не къ лицу моей поэмѣ онъ.

V.

Уныло вѣтеръ дулъ; ревѣло море;
 Съ «Могила Великана» чудный видъ,
 Когда бушуютъ волны на просторъ,
 Когда весь берегъ пѣною покрытъ,
 Опасна непогода на Босфоръ, —
 Она пловцу погибелью грозитъ.
 Картина бури сладостна для взора,
 Но моря вѣтъ опаснѣе Босфора.

VI.

Лазурь небесъ скрывалась въ облакахъ;
 Былъ день осенній, мрачный и ненастный.
 Порой осенней, бури въ тѣхъ краяхъ
 Для жизни моряковъ всегда опасны,
 Пловецъ, въ часъ бури, кается въ грѣхахъ;
 Исправиться клянется, но напрасно:
 Утонетъ ли — и въ клятвѣ прога нѣтъ;
 Когда-жъ спасется онъ — забыть обѣтъ.

VII.

Рабы всѣхъ странъ на площади стояли;
 Ихъ привели для торга безъ цѣпей;
 Нѣмую скорбь ихъ лица выражали,
 Имъ было жаль отчизны и друзей.
 Лишь негры въ сонмѣ ихъ не унывали;
 Они мирились съ участью своей
 И уживались съ тяжелою неволей
 Какъ угорь со своей злосчастной долей.*)

*) Съ угря сдираютъ кожу передъ тѣмъ, чтобъ его приготовить.

VIII.

Жуанъ былъ въ цвѣтѣ лѣтъ. Надежды и силы
 Еще не могъ утратить онъ избытокъ,
 Но видъ его былъ мраченъ и унылъ
 И слезъ скрывать не дѣлалъ онъ попытокъ.
 Невѣрный рокъ его всего лишилъ:
 Не мало вынесъ онъ душевныхъ пытокъ,
 И милую, и деньги потерялъ,
 Бъ тому-жъ рабомъ татаръ презрѣнныхъ сталъ.

IX.

И стоикъ бы навѣрно растерялся
 Отъ столькихъ бѣдъ, отъ столькихъ жгучихъ ранъ...
 Однако-жъ онъ съ достоинствомъ держался.
 Его нарядъ богатый, стройный станъ
 Въ глаза бросались. Рѣзко отличался
 Отъ остальныхъ невольниковъ Жуанъ;
 Его наружность всёхъ собой плѣняла.
 Онъ барышей купцу сулилъ не мало.

X.

Базаръ былъ сходенъ съ шахматной доской;
 На площади его пестрѣли рядомъ
 И бѣлые, и черные толпой.
 Ихъ привели для сбыта, жалькимъ стадомъ.
 Одинъ невольникъ, статный и лихой,
 Лѣтъ тридцати, съ суровымъ, гордымъ взглядомъ,
 Въ числѣ другихъ на торгъ былъ приведенъ;
 Съ Жуаномъ находился рядомъ онъ.

XI.

Британца въ немъ признать не трудно было:
 Онъ былъ румянъ и бѣлъ, въ плечахъ широкъ;
 Его чело высокое носило
 Слѣды глубокихъ думъ или злыхъ тревогъ;
 Его судьба невзгодой не сломила, —
 На все глядѣть онъ съ равнодушьемъ могъ...
 Онъ раненъ въ руку былъ; струей багряной
 Пятнала кровь его повязку раны.

XII.

Къ Жуану, что немного приунылъ;
 Но все же, не теряя самовластья,
 Достоинство и гордость сохранилъ,
 Проснулось въ немъ горячее участье.
 Невольно онъ сочувствіе дарилъ
 Товарищу ихъ общаго неснатья;
 А самъ онъ на плачевный свой удѣлъ
 Съ поливающимъ безъ участіемъ глядѣлъ.

XIII.

Онъ такъ сказалъ Жуану: «Мы не схожи,
 Съ толпою этихъ жалкихъ дикарей,
 Что окружаютъ насъ. Лишь въ цвѣтѣ кожи
 Различье ихъ. Порядочныхъ людей
 Лишь вы да я имѣемъ видъ пригожихъ.
 Знакомство мы должны свести скорѣй,
 Откуда вы? Я буду радъ, какъ другу,
 Вамъ оказать и ласку, и услугу».

XIV.

Жуанъ сказалъ: «Испанецъ родомъ я»
 — «Такого ждалъ я именно отвѣта.
 Не можетъ подлый грекъ держать себя
 Такъ гордо. Ваша жѣсь еще не испята,
 Надежды до конца терять нельзя.
 Смотрите; перемѣнитесь все это;
 Мы всѣ фортуны жалкіе рабы;
 Но я привыкъ къ превратностямъ судьбы».

XV.

— «Позвольте васъ спросить, хоть и наложко,
 Что привело неожиданно васъ сюда?»
 — «Отвѣтъ простой: шесть турокъ и — веревки».
 — «Но мнѣ узнать хотѣлось бы, когда
 И какъ васъ взяли въ плѣнъ». — «Командировку
 Мнѣ далъ Суворовъ; только въ томъ бѣда,
 Что пристуномъ не могъ я взять Виддина.
 И самъ былъ взятъ: вотъ зло и бѣда причина».

XVI.

— «А есть у васъ друзья?» — «Въ невзгоды часъ
Отыскивать ихъ — тщетное старанье...
Отвѣтилъ я на все; прошу и васъ
Мнѣ рассказать свои воспоминанья».
— «Уныль и длиненъ будетъ мой рассказъ».
— «А если такъ; то лучше — молчанье».
Когда пространна повѣсть и грустна,
Длиннѣе вдвое кажется она.

XVII.

«Но все-жь не унывайте. Въ ваши лѣта
Фортуна, что обманчива порой,
Васъ не оставитъ; тѣмъ вѣрнѣе это,
Что вамъ нельзя считать ее женой;
Бороться съ ней никто не дастъ совѣта, —
Былинкѣ гдѣ же справиться съ косою?
Тотъ часто въ заблужденіи глубокомъ,
Кто думаетъ, что можетъ править рокомъ».

XVIII.

— «Печалюсь я не о судьбѣ своей, —
Сказалъ Жуанъ. — Мнѣ жаль того, что было;
Я лишь скорблю о счастья прежнихъ дней;
Я былъ любимъ и — пять подругъ милой».
Тутъ онъ замолкъ и тихо изъ очей
Слеза скатилась. — «Счастье измѣнило...
Но все же я со страхомъ не знакомъ
И если плачу, — плачу о быломъ».

XIX.

«Я твердь душой; но тяжкій гнетъ разлуки
Мнѣ не по силамъ». Тутъ онъ замолчалъ,
Въ отчаянныя свои ломая руки;
И голову склонилъ. — «Я такъ и зналъ;
Что женщина — причина вашей муки.
Понята ваша скорбь. Я самъ рыдалъ;
Когда прощался съ первою женою,
А также, какъ былъ брошенъ и второю».

XX.

«Но третья...» — «Какъ, — сказалъ Жуанъ, — у васъ
Есть три жены?» — «Въ живыхъ лишь двѣ осталось...
Чему тутъ удивляться?... Вѣдь не разъ
Инымъ вступать три раза въ бракъ случалось».
— «Что-жь третья? Продолжайте свой рассказъ.
Надѣюсь, вамъ она вѣрна осталась
И не ушла?» — «О, нѣтъ! — тотъ отвѣчалъ, —
Отъ третьей самъ я въ страхъ убѣжалъ»..

XXI.

— «Вы смотрите однако хладнокровно
На жизнь», — сказалъ Жуанъ, — «Я смѣю борьбой...
На вашемъ небѣ и свѣтло, и ровно
Сіяетъ радугъ много; ни одной
Не свѣтитъ мнѣ. Лишь въ юности любовно
Насъ грѣтъ лучъ надежды золотой;
Но время наши мысли измѣняетъ:
Такъ кожу каждый годъ змѣя мѣняетъ».

XXII.

«Сначала эта кожа и яснѣй,
И лучше первой, но потомъ тускнѣетъ...
И съ каждымъ днемъ становится блѣднѣй...
Насъ въ юности любовь живитъ и грѣтъ,
Затѣмъ мы узнаемъ другихъ страстей
Тяжелый гнѣтъ, и сердце леденѣетъ:
Иной честолюбивъ и скупъ другой,
А третій дышетъ мстью лишь одной».

XXIII.

Жуанъ сказалъ: — «Вы можетъ-быть и правы,
Но все-жь судьба тяжелая насъ ждетъ;
Слова мы тратимъ только для забавы».
— «Не много прока въ нихъ, — отвѣтилъ тотъ. —
Но если мнѣнны правильны и здравы,
Страданье учить насъ. Такъ рабства гнѣтъ.
Узнавъ, не станемъ мы тѣснить народа,
Когда намъ вновь достанется свобода»..

XXIV.

Жуанъ сказыаъ, скрывая грустный вздохъ:
 — «Какъ побывать хотѣлъ бы я на волѣ,
 Чтобъ мстить злодѣямъ!... Да поможетъ Богъ
 Несчастнымъ, побывавшимъ въ этой школѣ!»
 — «Довольно испытали мы тревогъ
 И долго ждать намъ не придется богъ;
 Вотъ черныи евнухъ съ насъ не сводить глазъ:
 Хотѣлъ бы я, чтобы купили насъ!»

XXV.

«Конечно, грустно наше положенье,
 Но лучшихъ мы дожидаться можемъ дней.
 Всѣ смертные, почти безъ исключенья,
 Рабы своихъ желаній и страстей.
 Холодный свѣтъ не знаетъ сожалѣнья;
 Онъ глухъ къ мольбамъ безпомощныхъ людей...
 Жить для себя, вполне чуждаясь чувства—
 Вотъ безсердечныхъ стойковъ искусство!»

XXVI.

Въ то время подошелъ поближе къ нимъ
 Серая стражъ безполый, евнухъ хилый;
 Въ осмотрѣ ихъ онъ былъ неутомимъ;
 Онъ опѣнилъ ихъ ростъ, наружность, силы...
 Нѣтъ, никогда съ вниманіемъ такимъ
 Любовникъ не оглядываетъ милой,
 Сукно—портной, проценты—ростовщикъ,
 Барышникъ—лешадей, какъ погупчикъ

XXVII.

Невольника. Должно-быть есть отрада—
 Существовъ себѣ подобныхъ покупать.
 Но, впрочемъ, всѣ продажны; только надо
 Подкупности и вѣсъ, и мѣру знать.
 Кого плѣняетъ мѣсто или награда,
 Кого—успѣхъ; все-жъ долженъ я сказать,
 Что дѣйствуетъ всего успѣшнѣй злато...
 За власть, какъ за пинки, по такосъ—плата.

XXVIII.

Ихъ осматрѣвъ съ вниманьемъ, наконецъ,
 Сначала одного, затѣмъ, обоихъ
 Сталъ евнухъ торговать... Кричалъ купецъ,
 Кричалъ и онъ, словъ не жалѣя строгихъ;
 Торгуютъ такъ коровъ, свиней, овецъ
 На ярмаркахъ. Такое брало зло ихъ,
 Такой враждой пылалъ ихъ гнѣвный взоръ,
 Что всѣмъ казалось — драва кончить споръ.

XXIX.

Но шумъ утихъ и евнухъ съ грустной миной
 Свой вынулъ кошелекъ и заплатилъ.
 Купецъ пересматрѣлъ все до единой
 Монеты, что въ уплату получилъ
 (А то и пары сходятъ за цетини*)
 Все деньги получилъ, онъ наброшилъ
 Респексу и съ довольнымъ выраженьемъ
 Сталъ думать объ обѣдѣ съ наслажденьемъ.

XXX.

Но могъ ли аппетитъ лифоснуться въ немъ
 И могъ ли онъ свершить пищеваренье,
 Безъ всякой боли? Я увѣренъ въ томъ,
 Что совѣсти онъ слышалъ угрызенья
 За то, что, безконтрольно, какъ скотомъ,
 Людми распоряжался. Безъ сомнѣнья,
 На свѣтъ ничего ужаснѣй нѣтъ,
 Какъ, дурно, переваренный обѣдъ.

XXXI.

Вольтеръ намъ говоритъ, но это — шутка,
 Что лишь поѣвши сладость свѣтлыхъ думъ,
 Вкушалъ Кандидъ. Вольтеръ не правъ: желудка
 Не можетъ гнѣтъ не дѣйствовать на умъ,
 Лишь тотъ кто пьянъ лишается разсудка
 И дѣйствуетъ; конечно, на-обумъ.
 Возрѣніе мое узнать хотите-ль?
 Великій сынъ Филиппа — мой учитель!

*) Пара — жеманъ серебряная, монета; цетини — монеты.

XXXIII.

Вотъ поминивъ Александра: «Нашъ вдвойнѣ
 Непомощнѣе: смѣрь процессъ: питаемъ
 Съ дружины жизни: вѣтами!» По-мнѣ: то-жъ
 Боль пища можетъ: радость: жль: страданье:
 Въ насъ: возбуждаты, то: лишніе: вполнѣ:
 Таланты, умъ: искусство: и: познанья;
 Кто: станеть: имъ: окаяннаты: почѣтъ,
 Когда: надъ: всѣмъ: желудокъ: верхъ: беретъ?»

XXXIII.

Дней шесть тому: назадъ: и: собираея:
 По: городу: пройтись; вдругъ: близъ: мѣня:
 Стрѣльбы: необычайный: звукъ: раздаея:
 Съ: поспѣшностью: изъ: дома: вышель: и:
 Народъ: шумѣль; на: улицахъ: страхъ: читался.
 И: раненный; молчаніе: храни;
 На: площади: жемаль: старинъ: почтенный;
 Начальникъ: войска: города: Равенны:

XXXIV.

Несчастный!..: Чтобы: съеты: съ: нить: свѣсти,
 Въ: него: нить: шуль: безжалостно: всадили:
 И: бросили. Его: перенести:
 Въ: себя: вѣдѣль: и: Тщетно: бы: ходили:
 За: нимъ: всю: ночь; ужь: ползвы: принесли:
 Не: въ: силахъ: вѣй: старанья: наши: бдали:
 Пять: вѣсикъ: шуль: и: остере: ружье:
 Съ: нимъ: порѣпали. Местъ: вѣяла: зверо:

XXXV.

Я: зналъ: его: и: съ: вздохомъ: сожалѣнья:
 Глядѣль: на: хладный: труль. Не: рцъ: видалъ:
 Я: мертвыкъ; но: такому: выраженья:
 Спокойствія: я: прежде: не: встрѣчалъ:
 На: блѣдствъ: лавъ: жертвы: разрушны:
 Базалось; оръ: не: жуть: —: только: спаль:
 (Изъ: ранъ: его: кровь: не: лиловы: струею)
 Я: на: него: глядѣль; объять: тучою:

XXXVI.

«Что жизнь и смерть?» — у трупа спросил,
 Но он молчал, — безмолвны смерти явман!..
 «Возстань!»... Но он лежал; лишенный сил;
 Еще вчера, отвагою пылая, в бою
 Войсками храбрых, вождем руководил,
 Имъ гордо приказавъ отдавая,
 Теперь же онъ, безпомощно лежалъ,
 И барабаны литавры замывалъ.

XXXVII.

Исполнены унынья и печали,
 Вокругъ вѣжды, что продалъ правы свою,
 Въ послѣдній, но не первый разъ, стояли.
 Соратники его. Давно ль въ строю
 Они, дрожа, словамъ его внимали?
 И что-жь?... Герой, пропавленный въ бою,
 Побѣдными уиращенный вѣнками,
 Погибъ — убитъ — продажными руками.

XXXVIII.

Близъ старыхъ ранъ; которыми стязалъ
 Онъ славу и почѣтъ; видѣлись рядомъ
 И новыя. Невольно ужасалъ
 Контрастъ такой... Омущеннымъ; робкимъ взглядомъ
 Я раны полководца азиралъ,
 Отъ мертвеца несло могильнымъ хладомъ.
 Глядя на этотъ трупъ; старался
 Умомъ постигнуть тайну бытія.

XXXIX.

Но тайною осталась тайна эта.
 Насъ окружаетъ вѣнный мракъ тюрьмы...
 Что ждетъ насъ за могилой? — Нѣль отвѣта.
 Сегодня — жизнь, а завтра — царство тьмы.
 Желаннаго намъ не дожидаться свѣта,
 А мнръ безсмертенъ, только смертны мы!
 Но мудрствовать я болѣе не стану ни когда,
 И, вотъ, перехожу опять къ роману.

XL.

Британца и Жуана похитилъ
 Съгъ со своей поглажею живою
 Въ роскошно-позолоченный наикъ,
 Что по волнамъ понесся съ быстротою.
 Друзья смутились; страхъ въ ихъ грудь проникъ, —
 Трудна борьба съ невѣдомой судьбою...
 Вотъ у стѣны, въ тѣни деревъ густыхъ,
 Въ концѣ залива, стала лодка ихъ...

XLI.

Лишь проводникъ у двери постучался,
 Раскрылась дверь желѣзная. За нимъ
 Невольники пошли; онъ подвигался
 Съ большимъ трудомъ по зарослямъ густымъ.
 Ложилась тѣнь и ночи мракъ сгущался.
 Идти труднѣй все становилось имъ.
 Гребцы исчезли съ лодкой, скрыты мракомъ, —
 Ихъ евнухъ удалилъ условнымъ знакомъ.

XLII.

Сквозь чащу померанцевыхъ деревъ
 Они съ трудомъ дорогу пролагали...
 (Природу юга былъ бы я готовъ
 Описывать, да всѣ поэты стали
 Ей посвящать плоды своихъ трудовъ;
 Такихъ поэтъ не мало вы читали...
 Одинъ поэтъ гостилъ у турокъ разъ,
 Съ тѣхъ поръ метода эта принялась.)

XLIII.

Жуанъ слѣдилъ за евнухомъ въ волненьи.
 Вдругъ мысль ему блестящая пришла.
 И вамъ, и мнѣ, въ подобномъ положеньи,
 Такая мысль легко прийти-бъ могла.
 «Убить проводника—одно мгновенье, —
 Шеллулъ Жуанъ;—не вижу въ этомъ зла;
 Скорѣй нанести ударъ, чѣмъ молвить слово,
 И мы затѣмъ свободны будемъ снова!»

XLV.

Товарищъ возразилъ: — «И что-жь потомъ?
 Какъ ухитрится дверь распрять снаружи?
 Мы можетъ быть и кожи не спасемъ;
 (Вареоламея, вспомните). *) Намъ хуже,
 Конечно, будетъ завтра подъ замкомъ
 Въ глухой тюрьмѣ. Я голоденъ, къ тому же
 И, не жадя первородства правъ,
 Ихъ продалъ бы за бифштексъ, какъ Исавъ.

XLV.

«Конечно, домъ находится за садомъ;
 Не сталъ бы этотъ негръ, увѣренъ я,
 Идти одинъ съ невольниками рядомъ,
 Когда-бъ не зналъ о близости жилья.
 Лишь крикнетъ, — многочисленнымъ отрядомъ
 Сюда сбѣгутся въ мигъ его друзья.
 Но посмотрите: вотъ дворецъ предъ нами.
 Какъ онъ красивъ и залитъ весь огнями!...»

XLVI.

Дѣйствительно, дворецъ весь росписной
 Представился ихъ изумленнымъ взглядамъ;
 Онъ поражалъ отблѣгой золотой
 И ярко разукрашеннымъ фасадомъ.
 Турецкій стильъ богатъ лишь пестротой,
 Но гдѣ-жь ему идти съ искусствомъ рядомъ!
 Всѣ виллы вдоль Босфора и дворцы —
 Лишь ширмъ иль декораций образцы....

XLVII.

Когда друзья къ роскошному жилищу
 Приблизились, ихъ сладко поразило
 Отраднѣе запахъ яствъ. Глядя на пищу,
 Жуанъ свое рѣшенье отложилъ,
 Подумавъ: «Пусть себѣ потомъ прочищу», —
 Голодному лишь запахъ пиши милъ,
 Британецъ молвилъ: — «Намъ теперь лишь нуженъ
 Часъ отдыха и вкусный, сытный ужинъ».

*) Преданіе гласитъ, что съ св. Вареоламея содрали съ живаго кожу.

XLVIII.

Совѣтуютъ, чтобъ убѣждать людей,
 На ихъ рассудокъ дѣйствовать и страсти.
 Последнее мнѣ кажется вѣрнѣй, —
 Вѣдь умъ ничѣмъ не поддается власти.
 Одинъ ораторъ плачетъ, чтобъ сильный
 Подѣйствовать; другой сумитъ манасты;
 Желаетъ всякій тронуть, убѣдить,
 Но ни одинъ не кочетъ братими бытъ.

XLIX.

Я твердо вѣрю въ силу убѣждения
 И красоты; порой полезна жесть;
 Порою и угрозы; нѣтъ сомнѣнья,
 Что въ золотѣ не мало силы есть.
 Но все-жъ людей въ такое умиленье
 Ничто не въ состоянн прнвастъ,
 Въ такой восторгъ, какъ сладкій звонъ жъ обѣду,
 Что славить плоти надъ душой побѣду.

L.

Хоть въ Турціи жъ обѣду не звонять,
 Но трапеза и тамъ на первомъ планѣ...
 Лакеи не стояли чинно въ рядѣ
 И колоколь не возвращалъ заранѣ
 О томъ, что столъ накрытъ; все-жъ ароматы
 Дымящихся и сочныхъ яствъ въ Жуанѣ
 Будиль неотразимый анкетия;
 Планъ мщенья былъ отложенъ и забытъ.

LI.

Ихъ проводникъ увѣренно и смѣло
 Шелъ впередъ. Несчастный и не зналъ,
 Что жизнь его на волосѣ висѣла.
 Остановивъ невольниковъ, онъ сталъ
 Стучаться въ домъ. Менованье пролетѣло —
 Съ воротъ глухихъ задворы сторожъ снялъ,
 И ихъ глазамъ представилася зала,
 Что въ роскоши восточной утопала.

LII.

Я въ описаньяхъ силейъ, но о ней
 Не стану говорить. Теперь такъ много
 Туристовъ развелось, что ихъ статей
 Не перечесть. Мнѣ съ ними не дорога...
 Все только описанья, но идей
 Не требуютъ отъ нихъ, тѣмъ больше слога:
 Цѣль авторовъ—чтобъ ихъ замѣтилъ свѣтъ,
 А до природы имъ и дѣла нѣтъ...

LIII.

Вдоль стѣны, почти недвижно, возсѣдали
 Сыны пророка, ноги подъ себя
 Поджавъ. Иные въ шахматы играли;
 Другіе, разговоръ не любя,
 Изъ мундштуковъ янтарныхъ дымъ пускали.
 Здѣсь спалъ одинъ, свернувшись какъ змѣя,
 А тамъ другой, объ ужинѣ мечтая,
 Къ нему приготовлялся, ромъ глотая.

LIV.

Ни толковъ, ни распросовъ никакихъ
 Не вызвало гяуровъ появленіе;
 Разсѣянно оглядывали ихъ
 И лицъ не измѣнилось выраженіе.
 Такъ, мимоходомъ, на коней лихихъ
 Глядятъ, цѣня ихъ силы и сложеніе.
 Иные негру отдали поклонъ,
 Но ни о чемъ распрошенъ не былъ онъ.

LV.

Оставивъ турою сонное собраніе,
 Невольниковъ повелъ онъ за собой.
 По ряду пышныхъ залъ. Вездѣ молчаніе
 Царило; только въ воннаты одной
 Фонтана раздавалось журчаніе
 Да кое-гдѣ изъ-за портьеръ норой
 Выглядывали женскія головки,
 Что новизна смущала обстановки.

Довольно лампы вдоль стѣнъ горѣло въ рядъ,
 Чтобъ освѣщать ихъ путь, но одиночѣе мало,
 Чтобъ роскошь стѣнъ царственныхъ палатъ
 Во всемъ своемъ величьи выступала.
 Тяжело печалью я объять,
 Когда передо мной пустая зала,
 Гдѣ не видать кругомъ души живой...
 Унылъ ея торжественный покой!

LVII.

Близъ скалъ сѣдыхъ, кто сильно точатъ волны,
 Въ пустынь иль въ лѣсу — не страшно намъ
 Уединенье... Пусть, оид безмолвны,
 Просторъ и тишь душъ отрады тамъ.
 Не если мрака и молчанья полны,
 Палаты, гдѣ веселью свѣтлый храмъ
 Воздвигнуть, тяжекъ этотъ видъ унылый, —
 Онъ тогда осконны съ нѣмой мощной...

LVIII.

Веселый ужинъ, ласки и привѣтъ,
 Подруги милой образъ идеальный,
 Уютный уголокъ и — горя нѣтъ,
 И часъ за часомъ жчится безпечно.
 Эффективѣ, конечно, яркій свѣтъ,
 Что газъ бросаетъ въ залъ театральную,
 Но мнѣ просторъ пустынный залъ милѣй, —
 Вотъ отчего тоска въ душѣ моей!

LIX.

Безцѣльны зодчихъ пышныя загла:
 Чѣмъ больше зданье, тѣмъ виднѣе намъ:
 Какъ человекъ ничтоженъ. Пусть пигмеи
 Лишь храмы воздвигаютъ къ небесамъ,
 Но всѣ дворцы, чертоги, мавзолеи —
 Къ чему они съ тѣхъ поръ, какъ палъ Адамъ?
 Какъ не умѣрить эти вождельныя —
 Разительный примѣръ столпотворенья!...

LX.

Великъ былъ Вавилонъ, что всѣхъ дивилъ
 Богатствами и силой... Величаво

Навуходоносоръ надъ ширь царилъ,
 Пока не сталъ частью въ тѣни дубравы;
 Со двами тамъ справлялся Дениль,
 Съ Пирамидъ Тѣба увѣнчались славою,
 И тамъ жила, собой пыльная оубъ,
 Салифамида, жертва злыхъ клеветъ.

LXI.

Всѣ лѣтописцы, злобною толпою,
 Пристрастиемъ къ коню ее клеймятъ.
 (Любовь, какъ и религія, порою
 Впадаетъ въ ересь!) Но такой развратъ
 Невѣроятенъ; жалкой клеветой
 Все это отъывается. Наврядъ
 Могло такъ быть, и я иного мнѣнья:
 Скаунъ имѣлъ курьеръ тамъ значенье*).

LXII.

Иной, пожалуй, скажетъ: «Вавилонъ —
 Лишь миеъ пустой!» (Феврѣе — не чудо
 Въ нашъ вѣкъ.) Но скептикъ будетъ обличенъ:
 У насъ есть доказательства вѣрныхъ грядъ:
 Сэръ Ричъ нашелъ, гдѣ былъ построенъ оубъ,
 И нѣсколько камней привезъ оттуда;
 Къ тому-жь о немъ есть въ Библии рассказъ,
 А Библии слова — законъ для насъ.

LXIII.

Пусть вспомнятъ тѣ, что воздвигаютъ зданья,
 Лишь думая о радостяхъ земныхъ,
 Горація прелестное воззванье:
 «Вы строите дворцы, а вѣсь въ живыхъ
 Не будетъ скоро! жалки созданья!»
 Бакою правдой дышетъ тростинный стухъ:
 «Et serpens in itinere stans dominus»
 «Насъ манитъ жизни, а смѣрти слышенъ голосъ.

Павель Козловъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

*) Намекъ на процессъ Каролинъ Каролиннъ, которую обвинили въ любви
 связи съ ея курьеромъ Бергамъ.

Къ вопросу о вольныхъ людяхъ.

Въ ряду немаловажныхъ государственныхъ вопросовъ, касающихся нашего Западнаго края и имѣющихъ для него весьма существенное значеніе какъ въ экономическомъ, такъ и въ политическомъ отношеніяхъ, въ последнее мѣсто, конечно, занимаетъ *вопросъ объ устройствѣ бывшихъ «вольныхъ людей», поселенныхъ на помѣщичьихъ земляхъ.* Такихъ людей считается въ край до 100.000 ревизскихъ душъ. Прежде они оставяли особое сословіе, а съ 1864 года сравнены въ правахъ и обязанностяхъ съ крестьянами. Вопросъ о нихъ заключается въ томъ: *подлежатъ, или не подлежатъ они надѣленію въ собственность, съ правомъ выкупа, землю, которою ихъ дѣды и отцы искони вѣковъ владѣли и пользовались и которою они сами пользуются и нынѣ?*

Мы сказали, что этотъ вопросъ имѣетъ существенное значеніе для края. Чтобы понять всю важность его, стоитъ только принять въ соображеніе, что «вольные люди» проживаютъ преимущественно въ четырехъ уѣздахъ Ковенской губерніи: Тельшевскомъ, Россіенскомъ, Шавельскомъ и Поневѣжскомъ, именно въ тѣхъ уѣздахъ, которые, составляя богатодаренный отъ природы уголокъ земли Русской, занимаютъ въ географическомъ отношеніи такое положеніе, что какъ бы разъединяютъ узкою полосой территоріи Пруссіи и Остзейскаго края, а потому давно уже служатъ приманкою для предприимчиваго «Drang nach Osten».

Съ другой стороны, извѣстно, что крестьянское сословіе, въ томъ числѣ и вольные люди, во время бывшаго польскаго мятежа, сослужило Русскому государству немалую службу, оставаясь, изъ всѣхъ сословій края, *одно непоколебимо-вѣрнымъ законному правительству и тѣмъ сдержавъ развитіе, умѣривъ силу и парализовавъ успѣхъ мятежа.* Вольные люди и по настоящее время остаются тѣми же вѣрными слугами русскаго правительства, отъ котораго терпѣливо ожидаютъ милостиваго и справедливаго рѣшенія своей участи. Не дай Богъ, чтобы имъ когда-нибудь пришлось разочароваться въ своихъ ожиданіяхъ! Тогда, лишенные родной земли и пріюта, безъ средствъ къ существованію, что они должны будутъ дѣлать, несчастные? — Или идти по-міру на всѣ четыре стороны, оста-

вивъ край безъ рабочихъ (потому что, по натурѣ человѣка, онъ никогда не останется слугою тамъ, гдѣ онъ былъ хозяиномъ, и у того, кто его раззорилъ и обидѣлъ), или же отдаться въ руки тѣхъ, кто отнесется къ нимъ по-человѣчески и радушно предложить уголь и осѣдлость. И какъ «ты» воспользуются приобретенною преданностью стотысячи народной силы—это вопросъ, на который хотя и не очень трудно отвѣтить, но такъ какъ онъ не касается прямо предмета нашей статьи и притомъ самъ по себѣ довольно щекотливъ, то мы и оставимъ его открытымъ.

Во всякомъ случаѣ, намъ кажется, что допустить хотя какое-ли движенье въ народной массѣ, и притомъ въ такой мѣстности, которая особенно нуждается въ спокойствіи для мирнаго развитія и окрѣпленіи своихъ экономическихъ и общественныхъ силъ на русскихъ началахъ едва ли можетъ соответствовать видамъ правительства.

И при такомъ-то исключительномъ положеніи края вопросъ объ устройствѣ вольныхъ людей, возбужденный мѣстною администраціей еще 6—7 лѣтъ тому назадъ, почему-то и гдѣ-то застрялъ-было подъ сукномъ. Весьма вѣроятно, что только благодаря настойчивости прессы, которая время отъ времени не переставала напоминать о забытомъ вопросѣ, и него въ настоящее время принялись горячо и есть надежда, что въ непродолжительномъ времени онъ будетъ разрѣшенъ окончательно.

Недавно въ газетахъ прошелъ слухъ, что для обсужденія правъ вольныхъ людей на землю, по Высочайшему повелѣнію, была образована особая коммиссія, подъ предсѣдательствомъ товарища министра внутреннихъ дѣлъ, тайнаго совѣтника Готовцева, изъ «свѣдущихъ людей» — мѣстныхъ крупныхъ землевладѣльцевъ: графовъ Тотлебена, Плятера и Зубова и князей Огинскаго и Пузына; что эта коммиссія уже покончила свою работу, придя въ принципѣ къ заключенію о необходимости надѣленія вольныхъ людей землею съ правомъ выкупа, но не на общихъ съ крестьянами, а на особыхъ основаніяхъ, причемъ поставлено непреклонными условіями: 1) чтобы выкупная цѣна одной десятины для Ковенской губерніи была не менѣе 60 и не болѣе 70 рублей, 2) чтобы въ случаѣ чрезполосицы допущенъ былъ обязательный обменъ земельныхъ угодій вольныхъ людей на другія свободныя помѣщичьи земли, 3) чтобы выкупныя сдѣлки между сторонами совершались не общимъ порядкомъ, установленнымъ въ краѣ для сдѣлокъ между землевладѣльцами и крестьянами въ сѣздѣ мировыхъ посредниковъ, а исключительно — подъ наблюдениемъ уѣздныхъ предводителей дворянства, и 4) чтобы на всю эту операцію было назначено не болѣе 6 лѣтъ, по истеченіи которыхъ если кто изъ вольныхъ людей не войдетъ съ помѣщикомъ въ соглашеніе о выкупѣ земли, то можетъ быть удаленъ изъ имѣнія. Въ этомъ смыслѣ говорятъ, предоставлено министерству выработать проектъ, который затѣмъ и поступить на окончательное разрѣшеніе въ главный комитетъ об-устройствѣ сельскаго состоянія.

Служь этого, какъ не встрѣтивши опроверженія и къ тому же про-
 ренный нами чрезъ вполне компетентное лицо, заслуживаетъ нашего
 вѣрія. Итакъ, принципиально вопросъ рѣшенъ въ пользу вольныхъ
 людей; участь ихъ можно было бы уже считать почти обезпеченною,
 если бы комиссия «свѣдущихъ людей» не поставила дѣло въ *исключи-
 тельныхъ условияхъ*, которыя, намъ кажется, могутъ на практикѣ вызвать
 весьма недоразумѣнія и вообще неблагоприятно повліять на дальнѣйшія
 жѣхъ дѣла. Конечно, все зависитъ отъ того, какъ будетъ составленъ
 проектъ новаго закона и какъ взглянуть на него главный комитетъ; но
 мы принять во вниманіе, какъ мы слышали изъ самаго достовернаго
 источника, что въ комиссіи, состоявшей, какъ выше сказано, изъ однихъ
 землевладѣльцевъ, безъ участія представителей со стороны вольныхъ
 людей, вовсе не обсуждались очень многіе частные вопросы, имѣющие
 весьма существенное значеніе при разрѣшеніи общаго, и въ томъ числѣ
 вопросъ о правахъ тѣхъ вольныхъ людей, которые нѣсколько лѣтъ тому
 назадъ были уже *насильно* выселены землевладѣльцами изъ имѣній, и
 то эта послѣдняя, очень важная часть общаго вопроса не будетъ также
 затронута, и въ министерскомъ проектѣ, то уже это одно доказываетъ,
 что главный комитетъ, при всемъ даже желаніи его, не будетъ имѣть
 возможности рассмотреть дѣло всесторонне; вълѣдствіе чего новый законъ
 о вольныхъ людяхъ, какъ и Положеніе 25 іюля 1864 года, рискуетъ
 остаться съ большими пробѣлами и вызвать необходимость новаго пере-
 смотра, дополненія и измѣненія, что немалобольно также послужитъ тор-
 козому успѣху дѣла.

Дабы предупредить такой печальный исходъ и въ видахъ содѣйствія
 правительству къ возможно-всестороннему обсужденію и правильному раз-
 рѣшенію дѣла, мы полагаемъ не лишнимъ освѣтить его именно съ той
 стороны, съ которой, вѣроятно, оно не было освѣщено людьми лично
 заинтересованными въ немъ своими карманами.

Въ февральской книгѣ журнала *Русская Рѣчь* за 1881 годъ помѣ-
 на статья подъ названіемъ «Вольные люди въ Западномъ краѣ», на
 которой мы позволимъ себѣ нѣсколько остановиться, чтобы познакомиться
 съ происхожденіемъ этихъ людей, такъ и съ настоящимъ ихъ поло-
 женіемъ, безъ чего, можетъ быть, дальнѣйшія наши разсужденія и выводы
 могутъ показаться не совсѣмъ ясными и логическими.

Бывшее особое сословіе «вольныхъ людей» происходитъ изъ иностран-
 ныхъ выходцевъ, пришедшихъ въ Россію въ прошломъ столѣтіи и при-
 влечшихъ русское подданство. Часть изъ нихъ получила надѣлы на казен-
 ныхъ земляхъ, которые въ настоящее время, по люстраціоннымъ актамъ,
 предоставлены имъ въ собственность; а другая часть поселилась въ
 имѣнничьихъ имѣніяхъ. Вотъ объ этихъ-то послѣднихъ и идетъ настоя-
 щій вопросъ.

«Прошли многие годы (послѣ поселенія иностранцевъ у помѣщиковъ), пишетъ авторъ названной статьи.—Новогітій смѣнялись покатіи. Иностранцы мало-по-малу осваивались съ мѣстными нравами и обычаями, обличались и братались родственными узами со своими односельчанами крѣпостными и, наконецъ, общая барщина, такъ же тяжело отягивавшая на спинахъ вольныхъ людей, какъ и казенныхъ крестьянъ, уничтожила всякое понятіе о различіи между тѣми и другими. Неумудрено послѣ этого сами поселенцы, свыкнувшись съ своимъ новымъ положеніемъ, перестали даже сознаніе о своемъ свободномъ происхожденіи. Что касается помѣщиковъ, пановъ, то, конечно, они не допускали и мысли чтобы на ихъ земляхъ проживали какіе-то «вольные»; въ ихъ глазахъ они все равно были ихъ крѣпостные, подданные, «быдло» (скоты).

Такъ были закрѣпощены вольные люди, несмотря на царскіе указы «о незакрѣпощеніи ихъ».

Въ началѣ текущаго столѣтія, правительство, замѣтивъ, что отъ помѣщиков перестали поступать «исподунныя» за вольныхъ людей *), усмотрѣвъ изъ ревизскихъ сказокъ отсутствіе таковыхъ людей при изощреннѣйшихъ имѣніяхъ; сдѣлало распоряженіе «о розысканіи». Учреждены были для этого особыя ревизіонныя комиссіи, которыя занимались «розысканіемъ» около 30 лѣтъ, но безуспѣшно. Тогда было приказано: «стѣ были!»—и вольные люди оказались.

«Изъ дѣлъ ревизіонныхъ комиссій,—говорится въ той же статьѣ: нѣтъ положительно никакой возможности догадаться, какими соображеніями онѣ руководствовались при опредѣленіи сорта людей (крѣпостныхъ и вольныхъ), ибо всѣ дѣла отличались замѣчательнымъ отсутствіемъ въ нихъ фактическихъ доказательствъ и документовъ».

При производствѣ на мѣстахъ слѣдствій, изъ опросовъ помѣщиковъ, крестьянъ и окольныхъ жителей, въ большинствѣ случаевъ оказывалось, что въ такомъ-то, напримеръ, имѣніи вольныхъ людей нѣтъ и никто не помнитъ, чтобы они когда-либо были; а между тѣмъ ревизіонныя комиссіи дѣлали постановленія, что крестьяне этого имѣнія всѣ, или частію «отселѣ должны считаться вольными людьми». Были случаи и наоборотъ. Словомъ сказать, «розысканіе» было крайне несостоятельно.

Помѣщики, конечно, обжаловали неправильныя дѣйствія комиссій, но, за непредставленіемъ доказательствъ, жалобы ихъ оставались послѣдствій.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что правительство, дѣлая свои распоряженія «о розысканіи закрѣпощенныхъ помѣщиками вольныхъ людей», имѣло въ виду не одну только фискальную сторону дѣла, но побуждаемо было и гуманными намереніями. Въ сожалѣнію, оно не предвидѣло въ

*) Помѣщикъ обязанъ былъ платить подати за крѣпостныхъ крестьянъ по 95 коп., а за вольныхъ людей—по 2 руб. 9 коп. съ души.

ремя, какими прустыми послѣдствіями отзвуются всѣ эти распоряженія дѣлать, кого оно хотѣло облагодѣтельствовать.

Въ 1847 году издано было Высочайше утвержденное Положеніе о вольныхъ людяхъ, которое, предоставляя имъ разныя права и льготы въ отличіе отъ крѣпостныхъ крестьянъ, повелѣвало, чтобы поземельныя отношенія между помѣщиками и вольными людьми обязательно и подробно или опредѣлены въ письменныхъ договорахъ.

Это Высочайшее повелѣніе, какъ оказалось впоследствии, осталось вѣрною буквою. Оно, въ большинствѣ случаевъ, не только не было приложено въ исполненіе, т. е. вольные люди не только не воспользовались предоставленными имъ правами и льготами и съ ними не было заключено контрактовъ, но даже имъ вовсе и не объявлено было содержаніе новаго закона; помѣщики же по-прежнему обращались съ ними какъ съ крѣпостными и даже продолжали платить за нихъ подати въ казну, какъ за крѣпостныхъ. Но особенно интересно, что все это дѣлалось съ ведома и при содѣйствіи мѣстной полиціи.

Насталъ 1857 годъ. Равнослась вѣсть о близкомъ освобожденіи крестьянъ изъ крѣпостной зависимости съ надѣлами земли. Помѣщики сразу увидѣли всю выгоду имѣть, вмѣсто крѣпостныхъ крестьянъ, вольныхъ людей. И вотъ тѣ, которые въ теченіе пятидесяти лѣтъ упрямо и какъ бы съ полнымъ убѣжденіемъ отстоявали передъ правительствомъ «коренное происхожденіе» своихъ крестьянъ, до того даже, что позволяли себѣ игнорировать Высочайшее повелѣніе, — вдругъ переѣхали таптину и успѣшно начали заявлять о свободномъ происхожденіи не только тѣхъ, кого уже намѣтило правительство, но и многихъ другихъ, чуть ли не большинство своихъ крестьянъ.

Такое рвеніе было во время замѣчено и дѣло о розысканіи вольныхъ людей превращено. Но что свершилось до 1861 года, то пронадо безвозвратно, и о вольныхъ людяхъ, или лучше сказать — *о крѣпостныхъ крестьянахъ; по волю аллаха ванисленныхъ въ вольные*, ни слова не было сказано въ Мѣстномъ Положеніи 19 февраля.

Пользуясь этимъ обстоятельствомъ, помѣщики не замедлили разыскавъ всевозможныхъ способовъ, чтобы на всякій случай какъ-нибудь избавиться отъ опасныхъ вольныхъ людей, въ томъ расчетѣ, что не рано ли часъ можетъ быть, какъ-нибудь опять возбудится вопросъ о нихъ, но уже въ обратномъ смыслѣ, съ требованіемъ надѣлать землю. Многіе землевладѣльцы, какъ известно, предлагали даже деньги людямъ, чтобы только уходили изъ имѣній; а если кто не соглашался, то употреблялось насиліе и разными притѣсненіямъ не было конца.

Слухъ о подобнаго рода дѣйствіяхъ помѣщиковъ дошелъ до вилленскаго генералъ-губернатора, графа Мурзьева, который, не вникнувъ въ суть дѣла и оинося причину гоненій къ числу политическихъ, какъ бы репрессивныхъ за неподдержку въ мятежѣ, испросилъ Высочайше пове-

лѣние (25 іюля 1864 года), которымъ требовалось отъ помещиковъ выселять вольныхъ людей изъ имѣній ранѣе двѣнадцати лѣтъ, на какой срокъ и заключить съ ними письменные на аренду земли договоры, на льготныхъ основаніяхъ. Льготы заключались въ обязательномъ переводѣ издѣльной повинности на денежную и въ скидкѣ 10% съ арендной платы. Что же будетъ съ вольными людьми по истеченіи двѣнадцати лѣтъ, на какомъ положеніи и при чемъ они должны будутъ остаться—законъ не определялъ. Вообще, правила 25 іюля 1864 года, по своей неполнотѣ, неясности и неопредѣленности, имѣли видъ скорѣе *временной мѣры*, нежели окончательнаго закона, и въ этомъ смыслѣ они были поняты не только вольными людьми и помещиками, но и мѣстными мировыми и крестьянскими дѣлами дѣлателями, на обязанность которыхъ было возложено наблюденіе за приведеніемъ въ исполненіе этихъ правилъ.

Въ концѣ концовъ законъ 1864 года, породивъ массу споровъ, недоразумѣній и процессовъ, не только не устроилъ быта вольныхъ людей, но создалъ для нихъ еще болѣе тягостное и неопредѣленное положеніе, чѣмъ то, въ которомъ они находились до изданія правилъ. Отъ заключенія контрактовъ обѣ стороны уклонялись. Помѣщики—потому, что они находили для себя выгоднѣе получать аренду издѣльною повинностью, нежели деньгами, и къ тому же имъ не хотѣлось терять 10%: «продутьъ же двѣнадцать лѣтъ и такъ, безъ договоровъ,—думали они,—а тамъ что еще Богъ дастъ, какъ бы хуже чего не было». А вольные люди не соглашались подписывать двѣнадцати-лѣтнихъ контрактовъ по той причинѣ, что чуяли въ этой подписи почти-что своей смертный приговоръ: «Разъ что подписались,—разоумѣдали они,—значить сами признали себя не больше какъ арендаторами, или все равно кто добровольно и навсегда отказались отъ права когда-либо получить землю въ собственность».

Они, *de facto* всегда бывшіе крѣпостными, никакъ не могли понять и никто, даже ближайшее начальство—мировые посредники не могли имъ растолковать: почему ихъ односельцы и сосѣди, такіе же крестьяне, какъ и они, жившіе и владѣвшіе землею женою вѣковъ, на тѣхъ же правахъ и условіяхъ, какъ и они, признаны *кредитными* и получили землю на выкупъ, тогда какъ они почему-то оказались какими-то *чужими* вольными людьми и лишены всякаго обезпеченія въ будущемъ? «Развѣ мы,—говорили они,—не были такими же вѣрными рабами и слугами Богу, Царю и своимъ панамъ, какъ и всѣ другіе крестьяне,—почему же мы вдругъ явились предъ русскимъ закономъ не съ одинаковыми правами?».

А такъ какъ, въ сознаніи крестьянъ, Царю и его законы не могутъ быть несправедливы и безчеловѣчны, то совершенно естественно, что вольные люди отнеслись къ закону 25 іюля 1864 года, дускаемому изъ не міру, съ полнымъ недоумѣніемъ, подозрѣвая въ немъ подлогъ, составленный падами въ нарушеніе дарованныхъ имъ отъ Верховной власти правъ, причѣмъ заподозрили и органы мѣстной администраціи, привоми:

ба въ исполненіе этотъ законъ, въ потворствѣ панамъ изъ своекорыстныхъ видовъ. Послѣ этого, разумѣется, никакія распоряженія, ни личныя убѣжденія начальства, ни военная эзекуція не могли поколебать въ вольныхъ людяхъ увѣренности, что вскорѣ послѣдуетъ *настоящее* неосчайшее повелѣніе, которое поставитъ ихъ въ одинаковыя условія съ всѣми другими крестьянами.

Въ этой увѣренности ихъ поддерживало, отчасти, неясное пониманіе и смысла 15-й статьи закона 1864 года, въ которой говорилось, что *мѣсь за симъ* будутъ изданы особыя правила о содѣйствіи правительства къ выкупу вольными людьми занимаемыхъ ими участковъ земли, въ томъ случаѣ, если послѣдуетъ на то соглашеніе между ними и землевладѣльцами. Такъ какъ о добровольномъ соглашеніи въ то время не могло быть рѣчи, то ожидалась инициатива со стороны правительства. Во всякомъ случаѣ крайне печально, что этихъ обѣщанныхъ правилъ, съ нетерпѣніемъ всѣми ожидавшихся, не только «*вслѣдъ за симъ*», но и по нынѣ не издано, что, конечно, не мало посодѣйствовало къ усложненію и обостренію нынѣшняго вопроса.

Вотъ какъ рисуется тогдашнее положеніе вольныхъ людей авторъ циркулярной нами статьи: «Обѣ стороны, со страхомъ ожидая чего-то въ будущемъ, совсѣмъ спустя рукава относились къ настоящему. Старыя дошныя условія потеряли силу; обѣ нихъ уже и не заботились; новыхъ договоровъ не заключали; земли обрабатывались кое-какъ, оброгъ оплачивался съ грѣхомъ пополамъ, натуральныя повинности вовсе не отбывались; лѣсу на ремонтъ строеній и дровъ на топливо людямъ не отпускалось; крестьянское хозяйство бѣдѣло, раззорялось; помѣщики несли убытки; но тѣ и другіе терпѣли и молчали».

Словомъ, положеніе было какое-то неопредѣленное, выжидательное; а между тѣмъ отношенія между спорящими сторонами, обострившіяся разными столкновеніями и процессами, дошли до крайнихъ предѣловъ натянутости, готовые ежечасно превратиться въ явную и непримиримую вражду.

Такъ продолжалось до 1877 года, когда помѣщики, полагая, что опредѣленный правилами срокъ 12-тилѣтней обязательной аренды истекъ, повелѣли выселить вольныхъ людей, какъ арендаторовъ, продолжающихъ самовольное владѣніе. Мировые судьи, къ которымъ поступали иски по этому предмету, рѣшали ихъ, на основаніи 4 п. 29 ст. Уст. гражд. суд., въ пользу землевладѣльцевъ, выдавали исполнительные листы и предписывали полиціи обѣ ихъ исполненіи. Полиціи удалось-таки выселить, конечно, не безъ насилія, нѣсколько сотъ семействъ, жившихъ односельями, вдали отъ своихъ деревень; но когда пришлось имѣть дѣло съ цѣлыми деревнями, то полицейская власть встрѣтила энергическое сопротивленіе со стороны раздраженной толпы. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ потребовалось даже содѣйствіе войскъ, но и вооруженное давленіе оказалось безуспѣшно. Дѣло начинало принимать острый, опасный характеръ.

Въ мартѣ 1878 года появилось распоряженіе министерства внутреннихъ дѣлъ, разъясняющее, что, по правиламъ 1864 года, между помѣщиками и вольными людьми обязательно должны быть заключены письменные договоры и что срокъ 12-тилѣтней аренды долженъ начинаться со дня заключенія договора. Такъ какъ оказалось, что эти условія въ дѣйствительности не были соблюдены, то вольные люди оставлены были въ покоѣ. Такое разъясненіе министерства было совершенно необходимо въ смыслъ возстановленія силы закона, который помѣщики посягали было обойти, съ другой стороны, оно—не болѣе какъ палліативная мѣра, отдавшая катастрофу съ вольными людьми лишь на нѣсколько лѣтъ. Вольные же люди, узнавъ, что ихъ оставили въ покоѣ по распоряженію министерства, весьма естественно, еще болѣе укрѣпились въ своемъ убѣжденіи, что не высшая власть, а мѣстная администрація поступаетъ съ ними несправедливо, и тѣмъ болѣе усилилась въ нихъ вѣра, что вскорѣ должно послѣдовать о нихъ новое Высочайшее повелѣніе.

Что же касается до состоявшихся уже рѣшеній мировыхъ судей о вѣселеніи вольныхъ людей, то таковыя, какъ некомпетентныя, признаны правительствующимъ сенатомъ недействительными. Однако, многія изъ нихъ, какъ выше сказано, были уже приведены въ исполненіе ранѣе сенатскаго указа; пострадавшіе отъ нихъ вольные люди до сихъ поръ остаются обезземеленными, не находя нигдѣ защиты для возстановленія своихъ правъ, предоставленныхъ имъ закономъ и нарушенныхъ рѣшеніями некомпетентнаго суда; а помѣщики, успѣвшіе уже отдать отобранныя участки въ аренду постороннимъ лицамъ (нѣмцамъ, евреямъ и полякамъ), злорадствуютъ и торжествуютъ.

Вотъ, въ общихъ чертахъ, положеніе вольныхъ людей, въ которомъ мы застаемъ ихъ въ настоящее время.

Какъ бы предвидя все это, бывшій ковенскій губернаторъ, князь Оболенскій, еще въ 1872 году считалъ своею обязанностью заблаговременно обратить вниманіе правительства на вопросъ о вольныхъ людяхъ. Онъ писалъ въ министерство, что, по его мнѣнію, слѣдовало бы подвергнуть пересмотру законъ 25 іюля 1864 года, такъ какъ «при разработкѣ основаній этого закона были выпущены изъ виду обстоятельства, разсмотрѣніе которыхъ привело бы къ другимъ, болѣе вѣрнымъ и согласнымъ съ исторіей вольныхъ людей юридическимъ опредѣленіямъ». Какъ на одинъ изъ историческихъ обстоятельствъ, на которое главнымъ образомъ должно быть обращено вниманіе при разрѣшеніи вопроса, князь Оболенскій указывалъ на то, что «вольные люди» въ сущности никогда не были «вольными», ибо давно уже противозаконно были закрѣпощены помѣщиками и во всемъ сравнены съ коренными крестьянами.

Авторъ статьи въ *Русской Речи* точно также не видитъ иного выхода къ юридически-правильному и справедливому разрѣшенію вопроса. «Смѣемъ думать,—говоритъ онъ,—что еслибы въ началѣ 50-хъ годовъ,

— есть въ то время, когда всѣ крестьяне, кругомъ, были крѣпостные, гда многіе изъ нихъ за «вольную» предлагали большой выкупъ, когда италось за счастье быть вольнымъ, — еслибы въ то время вольнымъ вдямъ было объявлено, что они—вольные, то, конечно, они не только т выразили бы никакихъ претензій, но были бы крайне довольны и гастливы и, безъ сомнѣнія, давно бы уже устроились каждый по своему змотрѣнію и желанію. Словомъ сказать, еслибы законъ 1847 года былъ в точности своевременно приведенъ въ исполненіе, то всѣ нынѣшніи вдоразумѣнія съ вольными людьми не имѣли бы и мѣста:

Законъ 1847 года, какъ мы знаемъ, остался мертвою буквою исклю- тельно по винѣ помѣщиковъ. Они скрывали его отъ своихъ крестьянъ ли потому, что послѣдніе дѣйствительно были неправильно записаны ре- зизіонными комиссіями «вольными людьми», а въ такомъ случаѣ нѣтъ ни- какого основанія и теперь ихъ считать таковыми, — или же вслѣдствіе порства и нежеланія подчиниться волѣ *русскаго* правительства, или въ своекорыстныхъ цѣляхъ, и въ такомъ случаѣ за самовольное, противо- вѣчное лишеніе людей свободы и правъ, предоставленныхъ имъ Высо- кѣйшею властью, виновные должны принять на себя теперь и всю от- вѣтственность въ послѣдствіяхъ, истекающихъ изъ ихъ незаконныхъ дѣй- ствій.

Съ другой стороны, за что же, спрашивается, вольные люди не поль- зовались и, по винѣ помѣщиковъ, лишены были возможности пользо- ваться высшимъ благомъ человека—*свободою* въ то время, когда она была для нихъ особенно нужна и безконечно дорога, когда, быть-можетъ, они могли воспользоваться ею съ громадною выгодой для себя? За что же они цѣлые вѣка были закабалены, потомъ и кровью добывали помѣ- щикамъ средства для безпечной жизни и утѣхъ, а сами подвергались крайнимъ лишениямъ и зачастую претерпѣвали отъ своихъ властителей всевозможныя душевныя и тѣлесныя пытки и страданія, — за что? Кто вознаградитъ ихъ за всѣ болѣзни, мученія, слезы, за всю испорченную ихъ жизнь, наконецъ за матеріальные убытки и ущербы, которые они неизбѣжно должны были нести вслѣдствіе своего крѣпостнаго состоянія, несвободы дѣйствій и отсутствія личныхъ правъ и правъ собственности? Развѣ вознагражденіе за все это, а равно за даровой трудъ и вѣрность службы—не лежитъ на прямой обязанности, какъ по законамъ граждан- скимъ, такъ и по закону совѣсти, на тѣхъ, кто былъ виновникомъ не- счастья людей и кто эксплуатировалъ ихъ со всѣхъ сторонъ?..

Нѣтъ, «вольные люди», въ своей волѣ ни въ чемъ неповинные и, *de facto*, никогда не бывшіе вольными, не должны идти по-міру на всѣ четыре стороны. Они должны получить свое; должны быть вознаграждены, должны быть обезпечены. Казалось бы, что гг. помѣщики сами должны были уже давно сознать свои обязанности въ отношеніи ихъ, не дожидаясь инициативы правительства.

Впрочемъ, съ этой стороны вопросъ уже рѣшенный. Правительство положено доброе начало; каковъ-то будетъ конецъ? А конецъ зависитъ много отъ того, какую роль правительство желаетъ принять на себя въ этомъ дѣлѣ: роль ли посредника-примирителя двухъ враждующихъ сторонъ, или роль законодателя-вершителя и устроителя народной судьбы.

Обѣ стороны имѣютъ свои права, за которыя вѣрно держатся: за однихъ—историческое, традиціонное право, столь же сильное и высокое нравственное, какъ то, которое послужило основаніемъ къ великимъ реформамъ 1861 года; за другихъ—законъ 25 іюля 1864 года. Право первыхъ распатано силою послѣдняго, но послѣднее оказалось несостоятельнымъ, беспочвеннымъ по силѣ перваго.

Разъ, что законъ въ жизни непримѣнимъ, онъ уже теряетъ свое значеніе закона. И если открыта причина его несостоятельности, елико драно, что данная, послужившія ему основаніемъ, не точны, фиктивны, не соответствуютъ ни историческому, ни настоящему, дѣйствительному положенію дѣла, то развѣ не лучше, не справедливѣе, не гуманнѣе пересмотрѣть эти ложныя основанія и создать новый, болѣе цѣлесообразный законъ, нежели поддерживать престижъ стараго, употребляя для того насилие, ломая исторію и благодѣтельствуя нѣсколькимъ десяткамъ, много сотнѣ лицъ, относительно богатыхъ, на счетъ и въ ущербъ всего составленія и даже всей жизни сотни тысячъ бѣдняковъ?

Законъ 25 іюля 1864 года—именно такой, который со дня выхода его до послѣдняго времени, отъ крестьянина до сановника, признается ненастнымъ и непримѣнимымъ къ дѣлу. Причина его неудачности объясняется тѣмъ, что основаніемъ ему послужило недоразумѣніе съ политическою подкладкою смутнаго времени, а не строго-безпристрастное изслѣдованіе исторической жизни цѣлаго особаго сословія и правовыхъ отношеній его къ землевладѣльцамъ. Существованіе подобнаго закона невозможно; немислима и ссылка на его силу, когда онъ безсиленъ.

Между тѣмъ въ жизни существуютъ извѣстныя отношенія, сложившіяся и освященныя вѣковыми обычаями; онѣ вызываютъ споры и недоразумѣнія, требующія разрѣшенія закона.

Вся надежда, стадо-быть, на снисхожденіе и уступчивость сторонъ къ полюбовнаго окончанія дѣла; но 17-лѣтній опытъ достаточно доказалъ, что надежда эта очень плоха: во-первыхъ, слишкомъ велико число и слишкомъ разнообразны характеры участвующихъ въ дѣлѣ лицъ, къ тому же они уже слишкомъ враждебно настроены другъ противъ друга, вследствие чего мажнѣйшій пустякъ можетъ послужить серьезнымъ препятствіемъ къ соглашенію; во-вторыхъ, компромиссы дѣйствительны и прочны только при условіи сознанія сторонами своихъ правъ, когда каждая изъ нихъ знаетъ, понимаетъ и можетъ опѣнить, что она теряетъ и что выигрываетъ чрезъ взаимное соглашеніе; когда же права не опредѣлены и каждая изъ сторонъ понимаетъ свое право по-своему, конечно, преувеличивая по натурѣ

равнестрой, то въ такихъ случаяхъ компромиссамъ нѣтъ мѣста: споры, касающіеся нѣз неопредѣленныхъ правовыхъ отношеній, вымываютъ дичь, вражду и борьбу безъ конца.

При такихъ условияхъ роль правительства, въ качествѣ посредника и миротвора, будетъ крайне тяжела, въ высшей степени щекотлива и даже ненормальна, если оно, въ виду еще существующаго, не отиѣненнаго закона, само дастъ понятіе сторонамъ о его несостоятельности и предложитъ обходить его, чтобы навѣ - нибудь порѣшить дѣло. Нѣтъ, такая роль не соответствуетъ высшему назначенію правительства, — а слишкомъ фальшива, чтобы власть ею пользовалась. Къ тому же она ни мало не обезпечиваетъ успѣха: ждѣ въ случаѣ неудачи добровольныхъ соглашеній все равно придется дѣло рѣшать; но рѣшеніе, основанное на законѣ, сила котораго уже окончательно тогда будетъ морвана, никого не удовлетворитъ и не прекратитъ споры и вражды, ни еще не разожметъ болѣе; великое же другое рѣшеніе, хотя по существу и справедливѣйшее, но не основанное на законѣ, будетъ произвольнымъ. Чтобы избѣжать этого, надо будетъ, слѣдовательно, приступить къ изданію новаго закона.

Такъ не проще ли прямо и начать съ законодательной работы, не мутывая еще болѣе гордиевъ узелъ, который рано или поздно все-таки придется разрубить?

Если, по внимательномъ изслѣдованіи дѣла, правительство пришло къ заключенію о необходимости, во что бы то ни стало, надѣлать вольныхъ людей землею, то это настолько важный государственный вопросъ, что слабы вольные люди не имѣли ровно никакихъ правъ, то и тогда не слѣдовало бы останавливаться передъ интересами горсти частныхъ лицъ. Во въ данномъ случаѣ задача правительства много облегчается, такъ какъ права людей ясны, какъ день; и на нихъ-то должно быть основано новое законодательство, безъ всякихъ компромиссовъ съ другой стороны.

Вотъ почему намъ кажется нѣсколько страннымъ составленіе комиссіи изъ лицъ, которыхъ, собственно говоря, нельзя признать «свѣдущими», полезными для разрѣшенія государственнаго вопроса людьми, стоящими выше своихъ матеріальныхъ интересовъ и безпристрастно обсуждавшихъ дѣло за и противъ.

Чтобы не быть голословными, разберемъ въ подробности рѣшеніе, къ которому пришла комиссія гг. землевладельцевъ.

Правда, она въ принципѣ рѣшила надѣлать вольныхъ людей землею. Прекрасно. Не будемъ уже говорить о томъ, было ли это рѣшеніе добродѣтельно или, можетъ-быть, гг. землевладельцамъ пришлось, по французской поговоркѣ, дѣлать «*comme mine à mauvais jeu*»; но посмотримъ, въ какихъ условіяхъ закоданы этотъ прекрасный принципъ и можетъ ли онъ, вслѣдствіе поставленныхъ условій, достигъ желанной дѣли.

Для Бовенской губернии вышняя цена за десятину надъла вольныхъ людей опредѣлена не ниже 60 рублей. Для всей губернии рѣшительно не мыслима одна и притомъ такая высокая норма, такъ какъ по качеству почвы не все уѣзды равны и даже въ одномъ и томъ же уѣздѣ, напримѣръ въ Бовенскомъ или Тельшевскомъ, въ разныхъ мѣстностяхъ существуютъ громадная разниа; о псакахъ Новоалександровскаго уѣзда и говорить нечего. Въ лучшихъ по качеству почвы уѣздахъ продажныя цѣны на землю существуютъ приблизительно слѣдующія: подесятинная, на выборъ, заливныхъ луговъ — отъ 100 руб. до 150 рублей; средняя, при продажѣ небольшихъ участковъ крестьянами, 1.000 руб. за уволоку, или 50 рублей за десятину; обыкновенная же средняя цѣна удобной земли, при продажѣ цѣлыхъ имѣній, стоитъ не выше 500 рублей за уволоку; средняя стоимость крестьянской земли, по оцѣнкѣ повѣрочной комиссiи, не превышаетъ 25 руб. за десятину, а самая высшая — 50 руб. Такимъ образомъ является уже первый поводъ къ спорамъ и недоразумѣниямъ: въ одной и той же деревнѣ крестьянинъ-сосѣдь, а можетъ-быть даже и братъ, получилъ надѣлъ по 25 — 30 рублей за десятину, а вольный человекъ за такую же землю, рядомъ, долженъ будетъ платить по 60 руб., если не по 70 рублей. Почему?

Обязательное разверстаніе угодій помѣщичьихъ отъ крестьянскихъ составляетъ вообще одинъ изъ труднѣйшихъ вопросовъ въ устройствѣ крестьянскаго быта. Въ сѣверо-западномъ краѣ до сихъ поръ если и были случаи разверстаній, то съ большими натяжками и то при условіи видныхъ, осадательныхъ вознагражденій крестьянъ. Ставить же непреклоннымъ, обязательнымъ условіемъ обмѣнъ земель вольныхъ людей на другія, по усмотрѣнію землевладѣльца, не обусловивъ этотъ обмѣнъ крайнею необходимостью и известнымъ вознагражденіемъ, это — опять поводъ къ нескончаемымъ и трудно-разрѣшимымъ пререканіямъ.

Надо надѣяться, что въ правилахъ, имѣющихъ быть разработанными министерствомъ, будутъ подробно предусмотрены и все условія относительно предоставленія вольнымъ людямъ пользованія другими хозяйственными угодьями, какъ-то: пастбищемъ, прогономъ для скота, водою, топливомъ, лѣсомъ и кустарникомъ на своихъ участкахъ и проч.; всемъ этимъ они до 1864 года пользовались, но затѣмъ въ большинствѣ случаевъ имъ было запрещено это помѣщиками, что крайне стѣснило крестьянское хозяйство и породило массу процессовъ, не конченныхъ, какъ намъ известно, и до сихъ поръ.

Но самымъ главнымъ неудобствомъ, которое, какъ намъ кажется, можетъ не только затормозить успѣшное окончаніе выкупа вольными людьми своихъ участковъ, но и свести все дѣло въ указанный шестилѣтній срокъ до нулеваго результата, это — порученіе столь сложнаго и крайне щекотливаго дѣла, помимо мѣстныхъ по крестьянскимъ дѣламъ учреждений, предводителямъ дворянства.

Если, съ одной стороны, обсуждавшіе этотъ вопросъ землевладѣльцы, установивъ такое условіе, выразили тѣмъ самымъ полное недовѣріе къ правительственному учрежденію, которое собственно для того и существуетъ въ краѣ, чтобы выяснять и рѣшать запутанныя поземельныя отюшенія между помѣщиками и крестьянами, то, съ другой стороны, слѣдуетъ принять въ соображеніе, что крестьяне только къ этому правительственному учрежденію и имѣютъ еще кое-какое довѣріе, хорошо помня 1861 и 1863 годы и исторію съ уставными грамотами, составленными мировыми посредниками изъ мѣстныхъ землевладѣльцевъ, которыя впоследствии пришлось всё передѣлывать.

Да, наконецъ, кто же можетъ быть судьей въ собственномъ дѣлѣ? А гг. предводители дворянства—всѣ крупныя землевладѣльцы, у которыхъ вольные люди находятся въ такомъ же печальномъ положеніи, какъ и въ другихъ имѣніяхъ. И кто же доведетъ ихъ до такого положенія? Но съ такого прошлаго едва ли кто можетъ поручиться за перемѣну направленія въ будущемъ и за то, что по истеченіи назначеннаго для выкупныхъ сдѣлокъ срока вдругъ окажется, что сдѣлка не состоялась не по винѣ помѣщика, а по упорному нежеланію самихъ вольныхъ людей, вследствие чего они будутъ подлежать высылкѣ изъ имѣнія.

Нѣтъ, такой важный государственный вопросъ, какъ примиреніе и водвореніе спокойствія въ краѣ, пограничномъ съ Пруссіей, путемъ обезпеченія испытанно-вѣрныхъ слугъ отечества вѣрнымъ насущнаго хлѣба,—не долженъ разрѣшаться на-авось, какимъ-то келейнымъ, крайне ненадежнымъ способомъ, но долженъ быть разработанъ обстоятельно, законодательнымъ порядкомъ и затѣмъ приведенъ въ исполненіе осторожно, вѣрною, опытною рукою.

Что же касается до тѣхъ вольныхъ людей, которые, по постановленіямъ мировыхъ судей и посредниковъ, выслены были изъ имѣній, то, по нашему мнѣнію, они необходимо должны быть сравнены въ правахъ съ тѣми, о надѣленіи которыхъ землею мы и имѣемъ въ виду вопросъ; ибо въ противномъ случаѣ выйдетъ въ высшей степени несправедливое неравенство: останутся наказанными именно тѣ, которые такъ или иначе позиковались властями и закону, и выиграютъ тѣ, которые оказали наибольшее сопротивление.

П. Георгіевъ.

О НОВЫХЪ КНИГАХЪ.

Паденіе крѣпостнаго права въ Россіи. Сочиненіе *И. Иванюкова*, профессора Петровской земледѣльческой и лѣсной академіи. 1882 года.

Чѣмъ ближе отъ насъ историческій фактъ, тѣмъ больше нитей держимы къ его всецѣлому воспроизведенію. Опцѣна факта—дѣло историка, дѣло будущаго; изображеніе его—дѣло ближайшихъ современниковъ. И обычно и самое воспроизведеніе факта оставяется на долю далекаго потомства... Причина такого, повидимому, равнодушнаго отношенія къ фактамъ современной намъ жизни лежитъ въ большинствѣ случаевъ внѣ насъ, есть, какъ извѣстно, нѣчто внѣшнее, отъ насъ независящее. Если бы дѣлались хотя краткіе своды вынужденнымъ историческимъ фактамъ, то слѣдующія поколѣнія были бы избавлены отъ массы напраснаго труда, также и отъ крупныхъ пробѣловъ въ самомъ фактѣ, неизбежно образующихся на разстояніи нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ. Современному обозрѣвателю неясное и непонятное въ фактѣ можетъ быть разъяснено только драгоцѣннымъ и только для него возможнымъ источникомъ—современниками факта, нѣрѣдко участниками, творцами его. А этотъ самый богатый источникъ почти всегда пропадаетъ у насъ. Совершается фактъ, о немъ пречтатъ на разные лады въ газетахъ, никогда, впрочемъ, не довершая всего вѣнчикъ. Проходитъ время,—крики умолкаютъ. Фактъ отходитъ въ область прошлаго, дѣлается достояніемъ исторіи. О немъ забываютъ, если онъ не тянетъ за собой ряда дурныхъ или хорошихъ послѣдствій, которыя такъ или иначе напоминаютъ о немъ. А въ это время сходятъ мало-по-малу со сцены и его сподвижники, его творцы.

Книга г. Иванюкова: «Паденіе крѣпостнаго права»—представляетъ прекрасный образецъ опыта сведенія тѣхъ частныхъ, изъ которыхъ сложился фактъ паденія крѣпостнаго права въ Россіи,—того послѣдняго сведенія, которое возможно у насъ при разстояніи отъ самаго факта на 20 лѣтъ.

Въ названномъ сочиненіи г. Иванюковъ имѣетъ въ виду исключительнаго «время крестьянской реформы» съ того момента, когда эта реформа за-

узна была правительствомъ только какъ «улучшеніе быта крестьянъ» какъ въ трудахъ редакціонныхъ комиссій развилась въ уничтоженіе рѣпостнаго права. Книга г. Иванюкова представляетъ именно «исторію той метаморфозы» (стр. 345).

По словамъ самого императора Александра II, зло крѣпостнаго права чувствовалось уже цѣлымъ рядомъ правителей, а императоръ Николай I постоянно былъ занятъ мыслью освобожденія крестьянъ. Потому вполне естественно, что, воспитанный въ гуманныхъ идеяхъ, императоръ Александръ II на просьбу графа Закревскаго — успокоить московскихъ дворянъ, взволнованныхъ вѣстью объ освобожденіи, сказалъ имъ въ Москвѣ въ 1856 году, вмѣсто успокоенія, слѣдующія глубоко вѣрныя слова: «Лучше отмѣнить крѣпостное право сверху, чѣмъ дожидаться того времени, когда оно само собою начнетъ отмѣняться снизу. Прошу васъ подумать о томъ, какъ бы привести это въ исполненіе» (стр. 8).

Въ словахъ Государя чувствовалось опасеніе за что-то недоброе. Опасеніе это было вполне основательно, такъ какъ въ 1854 и 1855 годахъ брошенія среди крестьянъ все усиливались и принимали все болѣе и болѣе грозный характеръ. Мотивъ бунта почти вездѣ былъ одинъ: «Не хотимъ служить помѣщику». Нижеслѣдующій фактъ ясно говоритъ, какъ чутко прислушивался народъ ко всему, что исходило свыше, въ надеждѣ услышать оттуда давно желанную вѣсть о свободѣ. Вскорѣ послѣ коронаціи въ сенатскую лавку поступилъ указъ сената въ видѣ книжки: «По вопросу о порядкѣ совершенія записей на увольненіе помѣщиками крестьянъ въ званіе государственныхъ крестьянъ, водворенныхъ на собственныхъ земляхъ». Эту книжку народъ принялъ за указъ о давно желанной волѣ. Толпы народа, — пишетъ г. Иванюковъ, — бросились на сенатскую лавку за дорогимъ указомъ, и въ теченіе трехъ дней не было въ лавкѣ отбоя, а на Сенатской площади народъ толпился цѣлое утро, такъ что, наконецъ, полиція вынуждена была принять мѣры къ водворенію порядка. Указъ перепродавали въ мелочныхъ лавочкахъ, и цѣна за него доходила до 3 рублей» (стр. 12).

Послѣ этого вполне понятно, что необходимо было начать освобожденіе *сверху* и притомъ какъ можно скорѣй. И вотъ въ январѣ 1857 года создается подъ предсѣдательствомъ Императора *секретный* комитетъ «для обсужденія мѣръ по устройству быта крестьянъ».

Комитетъ рѣшилъ, въ виду существующаго въ народѣ броженія объ освобожденіи, приступить къ «освобожденію», только не вдругъ, а *постепенно*. Весною 1857 года Государь уѣхалъ за границу. Комитетъ въ его отсутствіе собирался рѣдко, занимался вяло. Вернувшись изъ-за границы, Государь еще болѣе укрѣпился во мнѣніи о необходимости освобожденія и былъ очень недоволенъ вялостью и бездѣйствіемъ комитета. Чтобъ оживить въ немъ дѣятельность и увеличить число лицъ, принадлежавшихъ къ прогрессивной партіи (Блудовъ, Ланской, Ростовцевъ), къ которой при-

надлежалъ самъ Государь, онъ назначилъ членомъ комитета Великаго Князя Константина Николаевича, который глубоко сочувствовалъ идее освобожденія.

Но, несмотря на вступленіе новаго члена, комитетъ по-прежнему стоялъ на томъ, что дѣло освобожденія надо вести постепенно, не вдругъ совершить его въ три періода. Государь уже подписалъ подъ этимъ проектомъ: «исполнить»; но адресъ дворянъ Виленской, Ковенской, Гродненской губерній, привезенный губернаторомъ Назимовымъ, гдѣ дворяне и дѣйствовали объ «освобожденіи крестьянъ отъ крѣпостной зависимости сохраняя неприкосновенными права помѣщиковъ на землю» (стр. 18), измѣнилъ дѣло.

Слѣдствіемъ этого, а также и мнѣній гр. Ланского, Блудова и Ротозева, былъ рескриптъ Государя отъ 20 ноября 1857 года. Въ рескриптѣ повелѣвалось устроить въ каждой изъ названныхъ губерній комитетъ, гдѣ бы дворяне занялись составленіемъ проекта объ освобожденіи помѣщичьихъ крестьянъ съ сохраненіемъ помѣщикамъ права собственности, а крестьянамъ оставленіе усадебной осѣдлости и т. д. Этотъ рескриптъ, данный Назимову, благодаря живому отношенію графа Ланского въ одну ночь былъ напечатанъ и на другой же день разосланъ по всей Россіи. Со времени обнародованія этого рескрипта въ народѣ водворилась тишина и вплоть до 19 февраля 1861 года не было никакихъ возмущеній,—народъ ждалъ, ждалъ полной воли, вполне вѣря, что его землю оставятъ при немъ.

За литовскими дворянами обратились къ Императору петербургскіе съ просьбой «приступить къ составленію предположеній объ улучшеніи бытъ ихъ крестьянъ» (стр. 33). Стали ждать адреса изъ Москвы. Московское дворянство, къ стыду своему, упорно молчало, и только небольшіе избранцы кружка москвичей собрался въ залахъ купеческаго собранія и искренними рѣчами привѣтствовалъ радостную новость. Но этотъ обѣдъ Москвѣ не прошелъ даромъ: Бокореву за его прекрасную рѣчь, вызывавшую на благотворительность въ пользу крестьянъ, былъ сдѣланъ выпиворъ, «и подобные обѣды были запрещены».

За петербургскимъ дворянствомъ слѣдовало нижегородское, гдѣ губернаторомъ былъ декабристъ А. Н. Муравьевъ. Затѣмъ слѣдовало тверское дворянство, принимавшее въ дѣлѣ освобожденія самое живое, самое искреннее участіе во главѣ съ своимъ предводителемъ А. М. Уньковскимъ.

Программа занятій для губернскихъ комитетовъ была составлена Ротозевымъ. Въ нее входили слѣдующія положенія: «о неприкосновенности права собственности помѣщиковъ на всю землю»; «помѣщику присвоилось званіе начальника общества».

Съ самаго начала открытія губернскихъ комитетовъ въ нихъ имели членами образовались двѣ партіи: прогрессивное меньшинство и консервативное большинство. Меньшинство обратило все свое усиліе на дости-

не двухъ цѣлей: «надѣленіе крестьянъ землею въ постоянное пользо-
ваніе въ такомъ размѣрѣ, который дѣйствительно обезпечивалъ бы ихъ
жизнь, и сокращеніе вотчинной власти помѣщиковъ до возможнаго мини-
мумъ» (стр. 46).

Но во время путешествія Государя по Россіи консервативное боль-
шинство потерпѣло сильное фіаско въ своихъ надеждахъ, въ особенност-
и рѣчей Государя, обращенныхъ къ тверскому, нижегородскому и мо-
сковскому дворянству. Мы приведемъ нѣсколько строкъ изъ послѣдней
изъ нихъ, какъ самой рѣзкой и ясно-выражающей настроеніе и симпатіи
Царя: «Мнѣ, господа, пріятно,—сказалъ Государь,—когда я имѣю
возможность благодарить дворянство, но противъ совѣсти говорить не въ
моемъ характерѣ. Я всегда говорю правду и, къ сожалѣнію, благодарить
васъ я не могу. Вы помните, когда я два года тому назадъ въ
той самой комнатѣ говорилъ вамъ о томъ, что рано или поздно надобно
ступитъ къ измѣненію крѣпостнаго права и что надобно, чтобъ оно
шло лучше сверху, нежели снизу. Мои слова были перетолкованы.
Слѣдъ того я объ этомъ долго думалъ и, помолясь Богу, рѣшился при-
ступить къ дѣлу. Когда, вслѣдствіе вызова Петербургской и Литовскихъ
Губерній, даны мною рескрипты, я, признаюсь, ожидалъ, что московское
дворянство первое отзовется, но отозвалось нижегородское, а Московская
Губернія — не первая, не вторая, даже не третья» (58 стр.). Консер-
вативная партія послѣ этого поняла, что остановить дѣло освобожденія
нельзя, и потому устремила свои помыслы хотя на то, чтобъ остановить
цѣль о выкупѣ крестьянами земли и удержать при себѣ вотчинную
часть помѣщиковъ.

Членамъ меньшинства въ губернскихъ комитетахъ иногда до того при-
шлось тяжело, что они должны были прибѣгать для самозащиты къ
самымъ мѣрамъ. Такъ А. И. Кошелевъ (въ рязанскомъ комитетѣ) обра-
тился за помощью къ правительству — и большинству рязанскаго ко-
митета былъ сдѣланъ выговоръ. Г. Самаринъ вначалѣ былъ до того тѣс-
нимъ большинствомъ самарскаго комитета, что вынужденъ былъ при-
обрѣсти револьверъ и окружить себя тѣлохранителями изъ дворовыхъ.
И. Черкасскій (тульскій комитетъ) «подвергся большимъ непріятностямъ
съ трудомъ выбрался изъ зады, едва не понесъ побоевъ» (стр. 170).

8 января 1858 г. былъ отданъ приказъ превратить секретный коми-
тетъ въ официальный «главный комитетъ по крестьянскому дѣлу». Че-
резъ четыре мѣсяца при немъ открыта была коммиссія, долженствовав-
шая разсматривать «проекты положеній губернскихъ комитетовъ», а че-
резъ 7 мѣсяцевъ она была преобразована въ совершенно новыя редак-
ционные коммиссіи, съ иными членами, подъ предсѣдательствомъ генераль-
штабнаго Ростовцева.

Письма послѣдняго къ Государю изъ-за границы имѣли громадное влія-
ніе на освобожденіе крестьянъ, какъ и вообще сама личность Ростовцева.

Онъ серьёзно и честно отнёсся къ взятой на себя обязанности; еще въ качествѣ члена главнаго комитета онъ принялся за изученіе литературы вопроса, слушалъ мнѣнія и совѣты просвѣщенныхъ лицъ, каковы: Я. И. Соловьевъ и Н. А. Милютинъ, и поставилъ дѣятельность редакціонной комиссіи наравнѣ съ воззрѣніями передовой части общества. Онъ высказывался за слѣдующія положенія: «Дома, огороды, пашни крестьянскаго должны имъ (т. е. крестьянамъ) идти въ постоянное пользованіе». «Помѣщикамъ имѣть дѣло съ міромъ, не касаясь личности» и т. д.

Изъ упомянутыхъ писемъ Ростовцева были сдѣланы извлеченія и посланы ко всемъ членамъ главнаго комитета. 4 декабря 1858 г. были выработаны и утверждены Государемъ «начала», которыми должны были руководствоваться комиссіи при разсмотрѣніи губернскихъ проектов. Въ основаніе этихъ началъ положены письма Ростовцева: прекращеніе личнаго крѣпостнаго права; крестьяне получаютъ въ собственность усѣдебную осѣдлость; помѣщикамъ предоставляется вотчинная власть и т. д. Благодаря ходатайству тверскаго губернскаго комитета, было сдѣлано распоряженіе правительства «о разрѣшеніи присоединить къ выкупу усѣдебь и выкупъ полевыхъ угодій». Графъ Ланской поспѣшилъ увѣдомить объ этомъ распоряженіи всѣ другіе губернскіе комитеты.

По Высочайшему повелѣнію, на редакціонныя комиссіи возлагалась обязанность не только свода проектовъ губернскихъ комитетовъ, но и очерчаніе проекта общаго положенія о крестьянахъ, выходящихъ изъ крѣпостной зависимости» (стр. 80).

Предсѣдателю давалось право пригласить членовъ-экспертовъ по своему усмотрѣнію. 27 апрѣля 1859 года былъ данъ Высочайшій приказъ объ образованіи финансовой комиссіи; причѣмъ Ростовцеву было предоставлено право соединять всѣ комиссіи и выбирать членовъ изъ чиновниковъ министерства внутреннихъ дѣлъ, министерства юстиціи, государствен. имуществъ и отъ II-го отдѣленія канцеляріи Его Императорскаго Величества. — Ростовцевъ старался выбирать людей прогрессивной партіи; названіе «краснаго» данное какому-нибудь лицу отъ реакціонной партіи, служило ему гарантіей для выбора. Въ члены-эксперты онъ между прочимъ выбралъ Ю. И. Самарина, кн. Черкаскаго и др.; въ финансовую комиссію были выбраны: Н. А. Милютинъ, Н. А. Бунге, А. П. Заблоцкій-Десятовскій... Но консервативная партія Петербурга тоже въ свою очередь не дремала и вела свои интриги противъ Ростовцева, вслѣдствіе чего въ комиссію не попали такіа лица; какъ графъ П. П. Шуваловъ, В. В. Апраксинъ, М. П. Позень и др. Всѣхъ членовъ было 36; изъ нихъ прогрессистовъ было болѣе шинство, консерваторы же составляли менѣе 1/3 общаго числа членовъ.

Редакціонныя комиссіи открыли свою дѣятельность съ 4 марта 1859 года. Открывая засѣданіе, предсѣдатель сдѣлалъ такую оговорку: «Мы приступаемъ къ дѣлу щекотливому; мы можемъ быть разныхъ мнѣній и взглядовъ. Между нами могутъ произойти горячіе и раздражительныя

шоры и несогласія, а потому мы всё заранѣе должны вносить другъ другу огорченію, еслибъ у насъ вышло что-нибудь непріятное» и т. д. (стр. 142). По его желанію, члены въ комиссію являлись въ простыхъ шурткахъ, безъ орденовъ, во время засѣданій пили чай, мурли. По его же инициативѣ, журналы комиссій печатались въ нѣсколькихъ тиражахъ, экземпляровъ и разсылались по губерніямъ къ предводителямъ дворянства, къ начальникамъ губерній. Вотъ какъ онъ мотивировалъ необходимость гласности для дѣятельности комиссій: «Занятія эти составляютъ дѣло всей Россіи... Комиссія объявлена частнымъ отчетомъ въ своихъ дѣйствіяхъ передъ всею Россіей... Необходимо предаться общему суду, призвать на помощь общее участіе» (стр. 148). И дѣйствительно, онъ прислушивался къ разумнымъ совѣтамъ и бралъ ихъ въ соображеніе. Такъ, подъ вліяніемъ литературы, редакціонныя комиссіи рѣшили, что крестьяне должны выкупить въ полную собственность не только усадебную, но и полевую землю. Теперь комиссіямъ предстояло рѣшить слѣдующіе вопросы: о мѣрахъ, выкупа, о сохраненіи за помещиками вотчинной полиціи и объ условіяхъ срочна-обязательнаго положенія крестьянъ.

Въ концѣ 1859 года губерскіе комитеты кончили свои работы. Нѣкоторые изъ нихъ (костромской, воронежскій, курскій и др.) не сочувствовали видамъ правительства. Другіе, куда принадлежалъ и петербургскій, высказались за личное освобожденіе крестьянъ, но безъ земли, и за сословное первенство дворянъ. «Наконецъ третью категорію составляли комитеты: тверской, харьковскій и меньшинство въ комитетахъ нижегородскомъ, симбирскомъ, самарскомъ, тульскомъ, владимирскомъ, ярославскомъ, калужскомъ, вятскомъ и другихъ, представители коихъ, глубоко винявъ въ сущность дѣла реформы, вполнѣ и добросовѣстно поддерживали виды правительства и дѣйствовали либерально въ отношеніи крестьянъ» (стр. 168).

Въ августѣ былъ сдѣланъ первый прывывъ депутатовъ изъ 19 губерній, причемъ требовалось изъ каждаго комитета по одному представителю отъ каждаго мнѣнія. Явилось 9 представителей меньшинства и 27 большинства. Съ прыводомъ консервативныхъ депутатовъ въ Петербургъ стали ходить по рукамъ бумаги, противныя мнѣніямъ редакціонныхъ комиссій. Такова была брошюра Орлова-Давыдова: «Lettre d'un député de Comité à M. er Rostovtzeff». —Чтобъ уменьшить вліяніе депутатовъ на ходъ дѣла, графъ Ланской представилъ Государю записку, въ которой, охарактеризовавъ этихъ членовъ, высказалъ слѣдующее: «Посему не должно давать развѣваться мечтаніямъ, будто бы избранные комитетами члены прывываются для рѣшенія какихъ-либо законодательныхъ вопросовъ или измѣненія въ государственномъ устройствѣ. Уничтоженіе крѣпостнаго права есть дѣло уже рѣшенное въ благотворной мысли Вашего Величества и никакой перемѣнѣ подлежать не можетъ». Государь нашель взглядъ Ланского правильнымъ и велѣлъ записку сообщить Ростовцеву и вернуть ее

сейчасъ же назадъ, чтобы не ходили по рукамъ копии. Но, какъ и всегда бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, несмотря на все предосторожности, «въ мартѣ 1860 года, во время пребыванія въ Петербургѣ депутатовъ втораго призыва, въ городѣ заговорили о запискѣ; она ходила по рукамъ между депутатами и произвела большой шумъ» (стр. 177).

Такимъ образомъ депутаты съ перваго же шага увидели, что измѣнить положеніе дѣлъ нельзя, и образовали изъ себя лагерь, враждебный редакціоннымъ комиссіямъ и ихъ представителю—Ростовцеву. Депутаты бранили по городу членовъ комиссій, «называли ихъ красными, демократами; врагами дворянства, социалистами» и т. д. (стр. 189).

Разумѣется, ко всему этому Ростовцевъ не могъ отнестись спокойно: онъ заболѣлъ; съ нимъ сдѣлалась желчная лихорадка и образовался карбункулъ. За нѣсколько часовъ до смерти онъ не переставалъ говорить Государю: «не бойтесь, не бойтесь».

Это была страшная потеря для крестьянскаго дѣла, тѣмъ болѣе, что мѣсто Ростовцева въ редакціонныхъ комиссіяхъ занялъ графъ Панинъ. У консерваторовъ тотчасъ явилась надежда переставить все дѣло на другіе рельсы. Но у дѣла оставались его друзья—самъ Государь, Н. А. Милитинъ и графъ Манской; Панина ограничили въ его вмѣшательствѣ, и дѣло освобожденія осталось въ томъ видѣ, въ какомъ вышло изъ-подъ рукъ преданнаго ему Ростовцева.

Между тѣмъ Государю былъ поданъ рядъ адресовъ, изъ которыхъ адресъ тверскаго дворянства по своимъ гуманно-прогрессивнымъ идеямъ выдѣляется изъ всѣхъ другихъ. За этотъ адресъ, впрочемъ, былъ сдѣланъ выговоръ. Надвигалась реакція. Одновременно съ послѣдней начались движенія и беспорядки въ университетахъ, а на дворянскихъ губернскихъ собраніяхъ въ Твери, Рязани, Владимірѣ и т. д. произошли демонстраціи.

«Губернскія отношенія съ выговорами,—говоритъ авторъ,—совершили то, что безсилны были совершить запрещенныя книги или даже заграничная газета *Колоколъ*. «Теперь и терять намъ нечего,—говорилось на дворянскихъ собраніяхъ.—Пусть устраняютъ насъ отъ мѣстнаго управленія, и тогда мы увидимъ послѣдствія управленій чиновниками» (Лейпцигская брошюра).

Черезъ четыре мѣсяца по окончаніи дѣлъ депутатами перваго призыва пріѣхало 45 депутатовъ втораго призыва, изъ которыхъ при жизни Ростовцева 27 человекъ высказывались за обязательный выкупъ, а послѣ его смерти тотчасъ отказались отъ этого мнѣнія; и лишь очень немногіе остались при немъ.

Мы не будемъ останавливаться на работахъ комиссій: по вопросамъ о надѣлахъ крестьянъ и ихъ повинностяхъ, а также и на участіи литературы въ рѣшеніи всѣхъ этихъ вопросовъ,—и безъ того наша рецензія грозитъ обратиться въ цѣлую статью; мы скажемъ только, что эти вопросы порождали большія несогласія, и, несмотря на старанія прогрессивной пар-

ни, было рѣшено, что за помещиками должно остаться не менѣе $\frac{1}{3}$ всей земли, «хотя бы для того потребовалось уменьшить существующіе надѣлы» (стр. 256). Поэтому достаточное обезпеченіе земли получили только $14\frac{1}{2}\%$ всѣхъ крестьянъ, а остались необезпеченными (1 дес. и менѣе на душу)— $11\frac{1}{2}\%$. Система же градацій повинностей была назначена такая: первая десятина облагалась выше, чѣмъ вторая, вторая—выше третьей, и т. д. Такимъ образомъ повинности увеличивались не пропорціонально величинѣ надѣла.—Затѣмъ много толковъ и препирательствъ породилъ вопросъ о сохраненіи за помещиками вотчинной полиціи. Но здѣсь лучшіе представители дворянства требовали кореннаго измѣненія. Въ особенности горячо объ этомъ высказывалось твердое дворянство, въ лицѣ Гильковскаго и Европеуса, которые, какъ извѣстно, и платились за это.

10-го октября 1860 года редакціонныя комиссіи закрыли свои засѣданія. Дѣло было передано въ главный комитетъ, которому было приказано торопиться разсмотрѣніемъ. 14 января главный комитетъ передалъ дѣло въ государственный совѣтъ, гдѣ 28 января было первое засѣданіе; открытое рѣчью самого Государя; въ ней излагалась краткая исторія освобожденія крестьянъ.

Засѣданія въ государственномъ совѣтѣ были очень бурны. Предсѣдатель съ трудомъ возстановлялъ порядокъ преній... «Журналъ каждаго засѣданія представлялся отдѣльно Государю и былъ утверждаемъ болышею частію согласно мнѣнію меньшинства» (стр. 404). Измѣненія были сдѣланы слѣдующія: 1) уменьшеніе максимума и минимума надѣла и 2) введеніе дароваго надѣла.

На этомъ оканчивается книга г. Иванюкова. Она не говоритъ о паденіи крѣпостнаго права *de facto*; не говоритъ о принятіи этой вѣсти народомъ, также какъ въ началѣ совѣтъ умалчиваетъ объ историческомъ развитіи идеи паденія крѣпостнаго права въ Россіи. Тѣмъ не менѣе данная книга представляетъ глубокій интересъ: авторъ далъ полную картину исторіи паденія крѣпостнаго права *de jure* и рельефно охарактеризовалъ участіе въ этомъ дѣлѣ правительства, дворянства и литературы.

Но въ заключеніе мы не можемъ не замѣтить одного неудобства, которое чувствуется при чтеніи книги г. Иванюкова. Во время знакомства съ исторіей паденія крѣпостнаго права читателю казалось, что вся сила прогрессивнаго рѣшенія вопроса лежала въ императорѣ Александрѣ II, Ростовцевѣ и ихъ официальныхъ и неофициальныхъ сподвижникахъ. На четвертой сотнѣ страницъ авторъ вкратцѣ снова повторяетъ всю исторію паденія, причемъ вводитъ новыхъ лицъ (великую княгиню Елену Павловну), новое вліяніе, о которомъ раньше почти ничего не упоминалось. Авторъ здѣсь долго и подробно останавливается на значеніи Н. А. Милютина и *его вліянію* приписываетъ прогрессивную дѣятельность Ростовцева: «Милютинъ воодушевлялъ Ростовцева и Ланскаго. Они выражали его мысли» (стр. 375). Все это для читателя представляется неожидан-

нымъ сюрпризомъ и въ его головѣ нелегко спутывается уже успѣвшее образоваться представленіе о степени участія въ дѣлѣ того или другаго лица.

Изъ своихъ наблюдений по крестьянскому дѣлу. О. М. Уманца. С.-Пб. 1891 года.

Данная книга представляетъ шестнадцать отдѣльныхъ небольшихъ статей, касающихся «крестьянскаго дѣла». Развѣтку этого дѣла авторъ видитъ только при появленіи у насъ слѣдующихъ новыхъ двигателей: «обязательнаго прекращенія временно-обязанныхъ отношеній (обязательный выкупъ—тожъ) тамъ, гдѣ они еще остались, всеословныхъ общинныхъ учреждений въ селеніяхъ (иначе—территориальная община, приходъ, административная община) и равномернаго распредѣленія общинныхъ налоговъ на всѣ условія, пользующіяся общинными учреждениями...» (стр. 3). Съ появленіемъ ихъ кончатся у насъ «крестьянское дѣло» и на мѣсто его выступитъ общерусское, общегражданское, короче: «наше дѣло».

Первыя главы книги, или, вѣрнѣе, первыя статьи, представляютъ картины сельскаго самоуправленія и, вообще, интересные случаи изъ жизни крестьянъ Черниговской губерніи, Глуховскаго уѣзда, и разсужденія о крестьянскомъ дѣлѣ, вызванныя самою жизнью.

Въ первой статьѣ авторъ очень подробно разсказываетъ исторію фарфоровыхъ копей въ селѣ Подолкахъ, о томъ, какъ онѣ перешли въ общинное владѣніе казенныхъ крестьянъ этого села и какъ послѣдніе имъ пользуются. Въ этой статьѣ онъ наглядно, на фактахъ, доказываетъ, какъ крестьяне не понимаютъ своей выгоды: вмѣсто того, чтобы самимъ работать эти копи, которыя даже арендатору, нанимающему рабочихъ для раскопки, даютъ чистаго дохода по 30 коп. съ каждаго пуда добытой фарфоровой глины, отдаютъ ихъ въ аренду и при этомъ сами нанимаются къ арендатору въ рабочіе. Арендную плату получаютъ по числу добытыхъ пудовъ фарфоровой глины (отъ 8 до 15 коп. съ пуда), причѣмъ никто изъ нихъ не ведетъ правильныхъ счетовъ добытымъ пудамъ и, разумѣется, не получаетъ всей надлежащей платы. Кромѣ того, въ чемъ авторъ убѣдился на мѣстѣ, дѣлежъ арендной платы между крестьянами-собственниками происходитъ самымъ безобразнымъ образомъ, какъ и дѣлежъ земли. «Были домохозяева, — говоритъ авторъ, — получившіе въ однѣ руны 258 руб. 50 коп. (за 5 ревизскихъ душъ), большинство же получило по 103 руб. 40 коп. (за 2 ревизскія души); были и такіе домохозяева, которые, вопреки физиологіи, получили на 1½ души 77 руб. 55 коп.; немногіе получали на одну душу—51 руб. 70 коп.» (стр. 18).

Эту статью, интересную какъ по сообщаемымъ техническимъ свѣдѣніямъ о добываніи фарфоровой глины, такъ и по вышеуказаннымъ неурядицамъ въ сельскомъ самоуправленіи, авторъ кончаетъ слѣдующими словами:

«Изолировать толпу отъ всякаго интеллигентнаго вліянія, бросить ее а производъ судьбы и наклеить, гдѣ слѣдуетъ, ярлычокъ: «самоуправленіе»,—еще не значитъ на самомъ дѣлѣ дать нашимъ селамъ право самоуправленія» (стр. 30).

Вторая статья: «Изъ путевыхъ замѣтокъ»—также довольно любопытна на рисуетъ село Радичевъ, гдѣ нѣкогда поселились нѣмцы-колонисты,—рисуется картина ихъ благоустройства, экономическаго довольства, сообщивъ предварительно исторію ихъ переселенія въ названное село. У нихъ въ Радичевѣ выросли и каменные зданія для заводовъ, и прекрасный большой садъ Шелковицы, гдѣ они занимались разведеніемъ шелковичныхъ червей. Когда народонаселеніе этой колоніи сильно возросло, то часть жителей, избытокъ, хотѣла переселиться на югъ, въ Таврическую губернію. Но имъ приказали—если выселяться, такъ ужъ *всѣмъ* до одинаго, забравъ съ собой все имущество, а что не могутъ взять, то распродать на мѣстѣ. Разрѣбится, ни садъ съ тутовыми деревьями, ни каменные зданія завода они взять съ собой не могли. На мѣсто ушедшихъ колонистовъ въ Радичевѣ поселились наши крестьяне. Что же сдѣлали они съ этимъ благоустроеннымъ селомъ, съ этими каменными зданіями и предестнымъ садомъ? Достаточно, вмѣсто отвѣта на эти вопросы, набросать современную картину сада Шелковицъ, какая представилась глазамъ самого автора.

«...Теперь отъ этихъ деревьевъ остался только кустарникъ; огоршил вѣтъ и слѣда... Еще сохранились правильные ряды фруктовыхъ деревьевъ. Иссохшіе стволы и полустгнившіе пни чередуются въ нихъ съ зеленой кроной дерева, запущеннаго, заглохшаго, но еще полнаго жизни. Немного труда и порядка—и садъ еще можно бы возобновить.

«Когда мы въ тотъ же день, поздно вечеромъ,—продолжаетъ авторъ,—возвращаясь въ Радичевъ, снова шли черезъ Шелковицу, мальчишки-ночевники долкались у костра, а лошади разбрелись между фруктовыми деревьями и поминутнымъ фырканьемъ выражали свое довольство и предлагаемой пищей, и отдыхомъ послѣ дневныхъ трудовъ. Не знаю, довольны ли деревья?» (стр. 38).

Такой фактъ допускаетъ, по мнѣнію автора, только одно объясненіе, что «чего-то не достаетъ въ общественномъ управленіи нашихъ селеній» (стр. 40).

Много интересныхъ вопросовъ касается авторъ въ своей книгѣ, и такъ какъ онъ старается строить свои разсужденія на фактахъ, то у него выступаетъ не мало любопытныхъ этнографическихъ особенностей собственно Малороссіи; напримѣръ, еврейскіе шинки, тайныя винокурни, устраиваемыя евреями, дѣленіе общиннаго поля на узкія полосы, которыя по всюду встрѣчаются въ Черниговской губерніи, и т. д. Но всего больше авторъ говоритъ о недостаткахъ крестьянскаго самоуправления, всего сильнѣе возстаетъ противъ безполезности и даже вреда волостнаго суда и присутствія по особымъ крестьянскимъ дѣламъ. Онъ находитъ, что даже

сама «волость» есть нечто чуждое нашей русской жизни, не имѣющее своих опоръ въ нашемъ историческомъ прошломъ, и очень энергично говоритъ о замятѣ волостнаго суда, причежъ доказываетъ возможность такой замятѣ «всесословнымъ общиннымъ самоуправленіемъ», программу устава которой печатаеть въ приложеніи къ названной книгѣ, также какъ и программа устава общиннаго землевладѣнія.

Мы не будемъ входить въ разсмотрѣніе того и другаго, — разрѣшеніе подобныхъ вопросовъ не можетъ умѣститься въ рамкахъ рецензіи.

Женщина. Ея жизнь, нравы и общественное положеніе у всѣхъ народовъ нашего шара. Соч. *А. Ф. Швейгеръ-Дерхенфельда*, переводъ съ нѣмецкаго *М. Мерцаловой*. Съ 200 рис. *А. Ванюра*. Съ приложеніемъ статьи о русскихъ женщинахъ. Сост. *В. И. Немировичъ-Данченко*. Съ картиною *С. Ф. Алексеевича Ровскаго*. С.-Пб. 1882 года.

Разъяснивши и разрѣшивши многіе изъ вопросовъ, касающихся уніи женія крѣпостнаго права, наша періодическая литература энергично приступила къ рѣшенію новаго вопроса, который выдвигался самой жизнью какъ неизбежное слѣдствіе паденія крѣпостничества, — вопроса о женскомъ образованіи, о женской эмансипаціи. — Почти 20 лѣтъ тому назадъ, именно въ 1864 году, русскія женщины въ первый разъ обратились съ просьбой о допущеніи ихъ въ университетскія аудиторіи. Много шуму надѣлало это прошеніе. Во всѣхъ органахъ печати загсворили о женщинахъ, о «женскомъ вопросѣ» и, какъ и всегда водится, говорящіе раздѣлились на два противоположныхъ лагеря. Одни подняли женщину на смѣхъ за смѣлый шагъ и стали кричать объ ея умственной несостоятельности, о полной неспособности къ головной работѣ; другіе — то были лучшіе представители нашей печати — смѣло ободряли ее на новый путь, усматривая въ немъ зарю новой жизни не только для нея самой, но и для всего русскаго общества. Много бодрыхъ, сильныхъ и свѣжихъ голосовъ раздавалось тогда въ нашей литературѣ. Кто не запомнить горячихъ, искреннихъ рѣчей *М. Михайлова* за права женщины на равное образованіе съ мужчиной, — рѣчей, проникнутыхъ полною вѣрой въ нравственную и умственную мощь женщины? Большой затраты силъ стоила этимъ горячимъ защитникамъ женскихъ правъ борьба съ ихъ врагами, которые, надо замѣтить, были въ то же время и врагами всякаго новшества. Но лучшая часть русской литературы сослужила свою великую службу женскому вопросу: все, что имѣетъ Россія за эти 20 лѣтъ по части женскаго образованія, — все создано при содѣйствіи и поддержкѣ лучшихъ органовъ нашей печати.

Начавшееся въ 1864 году женское движеніе дало въ результатъ за эти 20 лѣтъ рядъ высшихъ женскихъ курсовъ, сперва появились Аларченки въ Петербургѣ, Лубянскіе — въ Москвѣ, затѣмъ Владимірскіе публичныя въ Петербургѣ; въ 1872 году послѣдовало одновременно открытіе

женскихъ врачебныхъ курсовъ» въ Петербургѣ и «высшихъ женскихъ курсовъ» г. Гелье въ Москвѣ. Наконецъ, въ недавнее время открыты цѣлый рядъ феальдиеровскихъ курсовъ въ разныхъ столицахъ, а Аларченскіе и Вландирскіе въ Петербургѣ соединены въ одно и пересозданы въ высшіе естужевскіе, по примѣру которыхъ открыты курсы во всѣхъ университетскихъ городахъ Россіи.

Съ тѣхъ поръ, какъ женщина начала серьезно работать на открывшихся курсахъ, — съ тѣхъ поръ, какъ она дала несомнѣнные доказательства своей способности къ умственному труду, — въ силу самой жизненной правды должны были замолнуть въ литературѣ всѣ скептическіе голоса ротивниковъ женскаго образованія. Турецкая война за независимость явивъ еще болѣе помогла торжеству «женскаго дѣла». Женщина, какъ вѣстно, не осталась въ сторонѣ отъ этого общественнаго движенія: студентки врачебныхъ курсовъ доказали на дѣлѣ богатую нравственную силу женщины и ея способность прилагать съ большимъ тактомъ и рѣдкимъ своимъ знаніемъ. Тогда почти единогласно вся печать, обывая женщину похвалами, высказала полную увѣренность, что правительство, рѣшенное во-очію въ неоспоримо-добрыхъ результатахъ существованія женскихъ врачебныхъ курсовъ, разумѣется, не замедлитъ дать вполне заслуженныя ими права. И литература, отвлеченная другими неотступными вопросами жизни, относительно женскаго вопроса успокоилась на этомъ.

Съ тѣхъ поръ прошло уже 4 года, а правъ у женскихъ врачебныхъ курсовъ все нѣтъ. Женщины, оканчивающія медицинское образованіе, продолжаютъ энергично и неустанно работать въ земствѣ и столичныхъ больницахъ, ничѣмъ не уступая мужчинамъ-врачамъ, а между тѣмъ женскіе врачебные курсы остаются по-прежнему *безъ правъ*. Скоро, а именно 1-го ноября будущаго года, минетъ десять лѣтъ ихъ существованія, а правъ все нѣтъ... Тѣ, отъ кого зависятъ ихъ права, забыли о нихъ; но литература, обманувшаяся въ своихъ ожиданіяхъ, опять поднимаетъ свой голосъ о предоставленіи имъ правъ. Такъ между прочимъ въ газетѣ *Порядокъ*, мѣсяцъ тому назадъ, появилась статья, напоминающая о предстоящемъ десятилѣтнн женскихъ врачебныхъ курсовъ... То же заговорили и другія газеты.

Какъ разъ, когда въ нашей литературѣ снова поднимается «женскій вопросъ», выходитъ въ русскомъ переводѣ книга Швейгеръ-Доркенфельда «Женщина». Судя по заглавію, она появилась какъ нельзя кстати. Было бы представляя рядъ аналогичныхъ нашимъ курсамъ учреждений «съ правами» въ другихъ странахъ, какъ, напримѣръ, въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ, она этимъ самымъ могла бы сослужить намъ прекрасную услугу въ дѣлѣ полученія правъ. Но, къ величайшему сожалѣнію, ея авторъ весьма мало заинтересованъ вопросомъ образованія женщинъ, мало заинтересованъ и тѣми пионерками, которыя пролагаютъ для женщины новые пути. Оставившаяся, напримѣръ, на Америкѣ, онъ совершенно игнорируетъ знаме-

ниту, американку: Блеквелъ, которая первая въ наше столѣтiе указала женщинамъ дорогу къ медицинкой наукѣ; ни слова не говоритъ о существующей въ Америкѣ женской медицинскон школѣ, гдѣ профессорами состоятъ женщины. Также и г. Демировичъ-Данченко въ своей статьѣ, расположенной въ концѣ книги, несмотря на все свое доброе отношенiе къ женщинамъ и къ избранному ею новому пути, *лишь мимоходомъ* упоминаетъ выросшихъ въ Россiи за последнее 20-лѣтiе различныхъ женскихъ курсовъ; ни слова не говоритъ объ образовавшихся у насъ, дама, женщинахъ-врачахъ. Какъ будто нѣтъ у насъ своихъ женскихъ врачебныхъ курсовъ и учрежденiя, которымъ Россiя опередила западную Европу и которое несомнѣнно должно составить ея гордость, какъ скоро она дастъ ему должныя и вполне заслуженныя имъ права.

Г. Швейгеръ-Лерхенфельдъ мало интересуется умственнымъ воспитанiемъ женщины, — онъ несравненно больше занятъ, и даже съ особой исключительной любовью, описанiемъ ея наружной красоты. Вотъ какъ онъ описываетъ женщину Гранады: «Какъ искусно она умѣетъ замаскироваться въ мантилью или ловко откинуть ее! Какъ краснорѣчива ея улыбка, когда она выглядываетъ изъ той маленькой птичьей клеткн, которую въ андалузскомъ Дамаскѣ называютъ «балкономъ». Точно пунцовая въ ея волосахъ, горятъ ея губки; когда онѣ улыбаются многу, отблескъ его глазами въ толпѣ на многолюдной улицѣ. Визуаль очаровательно отблнкаетъ слегка смуглое личико съ несравненными блестящими глазами»... (стр. 530).

Если же, какъ въ главѣ объ Индостанѣ, онъ упоминаетъ о раво умершей индiйской писательницѣ Тору-Дуттъ *)), то это выходитъ какъ бы мимоходомъ, по ошибкѣ. Все равно какъ и слѣдующее мѣсто объ ученыхъ итальянкахъ въ его книгѣ есть неожиданность: «Вспомни Елену Лукрецію, — говоритъ онъ, — которая въ 1678 году приобрѣла въ Падуанскомъ университетѣ степень доктора, слѣдовательно двумя столѣтiями раньше нашихъ современныхъ ученыхъ женщинъ. Столѣтiемъ позже блестяла Маура Басси (†. 1778), можетъ-быть ученѣйшая женщина во всей Италiи. Она была ученой въ полномъ смыслѣ слова и занимала въ Болоннѣ катедру по физикѣ и медицинѣ. Далѣе славилась Марiа Америкетти, какъ юристка; и Луиза Чичи, какъ поэтъ» (стр. 560).

Поэтому не удивительно, что данная книга, несмотря на свой громадный размѣръ (болѣе 40 печатныхъ листовъ), не даетъ даже приблизительно вѣрнаго представленiя о положенiи женщины въ той или другой цивилизованной странѣ. Правда, авторъ и не претендуетъ на это,

*) Тору-Дуттъ умерла (1877 г.) отъ чахотки на 22 году жизни. Несмотря на то, что она такъ немного жила, она успѣла довольно сдѣлать. Изучивши хорошо французскiй и англiйскiй языки, она познакомилась съ новѣйшею французскою литературой, перевела на санскритскiй языкъ многиа изъ французскихъ произведенiй, а Англия дала полный переводъ «Випну-параны».

ни припомнить, что онъ предназначаетъ свою книгу исключительно *для читателей*... Известно, что всегда лежитъ въ основаніи такого подраздѣленія книгъ на женскія и мужскія... Но наша русская женщина послѣднія 20 лѣтъ отвыкла отъ этихъ подраздѣленій, — уже давно она тается у насъ одной умственной нищей съ мужчинами! Потому данная эта русской женщины не удовлетворитъ.

Но это, разумеется, нисколько не мѣшаетъ этой же книгѣ представлять другой чисто этнографическій интересъ, на почвѣ котораго авторъ строитъ жизнь женщины у восточныхъ или вообще мало цивилизованныхъ народовъ. Здѣсь каждый образованный читатель, безразлично, будь ли то мужчина или женщина, найдетъ нѣсколько интересныхъ подробностей о положеніи женщины у дикарей, объ ихъ рабски-подчиненныхъ отношеніи мужчинамъ, о свадебныхъ обрядахъ и вообще о разныхъ бычаяхъ. Мы не можемъ не подѣлиться съ читателемъ нѣкоторыми изъ этихъ подробностей.

Авторъ, рисуя этнографическія картины, постоянно развѣзжаетъ изъ одной страны въ другую, начиная свое путешествіе съ Кавказа, проѣзжая по всей Азии, Австраліи, Америкѣ, Африкѣ, Европѣ и кончая славянскими землями.

Изъ обитательницъ Кавказа грузинки и черкешенки обычно поставлены въ турецкіе гаремы! Еще въ 60-хъ годахъ ихъ продавали за громадныя цѣны въ Турціи. Такъ за одну черкешенку было заплачено 1.000 фунтовъ стерлинговъ. Нерѣдко покупкою и поставкой въ гаремы этихъ несчастныхъ созданий занимались въ Константинополѣ дамы высшаго круга и наживали себѣ этимъ путемъ большія состоянія. Женщина Кавказа вообще самое безправное, лишенное свободы и вполнѣ подчиненное существо. Все ея преимущество — у чеченцевъ — право развода: «Но въ такомъ случаѣ она теряетъ все свое состояніе и не можетъ надѣяться на дальнѣйшее снисхожденіе». А сколько формальностями и какими странными обрядностями обставлена ея свадьба! Такъ, у чеченцевъ невѣста до свадьбы развѣзжаетъ по роднымъ жениха, гдѣ ее забрасываютъ булавками, а послѣ свадьбы на 6 дней отдѣляютъ отъ мужа и она не смѣетъ даже говорить съ нимъ наединѣ. Самой большою свободой и болѣе лучшимъ положеніемъ между жительницами Кавказа пользуются армянки; но, впрочемъ, свобода имъ принадлежитъ только до замужства. Армянка, вышедшая замужъ, надѣваетъ на лицо покрывало и не смѣетъ ни съ кѣмъ говорить. Только съ рожденіемъ перваго ребенка она получаетъ право рѣчи со свекровью, потомъ съ матерью и т. д., соблюдая извѣстную постепенность.

Женщина Аравіи, преимущественно среди бедуиновъ, пользуется особымъ уваженіемъ и даже нѣкоторымъ поклоненіемъ среди мужчинъ. Авторъ говоритъ, что тамъ сохранилась еще въ полной силѣ «жизнь любви». Житель Аравіи, отправляясь въ кровавую битву, говоритъ своей

возлюбленной: «ради твоихъ глазъ иду я на бой, на смерть». Вотъ какъ изображается эта любовь мужчины въ одной изъ пѣсень баярда Тейлора

Изъ стени несчастной къ тебѣ я причался
 На пламенномъ, быстромъ комѣ,
 И вѣтра пустыни сильнѣй его гнало
 Томленье мое по тебѣ.
 Стою въ тишинѣ предъ твоимъ я окошкомъ
 И пламенно, нѣжно молю,
 И тихая ночь слышитъ всѣ мои вздохи;
 Люблю, лишь тебя я люблю,
 И буду, повѣрь мнѣ, любить я всегда,
 Пока грѣетъ солнце и свѣтитъ звѣзда,
 Покуда не грянетъ среди ночи труба
 Последняго, страшнаго смертнымъ, суда!

и т. д. (стр. 76 и 77).

Во время войны бедуины обыкновенно выбираютъ самую красивую дѣвушку въ «хадіи», сажаютъ ее на верблюда и воздаютъ ей божественныя почести. Глаза всѣхъ воиновъ съ особымъ благоговѣніемъ обращены къ ней паланкинѣ, куда обычно и врагъ мѣтитъ свои стрѣлы. Дѣвушка, смотря на всю опасность положенія «хадіи», охотно идетъ въ избранницы.

Не такъ живетъ женщина въ Индіи. Извѣстно, что ея обезличеніе какъ жены, въ этой странѣ встарину доходило до ужаснаго образа самоожженія по смерти мужа. И замѣчательно, женщина погружалась въ волны огня пылающаго костра съ величайшею охотою! Вотъ разсказъ очевидца такой сцены, англичанина Слемана. Онъ пріѣхалъ къ старушкѣ вдовѣ, которая твердо рѣшилась сжечь себя. «Она сидѣла съ покрытою головой передъ мѣднымъ блюдомъ, наполненнымъ рисомъ и цвѣтами, и каждой рукѣ было по кокосовому орѣху. — «Я хочу, — сказала она, — соединить свой прахъ съ прахомъ моего супруга; ты даянъ мнѣ на это позволеніе; авось до этого дня Богъ продлитъ жизнь мою, хотя я ничего не ѣмъ и не пью... Не мучь меня долѣе. Я хочу соединиться съ моимъ мужемъ»... — Получивши позволеніе быть сожженной, она взяла листъ индійскаго перца, пожевала его и твердо пошла на площадь. Слеманъ велѣлъ окружить костеръ солдатами, чтобъ удержать толпу народа. Костеръ вдова была въ полтораста шагахъ отъ костра, его зажгли и пламя вскорѣ поднялось очень высоко. Лицо ея выразило восхищеніе (вотъ пойми людей!). Она еще разъ остановилась, взвела глаза къ небу и вскричала: «Зачѣмъ должна я была ждать пять дней для нашего соединенія? Дойдя до солдатъ; вдова обошла вокругъ костра, остановилась на изгибѣ вѣнча, чтобы помолиться и бросить въ огонь цвѣты. Потому вошла къ

родину и легла на костеръ, какъ будто на постель для отдыха. Она крила, не издавъ ни одного стога»... (стр. 144—146).

Кромѣ обычая сожженія, въ Индіи существовалъ также обычай избіеніе новорожденныхъ дѣвочекъ, съ цѣлью избавиться большихъ расходовъ, нужныхъ для выдачи дочерей замужъ. И этотъ обычай избіенія былъ до того сильно распространенъ, что въ 1836 году въ одномъ мѣсяцѣ съ 10.000 жителей не было найдено ни одной дѣвочки. Для пополненія браковъ въ Индію обычно привозятъ англичанокъ.

Этотъ же варварскій обычай убивать новорожденныхъ дѣвочекъ существуетъ и въ Китаѣ, гдѣ женщина находится въ самомъ жалкомъ положеніи: она обязана подчиняться не только мужу, но и собственному сыну. Впрочемъ, это нисколько не покажется удивительнымъ, если въ Швеціи, ранѣ болѣе цивилизованной, существуетъ такое грубое отношеніе мужчинъ къ женщинамъ, что «женихъ въ знакъ своей будущей власти въ домѣ ржигъ въ одной рукѣ кнутъ, который онъ не оставляетъ даже у саго алтаря» (стр. 565).

Послѣ этого та свобода, которой пользуется бирманская женщина, кажется чѣмъ-то невѣроятнымъ, выходящимъ изъ ряда вонъ. Тамъ дѣвушка спокойно можетъ вести бесѣды съ холостыми мужчинами, даже звать ихъ у себя въ гости въ то время, когда ея родители улягутся спать. Тутъ на свободѣ она знакомится съ ними и за того, кто ей полюбится, обѣщаетъ выйти замужъ. По выходѣ замужъ она, а не онъ, владѣетъ главою въ домѣ. Если почему-либо ей разонравится ея мужъ, на свободна его покинуть, только предварительно должна возратить му калымъ. Если же мужъ и жена вмѣстѣ рѣшились на разводъ, то каждый изъ нихъ зажигаетъ по свѣчкѣ и уходитъ изъ избы. Чья свѣчка прежде сгоритъ, тому и уходитъ изъ дому, и при этомъ съ собой ничего не брать.

Такое же впечатлѣніе оригинальности и своеобразности представляютъ права женщины у малайцевъ. Если жена внесла въ семью одинаковое съ мужемъ состояніе, то имѣетъ равныя съ нимъ права и на состояніе, и на дѣтей. А преимущество въ дѣлахъ наслѣдства отдается, въ силу обычая, женскимъ членамъ семьи съ материнской стороны...

Приведенныхъ мѣстъ, думаемъ, достаточно, чтобы признать цѣлостный этнографическій интересъ данной книги, который, надо замѣтить, нѣсколько усиливается приложенными въ текстъ недурными картинками. Какъ только, что послѣднія не служатъ непосредственной иллюстраціей къ тексту, а представляютъ вервѣдко нѣчто совсѣмъ нужное содержанію обрамляющихъ ихъ печатныхъ строкъ. Какъ этими картинками, такъ и замѣтными описаніями можетъ воспользоваться учитель географіи, и желая познакомить своихъ учениковъ или ученицъ съ этнографическими особенностями известной мѣстности.

Что же касается до перевода г-жи Марцаловой, то онъ очень хорошъ: во всей книгѣ, на 40 печатныхъ листахъ, встрѣчается не болѣе двухъ-трехъ фразъ, порождающихъ недоразумѣнїе, да и тѣ, по вѣроятности, есть слѣдствіе недоглядки корректора.

Н.

Земскіе вопросы. Очерки и обзорѣнія. Г. Скалона. Москва. 1882 г.

Книга, заглавіе которой приведено выше, составляетъ сборникъ статей, написанныхъ извѣстнымъ земскимъ дѣятелемъ, В. Ю. Скалономъ въ московскомъ *Юридическомъ Вѣстникѣ* и въ *Русской Мысли*. Сборникъ этотъ является весьма кстати. Вопросы земскаго управленія стоятъ въ настоящее время на ближайшей очереди. Необходимость упрощенія земскихъ учрежденій и исправленія тѣхъ недостатковъ, которые отсюда заключались въ самомъ «Положеніи о земскихъ учрежденіяхъ», отсюда составляютъ вредный наростъ позднѣйшаго происхожденія, успѣли обрѣзаться съ полною очевидностью для лицъ, близко знакомыхъ съ дѣломъ земскаго дѣла въ Россіи. Но въ сознаніи образованнаго общества неудовлетворительность организаціи нашего мѣстнаго самоуправленія обнаруживается съ недостаточною еще полнотою и отчетливостью, и въ этомъ отношеніи книга г. Скалона представляетъ много важнаго матеріала и очень вѣсскихъ соображеній.

Почтенный авторъ справедливо замѣчаетъ, что земство, на первыхъ же порахъ своей дѣятельности, принялось за удовлетвореніе въ особенности тѣхъ мѣстныхъ потребностей, на которыя до него почти не обращалось вниманія. Народное образованіе, народное здравіе, продовольственные средства населенія, раскладка платежей и многіе другіе вопросы уѣзднаго и губернскаго управленія привлекли къ себѣ заботливое вниманіе земскихъ собраній и управъ. Конечно, дѣло не вездѣ шло хорошо, но г. Скалонъ вѣрно указываетъ на возникновеніе многихъ препятствій, которыя были противопоставлены правильному развитію нашего самоуправления. «Земскіе дѣятели,—говоритъ г. Скалонъ,—скоро узнали, что многіе затронутые ими вопросы выходятъ изъ ихъ компетенціи, что многіе ходатайства, съ любовью ими обдуманная и разработанныя, не только не получаютъ удовлетворенія, но и совсѣмъ не удостоиваются отвѣта, и остаются въ канцеляріяхъ подлежащихъ министерствъ. Оказалось даже, что земство не имѣетъ права касаться многихъ сторонъ народнаго быта, и притомъ самыхъ важныхъ, именно такихъ, на которыхъ зиждется народное благосостояніе, что даже изслѣдованіе экономическаго положенія мѣстности выходитъ изъ круга его вѣдѣнія». Г. Скалонъ напоминаетъ въ этомъ случаю, что таврическому губернскаму земскому собранію въ 1871 году министерство внутреннихъ дѣлъ категорически заявило слѣдующее: «никакъ общихъ мѣстныхъ изслѣдованій объ экономическихъ нуждахъ населенія и о надѣлѣ онаго землею существующими закононеніями зем-

нимъ учрежденіямъ не предоставлено». Къ счастью, разумнаго стремленія ознакомиться съ дѣйствительнымъ состояніемъ сельскаго хозяйства, съ мѣстными потребностями крестьянскаго населенія, нельзя надолго становить циркулярами и другими канцелярскими измышленіями. Земскія статистическія работы, предпринятыя, вопреки *существующимъ узаконеніямъ*, въ нѣкоторыхъ губерніяхъ (Московской, Тверской, Черниговской, Митской, Рязанской, Тамбовской и др.), уже дали блестящіе результаты. Вѣдѣнія, собранныя на мѣстахъ и точно проверенныя, съ такою очевидностью свидѣтельствуютъ объ упадкѣ крестьянскаго хозяйства въ Московской, на примѣръ, губерніи, что привели въ ужасъ московское губернское земское собраніе. Къ сожалѣнію, мѣры, которыя приняло по этому поводу земское собраніе, не отличались большою основательностью. Особой комиссіи, — по инициативѣ г. Самарина, кажется, — московское земское собраніе поручило отыскать наилучшія и наиболѣе скорыя средства, чтобы поднять культуру, ввести интенсивное хозяйство въ губерніи. Изъ этой мѣры, кромѣ потери денегъ и времени, надо думать, ничего не вышло, ибо комиссія два года безмолвствуетъ.

Статьи г. Скалона, помѣщенныя въ сборникѣ, касаются прошедшаго *возможныхъ учрежденій*; положенія земскихъ учрежденій въ системѣ мѣстнаго управленія, вопроса о сношеніяхъ между земствами, о продовольственныхъ средствахъ, и т. д. Все эти вопросы и до настоящаго времени остаются открытыми, только рѣшеніе ихъ съ каждымъ годомъ становится все болѣе и болѣе настоятельнымъ, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ и все болѣе и болѣе затруднительнымъ. Народное благосостояніе страшно падаетъ, и 1882 годъ грозитъ въ этомъ отношеніи большими испытаніями.

Въ виду того, что нѣкоторыя изъ статей г. Скалона печатались въ *Русской Мысли*, мы не станемъ много говорить объ его прекрасной книгѣ. Желая ей возможно-широкаго распространенія, мы убѣждены, что она явится драгоценнымъ пособіемъ для начинающихъ земскихъ дѣятелей, которыя необходимо познакомиться съ общими ходами земскаго дѣла въ Россіи. Она имѣетъ большой интересъ, конечно, и для каждаго образованнаго человека, такъ какъ отъ правильнаго развитія самоуправленія въ весьма значительной степени зависитъ все будущее отечества.

В. Г.

О Саррѣ Бернарѣ и ея репертуарѣ на московской сценѣ.

I.

«Дама-камелья», пьеса въ 5 актахъ, Александра Дюма сына.

Прежде чѣмъ говорить объ известной артисткѣ Саррѣ Бернарѣ, одной изъ любимицъ парижской публики; намъ надо сказать нѣсколько словъ о тѣхъ пьесахъ, въ которыхъ она явилась на московской сценѣ. Дебютомъ своимъ она выбрала известную пьесу Александра Дюма сына: «Дама-камелья». Александръ Дюма сынъ, обладающій большимъ оценническимъ талантомъ, живостию, остроуміемъ и дерзостію монолога, быстротою дѣйствія, мастеръ въ смыслѣ эффектовъ; онъ мало заботится о психологической правдѣ, еще менѣе о глубинѣ и истинѣ чувства, о рельефности характеровъ, и преимущественно посвящаетъ неро свое на описаніе того подпольнаго міра, который, какъ сальное пятно на богатой матеріи, расплывалась все больше и больше и наконецъ захватилъ собою полъ Парижа. Онъ завоевалъ себѣ этотъ подпольный, внушающій всякому порядочному человѣку отвращеніе, міръ, многія сферы, куда ему заходить не слѣдовало и гдѣ его довлѣніе сорокъ лѣтъ назадъ было бы немислимо. Но съ тѣхъ поръ, какъ богатая парижская дамы допустили въ свои гостиныя пѣни-кафе шансона, известныхъ своими циническими шансонетками, — съ тѣхъ поръ, какъ многія изъ нихъ брали уроки такого пѣнія у этихъ женщинъ, — съ тѣхъ поръ, какъ онѣ съ жадностію перенимали и перенимають ихъ моды, отчасти ихъ жаргонъ и посѣщаютъ продажу съ аукціона ихъ мебели, уборовъ и драгоценныхъ украшеній, — онѣ вывели ихъ изъ того темнаго угла, гдѣ до тѣхъ поръ тѣ скрывались. Конечно, пьесы, въ которыхъ этихъ женщинъ выводили на сцену, сдѣлались модными пьесами. Александръ Дюма сынъ попытался съ большимъ успѣхомъ оновитизировать и воспѣть продажныхъ женщинъ. Мы очень хорошо понимаемъ и соглашаемся, что расквашающаяся грѣшница, одаренная богатымъ умомъ и нѣж-

ить или добрымъ сердцемъ, можетъ сдѣлаться предметомъ комедіи, дра-
ги и трагедіи. Еще Викторъ Гюго въ своей драмѣ «*Marion Delorme*» вы-
лъ на сцену известную куртизанку временемъ Людовика XIII и болѣе
инкій, чѣмъ Гюго, писатель, вѣчный пѣвецъ любви и юности, знамени-
тый, чистый душею Шиллеръ нарисовалъ намъ образъ Эбали; но объ-
въ имѣли за собою право быть изображенными въ поэтическомъ и тра-
гическомъ свѣтѣ: это право заключалось въ ихъ раскаяніи и глубоко-
влеченномъ сердцѣ, сознавшемъ ту бездну паденія, въ которую онѣ со-
или или были свергнуты. Александръ Дюма сынъ, съ претензіей на чув-
во истинное и на поэзію, задумалъ изобразить женщину потерянную,
въ всякаго намета на раскаяніе. Чѣса его съ первой строки до по-
вѣдней неправдоподобна и фальшива. Маргарита Готье, парижская краса-
ца подпольнаго міра; живущая посреди чудовишной и позорной роскоши,
являющая даже и свою среду своими пирами, брилліантами и затѣями,
крѣпчаетъ молодого Армана Дювала и влюбляется въ него. Благодаря
какому-то сказочному герцогу; который потерялъ дочь и нашелъ, что
Маргарита похожа лицомъ на нее, она принимаетъ отъ него большія суммы
денегъ и удаляется изъ Парижа въ его окрестности; въ богатую виллу,
въ поселается съ Дювалемъ, не оставляя впрочемъ своихъ пріятельницъ,
толь же, если не больше ея, порочныхъ. Въ разгарѣ этой псевдоидилліи
бѣднѣйшаго пошиба къ ней является отецъ Дювала и умоляетъ ее воз-
вратить ему сына, будущность котораго она губитъ. Когда Маргарита не
дается на его доводы, онъ, чтобъ окончательно поразить ее, говоритъ ей
вѣдующую курьезную фразу: «У меня есть дочь, молодая, прелестная,
стая какъ ангелъ. Она любитъ молодого человѣка и я выдаю ее за него
мужъ. Онъ честный человѣкъ и она входитъ въ почтенное семейство,
второе требуетъ, чтобъ и въ моей семьѣ все было достойно уваженія.
Сыня человѣка, который будетъ моимъ зятемъ, узнала, какою жизнь ве-
сть мой сынъ, и рѣшилась не давать своего согласія на предложенный
бракъ, если Арманъ не откажется отъ этой жизни. Какъ бы вы ни были
бѣтны въ глазахъ Армана и въ моихъ глазахъ, вы не таковы въ гла-
захъ свѣта, который безжалостно затворитъ передъ вами свои двери, на-
пугуя вашу прошлую жизнь. Маргарита! именемъ вашей любви умоляю
васъ, подарите мнѣ счастье моей дочери, которая не сдѣлала вамъ ни ма-
лѣйшаго зла и жизнь которой вы разобьете...»

Въ этихъ словахъ великое слово ложно: Гдѣ есть семья, которая не
вѣстъ согласія на бракъ съ честной дѣвушкой; дочерью честнаго семейства;
потому, что братъ этой дѣвушки имѣетъ отношенія съ парижской красавицей
сннато міра? Маргарита лучше всѣхъ другихъ должна знать, что все это
болѣе чѣмъ преувеличеніе, простая, и даже не искусная, выдумка, ложь!...
Іа такую грубую утку нельзя поймать женщину, которая живетъ съ
анней молодости въ порочномъ кругу и хорошо знакома съ жизнью великаго
ода и круга людей. И откуда явилась эта чистота Маргариты въ глазахъ

влюбленнаго Армана и еще больше въ глазахъ его почтеннаго и старика отца? Неужели надо влюбиться, уѣхать въ деревню и продолжать прежнюю порочную жизнь на иной ладъ, чтобы внезапно сдѣлаться чистой и непорочною?... Какъ бы то ни было, Маргарита расстрогана и рѣшается немедленно пожертвовать собою, но какъ?—Самый оригинальнымъ образомъ, удивившимъ даже въ Парижѣ, въ то далекое отъ насъ время, когда эта чудная пьеса появилась впервые, т.-е. въ 50-хъ или 55 годахъ. После этого цѣлый рядъ подобныхъ пьесъ истощилъ въ зрителяхъ запасъ недоумѣннн, причувъ ихъ къ фальшивой канвѣ, на которой рисовать можно все, что угодно. Маргарита пишетъ письмо къ богатому графу, принимаетъ его предложеніе, поселяется въ Парижѣ, въ роскошномъ домѣ-дворцѣ и возвращается къ прежней жизни—въ тотъ омутъ парижскаго поднолья, въ котораго удалась на время, и продолжаетъ свою развратную карьеру. Одна изъ ея пріятельницъ говоритъ, что она очень счастлива, измѣряя это счастье количествомъ и качествомъ брилліантовъ, экипажей и роскошью помѣщенія. Однако Арманъ, уѣхавшій съ отцомъ въ провинцію, возвращается въ Парижъ послѣ свадьбы сестры, мучимый своей истинною любовью и терзаемый ревностью. На одномъ вечерѣ, гдѣ собрались всѣ знаменитыя красавицы парижской темной среды, между которыми блистаетъ Маргарита своею роскошью и красотой, онъ выигрываетъ въ карты большую сумму денегъ и бросаетъ ей ихъ въ глаза подъ предлогомъ, что, живя съ ней на дачѣ, жилъ на ея счетъ и какъ продажной женщины не заплатилъ ей за ея любовь. Маргарита содрогается и падаетъ въ обморокъ. Въ пятый и послѣднемъ актѣ она умираетъ отъ чахотки и отчаянія, отъ разрыва съ Арманомъ. Она плачетъ о разлукѣ съ любимымъ ея человекомъ, но не плачетъ о себѣ самой и своемъ позорѣ. Зрители присутствуютъ при смерти влюбленной женщины, но не удрученной раскаяніемъ грѣшницы. Ей не приходится на умъ покинуть позорную роскошь и приняться за честный, хотя бы и суровый, трудъ. Нѣтъ, она умираетъ посреди своего богатаго дома, окруженная тѣми же порочными подругами и передъ самой смертію получаетъ письмо отъ отца Армана. Почтенный, положительный старикъ пишетъ слѣдующія неправдоподобныя строки:

«... Я напишу всю правду Арману. Я вамъ причинилъ много вреда и хочу загладить его. Онъ въ настоящую минуту далеко, но пріѣдетъ тотчасъ къ вамъ испросить не только прощеніе себѣ, но и мнѣ. Лѣзьте и надѣйтесь. Ваше мужество (?) и ваше самоотверженіе заслуживаютъ лучшей будущности, и она настанетъ для васъ. Я вамъ обещаю это...»

Но Маргарита слишкомъ больна и умираетъ... И такимъ образомъ она не получаетъ отъ почтеннаго старика награды за свою добродѣтель. Не торжество ли это самаго явнаго, самаго наглаго порока? А прежде всего не есть ли это искусственное сплетеніе самой обыкновенной интриги подпольнаго міра, построенной на лжи, съ претензіей на искренность и вы-

воту чувства?... Авторъ, повидимому, не подозреваетъ даже, что въ мирѣ физическомъ, какъ и въ мирѣ нравственномъ, есть необходимыя условія для жизни тѣхъ или другихъ создатій. Златокрылыя бабочки и птицы не могутъ жить въ грязи, а гады витать въ лазури неба; надія на помянутую ступень порока женщины неспособны испытывать чистой и безкорытной любви, а еслибы чудомъ какъ-нибудь (какъ исключеніе) испытали ее, то бѣжали бы отъ порока съ неописаннымъ ужасомъ и чувствомъ омерзения къ себѣ самимъ. Это омерзение къ пороку и себѣ самой и ведетъ къ жгучему раскаянію, а раскаяніе ввергаетъ въ чувство смиренія или въ суровый и тяжкій трудъ. Такъ случается въ дѣйствительности. Кто бывалъ на берегу моря въ Біарицѣ, тотъ слышалъ о пріютѣ для потерянныхъ женщинъ, которыя собрались въ одну общину, не замкнутую стѣнами, которыя въ потѣ лица обрабатываютъ песчаные берега моря и живутъ, вѣчно одинокія, на скудные средства, доставляемыя имъ продажей овощей. Вотъ что бываетъ въ жизни и какъ это далеко отъ бархата, брилліантовъ и дома-дворца Маргариты! Но она есть вымыселъ ловкаго писателя, а община есть дѣйствительность, есть воскресеніе души, разорвавшей сѣти порока и возвратившейся къ жизни труда и раскаянія.

Сарра Бернаръ въ первомъ актѣ оставляетъ зрителя холоднымъ. Она является въ великолѣпномъ туалетѣ изъ блѣдно-палеваго атласа, съ такими изящнымъ шлейфомъ, что всѣ ея позы и въ особенности приемы получаютъ изгибистую грацію, какая, увѣряютъ, бываетъ у красивыхъ змѣй. Когда она садится, ея нѣсколько тонкая, худая фигура изогнута граціозно; часто она пренебрегаетъ всѣми старинными правилами сценическихъ приемовъ: такъ, напримѣръ, она долго ходитъ взадъ и впередъ по сценѣ, перемѣняетъ безъ нужды мѣсто, поворачивается спиною къ публикѣ, садится и встаетъ поминутно. Мы не цоризаемъ ее за это. Лишь бы артистка воспроизвела изящно и вѣрно взятую ею на себя личность, а сидитъ ли она, ходитъ ли — это все равно. Но насъ нѣсколько утомило это непрерывное хожденіе по сценѣ, — это мѣшаетъ слѣдить за игрой, мѣшаетъ любоваться ею. Впрочемъ, въ первомъ актѣ особенно любоваться было нечѣмъ. Многимъ не понравилась аффектація, съ которою діалогъ и разговоръ на сценѣ артистка хотѣла непременно сдѣлать разговоромъ въ гостинной и уборной. Поборники и любители *естественности* должны были придти въ восторгъ отъ чрезвычайной быстроты рѣчи Сарры Бернаръ. Иногда она говорила такъ скоро, что, несмотря на ея замѣчательную дикцію, какъ у всѣхъ артистокъ французской школы, за нею услѣдить было трудно и слова ея сливались, хотя она произносила ихъ отчетливо. Но за то позы ея артистическія, выраженіе лица и въ особенности великолѣпныя, блестяще освѣщающіе лицо, глаза произвели на всѣхъ самое пріятное впечатлѣніе. Во второмъ актѣ, въ которомъ дѣйствіе завязывается, туалетъ Сарры Бернаръ былъ еще изящнѣе и ея приемы щеголихи еще замысловатѣе, но довольно большая и сентимен-

тальная тирада была сказана несколько холодно, хотя и искусно. Особенно холодно сказала она следующие слова, одни изъ тѣхъ немногихъ словъ въ пьесѣ, которыя могутъ затронуть въ правду, безъ натяжки и фальши, сердце зрителя: «Я построила будущность мою на любви твоѣ, я мечтала о деревнѣ и невинности, я вспомнила о моемъ дѣтствѣ, — вѣдь и у меня, какъ у всѣхъ, было дѣтство; что бы впоследствии ни стало со мной!...» Слова эти, быть можетъ единственно-вѣрные природѣ, были произнесены ею довольно холодно и прошли почти незамѣтно. Публика много аплодировала, но эти рукоплесканія отнесианось скорѣе къ личности красивой; грациозно, изящно убранной Сарры Бернаръ, чѣмъ къ артисткѣ, игравшей мудреную роль.

Въ третъемъ актѣ артистка одушевилась. У ней были звуки, отозвавшіеся въ сердцахъ зрителей и удивившіе тѣхъ, которые заинтересованы болѣе личностію и уборомъ ея, чѣмъ ея игрою. Разговоръ ея съ отцомъ, смущеніе ея при свиданіи съ нимъ, вопль, вырвавшійся съ слезами: «Вы хотите потребовать отъ меня чего-то ужаснаго!» — звучитъ болью сердца, внезапно сказавшемуся. Когда она писала письмо къ Арману, она плакала такимъ естественнымъ плачемъ, что шлоте были убѣждены, что настоящія слезы текли изъ глазъ ея, тѣмъ болѣе, что глаза ея внезапно покраснѣли и вспухли. Эта краснота глазъ и вспухшія вѣки есть новѣйшій пріемъ парижской сцены. Рассказываютъ, будто, для болѣе эффекта, артистки натираютъ глаза ланинъ-то снадобьемъ, скрытымъ въ носовомъ платкѣ, которымъ онѣ обтираются. Если это правда, мы не будемъ винить ее за это. Хотя мы не требуемъ непременно настоящихъ слезъ на сценѣ, но и не сторонники внезапныхъ и искусныхъ притираний: первое есть настроеніе артиста, чисто личная его особенность, последнее не есть искусство, а фокусъ для достиженія цѣли реализма. Что за дѣло зрителю, плачуть ли артисты въ самомъ дѣлѣ, вспухли ли у него вѣки?... Цѣль артиста — заставить, наоборотъ, плакать зрителя и, наоборотъ, чтобъ у зрителя отъ слезъ вспухли вѣки, если уже надо непременно достичь такого результата. Въ четвертомъ актѣ умирающая Маргарита была вѣрда дѣйствительности, умерла безъ отвратительныхъ конвульсій и задыханій, какъ то продѣлываютъ многіе, дѣствуя не на душу, а на нервы зрителей; она умерла съ такою поразительною правдою, упала съ такимъ окончатѣльнѣмъ членомъ, что удивилъ своимъ знаніемъ всѣхъ симптомовъ послѣднихъ минутъ жизни и первыхъ минутъ смерти.

Публика приняла артистку благосклонно, попрыла ее рукоплесканіями и вызывала нѣсколько разъ. Въ это первое представленіе публики въ массѣ осталась, казалось, довольна, хотя и не была особенно тронута. Мы приписываемъ это болѣе пьесѣ, чѣмъ артисткѣ, и, конечно, по этой фальшивой и сентиментально-ложной драмѣ не будемъ судить о талантѣ Сарры Бернаръ. Жаль, что для своего дебюта она выбра-

ла такую уродливо-задуманную, хотя умно и живо написанную, пьесу. Жаль тоже, что второстепенныя лица такъ плохо исполнили свои роли, что пьеса потеряла всю жизнь на сценѣ. Она сошла какъ-то мертво и ничтожно, чѣмъ много повредила самой Саррѣ Бернарѣ. За то костюмы Сарры Бернарѣ прельстили многихъ дамъ. Дѣйствительно, они были оригинальны, изящны, не бросались въ глаза пестротой и яркостью красокъ и много помогли ей въ исполненіи роли, особенно въ первыхъ актахъ. Облеченная въ нихъ, Сарра Бернарѣ казалась очень красивой собой и очень граціозной. Она походила и на красавицу, и на очаровывающую щеголиху, и на модную львицу темнаго міра. Въ устройствѣ костюмовъ видна артистка, о которой говорятъ, что она—бульваръ и живописецъ.

II.

«Фру-фру», комедія, въ пяти актахъ, Меліака и Галеви.

«Сфинксъ», комедія, въ четырехъ актахъ, Октава Фэлье.

Вотъ тѣ двѣ пьесы, которыя шли послѣ «Дамы-камелинъ». Онѣ оказались гораздо ниже комедіи Дюма, которая, по крайней мѣрѣ, въ сценическомъ отношеніи состроена весьма живо и даже искусно. Обѣ пьесы—и «Фру-фру», и «Сфинксъ»—походятъ одна на другую и обѣ принадлежатъ къ тому обильному въ наше время роду пьесъ, которыя трудно измыслить какъ назвать. Это—не комедія, не водевилъ, не драмы конечно. Это—какой-то незаконный, смѣшанный и въ сущности весьма плохой родъ пьесъ, безъ юмора, безъ комизма, безъ чувства, но съ легкимъ началомъ—отрывистыя діалоги и плачевнымъ окончаніемъ. Шутки безъ остроумія и веселость безъ оживленія въ первыхъ актахъ и смерть въ послѣднемъ—вотъ содержаніе, что однако не мѣшало имъ имѣть извѣстный успѣхъ на парижской сценѣ, а вслѣдъ затѣмъ и на многихъ другихъ сценахъ Европы. Эти пьесы составлены при большомъ знаніи сцены, съ цѣлію произвести эффектъ, что и достигается. Главная роль въ пьесѣ «Фру-фру» была исполнена на парижской сценѣ весьма одаренной актрисой, Дэкля, теперь умершей. Рассказывали, что эта Дэкля играла въ Брюсселѣ. Она пользовалась особенною извѣстностью, когда Александръ Дюма сынъ увидалъ ее, открылъ въ ней несомнѣнный талантъ и увезъ въ Парижъ, гдѣ, благодаря его авторитету, она получила приглашеніе играть на театрѣ Гимназіи. Въ Парижѣ Дэкля имѣла большой успѣхъ, особенно въ драмахъ и комедіяхъ Дюма сына и другихъ менѣе извѣстныхъ писателей. «Фру-фру» была сыграна ею съ большимъ успѣхомъ. Ранняя смерть прервала ея карьеру и многія ея роли перешли къ Саррѣ Бернарѣ, талантъ которой и часто самая манера походить на талантъ Дэкля.

Содержаніе «Фру-фру» просто, незамысловато. Почти всѣ писатели современной Франціи не черпаютъ глубоко. Они остаются крайне довольны собою, остается довольна и публика, если дѣйствіе живо, если есть эф-

фекты; но о характерах, о самой драмѣ никто—ни тѣ, ни другая—не заботится. Такова и пьеса «Фру-фру». Дѣвушка 18-ти лѣтъ, дочь легкомысленнаго отца, отъявленнаго, въ 50 слишкомъ лѣтъ, волокиты, любимая имъ, какъ игрушка, имѣетъ еще старшую сестру Луизу. Фру-фру есть прозвище, данное Жильбертъ за ея рѣзвость, веселость и шалости. Вотъ что говоритъ о ней графъ Вальреасъ, влюбленный и желающій жениться на ней:

«Дверь отворяется. Шелесть юбожь; онѣ какъ вихрь несутся внизъ по лѣстницѣ. Это—Фру-фру. Она вбѣгаетъ, ищетъ, шаритъ, переставляетъ, передвигаетъ, болтаетъ, дуется, смѣется, напѣваетъ, прыгаетъ, танцуетъ, брэнчитъ на фортепиано и убѣгаетъ. Фру-фру, всегда Фру-фру!»

За эту милую вертушку и пансіонерку по праву и лѣташь сватается другой сосѣдъ, богатый и серьезный, Сартори. Когда старшая сестра говоритъ ей объ этомъ, Фру-фру удивлена. Она всегда думала, что серьезный Сартори любитъ благоразумную сестру ея, Луизу. Фру-фру ошиблась на половину. Луиза дѣйствительно влюблена въ Сартори, но, убѣдившись, что она не любима имъ, жертвуетъ собою и совѣтуетъ сестрѣ принять предложеніе Сартори. Фру-фру совершенно равнодушна и объявляетъ, что она поступить—какъ скажетъ сестра. У нея является одно возраженіе: «не черезчуръ ли уже Сартори человекъ достойный уваженія? И не говорилъ ли ей кто-то, что Сартори сдѣлаетъ блестящую карьеру? Чѣмъ это его назначали, на какой постъ прочли въ будущемъ? Посланиномъ?... Посланицей, быть посланицей,—ахъ, еслибы можно было быть посланицей, не покидая Парижа!» Этотъ вопросъ рѣшаетъ дѣло. Фру-фру приметъ предложеніе и смѣясь замѣчаетъ: «Во мнѣ есть всё недостатки, которые г. Сартори долженъ бы былъ желать найти въ женѣ, чтобы быть вполне несчастливымъ. Сомнѣваюсь, чтобы ему удалось исправить меня. Я совершенно довольна собой и никакъ не желаю отдѣлаться отъ моихъ привлекательныхъ недостатковъ. Борьба между имъ и мною будетъ серьезнѣе, чѣмъ думаютъ. Положимъ, что онъ въ силахъ управлять Европой, но это нисколько не доказываетъ, чтобы онъ былъ въ силахъ управлять Фру-фру».

Послѣ этой тирады, сказанной Саррой Бернаръ чрезвычайно кокетливо и мило, Фру-фру спрашиваетъ у Луизы, правда ли, что она любитъ Сартори, и, выслушавъ отрицательный, рѣшительный отвѣтъ ея, даетъ свое согласіе на бракъ. Проходитъ 4 года. У Фру-фру сынъ. Мужъ любитъ ее, баауетъ и не входитъ съ ней ни въ какую борьбу. Она—все та же Фру-фру: ѣдитъ веркомъ, радится, танцуетъ, играетъ комедію, кокетничаетъ, заводитъ себѣ пріятельницъ сомнительныхъ правилъ и поведеній. При Фру-фру состоитъ прежній ея обожатель, графъ Вальреасъ, который теперь влюбленъ въ нее серьезнѣе, чѣмъ прежде. Отецъ Фру-фру, гонимый за какую-то актрисой, уѣзжаетъ въ Пештъ, и Фру-фру съ восторгомъ заставляетъ сестру поселиться у себя въ домѣ. Пола Фру-фру выѣзжаетъ, при-

имаеть, веселится, Луиза управляетъ домою сестры, воспитываетъ ея сына и такимъ образомъ становится необходима ея мужу. Въ одно утро Фру-фру замѣчаетъ, что ей принадлежащее мѣсто жены и матери взято, что она лицо ненужное и что мужъ обращается съ ней какъ съ ребенкомъ. Она уязвлена, приказываетъ своему обожателю Вальреасу, къ которому немилосодушна, оставить не только ея домъ, но и Францію, и взволнованная говоритъ: «Я исполнила свой долгъ,—посмотримъ, какъ исполнять его другіе!»

Кажется, что объясненіе съ мужемъ и сестрой просто и возможно, но тогда бы пьеса не была. Авторы распорядились иначе. Мужъ не понимаетъ, что происходитъ въ сердцѣ Фру-ру, сестра тоже. Ужъ и безъ того раздраженная, Фру-фру пылаеть гнѣвомъ и ревностію и объявляетъ сестрѣ, что она отняла у ней сына и мужа и можетъ ихъ взять навсегда, ибо она оставляетъ и домъ, и мужа, и сына. «Куда ты?»—спрашиваетъ поразенная ужасомъ Луиза. Но Фру-фру отвѣчаетъ: «Много хочешь знать!»— и уходитъ.

Эта сцена, ничѣмъ не мотивированная, ибо Фру-фру не изображена безъ памяти влюбленной и еще менѣе безумно-ревнивой, написана для одного эффекта и производитъ его. Въ четвертомъ актѣ Фру-фру въ Венеціи съ графомъ Вальреасомъ. Мужъ ее преслѣдуетъ, дерется на дуэли съ графомъ и ранитъ его. Въ пятомъ актѣ умирающая Фру-фру возвращается къ мужу и умираетъ; испросивъ у него прощеніе и позволеніе видѣть сына.

Вотъ и вся пьеса, оконченная какъ бы наскоро, безъ характеровъ, безъ сильныхъ чувствъ, безъ страсти, безъ мотивированныхъ положеній и даже безъ прочувствованныхъ монологовъ. Самый діалогъ написанъ вездѣ отрывочными фразами. Умной и талантливой артисткѣ не во что думать, не на чемъ создать лицо, ибо фундамента нѣтъ нигдѣ. Это даже не есть постройка на пескѣ, а карточная башенка на подобіе домика, гдѣ будто бы можетъ обитать семья и происходить семейная драма. Въ этой пьесѣ вовсе нѣтъ драмы, ибо нѣтъ борьбы и каллизіи; нѣтъ и комедіи, ибо нѣтъ юмора, нѣтъ остроумія, нѣтъ даже намекъ на умъ. Надо удивляться, какъ изъ такой бѣдности содержанія умная артистка попыталась сдѣлать, сочинить что-либо.

Выходъ на сцену Фру-фру, рѣзвой дѣвочки съ залпомъ веселаго смѣха, былъ какъ нельзя болѣе удаченъ. Она вбѣжала, засмѣялась, съѣла, обмазывалась газетой вмѣсто вѣера—чрезвычайно мило, граціозно и естественно. Сарра Бернаръ вела свою роль чрезвычайно оживленно и мило до самой критической сцены. Особенно была она прелестна и кокетливо смущена и озадачена, когда репетируетъ комедію, въ которой должна играть на благородномъ театрѣ въ пользу бѣдныхъ. Когда влюбленный въ нее графъ Вальреасъ хочетъ поцѣловать ее (что намѣчено въ пьесѣ, которую они оба репетируютъ), она сперва премило уклоняется, а потомъ позволяетъ ему прикоснуться къ волосамъ своимъ съ граціозной ужимкой стыд-

ливой робости. Вообще сцены кокетства и смущенія при возникающей любви передаются Саррою Бернарь съ чрезвычайной тонкостію и мастерствомъ. Но лишь только настааетъ драма, приемы ея становятся нѣсколько однообразны. Мы не хотимъ сказать этимъ, чтобъ она слабо передавала порывы страсти, но только, что она употребляетъ часто одни и тѣ же приемы. И нельзя ее винить за это. Когда пьеса не даетъ зачатковъ характера, когда не только не во что вдуматься, но даже нельзя объяснить того или другаго поступка дѣйствующаго лица, тогда трудно передать страсть и чувство иначе, какъ *безличнымъ образомъ*. Да позволено будетъ намъ такъ выразиться. Мы не умѣемъ иначе объяснить нашу мысль, какъ примѣрами, взятыми не изъ той мелкой среды, о которой теперь говоримъ, а изъ другой, неизмѣримо высшей. Офелія любитъ иначе, чѣмъ гордая Корделія, — Луиза Миллеръ въ «Коварствѣ и любви» Шиллера иначе чѣмъ Клара въ «Эгмонтъ», — Андромаха иначе, чѣмъ Камилла; но мы такъ неизмѣримо-далеко отъ этихъ плѣнительныхъ образовъ, созданныхъ фантазіей поэтовъ, какъ далеко отъ коптящаго и тускло горящаго кинжалъ аванъ-сцены до звѣзды, мерцающей въ голубомъ небѣ. Говоря о репертуарѣ Сарры Бернарь, забудемъ о репертуарѣ великой Рошели, Ристоры и Марсь, забудемъ даже о репертуарѣ Розы Шари, Фаргейль, Бротаганъ и другихъ, — сойдемъ съ высотъ поэзіи и искусства на невзрачный подъѣздъ театра Гимназіи. Скажемъ правду: Сарра Бернарь не можетъ играть типично, играя то, что составляетъ ея репертуаръ, — конечно, тотъ, съ которымъ она явилась въ Москву. По-неволѣ ей приходится играть *безлично*; но нельзя не замѣтить, что многіе приемы она могла бы неизмѣримо умѣрить, или разнообразить. Въ «Фру-фру» поразила она неприятно трескотней скороговорки въ тѣхъ сценахъ, гдѣ изображала волненіе и слезы страсти. Нельзя выражать ревность, негодованіе, гнѣвъ потокомъ скороговорки на одну ноту. Правда, дикція ея такъ прекрасна, что она отпугиваетъ быстро стремящуюся рѣчь такъ, что всякое слово можно явственно слышать, всякое слово отдѣляется отъ другаго, несмотря на быстроту, съ которою она ихъ произноситъ. Но эта скороговорка не есть выраженіе чувства, а только его аффектація; это есть претензія на страсть, будто бы потоками заливающей сердце. Въ этой скороговоркѣ не можетъ быть интонацій, нѣтъ чувства и правды. Мы допускаемъ ее въ рѣдкихъ фразахъ и весьма умѣренно, но не больше. Это не болѣе какъ средство произвести эффектъ, и эффектъ былъ бы произведенъ, еслибъ артистка не употребила этотъ приемъ безъ мѣры. Слушать почти цѣлый актъ скороговорки становилось докучно. Вся сцена съ сестрой, гдѣ можно бы было ожидать столько различныхъ интонацій, ироніи, гнѣва, ревности, наконецъ, раздражающейся въ словахъ: «ты все отняла у меня — и мужа, и сына, такъ и оставайся же съ тѣмъ, что себѣ присвоила!» — прошла монотонно и холодно именно отъ трескотни словъ. Правда, что къ скороговоркѣ и шепоту прибѣгали всѣ великіе артисты, но съ мѣрою. Но за то сцена

и можемъ, когда онъ идетъ вызывать на дуэль похитителя жены своей, шла превосходно, съ большими перывомъ, гордичною жестовъ и словъ и многою граціей движеній, особенно тогда, когда несчастная женщина дѣлается за платье мужа и удерживаетъ его опостенѣлыми руками. О сценѣ перги говорить не будемъ. Сарра Бернаръ, задыхаясь, заплетила малую мишу реализму, но не мучила зрителя длинной агоніей; намъ казалось, на ей самой прискучило умирать на сценѣ въ каждой пьесѣ своего репертуара. Но что же дѣлать? Писатели современной Франціи особенно лжны до смерти героинь своихъ на сценѣ, ибо артистка, умиравшая особенно реально, въ конвульсіяхъ и при искаженіи лица, привлекала толпою прижскую глумлку, жадную до новыхъ фокусовъ и всякихъ новинкогъ. Писатели, и многіе артисты позабыли, что сцена не есть больница, что искусство воспроизводитъ на сценѣ страданія души, а не страданія тѣла, въ котораго отлетаетъ духъ. Сарра Бернаръ не прибѣгала къ этимъ фокусамъ и не искажала своего выразительнаго лица подергиваніемъ личныхъ мускуловъ, не навождала на зрителя отвращенія и усталости, какъ случаемъ это со многими другими, въ особенности съ Круазетъ на сценѣ парижской. Скажемъ ей за это большое спасибо.

О пьесѣ Октава Фелье, передѣланной изъ его же романа «Финиксъ», много говорить не можно. Это—ничтожный романъ и еще больше ничтожная въ литературномъ и артистическомъ смыслѣ пьеса. Октавъ Фелье—звѣстный французскій романистъ и славится особенно своимъ нравственнымъ направленіемъ. Дѣйствительно, его нельзя упрекнуть ни за одно мраженіе сколько-нибудь рискованное, или за сцену сколько-нибудь неприличную. Сцены страсти и любви въ романахъ его такъ выложены, избраны, разуукрашены, что нельзя не признать ихъ вполне манерными, чисты и изящными. Кто бывалъ въ Римѣ, тотъ помнитъ статуи Бернини, мананная грація которыхъ не лишена прелести. Но это—прелесть унадна искусства. То же можно сказать относительно романовъ Фелье. Но въ ише время, когда найдутся женщины, которые читають Зола и его поведователей и подражателей, когда на сценѣ такъ часто можно слышать крики, грубыя, циничныя выходки, когда доходить и до того, что актриса выдираетъ на себѣ платье и бросается растерзанная и полунагая обвинять себя въ вымышленномъ преступленіи,—нельзя роптать на приличнаго и чисти конфектнаго Фелье. Къ сожалѣнію, часто нравственность, имъ расслѣдуемая и выводимая, намъ кажется не совсѣмъ здоровою и совсѣмъ не простою, а ухищренною, придуманною, преувеличенною. «Qui lit trop, ne dit rien»—говорять французы весьма вѣрно. Мораль Октава Фелье доходить до того, что женщина, которая ѣздитъ верхомъ, катается въ лодкѣ, гребя весломъ, которая весела, шутитъ, рѣввится, вмѣщаетъ въ себѣ, по его мнѣнію, задатки пороковъ и уже сдѣлала шагъ на пути паденія. Неужели надо быть мрачною, безмолвною, неподвижною, чтобы быть добродѣтельною? Намъ всегда казалось любовнымъ, какъ въ стра-

нѣ, гдѣ нравы потерпѣли крушеніе, гдѣ семья почти распалась, требовательность въ отношеніи женщинъ возросла до громадныхъ размѣровъ. Малѣйшее отступленіе отъ обычая, или слишкомъ рѣзкія проявленія молодости и веселости, даже проявленіе неумѣренной гордости молодого, не пріобыкшаго къ страданію, сердца—считаются, во мнѣніи писанныхъ дѣятелей и судей нравственности, задатками паденія и паденія. Многіе писатели, завоевавшіе себя именами писателей нравственныхъ, требовали скучной чопорности и какого-то фарисейства отъ женщины честной. Въ этому разряду писателей принадлежитъ и Огюстъ Фелье. Его нравственность—чисто условная.

Въ рассматриваемой пьесѣ молодая женщина, которая презираетъ мужа,—почему и отчего, это не сказано,—проживаетъ во время его отлученія (онъ гдѣ-то въ морѣ далеко) съ его отцомъ, адмираломъ. Адмиралъ—старый морской волкъ, какъ говорятъ французы (*loup de mer*)—представленъ строгимъ блюстителемъ нравственности. Онъ сторожитъ не только и стращаетъ ее и всѣхъ, ее окружающихъ, *самосудомъ*. «Если обманетъ мужа,—говоритъ онъ самъ и говоритъ о немъ другіе,—я уду ее!» Но ни строгій надзоръ, ни угрозы—не помогаютъ. Молодая женщина кокетничаетъ до-нельзя, рѣвится, бѣсится, шалитъ и обманываетъ, какъ нельзя болѣе ловко своего грознаго свекра. Всѣ мужчины ее окружающіе влюблены въ нее. Только мужъ ея пріятельницы остается вдали отъ нея и помышляетъ о томъ, чтобы удалитъ отъ нея жену свою, считая пріязнь эту опасной. Онъ особенно заботится о нравственности жены, о приличіи, но заботится не впопадъ, ибо оказывается, что онъ самъ влюбленъ въ эту самую кокетку, отъ которой спасаетъ жену. Объясненіе въ любви происходитъ и кончается съ простотою, которая теперь въ особенномъ ходу во французскихъ пьесахъ. Безъ борьбы, безъ колебаній, безъ особенныхъ возраженій влюбленные порѣшили бѣжать: нравственный мужъ оставитъ жену, а щеголиха и львица—своего плавающего въ далекомъ морѣ, мужа и своего, молніемъ извергающаго, грознаго стража, адмирала. Но она прежде бѣгства имѣетъ свиданіе съ своей пріятельницей, и когда та говоритъ ей, что она все слышала и все знала, то столь же внезапно, какъ рѣшилась бѣжать, рѣшается лишиться жизни. Она снимаетъ съ руки кольцо съ изображеніемъ сфинкса, вынимаетъ изъ него скрытый въ немъ ядъ, выпиваетъ его и умираетъ. Умираетъ омыта на сценѣ!

Тѣ же положенія, та же интрига, тѣ же дѣйствующія лица, какъ во многихъ другихъ пьесахъ новѣйшаго жанра. О любви, борьбѣ и побѣдѣ, съ долгомъ, съ обстоятельствами—нѣтъ и поминна. Все упрощено. Отъ любви уцѣлѣла одна интрига. Героиня любитъ—и тотчасъ бѣжитъ. Перестала любить—возвращается въ семейство. Если ее укоряютъ, она принимаетъ тотчасъ ядъ и умираетъ. Если рѣшилась выйти замужъ за А*, то полюбитъ Б*, и наоборотъ. Это—рецептъ, по которому написанъ

В почти пьесы. Какое мелкое дно!... Какимъ образомъ плыть по этому шквальному, какъ управлять утлой ладьею, если не пустить въ ходъ необычайной изворотливости?... Вотъ эту-то ловкою изворотливостью, обыкновенно шегольскою и изящною, обладаетъ Сарра Бернаръ. У ней въ неожиданныя движенія, эффектные восклицанія, разнообразныя позы, которыми нельзя не любоваться. Голосъ ея—гибкій и пріятный, вполне работанный для модуляцій—много способствуетъ прелести ея игры. Жесты ея—совершенство моднаго искусства. Одѣваться изящно, умѣть, сѣсть эти туалеты болѣе граціозно, съ изученною простотою, конечно, возможно. Сарра Бернаръ—изящная француженка съ головы до ногъ и шпичная парижанка до мозга костей. А это много значить. Въ этомъ заключается и ловкость, и умѣнье, и инстинктъ, и знаніе всѣхъ возможныхъ эффектовъ для достиженія успѣха. Въ поименованныхъ нами пьесахъ эффектъ и успѣхъ были полныя.

Послѣ этихъ пьесъ намъ надо сказать еще нѣсколько словъ о старой, поистинѣ, нѣсѣ известнаго Скриба, о «Адриеннѣ Лежувреръ», которую грали и играютъ всѣ извѣстныя артистки. Сама великая Рашель, притомъ спустившись съ трагическихъ подмостковъ, снизошла до роли Адриенны Лежувреръ и вошпилила передъ удивленною публикой прелестный бразъ сердечной актрисы времявъ старой французской монархіи. Лишь только мы воротились за тридцать, сорокъ лѣтъ назадъ, пьеса, какая бы на ни была легкая, оказывается по отношенію къ конвѣнціямъ пьесамъ серьезною. «Адриенна Лежувреръ», не взирая на трагическое окончаніе, не болѣе какъ простая, даже не высокая, комедія, умно, тонко и хитро вышная, написанная слогомъ правильнымъ, изящнымъ, съ положеніями ю комическими, то драматическими, безъ натяжекъ и безъ авторскаго шкволія, если позволительно такъ выразиться. Передъ зрителемъ являться не куклы, а лица; они живутъ, любятъ, умираютъ не по велѣнію автора, а по стеченію обстоятельствъ и столкновенію чувствъ. Въ «Адриеннѣ Лежувреръ» можно найти тотъ пробный камень, который рѣшаетъ цѣнность таланта. Въ роли Адриенны мало знать эффекты и ими пользоваться, мало умѣть сказать отдѣльными фразами съ тѣмъ выраженіемъ, которое вышнимъ образомъ затрогиваетъ зрителей, шевелитъ ихъ нервы, раздражая ихъ слухъ. Мало тутъ помогли бы и шегольскія движенія; и гибкіе тали;—въ этой роли необходимо играть обдуманно, необходимо выказывать настоящее искусство настоящей артистки. Въ роли Адриенны, если отстранить изъ интриги побочныя, запутывающія ея нити, есть много простоты, много чувства и внезапнаго взрыва страсти и страданія. Вотъ въ краткихъ словахъ содержаніе этой прелестно написанной пьесы. Адриенна—трагическая актриса, идолъ публики, слава которой гремитъ по Парижу—сердечно и искренно любить молодата, незнатнаго и небогатаго офицера. Она ѣдитъ на ужинь, гдѣ должна встрѣтить знаменитаго героя и полководца, графа Морица Саксонскаго, и намѣревается замолвить слово

за своего возлюбленнаго и испросить ему протекцію графа. Свиданіе стает и въ графѣ Саксонскомъ, герцѣ и козководцѣ, она узнаетъ молодого человѣка, котораго любить. Но тутъ же возникаетъ и Морицъ любимый знатною дамой, которую и самъ любилъ когда-то, притѣмъ узналъ Адриенну. Адриенна по обманчивымъ признаніямъ въ имени графа Саксонскаго считаетъ себя оставленною, обманутою. Она знаетъ кто ея соперница, и, приглашенная къ ней, чтобы декламировать отрывки изъ своихъ лучшихъ релій, пользуется этимъ удобнымъ случаемъ, чтобы отомстить за себя. Въ припадкѣ неудержимаго гнѣва и негодованія, выходитъ изъ себя и, указывая на знатную, замужнюю даму, подхождя къ ней и говоритъ слѣдующіе стихи изъ Федры Расина:

... Je ne suis point de ces femmes hardies
Qui goutant dans le vice une honteuse paix
Ont se sa faire un front qui ne rougit jamais!

Развязка проста. Адриенна узнаетъ, что она не была ни обманута, оставлена, что Морицъ любить ее искренно, одну ее, но счастье не отдано ей. Оскорбленная ею знатная дама отомстила ей за свое поруганіе. Адриенна отравлена и умираетъ на сценѣ, въ поэтическомъ бреду, чаду его она говоритъ стихи изъ одной своей роли. Эта простая, естественная, трогательная роль Адриенны была исполнена Саррою Бернаръ прекрасно. И сцены нѣжности, и сцена неудержимаго негодованія, и сцена мучительной, но поэтической смерти были переданы съ неподдѣльнымъ талантомъ, удвоеннымъ искусствомъ выказать его во всей его полнотѣ съ лучшей стороны. Не было ни одной ноты въ ея голосѣ, ни одного поворота головы, ни одного движенія и шага, которые бы она не сдѣлала умночи, какъ надо и какъ должно. Много страсти, много силы выказала Сарра Бернаръ въ этой роли, но еще больше изученія и школы...

Но талантъ таланту рознь и его надо измѣрять по той рамкѣ, въ которой онъ является и въ которую укладывается. Всякое искусство имѣетъ ступени. Мадонну Рафаеля никто не осмѣлится сравнить съ прекрасною картиною Семирадскаго, а картину Семирадскаго можно ли приравнять къ картинамъ жанра Фредотова? Но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы картины Фредотова не были прелестны... Не будемъ же по поводу Сарры Бернаръ вспоминать о Жоржѣ, Дорваль, Марсѣ, Рашели, Ристори; не будемъ проводить сравненій между ею и такими артистами, какъ Писси, Деланъ, Разъ-Шери, Бронанъ, — не будемъ именно потому, что всѣ они подвизались на поприщѣ болѣе широкомъ и серьезномъ. Всѣ эти поминуванныя нами артистки играли такъ-называемую высокую комедію и серьезную драму; онѣ были глубже, боролись съ болѣе серьезными трудностями. Мы не утверждаемъ, что талантъ Сарры Бернаръ ниже ихъ таланта, но должны по репертуару судить о степени таланта и способности. Артистка тѣсно или просторно въ известномъ кругу дѣятель-

ни? Гдѣ тѣсно, тамъ не останутся; гдѣ просторно, гдѣ привольно, въ всякій ослается и овоеивается. Сарра Бернаръ явилась съ выбранъ ея репертуаромъ, о которомъ мы свазали свое слово. Въ немъ, перемъ, нѣтъ глубины, нѣтъ характеровъ, не на чемъ задуматься, во что вдуматься и трудно сыграть роль бессмысленную, гдѣ бы ху- ственная правда остѣпаяла и очаровывала. При такомъ репертуарѣ авать не изъ чего. Можно оживить, украсить, подогрѣть; можно ично представить влюбленныхъ, кокетливыхъ, красивыхъ и нарядныхъ роль—Фру-фру и Бланшъ (въ «Сфинксѣ»); можно окрасить искусственнымъ ромъ ягучую страсть потерянной женщины и на мгновение заставить ить зрителей о ея продажности, какъ въ роли Маргариты Готье; можно, иненъ, влить чувство, нѣжность и негодование въ стройную фигурку местной Адриенны: все это Сарра Бернаръ исполнила превосходно, съ инемъ, искусствомъ, эффектомъ, граціей и доставляла истинное удоволь- ѣе зрителямъ. Въ сценахъ томкаго кокетства она была неподражаемо- цозна. Упрекнуть ее въ слабости исполненія было бы великой неспра- вливостью и неблагодарностью, ибо она подарила зрителямъ многие часы рольствія. Но кто же можетъ искать высокаго эстетическаго наслажде- въ пѣсахъ ея репертуара? Это не есть сфера великаго безсмертнаго гусства... Мы далеко отъ боговъ Олимпа, вѣчная красота которыхъ из- на въ мраморѣ Пароса; мы находимся близъ условной красоты пре- тной статуетки извѣстнаго французскаго скульптура Ладезеа, сдѣ- нной изъ обожженной глины. Эти статуетки прельщали многихъ даже въ Римѣ, и мы помнимъ одну изъ нихъ, названную самимъ артистомъ *магом ветра* (соур де вент). Она изображала прелестно одѣтую, по дѣдней модѣ, женщину, которая въ граціозной позѣ борется съ вихремъ, мящими въ сторону ея модное, съ причудливыми складками, платье. съ усилиемъ удерживаетъ обѣими руками граціозно летящія юбки. а ея мила и относительно прелестна. Всѣ тѣ, которые не сумѣли вос- таться Аполлонами, Юнонами, Венерами и Марсами,—а такихъ мно- ибо это доступно не всякому,—любовались *поризомъ ветра* и букв- но таяли отъ восторга въ мастерской талантливаго Ладезеа. И какъ ивѣстно вспоминать о Ватиканѣ и богахъ Олимпа по поводу Ладезеа! Останемся же въ той сферѣ, которую намъ предоставляютъ. Мы не емъ ни малѣйшаго права спрашивать другой, высшей сферы. Намъ не обѣщали, а напротивъ того дали больше, чѣмъ обѣщали. Рядъ пред- вленийъ весьма пріятныхъ, изящныхъ, умныхъ оживилъ застой москов- й жизни. Онъ доставилъ большое удовольствіе любителямъ сцены, тѣмъ ѣе, что мы не избалованы въ этомъ смыслѣ. Мы объдняли. Родившіеся процвѣтавшіе когда-то на нашей сценѣ таланты похищены смертью, ыхъ же еще не видимъ. Всякая артистка и артистъ, обладающіе несо- ннымъ талантомъ и искусствомъ, его удесятеряющимъ, и посѣщающіе въ проѣздомъ, доставляютъ намъ тѣмъ большее удовольствіе, что оно рѣдко

выпадаетъ на нашу долю. По справедливости намъ надо много благодарить займихъ артистовъ, одѣляющихъ насъ частью того удовольствія, которое мы лишились дома со смертью лучшихъ нашихъ артистовъ, незабвеннаго Щепкина, Садовскаго, Шумскаго, Васильева и другихъ. Публика до сих поръ наполняла Большой театръ во время представленій Сарры Бернаръ и принимала ее благосклонно. Она отдала ей должное громкими рукоплесканіями, одобрительными криками, вызовами и букетами.

Еще одно последнее замѣчаніе. Пьесы репертуара Сарры Бернаръ выигрываютъ много, если всѣ лица труппы играютъ хорошо и въ общій такъ-сказать, ноту. Въ сожалѣнію, труппа Сарры Бернаръ очень недостаточна, чтобы не сказать больше. Сарра Бернаръ выносила на своихъ плечахъ всю тяжесть или весь интересъ пьесъ, и мы должны тѣмъ больше цѣнить талантъ ея, что она съумѣла, играя одна, привлечь общественное вниманіе публики и ея горячее одобреніе.

Евгенія Тур...

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Съ тревожнымъ любопытствомъ общество слѣдитъ за тѣми наиболѣе выдающимися явленіями въ области нашей внутренней жизни, которыя вѣютъ на рубежѣ стараго и новаго года. Въ нимъ приглядываются съ глубокою думой, надѣясь мысленно проникнуть въ будущее, уловить общій характеръ грядущихъ событій, опредѣлить то направленіе, какое приметъ русская жизнь въ начавшемся году. Въ густомъ туманѣ, въ той непроглядной тьмѣ, которая скрываетъ отъ насъ будущее, всѣ съ напряженнымъ вниманіемъ стараются отыскать свѣтлыя точки и съ радостнымъ чувствомъ останавливаютъ на нихъ взоры. Какъ бы ни были малы эти очка, какъ бы ни былъ слабъ и блѣденъ свѣтъ ихъ, а все-таки этотъ свѣтъ свидѣтельствуетъ о томъ, что вокругъ насъ не безпросвѣтная тьма. Она бы и слабое, мерцаніе свѣта поддерживаетъ въ людяхъ надежду, что жизнь снова возродится въ странѣ, которая во второй половинѣ прошлаго года была обречена почти на полный застой жизни. Пусть эти надежды кажутся преувеличенными, но ими все-таки поддерживается жизнь въ обществѣ, испытавшемъ въ прошломъ такъ много неудачъ и разочарованій. Общество, несмотря на неблагоприятныя условія для свободнаго развитія, въ какія оно было поставлено въ прошломъ году, далеко не утратило интереса къ жизни, не остановилось въ своемъ развитіи и не отказалось отъ живно пробудившагося въ немъ стремленія къ преобразованію и улучшенію строя русской жизни. Самые малѣйшіе и ничтожныя зачатки преобразованій, каждое незначительное мѣропріятіе къ улучшенію народнаго быта вызываютъ въ немъ радостное чувство. Общество понимаетъ, что малѣйшій, самый нерѣшительный шагъ впередъ все-таки гораздо лучше, чѣмъ станковка на одномъ мѣстѣ. Оно радостно привѣтствуетъ каждый подобный шагъ, видя въ немъ задатокъ того, что жизнь все-таки не стоитъ на одномъ мѣстѣ и не пятится назадъ, что способность къ поступательному движенію впередъ все-таки не утрачена. Трудно и медленно мы идемъ впередъ, изрѣдка дѣлая робкія и невѣрные шаги послѣ долгой станковки, но и то уже хорошо, что не разучились совсѣмъ ходить.

Среди событий, ознаменовавших собою переходъ отъ стараго къ новому, самое видное мѣсто принадлежитъ Высочайшимъ указамъ о обязательномъ выкупѣ надѣловъ крестьянами, остающимися еще въ обязательныхъ отношеніяхъ къ помѣщикамъ, и о пониженіи выкупныхъ платежей. Эти законоположенія являются въ глазахъ общества свѣтлыми точками на темномъ фонѣ окружающей насъ дѣйствительности. Общество съ радостію привѣтствовало эти добрыя начинанія въ пользу народа, и въ нихъ проблески свѣта, свидѣтельствующіе, что жизнь еще не угасла въ родной странѣ, что народъ не забытъ, что надежды на улучшеніе быта его не мечтательны. Эта радость общества многознаменательна именно потому, что выражается по поводу мѣропріятій, которыя могутъ имѣть только весьма ограниченное вліяніе на улучшеніе народнаго благосостоянія. Если общество и въ данномъ случаѣ съ такою радостію привѣтствуетъ новыя проявленія правительственныхъ заботъ о благѣ народа, то это ясно показываетъ, какъ сильно развилось въ обществѣ сознаніе необходимости прійти на помощь народу въ его бѣдственномъ положеніи, какъ нетерпѣливо ждетъ общество реформъ и какъ о сочувствуетъ тѣмъ правительственнымъ начинаніямъ, которыя поддерживаютъ въ немъ вѣру въ осуществимость его надеждъ и ожиданій. Строго говоря, новые Высочайшіе указы нельзя даже считать новостью для общества. Положеніе о выкупѣ надѣловъ крестьянами, остающимися въ обязательныхъ отношеніяхъ къ помѣщикамъ, представляетъ не болѣе какъ развитіе тѣхъ началъ, которыя были установлены «Положеніемъ 19 февраля 1861 года». Что же касается пониженія выкупныхъ платежей, то оно послѣдовало согласно съ заключеніемъ большинства членовъ особаго учрежденнаго для этой цѣли совѣщанія свѣдущихъ людей. Обществу уже давно были извѣстны заключенія большинства членовъ совѣщанія; да и эти заключенія были подвергнуты строгой и обстоятельной критикѣ, причемъ въ общественномъ сознаніи выяснилась неудовлетворительность ихъ. Но, несмотря на все это, общество съ радостію и признательностію видитъ въ новыхъ законоположеніяхъ слѣды правительственныхъ заботъ о поднятій народнаго благосостоянія. Въ послѣдовавшемъ Высочайшемъ соизволеніи на приведеніе въ исполненіе заключеній большинства свѣдущихъ людей по вопросу о пониженіи выкупныхъ платежей общество видитъ точное и неукоснительное исполненіе воли Государя Императора, объявленной черезъ министра внутреннихъ дѣлъ, чтобы «самыя жизненные вопросы страны не были рѣшаемы безъ выслушанія мѣстныхъ дѣятелей, хорошо знаемыхъ съ дѣйствительнымъ положеніемъ дѣлъ». Указъ о пониженіи выкупныхъ платежей служитъ отраднымъ для русскаго общества доказательствомъ довѣрія Государя Императора къ заключеніямъ лицъ, призванныхъ изъ среды русскаго общества, по выбору правительства, для обсужденія вопроса о выкупныхъ платежахъ. Государь Императоръ изволилъ воплотить утверждѣнія большинства свѣдущихъ

людей, и этотъ знакъ довѣрія верховной власти къ голосу, исходящему въ среды общества, можетъ быть принятъ не иначе, какъ съ глубочайшею признательностью, будучи залогомъ возможности и осуществимости того единенія власти съ народомъ, о которомъ такъ много было толковъ въ обществѣ въ теченіе прошлаго года. Если новое законоположеніе о пониженіи выкупныхъ платежей не удовлетворяетъ вполнѣ нуждамъ народа и ожиданіямъ общества, то это должно быть отнесено на счетъ тѣхъ свѣдущихъ людей, мнѣнія которыхъ получали преобладающее большинство въ совѣщательномъ присутствіи. Тамъ, гдѣ вопросъ о выкупныхъ платежахъ разсматривался собраніемъ законно избранныхъ представителей мѣстнаго населенія, онъ рѣшался въ смыслѣ болѣе широкомъ и болѣе соответствующемъ какъ народнымъ нуждамъ, такъ и стремленіямъ интеллигентнаго общества. Такъ, новгородское губернское земское собраніе, признавая несоразмѣрность величины выкупныхъ платежей за землю, иведенную въ надѣлъ бывшими помѣщичьими крестьянамъ, высказалось за признаніе капитальнаго долга по выкупной операциіи долгомъ государственнымъ, подлежащимъ догашенію на общемъ основаніи. Это постановленіе состоялось въ новгородскомъ губернскомъ земскомъ собраніи, происходившемъ съ 3-го по 22-е декабря прошлаго года, т. е. всего за нѣсколько дней до послѣдовавшаго 28 декабря Высочайшаго соизволенія на утвержденіе заключеній большинства членовъ совѣщательнаго присутствія по вопросу о пониженіи выкупныхъ платежей. Мнѣніе новгородскаго губернскаго земскаго собранія слишкомъ рѣзко расходится съ заключеніями совѣщательнаго присутствія.

Сдѣланный въ прошломъ году, по волѣ правительства, призывъ свѣдущихъ людей для совѣщанія по нѣкоторымъ государственнымъ вопросамъ былъ весьма замѣтный толчокъ общественной мысли и послужилъ къ ясненію въ общественномъ сознаніи той идеи о необходимости тѣснаго единенія власти съ народомъ, которая въ теченіе всего прошлаго года съ особенною силой и постоянствомъ занимала общественные умы. Происходившія въ теченіе декабря засѣданія земскихъ собраній по вопросу о преобразованіи мѣстныхъ учреждений дали возмозности земству высказать свой взглядъ на бывшія въ прошломъ году совѣщанія «земскихъ свѣдущихъ людей». Земства отказываются отъ солидарности съ тѣми лицами, которыя, въ качествѣ земскихъ свѣдущихъ людей, принимали участіе въ бывшихъ въ Петербургѣ совѣщаніяхъ. Впрочемъ ранѣе, чѣмъ высказалась земства, обнаружилось, что эти совѣщанія сдѣлались жертвой весьма печальныхъ мистификацій со стороны людей, которые являлись самозванными выразителями будто бы мнѣній населенія страны. Такъ, между прочимъ, газета *Порядокъ* сообщаетъ слѣдующій курьезный случай: «Читатели помнятъ, какъ въ собраніи «свѣдущихъ людей», разсуждавшихъ о пьянствѣ, вдругъ явился уполномоченный песковскаго крестьянскаго общества, Смоленской губерніи, Сорогинъ, и заявилъ рядъ крестьянскихъ

пожеланий объ увеличеніи патентнаго сбора, о недопущеніи кабаковъ 15-ти верстномъ разстояніи вокругъ существующаго кабака, объ отпитейныхъ заведеніяхъ съ торговъ и т. п. Знающіе дѣйствительный нарочитъ не мало удивлялись, какъ это мужикъ, болящійся всякихъ объясненій начальствомъ, вдругъ набрался столько храбрости, что смѣло посылаетъ уполномоченныхъ прямо въ Петербургъ, для разсужденій по общему просу! И вдругъ теперь *Смоленскій Вѣстникъ* разъясняетъ, что г. (рокинъ на самомъ дѣлѣ сычевскій купецъ и даже — кабатчикъ въ томъ самомъ селѣ, представителемъ котораго поѣхалъ! Что тутъ подумать по поводу предложенія не допускать кабаковъ на 15 верстъ кругомъ и т. п. Съ другой стороны и сами члены совѣщанія, во время своихъ засѣданій открыто заявляли, что нѣкоторые изъ нихъ, «отправляясь въ Петербургъ не знали о привлеченіи ихъ, въ качествѣ свѣдущихъ людей, въ переселенческую комиссію, а потому не захватили необходимыхъ матеріаловъ, вообще не чувствуютъ себя надлежащимъ образомъ подготовленными. Въ виду всего этого становится понятно, почему земскія собранія такъ рѣшительно высказались противъ происходившихъ въ прошломъ году совѣщаній земскихъ свѣдущихъ людей. Напримѣръ, въ новгородскомъ губернскомъ земскомъ собраніи, въ засѣданіи 17 декабря, гласный Рагозинъ былъ произнесена прекрасная рѣчь по поводу призыва прачивительствомъ свѣдущихъ людей. Обративъ вниманіе собранія на то важное обстоятельство, что вопросы, предложенные на разсмотрѣніе комиссіи, имѣютъ государственное значеніе и что правильное разрѣшеніе ихъ должно интересоватъ земство всей Россіи, гласный поставилъ и прось: были ли призванныя лица дѣйствительными представителями земской силы, выразителями стремленій земства? Приходя къ отрицательному на этотъ счетъ заключенію, гласный Рагозинъ узналъ далѣе на тѣ немъ разумныя, которыя имѣютъ мѣсто въ обществѣ относительно свѣдущихъ людей, и предложилъ собранію просить предсѣдателя губернской управы г. Костливцева, ограничиться исполненіемъ его непосредственной обязанности, какъ предсѣдателя управы, такъ какъ продолжительное отсутствіе его изъ Новгорода можетъ отразиться вредно на дѣлахъ губернскаго земства. За эту рѣчью слѣдовали довольно бурныя пренія, длившіяся около двухъ часовъ, и въ результатѣ ихъ предложеніе Рагозина было принято большинствомъ голосовъ. Нѣсколькими днями ранѣе въ томъ же земскомъ собраніи, при обсужденіи вѣръ взиманія недоимокъ питейнаго сбора пользу земства, гласный Румянцевъ спросилъ предсѣдателя управы Костливцева, бывшаго члена совѣщательнаго присутствія земскихъ свѣдущихъ людей, какіе результаты добыты по питейному вопросу свѣдущими людьми, — причеиъ, ссылаясь на газеты, онъ интересовался узнать, былъ ли Костливцевъ экспертомъ, какъ представитель земства, чтобы подлинно приговоръ русскому пьянству... Произошли оживленныя пренія. Костливцевъ отвѣчалъ, что онъ былъ частнымъ лицомъ по вызову министра, ба

уполномоченія земства. Ипотомъ, когда собраніе перешло къ разсмотрѣнію вопроса о переустройствѣ мѣстныхъ, по крестьянскимъ дѣламъ учреждений, то, выработавъ главные основанія для преобразованія ихъ, постановило, что «исполнѣе удовлетворительное разрѣшеніе этого вопроса возможно лишь при томъ условіи, если для разрѣшенія его будутъ приглашены уполномоченные отъ всѣхъ земскихъ собраній въ возможно большемъ числѣ и избранные собраніями специально для этой дѣли». Точно также курское губернское земское собраніе, подвергнувъ обсужденію выработанныя соглашенія земскихъ свѣдущихъ людей мѣры къ уменьшенію пьянства, признало принятыя ими рѣшенія неудовлетворительными и поручило гласному Гамаляму лично изложить министру внутреннихъ дѣлъ ходатайство земства, являющееся къ измѣненіямъ въ мѣрахъ, предложенныхъ комиссіей свѣдущихъ людей. Владимірское губернское земское собраніе также постановило довести до свѣдѣнія министра внутреннихъ дѣлъ о своемъ несогласіи къ заключеніямъ совѣщательнаго собранія земскихъ свѣдущихъ людей по вопросу о мѣрахъ къ уменьшенію пьянства. Земство высказало, что оно не придаетъ земскаго характера нынѣ вызваннымъ свѣдущимъ людямъ. Разсмотрѣвъ вопросъ о преобразованіи мѣстныхъ по крестьянскимъ дѣламъ учреждений, земское собраніе постановило ходатайствовать предъ правительствомъ, чтобы въ комиссію о переустройствѣ уѣздныхъ и губернскихъ учреждений были допущены свѣдущія лица по выбору земства. Костромское губернское земское собраніе въ засѣданіяхъ 19-го и 20-го декабря, обсуждая вопросъ о преобразованіи мѣстныхъ учреждений и имѣя въ виду, что объединеніе разнородныхъ по этому вопросу проектовъ, поступающихъ отъ отдѣльныхъ земствъ, представляется слишкомъ затруднительнымъ безъ участія въ этой работѣ земскихъ представителей, постановило: ходатайствовать о допущеніи въ правительственную комиссію, которой порученъ вопросъ о преобразованіи мѣстныхъ учреждений, свѣдущихъ людей по выбору губернскихъ земскихъ собраній. Собраніемъ утверждены выработанный особою комиссіей проектъ желаемыхъ измѣненій въ строѣ уѣзда и губерніи, который и признанъ обязательнымъ для руководства, не только тѣхъ лицъ, которыя будутъ выбраны, если на то послѣдуетъ Высочайшее соизволеніе, въ качествѣ экспертовъ въ правительственную комиссію, но даже и тѣхъ, которыя будутъ приглашены въ комиссію по назначенію отъ правительства. Комиссія Смоленскаго губернскаго земскаго собранія по вопросу объ измѣненіяхъ въ мѣстныхъ, по крестьянскимъ дѣламъ, учрежденияхъ постановила: принимая во вниманіе всю важность этого вопроса, въ связи его съ реформой всѣхъ уѣздныхъ учреждений, ходатайствовать предъ правительствомъ, чтобы для окончательнаго его обсужденія призваны были свѣдущіе люди, избранные самими земствами. Казанское и тверское губернскія земскія собранія постановили: ходатайствовать предъ правительствомъ, чтобы къ участію въ труднѣйшей комиссіи по преобразованію мѣстныхъ учреждений были пригла-

шены свидущие люди, избранные отъ земства. Псковское губернское земское собрание, въ видахъ кореннаго преобразованія крестьянскихъ и земскихъ учреждений, признавая въ принципѣ необходимость полнаго преобразованія мѣстнаго самоуправления, разрѣшило этотъ вопросъ въ смыслѣ ходатайства предъ правительствомъ о довѣнномъ его обужданіи чрезъ свидущихъ людей, избранныхъ отъ губернскихъ земскихъ собраний. Въ полтавскомъ губернскомъ земскомъ собраніи 11-го апрѣля г. Лучинскій предложилъ ходатайствовать о допущеніи въ комиссію, назначенную для разсмотрѣнія вопроса о преобразованіи мѣстнаго управленія, представителей отъ всѣхъ земствъ, избранныхъ этими земскими собраніями. Въ отвѣтъ замѣчанія предѣдателя собранія, г. Устиновича, что удобнѣе было бы ходатайствовать о допущеніи въ комиссію представителей полтавскаго земства, собраніе постановило: «Ходатайствовать о приглашеніи въ комиссію по разсмотрѣнію вопроса о мѣстномъ самоуправленіи представителя отъ полтавскаго земства, избраннаго земскимъ собраніемъ». Въ то же время, по словамъ *«Новое Время»*, нѣкоторыя земскія собранія совсѣмъ отказались обуждать и разсматривать вопросъ о преобразованіи крестьянскихъ учреждений, мотивируя свой отказъ тѣмъ, что ихъ голоса являются совершенно лишними въ виду образованія въ Петербургѣ специальной комиссіи для разработки того же вопроса. Въ особенностъ интересно постановленіе харьковскаго губернскаго земскаго собранія, которому была представлена отъ имени 22 гласныхъ записка слѣдующаго содержанія:

«Высочайшимъ манифестомъ 29-го апрѣля сего года положено начало преобразованію внутренняго строя общественной жизни и вмѣстѣ съ тѣмъ возвышенъ былъ обращенный къ народу призывъ — содѣйствовать, по силѣ и возможности, предначертаніямъ правительства. Преобразовательная эпоха, подобная переживаемой нами, представляя собою наиболѣе тяжелые моменты исторической жизни народа, сами по себѣ требуютъ напряженія всѣхъ дѣятельныхъ силъ страны и искренняго ихъ содѣйствія для обновленія. Царское слово манифеста усиливаетъ еще эту обязанность могуществомъ того обаянія, какое оно заключаетъ въ себѣ для русскаго челоука. Не можетъ въ такое время оставаться безучастнымъ и безмолвствовать земское собраніе представителей интересовъ цѣлой губерніи: такъ или иначе оно должно отозваться на призывъ Монарха и выполнить тѣмъ нравственный долгъ свой передъ избирателями. Верноподданническое и откровенное изложеніе взгляда на общее положеніе дѣлъ и на способы, которыми бы въ возможно большей степени обезпечивалось достиженіе намѣченной правительствомъ цѣли, исходя изъ собранія, будетъ служить выраженіемъ общественнаго голоса цѣлой мѣстности. Упадокъ эконоическаго благосостоянія всѣхъ классовъ общества, неравновѣрная податная тягота, препятствующая накопленію такихъ бы то ни было сбереженій недостаточными классами, неопредѣленность правъ и обязанностей управ-

лющих и управляемых, формально канцелярские порядки, тормозящие всякое движение, низкий уровень образования массы, неясность понятий о долге и собственности, усугубляющаяся безнаказанностью пренебрегающего на свой путь и хищения, и затруднительность свободного обсуждения мнений — все это породило такое состояние мыслей и такую неуверенность в завтрашнем дне, при которых правильное течение общественной жизни не остается быть устойчивым и может быть поколеблено всяким случаем общественным, бедствием. Характерные признаки неспокойного состояния умов, выразились и в анти-еврейских беспорядках, и в преграждающихся в народе толках о передаче земли, переходящих в бешеные самовольные захваты, и в чужденцев, в томъ всеобщем напряженном состоянии ожидания и неудовлетворенности, в каком находится вся масса общества. Новыя начала, введенныя в русскую жизнь кривою работой прошлага царствования, видимо оказывают свое действие, — реформированному Александру II обществу становится тѣсно въ новомисловіи и духовныхъ путяхъ, составляющихъ наследіе дореформеннаго времени. Общественная мысль требуетъ самостоятельности, а здоровыя народныя силы, одерживаемыя неблагоприятными условиями — свободного и непринужденнаго. Общество ожидаетъ, что въ такомъ именно направленіи поведены будутъ возмѣненные правительствомъ преобразования, что они не ограничатся поверхносными и неправдивыми частностями, а представятъ собою намѣненіе системы, въ основѣ которой лежало недоверіе къ обществу, какъ къ субъекту такого недоверія, подозрительная опека всѣхъ отраслей общественной жизни и тщательное устремленіе всякаго проявленія самостоятельности. Весьма извѣстно, какъ при господствѣ этой системы великодушныя предначертанія власти показались исполнителями, какъ издаваемые на вызовъ страны законы оказывались мѣющими прямо обратное дѣйствіе, какъ постепенно падало благосостояніе и духовная жизнь народа, несмотря на стремленіе предусмотрѣть мельчайшее зло. Въ поочередномъ вниманіи къ думамъ, населемія, неоставало существенной части — голоса самого народа, устремляемого системой недоверія. Нѣтъ никакихъ основаній предполагать, чтобы результаты этой системы, имѣя свой характеръ, не при разработкѣ плана преобразований и дослѣдовательнаго проведенія въ жизнь законодательныхъ ея подробностей не отведено будетъ мѣста свободному выраженію общественнаго мнѣнія. Въ призывѣ Александровъ, ставась уже желанія, самого правительства обратиться къ этому единственному и естественному источнику познанія истинныхъ потребностей страны и времени; но обращенія въ такой формѣ носить на себѣ истинный сдѣлъ той же системы: оно не доверяетъ еще самому обществу, называя тѣхъ, кого оно считаетъ своими избранными людьми, кому можно доверить, говорить его именемъ, на чью ответственность владеть, сваять правду и польку правду, своему Царю. Не наше дѣло вѣстаться вопроса, какъ достигнуть того, чтобы эти избранные явились

действительно выразителями народной мысли. Эта задача — государственная. Мы говорим только, что въ доверчивомъ приемы такихъ людей и въ свободномъ обсужденіи ихъ дѣятельности заключается наилучшее обещаніе общественнаго содѣйствія предначертаннымъ правительству. Такова наша мысль, которую мы предоставляемъ на обсужденіе собранія.

Большинство членовъ комиссіи, на обсужденіе которой была передана собраніемъ эта записка, согласилось съ содержаніемъ ея и высказало желаніе, чтобы она цѣлкомъ была препровождена на усмотрѣніе правительства. По выслушаніи такого отзыва комиссіи, главный Бекариковъ высказался по поводу содержанія записки слѣдующимъ образомъ: «Я и подписалъ «записку» и считаю нужнымъ пояснить это. Записка страдает неопредѣленностью, такъ какъ не указываетъ той формы выборовъ, при которой избраные явились бы дѣйствительными представителями народной мысли. По моему мнѣнію, есть одна форма, удовлетворительная въ этомъ отношеніи, это — всенародные выборы на равномѣрныхъ правахъ. Представители консервативнаго направленія изъ числа главныхъ съ своей стороны также выступили противъ подачи «записки». Изъ нихъ г. Золотницкій указывалъ, что въ ней нѣтъ никакого опредѣленнаго вывода, то вся она наполнена софитами, которые земство вовсе не въ правѣ давать правительству. Притомъ же записка никакъ не можетъ быть принята въ смыслѣ отзыва земскаго собранія на манифестъ 29 апрѣля. «Охраняя молодое поколѣніе отъ существующаго вокругъ него зла, ограждать отъ нигилистическихъ соблазновъ, — говорилъ г. Золотницкій, — вотъ долгъ каждаго русскаго гражданина, о которомъ напоминаетъ манифестъ. Врядъ ли отсюда можно вывести заключеніе о правѣ земства давать софиты, не имѣющіе никакой практической цѣли и идущіе въ унисонъ съ журнальными возгласами «о недоконченности» «данія и т. д.». Взглядъ представителя консервативной партіи не встрѣтилъ сочувствія въ земскомъ собраніи, — общее молчаніе было отвѣтомъ на рѣчь Золотницкаго. Тогда другой представитель той же партіи, предсѣдатель собранія, Индлеускій, желая обезпечить болѣе почетное отступленіе для своихъ единомыслиниковъ, дѣло которыхъ очевидно было проиграно, обратился къ собранію съ слѣдующею рѣчью, носившею характеръ компромисса: «Золотницкій уже указалъ, что ни по формѣ своей, ни по содержанію прочитанная записка неудобна для отсылки ей правительству, такъ какъ въ ней не включаются, главнымъ образомъ, софиты, которые земство не призвано давать. Въ дополненіе къ этой мысли прибавлю, что «еслибы записка представляла собою отвѣтъ на Высочайшій манифестъ, то и въ этомъ случаѣ форма ея оказывается вполне неудовлетворительною. Составитель записки и не имѣлъ въ виду, чтобы она сама была представлена правительству; цѣль ихъ была — этою запиской побудить собраніе къ фортливовѣ рѣшенія, согласнаго ихъ идеѣ. Идея же эта заключается, и желается, въ томъ, чтобы призывъ экспертовъ совершался при такомъ же

дѣ выборовъ, который бы ставилъ общество въ возможность считать ихъ экспертовъ истинными представителями общества. Такая постановка рѣшенія, вѣроятно, удовлетворить составителей записки». Компромиссъ, предложенный г. Шидловскимъ, былъ принятъ. Бнякъ Вадбольскій, внесъ «записку» отъ имени 22-хъ гласныхъ, заявивъ, что сторонники ея, действительно, предназначали ее только для земскаго собранія и что имъ важно только самое рѣшеніе земства, согласное съ идеей записки. Тогда г. Шидловскій предложилъ слѣдующую постановку рѣшенія: «относясь съ чувствомъ признательности къ стремленію правительства уважать мнѣніе общества чрезъ посредство свѣдущихъ людей, призванныхъ къ обсужденію нѣкоторыхъ государственныхъ вопросовъ, губернское земское собраніе поручаетъ губернскому управленію ходатайствовать передъ правительствомъ о томъ, чтобы на будущее время призванъ свѣдущихъ людей сопровождался такимъ порядкомъ выбора ихъ, который обезпечивалъ бы обществу возможность видѣть въ нихъ дѣйствительныхъ выразителей народной мысли». Рѣшеніе это принято собраніемъ, большинствомъ 32-хъ голосовъ противъ 3-хъ.

Такимъ образомъ мы видимъ, что, въ концѣ прошлаго года, одновременно въ нѣсколькихъ губернскихъ земскихъ собраніяхъ, съ небывалымъ еще ранѣ согласіемъ и энергіей была высказана одна и та же мысль, что къ участію въ разрѣшеніи важнѣйшихъ государственныхъ вопросовъ должны быть призваны выборы отъ населенія страны. Эта мысль и ранѣ, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, то тамъ, то здѣсь высказывалась земскими собраніями. Но прежде раздавались одиноки, разрозненные голоса земствъ, и притомъ они раздавались на минуту. Только съ прошлаго года многія земства разомъ заговорили о необходимости созыва уполномоченныхъ ими. Сначала эти заявленія были сдѣланы земствами по поводу преступленія, жертвою котораго палъ покойный Государь Императоръ. Но въ то время земскіе голоса, раздававшіеся изъ разныхъ концовъ страны, какъ-то вдругъ оборвались и, вазалось, по-прежнему смолкли. Между тѣмъ, на самомъ дѣлѣ, земская мысль не умерла, но продолжала прѣлечь и въ декабрѣ прошлаго года съ новою силою высказалась одновременно въ нѣсколькихъ губернскихъ земскихъ собраніяхъ. Большинство высказавшихся въ этомъ отношеніи земствъ выражаютъ желаніе, чтобы къ разсмотрѣнію поставленныхъ на очередь правительствомъ государственныхъ вопросовъ были призваны народные представители по выбору губернскихъ земскихъ собраній. Безъ сомнѣнія, въ такомъ видѣ ходатайство земства возбудитъ въ средѣ общества нѣкоторыя недоразумѣнія, такъ какъ существующіе недостатки въ организаціи земства слишкомъ очевидны для всѣхъ и настолько значительны, что, по мнѣнію многихъ, списываютъ наши земскія учрежденія наивно приписываемаго имъ значенія истинно-народнаго представительства. Но недостатки организаціи земства существуютъ не по его винѣ. Земство само сознаетъ эти недостатки и мы

видимъ, что какъ скоро на земскихъ собраніяхъ встаетъ вопросъ о призваніи народныхъ представителей къ участию въ разсмотрѣніи жизненныхъ вопросовъ страны, то вмѣстѣ съ этимъ стали раздаваться голоса и относительно системы выборовъ, обезпечивающей избраніе дѣйствительныхъ представителей народной мысли. «Есть только одна форма удовлетворительная въ этомъ отношеніи,—говорилъ г. Бенарюковъ на харьковскомъ губернскомъ земскомъ собраніи,—это всенародные выборы на равномѣрныхъ правахъ». Безъ сомнѣнія, вопросъ о системѣ выбора имѣетъ въ настоящее время самое существенное значеніе въ виду возбужденныхъ земствами ходатайствъ о призваніи выборныхъ отъ населенія страны для рѣшенія важнѣйшихъ вопросовъ страны, и скоро должно настать время, когда онъ приобрететъ первостепенную важность и станетъ во главѣ всѣхъ общественныхъ интересовъ.

Между тѣмъ едва успѣвъ новый годъ вступить на сѣню старого, уже онъ шлетъ угрозы земству. Новогоднія газеты сообщаютъ печальную новость, будто, въ видахъ сокращенія общегосударственныхъ расходовъ изъ сметы на 1882 годъ исключены весьма значительныя суммы, ассигнованныя до сихъ поръ правительствомъ, и отнесены на счетъ земствъ. Земствамъ, напримеръ, вѣщено въ обязанность содержаніе въ исправности шоссеиныхъ дорогъ, перевозовъ и т. п. Мы не можемъ безусловно довѣрять этому газетному извѣстію, потому что слишкомъ привыкли ко интригамъ и обману на столбцахъ нашихъ газетъ. Притомъ же, по своему внутреннему смыслу, это сообщеніе внушаетъ слишкомъ мало довѣрія къ себѣ. Отнести на счетъ земства общегосударственные расходы—это значитъ не что иное, какъ наложить на народъ новую податную тяжесть. Между тѣмъ странно было бы ожидать отъ правительства новаго увеличенія налоговъ въ то самое время, когда всѣ правительственныя заявленія свидѣлаются тому, что народъ долженъ получить облегченіе отъ лежащей на немъ тяжести, налоговъ, совсѣмъ несоразмѣрной съ его плательными силами. Но, еслибы, сверхъ всякаго ожиданія, газетное извѣстіе подтвердилось, тогда русскому земству грозить серьезная опасность. Въ настоящее время финансовыя дѣла земства повсемѣстно находятся въ полномъ разстройствѣ. Вездѣ обязательныя расходы поглощаютъ огромную часть земскихъ средствъ, а необязательными расходами далеко не удовлетворяются самыя насущныя потребности населенія. Земскіе налоги, при полномъ обнищаніи народа, и теперь уже сдѣлались невыносимо-тяжелыми бременемъ для него, вызываютъ неудовольствіе, ропотъ, и подрываютъ авторитетъ земства въ глазахъ мѣстнаго населенія. При чрезмѣрномъ обремененіи народа всякаго рода налогами и при существующей системѣ взиманія государственныхъ налоговъ преимущественно предъ земскими, повсюду накопились громадныя недоимки по земскимъ сборамъ. Вездѣ земскія казны пусты и беденяе въ земствахъ доходитъ до того, что лица, состоящія на земской службѣ, по нѣскольку мѣсяцевъ не получаютъ заслуженнаго

шванья. Что же будетъ, если, при такихъ условіяхъ, часть общенародныхъ расходовъ будетъ перенесена на счетъ земскихъ сборовъ? и будетъ ли тогда земство доведено до окончательнаго банкротства, а къ сѣбѣ съ тѣмъ не будетъ ли этимъ способомъ подорванъ авторитетъ жителя въ глазахъ крестьянской массы, не представляющей истиной причины увеличенія земскихъ налоговъ?

Съ паремъ и озлобленіемъ мржежали старый людъ и встрѣчали новый въ тѣхъ семьяхъ, гдѣ много дѣтей. Для дѣтей на нынѣшній разъ рождественская елка принесла такой ужасный подарокъ, котораго многія изъ насъ не забудутъ во всю жизнь и вѣчно будутъ предаваться рождественную елку, устроенную для нихъ подъ новымъ 1882 года. Принесенное метами наѣстіе о предложенномъ увеличеніи платы за право ученія въ гимназіяхъ произвело повсюду ужасный перещелчокъ въ семействахъ, страшная дороговизна и безъ того уже не позволяетъ сводить концы съ концами семействамъ средняго достатка, а недостаточныя семейства доведены почти до полной нищеты. И безъ того всѣмъ пришлось сопрягать расходы, отказывая себѣ въ удовлетвореніи обычныхъ потребностей, а тутъ вдругъ приходится отказаться отъ удовлетворенія такой величайшей, давно братившейся въ привычку, потребности, какъ образованіе дѣтей. Отцы и матери поставлены въ невозможность исполнить своей долгъ предъ дѣтьми, беззащитнымъ будущности ихъ посредствомъ образованія. Увеличеніе платы за право обученія всѣмъ кажется тѣмъ-то невѣроятнымъ и невозможнымъ, какимъ-то противоестественнымъ злодѣяніемъ, которое не можетъ совершиться. Въ то же самое время всѣ приходятъ въ ужасъ при видѣ страшнаго подарка, который приготовленъ на елку для русскихъ дѣтей. Съ восторженіемъ и заговорили о той печальной участи, которая грозитъ дѣтямъ. Въ Нижнемъ-Новгородѣ просто даже не вѣрятъ, чтобы предложеніе объ увеличеніи платы за ученіе могло осуществиться. Въ Петербургѣ толкуютъ, что съ увеличеніемъ платы число учащихся должно сократиться на $\frac{2}{3}$. Даже училищное начальство—и то протестуетъ противъ амбіціи увеличить плату съ учениковъ. Такъ, изъ Старобѣльска сообщаютъ, что на предложеніе министерства народнаго просвѣщенія объ увеличеніи платы за право ученія въ старшихъ классахъ гимназіи мѣстный педагогическій совѣтъ не только отвѣчалъ отказомъ, но постановилъ: одатайствовать о предоставленіи ему права вовсе освобождать отъ платы ограниченныя проценты недостаточныхъ учениковъ. Въ костромскомъ губернскомъ земскомъ собраніи, 16 декабря, гласный г. Колюпановъ предложилъ, въ виду настоятельныхъ слуховъ о предстоящемъ яко-бы пошшеніи платы за обученіе въ гимназіяхъ, обратиться къ правительству съ просьбою о сохраненіи прежняго размѣра платы. Нѣкоторые изъ гласныхъ заявили при этомъ, что возвышеніе ея въ такомъ размѣрѣ, какъ того ожидаютъ теперь, мало того что закроетъ доступъ къ образованію людямъ бѣднымъ, но заставитъ даже и людей средняго состоянія взять

изъ гимназій своихъ дѣтей. Собраніе единогласно и съ торжеств. сочувствіемъ отнеслось къ предложенію г. Колюпанова. 17 декабря, при чтеніи журнала завѣданія предыдущаго дня, вновь прибывшій гласный г. Рыльевъ предложилъ собранію подробно мотивировать въ своемъ ходатайствѣ причины, побуждшія гласныхъ единодушно просить не повышать платы за ученіе въ гимназіяхъ, причемъ замѣтить, что ибра эта и необходимо увеличить ряды «сумбвннаго пролетаріата, а такое увеличеніе едва ли желательнѣе правительству». Собраніе снова и единогласно согласилось съ предложеніемъ г. Рыльева.

А будничая, приближенная и загнанная русская печать—весело ли встрѣтила новый годъ и какой достался на ея долю новогодній подарокъ?—Передъ новымъ годомъ запрещена розничная продажа нумера журнала *Гусли*. Потомъ, какъ будто, счастье на минуту улыбнулось намъ: Брокъ приостановки газеты *Голосъ*, оканчивающійся 26 января, былъ сокращенъ по 6-е января. Какъ ни ничтожно было это сокращеніе съ приостановки изданія на 20 дней, тѣмъ не менѣе газеты успѣли сообщить, что въ данной *Голосу* льготѣ ездуетъ видѣть не что иное какъ наступленіе «свѣтлой зари будущаго». Но газетныя грѣзы о свѣтлой будущаго были прерваны неприятнымъ пробужденіемъ, которое, сообщивъ о свѣтлой зарѣ, открыло предъ ихъ глазами мрачную картину действительности. Едва успѣлъ начаться новый годъ, какъ, по распоряженію г. министра внутреннихъ дѣлъ, *Шордоксъ* приостановленъ на мѣсяцъ, а *Московскій Телеграфъ* получилъ первое предостереженіе Мечты о «свѣтлой зарѣ будущаго» разбѣжался и впередъ передъ опять темные, сумрачные дни, смучные и тяжелые не менѣе, чѣмъ наядъ ночь.

Замѣтки по внѣшнимъ дѣламъ.

Что такое внѣшняя политика государства? Это—проявленіе той же одной, всецѣлой, нераздѣльной, мнимоудѣльности народа, которая проявляется и во внутренней его политикѣ, составивъ съ этою внутреннею политикою выраженіе той задачи, для которой существуетъ государство. Какъ отдѣльный человекъ остается однимъ и тѣмъ же существомъ у себя дома и въ обществѣ съ другими людьми, такъ и народъ, ставящій государство, остается однимъ и тѣмъ же живымъ недѣляемымъ какъ въ своемъ внутреннемъ бытѣ, такъ и въ международномъ обществѣ, съ тою только разницею, что отдѣльный человекъ можетъ когда тамъ или тутъ, смотря по обстоятельствамъ, называть свою правую природу и несколько изменить себя, но цѣлый народъ не можетъ этого дѣлать; пребывая вѣрныя самому себѣ, своему духу, своимъ нравъ, своимъ нравственнымъ и воззрѣніямъ.

Внѣшняя политика, такъ и внѣшняя политика имѣютъ себѣ единственное цѣльное служеніе своему народу, и средства у той и другой одни и те же—народныя силы, вещественныя и духовныя. Различіе между тою и другою заключается лишь въ способѣ служенія. Внутренняя политика беретъ у народа извѣстную долю его силъ и непосредственно возвращаетъ къ ему въ тѣхъ видахъ, какіе признаются наиболее способствующими къ благополучію. Внѣшняя политика пользуется тѣми же самыми народными силами, чтобы опять отдать ихъ народу, но только не непосредственно, а проводя ихъ чрезъ международную среду, откуда онѣ возвращаются народу въ удобнѣйшемъ для него самого и его благосостоянія размѣрѣ. Для примѣра укажу на народную производительность. Внутренняя политика принимаетъ агукъ, домашнюю, такъ сказать, средствами способствуетъ къ дому, чтобы уменьшенный или физическій трудъ и капиталъ увеличивали народное богатство; внѣшняя же политика увеличиваетъ народное богатство охотнѣе путемъ, стирывая способъ къ международной общинѣ произведеній, въ чемъ каждый народъ находитъ себѣ выгоду, следовательно—богатство. Такъ и другая политика приводитъ къ одной и той же.

Народъ, составляющій государство, удѣляетъ правительству известную долю своего богатства въ видѣ денегъ (подати, налоги и пр.), умственныхъ способностей (служащіе) и физической силы (войско) для дѣйствій внутренней политики; но тѣ же самыя силы, отданныя въ распоряженіе правительства, служатъ средствомъ и для внѣшней политики. Безъ нихъ и безъ опоры на нихъ эта послѣдняя будетъ лишь празднымъ временемъ деніемъ. Международное право можетъ только тогда дѣйствовать, когда есть возможность его поддержать. Протестъ, по словамъ Бисмарка, имѣетъ смыслъ только тогда, когда протестующій достаточно силенъ, чтобы не препятствовать тому, противъ чего онъ протестуетъ.

Если та и другая политика имѣютъ для себя одинъ и тотъ же интересъ, одну и ту же цѣль; если одинъ и тотъ же народъ является сареемъ внутренней политикѣ и лицомъ, обращеннымъ внутрь себя, а во внѣшней — видъ себя, оставаясь непрерывно самимъ въ себя, дѣльнымъ и раздѣльнымъ; то отсюда явствуетъ, что оба политикѣ должны дѣйствовать одновременно и сообщаясь, не прекращаясь и не ослабывая, одна среди другой. Такова требованіе правильного теченія народной жизни, хотить, чтобы народъ возрасталъ и вѣршился. Поэтому, какова бы была въ государствѣ форма правленія, высшее правительство должно дѣлать, во всемъ составѣ, вѣдать и вести ту и другую политикѣ и какою, такъ и въ другой держаться на одинаковомъ уровнѣ подьема и степенныхъ и вѣдственныхъ силъ своего народа. Такъ это ясно видится въ кабинетахъ конституціонныхъ государствъ. Бюрокрація, въ органѣхъ высшаго правительства, при совмѣстномъ веденіи внутренней и внѣшнихъ дѣлъ, есть лучшее обезпеченіе и правды и веденія дѣлъ и предохраненіе отъ ошибки, однодѣльности. Первизомуми во вѣрныхъ дѣлахъ разные министерства дѣйствіе, связаны между собою поставлены во взаимную зависимость, одно отъ другого, вѣды, во веденіи, но это такъ, какъ кажется. Было бы избыточное, ошибкой, считать общаго правительственнаго состава министерство иностранна дѣла и тому одному представлять и большую и меньшую степень самостоятельнаго завѣдыванія внѣшними дѣлами. Министерство иностранныхъ дѣлъ должно имѣть различіе, не, будѣ какъ государственной казны; въ немъ министръ только управляетъ этому канцеляріей, которую сама не можетъ устанавливать не только выказывая внѣшнихъ отношеній, но даже и придавать отъ себя, навой, ибо, отъ бытъ отнимъ, отъ обязанности исполнять и воспроизводить въ дипломатическою точности только то, что указано и постановлено въ полномъ правительственномъ вѣдомствѣ; это составъ, въ вѣдѣніи дѣлѣтвобъ, основанъ на вѣдѣніи, что, при, такомъ порядкѣ представляется больше, ручательства въ томъ, что основное или живое историческое преданіе, которое создано душою народа и которому слѣдуютъ поколѣнія, будетъ соблюдено во внѣшней политикѣ и что дипломатическое вѣдѣство не отрѣшится отъ народа.

ества, не закрыть уши для «всего того», что высказывается народом, вымолится в самой себе и для самого себя и в этой безмолвной и, чудом народного ума и чувства, безличное, безцветное, не ставит играть в дипломатическую игру для самой этой игры, не знает и не желая знать ни чувства народной чести, ни помыслов народных, даже долга, объявляющего бы неуклонному, ни найдомь шагу, охраняя народные интересы и народного достоинства. А такие критеры действуют.

Конечно, для предупреждения подобной несообразности влекущей за собою неисчислимы вред для государства, нужно, чтобы органы высшего правительства все больше и больше были знакомы с делами внешне не по чужим или докладам и не с чужаго гонима, а по червь ответственную историческую подготовку в неприменной товари со изученья своего народа. Но это уже дело выбора и собственного сознания каждого служения своему отечеству.

Представим в своем воображении министра иностранных дел — овина, воспитательный возраст которого протек вдали от всего родного, национального, — в которой мы бы и сердцевого чувства к своему народу, и бы и почва народно-исторической для него мировоззрения — в котором общественно-экономическое образование совершенно исключило бы всякий домашний уклон, и всеми и чувства, три бы постоянно ощущала бы под воздействием народной стихии, ощущая каждую минуту бы присутствия народных сил и ободряющего, овешающего, — производящего народного духа. И собственного основательного изучения исторического значения и направления своего народа и живых впечатлений, воспринимаемых от окружающих поколений, в нем и бы; позиция и не имеет вред собою и той руководящей нити, продолжая которую он чувствовал бы себя признаваемым всеми своим внутренним существом. Отсюда — преобладание в его деятельности личностно-волевого и душевного благожелания, даже влияния в бы и в ршеней — спорить или уступить, и упорствовать или успокоить самого себя, свою оболу. Все в духовной связи с тем великим почвенным всем, который представляет собою народ; этот министр, как и собою складует, создает себе свою дипломатическую роль в безличном пространстве и здесь ведет свою игру с своими противниками, забывая или, врыве, не имвая в себя внутренней потребности, что игра эта ведется за страх народа и насчет симых чувствительных струн народного бытия. Противники его, воевавшие жемала бы и жизнь народную и его самого хорошо изучившие, впоить знают, и в чего добиваются, за ових стоять в ковы и ардеани и в страны, и ових же овиди только личные побуждения и иногда цвти воздушныя, безземныя и непримымыя, как, и примырь; установление общего мирового соглашения. Понятно, что за противниками безусловный успех:

они лодятъ его, наносятъ ему ударъ за ударомъ, проводятъ его. И же остается ему дѣлать въ отрицательномъ кругу своего дипломатическаго вѣдомства?—Остается наслаждаться игрою въ интересъ самой этой игры, не заботясь о послѣдствіяхъ для народа, любоваться удачными ходами противника, обманывать самого себя и другихъ радужными ментами, усаживать корою даже тщеславиться тѣмъ, отъ чего краснѣетъ и содрогается народъ; И когда, наконецъ, послѣ ряда кровавыхъ, уступочныхъ и разовыхъ вѣданий,—разочарованій холодныхъ, потому что жизненнаго бленія народа нольса въ немъ дѣтъ,—онъ вынужденъ положить шашку и сознаться, что дальше идти нельзя, тогда и обнаруживается, что такая безцѣльная дипломатія ничтожна сама по себѣ. Принадлежность безвѣднато басилия и рывааетъ картину грозной дѣйствительности, требующей уже жалкой крови. Совершается обращеніе къ народу, котораго дипломатія, руководимая такимъ министромъ, до того не хотѣла внять.

Если дипломатія сама въ себѣ не имѣетъ ни крохи собственнаго средства, которыми могла бы исправить свою ошибку, и если, въ ея общаѣ—равнодушно, какъ ни въ чемъ ни бывало, и безответственно смѣлится свой картонный мечъ и сказать: «теперь дѣйствуй ты, народъ, имъ я пренебрегала, отъ котораго я скрывала свои дѣйствія, которыя я обольщала до послѣдней минуты призракомъ успѣха»,—то какая страшная лежитъ отвѣтственность на министръ иностранныхъ дѣлъ, которому предоставлена свобода дѣйствій, которому вѣрить, съ которымъ соглашались, —за всѣ его ошибки, за всю его отчужденность отъ духа своего народа за всю его самонадѣянность!... Отвѣтственнымъ въ концѣ концовъ ставится не онъ, а народъ.

Вотъ почему внѣшняя политика нашего государства должна бы безусловно и нераздѣльно соединена съ внутреннею политикой, и въ ея цѣльномъ составѣ высшего правительства, котораго по самому положенію своему во главѣ государства есть совѣтательное средоточіе дѣятельныхъ силъ народа, а потому не можетъ быть недоступно ея мыслямъ и стремленіямъ народнымъ.

Государственныхъ дѣятелей не должно ни на минуту докидать мыслью что ошибки дипломатіи, давая торжество противникамъ и нанося существенный, а нерѣдко и вещественный ущербъ государству, ослабляя здоровую и дѣятельную силу народнаго духа и отираяють выходы и родышамъ недовольства, вреднымъ крайностямъ, беззачетнымъ иррациональнымъ народнаго существа. Когда же послѣдовательный рядъ дипломатическихъ ошибокъ, какъ итогъ должно поставленной задачи или провѣрнаго плана дѣйствія, не выработанаго какъ историческою идеею народнаго привождитъ въ безвыходному положенію, тогда вся совокупность народныхъ силъ должна быть устремлена, для защиты народнаго достоинства, на дѣло войны, которое надлежитъ потрясаетъ народное благосостояніе и истребляетъ плоды многолѣтняго мирнаго развитія.

Всякому народу, доступному для человѣческаго развитія, присуще шлюбіе. Базово же бываетъ ему, когда дипломатія, безъ ея вѣдома, прерывая всѣ свои дѣйствія завѣсомъ тайнственности, вдругъ обрѣдается на уступку, на приниженіе—безповоротнo и неискраиво; или, когда ввернуть ему: «своей»!... Но откуда взялась необходимость войны? Развѣ не было въ отдаленномъ или близкомъ прошломъ такой минуты, въ которую ловкая, умная, сильная сознаниемъ въ себѣ народной силы дипломатія не могла бы заглушить зерно событій, приведшихъ къ войнѣ? Дѣла первоначальныхъ мелочей не возникаютъ въ насъ вѣтъ войны. Дрива, бывали и еще недавно были наступательныя, хищническія войны; до той такой народъ и такое правительство, которые преднамѣренно, творитъ то ни стало, зачинали хищническую войну, нечего говорить. Таковы послѣднія войны Пруссіи съ Даніей, Австріей и Франціей. Но война принужденная, какъ единственный выходъ изъ неодоленія, въ которой пришла народъ своими промахами неспособная и не народная дипломатія, къ бѣдствію, есть напрасная потеря силы, которую можно было предотвратить своевременно дипломатическимъ искусствомъ, ловкою диверсіей. Таковы были двѣ послѣднія русско-турецкія войны. Россія положительно не желала воевать и избѣгала войны; но нацѣлились дипломаты идушіе русскихъ и, управляя кодомъ событій, привели Россію къ необходимости вѣстаться за оружіе. Тщательное изученіе предшествующихъ событій всегда указать тотъ раздѣлъ, гдѣ противники могли оставаться, не создавая или, по крайней мѣрѣ, не усиливая поводовъ къ кровавому столкновенію. Этотъ раздѣлъ обыкновенно обозначается тамъ, гдѣ одинъ изъ противниковъ заноситъ первый притязательный шагъ въ законо-историческую область другаго. Отъ зоркой и бдительной дипломатіи, животрепещущей народнымъ духомъ, шагъ этотъ не укроется; она неспѣшитъ остановить противника и удержать его въ границахъ должнаго уваженія. Но дипломатія, не имѣющая силы и дара слова, которое поддается всегда и единственно только народнымъ чувствомъ, и потому сѣнная и близорукая, — дипломатія, недвижная изнутри прибоемъ народной жизни и потому равнодушная и самоуспокоивающаяся, — дипломатія, замѣнившая живое чувство народной силы служеніемъ отвлеченному началу миротворства, — такая дипломатія на первомъ же шагу противника сдѣлаетъ уступку, да пожалуй еще будетъ хвалиться этимъ подвигомъ. Но съ каждой дальнѣйшей уступкой шаги противника становятся уже смѣлѣе и крупнѣе. Еще одинъ шагъ — и сложность всѣхъ отдѣльныхъ мелкихъ уступокъ, сдѣланныхъ противнику, уже представляетъ для него дѣльное приобрѣтеніе, которое онъ готовъ защищать съ оружіемъ въ рукахъ. Дѣло обнаружено, доведено до недѣля; или нравственное приниженіе и ущербъ вещественный, или война.

Послѣдствія неудачной внѣшней политики тѣбельнѣе, тѣмъ политики внутренней. Последняя всегда можетъ замѣтить свою ошибку, чему способ-

отвѣтъ гласность, и во время исправитъ ее. Народъ у себя дома, в своихъ внутреннихъ дѣлахъ избавленъ отъ возбужденія тѣхъ горько-обидныхъ и удручающихъ чувствъ, которыя рождаются при столкновеніи и восторженіи народными. Здѣсь самолюбіе его не страдаетъ. Напротивъ ошибка или безпечная уступка во внѣшней политикѣ неисправима; у противника стала твердою нитой на этой уступкѣ, закрѣпленной или договоромъ, или безмолвнымъ попустительствомъ, и оттолкнуть его назадъ значило бы раздражить его, рассориться съ нимъ; а на это не рѣшится самая дипломатія, которая допускаетъ безпечность и уступки по тому самому, что она такова по существу своему. Вместе съ тѣмъ народу причиняется и другое зло: онъ чувствуетъ себя униженнымъ и оскорбленнымъ; подъежъ его силъ упадетъ и во внутренней домашней работѣ; онъ становится менѣе воспримчивымъ къ хорошему и менѣе способнымъ къ отверженію и къ себя всего дурнаго; безстрастность народная, соединенная съ упадкомъ духа, есть великое несчастіе, потому что она выражается въ бесплодіи той почвы, на которой внутренняя политика съѣтъ добрыя семена. Возгорится ли война — и работа внутренней политики прекращается, и много потомъ времени проходитъ на заживленіе ранъ, причиненныхъ напряженнымъ уклоненіемъ народныхъ силъ отъ ихъ естественнаго развитія, направляемаго внутреннею политикой.

Такиимъ образомъ правительство должно неуслышно, ежеминутно блюсти, чтобы внѣшняя политика ни на одну нитку не ослабѣвала, какия бы и были затруднительныя внутреннія обстоятельства. Первое всегда дѣло — огородить домъ извнѣ. Правительство должно несмѣнно стоять на стражѣ народнаго чести и кошелька. На эту стражу надо выбирать людей наиболее откровенныхъ, чуждыхъ душою и тѣломъ сыновъ той земли, для охраненія которой они назначаются.

Послѣ всего сказаннаго можно ли признавать правильною мысль, что будто бы при внутреннихъ усиленныхъ трудахъ правительство можетъ ослабить свою внѣшнюю политику? Отдѣльному лицу еще извинительна слабость самовоссредоточенія на одной сторонѣ своего жизненнаго поприща; но правительство и государство всегда располагаютъ достаточнымъ количествомъ средствъ и числомъ служебныхъ органовъ для того, чтобы вести и другую политику во всякое время равномерно и безостановочно. Нельзя двоять народную жизнь и у живаго народнаго существа отнимать сторону его дѣятельности, обращенную внѣ его. Это значило бы убивать все существо народное, уподоблять народъ парализованному больному, у котораго отнялась половина его тѣла.

Ни одно правительство въ Европѣ, также какъ и русское, не пожелаетъ этого своему народу. При всѣхъ домашнихъ затрудненіяхъ оно по-старается прежде всего показать другимъ державамъ, что внѣшнія его дѣла ведутся своими чередомъ безъ малѣйшаго упущенія. У Россіи, какъ и у другихъ державъ, есть свой кругъ влияния, внѣ предѣловъ ея госу-

ственнѣйшей области лежащей, — кругъ, который достался ей по наследству въ прежнихъ поколѣннхъ и указанъ самымъ закономъ ея исторіи и племеннымъ значеніемъ господствующаго въ ней народонаселенія. Оба соціалія съ нею: государства стремятся не только заручиться такимъ же кругомъ вліянія, но и расширить существующій. Пруссія уже успѣвшая въ своемъ вліяніи по племенному однородству замкнуть въ нѣе кривыя формы, образовавшія Германскую имперію. Австро-Венгрія ширяетъ свой кругъ вліянія на Балканскомъ полуостровѣ. Новѣдсье, и въ тѣхъ же предѣлахъ — кругъ вліянія Россіи, созданный для нея искусственными мѣрами, какими дѣйствуетъ Австро-Венгрія, а самою природою человѣческаго — единоплеменностію въ связи съ «высшимъ» духовнымъ началомъ — единовѣріемъ. Столкновеніе уже совершилось.

Съ ужасомъ видимъ мы, что тамъ уже началась борьба, — борьба племенная на жизнь и смерть. Съ запада наступаетъ чуждая свѣтская власть орудіями порабощенія и употребленія. Руна, объ руну съ нею идетъ и руна ея сиутница — римско-католическая церковь съ своими орудіями того же порабощенія. Сравнительно недавно воопранувшія изъ неволи, ютивустоятъ этому хищническому напору молодые туземныя племена, шевелямыя чувствами свободы и крѣпкия православною вѣрой. Но одному изъ нихъ недостаетъ единства дѣйствія, потому что врагъ захватилъ въ юи руки его управленіе, другому измѣняетъ собственное правительство, тамъ дальше за ними стоятъ вражда и рознь, или бессиліе неурядицы. Борьба идетъ въ томъ самомъ кругѣ, гдѣ до послѣдняго времени господствовало исключительно одно, только вліяніе Россіи частію *de facto*, чаію какъ рѣшъ *desideriata* мѣтнаго населенія, простираясь отъ устьевъ Дунаю до прибрежья Адриатики.

Несмотря на октябрьскую депешу изъ Ливадіи управляющаго министерствомъ иностранныхъ дѣлъ, статсъ-секретаря Гирса, о томъ, что Россія хранитъ неприкосновенными духъ и букву Берлинскаго договора, — договоръ этотъ тогда же оказался настолько подвижнымъ и растяжимымъ, что для дальнѣйшаго развитія его въ интересахъ Австро-Венгріи Бисмаркъ призналъ удобнымъ поѣхать въ Вѣну для переговоровъ съ Гаймерле и заключить между Германіей и Австро-Венгріей оборонительный и наступательный союзъ въ тѣ самые дни, когда императоръ Вильгельмъ дружески привѣтствовалъ Императора Александра II въ городѣ Александровѣ. И вслѣдъ за тѣмъ началось дальнѣйшее измѣненіе Австро-Венгріей а Балканскомъ полуостровѣ того *status quo*, которое имѣлось въ виду ерлинскимъ конгрессамъ. Несомнѣнно, что въ самой депешѣ статсъ-секретаря Гирса вѣнскій кабинетъ почерпнулъ смѣлость дальнѣйшаго распространенія и усиленія австрійскаго господства въ заповѣдномъ кругѣ, рѣднзначенномъ собственно вліянію Россіи самою исторіей. Какимъ бы были личныя возвращенія ганцлера князя Горчакова и его не оглашенныя условія съ Андраши и Бисмаркомъ во время свиданій въ разныхъ

германских и австрийских городах; но теперь, когда события трогают вперед и наши тайные обязательства тройственного союза разрушены Берлинским трактатом, казалось бы, что закон истории и тяготы духовных сил великаго народа должны бы были взять перевѣсъ над условными раздѣлами и уступками князя Горчакова, которые и по дипломатическихъ портфелей обнаружены яснымъ смысломъ и связью бытій, послѣдовавшихъ за свиданіями императоровъ и канцлеровъ, прѣрѣшившихъ вскорѣ послѣ франко-прусской войны восточный вопросъ.

Невольное чувство обиды подсказываетъ, не пора ли исправить дѣянные ошибки, по крайней мѣрѣ, остановить опустывающій насъ обилие Встревоженный духъ ищетъ откровеній самого правительства, которыми извѣстныхъ случаяхъ столь же необходимы для народа, какъ необходимы для него сознательное отношеніе къ той работѣ надъ самимъ собой, в которой не перестаетъ его призывать правительство.

Ливадійская нота статъ-секретаря Гирса говоритъ только о стояніи Россіи на точкѣ замерзанія Берлинскаго договора, и притомъ говоритъ объ одной только Россіи. Такъ какъ на томъ же настаивали Австро-Венгрія и Германія, и имъ того только и хотѣлось, чтобы Россія во внѣшней своей политикѣ не трогалась съ мѣста, а иначе «достойная русская Бисмарка, въ письмѣ изъ Вѣны, грозила, что Германія и Австро-Венгрія бокъ-о-бокъ и рука съ рукою раздавятъ славянскаго дракона; то ливадійская нота онажала для нихъ великую услугу. Хотя, быть-можетъ, правительство и не то желало высказать, да иностранная канцелярія ужъ такъ передала мысль правительства, что наши сосѣди увидали въ этой нотѣ благотворительную предупредительность въ томъ смыслѣ, чтобы они и безпокоились и не опасались: Россія останется стоять на одномъ мѣстѣ. Огъдательно, ливадійская нота имѣла лишь отрицательное значеніе. Россіи грозили, чтобы она не дерзала шевелиться. Россія устами статъ-секретаря Гирса заявляла, что она остается при строжайшемъ сохраненіи условій Берлинскаго трактата. Но что и другимъ она не позволить отступитъ отъ духа и буквы трактата, объ этомъ въ нотѣ ничего не говорится.

Но потомъ?... Что же потомъ, когда союзники идутъ дальше и дальше, взявши Берлинскій договоръ за точку отправленія и рассчитывая, что Россія по случаю внутренней смуты, въ которой едва ли чисты ихъ руки, не нарушитъ своего благотворительнаго невмѣшательства? Что же, наконецъ, теперь, когда дѣло началось сызнова и возстаніе вновь возгорѣлось и опять уже льется человѣческая кровь тамъ же, гдѣ вспыхнулъ не точный вопросъ въ 1875 году?

Мы имѣемъ другое откровеніе правительства — ноту того же статъ-секретаря Гирса 4 марта 1881 года. Въ ней мы читаемъ: «Внѣшняя политика Его Величества будетъ вполне миролюбивою; Россія останется вѣрно своимъ друзьямъ и неизмѣнно въ чувствахъ, освѣщенныхъ прѣ-

внѣшнихъ, отвѣчая въ то же время взаимностью на дружественный образъ дѣйствій всѣхъ государствъ. Сохраняя принадлежащее ей въ средѣ другихъ державъ положеніе и заботясь о поддержаніи политическаго равновѣсія согласно съ ея интересами, она не уклонится отъ призванія охранять совместно съ другими правительствами общій миръ, основанный на уваженіи къ праву и трактатамъ». Все это въ общихъ чертахъ и въ принципѣ совершенно справедливо и было бы, кажется, вполне достаточно для опредѣленія внѣшней политики Россіи на будущее время — и именно на будущее время, о которомъ нельзя никогда ничего говорить окончательно и точно, ибо внѣшняя политика зависитъ сколько отъ насъ самихъ, столько же отъ образа дѣйствій и поведенія другихъ державъ. Но вѣдѣвъ за этимъ мѣстомъ слѣдуетъ еще такого рода дополненіе: «На Россіи лежатъ прежде всего заботы о самой себѣ: только долгъ защитить честь свою или безопасность можетъ отвлечь ее отъ внутренней работы». Съ точки зрѣнія русскихъ интересовъ представляется необходимымъ, почему сдѣлано это дополненіе. Во-первыхъ, здѣсь въ основѣ лежитъ мысль о раздѣльности внутренней политики отъ внѣшней и веденіи той и другой не въ равномерномъ соотношеніи. Дается понятіе, что Россія будетъ прежде всего посвящать себя своимъ внутреннимъ дѣламъ, оставляя какъ бы въ сторонѣ до самой крайней необходимости дѣла внѣшнія, или, другими словами, ослабляя свое тяготѣніе во внѣшнихъ дѣлахъ. Во-вторыхъ, заявлены только такіе тяжеловѣсные поводы, которые могли бы отвлечь Россію отъ внутренней работы, что и безъ этого заявленія каждое государство и каждый отдѣльный членъ государства знаютъ, что когда оскорблена народная часть или нарушена безопасность государственная, тогда просто-на-просто требуется или полное удовлетвореніе отъ противника, или объявляется ему война. Но Россія, какъ и другія великія державы, должна равномерно оберегать и кругъ своего вліянія, лежащій внѣ ея предѣловъ и необходимый ей для ея европейскаго значенія, — кругъ, добытый трудами и жертвами поколѣній, созидавшихъ прошлое Россіи. Распространяетъ ли Россія честь свою и безопасность на этотъ кругъ своего внѣшняго вліянія, или нѣтъ, нота умалячиваетъ, а это существенно важно, потому что въ настоящее время рѣшительные удары Австро-Венгрии, поддерживаемой Германіей, уже разятъ населеніе, заключенное въ этомъ кругѣ, установленномъ для Россіи всею ея историческою жизнію и ея племеннымъ значеніемъ въ средѣ европейскихъ государствъ. Въ-третьихъ, къ чему сообщать другимъ то, что касается самой Россіи и ея державной свободы дѣйствія? Затѣмъ впередъ ограничивать себя передъ лицомъ другихъ столь тѣсными предѣлами дѣятельной внѣшней политики, каковы долгъ защиты чести и безопасности? Затѣмъ уже самъ собою рождается вопросъ, что же станетъ дѣлать ея дипломатія, если противники, вторгаясь въ кругъ ея внѣшняго вліянія, стѣсняя его, ниспровергая въ немъ коренныя основы,

связующія съ Россією, будутъ лѣтъ обходить ея честь и на время ея безопасность? При такой неопредѣленности, дополненіе это становится въ противорѣчіе съ предыдущимъ мѣстомъ ноты и не только отнимаетъ него, подобающую силу, но и чрезмѣрно служиваетъ и даже видоизмѣняетъ его. Не могутъ ли противники Россіи, стремящіеся разрушить и Балканскомъ полуостровѣ славяно-восточно-православный міръ и на обломкахъ его основать нѣмецко-западно-католическія колоніи, — разумѣется въ прямой ущербъ политическому равновѣсію и интересамъ Россіи, — толковать это дополненіе въ свою пользу и считать свой наступательный образъ дѣйствій обезпеченнымъ со стороны Россіи? Можно быть увѣреннымъ, что русское правительство, иначе думаетъ, но что министерство иностранныхъ дѣлъ въ этой редакціи по меньшей мѣрѣ перешло границу миролюбивыхъ завѣреній. Не слѣдуетъ ли изъ этого, что каждое дѣйствіе нашей внѣшней политики, каждая нота, даже каждое выраженіе ноты и тонъ ея должны бы были предварительно разсмотрѣны и взвѣшены высшимъ правительствомъ въ цѣльномъ его составѣ?

Наше законодательство положительно допускаетъ обсужденіе важнѣйшихъ дѣйствій внѣшней политики высшимъ правительствомъ. Въ учрежденіи Государственнаго Совѣта въ числѣ предметовъ подлежащихъ его вѣдѣнію (ст. 23 п. 6, т. I Св. зак.) упоминаются: «объявленіе войны, заключеніе мира и другія важныя внѣшнія мѣры, когда по усмотрѣніи обстоятельствъ могутъ онѣ подлежать предварительному общему соображенію». Какъ ни важны сами по себѣ объявленіе войны и заключеніе мира, но они суть только послѣдствія политическаго образа дѣйствій, а этотъ въ свою очередь обусловливается предварительно начертанною программой внѣшней политики. Дипломатія призвана только въ точности выполнять эту программу. Было бы очень рискованнымъ, какъ учитъ опытъ, предоставлять ей одной и составленіе плана дѣйствія. Можно съ увѣренностью сказать, что еслибы въ Государственномъ Совѣтѣ обсуждался вопросъ, какъ поставить намъ себя въ 1875 году относительно герцеговинскаго возстанія, приведшаго, какъ извѣстно, къ послѣдней нашей войнѣ съ Турціей, то дипломатія наша не допущена бы была впасть въ ошибки 1853 года и ей не предоставлено бы было идти совершенно тѣмъ же путемъ, какой привелъ Россію къ войнѣ съ Турціей въ 1854 году. Умудренная указаніями высшаго правительства, она нашла бы другой способъ отношенія къ событіямъ, ибо онъ былъ, и на него даже указывалось печатью; и этимъ предупреждено бы было многое послѣдующее, и въ томъ числѣ рѣзня въ Болгаріи и самая русско-турецкая война, — словомъ, все то, чего хотѣли и чего достигли наши противники. Но надо достаточно ума и дальновидности, чтобы составить свой собственный планъ дѣйствія; нужна твердость духа, чтобы выйти изъ теченія событій, направляемого другими. На случай оплошности дипломатіи, законодательство и ставитъ обезпеченіе, которое заключается въ томъ, что обсужденіе важ-

Внѣшнихъ мѣръ вѣнскихъ политики предоставлено вѣдѣнію Государственнаго Совѣта.

Вѣдь, предоставленное самому себѣ, не нашло же министерство иностранныхъ дѣлъ, передавая всей Европѣ ноябрьскую рѣчь покойнаго императора, произнесенную въ Москвѣ въ 1876 году, вполне соответствующаго выраженія въ своемъ французскомъ лексиконѣ для слова: «самостоятельно». Покойный Императоръ сказалъ: «Я буду дѣйствовать самостоятельно». Въ этомъ одномъ словѣ заключалось все, что было нужно радостно русскому сердцу. Всѣ эти дипломатическія исканія европейскаго императора, съ уступками и навязчивостію, вся эта погоня, сопряженная съ ущербомъ народному самолюбію, за одобреніемъ и соизволеніемъ другихъ, вся эта приниженность, несвойственная народу и государству, соющимъ свою собственную силу, — вся эта пугливость и робость должны ли разлетѣться при звукѣ одного царскаго слова: «самостоятельно». Это слово составляло краеугольный камень царскаго рѣчи; съ нимъ отлегло въ русскаго сердца все, что такъ долго набѣло въ немъ отъ постоянной одиозности другихъ, дававшей просторъ лишь наглой притязательности велеветъ; съ нимъ прояснилось будущее, сузившее болѣе твердый и вѣрнѣе вызовамъ идущій способъ выраженія нашихъ вѣнскихъ отношеній. И силу этого слова, сочувственно пожитную всякому истинному человеку, дипломатія не разгадала, не прочувствовала. Ея органъ перелѣ это слово черезъ «seul»: «J'agirai seul», тогда какъ и во французскомъ языкѣ нашлись бы болѣе подходящія выраженія, напр.: «J'agirai Mon propre chef», или «de Mon propre autorité» и т. п.

Впрочемъ дипломатія осталась вѣрна своимъ наклонностямъ. Яя органъ хвалился въ послѣдствіи тѣмъ, что русская канцелярія («la chancellerie») отозвала побѣдоносную русскую армію отъ воротъ Константинополя; онъ ставилъ въ заслугу то, что Россія настойчиво домогалась прееванія въ европейскомъ концертѣ. Что означало это пребываніе въ европейскомъ концертѣ — пояснило небывалое въ лѣтописяхъ Россіи подчиненіе державнаго полноправія суду другихъ кабинетовъ. Что означалъ этотъ европейскій концертъ — показали статьи Берлинскаго трактата, еще весьма рошо памятные. Россія вела войну на свой страхъ и на свои средства; когда дипломатіи предоставлено было закрѣпить за нею плоды ея удѣловъ и жертвъ, — Россія подлинно оказалась не самостоятельно дѣйствующею.

II.

Въ виду возстанія, охватившаго уже всю Герцеговину, положеніе сосѣдней независимой Черногоріи возбуждаетъ въ высшей степени сочувственное вниманіе русскаго общества. Весь вопросъ въ томъ: послѣ Берлинскаго договора постаралась ли русская дипломатія поддержать Черногорію насколько, насколько требовалось общепризнанною отъ всей Европы не-

зависимостію этого княжества и преданіями русской вѣшной политики, которая съ самыхъ временъ Петра Великаго не переставала стоять въ самой тѣсной связи съ этимъ вѣковымъ очагомъ христіанской свободы на Балканскомъ полуостровѣ. Милостивыя грамоты Петра Великаго и его преемниковъ, щедрыя денежныя пособія изъ русской казны и отъ русскаго народа, особенно великодушныя дары императоровъ Павла I-го и Николая I-го, ихъ личныя симпатіи, также какъ и покойнаго государя Александра Николаевича; а съ другой стороны, кровавыя войны черногорцевъ съ турками, служившія диверсіей въ пользу Россіи во время русско-турецкихъ войнъ, борьба черногорцевъ бокъ-о-бокъ съ русскими въ 1806 году противъ французовъ и ихъ позднѣйшія жестокія войны съ турками, соотвѣтствовавшія кровавой, но славной задачѣ Россіи,—задушъ, которая, по заявленію самого правительства, проходитъ черезъ всю русскую исторію и должна привести неизбѣжно къ выполненію историческаго предназначенія Россіи—освобожденію христіанскаго Востока; наконецъ, всегдашняя неизмѣнная преданность черногорцевъ Россіи: все это должно бы возбуждать въ нашей дипломатіи величайшее рвеніе къ сохраненію не только словомъ, но и дѣломъ дѣйствительной независимости и полноправія Черногорскаго княжества. Обязанность эта истекаетъ не только изъ глубокаго сознанія всѣмъ русскимъ народомъ взаимныхъ пользъ и выгодъ, но также изъ долга уваженія къ тому сочувственному, родственному и единовѣрному отношенію къ Черногоріи, которое, начиная отъ русскаго монарха и кончая простымъ поселяниномъ, проходитъ по всему нравственному существу русскаго народа.

Правда, есть въ русской исторіи одно темное пятно, которое не смоеется до тѣхъ поръ, пока воды Которскаго залива не перестанутъ омывать прибрежныя австрійскія владѣнія. За то, что горсть храбраго народа черногорскаго, въ виду русской эскадры Сенявина, оказывала твердый отпоръ французскому маршалу Мармону, когда Россія воевала съ Франціей; за то, что этимъ участіемъ своимъ въ исполненіи борьбы Европы съ Наполеономъ I Черногорія помогла Россіи, и не столько ей, сколько Австріи, незадолго передъ тѣмъ получившей себѣ Далмацію по Кампоформійскому миру,—императоръ Александръ I не только лишилъ Черногорію денежнаго пособія, которое назначено было ей его родителемъ, но въ 1814 году предложилъ ея владыкѣ Петру передать во власть австрійскаго императора городъ Которъ съ его заливомъ, могущимъ вмѣстить флоты цѣлаго міра, и всѣми окрестностями, именуемыми Боккою-Которскою. Искусный дипломатъ, побѣдоносный вождь, сдѣлавшій однако такъ много напрасныхъ и больно-щемящихъ Россію уступокъ въ пользу Австріи, императоръ Александръ Павловичъ не предвидѣлъ, что такой несправедливый поступокъ съ Черногоріей посягнетъ надолго сѣмя кровавыхъ смуть, которыя отзовутся и во вѣшной политикѣ Россіи. Сколько разъ послѣ того, отрѣзанная отъ моря и замкнутая въ голыхъ скалахъ, Черногорія собственно поэтому

вступала въ брань, или, вѣрнѣе, постоянно вела брань съ турками и албанцами. Господство Австріи надъ прибрежною полосой, гровившее Черногоріи ежеминутнымъ голодомъ и истощеніемъ военныхъ припасовъ, держало духъ ея населенія въ неестественно-напряженномъ состояніи; оно же имѣло прямое вліяніе и на смуты въ южной Герцеговинѣ. Орелъ попалъ въ клѣтку и его постоянно дразнила коварная рука того, кому побѣдитель Наполеона, умиротворитель Европы, могшій своей Россіи возвратить ея древнее достоиніе по самыя Карпаты и укрѣпить за Черногоріей завоеванную ея юнаками Хоторскую-Бокку, подарилъ ключъ отъ этой клѣтки. Судорожныя движенія запертаго въ гѣрной клѣткѣ свободолюбиваго орла отзывались тревогой и въ русской политикѣ.

Судьба историческая какъ бы нарочно допустила совершиться этой громадной по своимъ послѣдствіямъ ошибкѣ для того, чтобы передъ умнымъ взоромъ потомства выставить двѣ противоположности и отбѣнить ясными признаками образъ дѣйствій Петра I, Павла I и Николая I, съ одной стороны, и Александра I—съ другой, въ поученіе будущимъ поколѣніямъ. Князю Горчакову, наслѣдовавшему послѣ графа Нессельроде министерство иностранныхъ дѣлъ, уже легко было бы по немыслимымъ примѣрамъ изучить почву и установить начала, на которыхъ должны были основываться отношенія Россіи къ Черногоріи.

Вдобавокъ незадолго до Крымской войны гр. Нессельроде прозѣвалъ посольство гр. Лейнингена въ Константинополь, слѣдствіемъ чего было то, что Австрія въ заступничествѣ за Черногорію взяла верхъ надъ Россіей. Пона русская дипломатія смотрѣла издалека, какъ Омеръ и Османъ наши опустошали Черногорію, Австрія одна поспѣшила послать гр. Лейнингена съ рѣшительнымъ требованіемъ отъ Порты немедленнаго прекращенія военныхъ дѣйствій въ Черногоріи. Порта уступила. Черногорскій князь Даниилъ долженъ былъ склониться къ Австріи болѣе, чѣмъ къ Россіи; а русская дипломатія вмѣсто того, чтобы самой отвѣчать за свой промахъ, взвалила всю вину на князя Даниила и отказала ему въ ежегодномъ денежномъ пособіи. Наполеонъ III умѣлъ также воспользоваться оплошностью Россіи и явился послѣ Австріи вторымъ благодѣтелемъ Черногоріи, назначивши ей значительное денежное вознагражденіе. Такъ двѣ западныя державы, хорошо понимая значеніе Черногоріи, искали водворить въ ней свое вліяніе; Россія же, въ руки которой само собою доставалось это вліяніе, отступала добровольно назадъ.

Послѣ Парижскаго мира нечего было раздумывать. Нужно было во что бы то ни стало стать твердою ногой въ Черногоріи. На это наводили другія державы своимъ примѣромъ, если уже допустить, что намъ недоставало собственныхъ познаній въ исторіи и ближайшаго знакомства съ тою неразрывною связью, которая существуетъ между Черногоріей, южною Герцеговиной и Боккою-Хоторскою. Сильные въ Черногоріи, мы были бы сильны и надъ этими вѣчными предѣлами владѣній Турціи и Австріи.

Дипломатія оставалась бы только развѣвать ихъ для взаимной пользы этихъ земель и Россіи. Земли эти слишкомъ важны для Австріи, какъ прежде были Черногорія и Герцеговина для Турціи, чтобы Россія обратила на нихъ полное свое вниманіе.

Бъ сожалѣнію, мы не замѣчаемъ ни твердости въ поддержкѣ Черногорціи, ни удачнаго выбора агента со стороны нашей дипломатіи.

Въ 1861 году въ южной Герцеговинѣ было большое возстаніе съ значеніемъ Вукаловичемъ во главѣ. Герцеговинцамъ помогали черногорцы. Турецкіе паша: Омеръ, Дервинъ и Османъ—были разбиты въ нѣсколькихъ сраженіяхъ: у Требиня, Брстца, Дуги, Бѣлополя. Но такъ какъ въ Черногоріи присоединилось многіи, соедннн племена, то всѣмъ 1862 года турки, предводимые столь искусными пашами, какъ Дервинъ и Омеръ, начали войну съ Черногоріей. Съ двухъ сторонъ двигались арміи турецкіи въ маленькую Черногорію: Дервинъ шелъ отъ Гацна къ Никшичу, а Абдимъ и Гуссейнъ—отъ Спужа черезъ Рѣву на Цетинье. Несмотря на громадныя потери подъ Мартиничами, у Раслиной-Главицы, на Битъ и у Никшича, турки не останавливались. Дервинъ направлялся поперекъ всей Черногоріи черезъ Бѣлопавличи къ Спужу. На соединеніе съ нимъ выступилъ изъ Албаніи Омеръ-паша съ 60.000 войска. Отчаянное сопротивленіе черногорцевъ у Орлауи и Загарача заставило ихъ направиться черезъ Дешанекую нахію на Цетинье. Намеиць, и на этомъ пути пораженные воеводами Миркомъ Петровичемъ и Вритомъ Петровичемъ, турецкіе военачальники остановились и завели съ княземъ Николаемъ мирныя переговоры. Возстаніе Вукаловича еще разъ показало, что Герцеговина не можетъ быть спокойна лишь тогда, когда присоединится къ Черногоріи. Но это было противно интересамъ Австріи, которая потому и ставила преграды Вукаловичу, поддерживая турокъ до такой степени, что даже нарушила нейтралитетъ, захвативши на турецкой землѣ въ Суторинѣ окопы, возведенные Вукаловичемъ.

Дипломатія наша не возвысилась до пониманія настоящаго смысла этого круднаго событія; а если она его понимала, то не нашла въ себѣ достаточно смѣлости, чтобы на этотъ разъ не угодить Австріи, уже готовившей намъ возни въ Польшѣ. Иначе слѣдовало бы тогда же настоять на присоединеніи Герцеговины къ Черногоріи. Еслибъ это случилось, то не было бы и возстанія 1875 года со всѣми его дальнѣйшими послѣдствіями.

Когда ряды черногорскаго войска уже значительно опустѣли въ кровопролитныхъ битвахъ съ турецкими арміями и когда Черногорія приближалась къ краю гибели, наша дипломатія отнеслась къ ней настолько безучастно, что не догадалась вовремя вступиться за нее и спасти отъ доненнаго изнеможенія. Примѣръ посольства гр. Лейнингена былъ налицо. Хорошему примѣру не послѣдовали. За то австрійская политика подсаживала, что чѣмъ больше будетъ потеря силъ у Черногоріи, тѣмъ долѣе останется она въ покое и дипломатія съею не обезпоятъ.

Душевное состояніе, какъ видно изъ опыта, играетъ неимлважную роль въ поведеніи безответственныхъ дипломатовъ.

Постоянное ослабленіе нашей поддержки заставляло князя Николая принужденно склоняться къ Австріи. Когда вспыхнуло въ Кривошіяхъ возстаніе въ 1868 году, вызванное репрутскимъ набегомъ, князь долженъ былъ выставить пограничную стражу и потомъ, въ угоду Австріи, строго наказавъ племя цуцы за помощь, оказанную имъ кривошіямъ. Воевода Маша Врбича, по приказанію князя, прибылъ въ Цуцы и подвергнулъ телѣоному наказанію главныхъ воииковъ, принявшихъ участіе въ борьбѣ возстанцевъ. За такое усердіе австрійскій императоръ наградилъ орденами самого князя и воеводу, содержавшихъ пограничную стражу. Но была ли то игра случая или что иное, только австрійскіе ордена украшили въ большинствѣ тѣхъ же цуцовъ и ихъ воеводу Милоша Андрува Кривошанича, который въ особенности много содѣйствовалъ успѣхамъ возстанцевъ.

Россия имѣла полное право вмѣшаться въ дѣло кривошіианъ, потому что они вмѣстѣ съ Боккою-Которскою были уступлены владикою Петромъ I Австріи, по приказанію императора Александра I и подъ его поручительствомъ въ томъ, что всѣ прежнія права ихъ будутъ сохранены. «Такъ какъ я съ Божіей помощью, — писалъ императоръ къ владыкѣ изъ Парижа отъ 20 мая 1814 г., — заключилъ вмѣстѣ съ моими союзниками миръ, то я уже озабочился и о народѣ бжезскомъ и на основаніи трактата отдалъ его подъ защиту егѣ ближайшему сосѣду — Австрійскому Двору. Мы знаемъ, что вы съ нашими храбрыми черногорцами содѣйствовали изгнанію непріятеля изъ Бокки; поэтому сообщаемъ вамъ не только не препятствовать австрійскимъ войскамъ занять крѣпости, но и пособствовать бжезамъ, чтобы они васъ послушались и не сопротивлялись Австрійскому Двору. Увѣрите народъ бжезскій, что онъ будетъ пользоваться всеми тѣми правами и преимуществами, которыми онъ пользовался съ незапамятныхъ временъ». Но едва ли и самая мысль вмѣшательства приходила въ голову нашимъ дипломатамъ. Кривошіиане своею грудью и за своими скалами отстаивали свое право и заключили съ Австріей миръ въ Кнзелацѣ не какъ подданные, а какъ свободный народъ, находящійся только подъ покровительствомъ еи. Ни въ заключеніи этого мира, ни въ разъясненіи правъ въ отношеніи кривошіианъ къ австрійскому двору князь Горчаковъ не принималъ никакого участія. Бездѣйствіе нашей дипломатіи потворствовало превращенію бжезовъ въ австрійскихъ подданныхъ, а безопасность русскаго представителя, затѣвывающаго нашими сношеніями съ Черногоріей, допустила прислать Австріи увѣщанья успѣхомъ.

Несчастіе для Россіи то, что наша дипломатія держится давно уже отжившей на Западѣ школы Меттерниха-Нессельроде — воображать государство только въ формѣ егѣ кабинета и ограничиваться только кабинетными отношеніями, не желая вовсе знать массу народную и считая еѣ безразличнымъ матеріаломъ управленія. Новыя возрѣванія, еслибы наша дипломатія

усвоила ихъ себѣ, какъ это она должна была сдѣлать, чтобы сравниться силами съ другими кабинетами, дали бы намъ возможность исполнить долгъ патриотизма и не допустить сосѣда усилиться тамъ, гдѣ все было до того времени на нашей сторонѣ. Мы должны были принять участіе въ Кнестлацкомъ договорѣ, охранять силу нашего прежняго поручительства, и этотъ нашъ правильный и разумный образъ дѣйствій предотвратилъ бы и теперашнее возстаніе въ Боккѣ-Боторской. Намъ на исторической правдѣ вызываетъ рано или поздно возмездіе: лишь согласные съ законами исторіи, покоящимися не въ кабинетахъ, а въ существѣ народовъ, поступки приносятъ прочный порядокъ и успокоеніе.

Было ли то по предварительному уговору канцлеровъ, предрѣшавшихъ во время своихъ свиданій восточный вопросъ,—что изобличилъ впоследствии графъ Дерби,—или же единственно по почину одной Австріи, у которой уже чесались руки на захватъ послѣ того, какъ ей обѣщаны были княземъ Горчаковымъ сербскія области въ видѣ Hinterland'a для Далмаціи; но только въ Герцеговинѣ было искусственнымъ образомъ возбуждено возстаніе и поддержано Австріей. Изъ Герцеговины возстаніе перешло и въ Боснію. Черногорія являлась прямою наслѣдницею Герцеговины по единству населенія и религіи, по своему положенію и по тѣснымъ связямъ, искони существовавшимъ между герцеговинцами и черногорцами. Коль скоро уже затѣянъ былъ рѣшительный переворотъ въ этомъ углу турецкихъ владѣній, то безъ Черногоріи обойтись было нельзя: она могла испортить всѣ замыслы Австріи. Нужно было обмануть ее живыми обѣщаніями. Ей посулили почти всю Герцеговину и городъ Спиццу. Князь Николай послѣ этого вѣшался въ дѣла турціи въ Герцеговинѣ и, объявивши войну султану, направился къ главному городу Герцеговины—Мостару. Разумѣется, все населеніе было на его сторонѣ и побѣда открывала ему дорогу далѣе; но усиленіе его власти въ Герцеговинѣ не входило въ расчеты вѣнскаго двора, потому что за исключеніемъ небольшой части южной Герцеговины Австрія прочла всю остальную Герцеговину себѣ. На пути къ Мостару, у Невесиня, австрійскій дипломатическій агентъ въ Черногоріи, Теммель, предсталъ предъ княземъ Николаемъ и не позволилъ ему идти далѣе. Во вторичной войнѣ князь Николай взялъ у турокъ Никшичь, Билечь, Гаццо и направился къ Требнию. И снова предсталъ предъ нимъ Теммель и на этотъ разъ уже грозилъ ему немедленнымъ вступленіемъ австрійскихъ войскъ, если онъ пойдетъ далѣе, ибо,—говорилъ Теммель,—Герцеговина зачислена въ сферу австрійскаго вліянія. Уступая угрозамъ Австріи, князь Николай не пошелъ далѣе, а потомъ передалъ Австріи и то, что уже было въ его рукахъ: Билечь, Невесинье, Гаццо. По Берлинскому трактату Австрія отняла у него и приморскій городъ Спиццу съ окрестностями. За Черногоріей остался лишь небольшой ключокъ Герцеговины съ Нияничемъ въ видѣ подаянн съ жирнаго стола разбогатѣвшаго чужимъ добромъ сосѣда.

Вся эта исторія была продѣлана на глазахъ русскаго дипломатическаго агента. Австріи была дана полная свобода дѣйствія; русскій представитель не обнаружилъ ни малѣйшаго сопротивленія. Темжею, тогда какъ оба они стояли на одинаково для обоихъ чужой почвѣ—турецкой. Или русская дипломатія вдалась въ обманъ, или же сама участвовала въ австрійскомъ заговорѣ. Другаго отвѣта быть не можетъ. Истинные интересы Россіи требовали или не допускать Австрію до обладанія Герцеговиной, а отдать ее Черногоріи, или же предоставить рѣшеніе вопроса болѣе благоприятному времени и людямъ болѣе искуснымъ и твердымъ.

Русская дипломатія умѣла только втянуть Черногорію въ сплетеніе европейской политики и подчинить ее въ войнѣ и мирѣ давленію иностранныхъ кабинетовъ. Въмѣсто того, чтобы поддерживать самостоятельный образъ дѣйствій князя и разоблачать обманные угрозы Австріи, способствовать укрѣпленію за Черногоріей ея приобрѣтеній, русскій представитель запутывалъ себя и ниспускался въ различныя сдѣлки, которыя выдавались за признакъ европейскаго концерта, а въ сущности клонились на руку Австріи. Въмѣстѣ съ прочими агентами онъ ставилъ Черногорію въ положеніе послушницы, подчиненной указаніямъ дипломатовъ, которые, конечно, соображались не съ ея собственными выгодами, а только съ взаимными отношеніями великихъ державъ. Многого ли стоило обидѣть, обмануть маленькое княжество, лишь бы только любезная улыбка довольства не покидала лица товарища канцлера или соедѣннаго министра иностранныхъ дѣлъ...

Если взглянуть на герцеговинскій вопросъ глубже, съ полнымъ знаніемъ мѣстности и народа и—прибавить не мѣшаетъ—патріотичѣе, если повести дѣло разумнѣе и энергичнѣе, то Австріи никогда бы не видать въ своихъ рукахъ Герцеговины. Въ 1876—77 годахъ она не была готова къ военнымъ дѣйствіямъ; въ то время князь Николай, открыто поддержанный Россіей, безпрепятственно занялъ бы всю Герцеговину и упрочилъ бы за собою свое приобрѣтеніе при общемъ ликованіи всего населенія. Только этимъ была бы достигнута цѣль безкорыстнаго вмѣдательства Россіи и кн. Горчаковъ доказалъ бы, что онъ искренно желалъ умиротворенія и благополучія православнаго сербскаго народа, освобождавшаго самого себя отъ притѣсненій турокъ. Но всѣ дипломатическія дѣйствія были направлены не такъ, какъ требовалъ прямой и трезвый взглядъ на событія. О нихъ разбивались кровавыя усилія и жертвы мужественнаго князя черногорскаго и его народа. Стало-быть, существовалъ какой-нибудь уговоръ, по которому заранѣе былъ начертанъ планъ дѣйствій. Событія обнаружили, что этотъ уговоръ былъ въ пользу Австріи и въ ущербъ интересамъ Черногоріи, а потому въ ущербъ интересамъ и Россіи и ея историческимъ требованіямъ, — тому наслѣдію, которое никто изъ русскихъ не можетъ дозволить себѣ расточать напрасно.

Австрія потребовала себѣ морскаго полицейскаго надзора за береговою полосой, доставшеюся Черногоріи по Берлинскому договору. Русская дипломатія не обрѣла въ себѣ достаточной твердости, чтобъ устранить это требованіе, не входившее, какъ частность, въ общія основанія, для которыхъ собирався конгрессъ, и несогласное съ понятіемъ о независимомъ государствѣ, каковыя была признана Черногорія. Допуская этотъ надзоръ, Россія допускала его и надъ своими судами, еслибъ они шли къ берегамъ Черногоріи. Изъ протоколовъ конгресса видно, что этотъ вопросъ прошелъ при полномъ согласіи Россіи какъ по маслу.

По Берлинскому конгрессу Черногоріи досталась прирѣзка въ восточной Албаніи двухъ округовъ—Плавъ и Гусинья. вмѣстѣ съ прочими державами Россія оказалась безсилною заставитьъ турокъ и албанцевъ передать эти округи Черногоріи. вмѣсто нихъ Черногоріи предоставленъ былъ прибрежный городъ Ульцинь съ окрестностями. Турки не сдавали его, потребовалась демонстрація соединеннаго флота великихъ державъ. Англія дѣйствовала весьма энергично. Видно было, что Гладстонъ идетъ впередъ той самой политики, которая всегда надлежала намъ, но нами не велась по робости. Представлялся для Россіи удобный случай не только тѣснѣе сойтись съ Англіей ради тѣхъ гуманныхъ и непреложныхъ началъ, которыя провозглашены были Гладстономъ въ его незабвенныхъ для славянъ мидлотіанскихъ рѣчахъ, но и возстановить, при содѣйствіи Англіи, тотъ самостоятельный, твердый и прямой образъ дѣйствій, отъ котораго при князѣ Горчаковѣ въ дѣлахъ внѣшней политики отвыгла Россія. И что же?—Нота статсъ-секретаря Гирса не только отклоняла предложеніе Гладстона, но и достаточно ясно давала почувствовать, что Россія склоняется на сторону Австріи и Германіи, которыя продолжали мирволить Турціи и держали себя сдержанно и не безъ двусмысленности. Въ нотѣ содержалось даже небольшое поученіе насчетъ умѣренности и воздержанія,—разумѣется, по адресу Англіи. Трудно было объяснить на этотъ разъ поведеніе русской дипломатіи. Ощущалось какое-то упорное, противное всему русскому народу связываніе себя съ тою державою, которая въ послѣдніе годы поставила задачей всей своей политики сооруженіе своего господства на развалинахъ русскаго вліянія. Ульцинь былъ наконецъ сданъ черногорскому князю. Въ бесѣдѣ съ представителемъ Франціи статсъ-секретарь Гирсъ выражалъ удовольствіе по поводу развязки черногорскаго вопроса; но не преминулъ высказать заботу, чтобы Австрія установила свой морской полицейскій надзоръ надъ берегомъ, вновь отходящимъ къ Черногоріи. Разговоръ этотъ напечатанъ въ «Красной книгѣ», розданной французской палатѣ. Можно бы было ожидать противнаго отъ представителя русской дипломатіи, такъ какъ побережье Ульцина не имѣлось въ виду Берлинскимъ конгрессомъ и потому не существовало никакого обязательства къ ограниченію его надзоромъ Австріи. Основаніе было достаточное, чтобъ отстоять хотя на этомъ влччѣ право независимой Чер-

горія на безконтрольное пользованіе своими водами. Съ русской точки зрѣнія представляется совершенно непонятнымъ столь благодарное отношеніе къ исключительно австрійскимъ интересамъ.

По мѣрѣ того, какъ Россія добровольно поступалась самостоятельностью ея вліянія въ Черногоріи въ пользу чужихъ интересовъ, князь Николай волею-неволею долженъ былъ склониться на сторону Австріи. Онъ рѣшилъ, что отнынѣ страна его становилась въ зависимость отъ вѣннскаго кабинета. Онъ добѣжалъ просить австрійскаго императора о возвращеніи ему Билеча и Спидцы, но вмѣсто этихъ городовъ получилъ въ даръ коляску и четверню лошадей—не безъ намека, что непріятная съ вѣнскими только горными тропинками Черногорія должна, по повелѣнію императора Франца-Иосифа, прорѣзаться вдоль и поперекъ шоссевыми дорогами и часть къ ногамъ перваго австрійскаго генерала, котораго ведутъ съ войскомъ для ея занятія. Теперь уже продолжена дорога изъ Котора чрезъ Негуни въ Цетинье и отсюда въ Рѣку, и прокладываются двѣ другія: одна — изъ Рѣки чрезъ Лешанскую нахію въ Даниловградъ, откуда развѣтвляется на Никшичъ и Подгорицу; другая—изъ Анвары чрезъ гору Суторманъ на Виръ-Базаръ до Стутарскаго озера. Эта послѣдняя дорога, прорѣзывая Суторманъ, открываетъ доступъ въ Цермичкую нахію и къ самымъ населеннымъ и богатымъ мѣстностямъ Черногоріи, отдавая ее со всеми важнѣйшими ея населенными пунктами и долинами во власть непріятеля. Высадка подъ прикрытіемъ флота у Анвары—дѣло чрезвычайно легкое. Предусмотрительность Австріи была настолько велика, что она еще при владыкѣ Петрѣ II купила у него узкую полосу, идущую отъ Котора по берегу залива до самыхъ Пастровичей. Изъ этой-то полосы она теперь проведетъ въ Цетинье извѣстную дорогу, скрытую со стороны Черногоріи до самаго Жбаньева. Дола вершинами горныхъ кражей Врмаца и Горажды, такъ что австрійскія войска, подъ защитою крѣпостей на этихъ горныхъ вершинахъ, могутъ незримо для черногорцевъ очутиться не болѣе какъ въ пяти-шести часахъ отъ Цетинья, тогда черногорцамъ уже не будетъ достаточно времени, чтобы приготовить сопротивление на Крстацѣ передъ Негушами.

Неизвѣстно, съ какою цѣлью русскій военный агентъ, кажегся, Г. Кульбарсъ, усиливался доказать опасность для Черногоріи этихъ дорогъ. Вообще одного вопроса: больше ли противъ прежняго будетъ защищена Черногорія, когда ея прѣшходныя тропинки превратятся въ шоссейныя дороги? Если нѣтъ, то нечего и разсуждать о дорогахъ. Несмотря на обозначенную дорогу изъ Котора въ Цетинье, черногорцы продолжаютъ ходить по старой дорогѣ, потому что она короче, а крутизна ея не для нихъ неудобна, но для непріятеля. Любой черногорецъ скажетъ: дороги намъ не нужны.—у насъ нѣтъ никакой производительности для того, чтобы прокладывать къ намъ торговые пути. Если австрійцы ведутъ у насъ дороги, то затѣмъ только, чтобы въ одинъ несчастный для насъ

день завоевать нашу страну. И эти дороги Австрія проводитъ на свой счетъ, руками бѣдныхъ черногорцевъ, не жалѣя милліоновъ флориновъ на это важное для нея стратегическое предпріятіе въ чужомъ и независимомъ княжествѣ. Странныя вещи творятся подъ глазами мѣстнаго русскаго дипломата, г. Юнина, который, вѣроятно, тоже находитъ эти дороги полезными съ точки зрѣнія русскихъ интересовъ... Вскорѣ народъ черногорскій не безъ жгучей боли въ сердцѣ увидитъ своего князя въ своей независимой странѣ развѣзжающаго по австрійскимъ дорогамъ на нѣмцкихъ коляскахъ вѣнской работы. Неужели не нашлось у нашего министерства иностранныхъ дѣлъ подъ рукою такого дипломата, который съумѣлъ бы противустать всемогущему Теммелю?

Этотъ Теммель, какъ тѣнь, неотступно преслѣдуетъ князя Николая, наблюдая за всѣми дѣйствіями княжескаго управленія и за всѣмъ, что дѣлается во владѣніяхъ князя. Изучивши и исхлѣдивши Черногорію вдоль и поперекъ, не гнушаясь, какъ другіе дипломаты, обхожденіемъ съ народомъ, Теммель давно уже составилъ планъ на случай занятія Черногоріи австрійскими войсками. У Россіи, при ея вѣковыхъ связяхъ съ Черногоріей, не оказалось даже карты Черногоріи. На Берлинскомъ конгрессѣ руководствовались картою австрійскаго генеральнаго штаба. Въ полномъ сознаніи неотразимаго вліянія Австріи, готовой поддержать его военною силою, Теммель не стѣсняется посѣщать даже засѣданія княжескаго совѣта, бывающіе подъ предѣдательствомъ самого князя и недоступны для постороннихъ лицъ. Гдѣ самъ онъ не успѣетъ побывать, тамъ бываетъ его секретарь Карабанчъ. Назойливость его не знаетъ границъ. Вѣрный и усердный служитель интересамъ Австріи, онъ иногда терпѣливо переписитъ, для пользы порученнаго ему дѣла, и самыя непріятности, съ нимъ случающіяся, когда, напримѣръ, его выталкиваютъ, какъ надобнаго посѣтителя, изъ княжескаго совѣта во время тайнаго засѣданія. Рассказываютъ, что въ одно время онъ интересовался депешами г. Юнина, чтобъ узнать ихъ содержаніе, которое, по обыкновенію, передавалось на французскомъ языкѣ, онъ отыскалъ телеграфиста, наторѣлаго въ своемъ ремеслѣ, и поставилъ его подъ окно, возлѣ котораго дѣйствовалъ телеграфный аппаратъ. Прислушиваясь къ постукиваніямъ аппарата, телеграфистъ по нимъ узнавалъ содержаніе депеши и передавалъ его Теммелю. Продѣлка эта была замѣчена, хотя, по правдѣ сказать, едва ли русскія депеши заключали въ себѣ что-либо важное. Теммель держитъ себя просто, но твердо и рѣшительно. Не ѣзжало бы кому слѣдуетъ помнить остроуміе Стильмана, корреспондента Times'a, когда онъ былъ въ Черногоріи. Возвращаясь однажды съ рыбной ловли въ рѣкѣ Зетѣ, онъ встрѣтился съ Теммелемъ. Этотъ спросилъ его: «Вы охотникъ до рыбной ловли?» — «Да, — отвѣчалъ Стильманъ, — я люблю ловить рыбу, какъ и вы; но только я ловлю ее въ чистой водѣ, а вы ловите ее въ мутной».

Опутанный сѣтями политики великихъ державъ, сбиваемый представленіемъ къ нему добрыми совѣтниками съ ихъ платоническими возжеланіями въ то же время угрожаемый суровою дѣйствительностію въ лицѣ Темеля, князь Николай долженъ былъ наложить руку на всегдашнихъ кѣркихъ и преданныхъ ему герцеговинцевъ, а съ ними отчасти и на свою ернгорію. Онъ удержалъ Сечлицу, Пека Павловича и другихъ воеводъ къ вооруженнаго сопротивленія австрійскимъ войскамъ, пришедшимъ захватить Герцеговину; поэтому и туземные магометане, во главѣ которыхъ князь Ченгичъ-ага, должны были притихнуть. Послѣ того онъ велѣлъ идти австрійскимъ властямъ и всѣхъ герцеговинцевъ, укрывшихся въ ернгоріи; а эти юнаки, никогда не полагавшіе оружія и никому не дававшіеся, были обезоружены австрійцами. Оставались въ Черногоріи вторые герцеговинскіе воеводы, какъ-то: Божко Гузина, Мило Степановичъ, Никола Гругуръ, Джоко Вишничъ,—и они, какъ и всѣ черногорцы, имѣли на себѣ оружіе; но всемогущій Темель пригрозилъ, что или они не будутъ обезоружены и выгнаны изъ Цетинья; то на Орломъ Ершу, въ виду Цетинья, будетъ развѣваться черножелтое знамя,—требованіе его было исполнено.

Не безъ участія можно относиться послѣ всего этого къ тому положенію, которое русскій министръ-резидентъ занимаетъ въ Черногоріи. Держать себя съ подобающимъ достоинствомъ, пользоваться высокою дружбой князя, имѣть при себѣ гѣлехранителей, которыхъ и Темель не смѣлъ,—дѣло херошее; но желательно бы было, чтобъ ощущался и тотъ мощный отпоръ, со стороны Россіи, австрійскимъ притязаніямъ, который не позволялъ бы Австріи, на глазахъ у русскаго представителя, затягивать глухою петлей и приковывать къ своимъ исключительнымъ интересамъ Черногорію,—ту самую Черногорію, которая со временъ Петра Великаго не переставала русскихъ царей признавать своими.

Вообще для русскаго, пребывающаго въ Черногоріи, недостаточно посѣщать только княжескій конякъ, чуждаясь народа, засыпать сладкимъ шномъ среди осторожной тишины въ княжескомъ покоѣ, или, какъ другіе дѣлаютъ, носить золотыя запыстыя и шеголять кажими-то тысячными издержками; недостаточно слышать, какъ тотъ же Темель вслухъ передъ народомъ издѣвается надъ Россіей и онъ будто бы безсиліемъ; видѣть его вагло нарушающаго приличіе относительно дружелюбной державы и не моющаго траура по случаю кончины Русской Императрицы; тогда какъ генералъ Далекъ, помощникъ главнокомандующаго въ Босніи и Герцеговинѣ, герцога Виртембергскаго, имѣлъ на себѣ трауръ, когда былъ въ Дубровникѣ и Цетинѣ и на пароходѣ «Ерцгерцогъ Максимилианъ», везшемъ его до Триеста. Недостаточно затѣвать поземельный банкъ, который, къ счастью, не состоялся, ибо иначе много черногорскихъ семей, обидѣвшихъ въ послѣднюю войну, остались бы безъ земли,—ихъ земля перешла бы черезъ руки нѣмецкихъ и еврейскихъ банкировъ къ австрій-

скими проходившими; или на пошибнице храбрить черкесцами, пресидяши гдѣ-то вдали отъ неприятельскихъ выстрѣловъ; хвалиться, что и я, молъ, былъ на войнѣ; или же обыденными совѣтами миротворчества смущать и заглушать въ другихъ высшія требованія долга и правъ человечности.

Въ *Politische Correspondenz* напечатано достоверное извѣстіе, что г. Юннъ выразилъ князю Николаю отъ имени русскаго правительства удовольствіе за вполне частный относительно Австріи образъ дѣйствій и увѣренность, что и впредь князь такъ же точно будетъ держать себя въ виду восстанія въ Герцеговинѣ. Смыслъ этого официального заявленія понятенъ: князю, конечно, было совѣтовать князю Николаю никакого иного, какъ только легальнаго, поведенія относительно державы, съ которой онъ не состоитъ въ войнѣ, тѣмъ болѣе, что, какъ утверждаетъ извѣстіе, въ петербургскихъ высшихъ сферахъ убѣждены, что мятежное (?) восстаніе будетъ подавлено въ скоромъ времени. Но вотъ вопросъ: со стороны русскыхъ интересовъ нужно ли было дѣлать какое бы то ни было заявленіе князю Николаю? Сдѣлано ли было подобное Англіей или Франціей? Почему же Россіи понадобилось высказаться предъ княземъ Николаемъ? Австрійскія официальныя и полуофициальныя газеты стараются увѣрить Европу, что восстанія нѣтъ, а происходятъ только ничтожныя попытки «разбойничества». Полуофициальный органъ русскої дипломатіи, *Journal de St. Pétersbourg*, перепечатываетъ только такія выдержки, которыя ложно умаляютъ размѣры и значеніе восстанія, явно поддерживая тѣмъ австрійскую правительственную печать. Австрія хлопочетъ, чтобы князь Николай заперъ наглухо свои границы отъ кривошіянкъ и герцеговинцевъ; она даже готова дать князю денежное пособіе на содержаніе пограничной стражи. Заявленіе Россіи подтверждаетъ требованіе Австріи. Но спрашивается: въ интересахъ ли Россіи оказывать совместно съ Австріей давленіе на Черногорію? Не есть ли это предосторожность, чтобы дѣла не осложнились и не обезпечили вновь дипломатовъ, заставивши ихъ напрягать свои умы въ браше вѣчному рѣшению вопроса, а можетъ быть и въ созванію какой-нибудь неприятой для Австріи конференціи?.. Цѣль Австріи та, чтобы сосѣди не мешали, а Европа вѣрила бы, что шалаютъ только разбойники, а не все поголовно восстало населеніе Герцеговины. Поддерживать въ этомъ случаѣ Австрію значило бы продолжать дальнѣйшее развитіе берлинскихъ уставовъ, въ чему Россія уже не обязана. Берлинскій конгрессъ долженъ былъ знать, что австрійскій способъ умиротворенія состоитъ въ тюрьмахъ, висѣлицахъ, разстрѣливаніи, какъ это было, надрифуъ, въ Италіи. Русскіе уполномоченные, которые не обязаны были смѣрять на Австрію глазами англійскихъ торгивъ, или сочувственно относиться къ ней во имя германской колонизаціи Востока, не могли не знать, что Австрія служила главнымъ источникомъ смутъ и восстаній въ турецкихъ владѣніяхъ. Поэтому-то Санъ-

Стефанскій договоръ, продолжающій оставаться нравственно-обязательнымъ для каждаго русскаго, а слѣдовательно и для дипломата, какъ актъ вободной и державной воли русскаго Императора въ неразрывной связи о всею Россіей, и устранилъ такого рода умиротвореніе, предоставивши Герцеговинѣ и Босніи самоуправленіе. Связавши участіе Австріи въ босно-герцеговинскомъ вопросѣ контролемъ Россіи, графъ Игнатъевъ, какъ показываютъ нынѣшнія событія, понималъ этотъ вопросъ лучше, чѣмъ князь Орчаковъ, заявившій Берлинскому конгрессу, что въ этомъ вопросѣ Россія «не заинтересована». Во имя народной чести и оставаясь вѣрными самимъ себѣ, мы не можемъ отказаться ни отъ началъ Санъ-Стефанскаго договора, ни отъ мысли, выраженной въ правительственномъ сообщеніи слѣдующими словами: «Императорскій кабинетъ предлагалъ другое основаніе для разграниченія, болѣе рациональное и справедливое—принципъ національности большей части населенія,—принципъ, который давалъ бы полную свободу развитія всѣхъ народовъ въ ихъ естественныхъ границахъ». Если такова цѣль русскаго правительства, то дипломатія не можетъ и не имѣетъ права уклоняться отъ нея. Если умиротвореніе, предоставленное Австріи, привело къ такому же или еще болѣе сильному возстанію герцеговинцевъ, то принципъ русскаго правительства долженъ быть вновь выставленъ, пока кровь вновь задушеннаго Австріей народа не пала жгучимъ пятномъ и на ея пособниковъ. Выходъ есть и вполне удобный: присоединить Герцеговину къ Черногоріи. Князь Николай, мужественный вождь неустрашимаго народа, стяжавшій себѣ, несмотря на свое отбѣнительное положеніе подъ австрійскимъ давленіемъ, любовь своего народа, довѣріе и уваженіе Европы, успѣвшій умиротворить присоединенныя къ Черногоріи округи съ прежде враждебнымъ албанскимъ и турецкимъ населеніемъ,—представляетъ лучший залогъ того, что Герцеговина, неразрывно связанная съ Черногоріей всѣми другими узами единенія, кромѣ только политическихъ, будетъ прочно и навсегда умиротворена не вѣнскою силой, но нравственнымъ чувствомъ успокоенія. Россія въ этомъ случаѣ поступитъ согласно съ торжественнымъ своимъ заявленіемъ, что войну съ Турціей она предпринимала «изъ чувства христіанскаго, чувства человеколюбія,—того чувства, которое охватываетъ всякаго честнаго человѣка при видѣ вопіющаго зла». Охватило ли это чувство нашу дипломатію при видѣ вопіющаго австрійскаго зла?...

А. Майковъ.

Хроника французской жизни.

Гг. Мирибель и Вейссь. — Вопрос о пересмотрѣ конституціи. — Вишнія дѣла. — Процессъ Рошфора. — Избраніе въ сенаторы майора Лабордеръ. — Положеніе министерства. — Флоке префектъ Сены и Камескасъ префектъ полиціи. — Уличные безпорядки и митингъ въ Елузѣе Мон-мартре. — Перепись Парижа. — Финансовый погромъ. — Новыя книги: «Радикалисты», Жюль Рейнахъ, и «Ламенце и его ученіе», аббата Рикаръ. — Обзоръ періодическихъ изданій. — Театры. — Выставка Верещагина. — Ночлежные пріюты. — Похороны Герольда.

Ошибка, которую весьма часто дѣлають государственные вожди, это — стараніе обратить въ союзниковъ своихъ политическихъ враговъ. Наполеонъ I-й призывалъ къ себѣ на службу эмигрантовъ. «Они такіе прекрасные служаки», — говорилъ онъ. Ему пришлось узнать, по горькому опыту, что прекрасные служаки могутъ быть еще лучшими измѣнниками. Гамбетта, представитель средней буржуазіи, недовольный политическими способностями своихъ приверженцевъ, сдѣлавшись президентомъ совѣта министровъ, впадаетъ въ ту же ошибку и также обращается за содѣйствіемъ къ своимъ политическимъ врагамъ. Первый примѣръ — назначеніе генерала де-Мирибель начальникомъ главнаго штаба. Когда маршалъ Макъ-Магонъ задумалъ государственный переворотъ, на который у него не достало энергіи, генералу де-Мирибель было поручено подготовить пути къ этому перевороту, что и доказано слѣдственной комиссіей, учрежденной для провѣрки дѣйствій министерства 16-го мая 1877 года. Докладчикомъ комиссіи былъ Бриссонъ, нынѣшній президентъ палаты. Агенты этой махинаціи опозорены въ общественномъ мнѣніи, хотя и не было достаточно данныхъ для привлеченія ихъ къ законной отвѣтственности. Теперь же они вознаграждаются за свои доблести. По поводу этого назначенія въ палатѣ поднялся ропотъ; депутатъ Кловисъ Гюгъ потребовалъ объясненія. Гамбетта остановилъ отвѣтъ министра; депутатъ Море съ яростью воскликнулъ: «Вителлій не хочеть!» Непримируемая пресса подхватила это прозвище и прикнула его къ имени Гамбетты. Что же отвѣчаетъ Гамбетта на вопросъ, почему онъ выбираетъ себѣ сподвижниковъ между врагами республики? — Онъ говоритъ, что «они способны, способнѣе другихъ», а бонапартистскіе органы толкуютъ, безъ обиняковъ, что какъ только возстановится генеральный

штабъ въ прежнемъ составѣ, то возстановленіе имперіи обезпечено. Назначеніе Вейсса на одну изъ главныхъ должностей министерства иностранныхъ дѣлъ еще сильнѣе возбудило общее негодованіе. Это—журналистъ, весьма ловко владеющій перомъ. Онъ приобрѣлъ себѣ извѣстность, завѣдуя политическимъ отдѣломъ въ *Journal de Débats*. Онъ не щадилъ имперіи; его статьи были всегда переполнены коварными, хотя неуловимыми инсинуаціями противъ нея. Впрочемъ, этотъ политическій отдѣлъ того времени можно назвать трудомъ коллективнымъ,—каждый академикъ съ радостью прибавлялъ отъ себя фразу, лишь бы какъ-нибудь кольнуть цезаря. Затѣмъ Вейссъ перешелъ въ *Journal de Paris*, органъ орлеанистовъ, и сдѣлался членомъ орлеанитско-республиканской коалиціи послѣдняго періода имперіи; тутъ онъ столкнулся съ Спюллеромъ и Гамбеттой, орудовавшими въ то время противъ Наполеона III-го и обѣщавшими поддержку молодой Турціи въ лицѣ Мустафы-Фазиля, брата вице-короля египетскаго. Наивный египтянинъ, благодаря этимъ обѣщаніямъ, истратилъ нѣсколько милліоновъ. Взаимное знаніе тайнъ установило нѣкоторую солидарность между людьми весьма различныхъ мнѣній. Въ этотъ дѣятельный періодъ своей карьеры Вейссъ получалъ секретныя субсидіи отъ нѣсколькихъ иностранныхъ правительствъ: фактъ, не вполне совмѣстимый съ его новымъ назначеніемъ. На новомъ поприщѣ ему не рѣдко придется сталкиваться съ тѣми самыми лицами, которыя снабжали его фондами въ качествѣ анонимнаго редактора. Въ послѣднее время Вейссъ былъ редакторомъ *Revue politique et littéraire* и газеты *Figaro*. *Figaro* издаетъ альманахъ, гдѣ, между прочимъ, представлено изображеніе его редакторовъ, осыпающихъ стрѣлами несчастную Республику, и во главѣ стрѣльцовъ изображенъ Вейссъ. За три дня до своего назначенія онъ напечаталъ въ *Figaro* статью, подписанную его именемъ, въ которой онъ нападаетъ на реформу женскаго образованія, предполагаемую министромъ народнаго просвѣщенія Поль-Беромъ. На возраженія своихъ друзей Гамбетта отвѣтилъ, что ему необходимо первоклассное перо для составленія будущихъ дипломатическихъ нотъ; въ сущности Гамбетта начинаетъ сближаться съ орлеанистами. Были тогда о проиводетѣ герцога де-Шартръ въ бригадные генералы но это вызвало ядовитые сарказмы и кабинетъ долженъ былъ отложить свое намѣреніе на неопредѣленное время. Когда Наполеонъ I привлекалъ къ себѣ на службу легитимистовъ, никто не заподозривалъ его въ пристрастіи къ нимъ; Гамбетта не сумѣлъ внушить къ себѣ достаточно довѣрія,—его партія боится, что онъ поддастся влиянію окружающей его среды. Авторитетъ его значительно пошатнулся. Проектъ пересмотра конституціи очень хорошъ во многихъ пунктахъ, но большинство возстаётъ противъ включенія въ конституцію выборовъ по спискамъ.

Гамбетта не дерзаетъ требовать отъ палаты утвержденія выборной системы иной, чѣмъ та, въ силу которой нынѣшняя палата существуетъ,

ибо въ такомъ случаѣ палатѣ пришлось бы быть раскущенной. Онъ хлопочетъ собственно о призваніи желательной ему системы выборовъ по спискамъ пока только въ принципѣ, съ тѣмъ, чтобы самый законъ былъ выработанъ и вѣтированъ въ концѣ срока полномочій нынѣшнихъ депутатовъ. Предполагается измѣнить систему выборовъ сенаторовъ такъ, чтобы каждые пятьсотъ гражданъ избирали по одному уполномоченному, которые и будутъ избирать сенаторовъ. Несмѣняемыхъ сенаторовъ предполагается болѣе не имѣть, съ тѣмъ, чтобы нынѣ существующіе дожили свой вѣкъ въ этой должности; сенаторовъ, выбираемыхъ самимъ сенатомъ, думаютъ замѣнить выбранными обѣими палатами врозь, но по общему большинству голосовъ; затѣмъ хотѣтъ отнять у сената всякую инициативу въ обсужденіи бюджета. Гамбетта настаиваетъ на томъ, чтобы на обсужденіе конгресса были представлены только заранее опредѣленные вопросы. Во всякомъ случаѣ онъ долженъ приготовиться на отчаянную борьбу со стороны сената противъ осуществленія задуманныхъ имъ реформъ.

Что касается до внѣшней политики, то палата утвердила торготорый трактатъ съ Италіей, но договоръ съ Англіей до сихъ поръ не утвержденъ. Состоялось за то соглашеніе между Англіей и Франціей насчетъ египетскихъ дѣлъ; это соглашеніе раздражаетъ Италію, — ее отстраняютъ отъ вѣшательства въ Каирѣ, точно такъ, какъ не допустили ее принять участие въ тунисскихъ дѣлахъ. Коллективная нота консуловъ обѣихъ державъ заявила хедиву, что онъ будетъ волей-неволей защищенъ отъ своихъ подданныхъ. Если правительство раззорило финансы страны и запутало ее въ долги, то справедливо ли наложить руку не только на доходы, но и на свободу страны? Чтобы защитить интересы банкировъ, ссудившихъ Египту свои капиталы по самымъ безобразнымъ процентамъ, Англія и Франція обращаютъ хедива въ вассала; въ одинъ прекрасный день онъ прикажутъ ему распустить армію, а если она воспротивится, онъ способенъ уничтожить ее и Египту придется распротиться съ своею независимостью. Онъ заплатитъ свои долги цѣною своего существованія и обратится въ франко-англійскую колонію, или вѣрнѣе — англійскую. Большая часть акцій Суэзскаго канала въ рукахъ англичанъ. Англія воспользуется содѣйствіемъ Франціи, чтобы вытѣснить туземцевъ изъ управленія краемъ, а затѣмъ перевѣсъ останется на ея сторонѣ и Франція врядъ ли захочетъ его опоривать. Для Англіи Египетъ особенно важенъ; она напомнитъ Франціи тунисскій протекторатъ, пригрозитъ ей вѣшательствомъ въ тунисскія дѣла — и Франція навѣрно поддастся. Вотъ перспектива, которая рисуется въ настоящую минуту. Какъ бы ни были краснорѣчиво редактированы дипломатическія ноты Вейсса, сомнительно, чтобы внѣшняя политика Гамбетты заслужила бы въ данномъ случаѣ признательность Франціи и одобреніе Европы.

Французскому генеральному консулу въ Александріи назначено, какъ говорятъ, разыгрывать при хедивѣ роль Рустана при тунисскомъ бѣѣ, то-

есть тяготѣть надъ нимъ своимъ вліяніемъ, оставивъ ему однѣ вѣщныя прерогативы власти, — однимъ словомъ, относиться къ нему такъ, какъ относятся англійскіе резиденты къ индійскимъ принцамъ. Изъ-за того, чтобъ упрочить интересы Англій въ Египтѣ, Франція рискуетъ оттолкнуть отъ себя весь мусульманскій міръ и не получить за всѣмъ тѣмъ никакихъ выгодъ для себя.

Весь Парижъ былъ сильно заинтересованъ процессомъ Рустава, возбужденнаго судебнаго преслѣдованія противъ Рошфора, редактора газеты *Intransigeant*. Публика ожидала интересныхъ обличеній и ихъ было не мало; весь официальный міръ высказался за Рустава и онъ, вѣроятно, одержалъ бы побѣду надъ противникомъ, но его погубили сношенія съ подозрительными лицами. Камилль Пельтанъ, редакторъ журнала *La Justice*, ѣздившій собирать свѣдѣнія на мѣстѣ, разоблачилъ отношенія Рустава къ г-жѣ Еліасъ, весьма красивой женщинѣ пользовавшейся черезъ него большимъ вліяніемъ въ финансовомъ мірѣ; банкиры много переплатили ей, а Руставъ дошелъ до того, что задумалъ свергнуть съ престола царствующаго бея и замѣнить братомъ его, Таибъ-беємъ, съ условіемъ, чтобъ его возлюбленная получила за это приличное вознагражденіе. «Я слышалъ отъ самого Таибъ-бея, — сказалъ Пельтанъ на судѣ, — что ему предложено было сѣсть на престолъ съ условіемъ, что онъ подпишетъ на имя г-жи Еліасъ обязательство въ полтора милліона франковъ, подлежащее уплатѣ въ день его возшествія на престолъ. Таибъ-бей отказался».

Передъ тунисскимъ походомъ, въ газетѣ *La république Française*, органѣ Гамбетты, явился цѣлый рядъ статей о ненадежности тунисскихъ облигацій, вслѣдствіе чего фонды эти понизились; люди, знакомые съ тайными намѣреніями официальныхъ сферъ, покупая эти облигаціи по низкой цѣнѣ, имѣли въ виду огромный барышъ; въ тотъ день, когда тунисскіе финансы поступили подъ контроль Франціи, повышеніе бумагъ было обезпечено. Кто-то узналъ, что нѣкто Дефоссе орудовалъ этою биржевою спекуляціей; спрошенный на судѣ, онъ отвергъ обвиненіе Рошфора, но сознался, что проектъ статей былъ представленъ на разсмотрѣніе самого Гамбетты и отъ него получено разрѣшеніе помѣстить ихъ въ *République Française*. Всѣ очень удивились, а еще болѣе, когда узнали со словъ самого Рустава, что онъ, консуль Франціи въ Тунисѣ, посылалъ корреспонденціи въ газету *La France*; будучи правительственнымъ агентомъ, онъ подстрекалъ къ войнѣ и полемизировалъ въ органѣ финансистовъ, заинтересованныхъ въ томъ, чтобъ экспедиція осуществилась.

Бартедеми Сентъ-Илеръ энергично защищалъ своего бывшаго подчиненнаго. Онъ заявилъ, что, самъ онъ, настаивая на снаряженіи экспедиціи, исполнилъ тѣмъ завѣтное желаніе его предшественниковъ по министерству иностранныхъ дѣлъ за послѣднее двадцатипяти-лѣтіе; онъ возмущался нравственною шуткой, которой подвергается Руставъ при заключеніи сво-

ей служебной карьеры. Нельзя сказать, чтобы процесс выяснилъ какія-нибудь документальныя доказательства безчестности Рустана; но общество, въ которомъ онъ вращался, было крайне подозрительно, а пословица гласитъ не даромъ: «Скажи мнѣ, съ кѣмъ ты водишься, — скажу тебѣ, кто ты таковъ». Предсѣдательствующій на судѣ явно склонялся на сторону Рустана и весьма недоброжелательно относился къ его противникамъ. Онъ остановилъ предшественника Рустана въ Тунисѣ, де-Биллинга, сказавъ ему: «Прошу васъ не воображать, что вы находитесь здѣсь въ публичномъ собраніи», намекая тѣмъ на участіе Биллинга въ народныхъ митингахъ.

Если чувство досады проглядываетъ въ показаніяхъ де-Биллинга, то недобросовѣтность правительственныхъ агентовъ выяснилась въ самыхъ неблагоприятныхъ формахъ. Дефоссе, достигшій черезъ свои статьи, помѣщенныя въ *République Française*, съ согласія Гамбетты, пониженія тунисскихъ фондовъ, не что иное какъ адвокатъ, исключенный изъ списковъ присяжныхъ повѣренныхъ. Роль, разыгранная Леономъ Рено, бывшимъ полицейскимъ префектомъ, также очень некрасива. Онъ ѣздилъ предлагать бею сдѣлку, въ силу которой составлялась французская компанія, имѣющая право выпускать ассигнаціи въ регентствѣ, и угрожалъ бею раззореніемъ, если онъ не согласится подписать договоръ. Невозможно допустить, чтобы эти люди дѣйствовали наудачу.

Генераль-прокуроръ Дофинъ говорилъ съ большимъ жаромъ. Онъ указалъ на дурное общество, въ которое попалъ по неволѣ Рустанъ въ чужой странѣ, въ этомъ варварскомъ восточномъ краѣ, гдѣ его обязанность была сближаться со всѣми безъ разбора; но Рустанъ далъ явныя доказательства, что общество, порицаемое прокуроромъ, пришлось ему какъ нельзя болѣе по сердцу. Дофинъ заключилъ свою рѣчь воззваніемъ къ присяжнымъ не забывать, что ихъ приговоръ затронетъ честь правительства и что оправданіе Рошфора поведетъ Рустана на скамью подсудимыхъ. Тѣмъ не менѣ обвиненіе Рустана было признано неправильнымъ, а Рошфоръ оправданъ; но Рустанъ не только не попалъ на скамью подсудимыхъ, но отправленъ обратно въ Тунисъ.

Развязка процесса Рошфора—первое фіаско новаго кабинета. Чтобы кончить съ процессами, возбужденными противъ Рошфора, слѣдуетъ упомянуть о неудачѣ Шальмель-Лакура, французскаго посланника въ Лондонѣ, предъявившаго искъ въ 20.000 франковъ противъ Рошфора за сдѣланное имъ замѣчаніе, что биржевые маневры Дефоссе въ *République Française* происходили въ то время, когда Шальмель-Лакуръ состоялъ редакторомъ политическаго отдѣла газеты. Рошфоръ имѣлъ менѣ шансовъ быть оправданнымъ въ исправительной полиціи, чѣмъ судомъ присяжныхъ. На его счастье, судебный приставъ пропустилъ какую-то формальность при вызовѣ въ судъ, срокъ обжалованія прошелъ, Шальмель-Лакура присудили къ уплатѣ судебныхъ издержекъ, а Рошфоръ на сей разъ опять вышелъ невредимымъ. Въ Лондонѣ Шальмель-Лакуръ не пользуется

и влияніемъ: иные говорятъ, что лондонское общество шокировано его авторитарными привычками; другіе увѣряютъ, что англійскіе министры едовольны его сочувствіемъ къ Ирландіи; въ общемъ итогъ утверждаютъ, что его положеніе не совсѣмъ пріятное, что онъ не сумѣлъ войти въ роль представителя Франціи при англійскомъ дворѣ.

На выборахъ въ сенатъ Викторъ Гюго избранъ лучше всѣхъ. Фрейлине былъ выбранъ одновременно четырьмя коллегами. Онъ пользуется большою популярностью; онъ умѣренъ и миротворенъ въ своихъ убѣжденіяхъ; ему предстоитъ блестящее будущее—предсѣдательство въ сенатѣ, а можетъ-быть и еще высшій постъ при могущемъ, по всѣмъ вѣроятіямъ, произойти министерскомъ кризисѣ. Выборы въ сенатъ въ общемъ итогъ оказались не въ пользу оппортунизма, что особенно замѣтно по избранію въ сенаторы майора Лабордера, о которомъ въ первый разъ заговорили, когда маршалъ Макъ-Магонъ, собираясь распустить палату и желая имѣть войско подъ рукою, разослалъ начальникамъ корпусовъ инструкціи, которыя большею частью остались въ тайнѣ. Генералы собрали офицеровъ и приказали имъ быть наготовѣ двинуться. Но противъ кого?—Противъ Парижа и можетъ-быть парламента. Майоръ Лабордеръ вышелъ изъ рядовъ и объявилъ, что если дѣло коенется государственнаго переворота, онъ переломитъ свою шпагу. Его разжаловали, а при вступленіи Греви въ управленіе опять произвели въ прежній чинъ, и вотъ онъ сталъ сенаторомъ, товарищемъ маршала Канробера, руководившаго государственнымъ переворотомъ 1851 г. По поводу исторіи майора Лабордера была поднята цѣлая полемика о военной дисциплинѣ. Возникъ вопросъ, должна ли военная дисциплина быть безусловной?—«Да», отвѣчали консерваторы. Но когда генералъ Пишгрю обязался сдать Австріи свою армию, обязаны ли были солдаты содѣйствовать измѣнѣ отечеству? Когда въ государствѣ существуетъ конституція, имѣетъ ли солдатъ право дѣйствовать противъ нея изъ повиновенія военному начальству? Человѣческая совѣсть возмущается противъ пассивности, проповѣдуемой іезуитами и несовмѣстимой съ понятіями современнаго общества. Министерство пламенно желало неудачи майора Лабордера. Нѣтъ никакихъ данныхъ полагать, чтобы Лабордеръ занялъ вліятельное положеніе въ сенатѣ и чтобы его избраніе пошатнуло военную дисциплину.

Великое министерство, какъ его называлъ самъ Гамбетта, съ каждымъ днемъ теряетъ понемногу свое обаяніе. Программа, прочитанная Гамбеттой въ палатѣ, была принята очень холодно. Многіе поговариваютъ объ отставкѣ президента совѣта, объявившаго, что онъ изъ принятія проекта нересмотра конституціи дѣлаетъ министерскій вопросъ. Гамбетта черезчуръ рѣзокъ съ своими друзьями, и если онъ не сумѣетъ сгруппировать свою разрозненную партію, то его паденіе неизбежно *).

*) Какъ извѣстно, оно уже сбылось.

будеть, если ему не удастся провести нѣкоторыхъ желательныхъ реформъ, указанныхъ въ его программѣ. Въ случаѣ его удачѣ, составитъ, вѣроятно, нейтральное министерство Фрейсине-Ферри. Лишась своего кумира, республика потеряетъ вѣру въ себя, — ей не кѣмъ замѣнить его. Клемансо не восхищаются даже его друзья; Бриссонъ хотя и очень уважаемъ, но не болѣе какъ посредственность. Вслѣдъ за паденіемъ Гамбетты выступать на первый планъ непримиримые съ одной стороны, орлеанисты — съ другой.

Флоке, теперешній префектъ Сены, замѣнившій Герольда, адвокатъ, человекъ честный, одаренный нѣкоторымъ краснорѣчіемъ и весьма дѣловой; изъ него въ одно время хотѣли сдѣлать что-то необыкновенное, но для префекта Сены онъ и такъ удовлетворителенъ. Полицейскій префектъ Камескасъ выказываетъ чрезмѣрную дѣятельность въ исполненіи своихъ полицейскихъ обязанностей, вследствие чего происходятъ разные уличные безпорядки. Такъ друзья республиканца Бланки затѣяли процессію въ годовщину его смерти; она должна была дефилировать по парижскимъ улицамъ и съ краснымъ знаменемъ и вѣнками прослѣдовать до кладбища Pèze Lachaise. Префектъ запретилъ процессію; собралось около пяти сотъ человекъ у дома, гдѣ умеръ Бланки; послѣдовало столкновение между полиціей и толпою; нѣсколько человекъ было арестовано. Въ улицѣ La Roquette, ведущей къ Pèze Lachaise, процессія опять сформировалась; вторичное вмѣшательство полиціи; изъ толпы раздался выстрѣлъ; полиція грубо бросилась на нѣсколькихъ лицъ, бывшихъ у ней уже на примѣтѣ, между прочими на Луизу Мишель, Ёдъ, прежняго генерала коммуны и другихъ. Исправительная полиція присудила арестованныхъ къ тюремному заключенію отъ двухъ недѣль до трехъ мѣсяцевъ. Но, спрашивается, разумно ли со стороны префекта подавлять всякую манифестацію на улицахъ такого многолюднаго города, какъ Парижъ? Не лучше ли было бы послѣдовать примѣру англійской полиціи, допускающей въ Лондонѣ всевозможныя процессіи, лишь бы онѣ не нарушали законовъ? На митингъ, собравшемся въ залѣ Elusée Montmartre, въ слѣдующее воскресенье, послѣ полицейской расправы, посыпались потоки брани на префекта и правительственныхъ блюстителей закона. Тонъ адресовъ, прочитанныхъ на этомъ собраніи, напоминаетъ тонъ клубовъ первой революціи. «Анафемѣ народа предаются полицейскіе, надсмотрщики Кагорскаго Цезаря». Такъ величаютъ Гамбетту. Камескасъ названъ «Сеидомъ». Какой-то гражданинъ разоблачаетъ замыслы «мерзавца Рейнаха», полицейскаго агента Гамбетты, задумавшаго, будто бы, путемъ повторяемыхъ арестовъ прогнать весь народъ въ Новую-Каледонію, на кааторжныя работы.

Въ Парижѣ между тѣмъ происходила перепись жителей, стоявшая городу очень дорого и подавшая поводъ ко многимъ насмѣшкамъ, но странности нѣкоторыхъ изъ предложенныхъ вопросовъ. Простонародье было особенно озадачено вопросомъ: «Положеніе въ семьѣ». Нѣкоторые дурачились и вносили въ списки замѣчанія совсѣмъ неумѣстныя, какъ, напри-

фр.: «Мое супружеское положение мнѣ неизвѣстно», или: «я неудачно женатъ». После всѣхъ хлопотъ и трудовъ выяснился только тотъ фактъ, что население Парижа увеличивается и скоро сравняется съ лондонскимъ. Въ послѣдніе дни въ Парижѣ царствуетъ хаотическое настроеніе умовъ; палата депутатовъ избрала 19 января комиссію изъ 33-хъ членовъ для предварительнаго обсужденія проекта пересмотра конституціи; большая часть голосовъ въ палатѣ была подана противъ правительственнаго проекта. Этою неудачей жадно пользуются враги Гамбетты; непримиримые органы печати осмѣиваютъ его насмѣшками; исходъ кризиса еще неизвѣстенъ, о разочарованіе публики въ талантахъ Гамбетты повліяло на биржевые дела. Кредитъ—дѣло довѣрія. Гамбетта передалъ портфель министерства финансовъ Алень-Тарже, ненавистному финансовымъ тузамъ по своей публицистической дѣятельности: онъ былъ проводникомъ теорій, идущихъ прямо въ разрѣзъ съ интересами крупныхъ капиталистовъ, и стоялъ, ежесу прочимъ, за погупку правительствомъ всѣхъ желѣзныхъ дорогъ. При такихъ условіяхъ, ему необходимо было, сдѣлавшись министромъ, сразу заявить о своихъ намѣреніяхъ, но онъ этого не сдѣлалъ и спекуляторы остались съ висѣвшимъ надъ ними Дамокловымъ мечомъ; дѣло шло до всеобщей паники, отъ которой болѣе всѣхъ пострадалъ «Union générale», католическій банкъ г. Бонту; его акціи въ одинъ день понизились съ 2.400 на 1.300 фр. Финансовый погромъ вышелъ весьма серьезный, но есть надежда, что крупные банкиры вступятся для противодѣйствія паденію цѣнныхъ бумагъ.

Историческое происхожденіе Union générale чрезвычайно любопытно.ezuиты, почувавъ въ XVIII в. опасность, угрожающую ихъ недвижимой собственности, занялись ажіотажемъ и обанкротились. Несмотря на такую неудачу отца Лавалета, задумавшаго этотъ планъ, въ наше время опять нашлись послѣдователи его примѣру. Когда теперешняя республика начала тѣснить религіозныя конгрегации и налагать секвестръ на ихъ недвижимыя имущества, возникъ вопросъ, куда дѣваться съ огромными накопившимися капиталами, и придумали учредить банкъ, гдѣ денежные интересы были бы слиты съ политическими и религіозными убѣжденіями. Фонды принимались исключительно отъ благомыслящихъ людей. Имѣя громадный капиталъ, банкъ имѣлъ въ виду конструировать съ банкирами—идеями и вольнодумцами. Какой переворотъ въ биржевомъ мѣрѣ, еслибы та идея увѣнчалась успѣхомъ!... Но житейская мудрость научила насъ, то не надежно пускаться разомъ въ догоню за нѣсладкими зайцами. хлопотать одновременно о спасеніи души и о наживѣ — не легко. Известные католики, дожившіе свои милліоны въ банкъ г. Бонту, показаны въ настоящую минуту паническимъ страхомъ. Къ Гамбеттѣ примѣняютъ теперь слово, сказанное Талейраномъ: «Левъ раненъ». Католическій банкъ также раненъ и можетъ утѣшаться только тѣмъ, что въ мину-ты его агоніи римская курія не откажетъ ему въ своемъ благословеніи.

«Res sacra miser» (нищета священна) — это изречение древняго, христіанскаго міра. Тѣмъ не менѣе нищета — ужасная язва; ею порождается порокъ и чувство личнаго самосохраненія приводитъ общество къ заключенію, что поднятіе нравственнаго уровня важнѣе для человѣчества, чѣмъ его обогащеніе. Но какъ вернуть на путь истины души отклонившіяся отъ него? Церкви какъ-то рѣдко удается возвратить преступника въ свое лоно, а правительство хлопочетъ исключительно о томъ, какъ бы сдѣлать негодя безвреднымъ; но и правительство само сознаетъ, что предохранительныя мѣры противъ злодѣевъ не дѣйствительны, если не имѣется средствъ повліять на ихъ нравственное чувство.

Жозефъ Рейнахъ, главный секретарь Гамбетты, только-что напечаталъ у издателя Шарпантье книгу «О рецидивистахъ», въ которой онъ энергически отстаиваетъ систему ссылки рецидивистовъ. Высокое положеніе, занимаемое авторомъ въ правительственныхъ сферахъ, даетъ ему возможность проводить въ палатѣ законопроекты въ томъ же духѣ. Неприимимые видятъ въ этомъ сочиненіи указаніе на тайное намѣреніе Гамбетты подрвать силу рабочаго класса, выселяя излишекъ населенія въ дальнія колоніи. Почему же нѣтъ? Почему не доставить несчастнымъ, пропадающимъ у насъ отъ голода и порока, работу и благосостояніе въ колоніяхъ, гдѣ въ прекрасномъ климатѣ земли остаются не воздѣланными по недостатку населенія? Но рабочіе наши не терпятъ выселенія изъ родины; они предпочитаютъ бѣдность дома благоденствію въ дальнихъ странахъ; имъ интереснѣе участвовать въ преобразованіяхъ той среды, въ которой они выросли, чѣмъ видѣть осуществленіе идеальной республики въ неведомыхъ краяхъ. Рейнахъ это знаетъ; онъ и не касается честнаго работника и занимается исключительно положеніемъ преступника, попавшаго въ руки правосудія. Его изслѣдованія, изъ какихъ источниковъ пополняется контингентъ злодѣевъ, крайне интересны и болѣзненно отзываются въ душѣ читателя. Не мѣшало бы тѣмъ, которые относятся съ презрѣніемъ ко всѣмъ несчастнымъ преступникамъ, призадуматься надъ нѣкоторыми указаніями въ книгѣ Рейнаха. «Въ нашемъ обществѣ, — говоритъ онъ, — есть дѣти несчастіе сиротъ: это тѣ, которыя умышленно воспитываются въ злѣ, — дѣти болѣе заброшенныя тѣхъ, у которыхъ нѣтъ крова, нравственно заброшенныя.

Въ Парижѣ нѣтъ счета отцамъ, приучающимъ дѣтей въ воровству, матерямъ, поощряющимъ развратъ въ дочеряхъ. Рейнахъ описываетъ между прочимъ впечатлѣнія маленькихъ бродягъ, подобранныхъ полиціей на улицѣ: «Ихъ удивляетъ, — говоритъ онъ, — комфортъ тюрьмы, хорошая постель, насущный хлѣбъ, ласковое обращеніе тюремщиковъ, отсутствіе побоевъ и бранныхъ словъ». Но полиція возвращаетъ несчастныхъ недостойнымъ родителямъ и доставляетъ имъ возможность довершить дѣло развращенія. Рейнахъ возстаетъ противъ преувеличеннаго уваженія закона къ родительской власти, именно въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ

тественные покровители обращаются въ развратителей; онъ находитъ, что правительству слѣдуетъ стать на мѣсто тѣхъ изверговъ, которые такъ часто приводятъ насъ въ ужасъ своимъ цинизмомъ на судебныхъ избирательствахъ. «Никто не знаетъ, — говоритъ Рейнахъ, — сколько нужно побоевъ, истязаній, голоданія, чтобы сдѣлать изъ ребенка преступника». Утѣшительное явленіе человѣческой природы, но не лестное для общественной организаціи, оказывающей такъ мало поддержки добрымъ инстинктамъ противъ насилій зла.

Рейнахъ заимствуетъ основную идею своего сочиненія въ законодательныхъ постановленіяхъ учредительнаго собранія первой революціи и добряетъ суровость закона, внесеннаго 25 сентября 1791 года въ уложеніе о наказаніяхъ и гласящаго: «Преступникъ, попавшійся вторично въ руки правосудія, по отбытіи наказанія за проступокъ, имѣетъ быть удержанъ на всю жизнь въ мѣсто ссылки для преступниковъ». Конвентъ пошелъ дальше и подчинилъ всѣхъ постоянныхъ бродягъ тому же закону. Наполеонъ I нашелъ эти постановленія крайними и отмѣнилъ ихъ. Эпидемія преступленій въ послѣдніе годы распространилась въ исполненскихъ азѣмѣхъ; радикальные комитеты уже сами требуютъ возвращенія къ строгостямъ старыхъ законовъ противъ рецидивистовъ. Огромный континентъ ихъ былъ несомнѣнною причиною нѣкоторыхъ изъ самыхъ безобразныхъ явленій французскихъ политическихъ революцій.

Преграды, возникающія между преступникомъ, отбывшимъ срокъ своего наказанія, и честнымъ ремесломъ почти насильственно побуждаютъ его къ повторенію проступка. Наши общественные паріи, разъ попавшіе въ колею безнравственности, съ трудомъ выбираются изъ нея. Въ 1878 году изъ ста присужденныхъ за воровство было 70 человѣкъ, попавшихся во второй разъ; между убійцами процентъ рецидивистовъ 45 на сто, между отцеубійцами 75, совершившихъ уже передъ тѣмъ какое-либо преступленіе. Не будь рецидивистовъ, процентъ преступленій понизился бы на 60%. Изъ ста преступниковъ, выпущенныхъ на свободу въ 1879 году, 19 человѣкъ были присуждены вторично въ теченіе того же года. Въ моменты народныхъ возмущеній, эти адскіе легионы являются на сцену и оскверняютъ партію, къ которой примыкаютъ.—Рейнахъ, ослѣпленный своею привязанностію къ Гамбеттѣ, преувеличиваетъ вліяніе рецидивистовъ и приписываетъ имъ неудачу главы французскаго правительства, избраннаго въ избирательномъ собраніи въ Шароннѣ. Въ мятежахъ рецидивисты являются зачинщиками всѣхъ жестокостей, но въ мирное время они не занимаются политикою и не имѣютъ вліянія на ходъ событій; на нихъ нельзя смотрѣть какъ на политическую партію, но это вредная завасна, враждебный элементъ для общественной безопасности, особенно гибельный для тѣхъ, которые еще колеблются между добромъ и зломъ. «Почему же Парижу суждено быть помойной ямой, въ которую провинція и Европа выливаютъ свободно всѣ свои нечистоты?—спрашиваетъ Рей-

нахъ.— Парижъ — политическая глава Франціи; столица всѣхъ столицъ міра,—мра ей перестать быть; на подобіе Тацитова Рима, вертепомъ всѣхъ мерзостей земнаго шара».

Но рецидивистовъ невозможно изгонять произвольно и не вѣсть куда; остается одинъ исходъ—отирить имъ покровище для полезной дѣятельности если не въ самой Франціи, то въ колоніяхъ, и дѣйствовать на нихъ путемъ просвѣщенія и матеріальнаго благосостоянія. «Можно цифрами доказать,—говоритъ Рейнахъ,—что воровство услаждается и уменьшается съ возвышеніемъ и пониженіемъ цѣнъ на хлѣбъ. Степень образованія также состоитъ въ извѣстномъ соотношеніи съ числомъ совершаемыхъ преступленій. Существуютъ ли въ нашемъ уложеніи о наказаніяхъ другія репрессивныя мѣры божіе дѣйствительныя, нежели ссылка?» Я согласенъ, что нѣтъ, только съ тѣмъ однако неизмѣннымъ условіемъ; чтобы ссылка была обставлена всѣми льготами, предоставленными англійскимъ сосланнымъ; безъ чувства личнаго обезпеченія ни одинъ ссыльный не возьмѣтъ желанія исправить свою жизнь въ новой обстановкѣ.

Преступникъ, отбывшій свое наказаніе, находится какъ передъ открытой пропастью, не зная куда ему дѣваться. Рейнахъ удостоверяетъ, что поправительственные комитеты приносятъ огромную пользу несметнымъ, освобожденнымъ изъ тюремъ,—въ большинствѣ случаевъ они спасаютъ ихъ отъ гибели; но эти комитеты такъ малочисленны, что весьма мало вліяютъ на общій ходъ дѣла. Рейнахъ очень вѣрно указываетъ причины, почему предыдущіе опыты ссылки во Франціи оказались неудачными. Онъ говоритъ: «Постоянное смѣшеніе политическихъ ссыльныхъ съ обыкновенными преступниками три раза въ ряду уничтожило дѣйствіе нашихъ лучшихъ законовъ о ссылкѣ. Смѣшеніе июньскихъ инсургентовъ съ простыми злодѣями компрометировало законъ 8-го іюня 1850 года; декретъ 8-го декабря 1851 года обезславленъ подведеніемъ подъ тѣ же правила членовъ тайныхъ обществъ и преступниковъ, а законъ о ссылкѣ 3-го апрѣля 1872 года на десять лѣтъ замедлил колонизацію Новой-Баледоніи. Политическій ссыльный, каковъ бы онъ ни былъ, никогда не будетъ смотрѣть на себя какъ на преступника. Преступникъ, нарушившій общее право, находящійся на равной ногѣ съ политическимъ ссыльнымъ, кончаетъ тѣмъ, что чувствуетъ себя уже не преступникомъ, а подобно первому—побѣжденнымъ. Отъ этого происходятъ отказы отъ работы, бунты, безпорядки и полная неудача всѣхъ попытокъ, предпринятыхъ для колонизаціи въ послѣднія пятьдесятъ лѣтъ». Политическая ссылка не можетъ имѣть значенія въ вопросѣ колонизаціи; политическаго ссыльнаго никогда не повидаетъ мечта о возвращеніи на родину.

Честный человекъ иногда совершаетъ преступленіе въ минутномъ порывѣ страсти и заслуживаетъ снисхожденія, но повторившій преступокъ доказываетъ, что онъ въ душѣ испорченъ. Не менѣе того авторъ книги указываетъ на необходимость содѣйствовать на пути къ исправленію са-

ить законенълыми злодѣями и неспирить никъ къ улучшенію: постепенно обогрченіемъ ихъ положеніи. Преступники не страшатся ни эшафота, ни тюрьмы. Для многихъ тюрьма есть рай земной, о которой они мечтаютъ, покинувши ея. Вотъ такія, которые нарочно попадаютъ въ полицію Лѣтова на съверъ, зимой на югъ, выбирая тюрьмы, которыя имутся имъ комфортабельнѣе, гдѣ общество имъ приходится болѣе по вкусу. Въ Парижѣ есть бродяги, которые нарываютъ понасть въ тюрьму въ яду и субботу, потому что въ четвергъ и воскресенье жалагается къ яду мясное блюдо.

Такъ какъ осужденные на восемь лѣтъ каторжныхъ работъ и теперь, силу закона, остаются на всю жизнь въ Гюеннѣ и Новой-Каледоніи, то вопросъ состоитъ въ томъ, чтобы рецидивисты, какіе бы они были, подвергались тому же закону не по значительности проступка, но факту его повторенія. Англія можетъ послужить примѣромъ въ дашъ случаяхъ; она въ Австраліи прикрѣпляла ссыльныхъ къ землѣ, представляла имъ почти что полную личную свободу и удерживала ихъ дѣленіемъ собственности. Система не трудная и достаточно наглядная, въ томъ-то и дѣло, что не легко будетъ добиться отъ французскихъ прократовъ хоть какой-нибудь доли личной свободы ссыльнымъ, а второе и непремѣнное условіе успѣха подобныхъ колонизацій. Рейнахъ жъ сознаеть, что для подобнаго преобразования нужны новые люди, но ихъ не легко находятъ, и къ тому же трудно будетъ отстранить взоревшееся недовѣріе народа, подозревающаго свое правительство въ какъ-то политическихъ заднихъ мысляхъ. Базо уже приготовилъ законопроектъ противъ рецидивистовъ и Гамбетта одобрилъ его. Реформа въ шности могла бы оказаться благотвельной, но имѣеть, въ сожалѣнію, мало шансовъ на успѣхъ. Умы возбуждены многочисленными арестами, произведенными полиціей на похоронахъ Бланки и другихъ манифестахъ, и непримиримые органы печати высказываютъ, не стѣняясь, что правительство не столько озабочено поддержаніемъ общественнаго спокойвія, сколько принятіемъ репрессивныхъ мѣръ и повтореніемъ арестовъ, обы черезъ это добиться права пожизненной ссылки.

Профессоръ богословія въ Э, аббатъ Антуанъ Ринаръ, издалъ на яхъ сочиненіе подъ заглавіемъ: «L'amenais et son école» (Ламенне и о школа). Очень естественно, что авторъ съ клерикальной точки зрѣнія возноситъ первую половину жизни Ламенне и порицаетъ вторую, — онъ понималъ величественнаго единства его жизни; чтобы вступить въ дить съ аббатомъ, Ринаромъ, пришлось бы углубиться въ область схоластики. Ламенне былъ одушевленъ безпредѣльною любовью къ человѣчеству и глубокимъ сознаніемъ нравственной неурядицы нашего вѣка. Онъ задался вопросомъ: кому назначено свыше вдохновлять человѣчево, облегчать его нравственныя и физическія страданія. Убѣжденный, что въ этомъ и есть миссія католической церкви, прошедшей чрезъ чи-

стилье революціонныхъ преслѣдованій, онъ обратился ко всему духовству, отъ папы до простаго священника, съ воззваніемъ къ крестному походу противъ всякаго угнетенія, всякаго зла. Его отвергли и онъ свои увѣщанія перенесъ на народъ. Въ этой борьбѣ онъ провалъ всякихъ.

Въ самомъ началѣ своего поприща: въ письмѣ отъ 14 апрѣля 1814 года онъ писалъ: «Самое важное для человѣка—жить согласно съ совѣстью. Это единственное, что прочно, неизмѣнно. Все въ жизни идетъ быстро, иногда не безъ тяжелыхъ скорбей. Чѣмъ дольше я живу, чѣмъ глубже вдумываюсь въ назначеніе человѣка, тѣмъ болѣе убѣждаюсь, что вся мудрость, все счастье человѣчества заключаются въ христіанствѣ, практически примѣненномъ къ жизни. Въ этомъ—одно неизбѣжное мѣсто».

Послѣ личнаго свиданія съ папой Григоріемъ XVI, онъ пришелъ къ заключенію, что католицизмъ не годенъ на практикѣ, но христіанство онъ остался до конца жизни. Аббатъ Рикаръ передаетъ это свиданіе: слово одного пріятели, слышавшаго разсказъ отъ самого Ламенне. Изъ свиданія папа старался объ одномъ—не допустить его до обсужденія тѣхъ важныхъ вопросовъ, ради которыхъ Ламенне только и пріѣхалъ къ нему изъ Франціи. Передаемъ слова Рикара: «Ламенне предложилъ колѣно передъ святымъ отцомъ. Григорій XVI-й поднялъ его съ благодушной улыбкой. У него въ рукахъ была крушная табакерка изъ лаписъ-лазули, медленнѣе поднимая крышку, онъ подалъ ее аббату и спросилъ съ серьезнымъ видомъ: «Употребляете ли вы табакъ?»—Ламенне взялъ щепотку изъ устъ, подумавъ про себя, что онъ не для того пріѣхалъ, чтобы нюхать табакъ. Папа въ свою очередь взялъ щепотку, понюхалъ, стряхнулъ передъ своей мантіей и опять отрывисто спросилъ: «Любите ли вы искусство?»—«Иногда, святой отецъ». — «Иногда—не достаточно». — «Я люблю его въ мое время»,—отвѣтилъ Ламенне съ нѣкоторымъ нетерпѣніемъ, — «но сегодня...» — «Не это лучшая сторона Рима», поспѣшилъ прервать его папа. — «Да, послѣ другаго»,—отвѣтилъ Ламенне. — «Если ваше святѣйшество позволитъ...» Папа опять перебилъ его: «Вы посѣщали церковь «Святаго отца въ мургахъ», господинъ аббатъ?» — «Да, святой отецъ. Желательно только, чтобы во всемъ христіанствѣ это была единственная церковь въ память великаго ченнаго въ усы». Папа сдѣлалъ видъ, будто бы не понялъ намека. — «Влюбвались статуей Моисея, Микель-Анджело?» — «Это действительно отличное произведеніе; но для меня, несмотря на все благоговѣніе...» — «И можетъ-быть ошибаетесь,—живо перебилъ папа. — «Я вамъ покажу другое произведеніе: произведеніе Микель-Анджело, которое можетъ выдержать сравненіе съ Моисеемъ». — Папа взялъ съ своего бюро серебряную статуетку. — «Видите ли вы ногти льва?»—спрашивалъ онъ, показывая ее Ламенне. Тотъ взглянулъ на статуетку съ разсѣяннымъ видомъ человѣка, занятаго другими мыслями. — «Разсмотрите ее хорошенько»,—спрашивалъ папа. Ламенне сразу взглянулъ на статуетку. — «Мнѣ пріятно было бы ее подарить вамъ»,—сказалъ папа,—но у меня нѣтъ собственности и я обязанъ въ цѣломъ

«передать то, что получил». — Онъ простеръ руки надъ головой Ламенне. «Прощайте, господинъ аббатъ», — сказалъ онъ, благословляя его. Аудиенція была окончена; она продолжалась четверть часа».

Кто-то не совсѣмъ почтительно сравнилъ это свиданіе со сценой Донъ-Жуана, принимающаго кредитора и не допускающаго его до разговора о долгѣ. Не удивительно, что, выйдя отъ папы, Ламенне сказалъ Лакордеру: «Самымъ торжественнымъ днемъ въ моей жизни будетъ тотъ, когда я выступлю изъ этой колоссальной гробницы, гдѣ одни кости да черви. Мнѣ нужны воздухъ, движеніе, вѣра, любовь, — все то, чего тщетно ищешь въ этихъ старыхъ развалинахъ, въ тѣни которыхъ пресмыкаются самыя низкія страсти человѣческаго рода».

Онъ до смерти оставался вѣренъ этому взгляду. Упомянувъ о римской куріи, онъ писалъ къ своимъ друзьямъ: «Съ тѣхъ поръ, какъ я изучилъ дружины, которыми приводится въ движеніе вся эта машина, она опустылила мнѣ. Я интересуюсь ею настолько, насколько могъ бы интересоваться коллегіей мандариновъ въ Китаѣ».

Аббатъ Рикаръ казался бы самъ ренегатомъ, еслибы не осуждалъ отступничества Ламенне отъ церкви. Мы не критикуемъ его взглядовъ, но сожалѣемъ, что въ описаніи предсмертныхъ минутъ Ламенне онъ нѣсколько отклонился отъ истины и вдался въ нѣкоторыя преувеличенія фактовъ, съ явнымъ желаніемъ хоть немного измѣнить колоритъ. Ламенне хорошо были извѣстны всѣ махинаціи, къ которымъ способны прибѣгнуть его собратья не только у смертнаго одра его, но и послѣ его смерти; онъ принялъ всѣ предосторожности и окружилъ себя друзьями, которымъ было поручено ототавать до конца его нравственную независимость; онъ, съ непобѣдимымъ упорствомъ, до послѣдняго издыханія, удалялъ отъ себя возможность малѣйшаго отреченія отъ своихъ мнѣній и умеръ съ твердостью духа и полною надеждою на Бога; каждое его предсмертное слово свидѣтельствуетъ о твердости его душевнаго настроенія. Въ минутѣ агоніи, на вопросъ, какъ онъ себя чувствуетъ, онъ отвѣчалъ: «Все болѣе и болѣе спокойнымъ». Кто-то захотѣлъ отодвинуть занавѣсъ, чтобы было болѣе свѣта, но онъ пробормоталъ: «Оставьте, — свѣтъ самъ отыщеть меня», и, пожимаая руку друга, сказалъ: «Теперь приближаются хорошія минуты». Увидавъ слезы окружающихъ: «Свидимся!» — прошепталъ онъ. Часто ли встрѣчаются такія кончины? Аббатъ Рикаръ прибавляетъ, будто бы Ламенне спросилъ угасающимъ голосомъ: «Гдѣ Лакордеръ?» Лакордеръ оставался вѣрнымъ католицизму. Этимъ вопросомъ Рикаръ пытается намекнуть на предсмертное желаніе Ламенне вернуться въ лоно церкви; но этого не было сказано. Ламенне ни на минуту не оставался одинъ передъ смертію; всѣ мельчайшія подробности, относящіяся до кончины его, были внесены свидѣтелями въ протоколъ, а въ немъ не значится вопроса: «Гдѣ Лакордеръ?» Трудно допустить, чтобы биографу Ламенне не былъ извѣстенъ этотъ документъ.

Во второй декабрьской книжѣ *Révue des deux Mondes* напечатан отрывокъ автобіографіи Эрнеста Ренана. Наши знаменитые люди облачаютъ біографическіе труды потомства и сами охотно рассказываютъ себѣ. Воспоминанія Ренана очень назидательны. Ламартинъ нѣрвдо о удовольствіи припоминалъ; что онъ былъ когда-то тѣлохранителемъ Людовика XVIII, а Ренанъ не забываетъ, что онъ былъ семинаристомъ. Подтачивая христіанство, какъ мышь старую рукопись, подводя подкомъ подъ исторію церкви, онъ все-таки превозноситъ институтъ *St. Sulpice*, въ которомъ получилъ образованіе, и заявляетъ, что обязанъ этому введенію своимъ нравственнымъ и умственнымъ развитіемъ. Онъ воспитывается этой конгрегаціей, сформированной по образу іезуитовъ, и дѣлаетъ въ своихъ запискахъ очеркъ всего ученія основателя ордена *St. Sulpice*, проповѣдывавшаго, какъ и Игнатій Лойола, полное уничтоженіе человѣческой личности. Ренанъ никогда не сочувствовалъ либеральному католицизму и надсмѣхается надъ «смягченными догматами, въ которые замаскировалась молодая Франція». Онъ называетъ религіозныя убѣжденія Лакордера и Монталамбера «богословскимъ романтизмомъ». Ренанъ несомнѣнно обязанъ училищу *St. Sulpice* совершенствомъ стилистическихъ формъ, которымъ отиичается все, писанное имъ. «Основное правило стилистики»,—говоритъ онъ,—исключительно имѣть въ виду мысль, которую желаетъ изложить, слѣдовательно необходимо, чтобы была мысль. Это правило не худо было бы затвердить въ нашихъ школахъ. Ренанъ выводитъ на сцену нѣсколько курьезныхъ типовъ, навсегда скрытыхъ отъ свѣта высокими стѣнами семинаріи. Онъ рассказываетъ, что тѣ изъ его учителей, которые были подаловиднѣе другихъ, мало довѣряли ему и чутили въ немъ отступника. Ренанъ—эпикурецъ и тѣломъ, и душой; въ наукѣ онъ ищетъ одного наслажденія. Онъ эксплуатировалъ Евангеліе и писанія св. отцовъ церкви подобно тому, какъ нѣкогда Александръ Дюма изучалъ исторію, чтобы написать романъ. Подвигаясь къ концу своего поприща, онъ смѣется надъ тѣми, которые серьезно относились къ его ученію, и не питаетъ никакихъ иллюзій о будущей оцѣнкѣ его трудовъ. «Я увлекуюсь,—пишетъ онъ,—историческими работами. Это наука предположеній, безпрестанно измѣняющихся,—труды, о которыхъ черезъ сто лѣтъ не будетъ помину».

Во Франціи стали появляться въ послѣднее время интересныя художественныя монографіи. Въ той же книжѣ *Révue des deux Mondes* Эрнестъ Шено разбираетъ книгу, написанную Карломъ Ефрусси объ Альбертѣ Дюрерѣ, великомъ художникѣ, страдавшемъ всю жизнь отъ злоуправія жеман и равнодушія роднаго города къ его таланту.

Эдмондъ Планшю помѣстилъ статью о южныхъ славянахъ; статья не представляетъ ничего интереснаго. Планшю собожъзнууетъ, что сербы попались въ руки большихъ иностранныхъ финансовыхъ компаній, и говорить, что для сербовъ началась черезъ это новая эра — эра долговъ —

и что каждое правительство, обращающееся за кредитомъ къ иностраннымъ банкирамъ, не преминетъ вскорѣ узнать, по горькому опыту, до чего обременительны ихъ условия.

Въ первой январской книжкѣ *Revue des deux Mondes* Анатолю Леруа-Болье въ статьѣ, подъ заглавіемъ: «Философъ-историкъ», разбираетъ теоріи Тэна. Онъ очень сдержанно, но мѣтко выставляетъ ихъ слабыя стороны и доказываетъ, что знаменитая теорія о средѣ, по которой всѣ правительственныя формы являются продуктами почвы и климатическихъ условий, есть вопиющее противорѣчіе живительнымъ принципамъ первой революціи. «Отличительная черта французской революціи,—говоритъ Леруа-Болье,—черта, выдѣляющая ее изъ всѣхъ революцій, есть та, что въ самомъ принципѣ своемъ она была требованіемъ правъ человѣческихъ, народныхъ, гражданскихъ, въ всякихъ соображеніяхъ—національных, племенныхъ, или ограниченныхъ извѣстнымъ періодомъ; однимъ словомъ, она не подлежитъ вліянію среды, занимающей въ нашей философіи первенствующее мѣсто». Странно, что бываютъ умы вполне отрицательные въ философіи, но ультраконсервативные въ политикѣ. Тэнъ, подрывающій своимъ ученіемъ самыя священные традиціи, видитъ въ революціи «одинъ масляничный разгулъ убійства и политическихъ страстей». Несмотря на скромный и боязливый складъ ума Леруа-Болье, онъ язвительно, по косточкамъ, разбираетъ пустую и вредную идеологію Тэна, объясняющаго ожесточеніе 1793 года потрясеніемъ нервовъ. На это Леруа-Болье отвѣчаетъ: «Невозможно подводить итогъ революціи взявъ одни только преступленія, помрачившія ея славу, и горячечные порывы необузданныхъ животныхъ инстинктовъ. Были также проявленія ума и сердца въ высшемъ ихъ значеніи, вѣра въ идеалъ, восторженное стремленіе къ истинѣ, въ наше время, увы, почти утраченное. Эти чувства поддерживали націю въ борьбѣ и придали слѣдующимъ поколѣніямъ энергію отстаивать тѣ же принципы, несмотря на всѣ разочарованія». Тэнъ видитъ въ принципахъ 1789 года «пустую декорацию, громкую вывѣску». Леруа-Болье указываетъ ему на тотъ фактъ, что ни одинъ народъ, познавшій эти принципы, не забылъ ихъ. Онъ упрекаетъ Тэна въ томъ, что онъ рисуетъ ужасы революціи, не упоминая о грѣхахъ противной стороны. Тэнъ находится еще подъ впечатлѣніемъ страха, нагнаннаго на него коммуной 1871 года, и изливаетъ на первую революцію всю желчь, накопившуюся во время безпорядковъ 1871 года. Его трудъ будетъ имѣть историческое значеніе равное съ «парижскими конвульсіями» Максима Дюамля. Это—памфлеты, написанные съ талантомъ самонадѣянными писателями, одержимыми безумнымъ желаніемъ затормозить колесо исторіи.

Въ январской книжкѣ *Revue Nouvelle* напечатана неизданная записка Ламартина, заимствованная изъ архива министерства иностранныхъ дѣлъ, такъ строго оберегавшагося до сего времени и вдругъ сдѣлавшагося доступнымъ. Баронъ Дама, бывшій въ 1825 году министромъ иностран-

ныхъ дѣлъ Франціи, имѣлъ обыкновеніе испытывать способности секретарей посольствъ, задавая имъ вопросы на разные темы по международному праву, исторіи, статистикѣ и дипломатіи. Это было нѣчто въ родъ конкурса. Ламартина былъ въ то время секретаремъ посольства во Франціи. Документъ, напечатанный въ *Revue Nouvelle*, есть мемуаръ, написанный въ отвѣтъ на заданную ему тему: «Что такое въ политикѣ другъ или естественный врагъ?»—Если взглянуть только поверхностно на жизнь Ламартина, то кажется, что онъ много измѣнился, перейдя отъ легитимизма къ республикѣ, но въ сущности онъ всегда оставался самымъ реакціоннымъ умомъ своего вѣка. Ставъ во главѣ правленія въ 1828 году, онъ остался при тѣхъ же идеяхъ, которыя развивалъ въ 1825 г. Его дѣйствія какъ руководителя судебъ французскаго народа, можно предъугадать, перечитывая страницы его первой молодости. Онъ краснорѣчивъ, но въ немъ никогда не было твердыхъ политическихъ принциповъ. Онъ находить, что политика весьма относительна, что «единственный судья ея»—не совѣсть, а опытъ, что теоріи тормозятъ истину, ибо жизнь не такъ гибка, какъ идеи. Въ сущности это—проза, облеченная въ поэтическую форму. «Политическій міръ, — восклицаетъ онъ, — есть сыпучій песокъ, на которомъ сегодня не узнаешь вчерашняго пути, гдѣ одно столѣтіе не можетъ идти по слѣдамъ другаго». Капитальная часть мемуара та, гдѣ онъ пишетъ о Россіи. Онъ говоритъ: «Россія для остальной Европы то, что была Галлія для римлянъ; это — страна, гдѣ нарождается будущая судьба міра; она обращаетъ на себя всѣ взгляды, порождаетъ воображеніе, превосходитъ всѣ расчеты. Ей принадлежитъ будущее, — ея народы соединяютъ въ себѣ просвѣщеніе зрѣлости съ энергіей молодости и фанатизмомъ невѣжества. Ея кочевые, закаленные въ битвахъ варвары послушны ея желанію. Это народъ, рожденный для завоеваній, получившій предназначеніе обновить міръ, шествуя по слѣдамъ новаго Атиллы: численность, сила, воля—все у него есть. Чего же онъ ждет?—Указанія Провидѣнія.

«Въ какую же сторону бросится эта готовая ринуться масса?—Въ ту, которая покажется ей заманчивѣе, гдѣ встрѣтитъ она меньшее сопротивленіе. Швеція, Норвегія, Польша, Пруссія, часть Германіи, прилегающая къ Россіи, представляютъ климатъ суровый и почву неплодородную. Въ этихъ странахъ солнце не болѣе чѣмъ въ Россіи грѣетъ человѣка, почва неблагоприятна, жители бѣдны; и это не все: эти народы сами привыкли къ войнѣ; сосѣди оказали бы имъ могучую поддержку: Франція, Испанія, Италія, Австрія, Англія устремились бы выручать ихъ, думая защитить тѣмъ всю цивилизацію. Борьба была бы долгая, ужасная, тяжелая, и Россія въ это не рѣшится; какъ бы ни устарѣла Европа, она еще не достаточно одряблѣла для нашествія варваровъ. Персія, Китай, Турція—вотъ добыча для Россіи: господствующее положеніе въ двухъ частяхъ свѣта, прекрасные климаты, плодородныя земли, судоходныя моря, населенія истощенныя, всѣ прелести

ироды, все манящее къ завоеванію, слабое, даже ничтожное сопротивленіе. Этого достаточно для рѣшенія народа и онъ направится въ Азію. Достивъ, что это вѣрно, спросимъ, въ чемъ состоятъ интересы Россіи?—любить Германію и тѣмъ противодействовать Англіи. Стало-быть ея тересы тождественны съ интересами Франціи; Россія любитъ Францію, а имѣетъ въ ней союзницу противъ Австріи; существованіе Франціи, ея агонія, ея величіе—суть условія необходимыя для будущихъ замысловъ Россіи. Никакія заднія мысли, никакое столкновеніе интересовъ, различіе религіозныхъ и политическихъ вѣроисповѣданій, соперничество территориальныхъ и торговыхъ интересовъ не могутъ повліять на обоюдное сположеніе обоихъ народовъ. Природа, раздѣливъ ихъ сферу дѣятельности, сдѣлала ихъ друзьями; необходимость скрѣпила надолго этотъ бездѣльный союзъ».

Авторъ не щадитъ Австріи. «Она, по словамъ его, имѣетъ всѣ данныя касаться насъ; ея пріобрѣтенія могутъ быть только намъ въ ущербъ. Наша сила есть мѣрило ея слабости; это—нашъ врагъ». По мнѣнію Ламартина, «еслибы завтра вычеркнуть Пруссію изъ числа независимыхъ государствъ, Европа врядъ ли замѣтила бы ея исчезновеніе. Это государство возникло невзначай и выросло въ какія-нибудь сто лѣтъ, благодаря мудрости одного человѣка. Это—изъ тѣхъ державъ, которыя могутъ вредить, о никогда не окажутъ услуги. Наша политика относительно Пруссіи не можетъ быть прочной. Это—политика на годъ». Къ Англіи онъ относится съ меньшимъ пренебреженіемъ: «Говорятъ, что у ней золотой скитръ,—пишетъ онъ;—но гдѣ же видано, чтобы богатство было источникомъ жизни народовъ». Говоря объ Испаніи, Ламартинъ говоритъ, что она погружена въ сонъ. Не любя Итали, онъ увѣряетъ, что это отвѣтное названіе, что Италия существуетъ только на старинныхъ картахъ, видитъ въ ней будущую добычу Франціи. «При первой войнѣ съ Австріей Италия попадетъ въ наши руки; подумаемъ объ этомъ заблаговременно; она заплатитъ намъ за нашъ протекторатъ своими сокровищами, воимъ оружіемъ». Онъ безъ запинки передаетъ Турцію Россіи. Америку къ осыпаетъ проклятіями и называетъ ее «грозной гидрой, чудовищемъ, со-савленнымъ изъ республикъ, федерацій и анархіи». Ему хотѣлось, «чтобъ вропа задушила этого звѣря въ колыбели». Онъ заканчиваетъ такъ: слѣдуетъ откровенно идти рука объ руку съ Россіей, не довѣрять Австріи, ренебрегать Пруссіей, относиться къ послѣдней безъ всякой пощады, слибъ обстоятельства отдали ее въ руки Франціи; смѣло содѣйствовать Россіи, отнять у англичанъ Средиземное море, льстить Итали и по-авать ей надежду освобожденія подъ нашимъ протекторатомъ».

Эта записка представляетъ большой интересъ и весьма назидательна. еставрація слѣдовала этой программѣ въ минуту своего паденія; эти взгляды оодушевляли политику самого Ламартина, когда власть перешла въ его руки, и нынѣ записка эта явилась на свѣтъ Божій изъ пыльных карто-

новъ министерства иностранныхъ дѣлъ въ ту минуту, когда власть перешла въ руки Гамбетты, во многомъ сходно смотрящаго на задачи внешней политики Франціи.

Во всѣхъ парижскихъ театрахъ идутъ теперь новыя пьесы. Въ театрѣ Gaîté драма «Quatre vingt treize» (1793-й годъ) имѣетъ большой успѣхъ. Она заимствована изъ романа Виктора Гюго и состоитъ изъ дѣла ряда картинъ. Труппа подобрана отлично и исполняетъ въ совершенствѣ. Мало извѣстный актеръ Роменъ превосходно разыгрываетъ республиканскаго генерала. На сцену являюся Робеспьеръ, Дантонъ и Марать. Гиперболы Виктора Гюго подходятъ подъ тонъ той эпохи, гдѣ преступления и добродѣтели принимали какіе-то чудовищные размѣры. Передъ поднятіемъ занавѣса за сценой раздается канонада. Это роялисты истребляютъ дѣлны республиканскій батальонъ; умирая, они поютъ свой національный гимнъ; звуки стихаютъ постепенно, занавѣсъ подымается, представляется панорама мертвыхъ тѣлъ; сцена ужасная, но хорошо представленная. Сценическое искусство доведено до совершенства, перспектива соблюдена мастерски и на полѣ сраженія нѣтъ ни одного деталя, который былъ бы забытъ.

Викторъ Гюго, несмотря на свой гений, не сумѣлъ выставить французской революціи въ настоящихъ краскахъ и позволилъ себѣ отступленія отъ исторической истины. Извѣстнымъ дѣятелямъ того времени отвелъ второстепенныя роли; его главныя дѣйствующія лица вымышлены и невѣрно изображаютъ тогдашнюю междуусобную борьбу. Его вымышленный начальникъ роялистовъ, Лантенакъ, на первыхъ же порахъ велитъ рѣзать женщинъ и дѣтеныхъ; Шарретъ и Кателино въ концѣ вандейской войны позволяли себѣ эти жестокости, но первые вандейцы Ла-Рошъ Жакеленъ и Боншанъ щадили обезоруженныхъ враговъ. Характеръ республиканскаго генерала также не подходитъ подъ нравъ того времени; онъ приноситъ себя въ жертву, чтобы спасти Лантенака, арестованнаго врагами, въ ту минуту, когда, тронутый отчаяніемъ матери, онъ выручаетъ изъ огня дѣтей, которыхъ передъ этимъ приказалъ сечь. Эта чувствительность не сообразна съ нравомъ тогдашнихъ республиканскихъ вождей: ни одинъ изъ нихъ не согласился бы пощадить залятаго врага республики, какъ бы великодушень онъ ему ни показался. Сентиментальность была черта окончательно чуждая солдатамъ первой республики въ ихъ столкновеніяхъ съ представителями стараго, ненавистнаго имъ строя. Когда Шекспиръ выводитъ на сцену историческое лицо, насъ не коробитъ ни одна фальшивая нота, мы забываемъ о Шекспирѣ и видимъ живаго Ричарда III. Викторъ Гюго не умѣетъ поддержать въ насъ иллюзіи; мы очень скоро догадываемся, что передъ нами проходятъ идеи, а не живые люди.

Освобожденіе отъ театральной цензуры, такъ долго стѣснявшей нашу сцену, конечно, подстрекаетъ авторовъ выбирать предметы, которые до сихъ поръ были исключены изъ драматическаго репертуара. Въ Ambigu

Comique возобновили старую меклодразу, запрещенную послѣ революціи 1830 года. Хотя она не имѣла успѣха, но сюжетъ ея курьезный. Подъ заглавіемъ «L'incendiaire» (поджигательница) выставлены два типа—добраго и дурнаго священника, по понятіямъ тридцатыхъ годовъ. Мы видимъ архіепископа, подстрекающаго фанатизмъ молодой дѣвушки до того, что она поджигаетъ заводъ либеральнаго фабриканта. Добрый священникъ украшенъ всеми добродѣтелями. Инымъ является молодой аббатъ, лицемеръ и честолюбецъ, пробивающій себѣ дорогу черезъ женщинъ. Бульварная публика еще кое-какъ мирится съ безсовѣстнымъ прелатомъ и аббатомъ-комедіантомъ, но великодушный священникъ, съ широкимъ взглядомъ на жизнь и человѣческія слабости, пришелся ей не по нутру. Этотъ типъ давно выродился во Франціи. Пьеса продержалась не долго,—ее замѣнить «L'assomoir», передѣлка изъ романа Зола.

Русскій живописецъ Верещагинъ выставилъ въ залахъ редакціи газеты Le Gaulois новую серію картинъ изъ турецко-русской войны. Парижане относятся съ большимъ уваженіемъ къ русскому художнику. Его картины, выставленныя два года тому назадъ въ артистическомъ и литературномъ клубѣ, приводили въ восторгъ знатоковъ искусства разнообразіемъ сюжетовъ и талантливостью исполненія. Французы имѣютъ своихъ художниковъ, талантливо изображающихъ военныя дѣйствія, но ихъ картины взяты болѣе изъ описаній, чѣмъ съ самаго поля битвы; анекдотическая сторона преобладаетъ въ ихъ картинахъ; перестрѣлки вѣрно схвачены, живо изображены, но трагическій моментъ сраженія изображенъ въ нихъ весьма рѣдко. Въ картинахъ же Верещагина мы видимъ глубокое чувство; душевныя впечатлѣнія самого художника отражаются въ произведеніяхъ его кисти. Онъ не гонится за эффектомъ, не разыскиваетъ ужасающихъ сценъ, не преувеличиваетъ ихъ и не прикрашиваетъ истины. Онъ не вводитъ душу зрителя, раскрывая передъ нимъ дѣлую бездну не вымышленныхъ, а съ полной жизненною правдой представленныхъ страданій. Горасъ Верне и его школа прикрашивали войну, Верещагинъ же изображаетъ ее—какъ она есть въ дѣйствительности; его поле битвы не напоминаетъ маневровъ, гдѣ красуются чистенькіе и опрятные офицеры,—онъ представляетъ вамъ живую, тяжелую дѣйствительность. Настоящая выставка уступаетъ первой числомъ картинъ, да къ тому же помѣщеніе редакціи Gaulois не можетъ сравниться съ залами литературнаго и артистическаго клуба. Одна картина особенно поражаетъ зрителя своимъ драматическимъ эффектомъ: это—турецкая амбулаторія; картина мрачная; по ней разбросаны трупы. Въ указателѣ объяснено, что это—раненые, забытые послѣ взятія Плевны. Зрителя охватываетъ ужасъ, напоминающій то чувство, съ которымъ человекъ входитъ въ первый разъ въ часовню, куда выносятся покойники при больницахъ, съ тою разницей, что въ больницѣ передъ нимъ лежатъ жертвы недуга, часто предонныхъ лѣтъ, а тутъ передъ вами жертвы, пораженные злою

судьбой, во цвѣтъ жизни и надеждъ. Истина, которую дышать картины Верещагина, знакомить насъ съ тяжелой стороной военного дѣла и онъ вполнѣ заслуживаетъ данное ему названіе — апостола мира. Для насъ война уже не такъ обаятельна, какъ для нашихъ предковъ; потоки крови еще часто проливаются для удовлетворенія личныхъ самолюбій и человѣческихъ расчетовъ, но мы по крайней мѣрѣ уже дошли до сознанія, что война есть зло, а не добро, что какія бы ни преслѣдовались цѣли, достиженіе ихъ мирными путями и нравственнѣе, и человѣчнѣе. Картина, представляющая поле, усѣянное ранеными, вызываетъ скорбное чувство. Въ указатель, написанномъ Верещагинымъ, сказано: «Бѣдные раненые иногда цѣлыми днями оставались безъ пищи, безъ перевязки; когда шелъ дождь, несчастные плавали въ водѣ и грязи и терпѣливо ожидали своей очереди безъ жалобы, безъ ропота...» Все это такъ живо изображено на полотнѣ, что указатель дѣлается лишнимъ. Индѣйскіе ландшафты отличаются особеннымъ колоритомъ этихъ таинственныхъ странъ; киргизскіе типы представляютъ собою, по нынѣ принятому выраженію, «настоящіе этнографическіе документы». Желаямъ великому художнику, чтобъ онъ не останавливался въ дальнѣйшемъ развитіи своего замѣчательнаго таланта; его произведенія возбуждаютъ всеобщій восторгъ, а въ этомъ-то и есть опасность, заслоняющая многимъ даровитымъ людямъ путь къ дальнѣйшему совершенствованію. Выставка — даровая и привлекаетъ такое огромное стеченіе публики, что полицейскимъ агентамъ съ трудомъ удается соблюдать порядокъ очереди.

Двѣсти тысячъ нищихъ погибаютъ въ Парижѣ медленной голодной смертью. Комитеты общественнаго вспомошествованія прямо заявляютъ, что они могутъ только продлить агонію, но и это важно; пока есть жизнь, — есть надежда и много несчастныхъ кое-какъ перебиваются при ничтожномъ вспомошествованіи до того дня, когда попадется работа. Самое ужасное положеніе разбитыхъ параличомъ, то-есть вполнѣ неспособныхъ къ труду; комитетъ вспомошествованія выдаетъ имъ 25 сантимовъ (около 8 коп.) въ день. Не имѣть пищи тяжело, не имѣть крова еще хуже, — дѣлаешься бродягой и попадаешь въ тюрьму, гдѣ собрано что ни есть худшее изъ населенія; поэтому изъ всѣхъ благотворительныхъ учрежденій, возникшихъ по частной инициативѣ, ночлежные пріюты — изъ лучшихъ и изъ самыхъ полезныхъ. Идея перенята у англичанъ и усовершенствована. Ночлежные пріюты въ Парижѣ не отвергательны, какъ въ Лондонѣ; человѣкъ можетъ въ нихъ умыться и уснуть. На другой день можетъ быть и подвернется работа. На дняхъ, на открытіи одного изъ этихъ пріютовъ, академикъ г. Легуве сказалъ рѣчь, въ которой указалъ, что не одинъ развратъ, а крайняя нужда перѣдко лишаетъ людей крова и что подобные пріюты часто дѣлаются убѣжищемъ самыхъ невинныхъ жертвъ злополучной судьбы; въ 1880 году одинъ изъ женскихъ пріютовъ далъ убѣжище и доставилъ работу 4.490 женщинамъ при затратѣ только 11.000 франковъ.

Легуве въ своей рѣчи коснулся воззванія, которое читается каждый вечеръ почлежникамъ и въ которомъ говорится имъ, чтобъ они не теряли надежды на помощь ближняго и милость того Бога, къ которому обращаются моряки во время бури. Легуве удивляется, какъ рѣшились открыто выговорить слово Бога въ такое время, когда фанатизмъ безвѣрїя тѣснить вѣру и снаряжаетъ крестовые походы противъ Распятїя. Это намекъ на исключеніе Распятїя изъ школъ; меры отправляются снимать эмблему христіанства подъ предлогомъ охраненія свободы совѣсти учениковъ, которые за весьма рѣдкимъ исключеніемъ—христіане. Къ несчастію, въ этомъ крайнемъ раздраженіи умовъ во многомъ виноваты сами официальные защитники христіанства, которые позорятъ себя отсутствіемъ всѣхъ добродѣтелей, требуемыхъ ученіемъ Христа. Надавно умершій префектъ Сены, Терольдъ, былъ совершеннымъ скептикомъ; онъ усердно настаивалъ на томъ, чтобы духовенство было исключено отъ преподаванія въ школахъ, и доказывалъ, что родители имѣютъ право преподавать дѣтямъ правила религіи дома по своему усмотрѣнію. Онъ возбудилъ большой скандалъ гражданскими похоровами своего сына и завѣщалъ, чтобы на его похоронахъ не было пастора (онъ былъ протестантъ). Гробъ главы города, сопровождаемый всѣми правительственными властями, былъ вынесенъ изъ дома прямо на кладбище безъ всякихъ церковныхъ церемоній. Манія гражданскихъ похоронъ не всегда бываетъ доказательствомъ преобладанія матеріалистическихъ идей, а чаще всего есть только протестъ противъ духовенства. Отношенія католиковъ и либераловъ въ настоящую минуту крайне натянуты во Франціи; желательно было бы вернуться къ болѣе разумнымъ взглядамъ и предоставить каждому полную свободу совѣсти, безъ привилегій той или другой партіи. Въ настоящую минуту царствуетъ полная неурядица: католики требуютъ себѣ свободы, которую сами готовы были бы отнять у противниковъ, еслибы власть перешла въ ихъ руки; оппортунисты хлопочутъ о возстановленіи конкордата; радикалы ораторствуютъ противъ Бога, противъ безсмертія души, противъ Христа и не хотятъ понять, что они этимъ готовятъ возможность ультрамонтанской реакціи.

Парижъ—самая космополитическая столица въ мірѣ, всегда готовая выказать сердечное участіе несчастнымъ другимъ. Катастрофа вѣнскаго Рингль-театра произвела у насъ сильное впечатлѣніе. М-ше Едмондъ Аданъ, при содѣйствіи представителей всей парижской прессы, устроила въ пользу пострадавшихъ народное представленіе въ Оперѣ и концертъ-балъ въ Hotel Continental, которые имѣли блестящій успѣхъ. М-ше Аданъ разгуливала по заламъ подъ руку съ Тургеневымъ. Послѣ бала она дала у себя ужинъ, за которымъ и простилась съ друзьями передъ поѣздкой въ Россію. Надѣются, что она издастъ свои путевыя замѣтки.

Парижъ.

10/22 января 1882 г.

**Объ основаніи въ Москвѣ пріюта для неизлѣчивыхъ престанища
лицъ, выходящихъ изъ Старо-Екатерининскаго отдѣленія боль-
ницы для чернорабочихъ.**

Въ *Русскихъ Вѣдомостяхъ* отъ 4 ноября 1881 года (№ 298)
помѣщено слѣдующее, обращенное къ редактору, письмо:

М. Г. Позвольте черезъ посредство вашей газеты обратить вниманіе общества на одно возникающее полезное учрежденіе. Дѣло идетъ объ основаніи пріюта для больныхъ, выходящихъ изъ Старо-Екатерининскаго отдѣленія больницы для чернорабочихъ. Можетъ-быть нѣкоторые возразятъ: зачѣмъ нуженъ пріютъ для тѣхъ, которые выходятъ изъ больницы, которые слѣдовательно выздоровѣли и могутъ снова приняться за работу? Чтобы судить объ основательности такого возраженія, приведемъ нѣсколько типическихъ примѣровъ, встрѣчавшихся въ названномъ отдѣленіи чернорабочей больницы. Одинъ каменщикъ, страдавшій порокомъ сердца и вынесшій три приступа возвратной горячки, при выходѣ изъ больницы (зимой) имѣлъ на себѣ только одну рубашку, въ которой онъ былъ привезенъ туда. Другой больной, котораго выздоровленіе совпало съ наступленіемъ холодной погоды, оставался въ больницѣ больше полугода, такъ какъ у него не было даже и тряпокъ для прикрытія своей наготы. Третій рабочий, не имѣвшій при выходѣ изъ больницы ни копѣйки денегъ, ни случая, ни силъ тотчасъ же приняться за работу, прожилъ много дней впроголодь, валяясь ночью подъ заборами; пораженный сильнѣйшей анеміей, онъ былъ снова возвращенъ въ больницу, гдѣ пробылъ еще 4 мѣсяца. Еще одинъ случай: у рабочаго поражение спиннаго мозга—болѣзнь неизлѣчимая и не позволяющая ему продолжать работу; у него одна только исходъ—уѣхать въ деревню къ роднымъ; но и этого онъ не могъ сдѣлать, потому что у него не было денегъ на дорогу. Подобныхъ случаевъ можно было бы набрать множество; но и приведенныхъ, кажется, достаточно для убѣжденія, что положить рабочаго въ больницу еще не значитъ сдѣлать все для того, чтобъ онъ, по выздоровленіи, могъ вернуться къ занятіямъ, которыми поддерживается его существованіе. Надо замѣтить, что такое печальное положеніе рабочихъ не всегда можно при-

писать дѣхъ собственной безопасности и пьянству: нерѣдко случается, что захворавшій, лишившись мѣста, проживаетъ сначала бережливые гроши на частной квартирѣ, лишь бы не идти въ больницу, къ которой, какъ извѣстно, простой народъ питаетъ сильный страхъ. Въ серединѣ зимы, когда въ деревняхъ у крестьянъ хлѣбъ подходитъ къ концу, масса ихъ идетъ въ Москву искать заработковъ. Если такой крестьянинъ попадетъ въ больницу, то, безъ всякой вины съ его стороны, онъ легко окажется въ вышеописанномъ положеніи. Семейные рабочіе попадаютъ иногда еще въ худшее положеніе. Вотъ нѣсколько случаевъ, встрѣтившихся прошлою зимою въ томъ же Старо-Екатерининскомъ отдѣленіи. Отецъ заболѣлъ тиффомъ и легъ въ больницу; черезъ нѣсколько дней сосѣди отвезли туда же и мать съ годовалюю дочерью. Что было дѣлать съ дѣвочкой? Больница не имѣетъ права содержать ее; она могла бы умереть съ голоду, еслибы сестры милосердія не пріютили ее у себя. Другой случай: вдова, у которой была малолѣтняя дочь, заболѣла возвратною горячкою и была предложена въ больницу; по выходѣ, черезъ нѣсколько времени, она снова вернулась туда съ ревматизмомъ; потомъ опять захворала глазами, а черезъ нѣсколько мѣсяцевъ—снова ревматизмомъ. Такимъ образомъ, въ теченіе 7—8 мѣсяцевъ она лежала въ больницѣ 4 раза, и трудно сказать, что стало бы съ ея ребенкомъ, еслибы не подоспѣла помощь того пріюта, о которомъ идетъ рѣчь. Наконецъ, въ больницѣ попадаются неизлѣчимые больные, какъ, напримѣръ, въ текущемъ году тамъ лежалъ старикъ 75 лѣтъ: вѣчныя раны на ногахъ и старческіе годы дѣлаютъ его неспособнымъ къ работѣ; родныхъ у него нѣтъ никого; живетъ онъ только тѣмъ, что переходитъ изъ больницы въ больницу.

Подобныя вещи остаются большею частью неизвѣстными публикѣ. Служащіе въ больницѣ знаютъ ихъ, конечно, очень хорошо. Главный докторъ, передъ глазами котораго прошли въ теченіе многихъ лѣтъ можетъ быть тысячи случаевъ, подобныхъ вышеописаннымъ, неоднократно обращался къ разнымъ лицамъ съ просьбой организовать помощь бѣднякамъ. Само надѣянство больницы не въ силахъ помочь горю: прямыя обязанности отнимаютъ у него слишкомъ много времени; особыхъ суммъ для помощи больница не имѣетъ. Если больныхъ немного, то главный докторъ еще можетъ дозволить оставить доправившагося больного на нѣкоторое время въ больницѣ, пока счастливая судьба не поможетъ ему одѣться. Но осенью, зимою и весной, нацѣпъ больныхъ острыми болѣзнями бываетъ часто столь великъ, что о такомъ снисхожденіи не можетъ быть и рѣчи. Нѣсколько лицъ, имѣвшихъ случай взглянуть на эти печальныя картины рабочаго быта, рѣшились искать средствъ для учрежденія при Старо-Екатерининскомъ отдѣленіи особаго пріюта для выходящихъ больныхъ. Небольшая сумма была собрана прошлою зимою довольно скоро. Ея было недостаточно для того, чтобъ обезпечить постоянное существованіе пріюта, хотя бы и на небольшое число лицъ. Рѣшено было не ждать увеличенія

этой суммы: холодная погода давно уже ждала у ворот больницы своих жертв; желательно было сейчас же, хоть на короткое время, уменьшить число их. В течение двух недель приготовлено было помещеніе и необходимыя хозяйственныя принадлежности. Учредители поставили себѣ цѣлю: 1) принимать только крайне бѣдныхъ больныхъ, выходящихъ изъ больницы, съ тѣмъ, чтобы дать окрѣпнуть ихъ силами, избавить ихъ отъ простуды и голода, доставить ночлегъ тѣмъ изъ нихъ, которые могутъ днемъ ходить прискивать себѣ работу; 2) давать одежду, соответствующую времени года, тѣмъ, которые поступили въ больницу плохо прикрытыми; 3) снабжать деньгами на паспорта, адресныя билеты и на дорогу въ деревню—тѣхъ, которые окажутся неспособными къ работѣ; 4) давать пристанище дѣтямъ тѣхъ родителей, которые, поступая въ больницу, не имѣютъ, гдѣ оставить дѣтей, и держать ихъ тамъ до выздоровленія родителей или до присканія ими работы; 5) содержать и помѣщать въ какія-нибудь заведенія тѣхъ дѣтей, находящихся уже въ пріютѣ, чьихъ родители умрутъ въ больницѣ; наконецъ, 6) содержать или помѣщать въ богадѣльни и другія благотворительныя заведенія тѣхъ больныхъ, которые окажутся неизлѣчимыми и неспособными къ работѣ.

Несмотря на то, что пріютъ существуетъ короткое время (съ января), онъ уже успѣлъ принести существенную пользу. Вотъ нѣкоторыя данныя о его дѣятельности: приемъ больныхъ былъ въ теченіе только четырехъ холодныхъ мѣсяцевъ — съ января по апрѣль (съ мая тамъ оставались только прежде поступившіе). Всѣхъ больныхъ за это время перебывало 115 человекъ. При выпускѣ имъ было роздано 105 вещей (разнаго рода одежды: полушубковъ, поддевокъ, рубашекъ, шарфовъ, обуви и т. п.). Деньгами (на паспорта, проездъ на родину) выдано 24 руб. Въ маѣ въ пріютѣ оставались отъ прошлой зимы: 1 мальчикъ, у котораго отрѣзаны обѣ ноги, 2 слабыя женщины, 1 недвижимая дѣвушка и 5 человекъ дѣтей. Безногий мальчикъ и трое дѣтей помѣщены въ различныя учрежденія. Съ октября приемъ больныхъ возобновился.

Какъ ни утѣшительны эти результаты, однако существованіе пріюта обезпечено только до 1-го марта будущаго года. Если общество не придетъ на помощь, полезное дѣло, уже начатое, порвется. Необходимо собрать капиталъ, который бы обезпечивалъ пріюту постоянное существованіе. Тогда можно будетъ приступить къ образованію общества, снабженнаго надлежащими полномочіями, для поддержанія и расширенія дѣятельности пріюта. Всякій, прочитавшій сообщенные выше факты, надѣмся, не откажется принести посильную жертву, а редакціи другихъ газетъ—перепечатать это письмо.

Пожертвованія принимаются въ самомъ пріютѣ на 1-й Мѣщанской, домъ Савицкой, близъ церкви Троицы-Богородицы, и у княжны М. Ал. Ливень—на Средней Прѣснѣ, домъ Сейделера.

Редакція журнала *Русская Мысль*, будучи увѣрена, что столь прекрасная, вполне челолюбивая цѣль этого учрежденія вызоветъ у многихъ желаніе посылать дѣлу оказанія помощи людямъ живущимъ трудомъ и въ то же время болѣзною лишеннымъ крова, работы, а часто и способности къ труду, — открыла въ конторѣ своей (Долгоруковская, 42, ежедневно, кромѣ праздниковъ, отъ 11 до 4 час.) приемъ подписки на это доброе дѣло.

Редакторъ С. Юрьевъ.
Редакторъ-издатель В. Лавровъ.

сверну сь свертку версту (всего) вверху кривая
 и то же слово (версту) вверху кривая
 вверху кривая (версту) вверху кривая
 вверху кривая (версту) вверху кривая
 вверху кривая (версту) вверху кривая
 вверху кривая (версту) вверху кривая
 вверху кривая (версту) вверху кривая
 вверху кривая (версту) вверху кривая
 вверху кривая (версту) вверху кривая
 вверху кривая (версту) вверху кривая
 вверху кривая (версту) вверху кривая

О П Е Ч А Т К И

въ кн. I *Русской Мысли*:

<i>Стр.</i>	<i>Строка.</i>	<i>Напечатано.</i>	<i>Слѣдуетъ.</i>
75	15 сверху	сладострасно	сладострастно
95	4 снизу	и огонь	и огнь
241	8 сверху	Клоодъ	Клоотцъ
330	16 >	справлять ему	справлять имъ
339	1 снизу	станціи дѣлать	ситуацію дѣлать
342	21 >	по 1 коп. съ версты	по $\frac{1}{2}$ коп. съ версты
—	23 >	и 20%	и 40%

XV. О САРРЪ БЕРНАРЪ И ЕЯ РЕПЕРТУАРЪ НА МОСКОВСКОЙ СЦЕНЪ.—Евгеніи Туръ	32
XVI. ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.—смаго	47
XVII. ЗАМѢТКИ ПО ВНѢШНИМЪ ДѢЛАМЪ.—А. А. Майкова.	59
XVIII. ХРОНИКА ФРАНЦУЗСКОЙ ЖИЗНИ:	

Гг. Мирибель и Вейссъ.—Вопросъ о пересмотрѣ конституціи.—Виѣшнія дѣла.—Процессъ Рошфора.—Избраніе въ сенаторы майора Либр-дера.—Положеніе министерства.—Флоке префектъ Сены и Камескасъ префектъ полиціи.—Уличные беспорядки и митингъ въ Елузее Монтартре.—Перепись Парижа.—Финансовый погромъ.—Новыя книги: «Репидивисты», Жоржа Рейнаха, и «Ламенне и его ученіе», аббата Рикарв.—Обзоръ періодическихъ изданій.—Театры.—Выставка Верещагина.—Почажные пріюты.—Похороны Герольда.—W*** 82

XIX. ОБЪ ОСНОВАНІИ ВЪ МОСКВѢ ПРИЮТА ДЛЯ НЕИМУЩИХЪ ПРИСТАНИЩА ЛИЦЪ, ВЫХОДЯЩИХЪ ИЗЪ СТАРО-ЕКАТЕРИНИНСКАГО ОТДѢЛЕНІЯ БОЛЬНИЦЫ ДЛЯ ЧЕРНОРАБОЧИХЪ.	104
---	-----

Приложеніе: АМЕРИКАНСКІЕ ОЧЕРКИ Диккенса. Переводъ съ англійскаго. Гл. III—VII	33
--	----

О переѣвѣ адреса сообщается редакціи своевременно, не позже 20 числа каждаго мѣсяца, причеъ слѣдуетъ обозначить напечатанный на старомъ адресѣ номеръ.

При переходѣ городскихъ подписчиковъ въ иногородные доплачивается 1 р. 50 к.; изъ иногородныхъ въ городскіе—50 к., изъ городскихъ или иногородныхъ въ заграничныя—недостающее до цѣны, назначенной для иностранныхъ подписчиковъ.

Жалоба на неполученіе какой-либо книги журнала препровождается въ редакцію съ обозначеніемъ напечатаннаго на адресѣ номера и съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстной почтовой конторы въ томъ, что книга журнала дѣйствительно не была получена конторой. По распоряженію почтоваго вѣдомства, жалобы должны быть сообщаемы редакціи не позже полученія слѣдующей книги.

Редакціа открыта ежедневно отъ *двухъ* до *четыреъ* пополудни, кроъ воскресныхъ и праздничныхъ дней. Лица, представляющихъ рукописи, редакціа проситъ сдавать ихъ исключительно секретарю редакціи, который выдаетъ въ принятіи оныхъ установленныя квитанціи; въ противномъ случаѣ редакціа за сохранность рукописей не отвѣтствуетъ. Доставляемыя рукописи должны быть четко написаны, подписаны авторомъ и снабжены его адресомъ, а также указаніемъ размѣра желаемаго гонорара. При невыполненіи послѣдняго условія расчетъ производится редакціей по ея усмотрѣнію.

На прочтеніе редакціей поступившихъ къ ней рукописей полагается срокъ отъ *одного* до *трехъ мѣсяцевъ*, по истеченіи котораго рукописи, къ помѣщенію въ журналъ не принятыя, сохраняются редакціей въ продолженіи шести мѣсяцевъ, за исключеніемъ тѣхъ, размѣръ коихъ менѣе шести листовъ писчей бумаги; послѣднія храненію и возвращенію не подлежатъ.

Отсылка рукописей по почтѣ производится не иначе, какъ по предварительной уплатѣ редакціи почтоваго расхода деньгами или марками, причеъ отправку простыми письмами редакціа на себя не принимаетъ.

На всякаго рода запросы редакціа отвѣчаетъ только въ томъ случаѣ, если для этого приложена почтовая марка.

Принимаемыя для помѣщенія въ журналъ произведенія и статьи подлежатъ, въ случаѣ надобности, сокращенію и исправленію.

При этой книгѣ рассылаются всѣмъ подписчикамъ объявленіе объ изданіи въ 1882 году газеты *Земство* и журналовъ *Русская Мысль* и *Юридическій Вѣстникъ*.

„РУССКАЯ МЫСЛЬ“

НАУЧНЫЙ, ЛИТЕРАТУРНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛЪ

ВЫХОДЯЩІЙ ЕЖЕМЪСЯЧНО, БЕЗЪ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЙ ЦЕНЗУРЫ,

КНИГАМИ ОТЪ 25 ДО 35 ЛИСТОВЪ.

Условія подписки на 1882 годъ (третій годъ изданія):

	Годъ:	6 мѣсяцевъ:	3 мѣсяца:	1 книга:
Безъ доставки	15 р.	8 р. — к.	4 р. — к.	2 р. — к.
Съ доставкою въ Москвѣ	16 р.	8 р. 50 к.	4 р. 50 к.	} 2 р. 50 к.
Съ пересылк. въ др. гор.	17 р.	9 р. — к.	5 р. — к.	
За границу	19 р.	10 р. — к.	7 р. — к.	3 р. — к.

Годовымъ подписчикамъ, подписывающимся въ конторѣ журналъ, допускается слѣдующая разсрочка: при подпискѣ вносится 7, 6 или 5 руб., къ 1 апрѣля 5 руб. и къ 1 іюля остальные 5 руб.

КНИЖНЫЕ МАГАЗИНЫ ПОЛЬЗУЮТСЯ ОБЫЧНОЮ УСТУПКОЙ.

Подписка принимается: въ конторѣ журнала—въ Москвѣ, на Долгоруковской улицѣ, домъ № 42, въ отдѣленіи конторы—на Петровскѣ, въ домѣ Петровскихъ торговыхъ линій, при конторѣ объявленій Н. И. Печковской и въ магазинѣ типо-литографіи И. Н. Кушнера и К^о, на Никольской улицѣ, домъ Чижовыхъ.

Гг. иногородныхъ просятъ высылать деньги исключительно въ контору.

ЗА ПОДПИСКУ ВЪ ДРУГИХЪ МѢСТАХЪ РЕДАКЦІЯ НЕ ОТВѢЧАЕТЪ.

Контора открыта ежедневно отъ 10 часовъ утра до 5 часовъ дня.

Оставшіеся экземпляры *Русской Мысли* изданія 1881 года продаются по 15 руб., съ пересылкой по 17 руб., — изданія 1880 г.—по 8 руб., съ пересылкой по 10 руб. за годъ.

Редакторъ С. А. Юрьевъ.

Редакторъ-издатель В. М. Лавровъ.

RETURN TO the circulation desk of any
University of California Library
or to the
NORTHERN REGIONAL LIBRARY FACILITY
Bldg. 400, Richmond Field Station
University of California
Richmond, CA 94804-4698

ALL BOOKS MAY BE RECALLED AFTER 7 DAYS

- 2-month loans may be renewed by calling (510) 642-6753
- 1-year loans may be recharged by bringing books to NRLF
- Renewals and recharges may be made 4 days prior to due date.

DUE AS STAMPED BELOW

MAY 27 1997

12.000 (11/95)

LD 21A-60m-2,'67
(H241s10)476B

General Library
University of California
Berkeley